

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПИСЬМА
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII ВЕКА

ПИСЬМА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПИСЬМА
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
XVIII ВЕКА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

Ответственный редактор
Г. П. МАКОГОНЕНКО

Г. П. МАКОГОНЕНКО

**ПИСЬМА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII в.
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС**

1

Несомненно, специальное издание писем русских писателей XVIII в. привлечет внимание читателей. К сожалению, письма писателей такой далекой эпохи публикуются очень редко.

Письма русских писателей XIX столетия уже давно вызывают интерес не только исследователей, но и читателей. Письма Пушкина и Тургенева, Герцена, Белинского и Достоевского, Толстого и Чехова читаются с не меньшим увлечением, чем их художественные произведения. Не вымысел, не увлекательный сюжет, не художественные образы влекут к себе читателей в этих письмах, но драгоценные подробности жизни их авторов, их горести и радости, их мысли о жизни и искусстве, их нравственная и общественная позиция, их слог, богатый и выразительный язык. Письма раскрывают личность писателя во всей ее сложности, противоречивости и неповторимости.

Письма писателей XIX в. публикуются в собраниях их сочинений — полных и избранных, они сопровождаются обширными примечаниями, их, помимо комментаторов, изучают историки литературы.

Знает ли современный читатель письма писателей XVIII в.? В крайне ограниченных пределах. Многие из них, напечатанные в XIX в. в специальных изданиях, практически недоступны для широкого читателя. Полные или избранные собрания сочинений писателей XVIII в. издаются сейчас очень редко, а когда издаются, то, как правило, письма в них не включаются. Исключение составляют лишь избранные и полные собрания сочинений Ломоносова и Радищева, да двухтомные собрания сочинений Фонвизина и Капниста — в них письма напечатаны.

К сожалению, очень редко письма писателей XVIII в. являются объектом научного изучения, выяснения их роли в станов-

лении прозы и развитии литературного языка.¹ Традиционно они используются лишь как биографический источник. И происходит это вовсе не потому, что в распоряжении исследователей нет достаточного материала — в течение XIX в. в разных специальных изданиях довольно часто публиковались письма Ломоносова и Сумарокова, Хераскова и Новикова, Карамзина и Дмитриева, Державина и Радищева. Эта устойчивая недооценка писем русских писателей XVIII в. как историко-литературного явления должна быть решительно преодолена. Невозможно серьезно изучать литературу XVIII в., игнорируя письма.

Чем дальше от нас эпоха, в которой жили и работали писатели, тем больше ценность их писем. История свидетельствует, что люди XVIII в. любили писать письма, писали часто и подробно — родным, друзьям, официальным лицам. Эта же любовь к писанию писем отличала и писателей. К сожалению, до сих пор собрана и опубликована лишь незначительная часть писем. Многие, видимо, погибли. Но безусловно, что еще большое число писем до сих пор не разыскано.

Убедительным доказательством служит предлагаемый сборник. Группа по изучению русской литературы XVIII в. развернула поиск писательских писем, и он увенчался успехом. Собрано и подготовлено к печати более 200 писем, принадлежащих 13 писателям. Хронологически они представляют целое столетие — от 1730-х (письма Тредиаковского) до 1830-х гг. (письма Дмитриева). Каждое из публикуемых писем — комментировано. Для объяснения многих впервые сообщаемых фактов, неизвестных до сих пор событий и т. д. пришлось проделать большую разыскательскую работу, обращаясь не только к многочисленным печатным источникам, но и к архивам. Оттого комментарии к письмам имеют и самостоятельную научную ценность, они значительно обогащают наши знания о литературе XVIII и начала XIX в.

Данный сборник — первая попытка ознакомления широкой литературной общественности с письмами русских писателей XVIII в. Из сказанного выше ясно, что это не перепечатка лучших образцов эпистолярного жанра, хотя совершенно очевидна необходимость и такого издания. Своеобразие настоящего сборника

¹ Замечательным образцом научного издания и изучения писем иностранных писателей, извлеченных из ленинградских рукописных собраний, является книга «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков», вышедшая в издательстве АН СССР в 1960 г. под редакцией и с обстоятельной статьей академика М. П. Алексева.

Вопрос о необходимости и важности изучения писем писателей XVIII в., их роли в литературном процессе был поставлен еще в 1924 г. Ю. Н. Тыняновым в блестящей статье «Литературный факт» (см. кн.: Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. [Л.], 1929). В наше время изучением писем писателей XVIII в. занимается Р. М. Лазарчук (см., например, ее статью «Проза Радищева и традиция эпистолярного жанра» в кн.: XVIII век, сб. 12. А. И. Радищев и литература его времени. Л., 1977).

состоит в том, что в нем собраны впервые публикуемые письма (исключение сделано для Сумарокова — помимо новых писем, здесь собраны и все ранее напечатанные его письма, поскольку они помещались в специальных, малодоступных сегодня изданиях и почти никогда не комментировались). Естественно, состав сборника обусловлен находками. И в этом его ценность и особенность — не только потому, что в научный оборот вводится большое количество интереснейших писем, но и потому в первую очередь, что и в этом стихийно сложившемся собрании проявляются важнейшие закономерности развития эпистолярного жанра на протяжении целого столетия.

Каковы же эти письма, чем они интересны и ценны для читателей и историков литературы? Оценивать их, видимо, нужно не только по содержанию, но по той ведущей функции, той «работе», какую они выполняли как под влиянием традиции, так и под воздействием исторических обстоятельств.

Традиционная функция бытового письма — нести самую разнообразную информацию. В этом плане в письмах писателей XVIII в. с той же полнотой и разнообразием, как и в письмах писателей XIX столетия, сообщалось множество сведений о себе, своих семейных и творческих делах и заботах, о друзьях, о литературных событиях данного года или месяца. Удаленность эпохи, конечно, придает особую ценность сведениям, подчас уникальным, которые мы находим в письмах XVIII в.

Другая функция бытового писательского письма — литературная. В историей обусловленное время вступает в действие совокупность обстоятельств, которые закономерно определяют вторжение бытового письма в литературу, конкретно — в формирующуюся прозу. В этом случае письма некоторых писателей оказывались наделенными новой, чисто эстетической функцией. Оттого научное изучение писем писателей XVIII в. в их информационной и эстетической функциях является актуальной историко-литературной задачей.

2

Письма как бытовой документ тематически и в этом смысле, условно говоря, жанрово — не однотипны. В самом деле: существуют различия между дружеским письмом и письмом деловым, письмом родственникам и прошением в Сенат, письмами высокопоставленным лицам или адресованными на «высочайшее имя». Бытовая традиция определяет различие таких писем по содержанию, лексике, стилю.

В сборнике читатель найдет письма всех указанных типов. Значительное место занимают деловые официальные письма Тредиаковского, Сумарокова, Богдановича. Они содержат богатую информацию о служебной деятельности и творческой работе писателей, о круге их знакомых, о литературной и общественной жизни Петербурга и Москвы.

Письма Тредиаковского позволяют констатировать, что в 1740-е гг. его положение в Академии было прочным, он пользовался заслуженным авторитетом, к его мнению прислушивались другие академики. Во многом уточняется конфликт поэта с Вольтером. Интересные сведения сообщает поэт секретарю Академии И. Шумахеру о восприятии его перевода книги «Езда в остров любви». Обращаясь в Синод, Тредиаковский просит разрешения дополнить двадцатью стихами третью эпистолу поэмы «Феоптия». Письмо содержит эти стихи — до сих пор неизвестные и не вошедшие в современное издание поэмы.

Деловыми являются письма С. С. Боброва (первые известные письма этого поэта) издателю С. И. Селивановскому, из которых мы узнаем, что в конце жизни поэт собирался заняться переводом Оссиана.

Особое место в сборнике занимает обширная коллекция писем А. П. Сумарокова (116 номеров за тридцать лет — с 1747 по 1777 г.). Главная часть писем адресована И. И. Шувалову и Екатерине II. Здесь же есть отдельные письма Г. В. Козицкому, Г. А. Потемкину, Д. И. Фонвизину и другим лицам.

Письма Сумарокова рассказывают о его ожесточенной борьбе за утверждение русского театра, за создание условий для его успешного развития, за творческую свободу драматурга от вмешательства невежественных чиновников. Его письма — это и летопись деятельности театров Петербурга и Москвы, своеобразная литературно-театральная энциклопедия, сообщающая ценные сведения об актерах, суфлерах и «смотрителях» (зрителях), о практике обучения актеров и характере репетиций, о роли драматурга в подготовке спектакля, о цензуре пьес Сумарокова Академией и императрицей, об условиях и практике изданий сумароковских сочинений, об подготовке, издании и запрещении журнала «Трудолюбивая пчела» и о многом другом интересном, часто известном только из этих писем.

Важным дополнением к письмам являются обстоятельные комментарии к ним, подготовленные В. П. Степановым. Собранные в них фактические сведения не только помогают пониманию писем и поэзии Сумарокова, но и представляют ценный материал к еще не написанной биографии писателя.

Здесь нет нужды перечислять все интереснейшие факты биографии Сумарокова, сведения о русской литературной и театральной жизни за тридцать лет, которые содержатся в письмах — читатель сам познакомится с ними. Но на некоторые моменты творчества и судьбы Сумарокова в связи с публикуемыми письмами я бы хотел обратить внимание.

Прежде всего о принадлежности Сумарокову так называемого «Другого хора ко превратному свету». Напомню историю вопроса. В 1763 г. (28, 30 января и 1—2 февраля) во время коронационных торжеств, проводившихся в связи со вступлением на престол Екатерины II, на улицах Москвы был устроен публичный маска-

рад «Торжествующая Минерва». В программе многодневного спектакля важную роль играли сатирические «хоры», написанные Сумароковым. Организатором и режиссером-распорядителем маскарада был актер Федор Волков. В январе того же 1763 г. типография Московского университета (ее директором был М. М. Херасков) выпустила брошюру «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 г. января... дня».

Начиналась брошюра стихами к большому маскараду, написанными Херасковым, а после описания маскарада — своеобразного сценария праздника — было указано: «Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Последнюю часть брошюры составляли «хоры», о которых было сказано: «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения * * *». По неизвестным причинам имя автора хоров — Сумарокова — названо не было.

В числе «хоров» был резко сатирический, выражавший антирабовладельческие взгляды Сумарокова «Хор ко превратному свету». Он не был разрешен к исполнению, и потому его не напечатали в брошюре. Сумароков заменил его ироническим стихотворением — вариантом первой сатиры, но название сохранил — «Хор ко превратному свету». Эта редакция и была напечатана в брошюре. После смерти Сумарокова издатель его сочинений Н. И. Новиков в числе других «хоров» опубликовал и запрещенную сатиру под заглавием: «Другой хор ко превратному свету».

Так возник вопрос об авторстве этого «Другого хора». П. Н. Берков высказал мнение, что «Другой хор» был написан Ф. Волковым. Г. А. Гуковский, обстоятельно и решительно аргументируя свою позицию, доказывал, что сатиру эту написал Сумароков.² Вопрос остался открытым.

Я полагаю, что письмо Сумарокова от 3 мая 1764 г. позволяет укрепить аргументацию Гуковского и его доказательства о принадлежности «Другого хора» крупнейшему русскому поэту XVIII в.

П. Н. Берков, отрицая авторство Сумарокова, строил свои выводы на следующих двух заключениях. Первое: издавая сочинения Сумарокова, Новиков напечатал «Другой хор» с указанием, что он входил в состав «хоров к большому маскараду, бывшему в Москве в 1763 году». П. Н. Берков опровергает это заявление издателя: «На самом деле это не отвечает действительности. Как известно, маскарад 1763 г. имел печатное описание... Издание это является единственным документальным источником сведений о маскараде 1763 года и об исполнявшихся на нем хорах». Поскольку в этом печатном издании «Другого хора» нет, П. Н. Берков и делает заключение, что заявление Новикова не соответствует действительности. Но подобное заключение является недо-

² XVIII век. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1935.

разумением: Новиков утверждает, что «Другой хор» входил в состав хоров к большому маскараду, ссылаясь не на печатную брошюру, а на имевшиеся в его распоряжении рукописи хоров, в числе которых был и «Другой хор».

Второе заключение: автором «Другого хора» является Ф. Волков потому, что в печатной брошюре сказано — «Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Слово «изобретение» П. Н. Берков переводит на современный язык: «идея его» — маскарада.

Письмо Сумарокова Екатерине II как раз и вносит ясность в вопрос, чье было изобретение и чье распоряжение, кто был автором идеи, и кто ее реализовывал в театральном действии. Он писал о маскараде: «все прожекты умершего Федора Волкова не его, но мои, а что он мое имя умолчал, в том он несколько согрешил». Так уточнена формула брошюры — «Изобретение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Проект маскарада принадлежал Сумарокову. Согласно собственной идее маскарада поэт и писал хоры, а театральная постановка, распоряжение грандиозным представлением принадлежали Волкову.

Отсутствие серьезных биографических работ о Сумарокове привело к широкому распространению анекдотов о жизни поэта. Повторяемые на протяжении двух столетий анекдотические рассказы о неуживчивости Сумарокова, о его честолюбии и болезненном представлении о своих авторских заслугах извращали подлинный смысл его частых столкновений с властью имущими чиновниками.

Письма объективно раскрывают драматическую судьбу Сумарокова. Да, он был раздражительным и вспыльчивым человеком, но это раздражение вызывалось постоянными преследованиями со стороны властей, проявлялось оно в борьбе за русский театр, за национальный репертуар, в борьбе за права писателя.

К сожалению, и в сегодняшних книгах можно встретить все те же обвинения. Особенно в этом отношении «повезло» последним годам жизни Сумарокова в Москве. Пишут о его старческом маразме (Сумароков умер в 60 лет!), о пьяных похождениях, безобразных выходках. Действительные факты говорят о другом. Жестоко преследуемый властями, впавший в нищету, выселяемый с семьей за долги из собственного дома, тяжело больной Сумароков еще оказывался способным напряженно и много работать.

Требуют пояснения некоторые моменты его семейной жизни в 1777 г. Дело в том, что весной этого года умерла вторая жена поэта — его бывшая крепостная. А через несколько недель он женился в третий раз. Мать Сумарокова, выступавшая против этого брака от имени всех родственников, в своих жалобах называет сына «сумасшедшим». Эта жалоба и сегодня служит документом, якобы уличающим Сумарокова в сумасшествии.

Факты опровергают эту грязную сплетню. Все было сложнее

и трагичнее. После смерти жены на руках больного поэта осталось двое детей — дочка Настя и сын Павел. Чувствуя приближение смерти и заботясь о будущей судьбе детей, Сумароков предпринимает решительные меры и спешно женится, по словам матери, «на рабе своей девке Катерине». Теперь из писем Муравьева мы узнаем, что Екатерина Гавриловна была племянницей умершей жены Сумарокова. Поэт женился, чтобы обеспечить будущее своих детей. Вступление в третий брак требовало письменного разрешения епархиального управления. Неизвестно, каким путем Сумароков обошел это учреждение, но он был обвенчан без такого разрешения. Через несколько месяцев — 1 октября 1777 г. Сумароков умер, оставив детей-сирот на попечении женщины, которая благодаря его благородному поступку оставалась жить не рабой, а вдовой действительного статского советника.

3

Самым распространенным типом письма, несомненно, было частное письмо — переписка родственников. Так, уже давно известны письма Фонвизина к родителям и сестре — Федосье Ивановне. Теперь мы публикуем богатую коллекцию, состоящую из 68 писем молодого поэта М. Н. Муравьева своему отцу и сестре из Петербурга за период с июля 1777 г. по февраль 1778 г.

По своей форме письма отцу — это отчеты («ведомости», по характеристике самого Муравьева) любящего и послушного сына о выполнении поручений (главное в них — сообщения о том, как проходят хлопоты друзей отца о назначении его тверским вице-губернатором), о своих служебных и литературных делах. Начинаящий поэт устанавливает дружеские контакты с Херасковым, Новиковым, Хемницером, Львовым, Петровым, Веревкиным и многими другими столичными литераторами. Литературная жизнь столицы за 1777—1778 гг. еще никогда раньше так подробно не освещалась. Читатель найдет массу интереснейших и ценнейших сведений о взаимоотношениях писателей разных направлений, о деятельности Новикова-издателя, о выходявших в тот год переводах, о собственных опытах Муравьева, о подготовке к изданию журнала «Утренний свет» и роли в нем Хераскова, об организации подписки на журнал в провинции и о многом другом. Особенно хотелось бы обратить внимание на настойчивые подчеркивания Муравьевым писательского авторитета Николая Новикова. Сдружившись с прославленным издателем сатирических журналов «Трутень» и «Живописец», Муравьев получил возможность познакомиться с нравственными и эстетическими убеждениями этого человека, почувствовать внимание и заботу о себе известного литератора. Муравьев не сообщает подробностей их бесед, не передает новиковских рассказов о себе — он заменяет подробности заключениями, выводами. А они чрезвычайно ценны. Рассказывая о своих посещениях Новикова, о чтении ему своих произведений,

о его замечаниях, Муравьев сообщает итоговое свое впечатление: Новиков «хороший писатель», «честный человек», «он друг точности».

В нашей научной литературе до сих пор еще бытует представление (ничем не подтвержденное), что Новиков был только издателем, а не писателем. Более того — старые и молодые исследователи вообще не говорят о Новикове-писателе. Об этой проблеме вспоминают лишь при рассмотрении частного вопроса — кто был автором «Отрывка путешествия в * * *» («Живописец»). Но вспоминают только для того, чтобы отвести авторство Новикова на том основании, что «известно» — Новиков же был издателем, а не писателем. Об этом пишется с легкостью необыкновенной, пишется вопреки реальным фактам. В действительности Новиков был писателем и писателем популярным, писателем, которого ценили другие писатели — Дмитриев, Карамзин. Сейчас мы располагаем свидетельством Муравьева. Может быть, показания отлично осведомленного в литературных делах того времени писателя, современника и друга Новикова, заставят исследователей задуматься над своими субъективными суждениями?

Особого внимания заслуживает воссоздание в письмах Муравьева атмосферы литературного быта, литературной жизни петербургского общества. Мы узнаем о разнообразных и частых встречах литераторов, о чтении ими друг другу своих произведений (Муравьев читает Хераскову и Новикову, Львов — Муравьеву и т. д.), о декламации и исполнении отдельных сцен из драматических произведений во время дружеских обедов, об отношении литераторов к вельможам-меценатам, любителям литературы (Д. И. Фонвизин и Н. И. Панин, Ломоносов и И. И. Шувалов), о меценатах-литераторах: И. П. Елагине, А. Бибикове и т. д., сведения о П. В. Бакунине — богаче, правой руке Н. И. Панина (воспитатель наследника Павла, ведавший иностранными делами России).

П. В. Бакунин увлекался театром и потому устраивал у себя домашние спектакли, в которых принимали участие и его друзья-литераторы, и профессиональные актеры. На спектаклях собирались петербургские писатели; иногда эти спектакли приобретали характер общественных демонстраций. Таким, несомненно, было представление трагедии Я. Б. Княжнина «Дидона». Дело в том, что Княжнин находился в опале. В феврале 1773 г. он был приговорен к смертной казни через повешение, а до конфирмации приговора императрицей его, закованного в кандалы, держали под арестом. Заступничество графа К. Г. Разумовского спасло драматурга — приговор был отменен: Княжнина разжаловали в рядовые и лишили дворянства. Только в конце апреля 1777 г. ему вернули чин капитана. Княжнин отстоял свое решение остаться жить в столице.

А 8 февраля исполнением трагедии «Дидона» (с участием великого актера Ивана Дмитриевского) друзья Княжнина, любии-

тели литературы и театра, чествовали опального драматурга. Муравьев документирует это событие: «Я был вчера на представлении „Дидоны“ Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть превосходнейшего, нежели его тесть (Сумароков, — Г. М.). Дмитриевский играл Ярба. Какой это актер! ... Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани. После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь! В восемь лет, как он сочинил „Дидону“, видел он первое ее представление...».

Несомненный интерес читателей вызовут описания петербургских улиц, сообщения о бытовом укладе жителей столицы, о ценах на различные предметы, о спектаклях и маскарадах, о приемах посетителей новым фаворитом императрицы — Зоричем, сведения о различных происшествиях, например о наводнении, которое обрушилось на Петербург в ночь с 9 на 10 сентября 1777 г., и т. д.

Обратит внимание читатель и на первое в русской литературе описание зимнего солнечного дня в Петербурге: «Сегодня был прекрасный день, и я, идучи тихонько, не один раз останавливался, особливо на набережной, чтоб насладиться видом Невы и ее окрестностей: это еще первый мороз, но такой, что с жарким солнечным сиянием его почти и не слышно... Тонкий туман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах, стоял вокруг берегов. Мне было мило, что я петербургский гражданин...».

Письма Муравьева носят частный характер, но он ничего не пишет о своих сердечных делах, интимные темы исключены из них — и это естественно: письма обращены к отцу и сестре. К сожалению, мы не располагаем писательскими письмами подобного типа, хотя точно известно, что они были. Значение их трудно переоценить — ведь именно в них вырабатывался язык любви, язык высоких чувств.

В «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Фонвизин рассказал о своей любви к неизвестной нам замужней женщине. То была сильная и целомудренная страсть. Любящие берегли свои чувства и береглись друг друга, так как ее замужество было непреодолимым препятствием на пути к их счастью. Вот как описывает Фонвизин одно из последних свиданий: «Накануне моего отъезда, увидясь с нею наедине, открылся я ей в страсти моей искренно. „Ты едешь, — отвечала она мне, — и, бог знает, увидимся ли мы еще; я на тебя самого ссылаюсь, как я тебя убегала и как старалась скрыть от тебя истинное состояние сердца моего; но разлучение с тобою и неизвестность свидания, а паче всего сильная страсть моя к тебе не позволяют мне долее притворяться: я люблю тебя и вечно любить буду“. Я так почитал сию женщину, что признанием ее не смел и помыслить воспользоваться, но, условясь с нею о нашей переписке, про-

стился, оставя ее в прегорьких слезах».³ Где эта переписка? Весьма вероятно, так преданно любившая Фонвизина женщина берегла и хранила верные знаки его любви. В ту эпоху вообще любили и умели хранить письма.

Особую группу в сборнике составляют так называемые дружеские письма. Термин этот традиционно применяется к письмам литераторов конца XVIII—начала XIX в. (Жуковский, А. Тургенева, К. Батюшкова, П. Вяземского и др.), связанных между собой дружескими узами. Н. Л. Степанов, специально изучавший эти письма в их связи с литературой, опираясь на своих предшественников (Ю. Тынянов, Л. Гроссман), устанавливает следующие «основные черты дружеского письма»: «его ориентация на устную речь, пародийное использование поэтических и традиционно „высоких“ стилистических штампов, мозаичность конструкции, вбирающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, чередование прозы и стихов и т. п.».⁴

Собранные и публикуемые в настоящем сборнике письма поэтов-друзей отодвигают границу развития жанра дружеского письма назад на несколько десятилетий. Термин этот с тем же основанием может быть применен к письмам Львова Капнисту, Николева Хвостову, Н. Эмина Ю. Нелединскому-Мелецкому и, наконец, И. Дмитриева Ф. Глинке, В. Измайлову, В. Жуковскому, Н. Гнедичу и др.

Указанные Н. Л. Степановым «основные черты» дружеского письма, мне кажется, определены без учета того стиля, который сложился вообще в письмах писателей XVIII в. Справедливо, что дружеские письма отличает ориентация на устную речь, но ведь та же ориентация характерна и для деловых писем Сумарокова, Фонвизина, Новикова. А с другой стороны, эта особенность не является нормой для некоторых дружеских писем, например И. Дмитриева. Что касается мозаичности их конструкции, включающей в себя разнообразные тематические и стилистические пласты, то этот принцип определяет как деловые письма Сумарокова, так и частные Муравьева. Пародийное же использование поэтических и стилистических штампов явление не типовое, а индивидуальное, зависящее от личности автора письма. Сравнительное изучение дружеских писем и писем других типов позволяет сделать заключение, что отмеченные их «основные черты» не являются основными.

Главную особенность дружеских писательских писем, пожалуй, наиболее точно определил Николай Львов. Заканчивая послание Капнисту, он написал: «вот письмо очень литературное», т. е. посвященное литературным, творческим, взаимно интересным профессиональным делам. Эта «литературность» содержания оп-

³ Фонвизин Д. И. Собр. соч. в 2-х т., т. 2. М.—Л., 1959, с. 96—97.

⁴ Степанов Н. Поэты и прозаики. М., 1966, с. 73.

ределяла и стиль рассказа — естественность, простоту, деловитость тона, домашность и просторечность лексики, намеки на известные только автору и адресату события, поступки, словечки, шутки.

Письма вообще, в том числе и дружеские, лишены нормативности — их отличает тематическая и стилистическая свобода. И еще одна особенность — ясное ощущение пишущим своего адресата; отсюда индивидуальность тона и стиля письма — одно доверительно, другое шутливо, третье полуофициально — автор как бы держит адресата на нужной ему дистанции.

В этом отношении характерны письма И. И. Дмитриева. Несомненно их историко-литературная ценность — они воссоздают то, что мы меньше всего знаем, — литературную позицию поэта в 10-е, 20-е и 30-е гг. XIX в., его чуткость к литературным переменам и эстетическим новинкам, его широкие связи с литераторами и оценки отдельных произведений писателей нового века. Знакомимся мы и с авторскими признаниями о своих сочинениях, о своей работе, в частности о том, как продвигается написание воспоминаний о своей жизни. Узнаем мы и о библиофильских интересах Дмитриева, о его близких друзьях, о том кружке литераторов разных поколений, который собирался в гостеприимном московском доме оставного поэта. О характере общественных интересов Дмитриева в эти десятилетия повествуют прежде всего его письма к Федору Глинке.

Письма Дмитриева отличает стилистическая и тематическая строгость. Поэт сдержан в выражении своих мнений и эмоций. Ему чужда исповедальность. Он не стремится вообще к подробным описаниям и рассказам о своей жизни, ограничивается намеками на некоторые события и факты. Его рассказ о себе чаще всего касается служебных дел и литературных интересов — поэт, например, просит прислать какую-нибудь нужную книгу или журнал, в последующем письме благодарит за присланные книги. Он очень сдержанно высказывает свое мнение о литературных событиях, нередко оно окрашено иронией. Читая дружеские письма И. Дмитриева, все время чувствуешь, что их пишет лицо, облаченное в застегнутый на все пуговицы мундир. И в этом разительная индивидуальность его стиля — за каждым письмом, за каждой его фразой вы угадываете умного, осторожного, но доброжелательного человека, ироничного поэта, прозаика, умеющего выразить свою мысль точно и кратко и всегда с нужным оттенком — то чуть-чуть с улыбкой, то чуть-чуть официально, то доверительно.

Письма Дмитриева поражают своей краткостью. И эта краткость результат сознательной ориентации на лаконизм. В письме брату, сердечно благодаря за память о нем, радуясь его успехам, сообщая кое-что о себе, он как бы начинает жаловаться на судьбу: «я бедный, лучшую часть жизни провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий и не

имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами». Кажется, что автор наконец-то решился рассказать брату откровенно о себе, о своем будущем, но нет!.. Повествование на этой фразе резко и неожиданно обрывается. И этот обрыв мотивируется: «Но я дал себе слово не переносить письма на другую страницу; итак, прощайте...». Это было написано в 1799 г. Но своему слову Дмитриев остался верен до конца жизни — он не переносил рассказ на другую страницу. Таков был закон и особенность его стиля. В нем и раскрывалась личность Ивана Ивановича Дмитриева — человека, поэта, министра — на службе и в отставке.

Письма Львова Капнисту — это откровенно дружеский по тону, языку и содержанию разговор о литературных делах: он высказывает свое одобрение стихотворению друга «Ответ Рафаэла певцу Фелицы», в котором поэт иронически отослится к оде Державина «Изображение Фелицы» за неумеренные похвалы императрице; рассказывает о новостях «национальной литературы», высказывает свое мнение по поводу истории со стихотворением, посвященным Екатерине, «которое написал наш искренний приятель» (Державин) и не понравившимся императрице, вызвавшим ее недовольство. Львов осуждает Державина за «непослушание»: «я накануне ему предсказывал, что ему вымоют голову — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушай приятелей».

Четыре письма престарелого Николева к Д. Хвостову тоже носят «литературный» характер — в них идет речь о литературных делах, о дружеских связях, сообщаются новые стихи (эпиграммы на Наполеона), излагаются просьбы, высказывается благодарность за присланные книги. Особый интерес в этих письмах представляют факты, связанные с событиями Отечественной войны, взятием Москвы Наполеоном и народными бедствиями, вызванными французским нашествием.

Лексика «литературного» письма передает специфическую дружескую атмосферу общения двух поэтов; обстоятельства Отечественной войны обуславливают размышления о поэзии: «А между тем, так как богатая материя открылась ныне для поэтов российских, то уверен быв, что и ваш гений не остался в праздности, покорно прошу обогатить провинциальный наш Парнас сокровищем вашего Олимпа...». Иронична фраза о И. И. Дмитриеве — адресат поймет иронию, ибо знает, что в свое время Дмитриев высмеивал Николева-поэта в стихотворении «Гимн восторгу»: «министра правосудия и купно знаменитого члена российского Парнаса в Москве я видел: судя по голосу он немножко постарел; но как я слеп и время свидания за недосугами моими весьма было недлинно, то, может быть, я и ошибся... может быть, он и возъюнился?».

Особняком стоит письмо Николая Эмина Ю. Нелединскому-Меледкому. Литератор пишет поэту, есть потому в этом письме и литературная тематика. Но в сущности — это типично деловое

письмо — Эмиль просит Нелединского, попавшего в фавор к Павлу I, устроить его на выгодную службу. Своеобразие письма в том и состоит, что бедствующим чиновником, просящим покровительства у чиновника преуспевающего, является писатель, а благоденствующим чиновником — известный поэт. Оттого сугубо деловая просьба излагается разговорным литературным образом: «Я праздный смею просить у вас работы. Смею вас уверить, милостивый государь, что вы найдете во мне и готовность исполнять с точностью повеления ваши и рачение к трудам». «Сердце мое решительно избрало вас себе начальником и покровителем. Ум подтвердил сей выбор. Он говорил сердцу: ты, сердце, не дурак! Сердце отвечало уму: пу и ты, ум, не глуп!». Судя по дальнейшим событиям, такое дружеское письмо возымело действие. . .

4

Письма писателей XVIII в. — это, конечно, прежде всего бытовой документ, фиксирующий общение их авторов с различными людьми, и в этом смысле они в принципе тождественны письмам писателей XIX в. Но время накладывало на них свою печать. А это было время становления новой русской литературы и нового литературного языка. Исторические задачи, стоявшие перед писателями той эпохи, и определили особую литературную функцию их писем — в них вырабатывался язык прозы, складывался индивидуальный стиль.

Когда мы говорим об улучшении, упорядочении, образовании литературного языка в XVIII в., то опираемся прежде всего на материал литературы, которая была представлена в основном поэзией, различными поэтическими жанрами. Но должно учитывать и роль писательских писем в этом процессе. Важно при этом помнить, что литературные и эстетические законодатели — Сумароков и Ломоносов, — определяя пути и нормы развития поэтических жанров и литературного языка, учитывали и письма.

В «Эпистоле о русском языке» Сумароков счел нужным заговорить и о письме:

То, что постигнем мы, друг другу сообщаем
И в письмах то своим потомкам оставляем.

Должно помнить, что существовал литературный прозаический жанр письма. Сам Сумароков писал и печатал в «Трудолюбивой пчеле» такие письма, например «О истреблении чужих слов из русского языка», «О чтении романов» и др. По своему типу такие письма были статьями. Несомненно, когда в «Эпистоле о русском языке» (т. е. поэтическом письме) Сумароков говорил о письме, он имел в виду и этот жанр (статья). Но прежде всего он заботился именно о бытовом письме, и его рассуждения относятся прежде всего к нему. Не письмо-статья, а бытовое письмо, по

Сумарокову, удовлетворяет не только сиюминутную потребность в общении с нужными людьми, но оно запечатлевает свое время, характер постижения жизни людьми данной эпохи. Оттого объективно письма обращены как бы в два адреса — сегодняшнему дню и в будущее. Ведущая функция письма — нести информацию, передавать другим то, что «постигает» пишущий, — определяла и его форму и требование к языку:

Письмо, что грамоткой простой народ зовет,
С отсутствующими обычну речь ведет,
Быть должно без затей и кратко сочиненно,
Как просто говорим, так просто изъяснено.

Назвав письмо «грамоткой» по-народному, Сумароков уже открыто подчеркнул, что речь он ведет именно о бытовом документе. Не будучи литературным жанром, он отличается свободой от каких-либо правил — «грамотку» должно сочинять просто, «без затей». Главное же — в письме должно изъясняться «как просто говорим». Так открывалась возможность широкого использования в письме богатств живой речи, идиоматики русского языка, его выработанных веками гибкости, афористичности, лаконизма.

Ориентация на просторечие, на разговорный язык была через десять лет закреплена и Ломоносовым в его теории трех штилей. Он указал, что низким штилем должно писать и «в прозе — дружеские письма, описание обыкновенных дел».

Письма писали все, в том числе и грамотные люди из простого народа, которые называли их «грамотками». «Грамотки» русских писателей XVIII в. оказывались лабораторией, в которой складывался новый слог, осваивались богатства живой разговорной русской речи. В «грамотках» шел многогранный, трудный, постоянный поиск возможностей языка выразить новый уровень культурного бытия людей XVIII в., все новые понятия идеологической, гражданской, общественной жизни, свободно изъяснять события, происшествия и мира обыкновенного, «низкого» быта и высокие мысли об искусстве, театре, истории, политике, обязанностях человека и гражданина.

К этому прибавлялась обусловленная временем задача изображения внутреннего мира личности. Именно в письмах писателей раньше всего и полнее всего получила свое воплощение тема личности. В «грамотках» и осуществлялось создание такого поэтического языка, который бы обладал способностью запечатлеть «тайное тайных» сердечной жизни человека, его сложный мир страстей, его интерес к самопознанию. Выполнять эту задачу было очень трудно — на протяжении десятилетий шли напряженные поиски нужных слов, обнаружение их драгоценных оттенков, вырабатывались фразеология, сам стиль рассказа. Вот почему письма во вторую половину XVIII в. имели такое большое значение для развития литературы — то, что находилось, открывалось

в письмах, закреплялось в художественной практике писателя. Часто бессознательно писатель осваивал собственный опыт, накопленный в бытовом документе, отличавшемся такой эстетической свободой, которая с годами все более увлекала писателей.

Письма русских писателей XVIII в. представляют благодарный материал для воссоздания динамической картины развития прозаического литературного языка на протяжении столетия. Первые страницы этой ненаписанной истории должны быть отведены Кантемиру. Уже Белинский указывал, что стихотворные, а также прозаические труды Кантемира важны «еще и как первый памятник тяжелой борьбы умного, ученого и даровитого писателя с трудностями языка не только неразработанного, но и не тронутого, подобно полю, которое кроме диких самородных трав, ничего не произращало. Перо Кантемира было первым плугом, который прошел по этому полю... Честь усилия — найти на русском языке выражение для идей, понятий и предметов совершенно новой сферы — сферы европейской, принадлежит прямее всех Кантемиру».⁵

Тяжелая борьба талантливого писателя с трудностями языка с еще большей наглядностью проявляется в его письмах — напечатанных и еще не опубликованных (например, письма Бирону из Лондона и Парижа). Ту же картину мы наблюдаем и в письмах Тредиаковского, что свидетельствует об исторических причинах этого явления. Важные для поэта мысли излагаются с трудом оттого, что ему чужда эстетическая свобода и он считает себя обязанным строить официальное письмо по канонам прошлого периода истории языка, следовать традиционным стилистическим формам письма. Ту же архаичность языка и стиля мы наблюдаем и в случаях, когда поэту приходилось излагать практические деловые просьбы.

Первый качественный скачок в развитии прозаического языка мы наблюдаем в письмах Ломоносова и Сумарокова. Это несомненно объясняется еще и тем, что оба поэта отлично знали русский язык, выступали как теоретики и законодатели норм развития и упорядочения нового литературного языка.

Оттого что долгое время господствующим началом в литературе была поэзия, процесс развития прозы и выработки слога в прозаических жанрах проходил и с большими трудностями и растянулся на многие десятилетия. В 1822 г. Пушкин констатировал: «Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны».⁶ Пушкинское наблюдение применимо и к письмам русских писателей XVIII в. Здесь очень наглядно проявля-

⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 631.

⁶ Пушкин, т. 7, с. 31.

ется тенденция обращения к чужому — французскому — языку, чьи уже развитые формы для выражения понятий обыкновенных было использовать легче и удобнее, чем создавать новые.

Но все же главное в этих письмах не «леность», а упорная, настойчивая, многолетняя работа по преодолению трудностей языка необработанного, создание нужных оборотов как для изъяснения понятий обыкновенных, так и понятий сложных — из сферы идейной и нравственной жизни человека.

В этой связи должно отметить важную роль писем Сумарокова, к сожалению, не изученных и с этой стороны. Сумароков одновременно с Ломоносовым выступал против той опасной моды, которая утвердилась в петровское время, когда без всякой нужды вводили в оборот немецкие, голландские, французские слова. Эта мода наносила вред разговорному и литературному языку, ибо приводила к его искажению. Сумароков не только в своих поэтических произведениях боролся с этим искажением, с этой модой — он выступил с рядом статей, таких, например, как «О истреблении чужих слов из русского языка», «О коренных словах русского языка» и др. Теоретические убеждения Сумарокова определяли и его позицию в письмах.

Их главная стихия — живой разговорный русский язык. Дело сводится не только к свободному использованию просторечных слов и выражений — Сумароков осваивает все богатства разговорного языка: его гибкость, идиоматичность, афористически четкие обороты, красочные определения. Отсюда естественное и частое включение в письма поговорок, пословиц, острых выражений. Пишет, к примеру, Сумароков письмо Екатерине II, в котором жалуется на гонения, просит защиты. И тут же объясняет, что если не дождется он праведного суда, то будет вконец разорен: «должен я, — и по казенным и партикулярным обязательствам, и разориться, и обесчеститься, и потерять кредит; и наконец, небольшое мое имение должно будет конфисковано быть, а я, претерпевая во всю жизнь мою бедность, на конец жизни моей пойду по миру, складывая стихи Алексею человеку божию, и буду таскаться, как голодная собака по рынку».

О денежных делах, о бедности, прошения о выдаче причитающихся, но задерживаемых властями денег, о необеспеченной старости писали многие, например Третьяковский или Херасков, но писали языком витиеватым, сложным, ориентированным на канцелярские нормы-штампы. Сумароков, описывая свое бедственное положение, настойчиво повторял из письма в письмо только просторечное выражение — «должен пойти по миру».

В 1820-е гг. Пушкин упрекал писателей, которые «почитают за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные», в частности приводил пример: «читаю отчет какого-нибудь любителя театра: „сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол...“ боже мой! да поставь: эта молодая хорошая ак-

триса»⁷ Сумароков не почитал за низость объяснять вещи обыкновенные, происходившие в московском театре: «Остались одни сутки перед представлением „Синава“ и комедии. Актриса на репетиции ехать не может, ибо она пьяна, а на другой день с похмелья». Правда — это письмо, а не отчет, напечатанный в журнале, по нельзя забывать, что это письмо адресовано Екатерине II!

Особенно характерна свобода изъяснений Сумароковым творческих, эстетических вопросов просторечными словами и оборотами. Зять поэта обвиняет его в написании пасквилей. Сумароков дает объяснение императрице: «Шествую я по стопам Ювенала, Депрео и Молиера; имею ли я нужду в пасквилях? Сатира и комедия лучше бы мне праведное учинили отмщение к пользе публики, нежели пасквиль. Может ли человек, снабженный оружием, ухватиться во время защищения за заржавленное шило, а знатный стихотворец вместо сатиры и комедии — за пасквиль?».

Для успешной работы московского театра нужна привилегия. Сумароков добивался ее — ему отказывали, говоря, что «де театр не фабрика»; в своей жалобе он горячо заявляет — «Фабрика театр, но еще и самая полезнейшая». Все время доказывая важную роль театра, в частности в Москве, в исправлении нравов, он писал: «А какова здешняя публика, это уходит от изображения самого Аполлона, ибо все улицы в Москве невежеством вымощены толщиною аршина на три». Самодур Салтыков, московский главнокомандующий, требовал исполнения сумароковских трагедий без достаточной репетиционной работы. Драматург протестовал, в частности заявлял, что сейчас он пишет новую трагедию — «Дмитрий Самозванец», а при подобных условиях в театре, пожалуй, не станет ее дописывать, ибо, «посея ананас, снял бы репу со гряды».

Важнейшая особенность стиля писем Сумарокова — лаконизм рассказа. Лаконизм этот является практической реализацией теоретических взглядов писателя, сформулированных, в частности, в статье «Об остроумном слове». «Многоречие свойственно человеческому скудоумию. Все те речи и письма, в которых больше слов, нежели мыслей, показывают человека тупова. Быстрота разума слов берет по размеру мыслей и не имеет в словах ни излишества, ни недостатка. Сие толкование сколько до разговоров, столько и до письменных сочинений касается».⁸

Общезвестно, что Пушкин считал точность и краткость главными достоинствами прозы. Убеждение Сумарокова, что не многоречие, а лаконизм должны отличать прозу, как бы намечает начало важной русской традиции в новой литературе. Об этой особенности писал Чернышевский: «Особенно нам, русским, должна быть близка и драгоценна сжатость. Не знаем, свойство ли это

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Трудолюбивая пчела, 1759, июнь, с. 373.

русского ума, как готовы думать многие, или, скорее, просто следствие местных обстоятельств, но все прозаические, даже повествовательные произведения наших гениальных писателей... отличаются сжатостью своего внешнего объема».

Знаменательно и то, что сжатость, краткость Сумароков связывает с понятием художественности как выражение остроумия. «Остроте разума человеческого свойственно скорое проникание, точное воображение и краткое изъяснение: от сих свойств рождаются остроумные слова, которые разрешают самым легким образом разные предложения». И лаконичный вывод: «острота разума обширных изъяснений не терпит». Ту же мысль сформулирует Чернышевский: «Сжатость — первое условие эстетической цены произведения».⁹

Эстетическая функция писем Сумарокова, обусловленная временем их написания, проявляется прежде всего в обработке языка, в создании необходимых оборотов, в упорядочении слога складывающейся русской прозы. При этом между его письмами и художественным творчеством существовала естественная связь, происходила языковая диффузия. Вот почему изучение языка писем в сравнении с языком басен и комедий, несомненно, принесло бы интересные результаты.

Ту же эстетическую функцию выполняли и письма М. Н. Муравьева. Только уже накопленный литературой опыт и новые задачи, выдвинутые временем, определили иной характер обработки языка молодым писателем.

Письма Муравьева из Петербурга делятся на две части — первая адресована отцу и содержит обширную деловую информацию; вторая обращена к сестре. Это своеобразный дневник, фиксирующий переживания и размышления Муравьева, его литературные интересы, его дружеские чувства к любимой сестре. Именно «чувствия», как выражается Муравьев, есть главный предмет его письменных сообщений сестре, а иногда и родителю: «Сколько бы желал я поговорить с вами к удовольствию моего сердца, чтобы чувства его ничего не потеряли в изъяснении». При таком задании Муравьев признается, что он «не имеет еще установившегося слога в языке», оттого не может изъяснять свои «чувствия» так, как, например, это делает Мармонтель в только что вышедшем романе «Инки», который он успел прочесть в Петербурге. Молодой писатель жалеет, что «не имеет нежной и сладостной кисти сочинителя „Инков“».

Муравьев и стремится выработать собственный слог, который бы обладал возможностью «изъяснять чувства», хотя это «очень трудно», ибо чувство не однозначно, сложно и должно помнить всегда, сколько «нежны его краски». Переписка с сестрой помогала преодолению этих трудностей. Он и ее призывал: «Напиши мне, кистию природы и невинности, картину дружбы». И сам он

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 466.

стремился рисовать картину дружбы кистью «природы и невинности». Оттого слог Муравьева своеобразно экспериментальный — он запечатлел поиски нужных слов, оборотов, которые бы точно и с оттенками передавали разные эмоциональные состояния пишущего, — и когда он шутит, и когда говорит серьезно, и когда печально размышляет о своей жизни. Так, он, например, иронически сообщает: «Я пишу в сумерки; так и слог мой сумрачен, не прогневайся».

Нередко, когда в письмах идут строки, «исполненные чувствия», — автор, испытывая недостаток в нужных русских словах, переходит на французский язык: «Сколько ж должен я тебе за прекрасное письмо, которым провождала свой подарок. Оно так справедливо мыслено, что *cela fait plaisir* (доставляет удовольствие). Ты, право, рассказываешь, как книга». В другом случае Муравьев выражает удовольствие, что сестра, следуя его советам, читает рекомендованные им книги, высказывает свое мнение о прочитанном: «Как приятна мне твоя *analyse* романа, счастливого романа, который тебя умел тронуть».

Слово «трогать» еще пятнадцать-двадцать лет тому назад употреблялось только для обозначения физического действия в смысле — прикоснуться к чему-то. Но затем стало входить под влиянием французского языка второе значение — переносное — вызывать чувства, волнение, переживания. В данном случае Муравьев уже следует сложившейся традиции. Но выразить порусски впечатление сестры от прочитанного ею романа, ее разбор книги Муравьев не мог, не было такого термина — анализ — и потому он заимствует французское слово. Его русский эквивалент — «рассмотрение», «критика» — не казался правомочным выражением мысли автора. Подобное использование французских слов-терминов — характерное явление в развитии русского литературного языка XVIII в. При этом многие слова не прижились, но многие прочно и закономерно вошли в словарный состав русского языка, способствуя его обогащению. Так, вошел и термин «анализ», который уже в XIX в. воспринимался как русский.

Заслуживает внимания и использование Муравьевым просторечных слов и выражений. Требование Сумарокова писать «граммотки» разговорным языком плодотворно и успешно выполнялось начинающим писателем. Каждый, кто прочтет письма Муравьева, убедится в этом. Мне же представляется необходимым обратить внимание на явление, характерное именно для Муравьева. Он, в частности, стремился найти русский вариант общеупотребительных словесных форм французского языка.

Муравьев пишет сестре доверительно, интимно и потому стремится, чтобы слог его был индивидуальным. Он ищет путей для осуществления своего намерения и, например, просит сестру: «Напиши ко мне...». Но эта просьба лишена индивидуального начала — слово «напиши» нейтрально. Муравьеву же хотелось найти такое слово, которое бы выражало его отношение к сестре.

Потому он уточняет свою мысль: «Напиши ко мне, намарай». Так ворвалось в текст письма просторечное слово, которое он тут же застраховал французским: «Напиши ко мне, намарай, nagriffonne какое-нибудь прекрасное письмо...». Nagriffonne значит — «на-царапай» — и это по-французски — литературная норма. Использовать это слово в русском переводе Муравьев не осмелился. Ему показалось более оправданным для домашнего обращения применить просторечное «намарай».

В письмах сестре, посвященных чувствам, Муравьев часто прибегает к французскому языку. Но интерес представляют многочисленные попытки найти форму передачи по-русски одного из оттенков французского слова или выражения. В этой связи следует упомянуть о предпринятом группой «ученых людей» издании французско-русского словаря. В журнале «Санкт-Петербургский вестник» сообщалось, что «Общество ученых людей соединенными силами старается ныне издать французско-российский полный и исправный словарь, какового мы еще поныне не имели».¹⁰

«Ученые люди» (есть основания предполагать, что среди них был и Д. Фонвизин) переводили последнее издание словаря французской Академии. У русского издания была важная особенность — переводчики не просто переводили все французские слова лексикона, но, как подчеркивает журнал, «и к ним приобщили все фразы, кои им показались нужными для изъяснения различных оттениваний смысла и для означения разных образов, которыми сии слова на российский язык могли быть переведены».

Приобщение переводчиками фраз для изъяснения различных оттенков смысла несомненно было продиктовано временем, когда остро осознавалась необходимость обогащения русского литературного языка уже сложившимися во французском языке оборотами для выражения новых понятий.

Письма Фонвизина сестре и П. И. Панину этой же поры свидетельствовали непосредственную практику такого обогащения именно за счет «изъяснения различных оттениваний смысла». Аналогичные опыты мы наблюдаем и в письмах Муравьева. Приведу один любопытный пример. В письме сестре, характеризуя роман Мармонтеля «Инки», он объясняет его историческую основу: «Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства (царства инков в Перу, — Г. М.) испанцами под предводительством Пиззарра. Главные черты почерпнуты в истории; подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собой ведет...». И тут Муравьев столкнулся с французским термином — «фанатизм», использованным Мармонтелем, но который не нес для русского человека нужной информации. Термин «фанатизм» принадлежал именно к той группе слов и понятий европейской сферы, которым, по мысли Белинского, и должно было найти со-

¹⁰ Санкт-Петербургский вестник, 1778, февр., с. 142.

ответствующие выражения в русском языке. И Муравьев находит, правда, обращаясь к опыту своих предшественников, в данном случае — к практике Тредиаковского-переводчика. Фраза получает естественное завершение: «он хотел представить картину... всех бедствий, которые за собой ведет *святобесие*, так переводит fanatisme г. Тредиаковский».

Перевод Тредиаковского — образчик русского «оттенивания» французских слов. «Святобесие» — остро, точно и по-русски выразительно вскрывает основной смысл термина «фанатизм». В последующем переводе, предложенный Тредиаковским, не вошел в русский язык — он принял французское слово, но смысл его прочно обусловлен именно содержанием, предложенным Тредиаковским, — святобесие.

Занимаясь выработкой собственного слога, Муравьев не только часто включал в письма французские слова, но и найденные возможные их оттенки на русском языке, свободно использовал просторечие, употреблял своеобразные неологизмы — «я был обволхован», «обнадевшись на сержанта» и т. д. Зафиксировано в письмах и устойчивое употребление слова «здравствуй» в его прямом, а не переносном значении (как приветствия). Письма отцу Муравьев постоянно заключал: «Прощайте, будьте здоровы. Матушка Татьяна Петровна, здравствуй».

5

Важное место в сложной, изменчивой, постоянно обновляемой системе жанров европейской литературы занимают письма. Историческим рубежом, определившим их роль в литературе нового времени, является эпоха Возрождения. И это естественно — именно тогда «родилась идея человека, существа индивидуального, отдельного от народа, любопытного без отгоспожений, в самом себе...».¹¹ Возрождение, открыв в человеке нравственно неповторимую, духовно богатую личность, объявило ее высшей ценностью мира. И мерой всех явлений и вещей.

Письма стали программным идеологическим документом эпохи — в них раскрывалась и самоутверждалась личность, пишущий письмо размышлял о мире и о себе; фиксирование раздумий и эмоций, анализ своих поступков и поведения окружающих людей, обдумывание планов будущих работ, путешествий, написания книг или картин — стало насущной потребностью людей той эпохи. Письмо оказалось емкой, нужной и наиболее полно отвечающей новым задачам литературной формой. Так реальные исторические обстоятельства обусловили превращение бытового письма в литературный факт — письмо вторглось в литературу и заняло в ней прочное место.

В европейской литературе XVIII в. — века Просвещения, nasledовавшего и развивавшего гуманизм Возрождения, — с новой

¹¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1953, с. 265.

силой вспыхнул интерес к письмам, стал развиваться жанр романа в письмах. Вслед за «Памелой» Ричардсона появилось много подобных романов. Самым крупным художественным достижением в жанре романа в письмах явилась «Новая Элоиза» Руссо (1762). Письма стали любимым жанром нового направления — сентиментализма.

Но художественный потенциал жанра письма значительно шире и богаче представлений о нем, закрепленных в практике сентименталистов. Литературному жанру письма свойственно выражать и поэтически закреплять не только интимные чувства личности, но и гражданские эмоции, философские и политические взгляды и убеждения писателя. Сохраняя личностное начало, литературные письма могут быть вдохновляемы публицистическим, сатирическим или философским пафосом. Таковы «Персидские письма» Монтескье, публицистические письма Вольтера и др. В XVIII в. родился жанр письма-газеты. Наиболее крупным явлением подобного типа стала со второй половины века европейски известная «Correspondance littéraire, philosophique et critique» Гримма.

Несомненно, литературный жанр писем учитывался русскими писателями, они использовали его различные формы в своем творчестве. Кантемир, близко знавший Монтескье, перевел его «Персидские письма» (к сожалению, перевод до нас не дошел), сам написал теоретическое сочинение «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», лирическое обращение «Письмо к стихам моим», которое сам Кантемир именует подражанием Горацию. Письма-статьи писал Сумароков, стихотворное «Письмо о пользе стекла», обращенное к И. И. Шувалову, сочинил Ломоносов. Учитывали этот литературный опыт и писатели-сентименталисты, и Карамзин в частности. Его «Письма русского путешественника» выросли на прочном фундаменте европейской литературы, а не из дружеской переписки.

Но одновременно в каждой национальной литературе шел свой, обусловленный конкретно-историческими обстоятельствами процесс такого развития бытового письма, который подготавливал его качественное изменение и делал неизбежным и необходимым вторжение его в литературу. Закономерно потому возникает вопрос — когда и почему бытовое письмо в России становится литературным фактом? Вопрос этот поставлен давно, но ответа, теоретически обоснованного, в нашей литературе не найти.

До сих пор имеется по существу единственное объяснение этого процесса, данное Ю. Тыняновым. Согласно концепции ученого, сама возможность превращения письма из бытового документа в литературный факт определена сентиментализмом. Оттого хронологически это явление относится к эпохе Карамзина. В литературе, пишет Ю. Тынянов, происходит «разрушение грандиозной лирики», «по противоположности ораторскому слову особое значение приобретает романс, песня». На смену оде приходит

«малая форма, малая эмоция, на смену аллегориям идет психологизм». В годы культивирования «малых жанров» и «малых эмоций» и проявляется интерес к письмам.

В письме, читаем мы в работе Ю. Тынянова, «были найдены самые податливые, самые легкие и нужные явления, выдвигавшие новые принципы конструкции с необычайной силой: недоговоренность, фрагментарность, намеки, „домашняя“ малая форма письма мотивировали ввод мелочей и стилистических приемов, противоположных „грандиозным“ приемам XVIII века. Этот нужный материал стоял вне литературы, в быту. И из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы. Письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к „Письмам русского путешественника“, где путевые письма стали жанром».¹²

Несомненно, концепция Ю. Тынянова, получившая одобрение крупнейших специалистов, обусловлена определенными историко-литературными явлениями. Действительно, Карамзин прокладывал дорогу русским сентименталистам, своим последователям в использовании и малых жанров и писем, а в первые десятилетия XIX столетия станет быстро развиваться переписка литераторов определенного направления, расцветет так называемый жанр дружеского письма.

Но начинать историю превращения в русской литературе бытового письма в литературное явление с Карамзина вряд ли возможно — ведь факты решительно противоречат этому. Да и литературу XVIII в. нельзя свести к «грандиозной лирике»; не было и единых «грандиозных приемов» XVIII в., не в 1790-е (время деятельности Карамзина), а в 1760—1770-е гг. началось «разрушение грандиозной лирики» 1740—1750-х гг. и стали бурно развиваться «малые жанры», песни и романсы, выходили песенники, печатавшие не только песни и романсы с «малыми эмоциями», но и военно-патриотические песни, открыто противостоявшие одам, утверждалась проза — сатирическая и повествовательная, которая широко использовала и бытовой материал и вводила «домашние» мелочи, изображала и любовные взаимоотношения стилистическими средствами, чуждыми «грандиозным приемам XVIII века». Каков был уровень мастерства писателей в изображении будничной, обыкновенной жизни обыкновенных людей свидетельствует, например, комедия «Бригадир», написанная в 1769 г.

Узвем и главный тезис — будто Карамзин нашел в письмах «новые принципы конструкции» — «недоговоренность, фрагментарность, намеки, домашнюю малую форму». Они-то, эти конструкции и характеризуют, по Тынянову, «Письма русского путешественника». Не буду говорить о том, что многим западноевропейским и русским бытовым письмам, «поднявшимся в самый

¹² Тынянов Ю. Архаисты и новаторы, с. 24.

центр литературы», чужды эти конструкции, что им свойственны широта освещения социальной действительности, острая публицистичность, гражданское и сатирическое отношение к описываемым явлениям. Обращу внимание лишь на невозможность приписывания «Письмам русского путешественника» этих пресловутых «новых конструкций» — каждый, кто читал «Письма», знает, что нет там «недоговоренности», фрагментарности, домашней малой формы. Общеизвестна огромная содержательность карамзинских «Писем», обстоятельность и точность сообщаемых писателем сведений о Швейцарии, Франции и Англии — общественном устройстве, социальной структуре этих государств, об истории и характере их культуры, литературы и философской мысли, об условиях жизни населения и о деятельности, творчестве европейски известных писателей и ученых, об английском парламенте и вечеринках швейцарских крестьян, о тюрьмах и поведении прусских офицеров и т. д., и т. п.

Именно это стремление к энциклопедичности, обстоятельности и точности, с одной стороны, и откровенное нежелание писателя ограничиваться лишь фиксацией своих личных переживаний во время путешествия — с другой, объясняет использование им многих специальных книг о посещаемых странах, откуда он свободно черпал нужный ему материал. Оттого «принципы конструкции» «Писем русского путешественника» Карамзина самым органическим образом связаны с европейской литературной традицией: с книгами Стерна («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии»), Дюпати («Письма из Италии»), К. Ф. Морица («Путешествие немца в Англию»), Мерсье («Картина Парижа») и т. д.

Противоречит реальной истории русской литературы XVIII в. и указанное Ю. Тыняновым время вхождения бытового письма в литературу — это произошло не в 1790-е, а в 1770-е гг., когда Д. И. Фонвизин результаты своего заграничного путешествия запечатлел в «Письмах из Франции». Они адресовались П. И. Панину, но сознательно строились как литературное произведение. Фонвизин, а не Карамзин сделал путевые письма литературным жанром. Я указываю в данном случае на Фонвизина как на пример уже давно известный. Еще Белинский сопоставлял «Письма из Франции» с «Письмами русского путешественника».

Новые материалы, в частности публикуемые в настоящем сборнике письма, позволяя с еще большим основанием датировать этот процесс 1760—1770-ми гг. и, главное, иначе, историчнее объяснить его теоретические основы, которые помогают понять закономерность превращения бытового письма в литературное явление в пору, когда начала складываться русская проза, определив в значительной степени особенности и своеобразие ее первого этапа.

В статье «Фонвизин» Г. А. Гуковский выдвинул иные критерии оценки условий, при которых возможно вторжение бытового

письма в литературу: а) его литературная обработка, б) расчет не на одного адресата, а на некоторый круг читателей.¹³ Критерии эти справедливы, их обязательно надо учитывать, внося в их понимание некоторые уточнения.

И все же не они определили в конечном счете качественный скачок в эволюции бытового документа. Этому способствовали те громадные общественные и культурные преобразования, которые происходили в Петровскую эпоху. Они-то и обусловили в конечном счете популярность писем, широкое их распространение, пугду в переписке, в письменном общении людей. Эти преобразования подготавливались всем ходом развития России по пути европеизации, все большего ее участия в своеобразном, определенном русскими условиями общеевропейском движении Возрождения и Просвещения.

В значительной мере идеологическую жизнь России в XVIII в. характеризует формирование Просвещения, которое утверждалось в сложную эпоху, когда в условиях нарастающей борьбы крестьянства с крепостным правом, превратившимся в действительности в рабство, шел интенсивный процесс овладения гуманизмом европейского Возрождения и самостоятельного решения важнейших его проблем и проблемы личности прежде всего.

Русским людям уже в петровское время, как и людям западного Возрождения, было присуще гордое осознание себя активными участниками небывалых по масштабу перемен и преобразований страны, понимание, что они являются творцами новой судьбы своего отечества, или, как тогда говорили, «великого метаморфозиса, или Превращения России».

В чем же существо этого «метаморфозиса»? Россия как государство вышла на международную арену, заняла место в ряду крупных мировых держав, русская нация, мощно проявив свою творческую энергию во всех областях жизни страны — экономической, культурной, военной, — неслыханными темпами ликвидировала многовековую отсталость, открыв новую эру своей истории. Ускоренный путь ликвидации отсталости, осуществляемый властью, породил практику нарушения в некоторых случаях традиционной сословной оценки человека. Жестоко ломая сопротивление дворянства и родовой аристократии, Петр оказался вынужденным выдвигать на разные должности простых людей, зарекомендовавших себя личными способностями. В реальной практике, в живом обиходе мерой оценки человека, его достоинств, его значимости и его возможностей нередко становились талант, сметливость, способности, энергия, знания, работоспособность, ловкость, смелость, решительность в выполнении сложных заданий.

Так порой парадоксально, противоречиво и помимо воли самодержцев и господствующего дворянского класса утверждалась в России, занятой преобразованиями, в государстве крепостниче-

¹³ История русской литературы, т. 4. М.—Л., 1947, с. 152—200.

ском идея личности, формировалась философия внесловной оценки человека.¹⁴

Именно эта особенность идеологии эпохи крепостной России определила характер и отличительные черты складывавшейся новой литературы, идейные и эстетические позиции Ломоносова и Державина, Фонвизина и Новикова, Княжнина и Радищева, Карамзина и Дмитриева прежде всего. Оттого-то литературное развитие века и отличалось противоречивостью и парадоксальностью многих явлений. Почти параллельно проходит быстрое становление классицизма, его расцвет и нарастающее недовольство нормативной эстетикой. Одическое творчество Ломоносова демонстрирует отступление от установленных правил жанра, последователь Сумарокова Херасков начинает уже на глазах учителя проявлять интерес к сентиментализму. Одновременно с работой над эпической поэмой «Россияда» Херасков в 1770-е гг. культивирует «малые жанры», проявляя интерес к внутреннему миру личности. Молодой поэт Муравьев начинает как классицист и в то же время в своих письмах 1770-х гг. вырабатывает основы сентиментальной эстетики, выступает зачинателем нового направления.

Конец 1760-х и начало 1770-х гг. знаменуются интенсивным развитием прозы — сатирической и повествовательной, и все ее жанры — и путешествия, и письма, и романы — открыто противостояли поэтическому кодексу Сумарокова, в них торжествовал принцип эстетической свободы писателя от сковывавших его творчество правил.

В пору формирования новой литературы, проходившего в атмосфере все более торжествовавших возрожденческих и просветительских идеалов, и получило развитие письмо как бытовой документ. Письмо становилось потребностью людей, из года в год росла нужда не столько в обмене информацией, сколько в собеседовании, в сосредоточении на личных переживаниях, личных событиях. Человек испытывал необходимость определить свои убеждения, высказать свой взгляд по частным и общим вопросам. Закономерным следствием этой тенденции, запечатлевшейся в письмах, явилась потребность в мемуарах. Именно в XVIII в. наряду с письмами — сиюминутным журналом событий и размышлений конкретной личности — появились мемуары, ретроспективный рассказ о прожитой жизни, не только о внешнем ряде событий: воспитании, обучении, службе, женитьбе, делах семейных, но прежде всего о событиях внутреннего, душевного мира.

С особой остротой нужда в письмах осознавалась писателями. В своих письмах они с художественно бессознательным отбором фактов, с большой эмоциональной силой выражали свою личность, свое понимание долга человека и гражданина, свою меру

¹⁴ Подробнее об этом см. в книге: *Купрянова Е. Н., Макогоненко Г. П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976, с. 98—124.

оценки людей — не по званиям, а по делам, свою нравственную позицию, понимание своего положения в сословном обществе.

Пушкин, как всегда, чутко уловил эту тенденцию века в письмах Ломоносова. «Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостью и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *предстателю муз, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить: „Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу“».¹⁵

К сожалению, Пушкин процитировал Ломоносова неточно, видимо, по памяти. В письме Шувалову гордая мысль поэта выражена иначе: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господ бога, который мне дал смысл, пока разве отымет».

Русский человек нового времени осознавал свое достоинство, утверждал свою личность в активной деятельности на благо отечества и государства. То же характерно и для Ломоносова. Индивидуальное начало определяло новаторство его одической поэзии. В письмах личность Ломоносова-поэта, человека и гражданина выражала себя с наибольшей свободой и полнотой.

6

Письма Сумарокова являются уникальным явлением этой эпохи, поскольку именно в них полно раскрылась глубоко драматическая судьба русского поэта, духовно богатая личность одаренного русского человека и гонимого писателя. Сумароков не вел дневника. Но оставшиеся письма за тридцать лет — с 1747 по 1777 г. — не менее красноречиво документируют его духовную жизнь. Сумароков писал разным лицам, но основная масса его писем адресована в первый период И. И. Шувалову, во второй — Екатерине II.

Сумароковские письма существенно дополняют его поэтическое творчество, а главное, принципиально его корректируют. Эстетика Сумарокова-поэта, драматурга — антииндивидуалистична, им самим сформулированные правила всех вводимых поэтических жанров направлены были на суровое и бескомпромиссное изгнание личного начала из всех произведений. Рационализм мышления питал его искреннюю веру, что истинная красота и совершенство поэзии обусловлены устойчивыми, раз и навсегда установленными нормами разума, образцами античного и французского искусства, которым следовало подражать.

¹⁵ Пушкин, т. 7, с. 285.

В письмах же открывается другой Сумароков — живая, деятельная, страдающая личность Александра Петровича, его трудный характер, его боль от постоянных гонений и оскорблений, от унижающей достоинство нищеты...

С гордостью заявлял Сумароков Екатерине II, что не хотел, как другие, делать чиновничью карьеру, не был обуреваем корыстными интересами, не рассматривал свое служение отечеству как достижение благополучия и богатства, так как всю свою жизнь посвятил литературе: «Всею сему главная причина любление мое ко стихотворству: ибо я на него полагался и на словесные науки, не столько о чинах и об имени рачил, как о своей музе».

Сумароков отлично понимал, что преуспел в своем деле: «Я к чести моего отечества и моего века российскому языку и российскому Парнасу сделал услугу»; «Сколько я России по театру услуги сделал и вся Европа видит, а особливо Франция и Вольтер». Не чины и звания принесли ему известность и славу, но литература: «Слава моя уже сделана и приносит не токмо честь мне, но и моему отечеству и нашему веку».

Самодурство московского главнокомандующего фельдмаршала Салтыкова вызывает негодование Сумарокова — он не желает терпеть обиды и унижения от вельможи, оттого его письмо императрице — не унижительная жалоба и просьба, но протест, выражение возмущения деспотизмом и произволом властей. «Фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему. Он первый вельможа в Москве, но музы не в его власти... Мои драмы — моя собственность. Какое же право имел фельдмаршал ставить мои сочинения по своей воле?».

Поэзия и театр — это особый мир, неподвластный вельможам; в нем хозяин — автор, поэт, драматург. «А быть адвокатом Мельпомены и Талии не только в одной России, но и во всей Европе пристойнее всех Вольтеру и мне: так моя дерзость (отказался подчиняться приказам Салтыкова, — Г. М.) простиительна». Поэтому, поучая императрицу, Сумароков с удивительной смелостью писал о самодурстве Салтыкова: «что он почтен славою и услугами России, отличен чином и достопочитаемою старостию, это я, всемиловитейшая государыня, всегда в свежей содержал памяти; но и он должен был не забывать того, что и мне уже пятьдесят два года, и что и я заслужил себе в Европе к чести моего отечества так же немало славы, в чем я ссылаюся на сто или более на разных языках себе прославлений, а сие прославление основано не на пустой молве, но на самой истине».

Самоотверженное отстаивание в самодержавном чиновном государстве прав писателя, требование уважения и признания труда литератора вельможами и императрицей вызывало и недоумение, и возмущение этих адресатов Сумарокова, их гневное обвинение поэта в дерзости, сумасшествии. Так рождались в обществе слухи и анекдоты о болезненном самолюбии Сумарокова, о том,

что он не в своем уме. Шло это от двора, от правительства. Когда Сумароков с возмущением спрашивал Екатерину II, почему она свои ответы писателю пересылает Салтыкову, который их размножает и распространяет в Москве, императрица, возмущенная дерзостью «сочинителя», в ярости написала на этом письме: «Сумароков без ума есть и будет».

Борьба Сумарокова за права русского писателя действительно для императрицы и вельмож выглядела безумием. Да иначе она не могла восприниматься в тех исторических условиях — драматизм жизни Сумарокова был задан социальной системой России. Он мужественно и ожесточенно отстаивал свое звание поэта, требовал уважения своих заслуг перед русской культурой и литературой, добивался независимости. Вот почему он постоянно ссылался на свои заслуги, настаивал, чтобы его оценивали не по чинам и званию, а по результатам сделанного для отечества. И об этом он постоянно твердил не только высокопоставленным чиновникам, но и самой императрице. Это хорошо понимал еще Пушкин. Он писал, что даже Ломоносов не мог ценить Сумарокова за его поэтическую деятельность — наука была для него важнее. «С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмачестве не думает!.. Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении».¹⁶

Читая письма поэта, видишь, как в напряженных думах осуществлялось самопознание, происходило становление личности, как у русского поэта, живущего в сословном государстве, рождалась иная мера оценки человека, как он неистово требовал от вельмож и императрицы общественного признания заслуг литератора перед отечеством, уважения дела поэта, его прав и достоинства.

Только развившееся и закрепленное в письмах чувство собственного достоинства, гордая оценка своих поэтических успехов как самореализации таланта одаренной личности объясняют эстетическую свободу автора этих писем. Сумароков обращается к Екатерине II по всяким волнующим его делам, считая себя вправе требовать от императрицы вмешательства как в его конфликты с родственниками, так и с московским главнокомандующим по делам театра. При этом он поучал, указывал, что она как государыня должна делать, чтобы торжествовала справедливость, чтобы не нарушались законы, чтобы прекратились преследования его как поэта. Сумароков писал регулярно и настойчиво на протяжении многих лет, писал почти ежемесячно, а иногда и по два раза в месяц! В своих письмах он выдерживает свободный стиль обращения к монархине, отказывается от традиционных обращений, решительно не желает соблюдать дистанцию

¹⁶ Пушкин, т. 7, с. 278.

и разговаривает с Екатериной как равный с равной, не так, как полагается, а как считает нужным.

Естественно, такие письма писались обдуманно. По сути это образцы публицистической прозы нового типа. Их отличает эстетическая свобода писателя — он соединяет воедино рассуждения о русском театре, его нуждах, необходимых реформах и бытовые горькие рассказы о реальном положении актеров, о практике репетиций, о вмешательстве в театральные дела вельмож и знатных «смотрителей»; сведения о своих семейных делах и гневные сообщения о безнаказанных действиях взяточников и казнокрадов, которые воруят на глазах у всех. Сквозная тема писем — рассказ о своем творчестве, о том, что пишет, что переделывает, что задумал, о трудностях издания своих сочинений, о невозможности писать правду о порядках в России.

То, что не дозволено в литературных жанрах, он стремится рассказать в письмах. Но все это богатое тематическое и стилистическое разнообразие писем крепко спаяно личностным отношением писателя ко всему, о чем он пишет. Оттого, например, он лукаво признается Екатерине II — «если бы-де мне не позволено было сатиризовать, видя непорядки, я бы-де ямочку в земле вырыл и в нее бы проворчал. А я почитаю только бога, государя, честных людей, истину и откровенность». Откровенность и любовь к истине заставляли часто в письмах «сатиризовать» — письма и оказывались той «ямочкой», в которую он «ворчал» о том, что возмущало его.

Письма Сумарокова литературно обработаны. Эта обработка проявлялась и в создании особого типа — публицистического, эстетически свободного письма, и в точном использовании различных языковых средств для выражения различных состояний — гнев, «сатиризование», обличение, искренние горькие признания и т. д., и даже в драматизации изображаемых событий (все эпизоды столкновений с Салтыковым, рассказы о преследовании Демидовым и др.).

Литературно обработаны и письма Муравьева, но, закономерно, эта обработка носит иной характер. Наиболее тщательно отделаны те части писем, обращенных к сестре, в которых рассказывается о духовной жизни пишущего. Это как бы отчет о нравственных переживаниях, о «размышлении самого себя», выражение недовольства собой, своей ленью, осуждение своих пороков и отступлений от добродетелей. Порой признания сестре философски окрашены, в них выражены сокровенные мысли о быстро текущем времени и обязанностях человека: «Время течет; останавливай его. Всякая минута, которую в свою пользу употребишь, не вечно для тебя пропала. Чувствуй свое бытие; дай упражнение своему сердцу...».

Муравьев в курсе современной европейской литературы, знаком с французскими и немецкими сентиментальными сочинениями. Он самостоятелен в своих эстетических оценках. Ему не нравится, на-

пример, меланхолия, он чувствует фальшь в проповеди тоски, отчаяния, недовольства жизнью. «Прочь от нас все, что несет отпечаток меланхолии! Долой эту немецкую напыщенность, погружающую в „увы“! Будем прыгать и плясать!».

Письма рисуют нам молодого человека, пристально и страстно рассматривающего себя, анализирующего скрытый от всех нравственный мир. «Приятно любить достоинства, хотя в другом. Каково же в себе самом? Мы все себе любовники: недостатки, которые в себе замечаем, не знаем их и не хотим знать. Иногда их любим».

Письма Муравьева становились актом самопознания, так же как и письма Сумарокова. Различие индивидуальностей писателей определяло особенности и сам характер самопознания. Но, несомненно, письма были той литературной лабораторией, в которой осуществлялся обусловленный временем процесс становления личности. Этим прежде всего и объясняется литературная обработка писем — писатель искал художественно выразительных, нужных ему точных средств, приемов, чтобы уловить и передать словом неповторимые черты и особенности своего внутреннего мира. Тем самым бессознательно подготавливался тот качественный скачок в развитии письма как бытового документа, когда естественным и необходимым становилось его вторжение в литературу, превращение в литературное явление.

Способствовал тому в ряде случаев (у Фонвизина, Муравьева, Сумарокова) внутренне оправданный отказ от традиционного обращения в письме к одному адресату. Формально письма писались конкретному человеку — Фонвизин, например, сестре или П. И. Панину, Муравьев — отцу и сестре, Сумароков — Шувалову или Екатерине II. Но пишущий знал, что письмо будет читать не только один человек. Как только возникла ситуация, которая предопределяла возможность чтения письма более чем одним человеком, так закономерно и почти императивно менялось качество письма, его содержание, стиль, литературная обработка. Это и было важным условием превращения бытового письма в литературный факт.

Ярчайший пример — письма из Франции Фонвизина, адресованные П. И. Панину. Адресат указан точно, но Фонвизин полагал, считал возможным, даже неизбежным, что его письма будут читать не только П. И. Панин, но еще и другие, близкие ему лица. Письма оказывались обращенными к определенному кругу читателей — и они становились путевыми очерками, обретали характер литературного жанра. Бытовое письмо естественно входило в литературу, занимая там свое особое место. «Письма из Франции» сам писатель включил в подготовленное им собрание своих сочинений наряду с «Бригадиром» и «Недорослем». Только запрещение этого издания помешало публикации «Писем из Франции», но они получили широкое распространение в списках. Формировавшаяся русская проза обогатилась замечательным произведением.

Аналогична судьба писем Муравьева и Сумарокова. Муравьев знал, что обращается не к одному адресату — его письма читали и отец, и сестра, и родственники, и, видимо, близкие знакомые. И не только потому читали, что они содержали богатую информацию о столичной жизни, о петербургских родственниках, о придворных праздниках и литературных событиях, рассказывали о делах молодого Муравьева. В письмах привлекала именно литературная обработка, рассказ о себе, который воспринимался как автобиографический роман. Знаменательно, что так рассматривал свои письма и сам Муравьев. Он писал сестре: «Может быть, недолго продолжится наша переписка, и роман окончится приездом героя в Тверь».

Подтверждением такого восприятия писем Муравьева определенным кругом читателей является и такой в высшей степени характерный факт — письма эти тщательно собирались, а затем были бережно переплетены. В таком виде они и дошли до нас. Письма становились рукописным прозаическим внутренне цельным произведением.

Муравьевские письма указывают и на другой путь выхода в литературу. В них вырабатывалась особая художественная манера, форма прозаической миниатюры, в которой фиксировались отдельные мгновения духовной жизни личности. Фрагментарность и определила первое прозаическое сочинение Муравьева — «Дщцы для записывания», опубликованное в четвертой части новиковского журнала «Утренний свет» за 1778 г. Фрагментарность эта непосредственно выростала из писем, публикуемых в настоящем сборнике.

Органическая связь бытового документа с литературой в это время проявилась прежде всего в том, что автором писем выступал писатель, поэт. Потому письма не только литературно обрабатывались, но и фиксировали эстетические искания писателя, его опыты в передаче психически сложной душевной жизни человека, его стремления определить, сформулировать свою эстетическую позицию, свое понимание цели и задачи литературы. В одном из писем 1778 г. Муравьев, записывая размышления о жизни, самом себе, так сформулировал свою мысль: «Не всегда обладает нами истинное соревнование ко всему тому, что есть прекрасного в жизни нашей, и величественное размышление самого себя занимает только некоторые уединенные мгновения».

Так счастливо было «слово найдено»: мысль Муравьева — *размышление самого себя* — стала основополагающей формулой эстетики русского сентиментализма. И дело не в том, что она, эта формула-программа, оказалась записанной в письме, — она была выработана в письмах, в которых и шел этот спонтанный процесс «размышления самого себя».

Рожденная в письмах формула была немедленно перенесена в литературу — опубликована в «Дщцах для записывания». Точнее сказать, не просто опубликована, но напечатана как про-

граммное выражение новой эстетики, которая объясняла и мотивировала появление нового жанра — прозаической миниатюры. Муравьев задолго до Карамзина выступил с сентиментальной прозой, которая непосредственно и органически выросла из писем — тематически, стилистически и, главное, эстетически.

«Общежитие прекрасно... Несчастия суть еще крепчайший узел, соединяющий смертных. Раздирая сердце, они его умягчают... Однако прекрасно и уединение... Одни только лишения научают нас вкушать удовольствие. Оно (уединение, — Г. М.) поставляет нас в состояние существовать раздельно от других. Наслаждающее размышление самого себя, величественное понятие бессмертия идут по следам ея...».¹⁷

Переход бытового письма в литературу осуществляется как результат единого процесса — веления времени, утверждавшего в русских условиях возрожденческий идеал личности, и индивидуального опыта писателя. Но при этом формирование новой эстетики проходило с учетом достижений европейской литературы — освоение нового художественного опыта выводило еще только рождавшуюся русскую прозу на европейские рубежи, обуславливало ее самостоятельное развитие на уровне общепризнанных образцов. Как в письмах мы непрерывно сталкиваемся с самостоятельными суждениями и оценками европейских произведений, так и в «Дщцах для записывания» и в неопубликованных миниатюрах Муравьев рассуждает о многих писателях, в частности — о Стерне. Стерн для Муравьева замечательный писатель, он глубоко понимает «Сентиментальное путешествие», ценит его автора за то, что «его намерение не было описывать города, правление, земледелие, торговлю, художества; но он хотел рассматривать людей». «Одно слово, молчание, взгляд, чувствование, сокрытое в сердце, подавали материю для целой главы в его книге».¹⁸ Чувствования, сокрытые в сердце, «подавали материю» и письма Муравьева — оттого они естественно переходили в литературу.

И еще один путь такого перехода — фонвизинский, когда письма становились путевым очерком, получали оформление в системе жанра «путешествия». Собственно, письма Муравьева за 1777—1778 гг. это письма с дороги во время путешествия по маршруту Тверь—Москва—Петербург и обратно. Главная часть писем — из Петербурга — пункта годичной остановки Муравьева. Такое центральное место в «Письмах из Франции» Фонвизина занимает Париж. Муравьевские письма сильно тяготеют к жанру путешествия. Это чувствовал поэт. Оттого, как свидетельствуют его рукописи, он многократно после путешествия в Петербурге стремился написать «путешествие», составлял планы такого сочинения. Реализовать свой замысел ему не удалось.

¹⁷ Утренний свет. М., 1785 (изд. 2-е), с. 384—385.

¹⁸ Сочинения Муравьева, т. 2. СПб., 1847, с. 307.

Отмеченные особенности и тенденции писательских писем Мурavyева и Фонвизина свойственны и письмам Сумарокова. Когда он писал письма Шувалову или Екатерине II, то, несомненно, учитывал как реальную возможность, что их будут читать и другие лица. В самом деле — письма, адресованные императрице, Сумароков направлял с сопроводительным посланием Г. Козицкому — своему приятелю и секретарю императрицы. Иногда он посылал их через другого секретаря — Кузьмина, а несколько писем были переданы с помощью Потемкина. Таким образом, Сумароков хорошо знал, что до того как письмо прочтет Екатерина, с ним познакомится еще несколько человек. Письма Сумарокова раздражали императрицу (поэт знал об этом), потому не исключалась возможность, что она в гнев даст читать их другим лицам, сопроводив их своими комментариями. Всего этого не мог не учитывать Сумароков.

Стоит указать и на факт обнаружения в XIX в. писем Сумарокова в нескольких копиях. Значит, несомненен факт распространения хотя бы части писем в рукописях.

Многие письма, например к Шувалову, посвященные театральным делам и личным вопросам, задевали разных лиц, поведение и поступки которых критиковал Сумароков, доказывая или самоуправство этих лиц, или нелепость их приказов по театру. Сумароков понимал, что Шувалов будет показывать его письма этим лицам, чтобы потребовать от них объяснений. Потому не учитывать некоего круга читателей своих писем Сумароков не мог.

Некоторые письма сознательно писались Сумароковым с расчетом на широкую аудиторию — таково, например, послание в государственную Штатс-контору. Сумарокова уведомили, что якобы по требованию Ломоносова ему задержана выплата жалованья, с тем чтобы удержать деньги за напечатание трагедий. Общеизвестно, что оба поэта не любили друг друга, были в ссоре. Пользуясь поводом, Сумароков сочинил резкий памфлет на Ломоносова и отправил его в Штатс-контору, т. е. сознательно сделал его достоянием многих людей.

Писание писем помогало Сумарокову вырабатывать прозаический стиль. Это подготавливало его к исполнению замысла написать большое прозаическое сочинение. В 1764 г. он был отставлен с поста директора театра. Тогда-то он и решил, используя освободившееся время, заняться прозой. Был им решен и вопрос о жанре — писатель хотел написать «путешествие». Характер этого сочинения, его цель и программу Сумароков изложил в специальном «проекте», который он передал через Г. Г. Орлова, и в письме императрице от 3 мая 1764 г.

Сумароков предлагал Екатерине II отпустить нужные средства для поездки за границу — в Италию, с тем чтобы путевые впечатления были изложены в специальном сочинении «Путешествие в Италию». В «проекте» мотивировалась необходимость для России такого сочинения: «на российском языке путешествий

нет никаких». А они нужны «для прояснения географии, мыслей и рассудка», для воспитания молодых людей, особенно тех, кто отправляется путешествовать по Европе. Автором должен быть «россиянин», ибо главный смысл «путешествия» — «чужих земель сравнение со своим отечеством». Чужестранцу такой задачи не выполнить. Но это сделает русский «путешественник», который «должен иметь о своем отечестве совершенное знание и искусен быть в литературе».

Автор будущего «Путешествия в Италию» подчеркивал, что будет писать правду, не допуская вымысла, «живо изображать то, что видел на яву, а не бредить то на яву, что видел во сне». Отступления от правды «вместо просвещения» будут «смущать» «и самого разумного читателя» и могут привести его «на кривую дорогу». Автор должен быть человеком образованным, ибо «путешествие, описанное невежею, служит ко вреду его отечества».¹⁹

В письме Екатерине и «проекте» уточняется и маршрут путешествия: «Я опишу одну Италию и, приехав оттоле в Париж, опишу Париж, места на пути до Италии и оттоле до Парижа и из Парижа через Голландию до Петербурга». В письме указывалось, что в Париж надо заехать прежде всего «для театров».

Совершенно очевидно, что в жанровом отношении «Путешествие в Италию», выражаясь языком Фонвизина, должно было бы стать «повестью странствий», «журналом», в котором бы отразились путевые впечатления. Учитывая уже сложившуюся европейскую традицию, а также дальнейшее развитие этого жанра в России (Фонвизин, Муравьев, Карамзин), скорее всего «Путешествие в Италию» было бы осуществлено как «письма россиянина».

Екатерина осталась глуха к просьбе Сумарокова и отказалась обеспечивать его поездку, хотя писатель просил деньги в долг! Замысел не мог быть реализован.

«Путешествие в Италию» Сумарокова (его предполагалось издать в 1767 г.) не стало явлением литературы. Вождю русского классицизма помешали заложить основание русской прозы, начать традицию русских «путешествий», творчески раскрыть совершенно новые эстетические идеалы.

Но «проект» и письмо Екатерине свидетельствовали об исторической чуткости писателя — вопрос о прозе и прежде всего о становлении жанра «путешествия», который вырастал на почве бурного развития писательских писем, был поставлен на очередь самой историей. Екатерина II могла запретить Сумарокову осуществить свой замысел, но она не могла остановить ход развития прозаической литературы. Через четырнадцать лет Фонвизин напишет «Письма из Франции», а через восемнадцать лет после Фонвизина Карамзин создаст свои «Письма русского путешественника».

Историко-литературная роль писем Сумарокова не может

¹⁹ ПСВС, ч. 9, с. 370—371.

быть сведена к проблеме выяснения процесса такого их качественного развития, когда они могли стать литературным фактом. Письма открывают нам процесс самопознания Сумарокова, становление его личности, утверждение нового для классициста убеждения о праве поэта на самовыражение. Практическую реализацию этих убеждений мы видим в ряде поэтических произведений Сумарокова 1770-х гг., теснейшим образом связанных с письмами Екатерине и отражающих ту борьбу, которую вел поэт с московским главнокомандующим Салтыковым.

Вот конкретные примеры. Екатерина, разгневанная письмами Сумарокова, в которых он рассказывал о самодурстве фельдмаршала, написала ему резкий ответ. Мало того, желая проучить дерзкого поэта, она копию своего ответа отправила Салтыкову для сведения. Фельдмаршал, поняв, что он поддержан императрицей, немедленно размножил письмо Екатерины II Сумарокову и распространил по Москве. Это было оценено как сигнал к травле поэта — можно было безнаказанно оскорблять и преследовать отца русского театра в угоду вельможе, за спиной которого стояла сама императрица.

Сумароков защищался поэзией. Предметом и объектом изображения стала его собственная жизнь, его борьба с властью. Поэт пишет басню «Кукушки», в которой московскую знать уподобляет «безмозглым кукушкам».

Письмо Екатерине от 1 февраля 1770 г. рассказывало о новых оскорблениях и гонениях со стороны Салтыкова. Найти управу на вельможу в самодержавном государстве было невозможно. Но ведь Сумароков писал Екатерине II, а она так старательно играла на европейской сцене роль просвещенной монархини, потому, защищаясь, он ссылался не на дворянский кодекс, а на свои литературные заслуги. «В Париже напечатано, а Г. В. Коциким (секретарь Екатерины II, — Г. М.) переведено и напечатано в академическом журнале так: „за «Синава» должна Россия г. Сумарокову приносить благодарение; сия драма есть монумент основанных наук Петром Великим и процветающих под покровительством его всеавгустейшей дщери“. А мне Россия, по милости П. С. Салтыкова, приносит благодарение такое, что вся Москва на зло мне собрана, а начальник Москвы дует на меня геенною».

Сумароков понимает, что нельзя ограничиться письмом в изображении трагической своей судьбы — судьбы русского поэта, бессильного перед лицом вельможного и самодержавного произвола, — нужно и должно писать об этом в стихах. Так была написана элегия «Все меры превзошла теперь моя досада». Почти тридцать лет назад он определил то, о чем должно рассказывать в элегии, и как рассказывать:

Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенищей де ла Сюзы.

Но сейчас затравленный поэт хотел выразить в элегии то, что мучило и терзало его, что делало трудной, почти невыносимой жизнь. И Сумароков пишет элегию, сам решительно ломая когда-то созданные правила. Он пишет не о любовном страдании, а о горести преследуемого властью поэта, и не мягкосердие, но ненависть к вельможам, «злодеям наук» руководит им. Родилось новое поэтическое произведение, глубоко своеобразное, органически связанное с письмами, элегия утратила «плачевный вид», перестала выражать стелания условного несчастного любовника — она раскрывала драму поэта. Эту обновленную элегию он сообщает Екатерине, прося разрешения опубликовать ее. Разрешение, конечно, не было дано.

Тогда же Сумароков написал стихотворение «Жалоба» («Во Франции сперва стихи писал мошейник...»), не укладывающееся ни в какие жанровые нормы, стихотворение автобиографическое, опять же связанное с письмами.

Но вторжение личности в сумароковскую поэзию не ограничивается только этими примерами. Мы обнаруживаем личное, автобиографическое начало в баснях и песнях, в некоторых других элегиях. Но это особый, большой вопрос — и он ждет своего исследователя. Ясно одно — письма корректируют творчество Сумарокова. Характер и степень этой корректировки необходимо тщательно исследовать.

* * *

«Образование прозы» (термин К. Н. Батюшкова) в России проходило в 1760—1770-е гг. Начальный этап русской прозы отличается жанровым своеобразием. Вместо романа, повести, рассказа мы встречаем «письмо», «путешествие», «восточную» или философскую повесть. Русские писатели отлично знали и высоко ценили романы Дефо и Ричардсона, Филдинга и Стерна, Руссо и Гете, но шли своим путем. Объяснялось это различием социальных условий России и Западной Европы, особыми задачами, вставшими перед русскими писателями-просветителями.

Не проблемы семейные и любовные, но большие социальные вопросы волновали их. Просветители осуждали крепостное право, считали его безнравственным и преступным, боролись с рабством, выставляли на позор русского помещика. Оттого прозаические сочинения носили сатирический характер. Использовались старые или создавались новые жанры, которые должны были с наибольшей полнотой раскрывать сатирические замыслы писателей.

Важнейшим жанром и стало «письмо». При этом оно утверждалось в двух качествах. С одной стороны, в результате эволюции частное письмо становилось явлением литературы, обретая различные жанровые признаки, в частности признаки путевого письма, «журнала» путешествия. С другой стороны, происходило нечто противоположное — писатели создавали жанр письма как

бытового документа — я имею в виду распространение в прозе 1760—1770-х гг. (особенно в сатирических журналах) имитации писем частных людей.

Крупным мастером таких имитаций был Н. Новиков. В его журналах «Трутень» и «Живописец» печатались десятки сатирических писем от имени щеголей и щеголих, казнокрадов-чиновников, помещиков и даже крестьян. Некоторые из них — «Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам» («Трутень») и цикл «Писем к Фалалею» пользовались шумным успехом у читателей: при жизни Новикова его книга «Живописец» (куда вошли эти письма) вышла пятью изданиями.

Что заставило Новикова прибегать к имитации? Зарекомендовавшие себя особенности и возможности частного письма. Его отличает естественное самораскрытие, искренность признаний и документальность всего сообщаемого адресату. Письмо было документом, и его документальность можно было использовать для целей художественной сатиры.

Письмо-имитация открывало возможность создания индивидуального характера. В таком письме использовалось его свойство исповедальности. Так, в «Письмах дяди племяннику» («Живописец») обнаруживается характер наглого хапуги, раскрывается корыстная мораль чиновника. Характер дяди современен и точен. Он служит воеводой сейчас, в екатерининском царствовании, когда специальными указами начата борьба с взяточниками. Но дядя уговаривает племянника переходить на прокурорскую должность к ним. По-родственному он предупреждает: «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам не наживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься». Сам он наживается отлично. Автор письма — воевода — предстает перед читателем как человек живой, как характер индивидуальный, порожденный реальной практикой русской жизни. У него своя вера, свои убеждения, своя правда, свои радости, огорчения и мечты.

Именно письмо как документ самораскрытия человека позволяло Новикову создавать разные сатирические характеры. Так, отец Фалалея — помещик, человек не менее корыстный, чем воевода, но он и корыстен, и жаден, и жесток по-своему и потому совершенно не похож на воеводу. Письма матери Фалалея сыну обнаруживают не только примитивную, духовно бедную натуру женщины, но одновременно и жестокую тиранку, собственно-ручно секущую крепостных, и жертву этого строя.

Литературный жанр имитации бытового письма — явление и характерное для начального развития прозы, и, главное, закономерное в общей эволюции частного письма и движении его навстречу литературе. Мы видим, что этот процесс начался в 1760-е гг. и никак не был связан с сентиментализмом. Идея личности, получившая свое выражение в письмах, как уже говорилось, порождалась иными социальными и историческими обстоятельствами. История литературы свидетельствует, что жанр лито-

ратурного письма использовался писателями прежде всего для сатирических целей. Письма раскрывали личность пишущего — пусть духовно нищую, искаженную рабством, но все же индивидуальную, и основоположники русской прозы использовали их для освещения остро политических и социальных проблем, для обличения существующего несправедливого и бесчеловечного строя. Письма позволяли строить достоверный характер, объяснять его условиями социального бытия, а достоверный характер помогал познавать реальную русскую жизнь, выносил ей приговор.

Письма русских писателей XVIII в., и опубликованные раньше, и печатаемые в настоящем сборнике, ждут своих исследователей. Их должно не только использовать как источник самых разнообразных — биографических, общественных, бытовых и литературных — сведений о событиях далекой эпохи. Они, несомненно, послужат основой для написания точных, исторически конкретных биографий писателей. Уверен, что одной из первых должна быть написана биографическая книга о Сумарокове.

Письма эти должны быть исследованы историками литературы. Следует выяснить их типовое единство и различие, особенности литературной манеры каждого писателя и прежде всего их литературную функцию, обусловленную эпохой. Должно изучить условия и формы связи писем с литературой и, главное, их роль в художественном творчестве писателей эпохи, а возможно, и влияние на эстетическую позицию некоторых из них.

О Т Р Е Д А К Т О Р А

Воспроизводимые в настоящем издании письма писателей XVIII в. охватывают почти столетний промежуток времени, за который окончательно сложился русский литературный язык. Ранние письма В. К. Тредиаковского написаны до того, как возникла теория «трех штилей» М. В. Ломоносова, сыгравшая решающую роль в унификации стилистического разнобоя литературы послепетровского времени, и до появления его нормативной «Российской грамматики»; в письмах А. П. Сумарокова еще отражается ожесточенная борьба с грамматическими взглядами Ломоносова; И. И. Дмитриев, письма которого завершают сборник, вместе с Н. М. Карамзиным боролся за победу «нового слога» над устарелой «славенщизной».

При подготовке сборника составителям пришлось, однако, столкнуться не только с принципиально различными грамматическими установками и навыками писателей XVIII в. Письма, в отличие от собственно литературных произведений, не предназначаются для печати. Поэтому в эпистолярных текстах разноразной написаний и пунктуации, усугубленный порой небрежностью и описками, превосходит общую неупорядоченность грамматики XVIII в. Не находя возможным вторгаться в специальную область историко-грамматического комментария, составители пошли по пути осторожной унификации в значительной степени произвольной «фонетической» манеры письма, свойственной людям XVIII в.

Публикация текстов в сборнике «Письма русских писателей XVIII века» не ставит задач лингвистического характера и дипломатически точного воспроизведения рукописных текстов. Письма печатаются в сборнике в переводе на новую орфографию в соответствии с принципами, более или менее общепринятыми в современных изданиях разного типа (см., например, «Памятку автору» для серии «Библиотека поэта»), в том числе и академических. Поэтому особо оговорим основные, самые общие, связанные с исторической спецификой текстов XVIII в. принципы их передачи в новой орфографии. Они касаются только случаев нейтральных в отношении смысла, стилистической системы нормы XVIII в. и стиля данного автора. Во всех этих случаях новые орфографические формы последовательно применены, когда в текстах XVIII в. имелось:

- 1) ерь, еръ, фита, пси и другие устаревшие знаки;
- 2) формы множественного числа на -ья, -ия и т. д.;
- 3) оглушенные фонетические окончания -ово, -ево и др.;

4) графическое отражение «аканья»;

5) устарелые написания типа: естли, ест ли, сево дни, ийти, толко, щастье и т. п.;

6) при написании заглавных букв.

В случае колебания у одного автора в написании одних и тех же слов выбирается форма наиболее новая, и написание унифицируется. Так, непоследовательные написания Сумарокова «лутчий — лучший», «театр — театр», «протчий — прочий» даются по современной норме. Применительно к особенностям языка и стиля либо в случае, когда правописание передает особенности произношения, особенности орфографии сохраняются — «маскерад», «Артемонавич» в письмах Муравьева.

Иностранный язык русских авторов иногда оказывался довольно далеким от литературной нормы живых национальных языков. Поэтому французские тексты публикуемых писателей потребовали некоторого приближения написаний к норме. Французская орфография XVIII в. была неустойчива, подобно русской, хотя и в несколько меньшей степени. Кроме того, не все русские писатели XVIII в. знали французскую грамматику и правописание достаточно твердо. Они, например, часто нарушают правила употребления форм сослагательного наклонения, согласования времен, прилагательных и причастий. Подобные ошибки — в той степени, насколько это связано с правильным пониманием текста, — выправлены. Исправлены также явные ошибки и опiski, везде поставлены диакритические значки, которыми зачастую пренебрегали.

Основная часть писем публикуется в сборнике впервые и, таким образом, впервые включается в научный оборот. Исключение составляют два письма В. К. Тредиаковского (№ 2 и 3), письмо (№ 3) В. В. Капниста, ранее известные в неполной публикации, письмо И. Ф. Богдановича № 5, напечатанное ранее без перевода, и подборка писем А. П. Сумарокова, в которую наряду с новыми, неизвестными в печати письмами включены и опубликованные. Целью публикатора было представить эпистолярное наследие Сумарокова возможно полное.

Все письма воспроизводятся по автографам и оригинальным авторизованным писцовым копиям; лишь при отсутствии их источником текста служат списки и первые публикации. Указания на место современного хранения рукописей и предшествующие публикации включены в комментарий.

Некоторые письма сборника в оригинале написаны на французском, немецком и латинском языках; другие имеют большие иноязычные вкрапления. Это обусловлено как этикетом, так и присущим XVIII веку бытовым двуязычием.

Все переводы, кроме оговоренных, сделаны с французского языка и принадлежат публикаторам. Французские тексты и их переводы печатаются под наблюдением П. Р. Заборова.

В угловые скобки заключены предположительные прочтения, дописанные части сокращенных слов, а также те слова в переводах, которые в оригинале представляют собой русские вкрапления в иноязычный текст. Зачеркнутый текст помещен в прямые скобки. Текст, подчеркнутый автором, выделен разрядкой.

ПИСЬМА

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ

Публикация А. Б. Шишкина

1. И.-Д. Шумахеру¹

Начало января 1731

Monsieur,

Je suis arrivé ici heureusement le 3 de ce mois. Je n'osais me promettre le succès, dont mon livre est honoré de son altesse. Tout le monde de bon goût veut l'avoir avec une rapidité. J'espère que j'aurai l'honneur d'être présenté à sa majesté imp~~er~~iale.² Vous aurez la bonté de m'envoyer encore incessamment 150 exemplaires. Excusez, monsieur, cette écriture à la hâte et soyez persuadé que je suis à jamais votre très humble et très obéissant serviteur

V. Trediakoffski.

Mon adresse:

à Trediakoffski, à l'hôtel de son altesse mgr le prince de Kourakin.

P. S. Je vous souhaite une bonne et heureuse année accompagnée de toutes sortes de biens et de prospérités.

Un exemplaire, s'il vous plaît, pour sa majesté bien relié.

Je baise les mains à tous mes amis.

Перевод:

Милостивый государь! Я благополучно прибыл сюда 3-го сего месяца. Я не смел и рассчитывать на успех, которым почтил его сиятельство мою книгу. Все люди с хорошим вкусом желают приобрести ее поскорее. Надеюсь иметь честь быть представленным е. и. в.² Будьте любезны прислать мне безотлагательно еще 150 экземпляров. Извините меня, милостивый государь, за это торопливое писание и будьте уверены, что я навеки ваш нижайший и покорнейший слуга

V. Тредиаковский.

Мой адрес:

Тредиаковскому, в доме его сиятельства господина князя Куракина.

Р. С. Желаю вам хорошего и счастливого года, а также всяческого благополучия и преуспевания.

Прошу вас для е. в. — один экземпляр в хорошем переплете. Целую руки всем моим друзьям.

2. И.-Д. Шумахеру

18 января 1731

Monsieur,

J'ai reçu votre très agréable du 11 du présent, dont vous m'avez bien voulu honorer.¹ En vous remerciant, monsieur, pour les bons souhaits que vous me faites, je prends la liberté de vous informer de ce que le gros de la nation dit de mon livre.

Les jugements en sont différents suivant la différence de personnes, de leur professions et de leurs goûts. Ceux qui sont à la cour en sont tout à fait contents. Parmi ceux qui sont du clergé il y en a qui m'en veulent du bien; d'autres, qui s'en prennent à moi, comme jadis on s'en prit à Ovide pour son beau livre dans lequel il traite l'art d'aimer, disant que je suis le premier corrupteur de la jeunesse russe d'autant plus qu'elle ignorait absolument avant moi les charmes et la douce tyrannie que fait l'amour.

Que pensez-vous, monsieur, de cette querelle que me font ces bigots-là? Ne savent-ils pas que la Nature même, cette belle et infatigable maîtresse prend soin d'apprendre à toute la jeunesse ce que soit l'amour? Car enfin nos garçons sont faits de même que les autres, et ils ne sont pas comme des statues de marbre et déstituées de toute la sensibilité; au contraire ils ont tous les ressorts qui leur excitent cette passion-là. Ils la lisent dans un beau livre que composent les belles Russiennes telles qui sont fort rares ailleurs.

Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse: ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops.²

Quant à ceux qui sont du monde, plusieurs, monsieur, m'en applaudissent en me faisant des louanges en vers, d'autres sont bien aise de m'avoir vu en personne et m'accablent de leurs gastes. Cependant il s'en trouve qui m'en blâment.

Ces mrs-là sont partagés en deux classes: les uns me donnent le nom de vain, parce que j'ai fait par là sonner trompette de moi, et que cela est, disent-ils, d'un homme prévenu en sa faveur qui expose sa vanité au public. Voilà qui est bien. Mais voyez, monsieur, l'impudence des derniers, elle vous surprendra sans doute, car ils me taxent d'impiété, d'irreligion, de deïsme, d'athéisme, enfin de toutes sortes d'hérésies.

Par ma foi, monsieur, fussiez-vous mille fois plus grave que Caton, vous ne sauriez vous tenir ici ferme, et sans faire un grandissime éclat de rire,

N'en déplaise à ces ignorants-là, car je m'en fiche, d'autant plus qu'ils sont d'une très petite conséquence, et qu'à chaque trou je trouverai des chevilles.

Voilà, monsieur, toute mon histoire, dont vous m'avez chargé de vous informer.

De votre côté, vous m'obligeriez sensiblement, si le temps vous permet, de vouloir bien m'apprendre ce qui se passe dans votre ville à ce sujet.

Cependant n'ayez pas peur, monsieur d'exposer mon livre au public; et vous supplie très humblement d'être persuadé, que je suis avec tout l'estime, toute reconnaissance, tout zèle et toute la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble, très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

à Moscou le 18 janv. 1731.

P. S. Plusieurs courtisans me demandent la chanson,³ mais je ne l'ai point chez moi.

Перевод:

Милостивый государь! Я получил ваше весьма любезное письмо от 11 сего месяца, которым вы соблаговолили меня почтить.¹ Преисполненный благодарности, милостивый государь, за добрые ваши пожелания, я беру на себя смелость сообщить вам о том, что большинство соотечественников говорит о моей книге.

Суждения о ней различны соответственно различию людей, их профессий и вкусов. Придворные ею вполне довольны. Среди духовенства одни ко мне благожелательны, другие обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, утверждают, что я первый развратитель российского юношества, тем более что до меня оно совершенно не знало чар и сладкой тирании любви.

Что вы, сударь, думаете о распре, которую затевают со мною эти ханжи? Неужели не знают они, что сама Природа, эта прекрасная и неутомимая владычица, заботится о том, чтобы все юношество узнало, что такое любовь. Ибо отроки наши созданы так же, как и другие, и отнюдь не походят на мраморные изваяния, лишённые всякой чувствительности; напротив, они наделены всем, что возбуждает у них эту страсть. Они открывают ее для себя в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, каких очень мало в других местах.

Но оставим этим святошам их бешепое суеверие; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это — подлые твари, которых в просторечии называют попами.²

Что касается людей светских, то некоторые из них мне рукоплещут, слагая мне хвалу в стихах, другие весьма рады видеть меня и обременяют меня своими посещениями. Есть, однако, и такие, кто меня порицает.

Эти господа разделяются на два разряда: одни именуют меня тщеславным, потому что таким образом я заставил о себе говорить, а это, по их словам, свойственно человеку самовлюбленному, который выставляет напоказ свою суетность. Все это прекрасно. Но обратите внимание, милостивый государь, на бесстыдство последних; оно, несомненно, поразит вас, ибо они обвиняют меня в нечестии, в неверии, в деизме, в атеизме, наконец, во всякого рода ересях.

Клянусь честью, милостивый государь, будь вы в тысячу раз суровее Катона, вы не удержались бы от громкого хохота.

Да не прогневаются эти невежды, но мне на них наплевать, тем более что они люди неважные, а мне оправдаться нетрудно.

Вот, милостивый государь, и вся моя история, которую вы просили меня вам поведать.

Со своей стороны, вы чувствительно меня обяжете, соблаговолив сообщить мне, если время вам позволит, о том, что в связи с этим происходит у вас в городе.

Не бойтесь все же, милостивый государь, представить мою книгу публике; а я покорнейше прошу вас принять уверение в совершенном уважении, признательности и почтении, с которыми непременно пребываю; милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Москва 18 янв. 1731.

Р. С. Многие придворные просят у меня песню,³ но у меня ее нет.

3. И.-Д. Шумахеру

27 января 1731

Je puis dire véritablement que mon livre devint ici à la mode, et par malheur ou bien par bonheur moi aussi avec lui. Ma foi, monsieur, je ne sais que faire; on vient me chercher de tous côtés, on me demande partout mon livre; mais lorsque je dis que je ne l'ai point, on se fâche de telle sorte que je m'aperçois très facilement de leur déplaisir.

Vous ne ferez pas mal, monsieur, d'en faire imprimer encore 500 exemplaires; et c'est que je laisse, comme cela ce doit, à vos dispositions.

Cependant je vous supplie au nom de dieu de m'envoyer 150 exemplaires, dont je vous ai prié, et que vous m'avez promis; et c'est au plutôt que vous pourrez, comme aussi quelques feuilles de ma chanson. Je ne manquerai pas, monsieur, de vous en témoigner toute la reconnaissance la plus parfaite du monde, comme à présent de me dire, monsieur, votre très humble, très obéissant et très obligé serviteur

В. Trediakoffski.

à Moscou le 27 janv. 1731.

Р. С. Vous aurez la bonté de les adresser au prince de Kourakin.

Перевод:

Поистине я могу сказать, что книга моя вошла здесь в моду, и, к несчастью или же к счастью, я вместе с нею. Право, милостивый государь, я не знаю, что и делать; ко мне обращаются отовсюду, у меня везде просят мою книгу, а когда я говорю, что у меня ее нет, сердятся настолько, что мне нетрудно заметить их неудовольствие.

Вы не совершите ошибки, милостивый государь, если велите напечатать еще 500 экземпляров; и отдаю я их, как это и должно быть, в ваше распоряжение.

Однако, умоляю вас, ради бога, прислать мне 150 экземпляров, о кото-

рых я просил вас и которые вы мне обещали, и как можно скорее, а также несколько страниц моей песни. Я не премину засвидетельствовать вам, милостивый государь, глубочайшую мою благодарность, как ныне /пребываю ваш низжайший, покорнейший и призвательнейший слуга

В. Тредиаковский.

Москва 27 янв. 1731.

Р. С. Соболаволите адресовать их князю Куракину.

4. На высочайшее имя

12 ноября 1740

Сего 1740 году апреля в 23 день бил челом я низжайший, блаженныя и вечнодостойныя памяти е. и. в. Анне Иоанновне, бабке в. и. в. в Генералитетской комиссии на бывшего кабинетного министра Волынского о насильственном его на меня нападении и на разных местах и в разные времена нестерпимом бесчестии и бесчеловечном четверократном увечье.¹ По оному моему низжайшему прошению помянутый Волынский в той Комиссии допрашиван и в допросе сказал, что он меня бил с горячности не спамятовавшись, то есть, весьма безвинно. Сие и манифестом е. и. в. по смерти оного Волынского в народе объявлено, что я мучен безвинно, хотя и не именовав меня низжайшего:² однако в помянутой Генералитетской комиссии решения на мое низжайшее и слезное прошение, знатно что для важнейших других государственных дел, никакого не учинено. Но когда помянутая Генералитетская комиссия отставлена, а учреждена Следственная, то я в оной паки е. и. в. бил челом о том же, то есть, что б мне за безвинное мое четверократное на разных местах и в разные времена страдание учинено было милостивейшее, по государственным правам, награждение.³ Такое мое низжайшее прошение там принято, в дело произведено и решено сим образом, что мне низжайшему надлежит учинить награждение, по силе государственных прав, вдвое за бесчестие и увечье против моего оклада из Волынского имения. А понеже сия Комиссия власти не имела исполнить свое решение затем, что она подчинена правительствующему Сенату, и что имение Волынского отписано все на е. и. в.; того ради о том представила она доношением в правительствующий Сенат, требуя указа о двойном мне против моего оклада из Волынского имения награждении. Правительствующий Сенат, утвердившись на мнении Следственной комиссии как на правильном, также для выше-реченных причин не дерзнул ей указа дать о двойном награждении мне низжайшему, но сего ноября 1 дня подал доклад в Кабинет в. и. в., требуя о том указа от в. и. в. и сего ж ноября в Кабинете в. и. в. бывший регент, герцог Курляндский, и паче чаяния всех искусных в правах, к великому их удивлению и с явным нарушением в. и. в. прав, хотя и должно ему было по

бым определять, определил мне выдать якобы именем в. и. в. токмо в один раз, а не вдвое, за бесчестье и увечье, то есть триста шестьдесят рублей, а не семьсот двадцать рублей, как то Следственная комиссия решила и как прав. Сенат в. и. в. докладывал.

Всемиловнейший государь! Прошу в. и. в., да повелит ваше державство учинить мне бедному, беззаступному, страдавшему напрасно, весьма изнурившемуся на излечение и всего уже здоровья лишившемуся, вдвое, а не в один *нрзб* моего оклада награждение, дабы и я, бедный сирота, участник был высокие в. и. в. милости к совершенному моему порадованию и ободрению при службе в. и. в., и дабы еще усерднейшие на всякий момент моя жизни присовокупили я молитвы к молитвам всех в. и. в. верно-подданных ко всещедрому богу, которого здесь на земле в. и. в. нам истинный образ и совершенное подобие, за наивысочайшее и наидражайшее в. и. в. здравие, и также для многолетнего и дражайшего нам всем здравия ея императорского высочества благоверной государыни великия княгини Анны, *нрзб* правительницы всея России, в. и. в. любезнейшия матери и его высочества благородного государя Антона герцога Брауншвейг-Люнебургского, благословенного ея супруга, а вашего родителя, также и благоверныя государыни цесаревны Елисаветы Петровны.

В. и. в. пияжайший и всеподданнейший раб Академии наук секретарь

Василей Тредиаковский.

5. А. Д. Кантемиру¹

14 марта 1743

Monseigneur!

Présument d'être encore dans le souvenir de votre altesse, j'espère d'obtenir son généreux pardon pour la hardiesse que je prends de lui écrire ce peu de lignes. Je sais, que je l'importune dans les affaires les plus sérieuses; mais j'ose me flatter, — que sa bonté, connue de tout le monde, sentira peu le déplaisir de mes importunités. Ainsi je la supplie de m'être un peu favorable en ordonnant que l'incuse, adressée à s. e. mgr le marquis de la Chetardie,² lui soit rendue exactement. C'est, monseigneur, une lettre d'un pur devoir: car j'ai eu l'honneur de lui appartenir quelque temps pendant son ministère dans notre pays, et c'est par l'ordre exprès de sa majesté impériale notre très auguste souveraine et autocratrice. Me recommandant enfin à la grâce de votre altesse je puis l'assurer que je conserve toujours les mêmes sentiments pour elle, c'est à dire, que je suis plus que personne, et avec un le plus profond respect, monseigneur, de votre altesse, le très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffsky.

A. St-Pétersbourg le 14/25 de Mars 1743.

Перевод:

Милостивейший государь!

Предполагая, что ваше сиятельство меня еще помнит, надеюсь получить ваше великодушное прощение за смелость, которую я беру на себя, адресуя вам эти несколько строк. Я знаю, что докучаю вам среди самых важных дел, но льщу себя надеждой, что неудовольствие, причиненное моим докучливым вторжением, не поколеблет вашу всем известную доброту. Поэтому я умоляю ваше сиятельство быть ко мне благосклонным и приказать, чтобы прилагаемое письмо к его превосходительству маркизу Шеварди² было ему непременно передано. Это письмо, милостивейший государь, — лишь долг вежливости, ибо в бытность его послом в нашей стране я имел честь некоторое время состоять при нем, и это по особому приказанию с. и. в. нашей августейшей и самодержавной государыни. Итак, поручив себя благорасположению вашей светлости, прошу вас принять уверение в неизменных к вам моих чувствах. Иными словами, я, милостивейший государь, более, чем кто-либо, и с глубочайшим почтением пребываю вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Санкт-Петербург, 14/25 марта 1743.

6. А. Д. Кантемиру

11 августа 1743

Monseigneur!

L'archimandrite du couvent de la Trinité-Civile Florinski,¹ membre du St Synode, souhaitant fort de remettre 1000 l. à l'étudiant Pierre Vitinski,² pour payer les dettes qu'il a contractées à Paris et pour son voyage en Russie, m'a prié d'écrire à votre altesse pour l'informer très humblement qu'il serait bien aise de donner cet argent à St-Pétersbourg à la princesse sa sœur,³ — en cas que votre altesse voudra bien rendre cette somme au dit étudiant à Paris. Ce prélat tient droit à grand honneur, si votre altesse trouve pour agréable de lui faire savoir les intentions la-dessus.

Quant à moi, je suis toujours plus que personne et avec un le plus profond respect, monseigneur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

A St-Pétersbourg le 11/22 d'Aôut 1743.

P. S. Faisant état de la bonté de votre altesse, j'ose la supplier de vouloir bien remettre l'incluse au même étudiant. Je l'ai mise dans son couvert sous le cachet volant à dessein, pour que votre altesse puisse voir ce que je lui en mande. Je conviens, que je l'importune trop; mais je ne puis trop l'assurer qu'elle m'oblige pas ingrat.

Перевод:

Милостивейший государь!

Архимандрит Святотроицкой лавры и член св. Синода Флоринский,¹ имея большое желание передать студенту Петру Витинскому² 1000 ливров

для оплаты его долгов в Париже и для его возвращения в Россию, просил меня обратиться с письмом к вашему сиятельству, дабы почтительно известить вас, что он будет рад вручить эти деньги вашей сестрице княжне³ в С.-Петербурге в том случае, если ваше сиятельство сообразит известить его о своих намерениях по этому поводу.

Я же, милостивейший государь, более, чем кто-либо, и с глубочайшим почтением пребываю вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Санкт-Петербург, 11/22 августа 1743 г.

Р. С. Зная доброту вашего сиятельства, покорнейше прошу вас передать этому студенту прилагаемое письмо. Я намеренно запечатал его открытой печатью, дабы ваше сиятельство могли увидеть, что именно я ему сообщаю. Я сознаю, что чрезмерно вам докучаю, но прошу не сомневаться, что умею быть благодарным.

7. Члену Собрания Академии наук

26 мая 1746

Monsieur!

Les raisons, qui me font désapprouver le discours de mr Müller¹ et préférer celui de mr Delisle,² sont suivantes.

1mo) Il ne convient pas, que dans la première séance on fasse les plaintes à un supérieur, qui se présente seulement pour prendre l'autorité, et non pas pour se charger la tête des affaires épineuses: c'est pourquoi, il est plus raisonnable de l'en féliciter uniquement et si le temps et les circonstances permettent, de lui proposer quelques légères choses à décider, afin qu'il puisse commencer l'exercice de son emploi. C'est ce qui se pratique généralement partout; et l'on trouvera fort peu d'exemples du contraire.

2do) Chacun peut sentir, que même le supérieur se flatte naturellement de voir plutôt des sentiments de joie dans ses subalternes pour la première fois à l'occasion de son bonheur, que tout d'un coup d'être informé par eux de leurs malheurs: car c'est par cet endroit, que sa charge lui paraîtra pénible et rébutante au lieu qu'elle doit lui paraître honorable, facile et grande.

3^{tio}) Bien loin de pouvoir le prévenir par là en faveur des académiciens, il est plus vraisemblable de croire qu'il en aurait une idée désavantageuse, parce que leurs plaintes subites les exposeraient aux yeux du président comme des importuns incommodes, qui ne savent s'y prendre à temps.

4to) Comme dans un événement pareil, le discours pourrait être publique, tout le monde s'attendrait, de la part des académiciens, à quelque chose de grave et de brillant: au contraire, on s'exposerait à la risée du public par des accents plaintifs qui sont hors de saison.

Je consens, que dans un discours on lui doit insinuer quelque chose, et lui faire entrevoir les difficultés qui lui sont réservées à résoudre: mais tout cela pourtant en des termes généraux, prenant bien garde, que la douce idée qu'il se forme encore, ne se <soit> point changée en l'idée de quelque déplaisir. C'est ce que le discours

de mr Delisle a mieux touché et c'est ce qui me le fait goûter plutôt, que celui de mr Müller: car enfin, on ne sait pas même, si le discours de mr Müller est un discours, ou bien une requête présentée à son excellence de la part des académiciens.

Au reste, je suis avec la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur,

B. Trediakowski.

Le 26 de mai, 1746.

Перевод:

Милостивый государь!

Причины, которые заставляют меня не одобрять речь г-на Миллера¹ и предпочитать ей речь г-на Делиля,² следующие:

1) Не подобает на первом заседании жаловаться вышестоящему лицу, которое является лишь для того, чтобы вступить в свои права, а не обременять себя затруднительными делами. Поэтому разумнее только поздравить его и, если время и обстоятельства позволят, предложить ему несколько простых вопросов, дабы он мог приступить к исполнению своих обязанностей. Так это обычно делается везде, и можно найти немного примеров противоположного.

2) Каждый может понять, что вышестоящему лицу при первой встрече с подчиненными естественно скорее льстит проявление радости по поводу его удачи, нежели их неожиданное сообщение о собственных горестях; ибо в этом случае должность его покажется ему тягостной и отвратительной, вместо того чтобы казаться почетной, легкой и высокой.

3) Таким образом мы отнюдь не расположим его в пользу академиков, более вероятно, что у него создастся о них невыгодное мнение, потому что неожиданные жалобы представят их в глазах президента несносными докучниками, не умеющими что-либо вовремя предпринять.

4) Поскольку в подобных обстоятельствах речь может быть публичной, все будут ожидать от академиков чего-то значительного и блестящего; а вместо того благодаря этим совершенно неуместным жалобным стонам можно сделаться всеобщим посмешищем.

Я согласен с тем, что в речи нужно ему кое на что намекнуть и дать ему какое-то представление о трудностях, которые ему придется решать, однако все это лишь в общих словах, остерегаясь, чтобы приятное впечатление, которое у него все еще существует, не обратилось в неприятное. Именно это удачнее получилось в речи г-на Делиля, и именно это позволяет предпочесть ее речи г-на Миллера, ибо неизвестно, является ли в конечном счете речь г-на Миллера речью или прошением, представленным его превосходительству от имени академиков.

Впрочем с глубочайшим уважением пребываю, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

B. Тредиаковский.

26 мая 1746.

8. X.-Н. Винсгейму¹

4 августа 1746

Qu'il vous plaise de me marquer la raison, pour laquelle on ôte l'unité en mesurant par 4 la période Julienne, quand on veut savoir, si l'année proposée est bissextile, ou non; et d'où vient, que l'on ne

fait pas la même chose, c'est à dire, que l'on n'ôte pas l'unité des années de l'ère chrétienne, pour la même cause. Vous m'en obligerez infiniment, et je suis avec la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

4 d'août 1746.

Перевод:

Не будете ли вы любезны указать причину, по которой вычитается единица при делении юлианского периода на 4, когда хотят узнать, является ли предполагаемый год високосным или нет, и откуда происходит, что не делают того же самого, то есть не вычитают единицу из числа лет христианской эры, для той же самой цели. Буду обязан вам бесконечно, милостивый государь, и остаюсь с совершенным уважением, ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

4 августа 1746.

9. К. Г. Разумовскому

9 марта 1747

По силе объявления, учиненного мне от господина профессора Штруба де Пиермонта,¹ следующее вашему сиятельству в ответ доношу, а именно: профессорское Собрание начало подавать правительствующему Сенату доношения свои на господина советника Шумахера задолго прежде до моего вступления в оное Собрание. Следовательно, при многих доношениях имени моего подписанного не находится. По вступлении моем в помянутое Собрание (что было во время небытности в Академии наук президента), увидев, что некоторые непорядки происходили при Академии, которые тогда не могли быть исправлены, как токмо от правительствующего Сената, подписывался и я при нескольких доношениях с прочими профессорами. Но понеже ныне оны непорядки, каковы я тогда видел и мог тогда ж доказывать ясно, все совершенно пресечены, как скоро ваше графское сиятельство определены президентом в Академию: того ради сим моим объявляю, что не токмо ничего я отныне не имею к доказанию против господина советника Шумахера, но и подписку моего имени при нескольких доношениях всеконечно уничтожаю — так, что как бы оно моего имени там и не находилось, в чем и подписуюсь своеручно.

Профессор Василий Кирилов сын Тредиаковский.

Марта 9-го дня. 1747.

10. Ж.-Н. Делилю

13 декабря 1747

Monsieur! J'ai bien reçu votre très agréable du 13 de novembre¹ et je voudrais pouvoir vous exprimer la joie qu'elle m'a faite. Si je suis sensible à l'honneur de votre bon souvenir, je ne suis pas moins reconnaissant aux marques de la bonté que vous me témoignez presque à chaque ligne; et sans mentir elle me sera toujours précieuse. Je vous supplie donc, monsieur, de vouloir bien m'accorder la continuation de votre estime pour moi; j'ose vous assurer que vous ne m'obligerez pas un ingrat, si bien que je mettrai tout en usage pour en pouvoir être digne de plus en plus et avoir l'avantage de la mériter plutôt par des effets que par des paroles.

Pour ce qui concerne l'Académie, elle est à présent, par la grâce de s. m. i. et par les soins assidus de s. e. mgr le président sur un bon pied, à l'incendie près qui lui est arrivé à 5 heures après minuit le 5 de décembre v. s., et qui a causé à la vérité quelques dommages, toutefois réparables. On a dressé avant toute chose, un Règlement et l'Etat qui fort solides et équitables; on a divisé l'Académie en deux départements, dont l'un est Académie des Sciences proprement dite et les membres qui la composeront s'appelleront désormais les académiciens: mais le second est l'Université, subordonnée à l'Académie; ses membres sont les professeurs, dont les emplois et les devoirs sont bien réglés, de sorte qu'aucune contestation n'aura plus de prise sur les esprits. Pour soutenir l'honneur et l'éclat de l'Académie s. m. i. fit la grâce d'augmenter la somme académique annuelle jusqu'à A° 53 000 et quelques centaines de plus. Plusieurs parmi les honnêtes gens trouvent que cet arrangement ne saurait être que très utile à la nation. Mais ce qui me réjouit le plus, ce qu'on ne fait plus paraître aucune animosité, ni mention d'aucune querelle ancienne:² elles sont ensevelies toutes dans l'oubli parfait de part et d'autre. Nous autres, pédants, en qualité de professeurs s'entend, nous ne respirons que la tranquillité et la bonne intelligence, jouissants d'une paix profonde. O p a x, p a c e m t e c o l i m u s o m n e s: * c'est seulement le précis de l'état moderne de l'Académie: les détails en feront un gros calepin.

De l'Académie je passe en Sorbonne, c'est à dire des sciences humaines à la théologie; sans vanité, je suis un peu en état par moi-même de satisfaire mr le docteur et bibliothécaire de Sorbonne³ sur toutes les questions: néanmoins, pour donner plus de poids à la réponse que je lui ferai tenir par le canal du Collège des affaires étrangères et par conséquent par le ministre de Russie résident à Paris,⁴ même pour en assurer davantage mr le docteur (q u e m s e m e l i t e r u m q u e h o n o r i s c a u s a h o m i n a r i e t m e i l l i q u a m m a x i m e c o m m a n d a t u m v e l i m),** j'ai cru devoir m'adresser à un de nos prélats, qui sont presque tous, comme vous devez le savoir, fort favorables afin que quelqu'un d'eut fasse cette

réponse en latin; et c'est ce que je tâcherai d'effectuer le plus tôt qu'il me sera possible.⁵

L'article, qui vous regarde, monsieur, vous sera peut-être un peu désagréable, et j'appréhende fort que je puisse obtenir pardon de votre part. Oui, monsieur, je fis un extrait de vos annales des phénomènes tant aériens, que célestes; je le traduisis en français; ⁶ j'écrivis une lettre pour vous-même. Elle fut déjà mise dans l'enveloppe; je fus donc sur le point de vous envoyer le petit paquet; mais le malheur, le grand et horrible malheur, qui m'a surpris dans un profond sommeil le 31 d' octobre v. s. à 4 heures après minuit m'empêcha d'être homme de parole à votre égard. Toute ma maison avec la petite bibliothèque et papiers, avec mes hardes, linges, nippes, provisions, argent, bijoux et batterie de cuisine, fut réduite en cendres, en moins de rien, et ce qui me tient le plus au coeur, c'est Rollin, l'incomparable Rollin, dont j'ai eu le bonheur de finir la traduction (c'est de son « Histoire ancienne ») ⁷ le soir précédent. Ma femme et moi, nous nous sauvâmes à demi-nus par la fenêtre et peu s'en fallut que mon fils, enfant à l'âge de deux ans, n'y fût consumé, ayant été oublié dans son berceau; cependant une de mes servantes le retira et se sauva avec lui par la même fenêtre; la seconde se sauva aussi, mais une troisième fut surprise et brûlée entièrement: les autres domestiques se sauvèrent comme ils purent. Fâcheuse extrémité! Et <ce> coup me semble être irréparable.

Mais la grâce plus que maternelle de s. m. i. me dédommagea pour la plus grande partie. Outre les étoffes de soie de chaque espèce, les peaux de renards, et toutes sortes de provisions, elle a eu la générosité tout-à-fait impériale de me donner par son ordre exprès, signé de sa propre main, trois mille roubles, qui font comme vous savez, quinze mille livres de France. C'est à juste titre que vous admirez, monsieur, la bonté et la libéralité de notre souveraine. Je passe sous silence les paroles gracieuses et touchantes, que s. m. i. prononça en ma faveur, lorsque je me suis jeté à ses pieds en signe de mes actions de grâces. Il suffit de vous dire que sa grâce impériale passa mes attentes.

Je serais le dernier des ingrats, si je ne vous disais rien de la libéralité charitable envers moi de presque tous les grands-seigneurs et des dames et surtout du prince et de la princesse de Kourakin, du comte et de la comtesse de Warontzoff.⁸ Croyez-moi, monsieur, s. e. mgr. le président, conjointement avec mr l'assesseur de Teploff,⁹ m'ont donné pour plus de 200 roubles; qu'il vous plaise de juger par là des autres.

Je n'oublierai jamais la généreuse libéralité de mr le professeur de Müller,¹⁰ le lendemain de l'incendie, pendant que je ne savais rien touchant la manifescence de s. m. i. il m'envoya vingt roubles, dans le temps que j'étais encore dans la maison de mr le conseiller de Nartoff,¹¹ car c'est lui, qui, par sa bonté pour moi, me retira charitablement, avec toute ma famille, chez soi, en me fournissant 8 jours de suite non seulement le nécessaire, mais même au-delà

du superflu. Que le Seigneur, source de toute bonté et charité veuille les récompenser tous, par sa sainte bénédiction et faveur, puisque mes forces n'égalèrent jamais la grandeur de leur généreuse charité.

Au reste, je prends la liberté de vous souhaiter une bonne et heureuse année, dans laquelle nous allons entrer, accompagnée de toutes sortes de biens tant spirituels, que temporels, et faisant mille et mille compliments à madame Delisle, votre chère épouse, je suis avec respect et considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

A St-Petersbourg, le 13 X^{bre} v. s. 1747.

Перевод:

Милостивый государь! Я получил ваше весьма любезное письмо от 13 ноября¹ и желал бы выразить радость, которую оно мне доставило. Если я тронут той честью, что вы меня помните, то я не менее признателен и за знаки доброты, которые вы изъявляете почти в каждой строке; и скажу по чести, она будет мне всегда бесценной. Прошу вас, милостивый государь, соблагovolите удостоивать меня вашим уважением и впредь: смею уверить вас, что я не останусь неблагодарным, ибо употреблю все старания, дабы быть достойным все более и более, скорее делами, нежели словами.

Что же до Академии, то ныне, благодаря милости е. и. в. и настоятельным заботам е. с. г-на президента, она преуспевает, если не говорить о пожаре, случившемся в 5 часов пополудни 5 декабря ст. ст. и действительно причинившем кое-какой урон, впрочем, поправимый. Прежде всего учреждены Регламент и Штат, весьма основательные и справедливые. Академия разделена на два департамента, один из которых — собственно Академия наук, и члены, ее составляющие, отныне будут именоваться академиками, а второй — Университет, подчиненный Академии, его члены — профессора, занятия и обязанности которых так же, как у академиков, упорядочены таким образом, что никаких споров более возникать не будет. Чтобы поддержать славу и честь Академии, е. и. в. милостиво повелела увеличить годовой расход на Академию до 53 000 рублей и несколько сотен сверх того. Многие среди благородных людей находят, что подобное устройство Академии окажется весьма полезным для нации. Но что меня более всего радует, так это то, что не проявляется более никакой враждебности и ни малейшего упоминания о прежней распре.² Все они преданы забвению и с той, и с другой стороны. Мы же люди учащие, то есть профессора, наслаждаясь прочным миром, пребываем в покое и согласии. «O рах, расет te colimus omnes».* Это лишь краткий очерк нынешнего состояния Академии, подробное его описание составит целый том.

От Академии я перехожу к Сорбонне, т. е. от гуманитарных наук к теологии; без хвастовства скажу, что я сам в состоянии удовлетворить г-на доктора и библиотекаря Сорбонны³ по всем вопросам: тем не менее чтобы придать больше весомости ответу, который будет по моему настоянию послан через посредство Коллегии иностранных дел, а следовательно, русского министра в Париже,⁴ и для того, чтобы еще больше убедить в этом г-на доктора (quem semel iterumque honoris causa hominari et me illi quam maxime comandatum velim)**, я почел долгом обратиться к одному из наших священнослужителей, которые, как вы, должно быть, знаете, почти все склонны к тому, чтобы кто-нибудь из них сочинил этот ответ на латинском языке, и постараюсь осуществлять это как можно скорее.⁵

Статья, которую вы видите, милостивый государь, возможно, вас несколько огорчит, и я весьма опасуюсь, что не заслужу вашего прощения. Да, милостивый государь, я сделал экстракт из ваших заметок о явлениях как атмосферных, так и небесных; я перевел их на французский;⁶ я написал вам письмо. Оно было уже запечатано, и я, следовательно, готов был отослать вам небольшой пакет; но несчастье, несчастье великое и ужасное, которое застигло меня в глубоком сне 31 октября ст. ст. в 4 часа пополудни, не позволило мне быть по отношению к вам человеком слова. Весь мой дом с маленькой библиотекой и бумагами, с платьем, бельем, гриппем, провизией, деньгами, драгоценностями и кухонной утварью обратился в пепел, в прах, особенно же печалит сердце мое Роллен, несравненный Роллен, перевод которого (его «Древней истории») ⁷ я имел счастье окончить накануне вечером. Мы с супругой моей, полуодетые, спаслись через окно, а сын мой, двухлетнее дитя, едва не сгорел, забытый в своей колыбели. Но одна из моих служанок вытащила его и спаслась с ним через то же окно; вторая служанка также спаслась, но третья была застигнута огнем и сгорела; другие слуги спаслись, как сумели. Чудовищное бедствие! И удар этот кажется мне непоправимым!

Но е. и. в. оказала мне более чем матернюю милость, возместив в большей его части ущерб: кроме шелковых тканей всякого рода, лисьих шкур и разного провианта, она с подлинно царским великодушием пожаловала мне особым указом, подписанным ее собственной рукой, 3000 рублей, что, как вы знаете, соответствует 15 000 французских ливров. Вы по справедливости восхищаетесь, милостивый государь, добротой и щедростью нашей государыни. Я обойду молчанием милостивые и ласковые слова, которыми е. и. в. подарила меня, когда я бросился к ее ногам в знак моей благодарности. Довольно вам сказать, что царская ее милость превзошла мои ожидания.

Я был бы последним из неблагодарных, если бы ничего не сказал вам о великодушной щедрости ко мне едва ли не всех придворных кавалеров и дам, а особенно князя и княгини Куракиных, графа и графини Воронцовых.⁸ Верьте мне, милостивый государь, его пр-во г-н президент вместе с ассессором Тепловым⁹ одарили меня более чем на 200 рублей; а по сему можете судить и о других.

Я никогда не забуду благородную щедрость г-на профессора Миллера:¹⁰ на следующий день после пожара, когда я еще не знал о великодушии е. и. в., он послал мне 20 рублей, в то время как я еще был в доме г-на советника Нартова,¹¹ так как это он из доброго ко мне отношения приютил меня со всем семейством у себя, предоставляя 8 дней кряду не только все необходимое, но и излишнее, и даже более того. Да воздаст им господь, источник всяческой доброты и милости, своим святым благословением и покровительством, раз уж мои силы не сравняются никогда с величием их щедрой благотворительности.

Впрочем, я беру на себя смелость пожелать вам доброго и счастливого года, в который мы сейчас вступаем, всяческих благ, как духовных, так и мирских, и, посылая тысячу приветствий г-же Делиль, драгоценной вашей супруге, остаюсь с совершенным почтением ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Петербург 13 октября 1747.

* О мир, мы все тебя, мир, чтим (латин.).

** я хотел бы, чтобы он не раз был назван чести ради и чтобы я был ему представлен должным образом (латин.).

11. Г.-Ф. Миллеру

18 апреля 1748

Demnach d(ie) Herrn Professores bey Historiographischen Ver-
sammlung¹ vor nöthig erachtet haben, dass alle die zum Conferenz
und Sibirien betreffende Bücher,² so bey d(em) Herrn Professor
Müller vorhanden hier vorrathen seyen; also wird d(er) Herr Pro-
fessor hiermit dienstlich ersuchet, die bey dem Herr(ен) Professor
liegende Bücher Morgen gegen 9 Uhr nebst ein(er) Specification
anhero zu senden.

Votre très humble et très obéissant serviteur

В. Тредиаковскии.

Перевод:

В связи с тем, что господа профессора члены Исторического собра-
ния¹ сочли необходимым, чтобы все, относящиеся к Конференции и
Сибири книги,² кои имеются у господина Миллера, были бы здесь в нали-
чии, то господину профессору сим официально вменяется в обязанность на-
ходящиеся у господина профессора утром к девяти часам прислать сюда
вместе с подробным описанием (*нем.*).

Votre très humble et très obéissant serviteur

В. Тредиаковскии.*

* Ваш пикайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

12. В Канцелярию Академии наук¹

11 января 1749

По силе присланного мне из Канцелярии Академии наук ор-
дера от сентября 6 дня 1748 году, приобщенный при нем регла-
мент для Университета Историческому собранию я тогда же
вскоре предложил. Чего ради из господ членов, заседающих в оном
собрании, помянутый регламент от каждого особливо читан, и по
прочтении мнения свой об оном все написали и сообщили собра-
нию; а в какой кто силе, то при сем приобщаю подлинники их,²
таким точно языком, каким оные от них самих сочинены: ибо пе-
реводить их в нашем собрании некому, для того что переводчи-
ков не имеем, а мне, как известно Канцелярии, времени к тому
нет. Но которые пункты в каждом мнении апробованы обще, те
моею рукою подписаны, так же и в какой силе они апробованы.
При сем же возвращаю Канцелярии Академии наук и подлин-
ник самый регламента об Университете, сочиненный на россий-
ском языке.

Профессор Василий Тредиаковский.

Января 11 дня 1749 года.

13. В Синод

14 мая 1757

1

Читал я недавно третью епистола черныя моя Феоптии¹ да и рассудил о параграфѣ, начинающемся сими стихами:

Как овцы нам дают в потребность нашу вблну,
Так, будто наперыв пред ними, черви полну
Чудес способность всю к мягчайшим тем шолкам
Достаточно велми, оказывают нам.
Предивно! какову в себе являют силу!
Готовят как свою богатую могилу!
От семени опять рождаются те как!
И на себя потом берут червинный зрак!
Червяк собою тот нам кажется толь гнусен,
А делать нежный полк на щогольство искусен!

Да и рассудил, доношу, что сей параграф мало и весьма кратко предлагает о толь дивном естественном чуде, достойном для Зиждителейы мудрости обстоятельнейшего несколько описания; чего ради и прибавил я к сим десяти стихам еще двадцать следующих стихов, основанных на 38 главе Иова,² а именно,

Возможет ли сие ум благочестно здрав
Припадку приписать толь глупу для исправ?
Художники поднесь, искусством в них неложным
Могли ль подобны быть червям немногможным?
Изобрели ль они хоть средство, что б им вить
Толь равну, тонку толь, и толь блестящу нить?
Другое что у них в руках толь озаренно,
Чтоб делатъ им парчи цветами распещренно?
Кто вестъ, как сок листков толь в распростерту вервь
С сугубым слоєм в ней, тот обращает червь?
Как, ощутивши пар, мокроточка бестечна
Стать может толь крепка и быть вдоль бесконечна?
И кем червочик сей бывает опасен?
Да будет от зимы в убежище спасен?
В том skutавшись шолку, чему есть сам начало
Не движась там в бой и не дыша ни мало
Не в гробе ль он своем так неживя живет,
Что паки крил себе, восстав в жизнь нову, ждет?
Кто ж мудрость такову к прядению червочку
И дал, чтоб воскресать погодно, как цветочку?
Не меньше дивно есть, И ПРОЧАЯ РЯДОМ.

2

Того ради покорнейше прошу святѣйший правительствующий Синод, по явленных мне неотплатных милостях, явить и сию, то есть прибавленные мною вновь стихи освидетельствовать; а по освидетельствовании, буде явятся достойны, приказатъ труждающимся в напечатании Псалтири и Феоптии, что б сии стихи к помянутой моей епистолѣ и в назначенный параграф присово-

купить внесением;³ но при том, желал бы я, что б у них быть в Москве написанным здесь моею рукою стихам, списав с них точную копию для оставления при деле в святейшем правительствующем Синоде.

Сие доношение писал я, Василий Тредиаковский, и руку приложил, от 14 мая 1757 года.

14. В Канцелярию Академии наук¹

Май 1760

Господ членов, заседающих в Канцелярии Академии наук, профессор Тредиаковский просит припомнить, что ему по напечатанию каждого тома Ролленевы Истории,² получавшему тогда и жалованье, давалось по определению за труд двенадцать книг, из которых одна на александрийской бумаге, а другая на любской во французских переплетах, да десять на простой без переплета, а ныне он в корректурах (всегда скучнейших самого дела) пятого <и> шестого томов не по должности уже, но по ревности трудился ж, трудясь также и над седьмым, да без его корректур нельзя и обойтись для некоторых благосклонных причин. Итак, справедливо и должно, мнится, <на>градить его и ныне равным же образом, в рассуждении <пятого и шестого томов напечатанных и уже продаваемых>.³

15. В Канцелярию Академии наук¹

30 мая 1762

1

За милостивое решение Канцелярии Академии наук, состоявшееся сего мая 25 дня² в силу моего прошения, поданного апреля 15 дня сего настоящего года, достоительно благодарствую.

2

Но между прочими пунктами приказания, хотя и всеми благосклонными и с прошением моим согласными по благонамерению, пунктом под 4-м числом, начинающимся: *Также и за перевод последних томов, «по напечатанию оных»*, не можно мне никак быть довольну по многим твердым резонам, кои здесь умолчаваю, сверх что впадающая статейка, *по напечатанию оных*, всемерно против силы прошения моего, явствующего у меня под числом 3-м.

Того ради покорно прошу Канцелярию Академии наук благоволить показать мне полную милость и впадающую статейку в означенном 4-м пункте, *по напечатанию оных* благосклонно переменить на следующую, согласную с прошением моим, *по отдании рукописного тома к напечатанию*.

Доношение писал я Василей Тредиаковский, и руку приложил.

Мая 30 дня 1762 года.

16. В Канцелярию Академии наук¹

2 октября 1762

С пятого тома римския Ролленевы Истории перевод, окончанный мною, вносится при сем в Канцелярию императорской Академии наук почтенно.

Того ради покорно прошу помянутую Канцелярию благоволить выдать мне деньги, определенные за перевод каждого тома: также покорнейше и настоятельно прошу и за перевод четвертого тома той ж истории, которой уже весь и напечатан, кроме что первый заглавный лист не вышел еще из станков не знаю для чего, а притом и за табель хронологическую, и за алфавитный реэстр к десятому тому Древней Ролленевы ж Истории (то есть за труд, как могущий составить целый одиннадцатый том величиною в печати, так и бывший мне тягостнее всякого труда в моей жизни) приказать выдать <м>не деньги ныне, в которых я имею самую крайнюю и необходимую нужду.²

Доношение писал я Василей Тредиаковский и руку приложил. От 2 октября 1762 года.

17. В Канцелярию Морского шляхетного кадетского корпуса

14 марта 1767

Вторый том Истории о римских императорах¹ переводом мною окончан, и при сем конец того перевода Канцелярии представляется, для того, что начало, состоящее в большой половине, давно уже отдано в типографию, да и напечатано уже из того семь листов. Деньги триста рублей за труды в силу обязательства моего за каждый том, по внесении сего рукописного верю принять и в приеме расписаться сыну моему Льву Тредиаковскому, секретарю Мануфактур конторы.

Сей дубликатный репорт писал я Василей Тредиаковский и руку приложил.

14 марта 1767 года.

КОММЕНТАРИЙ

Письма В. К. Тредиаковского (1703—1768) начали публиковаться в периодической печати с 1823 г. Однако после издания академиком П. П. Пекарским в 1873 г. жизнеописания Тредиаковского, куда вошел обширный корпус писем и деловых документов, собранных в результате систематического обследования академического архива и введенных в большинство случаев в научный оборот впервые, подборок материалов о Тредиаковском в печати не появлялось. Для настоящего сборника была предпринята попытка разыскать в архивах Ленинграда и Москвы новые материалы из эпистолярного наследия Тредиаковского.

Известные по прежним публикациям письма в основном носят официальный характер: это переписка по Академии, прошения в Сенат, Синод, на высочайшее имя. Известно и несколько писем научного содержания, обращенных не только непосредственному адресату, но и некоторому кругу, интересующемуся литературно-теоретическими проблемами («Письмо Штелину», «Ответ на письмо о сафической и горадианской строфах», возможно, письмо 7 августа 1757 г. в «Ежемесячные сочинения»). К жанру личной переписки можно причислить лишь некоторые ранние письма Тредиаковского И.-Д. Шумахеру. Между тем сохранились свидетельства о ранней переписке Тредиаковского с А. Д. Кантемиром (Кантемир пишет в письме Х. Гроссу от 2 сентября 1737 г. о словаре, который Тредиаковский упоминает в письме к нему; см.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, с. 89); с М. В. Ломоносовым (письмо от февраля 1741 г. — антикритика на «Письмо о правилах российской стихотворства» Ломоносова и письмо от сентября—октября 1748 г. по поводу «Эпистол» А. П. Сумарокова; см.: ПСС, т. 10, с. 460); с вице-канцлером М. И. Воронцовым (Пекарский, с. 110). Переписывался, по всей видимости, Тредиаковский с А. Б. Куракиным, С. Витинским, с рядом духовных лиц — архиепископом новгородским Амвросием, епископом белгородским Петром Смеличем, архиепископом санктпетербургским и шлютербургским Феодосием, архиепископом тверским Митрофаном (Материалы, т. 5, с. 972; т. 8, с. 47). Публикуемые письма дают возможность предполагать существование переписки с Ж.-Н. Делилем и французским дипломатом Ж.-И.-Т. де ла Шетарди.

Вместе с тем эти письма позволяют уточнить наше представление о положении Тредиаковского в Академии наук в 1740-е гг. По-видимому, оно было значительно более устойчивым, чем это представлялось раньше. Трения с Ломоносовым, с членами Канцелярии Академии были еще незначительны, Тредиаковский с достоинством занимает свое место в среде академиков, его положительное мнение о речи Делиля (чрезвычайно важной в заключительной стадии борьбы академиков с Шумахером) служит основанием для ее одобрения, так же как отрицательное мнение о речи Г.-Ф. Миллера способствует ее неодобрению всеми академиками. Отношения с будущими главными противниками Тредиаковского в Академии Г. Н. Тепловым и Миллером, из-за которых он должен будет покинуть Академию наук в 1759 г., в 40-е гг. оказываются весьма благоприятными. Можно говорить и о каких-то особых связях Тредиаковского с влиятельными вельможами двора Елизаветы Петровны.

Деятельность Тредиаковского в Академии наук, Историческом собрании, его литературные труды, их издание находят отражение в публикуемой официальной переписке.

1. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 1—2.

¹ В письмах 1—3 идет речь о переводе романа П. Тальмана «Езда в остров любви» (СПб., 1730), посвященном князю А. Б. Куракину (1697—1749), покровителю и меценату Тредиаковского. Письма написаны Тредиаковским из Москвы в Петербург Иоганну-Даниилу Шумахеру (1690—1761), с 1724 г. секретарю Академии наук.

² Тредиаковский был представлен Анне Иоанновне в конце января 1732 г.

2. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 3—4 об. Частично опубликовано в статье А. И. Маленина «Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского» (Сб. ОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 431—432). Ответ Шумахера от 1 февр. 1731 см.: Пекарский, с. 25—27.

¹ Письмо Шумахера неизвестно.

² Как известно, и в допетровской традиционной культуре, и в московском барокко существовал запрет на любовную тему (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 193—195, 239—240). Очевидно, что слово «сзятости» адресовано и людям старомосковского закала, таким, как епископ Георгий Дашков, и киево-могилянским питомцам типа Феофилакта Лопатинского. Одобряют «Езду...», видимо; члены партии Феофана Прокоповича: в его общество и общество Синодальных членов Тредиаковский вскоре вступает и читает сатиру А. Д. Кантёмира с нападками на защитников старины, «против великороссийских богословия учителей, якобы ничего не знают» («Экстракт о бывшем архимандрите Малиновском». Пекарский, с. 38—39; ЦГАДА, ф. 7, № 515). Ср. обвинения в глупости, корыстолюбии и невежестве приверженцу старины, осуждающему «Езду...» от ее защитника (Москвитинин, 1853, т. 2, с. 125; ГБЛ, ф. 256, Рум. музей, I, № 1559).

³ Имеется в виду «Песнь. Сочинена... к торжественному празднованию коронации е. в. государыни императрицы Анны...». Листок этой песни с нотами напечатан в сентябре или октябре 1730 г.

3. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 5—6. Частично опубликовано в статье А. И. Маленина «Новые данные...», с. 432. Ответ Шумахера от 15 февр. 1731 см.: Пекарский, с. 27.

4. Список — ИРЛИ, ф. 166 (Л. Н. Майкова), № 96, л. 45—46. Автограф неизвестен. На обороте копии прошения Тредиаковского определение: «по сему прошению оному секретарю Тредиаковскому за бой его и увечею от бывшего Волынского выдать вдвое из той суммы, которая за проданные его пожитки собрана и собирается. Именем е. к. в. Анна. Ноября 14 дня 1740 году».

¹ Кабинет-министр А. П. Волынский (1689—1740) дважды жестоко избил Тредиаковского, который после этого тяжело заболел. Этот эпизод изображен И. И. Лажечниковым в романе «Ледяной дом». Причиной гнева Волынского, по-видимому, были направленные против него стихи поэта (может быть, басня «Самохвал») и злейшая вражда Волынского с покровителем Тредиаковского А. Б. Куракиным (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 10. М., 1963, с. 533). 10 февраля Тредиаковский написал доношение в Академию наук, в котором изложил все эти события (там же, с. 531—532). Когда Волынский пал и 13 апреля была образована Генералитетская комиссия для суда над ним, Тредиаковский 23 апреля подал доношение на высочайшее имя (частично опубликовано: Пекарский, с. 77—79; конец доношения — Отеч. зап., 1860, № 5, с. 101—102). Настоящее прошение Тредиаковский подал через три дня после падения регента Э.-И. Бирона (1690—1772), определившего вознаграждение Тредиаковскому за бесчестие и увечею.

² В Манифесте о Тредиаковском сказано: «Ведая он, Волынский, сам, сколь святы и безопасны наши монаршеские палаты и все ко оным принадлежащие покои и апартаменты... однакож, с нарушением всего того, дерзнул в самых тех наших императорских палатах нагло и насильственно одного секретаря, который о явных его, Волынского, государственным правам противных поступках и нападениях на него нам всеподданнейше бить челом пришел, бить и из тех наших палат за волосы вытащить, и к себе под караулом отослать, и там еще мучительскими побоями оскорблять. И сей свой предерзостный поступок ни во что вмения тем, которые его в том предосуждали, не постыдился говорить: „пускай де за то сердятся, а я свое взял“» (Отеч. зап., 1860, № 6, с. 573).

³ После казни Волынского 27 июня именным указом образована Следственная комиссия для разбора якобы имевших место финансовых злоупотреблений Волынского и его конфидентов и удовлетворения челобитчиков на бывшего кабинет-министра (Полное собрание законов, т. 11, с. 175, 176; Отеч. зап., 1860, № 6, с. 582). Челобитную на высочайшее имя в Следственную комиссию от 29 июля см.: Пекарский, с. 80—81.

5. Автограф — ГПБ, ф. 971, собр. Дубровского, № 58. Ответ Кантемира от 21 апр. — Сб. ОРЯС, 1903, с. 185.

¹ Кантемир А. Д. (1708—1744) с 1738 г. был русским послом в Париже.

² Ж.-И.-Т. маркиз де ла Шетарди (1705—1758) с сентября 1739 по 1742 г. — посол Франции в России. В феврале 1742 г. по именному указу Елизаветы Петровны Тредиаковский был отправлен при Шетарди в Москву, где находился до конца года (Пекарский, с. 85—89).

6. Автограф — ГПБ, ф. 971, собр. Дубровского, № 62.

¹ Кирилл Флоринский (ум. 1744) — проповедник, богослов и библиист, с 1741 г. ректор Московской духовной академии.

² Марья Дмитриевна Кантемир.

³ Возможно, Петр Витинский — родственник Стефана Витинского, преподававшего в Харьковском коллегии, последователя и корреспондента Тредиаковского (см. о нем: Материалы, т. 4, с. 201).

7. Автограф — ААН, разр. V, оп. 1—Т, ед. хр. № 11/1.

В заседании Собрания 23 мая 1746 г. было объявлено о назначении в Академию наук президента К. Г. Разумовского (1728—1803). Это был момент крайнего обострения давней борьбы между Шумахером и академиками во главе с Делилем. Новый президент должен был разобрать многочисленные доношения академиков в Сенат на Шумахера (см. письмо 9). Академики стремились, чтобы президент занял благоприятную позицию к ним и их требованиям. В Собрании 23 мая Делиль предложил приветствовать президента от имени всех академиков речью, в которой бы «было изложено состояние... Академии и способ ее исправления», и согласился ее написать. В следующем Собрании 26 мая Делиль передал речь академикам для ознакомления (Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук, т. 2. СПб., 1899, с. 145—147). Письмо Тредиаковского обращено, по-видимому, к одному из академиков, принимавшему активное участие в обсуждении речи. В торжественном собрании 11 июня речь от имени академиков произнесли Делиль (текст речи — ААН, ф. 21, оп. 1, № 116, краткое изложение: Пекарский, с. XXII—XXIV), Шумахер и Тредиаковский (см.: Прибавления к «Санктпетербургским ведомостям», 1746, 12 июня, № 47).

¹ Миллер Герард-Фридрих (1705—1783) — с 1730 г. профессор истории Петербургской Академии наук.

² Делиль Жозеф-Николай (Иосиф-Николай) — в 1725—1747 гг. академик-астроном Петербургской Академии наук.

8. Автограф — ААН, разр. I, оп. 73, ед. хр. 54.

Письмо связано с работой Тредиаковского над «Пасхалией» (заключена в 1747 г.), в которой он предлагал свои новые математические расчеты для определения дня пасхи и церковных праздников (несколько рукописей хранятся в ГБЛ, а также ГПБ и ААН).

¹ Винсгейм Христиан-Николай (1694—1751) — академик-астроном.

9. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 44, л. 105—105 об.

Для разрешения спора между Шумахером и академиками, подававшими на него многочисленные доношения в Сенат, Разумовский 21 февраля затребовал от академиков письменное изъяснение, «не имеют ли они на советника Шумахера еще какие жалобы или доказательства» (Материалы, т. 8, с. 679). Вместе с Тредиаковским отказались от своих обвинений П.-Л. Леруа (ААН, ф. 3, оп. 12, № 44, л. 106) и Винсгейм (там же, л. 108); Миллер и Г. В. Рихман уклончиво отвечали, что прежние доношения истинны, но ничего не привели для их подтверждения (там же, л. 108—108 об., 111—112). Особую позицию занял Ломоносов (см.: ПСС, с. 172—173). Тредиаковский подписывал доношения сразу после своего вступления в Собрание 12 августа 1745 г.; в конце августа, сентябре и 13 ноября (Материалы, т. 7, с. 548—555, 634—647, 697—700). Не подписано им первое пространное доношение 24 июля 1745 г. и доношения от 31 июля, 9 августа, 31 декабря 1745 г. (см. там же, с. 480—485, 490—491, 503—510, 718—735).

¹ Ф.-Г. Штрубе де Пирмон (1704—1790?) — с 1738 по 1757 г. профессор юриспруденции и политики, в 1746—1749 гг. исполнял обязанности конференц-секретаря Академии.

10. Список XX в. — ГПБ, ф. 903, собр. А. Г. Яцевича, № 9, л. 1—6 об.

Письмо адресовано Делилю во Францию, куда он был вынужден уехать в начале 1747 г., после того как в Академии наук восторжествовал Шумахер.

¹ Письмо Делиля неизвестно.

² Подразумевается борьба академиков и Шумахера.

³ Доктор и библиотечкарь Сорбонны — неустановленное лицо.

⁴ Полномочным министром при французском дворе в 1746—1748 гг. был Г. Гросс (ум. 1765).

⁵ Возможно, речь идет о продолжении контактов между русскими и французскими церквами, начатых в 1717 г. Тредиаковский был причастен к ним во второй половине 20-х гг. в свою бытность в Париже, когда общался с доктором Сорбонны Л. Ф. Бурсье (L. F. Boursier, 1679—1749), активнейшим сторонником сближения. (См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 42; *Boursier L. F. Histoire et analyse du livre de l'action de dieu...*, vol. 3. Paris, p. 277).

⁶ Место трудно поддается комментированию. Свои работы и записи наблюдений Делиль обычно вел только на французском языке, поэтому Тредиаковский не мог переводить на французский статью самого Делиля. Можно предположить, что речь идет о русских летописях, из которых Тредиаковский по просьбе Делиля делал выписки об астрономических и метеорологических явлениях. (Сообщено Н. И. Невской).

⁷ «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках... Сочиненное чрез г. Роллена...».

⁸ Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — вице-канцлер.

⁹ Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — ассессор Канцелярии Академии наук.

¹⁰ О Миллере см. примеч. 1 к письму 7.

¹¹ Нартов Андрей Константинович (1680—1756) — начальник инструментальной мастерской Академии.

11. Оригинал — ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 91. Текст рукой писца, только заключительная формула — автограф.

¹ «Собрание историческое», учрежденное 24 марта 1748 г., занималось гуманитарными науками: историей, литературой и др., а также должно было обсуждать уставы Академической гимназии и университета. (Материалы, т. 9, с. 126; ср. письмо 12). Членами Собрания были Миллер, П.-Л. Леруа, Ш. де Пирмон, Я. Штелин, И. Тауберт, Тредиаковский, Ломоносов, Х. Крузиус, И.-Э. Фишер, И.-А. Браун, должность секретаря управлял Тредиаковский.

² По-видимому, материалы Сибирской экспедиции Миллера; ср. «репорт» Тредиаковского в Канцелярию Академии наук 19 авг. 1748 г. (Материалы, т. 9, с. 380; ср. также с. 161).

12. Оригинал — ААН, р. 1, оп. 70, № 17, л. 26—26 об., текст рукой писца, только подпись — автограф. Копия — ААН, ф. 3, оп. 1, № 803, л. 20.

¹ В Канцелярии в январе 1749 г. присутствовал И.-Д. Шумахер (ААН, ф. 3, оп. 1, № 518, л. 58—60). Он отослал регламент Академического университета, сочиненный Миллером, Тредиаковскому как секретарю Исторического собрания, «дабы оный предложил Историческому собранию для прочтения, не найдут ли чего прибавить...» (Материалы, т. 9, с. 396). Регламент обсуждался членами Собрания в сентябре—декабре (Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, с. 127—137).

² Мнение Ломоносова — ПСС, т. 9, с. 441, мнения Брауна, Ш. де Пирмона, Фишера, Крузиуса и дополнение Тредиаковского к мнению Ломоносова — ААН, ф. 3, оп. 1, л. 23—42 об.

13. Автограф — ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. № 1038, л. 128—129.

¹ Черновой экземпляр теолого-философской поэмы Тредиаковского «Феоптия, или Доказательство богозрения...» (1750—1754).

² Тредиаковский заимствовал из этой главы Книги Иова прием вопроса, обращенного к сомневающемуся.

³ Синод 31 мая приказал «Оные тем профессором Тредиаковским прибавленные стихи, кои по свидетельству оказываются быть непротивны (православному вероучению, — А. Ш.), вышеозначенные печатаемые Псалтирь и Феоптию к показанным оным доношением местам присвокупить позволить...» (ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. № 1038, л. 127). Однако и «Феоптия», и преложение Псалтири в XVIII в. не были напечатаны. Двадцать стихов, которые Тредиаковский приводит в письме, не вошли в текст «Феоптии», опубликованной в Избранных произведениях Тредиаковского в 1963 г.

14. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 254, л. 275. Край рукописи зашит в корешок. Частично опубликовано: Пекарский, с. 213.

¹ В Канцелярии в мае 1760 г. присутствовали Ломоносов, И. Тауберт и Я. Штелин.

² См. примеч. 7 к письму 10 на с. 65.

³ 29 мая Канцелярия постановила удовлетворить просьбу Тредиаковского.

15. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 281.

Попытка Тредиаковского издавать на своем коште и продавать «Римскую историю от создания Рима до битвы Актийския» Ш. Роллена была неудачна. 15 апреля 1762 г. он обратился в Канцелярию с просьбой взять издание на казенный кошт (частично опубликована; см.: Пекарский, с. 217—218; автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 274—274 об.). В публикуемом прошении Тредиаковский просит выдавать гонорар по отдаче им рукописи, а не по напечатании тома. На это прошение Канцелярия постановила выдавать Тредиаковскому гонорар в 300 рублей после выхода каждого тома в свет, «а не так как бы господин Тредиаковский сомневался, что по напечатанию всех той истории томов». Если по «типографским невозможностям» выход томов задерживался, «а он бы чрез то не

получа иногда долгое время денег не терпел нужды», то выдавать деньги по получении рукописного тома. На копии этого определения приписка Тредиаковского: «Сие определение читал и по нем исполнять буду, токмо б мне по внесении каждого рукописного моего тома деньги жалованы были: ибо, считаю, может что типография без всякия отрывки от дела — один том целый год или два печатанием продолжить» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 282—282 об.).

¹ В Канцелярии в мае 1762 г. присутствовали Ломоносов и Тауберт (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 139—141 об.).

² У Пекарского (с. 218) ошибочно: 22 мая.

16. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 287.

¹ В Канцелярии в начале октября присутствовал Тауберт (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 226—228).

² В 10 томе перевода «Древней истории...» Роллена (1762) была помещена составленная Тредиаковским «Табель хронологическая» (с. 232—314) и «Указание вещей, содержащихся в Ролленовой Древней истории» (с. 315—561). В результате публикуемого прошения Тредиаковского Канцелярия 22 октября определила выдать ему за табель и реестр, имевшие объем в 40 листов, 200 рублей (Пекарский, с. 218).

17. Список — ИРЛИ, ф. Майкова, № 96, л. 40. Автограф, хранившийся в ГПБ, не обнаружен.

¹ «История о римских императорах от Августа по Константина...» Ж.-Б.-Л. Кревиера (т. 1 напечатан в 1767 г.).

А. П. СУМАРОКОВ

Публикация В. П. Степанова

1. К. Г. Разумовскому¹

28 октября 1747

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Я намерен издать сочиненную мною трагедию «Хорева» в свет. А понеже, милостивый государь, исполнение моего желания зависит от особы вашей, — того ради приношу оную вашему сиятельству для рассмотрения и, ежели она напечатания достойна, то прошу, милостивый государь, приказать ее напечатать за мои деньги, литерами, называемыми корпус, с прокладыванием лубочков, в большую октаву, числом 1200 экземпляров, с таким определением, чтоб и впредь против воли моей сей моей трагедии других эдиций в Академии не печатать; ибо то, что я сочинил, мне, как сочинителю оного, свой труд издавать приличнее, а убытку из того академической сумме быть не может. Ежели ж для каких-либо обстоятельств сих моих стихов ныне напечатать неудобно, то прошу сию мою трагедию возвратить мне назад, ибо меня к тому, чтоб она была напечатана, ничто не понуждает, кроме одного искреннего желания тем, чем я могу, служить моему отечеству. Еще прошу, сиятельнейший граф, ежели будет на то ваше соизволение, приказать употребить к тому бумагу такую, какую я потребую, а деньги с меня взыскать, хотя до печатания, хотя после печатания, как ваше сиятельство приказать изволите. На что ожидаю вашего сиятельства милостивого повеления, пребывая с крайним моим почтением вашего сиятельства вернейшим и покорнейшим слугою,

Александр Сумароков.

Октябрь 28-го дня 1747-го.

2. И. П. Елагину,¹

15 декабря 1748

Государь мой Иван Перфильевич!

Должно мне принять из Академии напечатанные мои двух трагедий и двух эпистол экземпляры.² А понеже я сегодня отъезжаю в Москву, того ради прошу, чтоб оное вместо меня вы исполнили, а притом взяли в книжной лавке мои расписки в принятии за проданные трагедии денег и в принятии мною нескольких экземпляров, а во всем том дали за своею рукою квитанцию. А чтоб то Академии было вероятно, ради того даю я в оном вам сие от себя поверенное письмо, которое я писал svoеручно. И во уверение того подписуюся.

Ваш, государя моего, покорный слуга

Александр Сумароков.

Декабря 15-го 748.

3. И.-Д. Шумахеру¹

4 февраля 1755

Высокоблагородный господин советник, милостивый государь мой!

Я о напечатании оперы от е. и. в. повеления не имею, а присылал ко мне его превосходительство Семен Кириллович Нарышкин² с запискою, чтобы я оперу печатал, которому я многие тому представлял неудобствы и что мне без ясной резолюции оперы печатать невозможно. Однако я от его превосходительства ни малейшего на то изъяснения не получил. И хотя Канцелярия Академии из Придворной конторы промеморию о печатании оперы и получила, но я еще на предложение мое от Придворной конторы никакого определения о напечатании не имею. Ибо как вашему высокоблагородию известно, что без автора и без ясного распорядка в печатании: сколько книг, на какой бумаге, какой величины, какими литерами и проч. — выдавать сочинения почти неудобно. А я с каким тщанием оперу сочинял, с таким оную и выпустить намерен, чтобы тем показать, что я и сочинял и издал в свет оперу свою с крайним радением, чтоб оный труд мой не сделал мне бесчестия и мог бы быть угоден е. и. в. Я в прочем вашего высокоблагородия также готовый слуга

А. Сумароков.

4 февр. 755.

4. И. И. Шувалову¹

5 января 1757

Милостивый государь! Заговенье будет февраля 9-го дня, до которого дни осталось времени очень мало. А вместо моей труппы ныне интересуются подъячие, собирая за мои трагедии по два рубли и по рублю с человека, а я сижу, не имея платя актерам, будто бы театра не было. Сделайте милость, милостивый государь, окончайте ваше предстательство; ибо я без оного дирекцию иметь над театром почти себе в несчастье. Обещанную мною комедию² надобно мне сделать в свободных мыслях, которых я не имею, и ежели бы мне не было остановки, то бы я давно оную окончал; а в таких обстоятельствах, в каких я теперь, получить хороших мыслей никак неудобно. Времени осталось столько мало, что никак на вольную комедию надеяться нельзя: ³ в апреле по неспособности реки, а потом за неимением моста представлению быть нельзя; а летом представлять очень трудно. Помилуйте меня и сделайте конец, милостивый государь, или постарайтесь меня от моего места освободить. А я всегда вашего превосходительства всепокорнейший слуга

А. С.

5 генв. 757.

5. И. И. Шувалову

29 апреля 1757

Милостивый государь! Я неоднократно дерзал утруждать ваше превосходительство о повелении, чтобы на французском театре моим актерам было позволено играть в те дни, в которые от Серини¹ не представляются драмы, и по необходимости, или паче в рассуждении вашей ко мне отменной милости, еще вас утрудить дерзаю. Лето настает, а деньги в театральной казне исчезают. А я тысячами препятствий не только в представлениях лишен всего одобрения, но к лютейшим моим воображениям и чувству в моих хлопотных и всем бесполезных обстоятельствах лишен всех поэтических мыслей и не могу ничего зачать к удовольствию двора и публики. Никто не может требовать, чтобы русский театр основался, ежели толикие трудности не пресекутся, которые не только отъемлют у меня поэтические чувства, но все мое здоровье и разум, что еще я и больше всех на свете почитаю благополучий. Удивительно ли будет вашему превосходительству, что я от моих горестей сопьюсь, когда люди и от радостей спиваются? Я опасаясь ваше превосходительство много утруждать, и когда говорю с вами, всегда берусь, чтобы вам не наскучить и не сделаться противным; а об-

стоятельства русского театра весьма всему свету могут показаться удивительны. Кто может поверить в Париже, когда я, некоторым образом не делая бесчестия моему отечеству, сим самым мучусь, имея еще милостивца, любителя наук и художеств. Сколько я вас люблю, тому свидетель весь свет; а на совесть свою я посылаться не могу, ибо льстецы и бездельники ее себе во лжесвидетельство употребляют. Карневал до последних дней масленицы² прошел без представления от русского театра за неимением платья. Май настает, время к удовольствию воздушных приятностей увеселения, а я вместо сочинений и представлений стражду и все, что ни есть на свете, теряю: здоровье, ум, веселости, надежду, славу. Но можно ли мне изъяснить мое бедное от драматического стихотворства состояние! Вы можете мне ответствовать: страдай и что хочешь делай. Однако я от вас сего ответа не ожидаю и измеряю ваши милости моим к вам усердием, с которым, ожидая милостивого предстательства о театре и о людях, к тому потребных, есмь и буду до смерти моей не яко Иуда, но яко честный человек, вашего превосходительства всепокорнейший и нижайший слуга

Александр Сумароков.

29 апр. 757. СПб.

6. И. И. Шувалову

1 мая 1757

Милостивый государь! Апрель месяц, оставший ото всей зимы для собрания на комедию денег, прошел, майская погода устанавливается, и вся чайтельная казна минуется, а я, что паче всего! докуками и беспокойствами приведен в такое лютое состояние, из которого я во всякое готов; ибо моего хуже нет. Я время провожу вместо сочинения драм, милостивый государь, в одних только бесполезных двору и обществу беспокойствах и теряю все стихотворные мысли или паче и разум, без чего стихотворцу обойтись не очень легко, а особливо драматическому: ибо драмы рассеянными мыслями не только сочинить, но ниже расположить неудобно. Что мне наконец делать, милостивый государь, с актерами? Денег скоро больше не будет, дохода сбором без театра иметь не можно, а до сентября еще не близко. Но что мне как ни жестоко, всего жесточе то, что я должен упражняться вместо стихотворства в докуках, нимало нраву моему не сделать дела, и быть во всегдашнем упражнении, и целый год хлопотать, и ничего не выхлопотать

Demain, demain, dit-on, va combler tous nos vœux,
Demain vient, et nous laisse encor plus malheureux.*

Я, впрочем, имею честь и милость называться и действительно быть вашего превосходительства, милостивого государя, всепочтеннейшим и нижайшим слугою

Александр Сумароков.

Мая 1 дня 757.

Перевод:

* Завтра, завтра, — говорят, — исполнятся все наши желания.
Завтра приходит, а мы — еще более несчастны.

7. И. И. Шувалову

1758

Я не ведаю, кто это мог сказать: мы-де по воле е. в. ездим в русский театр,¹ а, впрочем, несносно-де терпеть от Сумарокова. Я ни с кем не говорю в это время и всегда почти на театре. Сказать легко все, а доказать трудно. В день представления — я только о том и думаю; и сколько я ни горяч, однако ни одному зрителю ни малейшей неучтивости не сделал; а ежели я делал — для чего мне это терпится? Что обо мне говорят не истину, я этому не удивляюсь. Тому только дивлюсь, для чего я обвиняюсь без исследования. А я так счастлив был по сей день, что не только на меня жаловаться кто причину имел, но ниже я ни на кого. А кто поддерживает Локателли² у вашего превосходительства и меня злословит, я это знаю: *c'est le ... je me tais.**

Перевод:

* Это... впрочем, умолкаю.

8. И. И. Шувалову

7 января 1758

Милостивый государь! Другой год, то есть другая зима проходит от зачатия Российского театра; доукам от меня к вам и моим несносным беспокойствам числа нет. Нет ни одного дня комедии, в который бы не только человек не был возмущен в таких обстоятельствах, ангел бы поколебался. Гофмаршал¹ изволил ко мне прислать час пополудни, что к завтраму театр для русских комедий готов, только-де не будет от маскарадов музыки; а мне сегодня не только искать музыкантов, но ниже публикации сделать уже неколи ни о том, что будет представление, ни о том, что не будет. А Алексей Анофьевич, который дирижировал русским оркестром, определен играть в маскарадах. Музыканты-де после маскарадов будут уставать, это правда; однако, что маскарады будут по середам, я этого не знал. А мне,

хотя русские играют, хотя нет, все равно; жаль только того, что ни я, ни они не можем работать. Да и актеров, ни актрис сыскать без указа нельзя; а которые и определены, да еще и по именному указу, отходом мне страдают, на меня жалуясь, лгут, а сверх того еще в малую определенную сумму забратых не платят денег; да и жаловаться на них, или паче представлять, не знаю где. Я вашему превосходительству скучаю, это правда; да что мне делать? Ежели бы мое представление и весь прожект был апробован, ни малейшей бы от меня доуки не было никому. Я больше доуки делать не буду; только прошу, чтобы невозможности не причесть моему упрямству, в котором случае я могу быть несчастен, а не виновен. Что я представляю, это ясная правда. Вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Александр Сумароков.

7 генв. 758.

9. И. И. Шувалову

9 января 1758

Милостивый государь! Несколько праздников было по четверткам, и для того я в те дни играть не мог, а ныне на котором театре мне играть, я не ведаю. Там Локателли, а здесь французы, а я, не имея особливого театра, не могу назначить дня без сношения с ними, да и им иногда знать нельзя. Что мне в таком обстоятельстве делать?

Театральный в России год начинается с осени и продолжается до великого поста. Восемь недель осталось только, в которые всегда ли актеры будут здоровы, неизвестно; а пятый месяц наступил российских театральных представлений, а всего прибытка нет пятисот рублей, не считая, что от начала театра на платье больше двух тысяч истрачено. Словом сказать, милостивый государь, мне собирать деньги вместо дирекции над актерами и сочинения и неприбыльно, и непристойно; толь и паче, что я и актеры обретаемся в службе и в жалованьи е. в., да и с чином моим, милостивый государь, быть сборщиком не гораздо сходно. А я и о своих собственных приходах и расходах большого попечения, а паче любя стихотворство и театр, не имею. Это место для меня всех лучше, ежели бы только до сочинения и представления касалось; а сборы толь противны мне и несродственны, что я сам себя стыжусь: я не антрепренер — дворянин и офицер, и стихотворец сверх того. И я, и все комедианты, припадая к стопам е. в., всенижайше просим, чтобы русские комедии играть безденежно и умножить им жалованье. А сбора, чтобы содержать театр, быть не может, и все это унижение от имени вольного театра не только не приносит прибыли, по ниже пятой доли издержанных денег не возвращает,

а очень часто и день не окупается; а мне — всегдашние хлопоты и потеряние времени, ваш⟨ему⟩ превосх⟨одительству⟩ — всегдашняя добука. Одно римское платье, а особливо женское, меня довольно мучило и мучит; то еще хорошо, что от великой княгини¹ пожаловано.

Вашего превосходительства всепокорнейший и несчастнейший слуга

А. Сумароков.

9 гев. 758.

10. И. И. Шувалову

24 февраля 1758

Monseigneur! Je suis mortifié de fâcher v. e. et de vous dire qu'il y a un grand obstacle de représenter la pièce.¹ Tout est prêt, j'ai parlé avec le maréchal de la cour, avec Marck Fed.² de même, tout a bon train, mais pour les huit chantres il n'est point des habits, chose très petite, mais très nécessaire. Je ne sais que faire, le reste du temps est un seul jour; ordonnez-moi tout qui est possible et dispensez-moi pour répondre après tous mes soins sur les choses impossibles, dieu lui-même ne peut les faire et moi encore moins; si c'est même par le suprême ordre, l'impossibilité est excusée. J'ai l'honneur d'être, monseigneur, de votre excellence le plus humble et le plus soumis serviteur

А. Soumarocoff.

le 24 février 758.

NB Il faut faire des preuves.

NB Il faut faire des billets et publier, combien reste-t-il du temps.

Перевод:

Милостивый государь! Я удручен необходимостью огорчить ваше превосходительство и сообщить вам, что к представлению пьесы имеется серьезное препятствие.¹ Все готово; я договорился с гофмаршалом, с Марком Федоровичем тоже; ² все идет гладко, однако для восьми певчих совсем нет театрального платья, вещи весьма малой, но весьма необходимой. Не знаю, что и делать: времени остается всего лишь день. Велите мне исполнять все, что в моих силах, но увольте меня отвечать за вещи, несмотря на все мои старания, невозможные. Они не под силу и самому господу богу, а мне и того меньше, хоть это и по высочайшему приказу; а невозможность извинительна. Имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший и нижайший слуга

А. Сумароков.

24 февраля 758.

NB Надобно устроить репетиции.

NB Надобно приготовить билеты и напечатать, покамест есть время.

19 мая 1758

Милостивый государь! Я у вашего превосходительства ради того давно не был, что, не имея на Адмиралтейской стороне ни кареты, ни лошадей, за слабостию моего здоровья в так холодную погоду, бояся простуды, пешком ходить опасаяся.¹ Ваше превосходительство изволили приказывать неоднократно, что вы намерены мне сделать милость и переговорить со мною о театре. Я подлинно грудью очень немогу, погода продолжается очень худая. А что меня слабость моего здоровья допускает еще переезжать по четвергам в театр, так я приезжаю в присылаемых к нам конюшенных каретах; а иногда и туда езжу, удивляясь сам себе, как я силы собираю преодолевать несносный боль, который меня простудою в представление «Мещанина во дворянстве»² так мучил, что описать невозможно. Вы сами, милостивый государь, сей жестокой болезни подчинены и собственным чувствием больше, нежели изъяснением страдающего, оный понимаете. Сегодня я через силу к вашему превосходительству выехать хотел в рассуждении надобностей, касающихся до наступающего представления; однако жестокая погода того меня лишила. Окончив мои извинения, дерзаю ваше превосходительство утрудить и донести, что в четверг представлению на Российском театре быть нельзя ради того, что у Трувора платья нет никакого. К Симонову³ я посылал, только он в Петергофе, и сказали его домашние, что он будет сегодня к ночи. А другой драмы, твердя «Синава и Трувора», не вытвержено. О музыке я больше не говорю, когда судьбина не защищает меня от нападения господина Сивирса: *Un Allemand en vangeant les comédiens français poursuit un auteur russe au milieu de sa patrie.** А об иллюминации нижайше прошу, ежели вы меня жаловать изволите, представить е. в., что я восковой иллюминации содержать не в состоянии, а сальной мне иметь не позволяется. Восковая иллюминация употребляется не для меня и не для порученного мне театра. Я вашему превосходительству много докучаю, да и обойтись мне нельзя; ибо от начала учреждения театра ни одного представления еще не было, которое бы миновалось без превеликих трудностей, не приносящих никому плода, кроме приключаемого мне мучения и превеликих замешательств. Ежели б ваше превосходительство изволили когда обстоятельно выслушать о неудобствах театра и отвратили бы слух свой от моих недоброжелателей, или паче от ненавистников Российского театра, вы бы удивились, сколько я по театру трудностей преодолеваю. Вы бы сами обо мне сожалели. Сто бы раз для всего легче было, ежели бы однажды всему театру положено было основание. Я бы имел к театральному сочинению и к управлению больше способного времени, мысли бы мои были ясные, и силы бы мои бесполезно не умалились; а время бы

оставшее употребил я себе на отдохновение, которое стихотворцу весьма потребно, и не лишался бы так часто вашего дражайшего мне присутствия, а между тем мог бы я отвращать Ломоносова против себя толкования с употреблением имени вашего и всех придворных кавалеров. . . Оставив то: представления в четверг быть не может, как я уже донес, ибо у Трувора платья нет. А осталось для репетиции как драмы, так и музыки, для публикации и для всего до театра касающегося времени только один день. Я нижайше прошу меня остеречь и извинить пред е. в., что всевысочайшее повеление не от упрямства моего, но от невозможности не исполниться.

Вашего превосходительства, милостивого государя, всепокорнейший и нижайший слуга

Александр Сумароков.

Мая 19 дня 1758 году.

Перевод:

* Немец, отмщая за французских актеров, преследует русского автора в его же отечестве.

13. И. И. Шувалову

20 мая 1758

Милостивый государь! Три представления не только не окупились, но еще и убыток театру принесли: свеч салных не позволяют иметь, ни плошек, а восковой иллюминации на малый сбор содержать никак нельзя. Я доносил с прописанием, да и в короткое время сил моих исправлять все потребности недостаёт; все надобно заблаговременно исправлять. Да и посылать мне, милостивый государь, некого, не имея кроме двух копиистов никаких театральных служителей.¹

Я затруднений напрасных не имею причины делать и что доношу, о том, утверждая мою честностью, говорю, что то истина. Я все бы исправил, ежели бы была возможность; а сегодня после обеда зачав, до завтра я не знаю, как переделать. Ежели я виноват и от меня происходят затруднения, так я признаваю себя неспособным и отдаю на рассмотрение всего света, такое ли это дело поэзия и театр, чтобы исправление могло быть в такое короткое время.

Я вижу, что все мои, милостивый государь, предложения не приемлются, и тянул сколько можно. Я доношу, что мне восковой иллюминации иметь нельзя, и когда буду, пропустив время, под самый конец зачинать исправление, то не может быть порядку. А что Симонов поехал, спустя лето — в лес по малипу, и не зачал исполнять того, что ему приказано заблаговременно,

это, милостивый государь», не моя вина. Подумайте, милостивый государь», сколько теперь еще дела:

Нанимать музыкантов

Покупать и разливать приказать воск

Делать публикации по всем командам

Делать репетиции и проч.

Посылать к Рамбургу по статистов

Посылать к машинисту

Делать распоряжок о пропуске

Посылать по караул.

А людей — только два копииста: они копиисты, они рассыльщики, они портиеры.

Я, наконец, доношу, что три представления уже не окупились. Денег нет, занимать негде, своих у меня нет, жалованья за неимением денег и по воле Ломоносова не дают; моих денег издержанных г. Чулков семь лет не дает;² в Академию с меня нехристианскою выкладкою за работы трагедий правят. Бог моей молитвы за грехи мои не приемлет, и к кому я ни адресуюсь, все говорят, что-де Русский театр партикулярный. Ежели партикулярный, так лучше ничего не представлять. Мне в этом, милостивый государь, нужды нет никакой, и лучше всего разрушить театр, а меня отпустить куда-нибудь на воеводство или посадить в какую коллегию. Я грабить род человеческий научиться легко могу, а профессоров этой науки довольно, ибо ни один еще не... Лучше быть подьячим, нежели стихотворцем.³

Вашего превосходительства покорнейший слуга

А. С.

20 мая 758.

14. И. И. Шувалову

23 мая 1758

Не будьте, милостивый государь, на одну минуту другом графу Чернышеву¹ и беспристрастно выслушайте представление мое.

Мне сорок уже лет. Я никогда не думал, чтобы я когда-нибудь, а особливо во дворце, в комнатах того человека, который столько по достоинству его жалуюм государынею, сколько мною почитаем и любим, в месте, которое казалось мне убежищем хлопот, и так оно для всех, кроме меня, и есть, буду выбранен такую бранью от человека, которому я ни малейшей причины не только не подал, но ниже подать хотел. Что злые сказать: «Ты вор!». Я не граф, однако дворянин, я не камергер, однако офицер и служу без порока двадцать семь лет. Я говорю: «Пускай это мне кто скажет!» — виноват ли я в том? Кто

думал, что это мне кто скажет когда-нибудь потому только, что он больше моего чину и больше меня поступи по своему счастью имеет! Что он меня всем лучше, как он сказывал, я ему в том уступаю, хотя я клянусь, что я этого не думаю. Однако de traiter les honnêtes gens d'une telle façon и говорить: ты вор — ce peut alarmer tout le genre humain и всех qui n'ont pas le bonheur d'être les grands seigneurs comme son excellence mr. le comte Tchern. qui m'a donné le titre d'un voleur, titre très honorable pour un brigadier et encore plus pour un auteur des tragédies, à présent je vois, monseigneur, que c'est peu d'être poète, gentilhomme et officier. Je n'ai pas dormi toute la nuit et j'ai pleuré comme un enfant, не зная, что зачать. Je ne sais, monseigneur, comment après ce coup mon histoire se finira.* Что я ему сделал, и дивно ли это, что я говорил: «Пускай это мне кто скажет». Я не думал, что это сказать можно.

Я для того много вытерпел, что ваше превосходительство изволили на меня прогневаться, исчисляя всех, которых я обидел, хотя я никого не обижал, да и силы к тому не имею, и обнесен я безвинно. А впрочем, гр. Чернышев напрасно меня побить хвалился. Ежели это будет, я хочу быть не только из числа честных людей выключен, но из числа рода человеческого. Monseigneur, suis-je esclave que d'être traité ainsi? Suis-je son domestique? ** И что я украл? Стихотворцем я называюсь потому, что я стихи сочиняю; а вором почему его сиятельству меня наречь благоволилося? Для чего? Ежели для того, что я говорил то, что меня вором назвать нельзя никому, — я так и думал. Теперь вижу, что можно. Я подвергаюсь всякому несчастью; только советую, чтобы никто, в ком есть хоть капля честной крови, нападений не терпел. А что я стерпел, тому причиною дворец и ваши комнаты. Впрочем, верьте, что его сиятельство гр<аф> Черн<ышев> может меня убить до смерти, а не побить, ежели мне рук не свяжут, я в том честию моею вам, милост<ивый> государь, клянусь, да и никакого доброго дворянина или офицера. А что я остался еще будто спокоен après ce grand coup, я остался par embarras et je n'avais point tant de présence d'esprit, чтобы вздумать, что делать; а притом боялся прогнать вас, toute ma vie est changée et il ne me reste plus qu'à mourir.***

Вашего превосходительства, милостивый государь, всепокорнейший, нижайший и нещастнейший слуга

А. С.

23 мая 1758. СПб.

Что меня всего больше смущает, это состоит в том, что я, будучи обруган, не могу до исправления моего дела вступить в комнаты моего милостивца,

Перевод:

* Однако обращаться таким образом с честными людьми, и говорить: «ты вор» — так можно испугать весь род человеческий и всех, которые не имеют счастья быть такими знатными господами, как его сиятельство граф Чернышев, который наградил меня прозванием вора, прозванием весьма почетным для бригадира, а еще больше для сочинителя трагедий. Теперь я вижу, милостивый государь, как мало значит быть поэтом, дворянином и офицером. Я не спал всю ночь и плакал, как ребенок, «не зная, что зачать.» Не знаю, милостивый государь, чем кончится моя история после такого удара.

** Милостивый государь, разве я крепостной, чтобы со мной так поступали? Разве я его дворовый?

*** после этого ужасного удара я остался в смнении, и не было у меня такого присутствия духа, чтобы вздумать, что делать; а притом боялся прогнать вас,» вся жизнь моя переменилась, и остается мне только умереть.

15. И. И. Шувалову

10 июня 1758

Милостивый государь! Мне думается, что не для чего быть представлению, когда двора не будет. Я не намерен для ради того трагедии представлять до другого времени.

Что ж касается, милостивый государь, до употребленных терминов «L'avare» et «Dissipateur»,¹ * поверьте, милостивый государь, что я истинно не подарка просил, чего я никогда не делал и не сделаю, а требовал от комнат ваших взаймы для театра, и моей политики никакой тут не было. Я лучше по миру пойду и всякому подвергнусь несчастью, нежели быть в числе тех, которые ищут патронов для того, чтобы пощечиться. Jugez mieux, monseigneur, de mon caractère et si je suis digne de votre protection, ne m'imputez pas cette politique, je suis sincère et désintéressé, а осмелился вам доуку сделать par la raison que votre excellence m'a donné la permission même dans mes propres choses qui sont de cette espèce m'adresser à vous, mais je n'ai jamais fait cela. — Je suis véritablement au désespoir de donner l'occasion à votre excellence,^{**} чтоб вы изволили употребить при прошении моем имена сих двух комедий, в которых моя роля истинно не по сложению моих, милостивый государь, мыслей. J'ai prié tout de bon pour deux mois les deux cents r. sachant bien que ce ne sera point autre chose qu'une grâce pour moi,^{***} а чтобы подарено было, — я хочу нечестным человеком остаться, ежели мне в ум приходило, да и прийти не могло. — Je suis par malheur très sincère que de mendier d'une telle façon et je m'étonne bien que vous, monseigneur, me prenez pour une telle créature, si j'étais telle, je serais selon la justice indigne de votre grâce. — C'est n'est pas pour moi que <je> prie, et je vous prie encore si j'ose parce que autrement je ne saurai que faire, le valet de chambre de votre excell <ence> а dit à mon écrivain qu'il vient pour prendre l'argent trois ou quatre jours après; ces jours étant passés, j'ai envoyé mon

écrivain et je n'ai pas cru, monseigneur, que cela pouvait me faire quelque chargin; j'obéis à vos gracieux ordres sans vouloir prendre plus d'hardiesse que je dois, je suis très malheureux, si votre excell-
<ence> aura de moi une mauvaise opinion.****

Я буду избавлен великого беспокойства, ежели в таком мнении я могу получить деньги, в каком я прошу; а подарков, толь наипаче на театр, просить непристойно. Я истинно этого не думал, а уповал и уповаю на ваше снисхождение выпросить, когда не можно до сентября, то хотя на четыре недели пятьсот рублей, которые для театра теперь мне потребны, доколь по крайней мере мне не выдаться жалованье на эту треть, и которого за неимением денег мне не выдано еще. Ежели изволите одолжить меня, я буду за милость почитать. Я впрочем есмь вашего превосходительства всепокорнейший слуга

А. Сумароков.

10 июня 1758.

NB: Ежели расписка надобна, милостивый государь, так ее послал en cas de besoin à votre valet de chambre.*****

Перевод:

* «Скупой» и «Расточитель».

** Милостивый государь, имейте о моем характере лучшие мысли и, если я достоин вашего покровительства, не приписывайте мне такого хитроумия: я чистосердечен и бескорыстен; «а осмелился вам доuku сделать» по той причине, что ваше превосходительство позволили мне к вам обращаться и с собственными моими делами этого роду, а я до сих пор того не делал. Я в истинном отчаянии, что дал вашему превосходительству повод.

*** Я в самом деле просил две сотни рублей на два месяца, понимая, что уже и этим вы окажете мне милость.

**** Я, по несчастью, чересчур чистосердечен, чтобы попрошайничать таким манером, и я сильно удивляюсь, что вы, милостивый государь, меня принимаете за такую подлую тварь. Будь я таким, я бы по справедливости не был достоин ваших милостей. Прошу я не для себя, и если уж осмеливаюсь у вас просить, то только потому, что в противном случае не буду знать, что и делать. Камердинер вашего превосходительства сказал моему переписчику, чтоб он приходил за деньгами дня через три или четыре. Дни эти прошли; послал я моего переписчика и не помышлял, милостивый государь, что это может причинить мне хоть какую-то печаль. Я повинуюсь вашим милостивым повелениям, позволяя себе вольности не больше, чем мне положено, и был бы в совершенном отчаянии, если бы ваше превосходительство возымели обо мне дурное мнение.

***** на всякий случай вашему камердинеру.

16. И. И. Шувалову

27 июля 1758

Милостивый государь! Я перемогал себя сколько можно было не утруждать ваше превосходительство, но необходимости наконец принудили меня. Прошу всепокорно со вниманием и с милостью прочесть сии мои строки.

Я не имею доступа, кроме как только через вас, к е. в. о издержанных по точному повелению деньгах с четыреста рублей без мала, о чем Вас. Ив. Чулкову очень известно, и подано от меня к нему в семь лет больше сорока счетов, на что я от него едва иногда ответы получал.¹ Доложите о том, милостивый государь. Я тогда никакой дирекции над актерами не имел и деньги свои заплатил в несумненной надежде по первом получить счете. А ныне в деньгах больше нужды, нежели когда бывало, ибо я седьмой месяц жалованья не получаю, потому что Штатс-контора денег не имеет, а я, кроме жалованья никакого не имея дохода семи месяцев доле, с моею фамилиею принужден буду вместо сочинения драм, не имея хлеба, идти по миру. *Les beaux arts veulent être nourris, autrement le génie s'éteint.** Истина ли это, что я пишу? Члены академической Канцелярии имеют способ получать жалованье, а прочие академики, будучи в подобном состоянии мне, прибегают к своему президенту, больше думая о хлебе, нежели о науках. А я, не имея иного президента, кроме вас, к вам в моих злключениях прибегаю. *L'Europe n'est pas renversée, mais je n'ai rien à manger.*** Когда ваше превосходство постарается отвратить остановку жалованья, а особливо в науках и в художествах упражняющимся, я ручаюсь, что вы народную любовь, которую вы уже заслужили, весьма умножите.

Милостивый государь! Теперь другое прошение о вспоможении вашем есть. *Ne soyez pas fâché, monseigneur, que je vous incommode tant; selon mes sentiments, les grands seigneurs sont faits pour être incommodés et pour faire du bien, et les diables sont faits pour n'être jamais incommodés et pour faire du mal, les bêtes sauvages de même et les bêtes apprivoisées sont faites ni pour l'un ni pour l'autre. Je badine avec vous sans crainte, parce que je connais votre coeur et votre esprit.****

К делу. Доктора, лекаря и лекарств Российский театр не имеет, а комедианты больны бывают, как и прочие люди. Я договорился с весьма хорошим лекарем, и которым театр был доволен, платя ему от театра слишком по сту рублей. Его превосходительство Кондоиди³ о том ведал; потом командировал его на корабли в море. Я его письменно с такою покорностию просил, с каковою вас никогда ни о чем не прашивал, чтоб то отменить. Он это сделал. Я, будучи в Петергофе, его еще с большею покорностию благодарил, преступив правила стихотворцев, которые неохотно медикам покоряются, и сделал ему в Петров день, в его именины, превеликой двор,⁴ хотя я в архитектуре и не гораздо знающ. Меня затащил с собою Пётр Спиридонович;⁵ он также ему двор строил. Однако его превосходительство Кондоиди через две недели в другое место лекаря откомандировал. Сделайте милость *et dites-lui dans le style laconique,***** чтоб он помог театру и отменил бы свою ко мне немилость. Молвите ему только: «Пожалуй, отмени это для меня». А я сим вашим словом

остануся со умножением благодарности моего сердца тому, которого я всем моим сердцем люблю и почитаю, всепокорнейшим слугою

Александр Сумароков.

Июля 27 дня 758. СПб.

Перевод:

* Изыщные искусства требуют пищи; иначе гений угасает.

** Европа не повержена, а мне есть нечего.

*** Не сердитесь, милостивый государь, что я вам столько докучаю. По моему мнению, вельможи созданы для того, чтобы делать добро и чтобы им докучали, черти — делать зло и чтобы их избегали, дикие звери для того же, а домашние — ни для того, ни для другого. Я шучу с вами без опасений, потому что знаю ваше сердце и образ мыслей.

**** и скажите ему ясно и коротко.

17. И. И. Шувалову

5 августа 1758

Monseigneur! Parlez avec monsieur Condoidi, votre excellence m'obligera infiniment, si elle m'aidera dans l'affaire touchante le chirurgien. Je ne veux vous incommoder par une lettre longue sachant que votre excellence est assez affairée et incommodée par des maladies et votre santé m'est chère; abandonnez, monseigneur, votre hypochondrie, elle ne vous convient pas, ce n'est pas à vous de se soumettre à des pareilles choses. Quand je vous verrai, je ferai tout mon possible pour chasser votre hypochondrie: je suis un bon médecin et je connais cette maladie parfaitement, il faut la déraciner ou diminuer; vos sincères amis feront cela mieux que tous les médecins avec tous leurs galimatias et les charlataneries; c'est aux poètes de chasser des pareilles maladies et non par aux médecins, quoique que les poètes soient incapables de se guérir eux-mêmes, comme les cloches qui invitent tout le monde dans l'église et eux-mêmes ne viennent jamais.¹

Monseigneur, de votre excellence le plus humble etc.

A. S.

Le 5-me d'août 758.

Перевод.

Милостивый государь! Поговорите с господином Кондоеди. Ваше превосходительство бесконечно обяжете меня, если поможете в деле, касающемся хирурга. Я не хочу докучать вам длинным письмом, зная, что ваше превосходительство достаточно заняты делами и недомогаете от болезней, а здоровье ваше мне драгоценно. Милостивый государь, оставьте вашу гипохондрию. Она вам не к лицу; не вам покоряться подобным обстоятельствам. Когда я вас увижу, сделаю все возможное, чтобы прогнать вашу гипохондрию: я хороший медик и знаю эту болезнь в совершенстве. Нужно вырвать ее с корнем, или хотя бы уменьшить. Ваши искренние друзья сделают это лучше, чем все лекари с их галиматей

и шарлатанством. Не лекари лечат такие болезни, а поэты, хотя они неспособны излечиться от них сами, подобно колоколам, которые созывают всех в церковь, а сами туда никогда не ходят.

Милостивый государь, вашего превосходительства нижайший и проч.

А. С.

5 августа 758.

18. Императрице Елизавете Петровне

Октябрь 1758

Всемилоостивейшая государыня.

В. и. в. человеколюбие и милосердие отъемяет мою робость пасть к стопам в. и. в. и всенижайше просить о всемилоостивейшем помиловании. Я девятый месяц по чину моему не получаю заслуженного моего жалованья от Штатс-конторы, и как я, так и жена моя почти все уже свои вещи заложили, не имея кроме жалованья никакого дохода. Ибо я деревень не имею и должен жить только тем, что я своим чином и трудами имею, трудясь сколько сил моих есть по стихотворству и театру. А в таких упражнениях не имею ни минуты подумать о своих домашних делах. Дети мои должны пребывать в невежестве от недостатков моих, а я — терять время напрасно, которое мне потребно для услуг в. и. в. в рассуждении трудов моих к увеселению двора, к чему я все силы прилагаю, и всюю жизнью моею с младенчества на стихотворство и на театральные сочинения положился, хотя между тем и другие нес должности и многие лета был при делах Лейб-компани, которые правлены мною беспорочно. Свидетель тому его сиятельство граф Алексей Григорьевич,¹ который точно в. и. в. о моей прилежности и беспорочности всеконечно представить может. Труды мои, всемилоостивейшая государыня, сколько мне известно, по стихотворству и драмам не отставали от моего места в исполнении желания, и сочинениями своими я российскому языку никакого бесславия не принес, и покамест не совсем утхнут мысли мои, я в оных к увеселению в. и. в. и впредь упражняться всем сердцем готов. Я прошу, всенижайше припадая к стопам императорским, помилования, чтоб как жалованье мое заслуженное, так бы и издержанные по изустному в. в. повелению около четырехсот рублей, о которых я Василью Ивановичу Чулкову неоднократно подавал роспись, указать мне выдать; ибо, всемилоостивейшая государыня, я много по недостаткам моим должен. Впрочем, что касается по трудам моим до особливое в. в. милосердия, о том, упоая на человеколюбие, природное в. и. в. особе, в молчании пребываю и, имея маленьких детей, которых мне воспитать должно, припадаю и с ними, поручая и себя и их в. в. всемилоостивейшей государыне нашей.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

19. И. И. Шувалову

7 ноября 1758

Милостивый государь! Я, не опасаясь ответа и отплаты от Поповского и ото всех в Московском университете труждающихся в словесных науках, стихов к опровержению подписи похвальной г. Ломоносову не предал печати. Поповский и прочие тамо обретающиеся опровергнуть честь мою по стихотворству не в силах еще, в чем, думается мне, ваше превосходительство довольно уверены, и я бы смешон был, ежели бы их отплаты боялся, довольно будучи известен и о них и о себе. Коротко сказать: они еще малы и возвысить и уменьшить честь мою. Я стихов тех не отдал печатать по вашему совету, который я приемлю всегда повелением; а чтобы я пренебрег справедливое мое честолюбие, я знаю, что ваше превосходительство того от меня не потребуете. Писатели стихов русских привязаны или к Академии, или к Университету, а я по недостойнству моему ни к чему и, будучи русским, не имею чести членом быть никакого в России ученого места. Да и нельзя, ибо г. Ломоносов меня до сообщества академического не допускает, а в Университете словесных наук собрания вам уставить еще не благоволилось.¹ Итак, не позволяется мне и тогда прекословить, когда оные господа, отнимая честь мою, потомкам неправду объявляют. Я посылаю к вашему превосходительству свое защищение, в котором Поповский, укрываясь именем Университета, не тронут, а Ломоносов еще, сколько истина допускает, возвышен. Против истины я не вооружаюсь, а неправды нести к бесславию не хочется. Я нижайше прошу меня хотя одною строкою уведомить, могу ли я это напечатать.

Вашего превосходительства нижайший и всепокорнейший слуга

А. Сумароков.

Ноября 7 дня 758. СПб.

Обратно прошу ко мне мое сообщение приказать отослать.

20. В Канцелярию Академии наук

14 декабря 1758

Вознамерился я издавать помесечно журнал для услуги народной. Того ради покорно прошу, чтобы повелено было в Академической типографии оный мой журнал без остановки на чистой бумаге в осьмуху печатать по двенадцати сот экземпляров, а деньги с меня по прошествии всякой трети взыскивать. Что же касается до рассмотрения изданий; нет ли в оных чего противного, сие могут просматривать, ежели благоволено будет, те люди,

которые просматривают академические журнальные издания, моих изданий слогу не касаяся.

Только низжайше прошу, чтобы Канцелярия Академии благоволила меня избавить от помешательства и затруднений в печати. А начать оные издания, ежели получу позволение, намерен я с первого дня генваря наступающего года.

Бригадир Александр Сумароков.

Декабрь 14 дня 1758 года.

21. В Канцелярию Академии наук

22 апреля 1759

Приказано от Академии сочинения мои просматривать (для осторожности, чтоб от меня не вышло чего противного закону и прочего непристойного, хотя я — христианин и не бесчестный человек), и чтоб то просматривал профессор Попов.¹ Пять месяцев я терпел ему, Попову, что он, против приказания, часто складу моему касался и карандашом подчеркивал. Остановки я от него имел неоднократно, ибо он всегда пьян, а часто не только просматривать мои письма, но и выговорить ничего не может. После обеда я к нему моих сочинений уже и не посылал ради того, что он послал обеда всегда мертв пьян и на ногах едва держится. Я старался, избавляясь тяжбы, посылать мои письма к нему по утрам и, хотя не часто, однако иногда удавалось мне от него скорое получать решение, невзирая на то, что при всяком рассмотрении было мне от него, или паче от водки его, озлобление.

Сего месяца 21 дня послал я к нему просмотреть свои сочинения, ибо в типографию требуется оных, чтобы наборщики от остановки не были праздны, — да то мне, между прочим, и предписано. Я нарочно, чтобы застать его непьяного, послал к нему в 6 часов поутру. Однако он до свету еще не мог уже не только ясно говорить, но ниже на ногах стоять. Он подчеркивал у меня и писал всякий вздор без основания и без толку, ни малейшего о том, что он читал, не имея понятия, лишь только меня озлоблял. А я и кроме того, по театру, а особливо ныне в изготовлении оперы и прочих представлений, и сочинений театральных, и к тому приготовлений, имею много дела. Я к нему ездил и нашел своего цензора в таком состоянии, в каком на маслянице бывают подобные ему на улицах валяющиеся пьяницы. И сказал только мне, повторяя, что его мне учителем определили, чтоб он меня правил; а того в ордере к нему нет, и точно изъяснено, чтоб он до складу моего не касался. Такому малознающему человеку, хотя б он и не пьяница был, меня учить не можно, а мне такие речи едва сносны. Я больше сей обиды еще никогда не имел, и, ежели всем пьяницам дозволено будет людей ругать

беззаконно, так и жить на свете неудобно. Сделает ли мне какое удовольствие в моей обиде Академия, это состоит в воле ее; не первый пьяница меня из ученых пьяниц обидит. Есть еще такой же Барков² и другие, о которых Академия не меньше меня известна. Я прошу только низжайше всех господ присутствующих по Канцелярии, никого для подозрения не исключая, чтобы приказали мне цензором, — да и то не в складе, — определить не пьяницу, ибо от пьянства профессора Попова мне делается в издании моего журнала остановка, и чтобы Канцелярия Академии наук благоволила мне сделать милость и назначить без замедления времени другого цензора, потому что журнал по всем правам без данной от меня причины, не нарушив правосудия, остановлен быть не должен. А что он подчеркивал, то ясно доказывает о его во время просмотра состояния.

Бригадир Александр Сумароков.

Апреля 22 дня 1759 году.

22. И. И. Шувалову

15 ноября 1759

Милостивый государь! Вчера исполнилось мне сорок два года, и миновался последний срок моего терпения. Того ради в последний раз приемлю дерзновение вашему превосходительству мою низжайшую принести просьбу, и последнюю доuku сделать, и изъясниться сколько можно короче, не изображая тьмы моих неудовольствий, которые мне мое во словесных науках принесло упражнение. В Кадетском корпусе, в Инженерном, в Артиллерии, в Иностранной коллегии и по другим командам произведение есть, и многие произведены, даже до барона Чуди,¹ который из ничего пожалован в полковники. Я на войне не бывал и, может быть, и не буду, и столько же тружуся и в мирное время, сколько в военное, а меня обходят. Мои упражнения ни со придворными, ни со штатскими ни малейшего сходства не имеют; и ради того я ни у кого не стою в дороге, а труды мои ничьих не меньше, и некоторую пользу приносят, ежели словесные науки на свете пользою называются. Я в службе уже двадцать восемь лет, и ежели бы я вместо театра из графского штата пошел и в отставку, чин бы мне дать надлежало; ибо при отставке всем чины даются. Что я сверх бригадирского жалованья тысячу рублей получаю за установление театра, за надзирание оного и за многие мои труды к чести нашего языка, так генерал-майоры еще и побольше меня получают. Так я от тех, которые меня обошли, и в чине и в жалованьи остался. Я России по театру больше сделал услуги, нежели французские актеры и итальянские танцовщики, и меньше их получаю. Что берет один Тордо с женою!² А и моя

жена служила. Гельфёрдинг³ сверх большого жалованья от двора и квартиру и экипаж имеет, не покупая ни дров, ни овса и сена, и, не имея ни детей, ни жены, с довольствием пользуется службою своею. А я не только не могу воспитати детей своих, но при нынешней несносной дороговизне и вместо домосмотрения во словесных науках и в трудах театральных упражняясь, вседневные претерпеваю нужды и никогда в надлежащее время еще и положенного своего жалованья не получаю; и вместо другой работы на оставшие вещи, закладывая их и платя великия росты лихоимцам, сыскиваю себе пищу и многими хлопотами выхаживаю определенное мне жалованье. Сочинений мне никаких больше в народ пускать невозможно, ибо Ломоносов останавливает у меня их и принуждает имети непрестанные хлопоты. . .⁴ Сих ради причин нельзя мне ничего сочинять; ибо ничего безо множества хлопот напечатать неудобно. Избраны цензоры, не знаю для чего, чему и президент дивится, а что они подпишут, то еще Ломоносов просматривает, приказывая корректору всякий лист моих изданий к себе взносить, и что ему не покажется, то именем Канцелярии останавливает. А я печатаю не по указу и плачу деньги. Для чего, милостивый государь, и мне не быть таким же членом здешней Академии, какой он и какой г. Тауберт⁵ и г. Штелин?⁶ Мне мнится, что я это не меньше их заслужил; да из них же двое немцов, а я русский. Или русскому стихотворцу пристойняе членом быть Ученого собрания в немецкой земле,⁷ а в России — немцам? Мне кажется, что я не хуже аптекаря Моделя,⁸ хотя и не шарлатанствую, не хуже Штелина, хотя и русский стихотворец, и не хуже Ломоносова, хотя и бисера не делаю.⁹ Я штатского чина не хочу, ибо я старший бригадир, да и мундира добровольно, который я двадцать восемь лет ношу, скинуть не намерен; а в академической Канцелярии и в Конференции мне ничто быть не препятствует.¹⁰ Я бы мог тем некоторую показать услугу и мог бы бесхлопотно издавати в народ мои труды.¹¹ Ежели, милостивый государь, будет ваше мне в моих исканиях воспоможение и столько милости, сколько я вам докук нанес и сколько получал надежды, так я еще несколько лет писать потружуся. Ежели ж мои последние вам докуки такой же получают успех, как и прежние, а особливо ежели я по всей справедливости не буду в Академии, так я больше утруждать ваше превосходительство не стану, и, оставив бесполезные прошения, по окончании сего года во всю жизнь мою ничего издавать на свет не буду, тем только утешаясь, что я награждения и беспрепятствия был достоин, хотя и не был достоин вашего превосходительства милости и предстательства.

Вашего превосходительства нижайший и всепокорнейший слуга

Александр Сумароков.

Ноября 15 дня 1759.

23. И. И. Шувалову

17 декабря 1760

Милостивый государь! Я сии дни смертно был болен и насилу пишу, хотя мне и легче. Взаотре праздник, а отчаяние мое на самом верху своей меры. Вы мне изволили предлагать об академическом месте, которое, кажется мне, и принадлежит несколько мне. При театре я больше под гофмаршалом ради десяти тысячей жалованья быть не хочу. Ежели я в какую-нибудь службу гождуся, столько хотя как генерал-майор Протасов,¹ постарайтесь о мне, а я при театре у гр. фон Сиверса быть не хочу: ибо нападения его несносны мне стали, а сделать при нем театру доброго ничего нельзя. Ежели ж я никуда не гождуся, так прошу исходательствовати мне отпуск на несколько времени из государства искать хлеба, а я его сыщу. Помилуйте меня. Пускай Ломоносов обладает всеми науками. Помилуйте меня и освободите от гр. Сиверса и от команды Тауберта, Штелина, Миллера² и Ломоносова по печатанию книг. Помилуйте меня. А сверх того и чина я не получаю.

Всепокорнейший и низжайший слуга

А. Сумароков.

17 декаб. 760.

24. И. И. Шувалову

23 февраля 1761

Милостивый государь! Мне того письма, о котором говорено, в оправдание себе изготовить было некогда; я болен и всякую минуту <от> гофмаршала мучим.

Презрядное воздаяние мне от него, что я завел, оставил и основал театр: это мне неожиданые здоры, чего мне никогда и не снилося. *Voilà les fruits de ma Muse. Voilà Melpomène, le théâtre, les belles-lettres et la langue par moi épurée.**

Однако теперь о том только, что точно до особы вашего превосходительства касается. Двор нанят. Ежели актеры, как может быть учреждено, переедут, мне на Васильевском острове жить нельзя, и вместо малой цены должно мне платить большую. А денег негде взять; на той стороне дома меньше пятисот рублей нанять не можно. Ежели мне не будет места, где актеры жить будут, так надобно мне в воду броситься. Я о квартирных деньгах никогда вашему превосходительству не докучал, а требовал от театра тысячи двухсот рублей; да квартирных же денег мне и не дают. Сжальтесь вы надо мною, и когда угодно вашему превосходительству Головкинский дом взять,¹ так подумайте, куда мне деваться. Мне сносные терпеть от гр. Сиверса, а ваше превосходительство — мой милостивец, на которого я имею на-

жду. В том же доме церковь, и приезжают в нее все, кто хочет. Это спокойство *нрзб*. А церковь, когда хозяина нет, надобно вывести или, по крайней мере, запереть; ибо бог не хочет того, чтобы именем его люди отягощались, а в церквах без хозяев службы и в архиерейских домах не бывает.

Ежели я достоин милости вашей при этом найме двора, так, кажется, и мне тут жить надобно; а когда неостанет комнат, так ради некоторых актеров можно нанять еще небольшой домик. А от театра я отброшен быть не заслужил, и в угодность подъячим, вымаравшим меня у г. маршала, который меня марает далее, я Мельпомену покинуть не хочу, когда я за нее ото всех военных и штатских с одним Воейковым² только, как рак на мели, остался и когда профессор картежной игры Юшков³ носит на себе знак отменной чести. Все сие меня умерщвляет; сохраните мою жизнь.

Вашего превосходительства нижайший, всепокорнейший и отчаянный слуга

А. Сумароков.

Февр. 23 дня 761.

Перевод:

* Вот плоды моей Музы! Вот Мельпомена, театр, словесность и язык, мною очищенный!

25. И. И. Шувалову

10 марта 1761

Monseigneur! Voilà la lettre, ma dernière ressource pour les belles lettres et particulièrement pour le théâtre. Je suis au désespoir à présent, le temps presse, je dois quitter mon quartier, un misérable secrétaire a acheté la maison ou il veut acheter; on me chasse; la maison de Goloffkin est prise par votre ordre; je ne sais où je dois entrer n'ayant pas ni le temps ni l'argent. — Je vous ai prié, je n'ai point de réponse. La rivière est prête de chasser la glace: sans la glace on ne peut point vivre pendant l'été.

Faut-il, monseigneur, que Melpomène et les beaux arts m'ordonnent de souffrir et encore plus faut-il que votre Académie me fasse le malheur? Tout le monde avance dans l'état de guerre et dans l'état civile, et moi je vis sans honneur, sans argent, sans repos et désespéré.

Нижайший слуга

А. С.

10 марта 761.

Перевод:

Милостивый государь! Письмо это — моя последняя надежда ради словесности и особенно театра. Я ныне в отчаянии, а время не терпит.

Должен я съехать с квартиры. Какой-то подлый секретарь уже купил дом или хочет купить; меня выгоняют. Дом Головкина занят по вашему приказу. Не имея ни времени, ни денег, не знаю, куда мне податься. Я уже писал к вам, но ответа не получил никакого. Река вот-вот вскроется, а без лёдника на лето невозможно оставаться.

Заслужил ли я, милостивый государь, чтоб Мельпомена и изящные искусства стали причиной моих страданий, и того больше, чтоб ваша Академия горе мне причиняла? И военные, и статские по службе продвигаются, и только я пребываю без почестей, без денег, без отдыха и без надежды.

26. И. И. Шувалову

12 марта 1761

Милостивый государь! Я писал долгое письмо к вашему пресвосходительству, все мои мнения объявляя. Я прошу только о том, что ежели я заслужил быть отброшен от театра, так по крайней мере чтобы без продолжения это сделано было. А при театре стихотворцем остаться я не желаю и работать, когда я лишуся моей должности, истинно я по театру не буду, поверьте мне. Я клянуся в этом честию моею, хотя с моею фамилиею по миру пойду за мои по театру труды, которые, кажется мне, больше, нежели то, что Волков шикаки сделал. И у Волкова в команде быть мне нельзя; ¹ а просить, чтобы я отрешен был от театра, я не буду прежде, покамест не сойду с ума. Его сиятельство гневается на меня напрасно; а извиниться я не могу, ради того что его сиятельство никаких оправданий не приемлет от меня. Ежели я заслужил наказание, я подвергаюся наказанию, а отошед от гр. А^лексея Григорьевича, ² я определен именным указом в директоры театра, а не в подлое звание театрального стихотворца, каков был Бонек. ³ Будто это возможно, чтобы я имел охоту сочинять драмы после отброшения! Не думайте никогда, чтобы я предпочтил живот мой моей чести. Я не отставлен; а против воли отставляют людей за негодство, это я понимаю. И определен я не Бонеким к театру, но директором, и от Волкова и Ильи Афанасьева ⁴ зависеть не могу.

Что же касается до особы его сиятельства, я не подал ни малейшей причины ко гневу; ⁵ а ежели я виновен пред ним, — хотя и подлинно невинен, — я просить и прощения готов: иное дело его сиятельство, а иное те гадкие люди, которые для своей бестыльской пользы старались меня с его сиятельством смутить, хотя его сиятельство о моей честности и уверен был много лет.

Сделайте мне милость и скончайте посредством вашим мое беспокойство; а ежели я достоин наказания, так постарайтесь, чтобы я брошен был. Я лишен будучи жалованья, лишаюся квартиры; река худа, а я о себе не знаю, где я буду. Провизии мне больше иметь едва можно, и жить должно безо льду. А того, чтобы я сочинял драмы на эдаком основании, не думайте,

а ежели буду сочинять, скажите всему свету, что я как бесчестный человек преступил мою клятву. А его сиятельство умиловляти мне не стыдно, и злобы в моем сердце против его особы нет, и ежели столько же и в его сердце против меня, так я не ведаю, что препятствует возвращению моего спокойства. Я готов отбросить от театра терпеть; все потомство о моей прослуге знать будет, ведая, сколько я России театром услуги сделал. Я хочу лишь того, чтобы было сделано со мною либо то, либо сьо. А театральным поэтом Бонеким из директоров театра я не буду, хотя бы мне это живота стоило.

Нижайший и покорнейший слуга

А. Сумароков.

Марта 12 дня 761.

27. И. И. Шувалову

30 марта 1761

Милостивый государь! Препятствие моему жалованью по Придворной конторе такое. Я посылаю ко секретарю Ивану Алексеевичу. Он сказал: пошли к гофмаршкалу. Я посылаю к гофмаршкалу. Он сказал: коли есть мне какое дело, так бы я послал к ассессору, определенному из секретарей Сунгурову. Сунгуров сказал, чтобы я послал к Ивану Алексеевичу. Это по-русски так: оттолева было доселева, а отселева было дотолева. А мне между тем нечего есть. Штатс-контора по чину моему дает мне ассигнацию; однако я должен Университету по моей ассигнации триста рублей.

Прикажете до будущей трети с меня не взыскивать. А со мною сделайте резолюцию вашим предстательством какую ни есть, и не давайте меня за услуги обществу и за пользу, учиненную мною по российскому языку, графу Северсу мучить. Сделайте мне вашим предстательством либо то, либо сьо и удержите мою гиблющую жизнь, доколе можно. А от театра меня безо всякого основания и без указа бросить непристойно; это худое одобрение впредки таковым людям, которые служити захотят Музам. Не думайте вы, что мне очень хочется быти при театре; я об этом больше не пекуся, мне все равно, когда мои старания такое воздание заслужили. Помните мне, что при отставке даются чины всем, хотя бы кто год только в чину своем был настоящим. А я шесть лет старший бригадир и несчастнейший человек, и только то мне осталось, что я называюся вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

А. Сумароков.

Марта 30 дня 761.

28. И. И. Шувалову

24 апреля 1761

Милостивый государь! Для имени божиего помилуйте меня и не позабудьте моей просьбы. Помилуйте меня: я служил ровно тридцать лет, и двадцать лет взавтре исполнится, как я служу е. в. Чести несколько я моему Отечеству сделал, а особливо в таком роде, в котором от россиян Европа не ожидала. Мне сегодня Сиверс новое озлобление сделал противу всех на свете прав, или паче сделали по жалованью моему его подьячие; ибо его сиятельство о немногом по театру знает, а правят театром подьячие. Помилуйте меня и избавьте от Сиверса; избавьте меня и сделайте мне отставку. Я только не хочу штатского чина; ибо я, нося во весь век мой мундир и сапоги, башмаки носить не скоро выучуся, да я ж иду в отставку, а не к штатским делам, и лучше пойду в капитаны, нежели с произвождением во штатский чин. Я жду взавтре или помилования, или жесточайшей болезни. А двадцать лет е. в. во службе и тридцать лет всего службы моей без отпусков прошло. Я был при графе, правил Канцелярией Лейбкомпании десять лет, основал порядок тамо по Канцелярии.¹ Лейбкомпании была осьмнадцать тысячей должна; а я собрал с полтораста тысячей: граф свидетель. Я уставил театр. Я сочинениями своими России бесчестия не сделал, и еще сочинять буду многое, кроме драм, покамест театр зависети будет от Сиверса и от приказных служителей. Да и всего времени к сочинению осталось мне четыре года. Помилуйте меня и не лишите меня оставшего моего здоровья и оставшего моего времени. Отставьте меня предстательством своим. Помилуйте меня, а при театре я стихотворцем из директоров быть не хочу; да и никак, а особливо с моим злодеем главным Сиверсом, я никакого дела иметь не хочу. Помилуйте меня. Взавтре двадцать лет, как я служу е. в., а всей моей службы тридцать лет уже прошло.

Покорнейший слуга

А. С.

Апр. 24, 761

Притчи мои,² когда не посланы, а достойны печати, так прошу послать.

Моя отставка,³ не бесполезная отставка будет, но полезная служба весьма Отечеству моему.

29. В правительствующий Сенат

Июль 1762

По именному блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Елисавет Петровны указу, подписанному собственною е. и. в. рукою, получал я определенное мне жалованье; а по увольнении от театра, изустным е. и. в. повелением оное жа-

лованье мне еще подтверждено, и по многим моим прошениям е. в. благоволила указать выдать мне жалованье без задержания. Штатс-конторы президент Шишкин,¹ оказывая мне всегдашние грубости и злодеяния, находя о жалованье моем в именных повелениях неясности, которых не было, старался только, чтобы умедлением выдачи надлежащего мне оклада лишить меня пропитания. То ему и удалось, ибо я ни в Банковую контору процентов, ни протестованных на меня векселей заплатить не мог, а сверх того все мое имение, закладывая, просрочил. Ежели бы жена моя не получила от е. и. в. милостивого вспоможения, так бы я во все прошедшее владение был должен ходить по миру. Правительствующий Сенат изъяснил то Штатс-конторе, что в именных указах написано было, ибо президент Шишкин именные указы толковал неправильно, позабыв то, что именных указов перетолковывать не велено. За болезнь мою я в Штатс-контору не поехал. Послал я к господину прокурору Елагину с прошением копииста Российского театра, объявляя оному господину прокурору с всякою учтивостью, что я отъезжаю через восемь дней в Москву и ради того прошу о неумедленном жалованья моего исполнении. Шишкин прогневался на посланного от меня просителя и говорил: «Пуцай он едет хотя через восемь часов: мне этого <не> жаль; здесь освященное место и зеркало, а президует сама государыня; а тебя-де я из сего священного места выкину из окошка». Я нижайше прошу о моем жалованье подтвердить, Шишкина от исканий моих отрешить. А сам я, услышав таковые наглости, что Шишкин угроживает челобитчиков выкидывать из окон, и зная, что Штатс-контора от земли гораздо высока, просить его о моем жалованье более не дерзну, потому что разбойники из окон людей выкидывают, а не президенты; ибо мне все равно — как из освященного, так из неосвященного места выкинуту быть из окна. А естественное право для защищения жизни и Волтера против таких разбойников обороняться позволяет, которые, не спрашивая, угрожают людей метать из окон, не помня того, что таких наглостей вышнее правления и милосердие государское терпеть не могут. А в освященных местах говорить должно дело по поручению должностей, а не наглости, за которые предписана жестокая казнь, ибо освященные места устроены для народного благополучия и искоренения плутней, а не для утеснения честных людей. Мне лучше вечно отступиться от моего жалованья, нежели несносные терпеть гонения от такого человека, как Шишкин, и ради его грубости погублять все мое время, которым я обществу всеконечно больше Шишкина услуги сделать могу, в чем он, ежели в нем хотя искра благорассуждения осталась, и сам признается. А что я стражду, о том я никогда и не усумневался: злодей никогда ни о ком жалости не имеет. Но здесь дело не о жалости, но о медленном исполнении именных и сенаторских указов; так сего больше подозрения, что он просителя по моему делу грозит выкидывать из окошка, почему мне кажется

что он сошел с ума; ибо нет того ни в Уложении, ни в указах, чтобы судьям страждущих просителей и объявляющих нужды свои метать из окон. А сколько оное противно правосудию и человеколюбию и сколь велико неистовство и сумасбродство Шипкина, оное я предаю рассуждению правительствующего Сената, ибо таковых безобразий ни в каком присутственном месте еще не делалось. А что я предлагаю истину, в том я посылаюся на господина прокурора Елагина.

Июля дня 1762 года.

30. Екатерине II

Август 1762

Всемиловитейшая государыня императрица!

По необходимости дерзая вторично прибегнуть к милосердию в. и. в. По подании первого в. в. моего прошения сошли в Комиссию об обиженных по армии. А я паче всех избобыжен; ибо я без малейшей моей прослуги, трудясь и по моей должности, и сверх моей должности во словесных науках, ото всех, не только от моих товарищей, но и от тех, которые чинами меня гораздо были ниже, остался. А я не отставлен; только от театра, будто по желанию моему, уволен, и имя мое по именному указу в военном списке. А сие умножает мое мучение, что я еще не облегчен, хотя и вижу мою покровительницу, покровительницу наук и защитницу истины на российском престоле. В толь худых моих обстоятельствах преселился бы я в чужие края, ежели бы меня не останавливало, что я ужасаюся вечно отлучиться от лица в. в. и от любезного моего отечества. Ежели, всемиловитейшая государыня, в. в. не удостоверены сколько я избобыжен, так я всенижайше прошу повелеть рассмотреть, справедливо ли я в. в. докучаю. Я сие мое прошение с трепетом подношу, стыдяся и жалея, что злые мои обстоятельства принуждают меня утруждать мою государыню. То извиняет меня только, что я в таком состоянии, в котором сам о себе не ведаю, что я, в какой я службе, где мне жить, куда ехать, за что я стражду, и что о себе думать. Я только всенижайше прошу у в. и. в. о решении и того единого паче всего желаю, чтобы я по крайней мере мог расположить жизнь мою.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Августа дня 762 г.

31. Г. Г. Орлову¹

До мая 1763

Я нижайше вашему сиятельству об отце, который, может быть, через неделю отъедет в деревни, а е. в. поход скоро в Ростов.² Он один во своем чине оставлен без прикрасы.

Фамилия моя может показать знаки верности Петру Великому, которого отец мой крестник. Я надеюсь на е. в., что и я в рассуждении того, сколько меня обошли, а именно, человек с триста, некоторые поправки достоин. Я же и кроме поэзии, может быть, некоторые достоинства имею и мог бы пером моим кроме стихов много принести пользы, а особливо по рефлексиям на Россию.

О банковых деньгах, которые с меня поруки правят, напамятуйте.

32. В. В. Фермору ¹

26 марта 1764

Сиятельный граф! Милостивый государь!

Я намнясь во дворце видевавше высокографское сиятельство просил, дабы меня свозить к фкону Миниху. Не имеет ли ваше сиятельство времени взавтре к обеду туда меня свезти; так бы я был перед тем временем в доме вашем и с вами бы поехал туда. А я до фкону Миниха никакой нужды не имею, кроме чтобы сего достойного человека увидеть и с ним говорить.

Вашего высокографского сиятельства, милостивого государя, покорнейший слуга

Александр Сумароков.

26 марта 1764.

33. Екатерине II

3 мая 1764

Просил я графа Григория Григорьевича, дабы представить в. в. о моем проекте, дабы мне ехать и описать Италию, также, для театров, увидеть и Париж, — ибо такое описание, конечно, может быть к пользе России, а те описания, которые деланы чужестранцами, России никакого плода принести не могут, хотя бы они и переведены были, ибо потребно чужих земель сравнение со своим отечеством. Ежели бы я получил по семи тысяч в год к моему жалованью, так бы я оное путешествие охотно учинил, потому что мне без фамилии моей ехать нельзя, ради того что я не учиться еду, но принести пользу России, и в оставших моих летах среднего века потерять двух лет на разлуку с моими домашними, которым мое присутствие нужно, я не могу. Деньги, которые бы я получил на два года и четыре месяца, по прибытии моем возвратилися бы в казну, а книга бы ко просвещению на-

родного любопытства осталася навсегда. А я бы сделал описание совсем на ином основании, как они делаются; а перо мое, по апробации всех учнейших в Европе, к пользе моего отечества способно. Основательно ли мое требование, это я предаю воле в. в., ибо моего интереса в том нет, и ежели на то не будет благоволения, так я оный отказ безо всякого приму огорчения, ибо не мой того интерес требовал. Я в прочем не имею никакого места и должности. Я ни при военных, ни при штатских, ни при придворных, ни при академических делах, ни в отставке. Я приемлю дерзновение в. и. в. принести мою просьбу, дабы мне было учинено что-нибудь, чтобы я знал, что я. Ежели я в отставке, так следует мне чин, ибо я от графа Разумовского, исполняя беспорочно службу мою, без обыкновенного награждения чина отбыл, а от театра также, хотя сколько я России по театру услуги сделал, и вся Европа ведает, а особливо Франция и Вольтер.¹ Не примите, всемилостивейшая государыня, во гнев сего челобитья моего, ибо мне и смерть легче, нежели прогневать в. в., к особе которой я, сверх моей подданнической должности, всем сердцем привязан, о чем, может быть, и в. в. известно.

То только неизвестно, что все проекты умершего Федора Волкова не его, но мои;² а что он мое имя умолчал, в том он несколько согрешил; но я не для того сие представляю, чтобы и я какого воздаяния требовал, но чтобы только о том в. в. от меня донесено было. Я по генеральном произвождении, которое еще до войны было, был второй или третий бригадир,³ и обошли меня не только все бригадиры, полковники и подполковники, но многие и обер-офицеры, да и ныне все те, которые уже во время в. в. владения из полковников жалуются, берут у меня по военному чину старшинство, а я в штатских делах не бывал никогда. По театру я сделать хотел, следуя склонности своей и ища славы себе, а паче стараяся угодить в. в., ибо слава моя уже сделана и приносит не токмо честь мне, но и моему отечеству и нашему веку. Но мне в сочинении драм упражняться от Сиверса никак не можно. Довольно того, что я не знаю, когда мои драмы играют; он мне того не сообщает, а я по театру не пятое колесо. Два раза опера играна после праздника рождения;⁴ я не был ни разу, не зная того до третьего часа того дни, когда уже поздно ехать, а я не в таком состоянии, чтобы ехать без приготовления, имея только для себя и для всей фамилии двух лошадей. Он говорит, от него приказано мне о том сообщать; но какие то командирские приказания, которые подчиненными не исполняются. Ныне ко представлению, ко вторнику, к 4-му мая трагедия «Димиза» совсем была готова, так он, всемилостивейшая государыня, бывшего моего копииста, который от меня в полиции заявлен, что он от меня съехал и покрал у меня письма, определил в суфлеры; а следственно, я пьесы своей ему суфлировать не дам. Итак, хотя я, автор их, и представлял, что оной трагедии я дать не могу, не только проб видеть, покамест оный вор-копиист от театра не

отрешится, а мне мнится, что, всемилостивейшая государыня, лучше театру его, оного суфлера, лишиться, нежели меня. Начто суфлер, когда нет автора, а автор в России не только по театру, но и по всей поэзии я один, ибо я сих рифмотворцев, которые своими сочинениями дают Парнас российский, пиитами не почитаю; они пишут не ко славе нашего века и своего отечества, но себе к бесчестию и к показанию своего невежества. Итак, весьма необходимо, чтобы сей мой копиист и заявленный вор от театра Сиверсом отрешен был, ежели я к услугам по театру еще годен, а кроме моих драм, ни трагедии, ни комедии во сто лет еще в России не будет, а переводные комедии наших нравов не правят, да и чести немного Российскому театру, что мы играем переводные только пьесы, да и то скаредных переводов.⁵

Граф Сиверс править театром не может, хотя бы он меня и жаловал и любил Российские представления. Ибо он о науках, которые правящему театр надобны, ни малейшего понятия не имеет и в науках никогда не упражнялся.⁶ Чего ради Российского театра быть не может; да и представления порядочного быть не может же. Который автор захочет сочинять драмы, когда такой шум и крик в ложах и в партере, что большая часть зрителей сами агируют,⁷ не помня того, что им ролей не написано, и что в. и. в. высочайшее присутствие по всем правам должно сим крикунам имети яснее в глазах, ибо и на вольных театрах ни в Париже, ни в Лондоне зрители в партерах и в театральных ложах не бредят, а бредят у себя дома, что бы господам маршалам должно наблюдать, дабы к сочинению у авторов не пропадала охота, которые и тамо несколько берегутся, где их много. Но Сиверс, довольно обо мне слыша в Париже,⁸ каков я, должен бы был поменьше меня трогать и обижать. Кратчайшее дело с ним не иметь хлопот, чтобы ничего по театру не сочинять, что я уже давно и делаю, ибо покамест он над театром имети такое будет ведомство, так истинно, всемилостивейшая государыня, театру быть нельзя, а мне от него театр противнее стал смерти. И ежели по крайней мере он не отбросит заявленного от меня в полицию суфлера, я ничего на театр дать не могу, хотя бы и всею хотел охотою.

Во окончание всего я прошу в. и. в., чтобы, ежели угодно воле вашей, меня снабдив, как я изъяснилсся, уволити для описания Италии, смотраения театров, как тамошних, так и парижских, и для истинной пользы и просвещения в географии на два года и четыре месяца. Ежели же по воле вашей оной суммы мне выдано быть не может, которая бы книгами возвратилася, я и это дело оставляю, а прошу только по крайней мере о том, чтоб я знал, что я: в службе ли и в какой? Или отставьте меня надлежащим порядком, как все добрые люди отставляются, с надлежащим при отставке чином и, ежели будет воля в. в., со прибавкою еще к жалованному мне покойною государынею пансионю. А я служил тридцать два года⁹ беспорочно и всегда с успехом, хотя мне, быв

в военном чине, на войне быть и не удалось. Помилуйте! Я подвергаюсь щедроте, правосудию и в. в. милосердию.

В. и. в. всеподданнейший и пужайший раб

Александр Сумароков.

764, мая 3 дни.

34. Екатерине II

После 1 февраля 1765

Ma terrible maladie m'empêche de m'expliquer comme je voudrais. — L'Ode ne sortira pas de mes mains. Deux exemplaires sont déjà sortis sans retour, mais deux exemplaires ne feront aucune impression dans le public; quoique il n'y ait rien dans toute cette composition, qui peut donner aux gens d'esprit quelque ombrage. Le terme « Да укрепятся в них союзы » ne choque aucunément les oreilles, n'ayant autre signification que je souhaite l'alliance entre les deux nations, qui sont toutes deux slavoniennes. Le roi est admirateur de mes ouvrages et c'était la raison de mon Ode, sachant bien qu'il entend la langue russe comme un Russe, et ayant le goût pour les belles lettres. En parlant de lui il ne m'était permis de ne nommer dans cette Ode ma souveraine, et voilà la raison pourquoi votre majesté impériale est nommée. Le bruit a parcouru très mal à propos que je vais présenter un exemplaire de cette composition. Comment pouvais-je présenter à l'impératrice de ma patrie une pièce adressée au roi étranger? En même temps avant que de faire sortir ces vers je demandai, si j'osais la distribuer, sans montrer à ma souveraine, et j'étais assuré, ou plutôt confirmé, que je la fesse sortir selon ma bonne volonté, mais je ne la montre pas, là où j'étais intentionné de la montrer. Je brûlerai mon Ode et s'il y aura par l'imprimerie quelques exemplaires, cette bagatelle ne mérite pas aucune attention.

...aux ordres de mon impératrice sans aucune quoique que toute cette composition ne pouvait faire aucune impression contraire à mes idées poétiques. Je pèse toutes les paroles dans mes ouvrages, sachant bien que notre public de la plus (grande?) partie est encore inutilement trop scrupuleux et fort peu éclairé, en s'attachant aux belles lettres fort peu, et en les méprisant beaucoup. Je sacrifierai mon Ode à la volonté de ma souveraine, à qui même je sacrifierai ma vie très volontairement, а в. и. в. изволите точно ведати, что это не перо мое, но сердце говорит.

Припадая к стопам монаршим, извиняю себя в нечистоте литер мучающую меня болезнию, которая мне без мученья дыхнуть не позволяет. Même ces deux exemplaires ne sont pas entrés dans les mains des gens éclatantes et périront dans les mains des ignorantes.

Перевод:

Тяжелая болезнь мешает мне объявиться, как я бы хотел. Ода не выйдет из моих рук. Два экземпляра безвозвратно потеряны, но два экземпляра не произведут никакого впечатления в публике; впрочем, во всем этом сочинении и нет ничего, что могло бы внушить какое-то подзвучивание разумным людям. Выражение «Да укрепятся в них союзы» никоим образом не может неприятно поразить чей-либо слух, не имея иного значения, кроме того, что я желаю союза двум славянским народам. Король — ценитель моих сочинений; это и послужило поводом для моей оды. К тому же русским языком он владеет, как природный русский, и имеет вкус к словесности. Говоря о нем, не мог я не поименовать в этой оде мою государыню: вот причина по которой упомянуто имя в. в. Слух, что намерен я поднести экземпляр этого сочинения, распространенный совсем некстати. Как могу я подносить законной моей государыне пиесу, обращенную к чужестранному королю? Вместе с тем, прежде чем обнародовать эти стихи, спрашивал я, вправе ли я раздавать оду, не показав ее моей государыне, и меня уверили, или, вернее, убедили, что я ее могу распространять, как мне будет угодно. Я, однако, не показываю ее и в тех случаях, когда имел намерение ее показать. Я предаю мою оду огню, а если по вине типографии и разошлось несколько экземпляров, то такой пустяк не заслуживает никакого внимания. . . в распоряжение моей государыни без всякой. . . хотя все это сочинение не могло произвести никакого впечатления, которое не совпало бы с моими питтическими мыслями. В моих сочинениях я обдумываю все слова; ведь публика наша в большей своей части без толку придирчива и еще совсем непросвещенна, весьма слабо интересуясь словесностью и слишком сильно ее презирая. Я готов пожертвовать своей одой ради моей государыни, за которую охотно отдам и жизнь; а в. и. в. извольте точно ведать, что это не перо мое, но сердце говорит.

Припадая к стопам монаршим, извиняю себя в нечистоте литер мучающею меня болезнию, которая мне без мучения дыхнуть не дозволяет. Что до этих двух экземпляров, то они не попали в руки людей светских и истребятся в руках невежд.

35. С. М. Козьмину¹

Январь 1767

Милостивый государь мой, Сергей Матвеевич!

Нижайше напоминаю о докладе. Ибо, не получив оных мне принадлежащих денег, которыми мне казна должна, не довольно того, что я голод со всем домом терпеть буду, но еще и магистратскому суду подвергнуся. Я честию своею клянуся, что с четырехста рублев я за взятые парики, перья и прочее заплатил из своего кармана по счету г. Мелисину, когда еще кадеты играли; о чем он знает, также и его товарищи г. Остервальд, г. Бекетов, да и Иван Перфильевич, может быть, помнит. Квартерные деньги у меня удержаны смуткою Шувалова и подьячих с обермаршалом. А как я от театра отпущен, тому, когда Сената здесь нет, я под присягою моей верности е. в. прилагаю здесь силу, в какой я отпущен. Я прошу своего, а инако бы я был недобрый человек. Доложите и сжаьтесь с моим состоянием, в которое я пришел за сии мои прегрешения, что я к чести моего отечества и моего

века российскому языку и российскому Парнасу сделал услугу. Я думаю, что не чернилами, но слезами писать я о сем деле должен; но слезы скоро высохнут и к белой бумаге не пристанут. Я неотступно о сем просить буду, ибо скорее можно меня уверить, что я не человек, нежели изблечить меня, что я неправильно прошу. Безо всяких справок можно мне поверить, а я все справки приобщил; а Шувалов, который меня гнал, и Сиверс, который у меня отнял квартирные деньги, сами мою справедливость утверждают. Так кажется мне, ежели я в логике не ошибаюсь, а в логике ошибиться не можно, что мое требование праведно.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Александр Сумароков.

Написано, может быть, нескладно, а на то вот мое оправдание:

Коль вечно человек веселости лишен,
Удобно ли ему быть обществу полезным?

Из «Синава».²

Но за что я стражду? За то, что я все силы употребил ко славе российского красноречия. Я уповаю, что те деньги мне, конечно, возвращены будут, которые у меня отняли те мои неприятели, которые сами мою справедливость утверждают. А четыреста рублей должна мне комната покойной государыни; так сии деньги грешно было у меня удержать; не я парики и перья получал, но Мелисино, и мне до счетов дела не было. А они все меня ныне и богатые и спокойные. А для чего мне оные деньги не выданы? Вот ради чего: что не вышло-де решения. А для чего не вышло решения? Этого я не знаю. Астраханский губернатор это лучше знает.³ Однако мне отказано не было. Его гнал Шувалов, а сим гонением я никаким благополучием не пользуюсь и последнего лишился по присловице — «в чужом пиру похмелье».

Покажите это письмо е. в.

За установление Российского театра и за успехи в красноречии Сумароков от театра по его прошению уволен, а ему за его услуги оставлено все то предписанное жалованье, которое он получал. А уволен он ради того от сей должности, дабы он удобнее мог обращаться с Музами. NB. Что я от театра просился, это Шувалов, гоня меня за г. Бекетова, солгал. А когда меня освободили от театра и утвердили все мое жалованье, так за что еще во время бытия моего отняли у меня квартирные деньги?⁴ За то, что я Шувалова реестра приискать не мог после пожара. А когда и Шувалов, и гр. Сиверс мое требование после отыскания реестров утвердили, так самые мои соперники меня правят. Нет никакого сомнения. А что точно так сообщено Сенату повеление покойной императрицы, в том я присягаю, что в Сенате после увидится. А что Сенат не здесь, так то чему препятствует? Вы извольте это

мое письмо удержать и справьтесе после, в правде ли я под присягою здесь силу Шувалова от государиного повеления объявляю. А ежели мне справки от Сената дожидаться, так можно тем и умереть. Да на что справка? Шувалова письма и самого гр. Сиверса утверждения довольно; справка будет пятое колесо кареты. А с которого времени я оных денег не получал, Придворная контора знает.

Вот годы те: 759, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66 — 1600 руб.

А оные деньги мне и впредь принадлежат. Да 400 рублей от комнаты.

А иных реестров мне не дано, кроме сих, которые я вашему превосходительству сообщил.

36. Екатерине II

Январь 1767

Всемиловейшая государыня.

При установлении Российского театра положено мне получать по приложенному реестру квартирных денег двести рублей, которые я и получал. Но когда во время пожара Андреевской церкви и библиотека моя и многие рукописи распропали, так оные квартирные деньги по потериши в то время реестра мне выдаваемы не были, о которых я неоднократно просил Ивана Ивановича Шувалова, ибо реестр дан был от него. Однако оный Шувалов до того времени мне длит утверждением правильного моего требования. Но по восшествии в. в. на всероссийский престол и при отъезде своем он справедливость моего требования письменно утвердил, ибо я реестры его отыскал, а ныне и последний мною сыскан. Обермаршал также оное утверждает. Того ради всеижайше прошу в. и. в. оные деньги мне указать выдать и впредь выдавать, ибо они мне без всякого противуречия принадлежат. Да еще же от комнаты вашего величества надлежит получить мне с четырехста рублей, заплаченных из моего кармана по воле покойной государыни, о чем я Чулкову¹ с тридцать подавал записок и о которых деньгах знают г. Бекетов, г. Остервальд, г. Мелисино, а, может быть, ежели вспомнить может, и Иван Перфильич.² А я за оные деньги и процентов заплатил уже много, чего я и не требую. Сотворите милость, всемиловейшая государыня, и не допустите меня почти по миру ходить. Ибо я всякий год оставившей меня без рифмы и рассудка жене своей, без рифмы же и рассудка, хотя я и стихотворец, из невместного великодушия, не получая ни малейшей благодарности, плачу по семисот рублей, приняв еще и долги ее, не считая общих, на себя.³ Умилосердитесь, всемиловейшая государыня, и прикажите о квартирных деньгах учинити мне справедливость, как

и четыреста рублей моих из комнаты вашего величества выдать, услышав мои объяснения и свидетельства, и между многих важных дел определить на правосудие безвинного или паче за услуги по словесным наукам огорчаемого человека.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Сии деньги мне неоспоримо принадлежат, и что выданы будут, о том я никакого сомнения не имею. Но только о том прошу, дабы отъезд в. в. к разобранию сей моей надобности не воспрепятствовал, а я бы, не получив принадлежащая мне суммы, не был мучим от должников, а сам бы не принужден был идти просить по миру милостыни или с голоду умереть. А сия моя просьба состоит: 1) чтобы я заслуженные мои деньги получил 2) чтобы сии квартирные деньги и впредь указано было выдавать из Штатс-конторы 3) четыреста рублей из комнат дабы мне выданы были, о которых известны люди, назначенные в письме моем; ибо я заплатил их за казенные товары.

А обермаршал, которого повелением квартирные деньги удержаны, сам мое требование утверждает.

37. Екатерине II

12 марта 1767

Петрополь

Я несумненно ведаю, что по письму моему о квартирных деньгах и о жалованьи донесено в. и. в. обстоятельно. Жалованья я получаю, теряя двести рублей, меньше прежнего. Ибо по воле покойной императрицы положено мне тогдашнее бригадирское и тысяча двести рублей за установление Российского театра: тысяча за правление одного и двести квартирных, положенных навсегда. Прибавки во время владения в. в. я не имею к жалованью, хотя и довольные имею милости, которые вечно в благородном моем сердце останутся и на которые я уповал жизнь мою от начала в. в. к нам прибытия, яко от покровительницы и защитницы наук. Что жалованье я имею прежнее, этого я солгать не могу, ибо справиться г. Кузмину¹ о том легко было. А что мне дом пожалован, я ту милость помню. Но мне г. Кузмин объявил, что мне то взамен квартирных денег иметь; а дом я имею два только года.² Так ежели, всемилостивейшая государыня, мне пожалованные деньги на дом и вычитать, так я ту сумму почти уже зажил. Мне он сказал потом: я-де не знал обстоятельно, ты-де неясно написал, и не упомянул-де о том, что ты бригадирское жалованье получаешь; так думалось мне, что ты ныне больше берешь, нежели прежде, получая по две тысячи. Я ему то отвечал: кто же

ясные пишет, ежели я неясно изображаюся. А удержаны деньги были неправильно, в чем и Шувалов, и Сиверс сами засвидетельствовали. Да и доказательства мои все г. Кузмин увез с собою, сказав мне, что он уже совсем уложился. Помилуйте меня, всемилостивейшая государыня, и прикажите мне оные деньги выдать и впредь выдавать указать! Мне и то уже прискорбно, что я подаю о себе сумнение: мне кажется, что просить не о надлежащем или украсть — это все равно.

А г. Кузмин сказал мне на конец: требование ваше правильно, только-де теперь сделать неколи, взавтре отъезд. Помилуйте меня, государыня, и прикажите мне возвратить оные мои деньги, хотя милостинею, которых я ради того только не получал, что Шувалов и Сиверс на меня напали, а доказательства мои во время пожара были потеряны. Но ныне они и отысканы, и показаны, и ими самими утверждены, что объявляет Шувалова взятое у меня г. Кузминым письмо; а с Сиверсом он также справливался. Позвольте, государыня, окончати мне мое письмо из Священного писания: «Помяни мя, господи, в царствии своем».³ А вы меня еще и до царствования своего жаловать изволили в рассуждении моих ради отечества бесполезных упражнений. А «Пчела» моя Российской Минерве, еще не бывшей тогда на Российском престоле, приписана.⁴

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Марта 12 дня 767.

38. Г.-Ф. Миллеру

После мая 1767

Ich bitte um Moscovitischen Historischen Journals¹ und dabey von diesen Küchen-Journals welche ich bey Ihnen vor Pahr Jahren gesehen habe, und die können auch mir als einem Russen in meine Küche dienen. Die politische Tractaten sind aber denen Stats-Ministers dienlich, nicht aber einem Menchen welcher sich von der Welt absondert.

Sumar.

Перевод:

Прошу вас дать мне московские исторические журналы,¹ а также еще из тех столовых книг, которые я у вас несколько лет назад видел и которые мне как русскому могут быть полезны в кухне. Политические трактаты пригодны государственным министрам, а не человеку, удалившемуся от света.

Сумар. (нем.).

39. Екатерине II

Октябрь 1767

Всемилоостивейшая государыня!

Припадая к стопам в. и. в., прошу отделить одну минуту на выслушание моего всенизжайшего прошения и терпеливо выслушать от меня о всех неизреченных гонениях, которых никакой человек без потеряния чести снести не может, оставя разорение. Помилуйте, государыня, и рассмотрите мое прошение, а сим рассмотрением изволите узнать, что есть у нас люди, о которых характерах сказали бы, что они вымышлены и что их нет и в естестве. И каково имети с ними дело, то я неоднократно, обмирая, чувствовал и ныне чувствую.

1. В прошедшем году умер отец мой; после него осталось имение, и надлежало оное делить нам, его детям.¹

2. Есть у меня зять и сестра, а его свояченица и друг; оба люди праздные, прибытокжадные, непросвещенные и, кроме «Часовника», сроду ничего не читавшие, и, кроме сребролюбия, ни о боге, ни о прямой добродетели неимущие понятия.

3. Сия моя сестра по сходству душ имеет с ним дружбу, которая не к чести нашего дома, но по истинной молве, — и на Ивановской площади известна и до которой бы мне не было дела, ежели бы не она была причиною моего разорения и повреждения моей чести.

4. Сей мой зять, желая того, чтобы я не ездил никогда в Москву, а бывая в Москве не ездил бы к матери в дом, — чтобы я матери не растолковал о их неблагопристойной дружбе, — шесть лет устремляется мать мою смучать и со мною, и с братом. А сестра нам обоим злодейка и обоих день и ночь всяческими скверными и непристойными подлейшей девки словами ругает, что ежеминутно все дома нашего люди слышат.

5. Брат мой, быв с нею всегда в Москве,² не токмо чего с нею в разделе поступил как я, а я разделился так, что почти мое великодушие до некоего безумия дошло. Но нечестивого человека ничем не удобришь.

6. Характер Чужехвата³ и зять мой и сестра берут на свой счет. Но Чужехват не изображает тех качеств нимало, какие мой зять имеет. Ибо он людям своим и дров не дает, приказывая, чтоб они дрова сами на Москве-реке добывали, следовательно, приказывает он им дрова красть. Но как то ни есть, только все то, что мной о душевредниках писано, берет он на себя понаслышке, ибо он за неумением грамоты сам, кроме «Часовника», ничего не читает.

7. Каков зять мой, так из того только можно заключить, что он берет по десяти рублей со ста, и ныне еще по два рубли в ящик собирает на жалованье своим людям, которых он почти и не кормит, приказывая им пищу добывать самим, чего и Чужехват не делал.

8. Жалости и человеколюбия в нем нет никакого; обыкновенное наказание людям — вечные кандалы, наименование людям — «вы мои злодеи».

9. Брату моему, а своему шурина, дал он сто рублей займы, взяв и крепость и заклад втрое, и вычел наперед проценты, имея больше ста тысяч денег. Вот каков его характер!

10. У Шепырева⁴ отнял он деревню только потому, что подьячий описался, и владел ею тридцать лет, о чем меня при покойной государыне спрашивали, и о чем знает, какое это дело, несколько А. П. М.⁵

11. Науки он и она называют календарем, стихотворство — лихую болестью, Воспитательный дом — непристойным именем; а особливо ради того, что оный дом стена об стену с ним.⁶ А он в таком мнении, что лучше ребятам, вне брака рожденным, быть в Москве-реке, нежели там. Ибо-де, он думает, от того соблазн. А ежели ребенка в воду посадить, так и басни все в кузов.

12. Сестре моей дает он в год жалованья по пятидесяти рублей и по четкам, ибо он сам носит всегда четки, по которым он молится, считает деньги и бьет ими слуг; а у него только четыре наказания: четками, под бока кулаками, кошками и вечные кандалы. А жалованье малое сестре моей дается за великое, ибо и он и она пятьдесят рублей почитают пятью тысячами, единым достоинством деньги поставляя; и, следовательно, меня недостойнейшим ставят и подверженным лихой болести, то есть Поэзии.

13. Таков характер моего зятя, а сестры моей еще хуже. И сколько она хороших мало качеств имеет, толико надменна гордостью; а особливо гордится она тем, чего она страшиться должна, а именно, что дружится с таким человеком, которого ни душевных качеств, ни телесных описать нельзя. И ежели в. и. в. его где издалека видеть изволили, так изволите и знать, каков он видом, а вид его в очах философских есть верное зеркало души.⁷

Обиды мне от них, государыня, следующие:

14. Деревни все назначила мать наследникам, как хотела, а я взял то, что осталось, и тем доволен.

15. Денег не досталось мне ничего, ибо сделано так, что все деньги записаны на имя сестер и матери, и в прочие места. А из оставших несколько тысяч — вдобавку сестре на начеты по казенным делам, на поминки беспримерные и на богатые ризы по-пам — на все то употреблено из денег, подлежащих братьям, а не сестрам и матери.

16. Вещей и платья сестры имеют по доходам нашего дома довольно.

17. Людей и лошадей взяли они, которых хотели.

18. Доходы и сей год получили они почти все, а я себе в деревне на семена хлеба покупать должен.

19. Земли некоторые утвердить на меня мать моя богом письменно обещалась, что и поныне чрез два месяца не помышляет;

да того и исполнить нельзя, ибо она ни меня, ни людей моих, ни поверенного от меня не пускает. И дав бога порукой письменно, продала было для укрепления такому человеку, который бы мне оные перепродал; а ему продавать за неплатеж по векселям запрещено, не взирая на то, что у него в полпуда желтый яхонт, который он хочет продать Великому Моголу, и таскается с ним по всем дворам, и делает везде беспокойства, ссоривая друзей своих с друзьями, и на старости своей, живучи в праздности, возмущает людей против людей.

20. Просили гр<афа> Сал<тыкова> о карауле против меня, будто я всех у них в доме хочу перерезать и сделать то явно, что и сверх естества Жуков сделал тайно.⁸ О чем граф Салтыков и в. и. в. докладывал. Но то, чтобы я старался ее и всех людей у ней перерезать, по следующим моим оправданиям ложь.

21. У них в доме человек семьдесят, а у меня семь человек; так все военные люди знают, что с меньшим числом людей, нежели гарнизон, и места атаковать нельзя.

22. Явным образом посреди Москвы разбойничать и не против матери нельзя.

23. На виселицу я не хочу, а особливо, что я еще второго своего издания к чести моего отечества не выпустил.⁹

24. Свидетелями поставляю я весь их дом, меньшую мою сестру, внуку матерню, племянницу, дворецкого, их людей и взятого ради свидетельства солдата.

25. Просить на меня и облыгать монарха пристойно ли — в. и. в. сами знать изволите. Счастье мое, что в. и. в. изволите знать мою честность, что о том усумниться не изволили: а инако, так бы и то мне было наказание, что моя государыня одну минуту о мне подумала, что я злодей и законопреступник, достойный виселицы.

26. В доме надлежит мне часть больше, нежели матери и сестре, а они туда ни людей моих, ни крестьян приезжих, а, наконец, ни меня самого не пускают. И я таскаюсь по квартирам, а они денег по своей собственной оценке не выдают; и хочет еще сестра, чтобы утаил пошлину¹⁰ и заплатил бы в казну вместо трехсот пятидесяти рублей только восемьдесят рублей: «ежели-де ты не хочешь быть бесчестным человеком». А мне кажется, что пошлину таить и красть монарший доход не очень честно.

27. Докончатъ разделу с ними никак не можно, а без докончания быть нельзя. Ибо между прочим подряжено на четыре года ставить казенное вино; так за то и я с ними как неисполнитель уставов понесу штраф и разорение без отзыва в Камор-коллегию.

28. Отца духовного моей матери я неоднократно трудил, чтоб он ей истолковал, что она оставляет бога порукою в обещании своем. А он как человек-невежа, вымаранный латынью, не только по моей просьбе, но ниже по приказанию синодального члена архиепископа Псковского, мужа разумного,¹¹ в наше дело не вхо-

дит, говоря, что ему только до души ее дело; будто бога поручкою оставлять дело светское, и до души матери моей не принадлежит.

29. Прибили на заборе двора их гнусную пасквиль, в которой написано так: здесь живет бессовестная мать, которая сводничает домашними, ближними и посторонними. Сию пасквиль по научению сестры моей, недостойной сего имени, мать моя и она приписывают мне, а по всему городу разносят сие мне бесчестие. Сестра моя должна знать, что то пасквильянт, и что он презрительнейший в подсолнечной человек, мятежник и неверный сын Отечества. Итак, или я мерзкий человек, или она такая негоднейшая тварь, когда почтенному человеку такое присвоет имя, какое и Чужехвату едва впору. И могу ли я без наказания его читать моралию и проповеданием наполненные добродетели мои трагедии, или читать на пожалованном отличности знаке сии слова.¹²

30. Шествуя я по стопам Горация, Ювенала, Депрео и Моплиера; имею ли я нужду в пасквильях? Сатира и комедия лучше бы мне праведное учинили отмщение к пользе публики, нежели пасквиль. Может ли человек, снабженный оружием, ухватиться во время защищения за заржавленное шило, а знатный стихотворец вместо сатиры и комедии — за пасквиль?¹³ Может быть, и весь их дом пасквильями обвешают по посящейся о сестре моей молве; но я должен ли отвечать за ее непорядочную жизнь и за мерзких пасквильянтов?

31. Сбиралися они на меня писать челобитную, чтоб за непочтение моей матери сделать со мною по указам и высечь меня кнутом. Но та челобитная не состоялась, ибо им растолковано, что во дни владения в. и. в. честных людей не секут и без суда людей не обвиняют. Вот каковы стремления моего зятя и его наперсницы, и до какой степени злобы мать, постом и молитвою стремящуюся в царство небесное, они довести могут.

32. Не довольно того, что я назван мятежником и пасквильянтом, но еще и конфирмацию разглашают, будто мне через графа Салтыкова учинен жестокий выговор в сих выражениях: «мол ты-де весь свет раздражаешь, и наконец-де восстал и противу матери». Но мне никакого от в. в. выговора не учинено, ибо я ни в каких преступлениях не изобличен, а невиновному и честному человеку выговор от монарха был бы жесточайшим наказанием, и в честности упражняться умалил бы его силы.¹⁴

33. Жаловаться на меня был послан некто Волков, и конфирмацию взолгал он; а потому что он в чтецах при Уложении, так Александр Ильич Биб<иков>,¹⁵ зная он мою честность, по справедливости ему и выговорил публично, как детине, не имущему хорошего поступка.

34. От стороны в. в. честь моя не страждет: я знаю, что вы изволите ведать. Но праздностию избилующие в Москве люди, большинством голосов всклепанные на меня плутни утверждают, хотя истина не большинством голосов, но важностию решиться

должна: во всѣй подсолнечной по большинству голосов почитается, что солнце ходит, а по важности голосов не солнце, но земля ходит.

Из уст в уста перелетает ложь,
За истину пойдет, коль всякий бредит то ж.

Из моих притчей.

35. Я разделился с ними так великодушно, как, может быть, редкий сделает, и сам против себя работаю, являя учтивости, превосходящие почти человечество, что они сами по Москве по справедливости славили. И в знак благодарности лишают меня всего спокойства и оставшего времени к сочинению ради чести моего отечества, ибо никто не может оспорить того, что Расин, Лабрюер и де ла Фонтень преумножили чести Франции и чести владению Людовика, и не меньше, нежели победоносное его оружие. Сие самохвальство все в Европе ученые утверждают, все академии и университеты. Судя и по самым худым переводам некоторых малочисленных сочинений, Германия, Франция, Париж, и сам Волтер единый с Метастазием из современников моих достойный мне совместник.¹⁶

36. Защитите, милосердая государыня, честь мою, какими мерами ваша премудрость и правосудие в. и. в. предпишут.

37. Я без окончания раздела, которому и конца по их доброволью не предвижу, должен я, — и по казенным, и партикулярным обязательствам — и разориться, и обесчеститься, и потерять кредит; и наконец, небольшое мое имение должно будет конфисковано быть, а я претерпеваю во всю жизнь мою бедность, на конец жизни моей пойду по миру, складывая стихи Алексею человеку божию, и буду таскаться, как голодная собака по рынку.

38. Прикажите, государыня, Петру Спиридоновичу¹⁷ как нашему родственнику или хотя кому чужому мое требование не по крючкам, но по совести разобрать; ибо наше дело ни до Юстиц-коллегии, ни до Сената не принадлежит, а зависит единственно только от высочайшей в. и. в. апелляции и от праведного единственного в. в. рассмотрения, повеления и утверждения.

40. Г.-Ф. Миллеру

21 октября 1767

Прикажите мне списать Ряду, бывшую во время ложного Дмитрия, а теперь пришлите мне какую-нибудь старину почитать. *Ich bin nach Moscau auf eine sehr kurtze Zeit gekommen,¹ und bleibe hier länger als wie ich dachte, folglich habe ich keine Bücher.** Пришлите еще сверх того какой месяц рукописных журналов *welche ich bey Ihnen gesehen habe.***

A. S.

Den 21 Oct. 1767.

Перевод:

* Я приехал в Москву на весьма короткое время и задержался здесь дольше, чем предполагал, а потому не имею при себе книг (*нем.*).

** которые я видел у вас (*нем.*).

41. И. И. Бецкому¹

Июль 1768

Милостивый мой государь Иван Иванович.

Требованы были от меня к портрету е. в. стихи, которые и напечатаны были. Ныне оный эстамп вышел вторично со стихами покойного Ломоносова. Что его стихи моим предпочтены, это мне не досадно, хотя бы, не обидя ни его памяти, ни меня, и с обеих надписями, сочиненными нами, выпустить было можно.²

Я просил о медали, изобретенной мною ради Академии, не исчисляя моего труда в сочинении дипломов и прочего при освящении Академии.³ Так я не золотой прошу медали, хотя и такая мне как изобретателю ее по всем правам надлежит; но, чтобы копия осталась моего изобретения, просил я образчика на олове или на свинце. Мне без подписи письмо мое возвращено, и без ответа, чего я принять не могу, ибо за труды свои пииты никогда так ни от какого места не награждались, и уповаю, что ежели сия мне обида внушится вначале вашему превосходительству, а потом хотя и е. в., что то все, конечно, апробовано быть не может. Разве то моя вина, что я вашему превосходительству был послушен, хотя к тому и должности моей не было. Секретарь Академии⁴ был от вас прислан, прося меня, чтобы я дипломы сделал и речь, чего я не добивался; да вы того хотели. Не чаю я, чтобы я моими трудами заслужил от Академии такое возмездие, и всяк, услыша о том, подивится. А я для того сим ваше превосходительство тружу, чтобы знать, известно ли вам такое мне членов Академии решение; а я о истине, не упуская моего к вам почтения, вам безбоязненно представлять могу, имея почтенное на свете своими трудами имя, и нимало не заслужив такого от Академии ответа, не будучи ей еще и подчинен. Я сие предаю на здоровое ваше рассуждение, уповая, что ваше превосходительство меня ответом удостоите, ежели же благоволите утвердить академического мне без подписи решения, а господ живописцев и резчиков, сию мне нанесших обиду, хотя мало от такого мне награждения удержать, не помнящих, что и дипломы моего труда, и что они так худо мне то платят. А я уповаю, что ваше превосходительство меня, конечно, в обиде не оставите. Медаль я получить должен; ибо мне не оставить у себя ради памяти копию моего помышления нельзя. Я к вашему превосходительству адресуюся, и конечно, честь мою, которая мне всего дороже, сохранить на-

мереп, принося вам и всему свету жалобы, имея жаловаться право.

Вашего превосходительства, милостивого государя,
покорный слуга.

Июля дня 1768.

42. Г. В. Козицкому

14 августа 1768

Милостивый мой государь Григорий Васильевич!

Была ошибка, и нечто пропущено в копии моего перевода, так ради того замедлил я прислать к вам оную, дожидаясь Чулкова,¹ чтобы с ним купно просмотреть. Графу² я и словесно и письменно докладывался, что я непременно хочу просить на Елагина,³ что я сегодня на имя е. в. и пришлю к вам, уповаю, что вы защитите меня и покажете другу своему опытом и собственным его делом, как вы, защищая истину и невинность, будете наполнять то место, которое вам от бога и его наместницы по вашему достоинству к пользе общества и к удовольствию ваших друзей, и к облегчению страждущих поручено. Сегодня я к вам письмо просительное запечатанное пустил, чая скорого подания и ясного истолкования.

Вашего высочородия верный друг и покорный слуга

А. С.

14 августа 1768 г.

43. Екатерине II

15 августа 1768

Всемилоостивейшая государыня!

До владения в. и. в. многие препятствия остановили журнал мой «Трудолюбивую пчелу», приписанную к вашей особе; но драмы мои никогда, при всем гонении моих неприятелей, прикосновенны не были. Но много будучи утесняем, я было закаялся больше писать, а особливо по кончине государыни, и не принимался почти за перо до самого дня всенародной радости и оживотворения Муз. Лета мои, а, следовательно, и силы, уже к сочинению и стихов и прозы начинают ослабевать. А я, желая еще принести сочинениями моими и двору и обществу некоторое удовольствие, в нынешнее лето спеша нечто заготовить ко дню коронования вашего ради театра, презирая и летние прятные дни, способные к поправке человеческого здоровья, и отягчающие взора

прилежным писанием, истощая все силы мои, сочинил трагедию и две комедии, зачав еще и комическую оперу и расположив уже оную с г. Раупахом. Трагедию свою я по некоторому приличию перед г. Елагиним читал у себя в доме, и в то время не нашел он ничего, чего б ради оную не можно было представить. А когда я отослал еще одну комедию к нему, прося, чтобы просмотренные его не замедлилося, так он и трагедию и комедию больше месяца безо всякого продержал решения и по многим моим присылкам возвратил оные мне, приказывая, чтобы я и в трагедии и в комедии нечто отменил; ибо ему показались стиха с четыре в трагедии его нежному слуху противны, а в комедии — противу Священного писания.¹ То, что его нежному слуху противно, то ничьему слуху противно быть не может; ибо и мои, и все французские трагедии, и еще больше комедии по необходимости наполнены. Да и рассуждать он о том не может, не имея довольного знания во французском языке, и никакого в поэзии. А в комедии противу закона и обрядов нет ничего. Г. Козицкий и г. Мотонис тому свидетели; ибо они не только оные мои драмы читали, но по желанию моему, как мои друзья, строжайше рассматривали. Но мало еще того: архиерей Тверской,² человек искусный и в законе и в познании божества и подпора благочестия, ни тени малейшего Священному писанию непочтения не нашел. Елагин ли о божестве и законе больше знает, или сей отличного достоинства, упражнявшийся во Священном писании муж? Г. Козицкий или он, г. Елагин, более знания и вкуса имеют во красноречии? Все общество знает, да и сами в. в. ведать изволите, может ли он равняться с ними. А еще чуднее то, что г. Елагин находит вещи в моих сочинениях ко поправлению; а я ему в том повиноваться никак не могу. Мне паче всего жаль того, всемиловейшая государыня, что медлительное решение Елагина все мои труды в ничто преобратило и лишает меня сего веселия, что я надеялся при торжественном времени в. в. коронавания видеть сии мои тщательные труды во представлении и заслужити себе от всевысочайшей вашей особы, и от двора, и от города, а потом от всей России и от всей Европы похвалу. А вместо того, презрев многие домашние непреборимые хлопоты, должен я им, Елагиним, новую себе приключить досаду, и ради того только трудиться, чтобы быть жертвоприношением его высокомерию, которому я никогда не покорюся. Я уповаю на праведное в. в. рассмотрение, довольствуясь тем одним только, что я прав и что труд мой хотя ко дню коронавания уже и не поспеет на театре, однако и труды мои и усердие мое в. в. будут известны. Сим образом пропали труды мои трех же летних месяцев по Академии свободных хитростей, за которые получил я вместо возмездия жесточайшие досады. Сим образом погибли труды мои и в изобретении монумента, препорученного мне И. И. Бецким в начале вашего владения, в чем я трудяся несколько уже сочинил.³ А прочее по плану в. в. мною оставлено, ибо г. Бецкий

меня тогда совсем замешал, и чего он хотел, я не допытался, пременяя ежедневно план исполнения, ничего не основав и ничего не утверждая. А хорошо ли мое изобретение, в том я не устыжуся всех искусных людей, имея о таких вещах и совершенное понятие и совершенное знание, чая похвалы ото всех упражнявшихся во свободных хитростях и от г. Фалконета, ежели бы он то увидел; да и увидит, имея ко мне взаимственное почтение. А Академии, сверх прочих трудов, я все сочинил дипломы и избрал медали. И ежели мои труды негодны, так на что они в действие произведены; а ежели годны, так за что мне и от И. И. Бецкого, при многих мне учиненных досадах, не дано не только образца с изобретенной мною медали, ниже на олове, и требование мое какого-нибудь образца моего вымысла с крайним возвращено против меня ругательством. Ежели я хотя одну литеру неправды вашему написал величеству, так я подвергаю себя жесточайшему наказанию, то есть вашей немилости; ибо милость в. и. в. мне и самой жизни драгоценнее, и легче мне умереть, нежели малейший от в. в. имети гнев.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Августа 15-го 1768 года.

44. Г. В. Козицкому

29 августа 1768

Милостивый государь мой Григорий Васильевич!

Вся сила моего, не для меня, но для публики, прошения — о скором решении; ибо ради того я и трудился, чтоб мои драмы были выучены к 22 сентября, а коли этому быть, так решение получить уже и теперь поздновато; а коли дни два пройдет, так и совсем поздно будет, а Елагин одержит верх.¹ Доложите е. в.; а мое дело не челобитчиково, но дело автора; так о нем и напомнить удобнее. Я дивлюся участи моей, а еще паче, что я дохожу до такой крайности, что прошу, будто о награждении, о своих драмах. А я наконец рассудил, избавляясь докучать моими сочинениями, ради моего спокойства впредь ничего не делать на Парнасе; ибо более славно молчать и быти мне в праздности, нежели сочинять и после утруждать двор челобитными; ибо ежели б труд мой стоил чего-нибудь, так бы я и без того обошелся.

Покорнейший слуга

А. С.

29 августа 1768 г.

45. В. Г. Орлову

8 сентября 1768

Сиятельнейший граф! Милостивый государь!

После 22 сент<ября> будет представлена трагедия и комедия новые.¹ Комедию я низжайше прошу ваше сият<ельство> приказать напечатать. А рецензии, кажется, больше никакой не надобно, ибо она была уже ради рассмотрения у высочайшей особы, и по отметкам отставлено, что было благоволено к отмене. И сия комедия чрез Г. В. Козицкого е. в. паки подана от меня и отдана уже ради выучения на театр. Я уповаю на правость и милость ваш<его> сият<ельства>, что она без задержки к 22 дню напечатана и мне выдана будет. А в Кабинет может Академия послать по благоволению и рассмотрению своему о том известие, дабы она комедия не могла быть удержана ко дню представления. О сем низжайше ваше сият<ельство> прошу и на вас уповаю, что мне никакой задержки к напрасному и незаслуженному огорчению не будет. Ожидая милост<ивого> решения есмь вашего сият<ельства> милост<ивого> государя> покорнейший слуга

А. Сумароков.

1768, сент. 8 дня.

46. В. Г. Орлову

2 октября 1768

Сиятельнейший граф! Милостивый мой государь!

Прилагаемая при сем малая комедия на театр Ив. П. Елагиным принята, переписана и отдана уже ради учения актерам. Низжайше прошу ваше сият<ельство> о изв<олении> приказать напечатать. А времени осталось к тому не много уже. Первую ком<едию>, которая уже напечатана, я принял и расписался.¹ В выдаче из Кабинета остановки не будет ни малой, о чем я с А<дамом> Васильевичем говорил.² И он мне сказал, что за мои сочинения Кабинет платит всегда, как скоро туда сообщится; и тако желавшему автору скорого напечатания, дабы без замедления то исполнено было, осталось только о том представить ваш<ему> сият<ельству>. Я уповаю на скорое ваш<его> сият<ельства> повеление, что я знаком милости вашей почту, имея честь быть всегда вашего сият<ельства> покорнейшим слугою

А. Сумароков.

Окт. 2, 1768.

NB. Тысяча двести экз<емпляров> тем же форматом и литерами, и на такой же бумаге, как «Лихоимеп».

47. В Комиссию Академии наук

10 октября 1768

Ко второму представлению новосочиненной мною трагедии «Вышеслава» потребно мне напечатать оную драму по обыкновению, как водится при представлениях.¹ Она я драма, когда уже на театре была и одобрение получила от монархини и от всей публики, больше никакого рассмотрения при напечатании не требует; да она же рассматривана директором театров, и потом была подана мною е. в., и на театр не от меня, но из рук монарших выдана. Экземпляр взят от театра, ибо я другого не имею, на малое время, и подан был от меня его сиятельству директору Академии,² который я испросил по четырех днях обратно, ибо его к театру требовали. А сегодня я опять оный экземпляр от театра выпросил, на короткое же время. Прошу Комиссии приказать оного моего сочинения напечатать двести экземпляров, с той только учтивейшею моею доукою, чтобы я не принужден был по него опять ездить и взять его для отдачи театру. А театральные экспедиции в таковых случаях медленности не терпят. Да и апробация Комиссии излишна, ибо монархиня, весь двор и вся публика сие мое сочинение апробовало; да и на театр отдано от е. в., быв прежде и у директора театра в рассмотрении. А справка, как объявлено мне от его сиятельства, не надобна; ибо апробации весь свет свидетель, и что торжественно апробовано, в том нет сомнения в печати. Я уповаю на немедленную резолюцию. Ежели же все мои предложения тщетны, а его сиятельству недостает времени сию трагедию просмотрети, так то по приказу его сиятельства всяк исполнить может: нет ли чего в оной драме в противность указам. Но я ручаюсь, ссылаясь на весь двор и на всю публику, что в трагедии сей ничего противного указам нет.

Александр Сумароков.

Октября 10-го дня 1768.

48. В Комиссию Академии наук

23 октября 1768

Собираясь в нынешнюю зиму переселиться из Петербурга в Москву и стараясь заготовленные драмы, которые еще не в печати, во время моего здесь бытия для лучшей исправности ко представлению издать в печать, те драмы, которые у меня в рукописях, я тшуся во всей исправности издать заблаговременно. И не тратя оставшего к тому времени, определяю ради напечатания сию драму «Ядовитый»,¹ а она главным директором театров просмотрена² и на театр к первому представлению после новоизданной трагедии отдапа, и актеры оную уже учат. Того

ради покорно прошу Академии наук Комиссию сию мою комедию приказать напечатать числом и форматом как и другие ныне новонапечатанные мои драмы и всепокорно напоминаю о незамедлительном повелении.

Александр Сумароков.

23 октября 1768, СПбург.

49. В Комиссию Академии наук

11 декабря 1768

Намерен я до отъезда моего в Москву, — куда я по последнему отправлюся пути, — мои оды, элегии, эклоги и псалмы и прочие к сему принадлежащие поэзии печатать, которые по большей части в разных книгах уже напечатаны; а иные в рукописях, которые рукописи при сем прилагаю, прося, чтоб они по освидетельствовании мне отданы были обратно, дабы я их мог отдавать, располагая и нумера, в набор по порядку. А рукописи мои были бы освидетельствованы при Академии; ибо я их переносить из Комиссии ни для чего не отдам, толико оные храня, как мою жизнь, не имея копий с них; а в типографию бы по благоволению Академии о «печатании» моих сочинений был дан приказ. И чтобы сии мои новые труды отданным и впредь отдаваемым драмам не препятствовали, так бы приказано было особливым сии поданные сочинения набирать под смотрением г. Сидорова. Да к Новому году при сем прилагается «Слово» ради подания при дворе.¹ Прошу снисходительного повеления.

А. Сумароков.

11 дек. 768.

50. Г. Г. Орлову

25 января 1769

Святелейший граф, милостивый государь!

Намерен я по силе увольнения моего от должностей отселе переселиться в Москву, яко в отечество российского дворянства, ради следующих причин: 1. Здоровье мое за пятьдесят лет века исчезает, а я, работая долго головою, лишаяся острого зрения, приближаюсь ко гробу, чего я жду, не желая и не страшась; а в Москве я всегда здоровее. 2. Деревни, — хотя и самые худые и малые остались мне, а не достались после отца, когда лучшие деревни разобрали по своей воле другие наследники, — должно мне поправить. В одной много земли — и не родится хлеб; а в другой земля хороша, да ее и крестьянам мало на пропитание; а я хлеб докупаю не только на себя, но и на семена, Дела

приказные еще у меня на шее. 3. Здесь дорого все, и моего имени недостает больше к содержанию; а из жалованья даю я почти половину на содержание оставившей меня жены. 4. Долги меня мучат; а я, не промотаясь, но неотлучно таскаясь по Петербургу, в долгое время прожилсь, имев случаи наживаться, но гнушаясь сею подлостью.

Прошения мои к е. в. суть следующие; а кажется мне, может быть, и по самолюбию, что я в отечестве моем был по сие время не полем!

1. Девку дочь содержу я,¹ а от матери она не получает ни полушки. А ныне, отъезжая в Москву, я ее на малое призрение матери, которая о ней не печется, оставить уже не отважуся. Так или бы за мои труды взята она была, ежели того достойна, из высочайшей милости к е. в., или была бы за мои труды приведена в такое состояние, с чем бы она замуж не за подьячего, но за дворянина выдана быть могла; а я своим именем и за подьячего или за слугу знатного господина ее выдать не могу. Е. в. нищих жалует. А я в сем случае тем только с нищим различествую, что стихи к чести моего отечества пишу. 2. Ежели бы я ради оставших лет пяти, положенных еще на некоторые по силе моей труды мог имети возле Москвы не для обогащения своего, но для выезда летом какое убежище и пожалован был деревнишкою хотя самую малую.² NB. Сия деревушка е. в. меньше родит хлеба, будучи казенною, нежели принесет России стихов; так кажется мне, что сия милость не сделает ущерба казенному доходу. 3. По всем правам надлежат мне деньги, удержанные у меня Сиверсом по нападкам регистратора; так бы я хотел того, чтобы е. в. приказала кому рассмотреть, надлежат ли те деньги мне. А их с две тысячи, да и впредь на всякий год по двести теряю. Я подавал чрез Кузмина прошлого года; но он не о том докладывал. А дело так право, что ежели сыщется, что мое требование неосновательно и неясно, так я подписуюся лишен быть моей чести; да и сам Сиверс оное утверждает.³ А я и в один год нынешний довольно воздаяния заслужил; и столько по весь век иной на Парнасе не только ныне, но и по смерти моей, плода своему отечеству не принесет. А от того я почти зрения лишился. А работал я ради того только, чтобы показать при отселении своем из Петербурга новые государыне и отечеству услуги, не взирая на все препятствия, как по театру, так и по домашним моим хлопотам. А сколько я в нынешний один год учинил нового плода, при сем прилагаю роспись; а этого налгать на себя нельзя, ибо вся публика тому всегдашний свидетель.

Роспись

«Хорев» исправлен и издан со многими отменами; «Синав» также. И стали они втрое лучше прежнего. «Семира» также; «Ярополк» также, — которые и в печати не были; и стали лучше.

Старые эклоги все переделаны; новые сочинены. Элегии все переделаны. Оды все поправлены. Духовные стихотворения иные исправлены, иные сочинены. Комедия «Приданое» исправлена и издана. «Пустынник» исправлен и напечатан. «Вышеслав», «Лихоимец», «Ядовитый», «Три брата», «Нарцисс» — сочинены и напечатаны. Первая часть «Стрелецкого бунта» сочинена и опубликована. Выходит третья часть притчей, а первые две по восшествии е. в. на престол поданы и приписаны наследнику ея.⁴

Я надеюсь на бога, на е. в., на мои труды и на ваше покровительство.

25 января 1769 г.

Нового у меня к изданию и еще много начато, и много совершено, и будет, может быть, еще столько же, сколько издано мною на свет, или и больше.

А. Сумароков.

51. Екатерине II

17 февраля 1769

Всемиловитейшая государыня!

Принося всеижайшее мое благодарение за пожалованные мне деньги, дерзаю напаятовать о моих нуждах, и прося о милосердом в. в. помиловании. До отъезда моего в Москву в 1767 году подавал я чрез г. Кузмина о заслуженных моих деньгах,¹ о которых он представлял не то, о чем я предлагал, и после объявил то мне, что докладывать уже-де некогда за скорым отъездом двора. В Москве мои хлопоты, по которым я совсем разорился, препятствовали мне о моей просьбе подтвердить. Удержано у меня, — 10-ть лет уже продолжается, — жалованье вот каким нападением. В то время, в которое меня гнал Сиверс, а И. И. Шувалов его на меня возмущал, в то самое время был пожар. Книги мои все растащены; некоторые рукописи пропали, а некоторые засунулися, между которыми четыре года пропадали все обязательства, по которым положенные мне в число жалованья пансионные квартирные деньги брать надлежало, которые я года с четыре беспрепятственно и получал. После оные записки отысканы, Шувалову предложены и его письмом, сохраняемым у меня, и утверждены; и никакого затмения ясности моего искания в сем моем деле не осталось. В 10 лет оных денег 2000 рублей я потерял; да в моей бедности на каждый год еще по 200 р. теряю. Прикажите гофмаршалу или кому-нибудь рассмотреть оное мое дело; ибо без рассмотрения может оное основательное мое искание неправильным показаться; а я и честности и смыслу столько имею, чтоб мне мою монархиню пустыми требованиями и беззаконными просьбами не утруждать. Когда същется, что моя

просьба не дельна, тогда я замолчу; но то требует рассмотрения. А две тысячи заслуженных денег, и еще на каждый год по двести потерять рублей, ради меня, по моим крайним недостаткам, очень важно; и такой ущерб я почувствую ущербом жизни моей, которою я еще несколько услуги сделать могу. Я сверх того не пекся о имении, но о словесных науках; а от того бедная моя дочь должна остаться навек девкою; так я в письме ко графу и о том изъяснялся. Не будет ли она проклинати день рождения своего, что родилася она от пиита, а не от лихоимца и не от мздоимца, отчего она родилася остаться навек девкою или лишиться чести своей, лишена надежды когда-нибудь иметь мужа. Я жил честно и случаями неправедно обогащаться никогда не пользовался; так я, припадая ко стопам монаршим, оставя все прочие изображения, вопию только: «Спаси меня, государыня, какими мерами можешь!». Я к деньгам не ласков и богатства никогда не искал; но когда дочь моя от неискания достатка лишится всей надежды благоденственной жизни, а я оставшего времени к сочинению, так это и стоического философа, а не только пиита тронет, расстроит и погубит. Еще я ко графу в письме о малой деревнишке просил. Она мне только на то надобна, чтобы я в оной имел парнасское убежище, и принесла бы она больше дохода стихами и прочими сочинениями, нежели хлебом казенного доходу; но если мне в отчаянии не сочинять, так и то мне не надобно. А ежели я чело-веколюбием в. в. из отчаянья извлечен буду, так такое место мне необходимо. Я большой деревни не прошу, мне она не нужна; а прошу к Москве близкой и малой, ради успокоения в летнее время духа и ради свободного чувствования и умствования. Впрочем, можно ли мне сверх того всего не отчаяться, когда в. в. изволите приложенное при сем письмо Елагина прочтете; а он называет угрозами сие мое изъяснение, что я могу имети по театру и сам, будучи гоним, доступ ко престолу.² Это не угрожения; а на Елагина бить челом можно, не преступая законов и благопристойности. Говорит он в письме сем, как сами увидеть изволите, что он моими пиесами в. в. и публике наскучить не хочет. Так ради чего и сочинять пиесы, ежели новая трагедия в другой раз ради сей причины не представляется? И ежели мои сочинения ради того только, чтобы ими двору и публике скучать, так безумное бы дело было и сочинять. Каков сей комплимент основателю, установителю театра и ищущему автору славы, это я предаю расуждению в. в., а лучшую мою комедию «Нарцисса» он до моего отъезда представлять не благоволит; так на что и сочиняти драмы? А я было хотел дати еще несколько пиес комических ради поправки нравов; но на что они, когда г. главный директор не только меня ругает, соравнивая меня с прочими вряями? Мне не до «Нарцисса», но до самого себя. Прочет сие письмо, не представляйте меня, государыня, челобитчиком; но вспомните древнее ваше мне покровительство, всегдашнее мое к вам усердие, долговременную на вас мою надежду и прикажите мое о жалованьи

дело гофмаршалу хотя, а лучше бы всего графу³ рассмотреть, дочь мою ради моего нищенства помиловать и тем дайте мне из престольного вашего града не со слезами, но с радостью выехать, оставив те мне только едины слезы, что я по моим обстоятельствам не так часто буду видети очи той монархини, которою и ум мой и сердце преисполнены.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Февраля 17 дня 1769 г.

52. Г.-Ф. Миллеру

2 апреля 1769

Высокородному Господину Коллежскому Советнику, Высокоучрежденному Российскому историографу, Императорской Академии Профессору Господину Миллеру, Милостивому моему Государю.

Ich habe meine Bücher noch nicht ausgepackt und bin jetzt in dem Elemente Rußische Alterthümer zu lesen; so bitte gehorsamst mir October und November von Anno 189 zu übersenden; ich bin willens das gantz Jahr durch zu sehen. Ich wuste nicht daß das Jahr complett ist.

Sumarocow.

Ich bin gerade mit meinen Hausaffären sich überhäuft; allein dadurch kan doch die Hitze zu denen Alterthümer meines Vaterlandes nicht gelöscht werden.

Den 2-ten April 1769.

Перевод:

Я еще не распаковал своих книг и сейчас настроен читать только русские древности; поэтому почтительнейше прошу прислать мне октябрь и ноябрь 189<1682> года: я намерен прочесть весь год. Я не знал, что имеется годовой комплект.

Сумароков.

Сейчас я завален домашними делами; но это не может погасить жара к древностям моего отечества.

2 апреля 1769 (нем.).

53. Г.-Ф. Миллеру

4 апреля 1769

Sie schrieben daß Sie mir belibten Octob<er> und Novemb<er> zu überschicken; allein es schlich sich auch Decemb<er> mit und der ist bey mir. Bitte mir Jan<uar>, Febr<uar>, Mart u<nd> April zu

übersenden um weniger und nicht so oft Sie zu incommodiren; denn ich lese es so oft ich Zeit bekomme ohne Unterlaß, und bin schon am Festtage S. Nicolai in Decemb^{er} 6.

Sumarocow.

Den 4-ten April 1769.

Перевод:

Вы писали, что послали мне «журналы» за октябрь и ноябрь; по среди них проскользнул и декабрь, который находится у меня. Прошу прислать мне за январь, февраль, март и апрель, чтобы мне меньше и не так часто беспокоить вас; так как я читаю все подряд, как только у меня оказывается для этого время, сейчас я уже дошел до праздника св. Николая 6 декабря.

Сумароков.

4 апреля 1769 (нем.).

54. Г.-Ф. Миллеру

12 апреля 1769

Ich bitte un die übrige vier Monathe! — Man sagt daß diese Journals sind gedruckt oder man druckt sie; ist es wahr? und wenn es was anders von Ihnen gedruckt wird so bitte mich zu berichten was ist solches?¹ — Mir deucht aber daß solche Journals müßen ganz anders arrangirt seyn wenn sie die Welt sehen sollten; denn in Manuscripten sind viele unnütze Sachen und sehr ofte uniformes d'Inscriptions und ennuyrte Repetitions.

A. S.

Den 12 Apr^{il} 1769.

Перевод:

Прошу прислать мне последние четыре месяца! Говорят, будто эти журналы напечатаны или печатаются; верно ли это? И если вы печатаете что-либо другое, прошу сообщить мне, что именно.¹ Мне кажется, что такие журналы должны быть совсем по-новому подготовлены, если им предстоит увидеть свет; ведь в рукописях много бесполезного, очень часты однообразные записи и утомительные повторения.

A. S.

12 апр^{еля} 1769 (нем.).

55. Г.-Ф. Миллеру

17 апреля 1769

Ich bitte mir noch ein Monath von Journal zu überschicken. Suchen Sie mir eins aus was merkwürdiger ist und wenn es könnte seyn von der Regirung Michael Feodorowitz. Und wenn es noch älter ist, so ist noch besser.

Sumarocow.

17-ten April.

Перевод:

Прошу прислать мне еще один месяц журнала. Найдите для меня что-либо более достойное примечания и чтобы это было из времени царствования Михаила Федоровича. А если это будет еще старее, тем лучше.

Сумароков.

17 апреля (нем.).

56. Г. В. Козицкому

4 июня 1769

Милостивый мой государь Григорий Васильевич!

Приложенное при сем к государыне письмо, в котором писано о театре здешнем, прошу всепокорно е. в. вручить и исходательствовать решение. А я скоро поеду в деревню. В письме сем моего интереса нет, а есть публики интерес. Ник^олаю > Ник^олаевичу >¹ мой нижайший поклон. Любите меня столько, сколько я вас люблю, а сколько я вас люблю, вы это знаете.

Вашего высокородия верный друг и покорнейший слуга

А. Сумароков.

4 июня 1769, Москва.

57. Екатерине II

4 июня 1769

Всемилоостивейшая государыня!

Знаю, что в. в. исправление нравов вашего подданного народа всегда присутственно.¹ Театр есть училище бродягам по жизни человеческой. Мое стремление с тридцать лет — ко театру, в чем я и неожиданный в наши времена показал успех. Театр я давно хотел оставить ради множества препятствий. Покойный Волков тому свидетель, что в. и. в. возвратили мною Мельпомену и Талию в Россию при возвращении общенародного спокойства. Я в прошедший год много трудился в сочинениях, от чего начал очки употреблять и поныне стражду зрением. Старость ко мне приступает, бедность меня окружает, злодей мой Арк. Бутурлин душу мою тревожит и день от дня мать мою от меня отводит и делает мне беспокойства бесконечные день и ночь, не памятуя божественного монарша повеления, дабы под опасением е. и. в. гнева бесчеловечных поступков воздержаться,² хотя я и всеми

мерами уклоняюся от варварских его нападений. Но при всех беспокойствах предлагаю о театре, дабы он в Москве не разрушился, ежели не дастся антрепренерам привилегия, а им разглашено, что она им не дастся, ибо-де театр не фабрика. Фабрика театр, по еще и самая полезнейшая; да и Немецкий театр имел привилегию. Мне чается, государыня, что «Семира» и «Синав и Трувор» больше привилегии достойны, нежели «Gespräch im Reiche der Todten»,* да мои же драмы у нас национальные.³ Сказывают то, будто от г. Елагина антрепренерам то объявлено во стомщение, что Титов не правит театром. Титов огорчил и публику и актеров худым смотрением и распорядком.⁴ Русским маскарадов поручати некому, а театра без сего помощи уставить не можно. Мне маскарады ничто, но без них театра содержать нельзя. А Белемонти дает народу утешения очень хорошие и не такие, как обманщик Локателли. Граф» Петр Семенович так изъяснился мне, что и он и вся Москва благодарны будут, когда Белемонтию надлежащая привилегия дастся.⁵ А мой интерес, что я не имею над театром помощи и не желая оныя, ежели Елагин не вмешается, помощью графа» Петра Семеновича приведу театр в самое лучшее состояние; а его сиятельство» граф» Салтыков моих советов опровергать не будет. Итак, я помощью его, только б Елагин не мешался, получу успех. Актеры здешние по письму Елагина безвременно высланы из дома, хотя им в оном жить велено и по именному в. в. указу. Они в отчаянии, и только я их удерживаю, чтобы они не отчаявались и надеялись на материнскую милость обладательницы. Иные поехали в Петербург, будучи подговорены, будто из чужого государства.⁶ А здесь театр надобнее еще, нежели в Петербурге, ибо и народа и глупостей здесь больше. Ста Молиеров требует Москва, а я при других делах по моим упражнениям один только. Времени кладу я себе еще три года на сочинения; но если сие последнее мое к театру усердие останется суетно, так я принужден буду по долгом от Мельпомены и от Талии терпении по театру замолчать вечно. Исполните, государыня, всей Москвы, гр. П» Петра» Семеновича и мое, яко основателя, рачителя и автора драм, желание к пользе и чести нашего века, а сей театр ущерба коронной казне не делает. Вольтер во своем ко мне письме говорит тако: *il faut absolument des souverains qui aiment les arts, qui s'y connaissent et qui les encouragent; ils changent les climats, ils font naître les roses au milieu des neiges. C'est ce que fait votre incomparable souveraine. Je croirais que les lettres dont'elle m'honore me viennent de Versailles et que la vôtre est d'un de mes confrères de l'Académie Française.*^{7**} Я не ласкаю себя удостоиться, как Вольтер, поцеловать в письме ту дражайшую руку, которую он имел счастье часто целовать, хотя и никогда не видал ваших очей, но почитая себя человеком той же степени, нижайше прошу указать кому-нибудь на сие мое предложение. Удостойте меня в. в. благоволением, дабы я хотя чрез последнего вашего раба мог получить от-

ветствие. А я в моем предложении своего прибытка не имею, а умножения себе славы не требую, будучи ею уже довольно насыщен. Желая единыя пользы моему отечеству. А быть адвокатом Мельпомены и Талии не только в одной России, но и во всей Европе пристойнее всех Вольтеру и мне; так моя дерзость протительна. А в каком состоянии актеры и чего хочет Бельмонти, я при сем прилагаю изображения, полные ясностию. Прошу в. в. о милостивом и полезном решении, не для себя и не за себя. И желал бы, чтобы восставить театр до отъезда моего в сем лете ради поправки моего ослабшего здоровья в деревню, откуда не знаю еще, возвращаюся ли я жив; ибо век мой окончается. А без меня никто театра не восставит во скорое время. Но доколе я жив, а особливо доколе не ссекла меня смерть косою Арк. Бутурлина, преодолевающего все силы мои, и на которого от бога и от в. в. прошу праведныя обороны, буду всегда с неизменным моим усердием в. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Июля 4 дня 1769
Москва.

Перевод:

* «Разговор в царстве мертвых».

** Совершенно необходимы государи, которые любят искусства, принимают их и им покровительствуют. Они переменяют климат и заставляют цвести розы среди снегов. Именно так поступает ваша несравненная государыня. Можно было бы подумать, что письма, которыми она меня удостоивает, я получаю из Версаля и что ваше письмо написал одним из моих собратьев по Французской Академии.

58. Г. В. Козицкому

24 июля 1769

Милостивый мой государь!

За письмо ваше покорно благодарствую. Я болен и в деревне теперь. Письмо мое покорнейше прошу вручить, как и прежде, за которое нижайше приношу благодарение. Н. Н. Мотонису мое почтение. А я едва вижу, так мои глаза испорчены, и думаю, что и я скоро буду Омиром в рассуждении глаз, как некий Вас. Петров в рассуждении высокого склада к чести нашего века.¹ А я в честь себе то почитаю, что меня любит и почитает Гр. Вас. Козицкий, которого есмь покорнейший слуга и верный друг

А. Сумароков.

Из Серпуховского уезда июля 24, 1769.

59. Екатерине II

24 июля 1769

Всемиловнейшая государыня!

На всенижайшее мое в. и. в. о установлении здешнего театра предложение я некоторое ответствие чрез Г. В. Козицкого получил. Писанное рукою в. в. ко гр. П<етру> Семеновичу Салтыкову письмо я видел. Гр. П<етр> Семенович, по оному советуя со мной, сколько было можно, нечто ко приступу установления театра учредил. С оберполицеймейстером здешним¹ я многое к хорошему порядку расположил, и по согласию с гр. П<етром> Семеновичем я сие дело основал бы совершенно, ежели бы только побочных препятствий тому не было, а особливо в рассуждении сих следующих вещей, которых кроме в. в. решить никто не может. 1) Г. Вырубов, которого я в лицо по сие время еще не знаю, требует четвертой части дохода на Воспитательный дом,² хотя доходы театральные поныне еще меньше, нежели расходы. Здесь же не Париж. Там и много авторов театральных и много любителей театра, между которыми много и знатоков; народа там больше; а Москва всего того лишена, и только люди еще во вкус приводятся. Да и двор обыкновенно в Петербурге, а не в Москве, а Москва от Петербурга далее, нежели Версалия от Парижа. Там Расины, Волтеры и Молиеры, а у нас писатели очень безграмотны, переводы скаредны, подлинники еще хуже, актеров надобно созидать; ибо один Сумароков и один Дмитревский к совершенству театра еще недостаточны, *et le reste des acteurs est une chose très petite; donc il faut créer et les auteurs et les acteurs.** А и Дмитревский, не имея основания от моего наставления, тщетно бы в Париже видел Лекена;³ ибо язык французский с нашим в декламации, как снег с огнем, или хотя немного и поменьше. Сбор на Воспитательный дом странно учреждается здешними оного надзирателями, ибо присланный унтер-офицер стоял во время представления «Вышеслава» между кулисов, переходя с места на место; а каково это бедному автору, прилагающему все силы к театру, и каково мне это тяжело было, это можно вообразить. Театр не Парнасским местом, но некою тамошнею казался и отнимал у меня охоту о драмах и помышлять, а я досадовал на те часы, которые меня к Мельпомене послали, и вместо разгорячения своей Музы я чувствовал охлаждение, и омерзение, и раскаяние, что я о Российском Парнасе только старался, не щадя своего здоровья и глаз, которыми я от прошлого года едва вижу, будучи крайне болен ими в моей деревне, отколе я мысленнозираю ко брегам Невы и вижу и Российскую монархиню, и Российскую Палладу, к которой огорченная моя взывает Муза. Антрепренеры и актеры, гр. П<етр> Семенович, Мельпомена и Талия со мною согласны; но нет театра, о чем будет сия статья. 2) «Вышеслав» и «Лихоимец» представлены здесь были. Публика была довольна весьма.

Актеры мною научены были и уже не так играли пиесы, как прежде, будучи научаемы Титовым, или паче им во всем порчены, а первая актриса столько во своем поведении испорчена, сколько она ко декламации способности имеет.⁴ Театра без вашего указа не дают, кроме двух разов, когда пиесы мои играны, и то Пётр Семенович ради моего прошения исполнил; а новый театр поспеет не скоро. Дивно это, что без меня театр был отдан российским актерам и Титову навсегда, а при мне и на время не отдается; а от того новое препятствие. 3) Актер Базилевич еще до моего знакомства с ними из Москвы почти сбежал, и слышно, что Елагин его или принял уже, или принять хочет; а от того здесь новых комедий быть не может, ибо некому роли слуги играть; а в Петербурге довольно и Шумского. Ежели все сие будет решено, так я, к сентябрю возвратясь из моей деревни, потружуся о театре. А по театру собственно все исправно быть может; ибо, как я уже несколько изобразил, Музы, наместник здешний, полицеймейстер, антрепренеры и актеры со мною в крайнем согласии. Ежели и повеление в. в. тому соответать будет, так я уповаю, что вы, государыня, увидев здешний театр, скажете про меня: «Спасибо ему». А сие слово весьма лестно моему любочестию, ибо мое любочестие единственно в том состоит — угождать вам, отечеству и себе. В прочем моего прибытка нет, хотя театр будет, хоть нет. Мое о словесных науках стремление велико. Ах! если бы мне не было препятствий, да еще сильное вспоможение! Которого желая, вручаю себя в. и. в. всевысочайшей милости и щедрому священныя вашае особы покровительству в. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Из Серпуховского уезда 1769 июля 24.

Перевод:

* а из актеров остальные ничего не значат. Стало быть, падобно со-
видать и авторов, и актеров.

60. Г. В. Козицкому

28 января 1770

Милостивый мой государь, Григорий Васильевич!

Вручите мое письмо е. в.; только бы не пропуская времени, ибо в том особливая нужда. Ваше благоразумие и ко мне дружба обещают вашему другу, что мое письмо подастся тогда, когда е. в. не отягощена другими делами, дабы оно яснее рассмотрено было. И прошу об ответствии, а я всегда вашего высокородия почкорный слуга и верный друг

А. Сумароков.

Января 28 дня 770 г., Москва.

Письмо это о некотором мне жесточайшем по театру нападе-нии актер Шумский¹ вам всего яснее истолковать может, а он сегодня едет и у вас явится.

61. Екатерине II

28 января 1770

Всемиловитейшая государыня!

Я знаю, сколько важными делами в. и. в. отягощенны, и без нужды крайней я бы не осмелился высочайшую вашу особу трудить. Мой разум перемешан, и я не знаю, как зачать и что писать; ибо кажется мне, что все мое красноречие нанесенной мне обиды ясно не изобразит. Все бы мне было легко, что бы со мною ни сделалось не по Парнасу; а нынешняя моя обида точно троганьем Муз, а не прочих дел моих. Я, сообразуя охоту мою к театру со всевысочайшим благоволением, что касалось до моих собственных драм, привел было уже театр в презрительное состояние. Граф П. С. Салтыков был до сего времени ко мне благо-склонен и дней 10 тому назад приезжал ко мне с сыном и при-казывал, чтобы поговорить антрепренерам, чтобы актрису первую воздержали,¹ которая, как я в деревни своей был, отселе сбежала, о чем от здешней полиции Н. Ив. Чичерину² сообщено, почему она оттоле от г. полицеймейстера и выслана. А бегала она с зятем покойного А. Мих. Еропкина,³ и который при прочих ее худых поступках ее с круга спойл, так что она ежедневно со сво-ими товарищами бранилась; а Апраксин неоднократно был ре-примандирован от здешнего оберполицеймейстера, ибо он опа-сался, дабы сей Апраксин не сделал во пьянстве по знакомству с сею актрисою убийства смертного. Захотелся племяннице гр. П. И. Панина и дочери гр. П(етра) Семеновича, обeim дамам отличного достоинства,⁴ видети трагедию «Синава», которой они не видали (а драма сия в новой эдидии отменна от прежнего),⁵ и одну новую комедию «Три брата». Я старался актеров научить, ибо они без наставления моего болваны были; а ныне начали было уже быть изрядными актерами, чем вся публика довольна, и доход Белемонтию велик. П(етр) Семенович к удивлению всей публики начал оную актрису жаловать, чего я и не знал и не чаял; ибо отличная дружба ко пьяной и негодной девке несходна с состоянием его сиятельства. Но мне до того нет дела. Но то пе-чально, что сие действие произвело всю его мне обиду. 1) Траге-дия и комедия не выучена. 2) Есть контракт у меня с Белемон-тием, чтобы без моего согласия моих сочинений не представлять.⁶ А то сделано точно для того, чтобы актеры были исправно на-учены, чтобы публике было больше удовольствия, а мне больше чести; ибо я кроме чести с драм моих ничего не получаю. 3) Ко-гда похваляются сочинения, тогда заслуживает автор благодар-

ность, а не ругательство. 4. Душевные силы и любочестие автора возрастают покровительством; а я его имел от покойной государыни и от в. в. имею.

Остались одни сутки перед представлением «Синава» и комедии. Актриса на репетицию ехать не может, ибо она пьяна, а на другой день с похмелья. Я представлял о том обер-полицеймейстеру, ибо назначенной пьесы и объявленной играть нельзя. Гр. Толстой, человек хороший и исправный, ее прислать хотел, но не мог; ибо гр. Салтыков и ему сказал, что актерам роли он сам раздавать будет и приказывать, что играть и как им декламировать. Гр. Толстой сказал мне, чтоб я переговорил с графом Салтыковым сам. Я приехал; его не было дома. Я пришел к его сыну сделать ему *contre-visite*, ибо он у меня был. Приехал и отец его. Вшед, закричал на меня с превеликим гневом и еще с большим уничтожением: «Для чего ты влетаешься в представления драм?» — «Ради того, — я, скрепив сердце, отвечал, — чтоб они были хорошо играны». — «Для чего ты в полицию приказы посылаешь?» — «Приказов посылать мне, кроме моих деревень, никуда не можно, а обер-полицеймейстер моей невинности свидетель». А он сам тут был тогда, и сын Петра Семеновича, и зять А. П. Шувалов, и дочь его, дама разумная и почтенная,⁷ и все ему после говорили, что он напрасно со мною жестоко поступил. «Нет тебе дела до представлений и актеров; не учи их, как играть; им я приказываю. Так-то». Не подумайте, государыня, что я безмолвствовал перед ним от робости. Нет, государыня, робости в моем сердце нет; мне и милость и гнев гр. Салтыкова не делают ни радости, ни печали; для того я только смолчал, чтоб мне удобнее было искать правосудия. Мало этого. Назавтре подошел ко мне с другою атакою: «Для чего сегодни комедия, а не трагедия твоя? ты это запретил?» — «Нет, — я отвечал, — я актеров и не видал, да они ролей не знают; так ради того не играли». — «Я, — говорил он, — назло тебе велю играть „Синава“ послезавтра», — и велел это объявить, что будет трагедия «Синава» и того же автора комедия. Я, не дождавсь объявления, чтоб мне ругательства не слышать, уехал, ибо сии речи были в театре; а он сам вышел с этой девкой во время представления комедии из-за кулисов на театр, и все захохотали; ибо он по театру одного только почитателя имеет — надворного советника Голицына, кн. Алексея, который с женою своею всякие наглости мне делал прежде заочно, а не в глаза и который при покойной государыне лет 8 содержался в крепости. Я припадаю ко стопам вашего правосудия; а от театра совсем отступаюся. Мало ради меня этого, чтобы в. в. умячили на меня гнев его; ибо гнев его мне не нужен, а милость его мне не надобна! То только несносно, что мне эдакое воздаяние за труды; и вместо, чтоб меня ободрять, у меня отъемлет и охоту и честь по поэзии не государь мой, но такой же подданный, как я; и самовластнее и жесточе со стихотворцем известным поступают, нежели Нерон. Но тот был римский импера-

тор; однако и тот, кроме Лукана, всех стихотворцев ободрял.⁸ Гр. Толстой представлял то, что контракта, данного и объявленного от полиции, нарушить нельзя. Бельмонти нарушать и не думывал; ибо он под честным словом обязался моих драм без моего согласия не играть. Да ему же и доходнее, когда хорошо по моему наставлению играют. Я многим сенаторам это заявлял и в главную полицию о нарушении контракта писать буду на первой почте; а обер-полицеймейстер также ради своей очистки писать хотел. Однако граф Салтыков с криком приказал: «Я так хочу; играй, не смотря на автора!» Est-ce une chose usitée dans quelque endroit dans L'Europe? Est-ce seconder la protection de votre majesté que vous avez pour les beaux arts? Est-ce encourager les poètes? *

Я четыре дни от сей досады болен и, может быть, умру, не дождавсь милостивого от в. в. ответа. Voilà la lettre de m-r Voltaire. Cette lettre et le souvenir, quelle estime même au commencement avait cette tragédie, me font pleurer. La recension de Paris en touchant cette pièce m'a élevé jusqu'au ciel. Là on dit c'est un monument de la gloire du règne de l'impératrice Elisabeth.^{9**} А чтобы и в ваше владение новость на российском театре произвести, так я старался сделать еще новую трагедию «Pseudo Demetrius», и помешал мне в деуементе¹⁰ сей грозный гр. Салтыков: это новое мне оскорбление. А в великий пост я еще новую пиесу сделать хотел, ибо я зимою охотник работать; и хотел еще года четыре работать, получив великую охоту, а особливо делать комедии; а материи в Москве к тому много. А чтоб стали на меня сердиться, этого я не страшился, но от сего дня страх на меня напал, хотя я и не боязлив; а страх от того, что мое любочестие наглостей терпеть не может. Ежели я пишу неправду, лишите меня вечно своей милости; а ежели правда сыщется по свидетельству полиции и антрепренеров и по свидетельству его сына, дочери и зятя, так обороните меня от сего человека наглого. Он на камердинера своего так за парик гневаться может, а не на меня за мои труды, за труды такого человека, которого имя долее на свете пребудет, нежели сго. Помилуйте меня, государыня, а я

Не емлю сил вельмож вокруг стоящих трона,
И от предписанна рукой твоей закона

Из «Вышеслава».¹¹

Контракты не рушатся и в деньгах, а трагедии мне дороже денег. Печально мне будет, ежели сия моя обида не будет ясно изображена в. в. правосудию, а он, когда ему это с рук сойдет, меня проглотит. Я надеюсь на бога и на ваше правосудие.

В. и. в. всеподданнейший и всенижайший раб

Александр Сумароков.

Января 28 дня 1770 г., Москва.

Перевод:

* Может ли подобное где-нибудь в Европе быть? Это ли значит действовать покровительству, какое в. в. оказываете искусствам? Это ли поощрять поэтов?

** Вот письмо г. Вольтера. Его письмо и память о том, какой успех имела эта трагедия с самого начала, заставляют меня плакать. В парижской критике, говоря об этой пьесе, превознесли меня до небес. Там сказано, что она — памятник славного царствования императрицы Елизаветы.

62. Дж. Бельмонти

30 января 1770

A M. Belmonti.

J'ai pris aujourd'hui la médecine ordonnée par le stab-chirurgien de son excellence le maréchal, et il m'a ordonné de ne me fâcher pas; mais vous avez envoyé exprès la publication qu'on donnera mes pièces malgré moi. Vous répondrez devant la justice et vous me payerez de votre bourse, si je veux; parce que vous avez manqué, et votre honneur n'est plus honneur: vous l'avez perdu en donnant parole d'honneur que vous avez rompue. Si vous dites que c'était par ordre du maréchal: le maréchal est sous les lois, mais non pas les lois sous lui en même temps. Il est le premier seigneur dans la ville de Moscou; mais les Muses ne sont pas sous ses commandements. Mes drames sont à moi et le théâtre, les habits, la musique etc. sont à vous. Quel pouvoir a donc le maréchal de faire jouer mes pièces selon sa bonne volonté? Montrez-lui, si vous voulez, cette lettre. Je le respecte comme grand gouverneur de la ville capitale, mais non pas comme le gouverneur de mes Muses, et par conséquence du côté de la place qu'il occupe je le respecte, et du côté de la poésie, je m'estime plus que lui. Et pour sa grâce, je ne la cherche pas.

Soumarocow.

Le 30 Janvier 770.

Перевод:

Г<осподину> Бельмонти.

Я сегодня принял лекарство, прописанное мне штаб-хирургом его сиятельства фельдмаршала, и он предписал мне не раздражаться; а вы нарочно прислали извещение, что пьесы мои будут играны вопреки моей воле. Вы будете за это отвечать перед правосудием и расплатитесь со мною кошельком своим, если я пожелаю, потому что вы поступили недостойно и чести лишились; вы ее потеряли, нарушив данное мне честное слово. Скажете ли вы, что причиною тому — приказ фельдмаршала? Фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему. Он первый вельможа на Москве, но Музы не в его власти. Вам принадлежит театр, костюмы, музыка и проч., а мои драмы — моя собственность. Какое же право имеет фельдмаршал ставить мои сочинения по своей воле? Покажите ему, если хотите, это письмо. Я уважаю его как верховного правителя столичного

города, но не как правителя Музам моим; следовательно, в рассуждении места, которое он занимает, я его уважаю, а в рассуждении поэзии я уважаю более себя, нежели его. А милости его я не ищу.

Сумароков.

30 января 1770.

63. Г. В. Козицкому

1 февраля 1770

Нижайше прошу вас, милостивый мой государь, Григорий Васильевич, вручить мое письмо, доколе на первое ответ не воспоследует.

Покорнейший слуга А. Сумароков.

Почта уходит, так я поспешил.

Февраля, 1 дня, 770. Москва.

Когда е. в. изволит вам отдать мои стихи, прошу оные напечатать.

Покорно прошу императорскую Академию в четверку сих моих стихов напечатать триста экземпляров, а корректура поручается Г<ригорию> Васильевичу Козицкому.

А. Сумароков.

Сие письмо я, спеша, забыл положить в обверт на всевысочайшее имя; прошу при подании письма и сие письмецо подать. За сию актрису стало все дело; а она сама меня оправляет.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Петрович!

Эта правда, что в болезни моей пачти насильно меня приневоливают играть, а господа актеры толкуют в дурную сторону, и содержатели подозревают меня, что будто болезнь мая от вас или вам в угождения; и так я играю севодни для того только, чтоб вас в это не мешали, притом уверяю, что Ильмена¹ столь же безчувствительна будет, сколь и без желания сочинелева представляется, что и увидите.

Остоюс ваша навсегда покорнейшая услужница

Елизавета Иванова.

64. Екатерине II

1 февраля 1770

Всемилоостивейшая государыня!

На прошедшей почте отправлено от меня к в. и. в. всенижайшее мое прошение, которое изъясняя вторично, припадаю к стопам в. в. Не поставьте изъяснения мои родом дерзости, когда я,

жалуюся, выговорю о характере гр. Салтыкова точно; но он такой же подданный, как я, и не государь мой. Каков его ум, вы это знаете; незнание его, упрямство и грубость несносны, а паче когда он несколько разогрет питьем, а это ежедневная его забава. В. в. известны, что я о привилегии театра, любя мою профессию, старался: актеров некоторых я несколько обучил. Назначил выучить «Синава»: актеры некоторые еще на трагическом и театре не бывали. Комедия в Москве никогда не была представлена. Гр. Салтыков за то одно прогневался, что я ослушную актрису на репетицию от гр. Толстого требовал и сказал ему, что он сам как, и что, и кому играти прикажет, хотя ему поручена Москва, а не Музы. Поделав мне грубостей тьму, которых я больше от него терпеть ни под каким видом не стаю, сказал мне наконец: я-де, назло тебе, твои драмы все играть велю, — и когда актеры и содержатели ему представляли, что они играть исправно не могут, велел объявить, ни на что не смотря, что такие-то пиесы играны будут. А вчера «Синава» действительно и играли, но так скредно, что описать не можно. А чтоб без моего согласия моих драм не представлять, содержатели в том со мною обязались письменно, и обязательство в Московской полиции явлено; но он ни моего прошения, ни отговорки содержателей, ни неудобности от актеров, ни святости контракта не принял, крича еще публично при обер-полицеймейстере: «Я контракты передеру». А когда я представлял, и обер-полицеймистер — я, что я к в. в. мою жалобу отправлю, а он, что о том в главную полицию станет писать, ибо святость контрактов и установление законов нарушается, — так он отвечал: «Пишите, куда хотите», — ответ весьма непристойный. Вся Москва собралась видеть паче мне ругательство, нежели «Синава», — кроме меня, ибо я не был, лежа от отчаяния в постеле, чему свидетель штаб-лекарь его, гр. Салтыкова, и ожидал он того, что у меня паралич будет; отчего я и теперь крайне болен, и ежели я от такого насилия умру, так, по крайней мере, желаю того, чтоб толико труждавшиеся во словесных науках люди смертью моею изобразили то, можно ли при таковых невежестве, упрямстве, упрямстве и грубостию, начальниках процветати в России свободным хитростям. Колико я правдолюбив и честен, я свидетельствуюся графом А. Г. Разумовским, от которого я и во младости моей, быв при нем долгое время, ни малейшего не получал реприманда. А от Салтыкова, которому ни до поэзии моей, ни до драм, а особливо по его в науках крайнему незнанию, за что мне безвинно терпеть? Ибо он о том, что науки, и понятия не имеет, а победы его, одержанные по неисповедимым судьбам Божиим, во словесные науки не входят,¹ ниже его здешнее начальство; *parce que les têtes couronnées mêmes ne forcent point les Muses et encouragent les poètes, s'ils veulent que les beaux arts fleurissent dans leurs pays et portent les fruits pour la gloire de ceux qui les protègent.*²* Актриса за которую дело стало, была больна; ее он приневолил играть, почти держав, яко

под караулом, при театре. Сама та, за которую дело стало, ко мне при сем приложенное письмо пишет, меня оправляет и пишет то, что играть не может.³ Ради того ли я трудился? Я от театра отступаюся, ибо трудно противу невежества прати; и за что мне, вместо благодарности, терпети гонения? А если я хотя мало в сем деле виновен, прикажите меня безо всякия пощады казнить. Если ж невинен, так защитите меня. Я не о том прошу, чтобы в. в. меня ему рекомендовали: это бы так было, ежели бы просил меня мой крестьянин, чтобы я его рекомендовал моему прикащику; ибо монархи подданных подданным не рекомендуют. Мы все дети и подданные в. в., а вы всем нам мать и государыня. Я прошу, чтоб его унять, а меня защитить. Дочь моя его так напугалася, что больше в ложе своей не садится, ибо моя ложа ему в соседстве. А я его не боюся; а боюся того, чтобы мне не преступить никогда моей должности: а молчать перед ним за что, когда он, нарушая контракты, на меня кричит и меня за мои труды ругает? Я подданный ваш, а не его, хотя он и кричит: «Я так хочу, и я так приказываю». Он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом, а что он не в силу законов приказывает и в нарушение оных, так я его приказов и почитать не должен, а контракты драть и нарушать контракты законы не позволяют.

В Париже напечатано, а Г. В. Козицким переведено и напечатано в академическом журнале так: за «Синава» должна Россия г. Сумарокову приносить благодарение; сия драма есть монумент основанных наук Петром Великим и процветающих под покровительством его всеавгустейшия дщери.⁴ А мне Россия по милости П. С. Салтыкова приносит благодарение такое, что вся Москва на зло мне собрана, а начальник Москвы дует на меня геенскою. Собранные деньги за «Синава», ибо против воли моей контракт Белмонтием нарушен, должен получить я. Ибо кто мою продаст лошадь, так не тот, который без ведома продал, но чья лошадь, деньги получить должен; и закон, и гражданский и естественный, так изображают. А что П. С. Салтыков велел контракт нарушить, то не отговорка: пускай бы Бельмонти и прав был, но деньги за непозволенную драму удержать не должен, ибо они мои. О сем я в. в. всенижайше прошу. А стихи сочиненные всенижайше прошу, просмотрев, приказать отдать Г. В. Козицкому, а в них против особы Московского начальника ничего нет, а писано только против злодеев наук. На все сие я жду всемилостивейшего решения, ибо мне осталось только просить у бога и у вас помощи или в отчаянии умереть. Впрочем, мне и все духовные и все знатные светские приятели.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Февраля 1 дня, 770,
Москва.

Все меры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я, терзаясь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют,
И вот как автора достойно прославляют:
«Играйте, — говорят, — во мзду его уму,
Играйте пакостно за труд назло ему».
Сбираются ругать меня враги и други;
Сие ли за мои, Россия, мне услуги!
От стран чужих во мзду имею не сие.
Слезами я кроплю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный Муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина — зри, проснись — Елисавета,
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров.
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона.
О боже! видишь ты, колика скорбь моя:
Зришь ты, в коликом днесь отчаянии я:
Терпение мое преходит за границы;
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!
Избави ея днесь от варварских мя рук,
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.
О вы, кропящие Петрополь, невски волны!
Сего ли для, ах, Петр храм Музам основал!
Я суетно на вас, о Музы, уповал!
За труд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я — наук злодеям жертва.

А. С.

Перевод:

* потому что и самые венценосцы не понуждают Муз и ободряют поэтов, ежели хотят, чтобы искусства цвели в их странах и приносили плоды во славу тех, кто им покровительствует.

65. Г. В. Козицкому

25 февраля 1770

Милостивый мой государь Григорий Васильевич!

Писание е. в., и ваше при том, я получил. За труды ваши я покорно благодарен. О трагедии новой многое написал бы я, да почта уйдет. Эта трагедия покажет России Шекспира;¹ но я ее изодрать намерен. Однако вы ее, когда отделается, увидите.

Хлопоты лишают меня удовольствия литеральной с вами переписки, могущей публике принести пользу; но то ради пользы многих и ради умножения нашей чести будет. Н^{иколаю} Николаевичу² и супруге его поклон.

Вашего высокородия до гроба моего покорнейший слуга и вернейший друг

А. Сумароков.

25 февраля 1770 г.

Письмо е. в. прошу подать.

66. • Екатерине II

25 февраля 1770

Всемиловнейшая государыня!

Писание в. в. меня крайне обрадовало, ибо я удостоился во своем кабинете поцеловать руку моей государыни; но, с другой стороны, я в ту же минуту и опечалился, увидя, хотя и умягченный милосердием, гнев моей монархини. Споров, государыня, преслушания и непочтения графу Салтыкову от меня не было; сын его, дочь, обер-полицеймейстер и многие тому — а потом по слуху и вся Москва — свидетели. Да мне ж до театра, кроме моих драм, и нужды нет; а видеть мои сочинения, писанные трудом и обещающие мне славу, во представлении актерами без репетиций, из которых двое никогда трагедий не игравали, видеть — и не терзаться невозможно. *Quand on voit déchirer ses enfants chéris, est-ce un temps qu'on ne crie et qu'on se taît; mais moi avec toute ma sensibilité je n'ai pas ouvert la bouche, quoique mon coeur frémissait et tout mon sang était glacé.**

Шувалов-зять сам тому свидетель. Но я на Шуваловых не ссылаюсь, ибо отец его, мать, брат и он сам — мои злодеи. Те были за то особливо, что они хотели меня сделать себе противу графа Разумовского злодеем и не сделали; да и еще за многое, чего я напоминая не хочу, ибо и усердие мое к особе... Но я то оставляю. А Андрей Петрович предо всю Европою в разных местах меня ругал; написал, наконец, обо мне: *un copiste insensé du défaut de Racine,*** а внизу во примечаниях и имя мое включил в оде, которою он и Россию изрядно потчивал.¹ Но я все терпеть должен, когда так судьбина хочет. Изволите, всемиловнейшая государыня, в писании своем так изображать: я-де советую вам во споры такие не входить. Но я, конечно, обнесен в. в., ибо я ни в чем гр. Салтыкову не спорил и ничего ему не отвечал; а ежели это неправда, так я не только какому названию, но наказанию смертному себя подвергаю. А ежели правду доношу, так я ни малейшего гнева не заслужил. А я и самую смерть меньше

ставлю, нежели единый вид гнева вашего; ибо коль велико мое ко священной особе в. в. усердие, так велик и страх мой раздражить мою государыню, которая от начала единственное мое была покровительство и единственная надежда во все времена и сверх того еще покровительница Музы моей. Отныне, государыня, пускай приказывает его сиятельство генерал-фельдмаршал представлять мои драмы, как он изволит, чего я никогда не ждал; ибо я их писал ради чести моей и моего отечества, а не на ругательство себе. А чтоб они играны были, так они ради того и писаны. Но следует ли из того, чтоб их играть на досаду мне? А я ему, графу Салтыкову, кроме почтения и усердия ничего не учинил. Не будет от меня больше никакого спора, но не было и прежде. Но заслужил ли я сие, чтобы моими сочинениями делать мне досады? Это мне вместо эстампа или станца от его сиятельства среди Москвы пожаловано.

Я еще повторяю: прикажите меня лишити чести и жизни, ежели я ему хотя малейшее явил противоречие и ежели я не молчал тогда, когда он на меня, как на крестьянина своего, кричал, не ведая за что, и чрез два дни потом сказал еще, что он пиесу играть прикажет назло мне, хотя она выучена, хотя нет. Больше я актеров учить не буду; а сколько я их научил, то вся Москва видела. Единого того только жаль, что моя новосочиняемая трагедия и, может быть, лучшая, *est arrêtee dans le dèpoucement*,*** и что его сиятельство дней семь на то оставленных у меня отнял, и от того сия пиеса, по присловице, положена в долгий ящик. А докончать, выпустить и отдать ее на поругание и ради такого воздаяния, какое я от его сиятельства получил, совсем несходно с чаемым хорошими авторами успехом. Не только я, но Херасков, Майков и Тредьяковский такого успеха, какой я в Москве получил, не ожидали, хотя когда Хераскова трагедию играли здесь в честь ему — и вся смеялася публика.² Я опасаяся, чтоб и сие мое письмо не подало причины подумать того, что я излишним чувством его наполнил; всеконечно склад мой чувствительности той не изображает нимало, которою мое преисполненно сердце. Я все готов терпеть; о едином только всенижайше прошу, чтоб гнев в. в. переменен был в то милосердие, которое единственно и мою Музу и меня оживляло; а я желаю или смерти, или милостивого певинному себе ответа. Сия едина надежда меня питает. По сие время чаял я, что я в. в. раздражить ничем не могу; и хотя малый гнев ваш великою умягчен милостью во полученном от в. в. писании, по мне и малейшая крупинка вашего гнева кажется Кавказом; ибо сколь велико мое к вашей священной особе усердие, толико много опасаяся я малейшее пятнушко гнева вашего видети в милосердии вашем, мне являемом. Бог и вся Москва, видя мою невинность, свидетельствовать могут. Да и сам граф Салтыков признается келейно, что он поступил несправедливо; а контрактов нарушение есть нарушение спокойствия и безопасности. Бог всевидец: мою невинность он видит;

он меня помилует и преклонит сердце ваше к тому покровительству, кое я всегда имел; а я ласкаю себя прежде всемирного праздника пасхи поцеловать при милостивых изображениях начертание руки вашей и сказать: во истину воскрес я.³

В. и. в. всенижайший и преданнейший раб

Александр Сумароков.

25 февраля 1770 г., Москва.

Р. С. Позвольте, государыня, к письмам моим сей эпилог приложить. Если бы я, имея право яко автор и сверх того имея контракт и спорив противу его сиятельства, дабы невыгученную драму прежде выучить и потом представить, и тогда б я винен быть не мог. Но я и того не учинил и только тем довольствовался, что я не показал ни малейшия чувствительности не только словом, но ниже миною. Гр. Салтыкову я ни преслушания, ни неучтивства не сделал, а он не теми словами и не тем тоном тогда говорил, как в. в. донесено. Впрочем, пускай он по великости сана своего и по славе великий господин и сверх того еще великий человек. Ежели великие люди могут утеснять невинных авторов, приносящих отечеству своему честь и славу, какую приносят и полководцы, так:

Велики имена, коль нас не утешают,
Великостью своей нас только устрашают.⁴

Следовательно, должно от него бегать, а Музы до сего дни нигде еще страхам и принуждению подвержены не были.

Наконец, прикажите, государыня, растерзать тело мое, сколько его сиятельство ныне мой дух терзает, ежели я хотя малейшее по делу сему заслужил огорчение. Ваше писание в воскресенье здесь мною получено,⁵ а к вечеру в понедельник копиями вся Москва ко удивлению и к мучению моему наполнена была. А потому, что люди здесь по большей части безграмотны, так по их толку я стал всемирно репримандерованный человек, чего я никогда не ждал, не уповал. Как то ни есть, о последней милости от искреннего моего сердца припадаю со слезами ко стопам не виновности моею, но моим несчастьем прогневанной государыни, перед которой я ни мыслию моею не грешен, и прошу: я не только помышлять о театре, но ниже на свете остаться уповаю; так ради спасения могущих по мне быть сносных рифмотворцев, прикажите по смерти моей исследовать по делу сему мое преступление, а потому что дочь его, гр<афа>, сын и все ясные моей невинности свидетели. Ежели я найдуся прав, не оставьте, государыня, по мне моих домашних, дабы они по миру не ходили. А я, устремився на Парнас и быв в таких обстоятельствах, где бы я и без неправды нажиться мог, оставлю по себе нищету, долги и голую славу, которой прах мой во гробе чувствовать не будет и которая в потомстве толико похвалы принесет моему имени, колико по милости его сиятельства мне огорчения па-

песла. Я никакого требования, ни жалобы больше не приношу и приносить не хочу; да мне же и не отмщение на Парнасе потребно было, но защищение и оборона. А гневаться на меня и меня ругать, и словами и делом, по Парнасу его сиятельству больше не за что, ибо достоин бы я был осуждения, ежели бы я после такого грома и когда мне сказано: не вплетайся в театр, а до актеров тебе никакого дела нет, — толико мало имел любочестия и опять бы к непорученному мне театру возвратился, страдав в Петербурге от Елагина, а здесь от его сиятельства гр. Салтыкова. Не забудьте моего прошения по смерти моей, а я ни наказания, ни смерти нимало не боюсь; страшуся только потерять милость моей государыни, к которой я всем сердцем и всем помышлением прилеплен; ибо я и бога не раздражаю не из страха, но из любви. Сие есть правило честных людей.

Перевод:

* Можно ли не кричать, а безмолствовать, когда видишь, как терзают любезные детища твои! Но я при всей моей чувствительности не открыл рта, хотя сердце мое содрогалось и кровь холодела.

** бессмысленный копиист Расиновых ошибок.

*** остановлена перед самой развязкой.

67. Г. В. Козицкому

4 марта 1770

Милостивый мой государь Григорий Васильевич!

Покорно прошу приложенное при сем письмо е. в. вручить и, ежели можно, выходить ответ. Николаю Николаевичу и его супруге от меня объявить не низжайшее мое почтение, как обыкновенно у нас на Руси пишут, унижая не себя, но того, к кому пишут, но высокое почтение.¹ Трагедия моя, о которой вы напоминаете, от того времени, как его сиятельство гр. Салтыков и меня атаковать изволил, киснет, и Музы мой дом совсем, или вечно, или надолго оставили. Вы знаете, сколько я прежде по Академии мучился,² но ныне мучуся я так, как я никогда еще ни по поэзии, ни по театру мучим не бывал. Скрылись нимфы Геликонские от очей моих, а я оплакиваю их отшествие, быв к ним приобщен от юности моей, и мог лет тридцать говорить: «От юности моя мнози борют мя страсти».³ Ибо страсти в поэзии моей и изъяснялись, а ныне вместо того говорю я: «На реках Московских седохом и плакахом: како воспою в таком граде? Повесихом на вербях органы наши».⁴ Но при всем я только потому тот же, который был прежде, что по старине есмь вашего высокородия, милостивого моего государя, покорный слуга и непременно верный друг

Александр Сумароков.

Марта 4 дня 770, Москва.

68. Екатерине II

4 марта 1770

Всемиловейшая государыня!

Жадничая получить ответ от в. и. в. и опасаяся, не утратится ли посланное мое всенижайшее к вашей священной особе письмо, дерзаю прежние речи повторить, а притом и остаток моей невинности еще яснее изобразить. 1) Не только не было от меня графу Салтыкову никакого спора, как донесено ко удивлению моему; ибо это весьма необыкновенно, чтоб доносить неправду своим монархам. А я никогда никому неправды не припишу, а в виновности или в каком преступлении просил бы я прощения, не принося суетного оправдания, ибо оправдание в сочиненных преступлениях усугубляет вину преступления. Я не спорил, не противоречил и ни малейшего преступления не сделал, в чем я ссылаюсь на всех, кому сие известно и паче очевидно было, между которыми свидетелями сын графский, дочь его и оберполицеймейстер! А Шувалов свидетельствовать не может; он и явственно меня, отходя от правил критики, по Парнасу ругал; а я еще молчу, хотя и не должен. 2) Трагедия назначена была играть не графом Салтыковым, но мною, и точно ради того, чтоб он, дочь его и княжна Куракина ее видели; и отменена не мною, но Бельмонтием и им самим, ибо актеры ее не знали, а игравший ролью Гостомысла сроду в трагедиях ролей не игрывал, научен не был никем. Да не только не игранных, но и игранных трагедий нигде без репетиций не играют. 3) Дело стало не за преслушание мое пред графом, хотя моя Муза от его приказанья и не зависит, но за актрису, что она не хотела быть на театр ради репетиции и что я о том со всякою благопристойностию представлял оберполицеймейстеру. 4) Мне то чести не делает, когда после приказано играть мою драму, не взирая на то, что она не выучена, и сказано: тебе-де это назло, — хотя я от здешнего наместника такого возмездия и не заслужил. Ни мне, ни веку нашему чести нет, когда назло мне и в ругательство мои драмы представляются. 5) По театру граф толико, как в моих драмах, никогда в Москве почитаем не был; ибо я учредил отличное и почти колико дозволяется делать ему почтение, превосходящее и сан фельдмаршала и сан наместника, которое мое почтение он, и вся его фамилия, и вся Москва видела. Да это я и охотно исполнял, имея от него всегда и сам отличное, усердное и искреннее приятие; следовательно, я никогда и причины не имел против его спорить, ища его снисхождения и имея оное, что все ведают. 6) Что он почтен славою и услугами России, отличен чином и достойнопочитаемою старостию, это я, всемиловейшая государыня, всегда в свежей содержал памяти; но и он должен был не забыть того, что и мне уже пятьдесят два года и что и я заслужил себе в Европе к чести моего отечества также немало славы, в чем я ссылаюсь

на сто или более на разных языках себе прославлений, а сие прославление основано не на пустой молве, но на самой истине. Sophocle, le prince des poètes tragiques qui était en même temps le général des Athéniens et camarade de Periclès, est encore plus connu sous le nom de poète qu'en qualité de général. Rubens était ambassadeur; mais il est plus connu sous le titre de peintre; d'être un grand capitaine et vainqueur est un grand titre, mais d'être Sophocle est un titre qui n'est pas moins ^{1*} — а особливо в таком веке и в таком народе, где науки едва еще посеяны. 7) Ныне Дмитревский сделал контракт с Бельмонтием ² и контракт его разрушен не будет: так неужели я меньше права в контракте о собственных моих сочинениях имею? 8) Одна «Меропа» принесла Вольтеру много казны. А я, кроме голой чести, от моих драм ничего не имею; так на что меня и того лишать? Какая мне причина противиться графу Салтыкову? Я не спорил, ибо до того и не доходило. А если бы ради утешения публики, ради его собственного удовольствия, приемлющего участие во славе российского красноречия, яко против главного здесь члена, по справедливости к лучшему и поспорил, не согрешил бы я. Невкусен и самый лучший суп, когда холодный на стол поставится, так невкусны и «Федра» и «Меропа»,³ когда не наученными актерами, не только не знающими декламации, но и не вытвердившими своих ролей, в их отечестве в первый раз по переменной эдичии увидятся, а Гостомысла играл человек не бывалый на театре. 9) Писание в. в. получено мною, а копии с оного очутились во всей Москве, и вся публика сие мне ваше писание гневным репримандом почитает.⁴ А какова здешняя публика, это уходит от изображения самого Аполлона, ибо все улицы в Москве невежеством вымощены толщиною аршина на три. Писание в. в. толкуют во гнев мне, и есть уже по сей день более тысячи копий с оного, даже до купцов и подьячих, а у дворян почти у всех. Пускай это жестокий мне реприманд, как глупые люди думают, и которых здесь не мало; но я всемирного реприманда не заслужил. И ежели от двора графу Салтыкову сообщена копия, так не для публикации она к нему прислана; ибо я публикации не заслужил, и на то монаршего благоволения всеконечно не было. Я писание ваше милостью себе, а не гневом почитаю. Так напрасно граф Салтыков копии с писанного ко мне письма во утверждение моей вины всей Москве сообщил, ибо не так они толкуются. Я ради оставшего спокойствия моего духа, ради всегдашних хлопот Мельпомену и Талию принужден оставить, хотя желание мое и стремление и было работать по театру еще четыре года, а особливо потрудиться в сочинениях комедий ради исправления развращенных насеянных по Москве нравов. И теперь я здоровье мое потерял. Что ж будет тогда, когда я нравам еще здешней публики коснуся? Я знал то, что благоволение в. в. устроить здешний театр было. Сие меня ввязаться в театр и поудило, и стал было театр в лучшее приводиться состояние, что

не только вся Москва, но и сам граф Салтыков видел, но когда он с гневом мне объявил, чтоб я больше не вплетался и что мне до актеров никакого дела нет, так я приказание его свято исполню. Жаль только мне единого: новая моя и, может быть, лучшая трагедия «Димитрий Самозванец» отъятием охоты оную докончать у меня оставлена, дошед до пятого действия. И докончать я ее не осмелюся, дабы и она не имела той участи, какую получила трагедия «Синав», быв прежде в великом почтении у самой блаженной памяти государыни. А я новой моей трагедии иначе докончать не отважуся, лишився и воображений, как чувствия, так и мыслей, как получив именное повеление, чтоб ее против воли моей ни под каким видом не представлять; ибо когда контракты недействительны, так на чем утверждаться уже, кроме именных указов, а иначе я сея трагедии ни выпустить, ни докончить не могу. А всего короче — четыре сочиненные трудолюбно действия предать огню, дабы страдала Муза моя, а не я, и чтобы граф Салтыков не имел ни малейшия по Парнасу ко мне привязки. Мне не осталось иного, как сию трагедию оградить безопасностью и силою повеления, когда к тому силы контрактов мало. А кроме монарша приказания, ежели бы я не потерял охоты докончать, я сего нового моего сочинения ни по чьему требованию на театр не отдам. Велико это учтивство и жертвоприношение большим боярам, дабы я видел хорошо сочиненную драму подверженну их, а не своему правлению, и посеяв ананас, снял бы репу со гряды. А я графа Салтыкова ничем больше не раздражу, ибо я всеми мерами намерен от него удалиться; а когда станет на меня кричать, как на своего холопа по-прежнему, так я то же буду делать, а именно молчать. Только о том прошу всенижайше, дабы я вновь им без вины моей обвинен не был, ибо от того уже никто упасть не может. Что я пред ним невинен, я всем клянуся и верностью моею к в. в., и честью, желая того паче всего, чтоб я всегда имел в. в., когда я прав, покровительство и защищение, и чтобы ради кривого толку о мне он писанных ко мне не только монарших писем, но и других, до публики не надлежащих, на точное мое имя, ко критике не нужных, из благопристойности рассеивать не приказывал. Письма ваши надлежат до того, к кому они писаны, а копия, может быть, до него единого надлежит. Я препоручаю себя вашему правосудию и милосердию.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Марта 4 дня, 770, Москва.

Перевод:

* Софокл, первый среди трагических поэтов, который был также военным предводителем у афинян и сотоварищем Перикла, все же больше

известен как поэт, нежели военачальник. Рубенс был послом, но больше известен как художник. Быть великим полководцем и завоевателем — высокое звание, но быть Софоклом — звание не меньшее.

69. Н. И. Панину

15 апреля 1770

Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Без нужды я к вашему сиятельству не пишу, а что я в некоторой нужде дерзаю ваше сиятельство утруждать, в этом всепокорнейше прошу прощения.

Ныне есть еще нуждица, но для того человека, кому добро сделать хочу, не нуждица, но самая большая нуждица, хотя между Ц и Щ разность и мала. Молодой и здоровый, а притом добрый и проворный мужик у меня сошел с ума. С Брылкиным¹ я знакомства не имею, ибо я хотя и на той улице живу, где церковь Симеона Столпника, в оную церковь не езжу по недостатку времени. А в оной церкви чудотворный образ Дмитрия Ростовского, который зачал делати чудеса в доме его превосходительства тайного действительного советника И<вана> Анофр<иевича>. Следовательно, ни молитва моя, ни прошение ни у святителя, ни у действительного и проч. приняты не будут. Я же и имя Дмитрия несколько раздражил, ибо я сочинил ныне трагедию «Дмитрия Самозванца». Так я вместо молебна <святителю> Дмитрию и вместо прошения Брылкину пропну его императорское высочество и ваше сиятельство: покажите милость и прикажите сего моего человека в госпиталь принять. Ежели б сей человек был не бешен, но только без ума, так бы и лечить его было не надобно. Ибо на что такому человеку ум, когда и многие судьи, не имея ума, дело свое порядочно исправляют, да еще и наживаются. А я, кажется, с ума еще и не сошел, однако от положенных на меня дел кроме бедности ничего не нажил.

Вашего высокографского сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга

Александр Сумароков.

15 апреля 1770, Москва.

Человек от горячки повредился; так он до Дольгауза² не надлежит. А в деревнях лекарей нет, да и в городах мало. Это страшно.

70. Г. В. Козицкому

23 сентября 1770

Милостивый государь мой Григорий Васильевич!

Нижайше прошу письмо мое подать е. в., а оду под вашим дружеским присмотром приказать напечатать¹ и, приказав г. Школарию² переплесть в белой обьяри, вручить монархине и ей наследнику. Сто экземпляров раздать, кому вы заблагорассудите. Двести отдать г. Школарию ради публики продать по его рассмотрению, а он бы ко мне о том написал, о чем прошу ему приказать; а триста, приказав обрезать, прошу переслать через г. почт-директора³ ко мне. Н. Н. Мотонису и его супруге мое почтение, а вам, сверх моего поклона, препоручаю себя дружескому напоминовению. Какова моя ода вам покажется и как она от е. в. примется, прошу меня известить. А лучше этого я сделать не умею и не хочу; ибо я моею Музою, а особливо сею одою совершенно доволен. Желая только того, чтобы она была угодна Победоносце.

Вашего высокородия, милостивого моего государя,
покорный и верный слуга

А. Сумароков.

23 сентября 1770, Москва.

ВВ. Письмо е. в. прошу подать по получении, а оду по напечатанию.

ВВ. Оригинал оды прошу при печатных возвратить.

71. Екатерине II

23 сентября 1770

Всемилоостивейшая государыня!

При огромных в. и. в. победах, когда вся вселенная прославляет имя Великия Екатерины, мне, будучи стихотворцем, молчать неудобно, сколько развращенное мое состояние меня ни огорчает. Я посылаю к Гр. Вас. Козицкому ради напечатания и ради подания в. в. на день вашего коронавания оду. Сия ода, может быть, лучшая из моих од, и кажется мне, что она весьма отлична от сочинений наших бедных рифмоторцев. И ежели она заслужит себе благоволение Победительницы, так подаст мне охоту и больше к описанию дел ваших; ибо реляции и приносимые вашей священной особе похвалы не составляют той картины, которая бы потомкам живо представить могла славу нашего века, славу России и славу бессмертного вашего имени. Царствованию Августа потребен Горацій. Без описателей истории, как бы слава чьей особы ни гремела и как бы настоящему времени дела великие

ни вверялись, будущие века оные много ослабят. Известие, например, о флоте российском изображает ли то живо действие, хотя и самовидцы оное описывали? Так должно: «Петром Великим заведенный флот в первый раз промыслом Божиим и промыслом вашим, не только прошед Балтийское и полуночное моря, но и коснувшись западному океану, обшел Европу и, достигнув Архипелага, от вод морских бросил горящий флот Турецкий на воздух и шумом подвинул ветры, море и твердь». А это изображение слабо: «Пришли русские суда и по некоторой с турецкими судами битве зажгли неприятельские в гавани суда, которые все погорели». Дела Великия Екатерины требуют чувствительного изъяснения.

Не смею я в. в. пришествия мое прошение. Но надеясь на ваше благоутробие и на ту государыню, которой я никогда и сокровеннейших моих мыслей не сокрываю и которая о моем к ней усердии точно ведать изволит, дерзаю вместо прошения открыть мое желание, чая, что сие мое желание по щедроте милостивой ко мне государыни может прошением признано быть; с тою разностию, что за дерзновенное желание вы меньше прогневаться можете, нежели за дерзновенное прошение, хотя и прошение мое келейное, а не публичное в сем бы случае было.

В деревнях своих быв, я имел несчастье, что много моих мужиков заразительною горячкою померли, которую болезнь отважил я моим прибытием, чистя воздух, выгнать; но умерших оживить лекарства нет. Я прошу в. в. не как дворянин, или паче сказать желаю, но как пиит, готовящийся к описанию дел ваших. То уже причисляется к ободрению войска, когда барабанщик или трубач возбуждает на сражении воюющих.¹ Моя труба ко прославлению вашей священной особы и ко прославлению войска, народа и века, может быть, заслужит мне еще и прибавку вашей монаршей милости. Не можно ли, всемилостивейшая государыня, вместо надлежащих с меня рекрут, — а особливо по приключению несчастной в деревнях моих болезни, которая вырвав несколько человек пресекалась, — ко успокоению духа стихотворца, дабы пиит вместо двух человек рекрут при наборах рекрутских платил за рекрута деньги и вместо сих сует суетился бы о сочинениях ко славе той войны, которая и с него яко с дворянина рекрут требует. А за мною и всего только душ с триста, так пиитическими рекрутами армия не наполнится, и полезнее нашему веку мои стихи, нежели мои рекруты; а особливо, когда еще за то я и деньги платить буду, ежели сносная тому цена определена будет. Мне же еще и зачет нескольких рекрут следует; но ныне зачитать не хотят, ибо де рекруты потребны. Я готовлюсь ко описаниям вашей истории, время устремляю к тому; но если сими трудами, за которые чаял бы еще награждения, я попросрочуся выбрать и представить годного человека, так на меня же Канцелярия, как на преступника, положит штраф, хотя многие, не зная немецкого языка, штраф с наказанием и различают.² Я больше

нахожу России пользы в истории вашей, нежели в моих рекрутах; и если по моей надежде такая милость мне воспоследовать может, так желал бы я получить известие, дабы на меня в просрочке по надежде не положили штрафа, что было и сделалось. А причина тому была моя новая трагедия; ибо пииты, восшед на Парнас, забывают и о коллегиях и о канцеляриях. Но по несчастию канцелярские служители их не забывают, а особливо меня, яко неприятеля подъяческого рода, чем им меня «Трудолюбивая пчела» рекомендовала, приписанная государыне великой княгине и препорученная ее покровительству. Сия моя покровительница ныне царствует; следовательно, и моя надежда умножается и толико расширяется, колико мое стремление описывать расширяющиеся великия монархини моими описаниями преславные дела, наполняющие вселенную.

В. и. в. всенижайший и всепреданнейший раб

Александр Сумароков.

23 сентября 1770 г., Москва.

Что героям потребно ради потомства

1. Славные дела. 2. Известия реляциями и газетами. 3. История. А при великих делах ласкательство портит описание, ибо сияние солнца не требует ласкательства к описанию своего сияния. 4. Похвальные слова и похвальные песни.

NB. Реляции и газеты суть слабые записки славных дел; ибо в них не ощущаются те действия, но только некоторое делают понятие уведомление.

История истинного писателя, а особливо когда дела сами собою велики, изображает ясно прошедшее.

Похвальные слова приводят читателя к существу дела.

Похвальные песни слышателя вводят в ощущение.

И лучше изобразить монаршее лицо худым начертанием и худыми красками — то неважно, — нежели изображать его дела худым пером, колико бы историк и пиит ни устремлялся в ласкательство и в витиеватые слова, когда знания, искусства и вкуса нет. А Российский Парнас сим, ко стыду нашего просвещенного века во Европе, полон.

Я намерен изготовить ради представления на театре драму с декорациями и с пением, дабы тем восторжествовать наше победоносное время и славу в. в.,³ и если какие новые и всегда наносимые мне противности не воспрепятствуют, так она драма сочинится, выучится и представится ко плеску и восклицанию в день имени Великия Екатерины 24 ноября, хотя театр московский почти уже и разрушился и труды мои исчезли. А тому причина та, что я отторжен от театра; а без меня все пошло на выворот, что теперь гр. Петр Семенович Салтыков и сам видит. Словом, играют опять в Москве так, как играли до меня, и ездить хорошие люди на спектакли перестают, как я с Беле-

монтием о том ни тужил в обиде; ибо он на меня одного в оном и надеется. Да и г. Елагин, отторгая актеров, останавливал театр довольно, а теперь восставить оный театр весьма трудно. Да и я больше не отважуся в чужом пиру имети похмелье; ибо деньги доходные получал Бельмонти, так довольно того, что я безо всякого прибитка трудился; а за то претерпел только досады.

72. Г.-Ф. Миллеру

21 марта 1771

Я приемлю смелость послати к вам новосочиненную мою трагедию, а особливо ради того, что оныя содержание взято из московский истории. Кн. Щербатов,¹ мой и ваш приятель, имел два экземпляра книжки Маржеретовой:² один оставил, как он сказывает, у е. в. ради любопытства, а другой подарил он вашему высококородию. Так я за крайнее себе почту удовольствие, если я оную книжку дни на три от вас получу токмо прочесть. А я вас уверяю, что она вам будет всеконечно дни через три в целости возвращена, а ради вашего любопытства, коли вам угодно, могу я вам показать подлинный портрет сего Димитрия, которого мы обычайно Самозванцем называем;³ где вы прочтете похвальные ему того времени подписи, одна на греческом из премудрости Соломоновой, а другая на латинском короткая, гласящая тако: *Admiratione virtutis quam Deus in luce populorum posuit.** А портрет сей в том году вырезан, когда он царствовал. Прочтите краткое примечание при его портрете при трагедии. Вы меня Маржеретом очень одолжите. А когда будет представление Димитрия на театре, так бы я желал вас видети зрителем сея драмы, как я желаю имети честь возобновиться именем вашему высококородию покорным и верным слугою

А. Сумароков.

21 марта 1771.

Перевод:

* За замечательную добродетель бог возвысил пред очами народов (латин.).

73. Д. И. Фонвизину

6 апреля 1771

Я в сию минуту еду в деревню. Москва n'est pas un séjour très sûr pour les habitants qui ne veulent pas encore avec tous les domestiques sortir de ce monde. Le mal s'augmente de jour en jour peu à peu.* В моем дому нет еще ни кошки больной: то я все

способы употреблял чистить воздух и удалять гнилость. Но в пароде, где люди и не имея предестинации, более в нее впускаются, нежели магометанин, трудно жить. «Час воли божией» есть та же магометанская предестинация. А от сей предест<инации> должно нам православным подвергнуться лютой болезни. Ибо сия болезнь, иль паче смерть, не sonnaît pas la raillerie.** Вручите письмо его сият<ельству> Н<иките> Ивановичу¹ и напоминайте ему о милост<ивом> ответе. Сие письмо ради меня есть крайне нужное. Montrez-moi de nouveau votre amitié. Adieu.***

НВ. Исполните сие мое прошение

Вашего высокородия милост<ивого> моего государя покорный и верный слуга

А. Сумароков.

6 ап. 1771, Москва.

Перевод:

* Москва не слишком надежное местопребывание для жителей, которые не желают вместе с людьми своими отправиться на тот свет. Болезнь с каждым днем мало-помалу возрастает.

** К шуткам не склонна.

*** Еще раз проявите ко мне дружеское участие. Прощайте.

74. Г. В. Козицкому

30 июня 1771

Милостивый государь мой Григорий Васильевич!

Сегодня почта. А в сию минуту получил я от кн. А. А. Вяземского при самом вечере письмо, что он болен, и о чем я к нему писал, он того по болезни своей скоро исполнить не может. Вручите мое письмо государыне и уведомьте меня и о первом письме. У меня пропадает в закладе деревня, а я прошу в сем письме о выдаче за год жалованья. Постарайтесь о том. Мое почтение супруге вашей.

Вашего высокородия покорный и верный слуга

А. Сумароков.

Июня 30 дня 1771, Москва.

75. Екатерине II

30 июня 1771

Всемилоостивейшая государыня!

Генерал-прокурор за прошедший год с самого начала мая на год приказал мне выдать за год жалованье по прошению моему ради крайних моих нужд, ибо я доходы имею самые малые,

а всем вновь завожуся. Ныне он болен и доложить в. в. скоро не может, чтоб мне также выдано было жалованье на год по май, из которого года два месяца уже и прошло. У меня пропадает моя деревня, — ежели я не получу моего жалованья по всевысочайшей в. в. милости, — заложенная Ив. Лук. Талызину; ¹ а у меня и всех деревень только две. Коронная казна ничего не теряет оттого, что десять месяцев один человек получит прежде положенные ему на жалованье деньги, которых сумма невелика; и если я десяти месяцев не проживу еще на свете, так такую сумму по смерти моей взыскать можно.

Сотворите милость, государыня, и не допустите меня лишиться моей деревни; а без того я оную должен буду просрочить. А я и ныне совсем беден, ничего на свете не нажив, кроме знания стихотворства, которое не нужно; ибо у нас наши стихотворцы не только не зная наук, но и грамоте не зная, стихи пишут и от публики похвалу заслуживают. А я единственно уповаю на милость в. в. и на мою Музу: стихи пишу. — Так мое прошение извинительно, ибо я прибегаю к милости Покровительницы Муз.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Июня 30 дня 1771, Москва.

76. Г. В. Козяцкому

26 марта 1772

Милостивый государь мой, Григорий Васильевич.

Мог бы я подумать, что вы меня забыли, если бы ваш характер мне меньше известен был. А я к вам не писал за болезнь, и чтобы из зараженного города ни к кому не писать, я себе оставил закон. Болен я осьмой месяц и неоднократно приготовлялся ко гробу; однако ныне получил уже надежду, что ежели не обновятся разные и многочисленные мои болезни, выздороветь; однако исключая 4 месяца жесточайшей моей немощи, писал я столько, сколько я никогда не писал по размеру времени. Трагедия и две прозаические комедии будут у меня, может быть, окончены к празднику. Со старыми псалмами, которых число 20, готово у меня много псалмов, и столько я выбрать намерен был, а именно 75, то есть целая половина Псалтыри. Я уверен, что мои псалмы не по-Ломоносовски сделаны. 20 новых эклог, и лучше почти все всех старых, и еще кое-что.¹ Да то беда, что переписать некому; был один из Иконоспасского монастыря студент к тому способен, да и тот в попы поставлен. Желал бы я того, чтобы государыне о моих трудах известно было. А я бы, конечно, на театр после праздника пиесы прислал; но копировать сам я не стапу, а другого, кроме себя, копииста я в Москве

всеконечно не сыщу. Да и пера мне очинить некому, а стихотворцу это ремесло не столько потребно, сколько грамота, хотя и в ней больше нужды нет, и похвальнее, не зная грамоте, быти стихотворцем; ибо и в древней Греции едакой диковинки не бывало. Еллины премудрости ищут, а мы стихи и без премудрости писать умеем. Письмо к государыне писано о театре. Содержатель, обокрав Москву и обезобразив мои драмы, деньги все промотав и не жалея ради прибытка и здоровья своего, в недавном времени, уморив жену, и сам за нею в Пургаторию последовал.² Так, дабы театр лучше быть мог, о том к е. в. писано. Супруге вашей и Н. Н. Мотонису и его супруге мое почтение: я не говорю, низжайшее, но высочайшее. Я жду от вас дружеского и хорошего ответа и намерен быти во всю мою жизнь вашего высокородия милостив<ого> м<оего> государя покорный и верный слуга

А. Сумароков.

НВ. О копиисте формально я больше и не прошу; сказываю только я к изданию мою остановку и почти невозможность; следовательно, и отказа не жду, а что с перепискою делать, не знаю.
26 марта 1772, Москва.

НВ. Я милостию божескою и моим обережением свой дом сохранил; и хотя мой околоток вокруг почти больше всех мест пострадал, а у меня более пятидесяти в доме человек живы все. Конечно, по сие время язва до стихов была не охотница, но я желаю, чтобы эта гостья и никогда ко мне не пожаловала.

77. Екатерине II

26 марта 1772

Всемиловейшая государыня!

В Москве театр был на самом худом основании, как и все было худо; да и ждати доброго, видя во всем и кроме театра порядки, было мне по театру успеха невозможно. Бельмонти, покутив во время своего содержания множество итальянских крючков и подлостей, денег собирал с народа много, думая о едином сборе и своих доходах, и все те сборы промотав, в бедности умер. Актеры для бывшия язвы ничего не представляли и пришли в крайнюю бедность и чуть было все не разошлись; однако к. М. Н. Волконский, Д. В. Волков и г. оберполицеймейстер ныне стараются им подписками ради пропитания нечто собрать, и чаю, что ими сие дело и исполнится. Ко гр. П<етру> Семеновичу все адреса были бы тщетны, а бывший оберполицеймейстер о должности своей, что и поважнее, и в самыя нужные часы не помышлял.¹ Il était toujours spectateur sans goût, juge sans résolution, héros sans courage, homme savant sans science et absent même dans les circonstances les plus réelles.* Чего ж, кроме беспорядка, иного

и ждать было. L'espérance me nourrit que les commandants de sa ville auront un autre soin à présent, et je crois que je ne me trompe pas.**

Здесь многие рассуждения о театре от людей партикулярных происходят, как бы его уставить. Когда о мастерстве портных столяры рассуждают, так платья хорошего не будет никогда. А театр по крайней мере лучше, почтеннее, полезнее и лучше учрежден быть должен, нежели мастерская изба портных. Все будет худо, если плотники будут строить палаты, а каменщики хоромы. А всего хуже, ежели, как слышно, Мелиссино ввяжется в сие дело; ибо он давно уже с Сукиным и с двумя братьями Пушкиными театральным прожект узаконил.² Si Pouchkin et son frère ont fondé les principes de théâtre, votre majesté peut déjà faire une conclusion, quelle honnêteté était la source des leurs projets. Voilà les conseillers de Melissino touchant le théâtre! — et je ne voudrai lier une étroite amitié avec Pouchkin et même avec Melissino pour tous les biens du monde.*** Желал бы я видети в Москве основательный и порядочный театр, а особливо, что здешние нравы великой поправки требуют. За комедии на меня многие и злиться станут; однако я никого не боюсь таких людей. А что я буду писати, то я сперва ради представления в Петербург присылать буду. И теперь у меня несколько пьес разных пиитических готово; окончивается новая трагедия и две комедии, и прочее нечто довольно сделано, но то или духовное, или не театральное.³ А не печатается ради того, что некому переписывать, а писца сыскать и переписчика ученых сочинений здесь не можно. И что мне с моими сими сочиненными делать пьесами, я не ведаю, а они дней через 10 все готовы будут; ибо хотя я от августа 7 месяцев и болен, но преодолевая мои болезни исключая 3 месяца, когда я почти жизни лишался, работал я в нынешний неблагополучный минувший год больше всех лет. Если угодно в. и. в. видети в Москве театр и чтоб можно было приступить особливо к поправлению здешних развращенных нравов, а я бы удобнее мог и охотнее сочиняти драмы, так ваше рассуждение лучше всех моих представлений помощь и руководство Мельпомене и Талии подать может. А если невежи располагати будут, не спросяся знающих людей, так все перепортят, а особливо, ежели l'orgueilleux et homme le plus intéressé Melissino selon le projet de deux Pouchkin, de ces deux les très fameux honnêtes hommes, aura la direction.**** В. в. не заметили еще, чтобы я когда пустое говорил. J'aime la vérité plus que ma vie et que tous les biens du monde, et je ne cherche d'autre chose qu'à me recommander à mon Dieu, à mon impératrice et à la sincérité de mon âme et de ma raison.*****

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

26 марта 1772, Москва.

Перевод:

* Он всегда был зритель без вкуса, судья без решимости, герой несмелый, ученый — ничего не знающий, и вообще человек бесполезный даже в обстоятельствах самых обычных.

** Надежда меня ободряет, что у начальствующих в столице нынче будут другие заботы, и думаю, что не ошибаюсь.

*** Если Пушкин и брат его устанавливают основания театра, в. в. уже можете заключить, какая честность была источником этих прожектов. Вот советчики Мелиссино касательно театра! За все блага мира я не стану добрым другом Пушкиных и Мелиссино.

**** гордец и корыстолюбец Мелиссино, как предположено по проекту двух Пушкиных, этих людей честностию своей слишком прославленных, управлять станет.

***** Истину я люблю больше жизни и всех благ мирских и ничего другого не ищу, как поручить себя богу и моей государыне со всею искренностию души и разума.

78. Г. В. Козицкому

19 апреля 1772

Милостивый государь мой, Григорий Васильевич.

Почта уходит; так бы не замедлить ответом. Я при сем прилагаю о театре моего желания стремление и проект сочинив, пришлю в Петербург. Любезной вашей супруге мое должное почтение и дочери вашей, моей тезке, Александре Григорьевне,¹ мой низжайший поклон. NB. — Правда ли это, что я слышал ко удивлению моему о вашей дочери, что хотя родитель ее и многие языки знает, она никаким языком говорить не умеет? Жаль этого, что она так неучена. Многие наши рифмотворцы без познания языка стихи пишут, а ваша дочь никакого языка не знает; хотел бы увидеть какое из ее сочинений. Однако, хотя вы меня и любите, не уповаю, чтобы вы мне из ее сочинений нечто гораздо скоро сообщили; но я прежде из света не хочу, доколе не увижу тезки своей автором.

Вашего высокородия покорный и верный слуга

А. Сумароков.

19 апреля 1772, Москва.

79. Екатерине II

19 апреля 1772

Всемилоостивейшая государыня.

По письму Г. В. Козицкого я по благоволению в. и. в. о установлении и о хорошем основании Московского театра проект и план составляю; дабы театр был, как говорится, не на живую нитку положен был и чтобы основание оною было не прменно

и не слабо, но твердо и вечно. А потому что я, кроме моих авторских сочинений, к оному и причастен быть не хочу, — что касается до управления, — так я и не для себя оное основание положу и не для короткого времени, но навсегда. Расположив оное учреждение и как скоро в нем буду готов, ради рассмотрения и ради утверждения пришлю в Петербург и о всем ясно представлю, сколько умю.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

19 апреля 1772, Москва.

80. Г. В. Козицкому

30 апреля 1772

Милостивый государь мой, Григорий Васильевич.

Я спешу к кн. М. Н. Волконскому; граф там будет кушать. А я и вчера обедал у кн. Волконского и с графом еще о громе спорил; и сколько от спора ни отходил, однако он меня во спор втащил.¹ О резолюции на мое письмо всепокорно прошу: в нем писано о жалованье годовом, как и прошлого году; я сие дело вашему дружескому попечению препоручаю. Чтобы я вам не напоминал о прошедшем московском несчастье, пишете вы ко мне. Я вам помянул кстати и, кажется, не согрешил; приятно напоминать о минувшем зле, которое толико наши души поражало, что мы и в сие благополучное время, избавленные е. в. о нас попечением, еще опаматоваться не можем. Да и вечности предать это надлежало бы; да и редкое слово публичное без напоминания сего несчастья говорится, ибо из самого сего нашего злополучия рождается благодарение, коим мы освященной особе должны к нашей пользе и безопасности и к ея славе. Комедий у меня три готовы и одна трагедия, но переписывать ее некому. А которые были пограмотнее из студентов во Спасском училище,² те ныне все попы; ибо попы и церковники в Москве почти все вымерли. Желая всех благ вам, любезной вашей супруге и любезной дочери, моей теще. А я непременно есть и буду вашего высокородия милостивого государя моего верный и покорный слуга

А. Сумароков.

Апр. 30, 1772, Москва.

Р. С. Г. камер-юнкер Потемкин, прислав ко мне свою драму,³ требует искреннего моего о ней мнения. En voyant une si misérable pièce je suis fort embarrassé, et je suis au désespoir de lui répondre.* Титло взял он то, которое назначил было я такой же

драме; по тогда Гр.^а и желая пмети нечто о сем происшествии, сказал наконец, что все письма братшй его были у вас, а вы не были в П^етер^бурге. Итак, вместо всего сочинения я только подал причину сочинить драму на своем основании и под тем же титулом, которая ни прославителю, ни прославляемым славы не приносит, ни утешения читателям, ниже исторического рассказа, как должно, и где нет ни складу, ни ладу. Есть способность у г. Потемкина, познания нет ни малейшего.

Ежели нет его высокородия Гр^игория^в Васильевича в П^етер^бурге, так я адресуюся для подания моего письма освященной особе к его превосходительству^в Сергею Матвеевичу Кузмину и прошу покорно о том, о чем я прошу Григория Васильевича.

А. Сумароков.

Перевод:

* Видя такую жалкую пиесу, нахожусь я в большом замешательстве, и я в отчаянии, принужден будучи ему отвечать.

81. Екатерине II

30 апреля 1772

Всемиловейшая государыня.

Изготовляя план театра, стараюсь я о хорошем оного основании, зная то, что хотя мое старание о установлении театров было и велико, но чрез более двадцати лет не только в Москве, но и в Петербурге никакого твердого к тому основания нимало не положено; и если Дмитревского театр когда лишится, так и все сие здание развалится. Гр. Гр^игорий^в Григорьевич приехал сюда. А я после еще продолжаемых моих болезней, как нарочно, в самый тот час получил силы выехать и сегодни еще его сиятельство^в у кн. Волконского увижу и, видя особу графскую, П^етер^бург и в. в. освященную особу еще живее себе воображаю. Мои обстоятельства и недостатки заставили меня прошлого года всенижайше просить о выдаче мне впредь на год жалованья. И хотя я едва устоял во слове, чтобы мне оное заслужить и до срока, не заслужив оного, не умереть, и многократно отчаян был, в чем я прегрешил бы в моей должности и сделал бы только тем преступок твердого в слове человека. Но другой вины пред в. в. никогда не сделаю, ни о чем так не стараясь, как о том, чтобы ничем и никогда не навлечь себе вашего гнева; ибо едина ваша милость во старости моей огревает мою музу. Так всени-

^а Далее в рукописи пропуск.

жайше прошу от 1 мая, как и прошлого года, повелеть выдать мне мое определенное жалованье, дабы я беспрепятственно имел дух покойный. И хотя я и восемь месяцев болен был, однако, отомщая моей болезни, я ей и довольно выместил, сочинив по совету архиепископа Платона половину Псалтыри стихами.¹ Много сделал я эклог; а что паче ради двора участно, так сочинил я одну трагедию, о которой чаю я, что она благоволения в. и. в. удостоится и похвалы знатоков, да еще три комедии, в которых разнообразно пороки изъясняются. А я думаю, что и комедии мои не меньше поправки сделать могут, сколько принести увеселения и смеха, а комедии в Москве и ради прогнания невежества премудрому вашему правлению всеконечно угодны быти должны, и России они всеконечно много плода принесут. А если время увядающей моей жизни и ослабевающие мои силы вашу монаршею милостию подкрепляемы будут, так я еще четыре года потрудиться уповаю и театру, а особливо комедиями, услужить уповаю; ибо мне прозаические комедии сочиняти, имея и теорию, и практику, и видя ежедневные новыя в невежах глупости и заблуждения, очень легко. Комедии готовы, но переписать их некому, а я сам копировать не могу; а если бы был у меня писец, так бы три комедии на первой почте в Петербург пересланы были. А сии драмы, я знаю заподлинно, в. в. и публике понравятся. О годовом от 1 мая жалованье я всеижайше повторяю. А проценты в казну будут стихами, которые всеконечно и самой выданной суммы стоить будут. Препоручая себя всевысочайшему в. в. покровительству и осеняемой многие лета вашей меня отличной милости есмь до последнего моего издыхания с усерднейшею моею верностью

в. и. в. всеижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Апреля 30 дня 1772, из Москвы.

82. Г. В. Козицкому

3 мая 1772

При покорном моем прошении вручить мое письмо монархине препоручаю себя вашему дружескому напоминанию и, объявляя мое супруге вашей и дочери почтение и Николою Николаевичу с его супругою, есмь непременно вашего высококоротия милостивого государя моего покорнейшей слуга и друг

А. Сумароков.

3 мая 1772, Москва,

83. Екатерине II

3 мая 1772

Всемилоостивейшая государыня.

Я в сочинении проекта о театре тружуся, соображая все обстоятельства; но сие мое старание пресеключо и понудило меня всенижайше прияти дерзновение и представить вашей священной особе. В самое сие время Мелисина призывает актеров к себе, объявляя, что он имеет повеление рассмотреть и уставить театр, которому быть под его главным смотрением, а содержателем избирает вместо Сукина и Пушкина, которые прежде содержателями от него назначены были, некоего князька Долгорукова,¹ свою родню, человека глупого и мота, который недавно был отдан под начал, помнится, в Соловецкий монастырь за дела, о которых и вспомнить гнусно. В сие время актеры получили от Дмитревского письмо вместо истолкования, кое я при сем его в подлиннике со всенижайшею покорностию приобщаю.² Ежели бы Дмитревский от придворного театра был уволен, тогда бы это еще несколько уважено быть могло; но чтобы только доходы он получал, а я бы ради его трудился и тратил время — это моему рассудку непонятно. Довольно и того, что я никакого от театра дохода имети не хочу, кроме новых моих драм по обыкновению всех театров. А я по Российскому театру трудился побольше Расина и Вольтера, но еще и поныне из крайнего убожества не выбился. И не лучше ли, чтобы доход был при театре казенный, нежели кому партикулярно моими особливо трудами обогащаться, а мне, как лежит пословица, говорити: «Я именинник, да мне же нет калача»; или сказать из Священного писания: «Овии трудящаяся, овии во труд их внидоша».³ Я жду в. в. повелительного ответа.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

3 мая 1772, Москва.

Сам я в театр ввязываться не хочу, следовательно не ищу я своей пользы, которая должна быть казенною, к размножению театра. А правительствовать или на хорошем основании содержателем должно быти человеку неглупому и честному. А потому, что я в доходах и правлении, кроме плана и моих драм, участия не беру, так равно мне, кто бы правителем ни был, только был бы человек хороший; без того и порядка быть не может.

84. Г. В. Козицкому

4 мая 1772

Вечер уже наступил. Почта уходит; так я, прилагая сие письмо, вас стократно за ваши представления благодарю. Супруге и дочке кланяюсь, и, почитая весь ваш дом, буду всегда ваш верный и покорный слуга

А. Сумароков.

4 мая 1772, Москва.

85. Екатерине II

4 мая 1772

Всемилолюбивейшая государыня.

По благоволению в. и. в. я проект и план о театре сделал и оный сообщил, читая, Д. В. Волкову и г. оберполицеймейстеру. Они во всем со мною согласны крайне. А кн. М. Н. Волконскому я оный сообщать нужды не имею, но сыскав копииста и подписав купно с Д. В. Волковым, представлю высочайшей в. в. апробации. Главная нужда в том состояла, чтобы была при театре институция, чего прежде не было и от чего были непорядки; а могли бы быть и боле, ибо всего потребнее, чтобы не было никакого мятежа и шуму, от чего беспокойства и всякие худые следствия быть могли, и потребна тишина; а особливо, чтобы не было своевольства ни от господ, а паче от таких холопей, без чего ни одно представление не проходило. Паче всего я того опасался, чтобы театр не был поручен Мелисино, qui veut remplir sa bourse.* Он твердил, обманывая людей, что каменный театр будет, и подал дерзкое доношение в Сенат, где точно видно, чего он хочет, и пишет предварительно, что он за свои труды чает казенного от в. в. награждения. Но и Д. В. Волков и г. Архаров, будучи разумны, этому посмеялись. Театр каменный быть может и после; но ожидая оного суетно, не камни, но хорошие драмы и хорошие акции потребны. А Мелисиново стремление — себя обогатить и требовать еще за то непомерного награждения. При плане я яснее опишу. Желая только, чтобы исполнено было тако, как по нашему с г. Волковым и с г. Архаровым мнению положено.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

4 мая 1772, Москва.

Перевод:

* Который хочет набить свою кошелку.

86. Г. В. Козицкому

7 мая 1772

Все сии частные мои письма к освященной особе суть о театре. Ибо он толико расстроен, что и сооружать его трудно. А между тем день от дня новыми замыслами ищущих пользы своей желателей быти начальниками ради своих доходов еще разрушается. Подайте мое письмо е. в. А если г. Дмитревский содержанием быть хочет на хорошем основании, так переговорите с ним, призвав его к себе; но чтобы то было без замедления, доколе не примутся другие содержатели. А если он свое намерение по вашему наставлению и моему совету утвердить ко пользе и актеров, и авторов хочет, так бы ко мне писал не медля. А что он писал к актерам, так какое это основание?

Супруге и дочери вашей мое почтение, а я всегда вашего высокородия милостивого государя моего покорнейший слуга

А. Сумароков.

7 мая 1772, Москва.

87. Екатерине II

7 мая 1772

Всемиловитейшая государыня!

Может показаться удивительным, что я множеством государственных дел монархию отягченную толь часто моими представлениями беспокоиваю: но потому, что я устремляюся всюю силою к исправлению нравов здешнего города жителей, ниже многих из того числа не только знающих, но ниже никогда во сне видящих истинную мораль, сию душу всех наших правдивых понятий, и утопающих во крайнем невежестве, и должности гражданина нимало не постигавших. Ибо от того все пороки размножаются и вкореняются, так что ниже сами духовные и светские здравомыслящие, без помощи сатирического театра их из сея бездны извлечь и из уз упрямства исторгнути не в силах. Из чего следует то, что никакому месту театр толико не нужен, как Москве. Мелиссино сам хочет быть *entrepreneur*; *mais en changeant le titre en celui de directeur des affaires, titre qui est tout nouveau; mais sa vrai source est son intérêt; parce que cet homme ne fait d'autre chose que de faire les projets qui étaient toujours réjetés, étant très visible quel but il se propose, et qui sont mêmes mal arrangés.** Д. В. Волков постановил, со мною изъясняя, дать ему, Мелиссине, привилегию, а кн. М. Н. Волконский, узнав намерение Мелиссино, также во мнении ни с Д. В. Волковым, ни со мною разногласен не будет. *Mr. Wolkow, comme votre majesté sait elle-même, est un homme qui pénètre bien les choses,*

et comprend bien les circonstances de la chose et quoique il ne soit pas encore longtemps ici, il connaît bien les sottises et les extravagances de ces petits seigneurs qui se nomment князья qui ne pensent, c'est à dire le plus grand fort d'eux que d'inventer toujours des nouveaux systèmes pour leur conduites, et en gâtant la jeunesse corrompre les moeurs et offenser la vertu ne connaissant d'autre mérite que leur orgueil.** Они-то исправления и требуют. Так можно ли какому невеже-князьку братья за сатиру? Разве ради того, чтобы затворить дорогу к истолкованию их пороков. Et Melissino en orgueil surpasse tout ce qu'on peut s'imaginer.*** Не угодно ли в. и. в. ради еще лучшего установления препоручить установления театрального проекта мне обще с Д. В. Волковым, и если я с ним обще сделаю проект, так основание будет твердо: ум хорошо, а два еще лучше. А Москву и он знает столько же ныне, как я. Всего бы это было лучше, чтоб мне с ним обще потрудиться. А в. в. от двух человеков план более вероятности принесет. А по тому, что я думаю, исправления паче всего здешнему городу, утопающему в упрямстве и невежестве, желаю. Да и мыслями комическими я полон. А ради кошелька Мелиссинова, чтобы сей человек гордился и получал прибыль, а я б, потев, работал день и ночь, мне охоту должно в сочинении драм потерять. Недолго мне уже сочинять; ибо приближилась почти моя старость, и силы грозятся музу мою оставить. Так если мое перо театру надобно, я всенижайше мое мнение прошу уважить. И если здешние начальники, а особливо Д. В. Волков, получают повеление со мною купно подумать о театре, так, конечно, театр полезнее будет России, а не кошельку Мелиссинову. Vainement on attend quelque fruit de l'Université de Moscou: et c'est dommage; je parle comme un homme qui aime les sciences et les arts; et tous les savants et les artistes sont mes amis, comme je suis ami des sciences et des arts; mais du théâtre encore plus.****

В. и. в. всенижайший и всепокорнейший раб

Александр Сумароков.

7 мая 1772, Москва.

Перевод:

* содержанием, но изменив это звание на звание директора-распорядителя театра, должность совсем невиданную. Однако истинная причина есть его корысть, потому что этот человек только и изобретает, что проекты, которые всегда отвергались, ибо цель их весьма очевидна, да и составлены они дурно.

** Г-н Волков, как в. в. сами знаете, это человек, который хорошо разбирается в делах и хорошо понимает обстоятельства; и хотя он здесь недавно еще, но хорошо знает глупости и сумасбродства этих маленьких вельмож, которые называются «князья», но думать не способны; иначе говори, только и умеют, что непрестанно выдумывать новые правила собственного поведения, и, портя молодых людей, развращать нравы и повреждать добродетель, не зная других достоинств, кроме спеси.

*** А Мелиссино слесью превосходит все, что только вообразить можно.

**** Тщетно ожидать каких-либо плодов от Московского университета, а это жаль. Я говорю как человек, который любит науки и искусства, и все ученые и художники мне друзья, так же как и я друг наук и искусств; но театру я друг еще больше.

88. Г. В. Козицкому

5 июля 1772

Сейчас я для поправления моего здоровья свежим воздухом еду в деревни, прилагая притом е. и. в. письмо, и кланяясь вашей супруге и теще, и препоручая себя вашему дружескому наименованию. Вашего высочородия, милостивого государя моего, верный и покорный слуга

А. Сумароков.

5 июля 1772, Москва

Р. S. Помнится мне, что вы зимою поедете чрез Москву. Так прошу меня уведомить, куда и когда.

89. Екатерине II

5 июля 1772

Всемиловейшая государыня!

Проект и план о содержании театра мною сочинен давно и сообщен Д. В. Волкову, а он будет о том доносить в. и. в., будучи со мною согласен. Что он, уповательно, скоро и учинит. А я все то полагаю на него, заручив и оставив план мой у него; ибо я для поправки испорченного моего здоровья сегодня еду в мою деревню, дабы, поправив себя, я мог еще Российскому Парнасу, а особливо по театру, делать услуги года два-три, если свежий воздух может меня поправить и мои многие болезни не сократят моей жизни. Я и желаю и уповаю в. в. театральному моему распределению утверждения, дабы я мог еще по театру потрудиться, а особливо в комедиях, которых у меня и теперь три драмы и одна трагедия готовы, но за неимением копииста лежат без переписки. А копиистов хороших нет и не будет, если за российское правописание никто не примется. Впрочем, вручаю себя в. и. в. всевысочайшему покровительству, в. и. в. всепокорнейший и все-нижайший раб

Александр Сумароков.

5 июля 1772, Москва.

90. В Каширскую воеводскую канцелярию

Август 1772

От действительного статского советника и кавалера Александра Петрова сына Сумарокова

Доношение

1. Имею я деревню в Каширском уезде, а в соседстве со мной живут господа Соковнины. Дед из числа дворян исключен за измену и четвертован, а голова его посажена на кол на Красной площади, о чем печатными указами опубликован; и предан оный их дед анафеме, и публично в соборной церкви проклят, и пета ему, как и другим подобным плутам, анафема тако: «Алешке Соковнину анафема!»¹

2. А ныне оные Соковнины делают мне и крестьянам моим ежедневные и несносные обиды и, имея у себя юродивую женщину, научают ее лаяться и бранить меня, объявляя, будто мать моя им такую скаредную дала комиссию, чем они и мать мою злословят; ибо никакая мать, а не только супруга действительного тайного советника, сына своего, без потери чести своей чести, грубить и безвинно тревожить не станет, чем они, Соковнины, и матери моей приносят поругание; твердя, приказывают мне, будто мать моя им со мною раздружиться приказала, чего от такой почтенной госпожи, и на старости лет ее готовящейся ежедневно пред престол божий, никогда не станется, ибо она жила всегда добродетельно и злобы на сына, превосходящей человечество, иметь не будет.

3. Они же, Соковнины, при межевании и отца моего злословили, будто мой отец клочок земли отнял у них наглою рукою и завладел оным клочком беззаконно; за какие всегдашие ссоры и дерзновеннейшие брани Алексей Соковнин, внук Алешки Соковнина, бит среди улицы нещадно палкою, о чем от него и в Каширской канцелярии явка подана и выдерганные из головы его волосы им самим при доношении внесены в Каширскую канцелярию и во оной канцелярии еще и поныне хранятся. Хотя дворяне и офицеры, не хранящие своей чести и претерпевающие палочные побои, ни дворянского, ни офицерского имени не достойны, да и о том, возвращено ли им дворянство, неизвестно, и почему они паки почтенное имя «род Соковнин» приняли, я не ведаю, хотя за внука Алешки Соковнина и выдана моя племянница; а сестра моя большая отдала за него и родовые деревни в приданое, на то не взирая, что та деревня деду моему пожалована за верность и обережение государя императора Петра Великого от изменника Соковнина и подобных ему плутов.²

4. А мне от них, Соковниных, нет ни единого дня покойного, ибо всею ссорю между меня и моих родственников руководствует господин Бутурлин, которому высочайшим указом е. и. в.

мешаться в наши домашние дела и ссорить меня с матерью, к которой я имею всегдашнее почтение, запрещено и повелено указом за подписанием собственныя е. и. в. руки от таких ему богопротивных дел воздержаться под опасением высочайшего гнева.

5. А ежели они, Соковнины, или их люди впредь меня будут разными образами беспокоить, а особливо бранью и лаянием живущего у них урода, которую от злости ежедневно бьет лихая болесть, а я, избавляя себя, буду защищаться, как бы то мне не было причтено виною. А уйму у них, Соковниных, нет, и жалоб они никаких не принимают и не рассматривают, и людей моих с жалобами не допускают, о чем я ради предуведомления доношу Каширской воеводской канцелярии.

И чтоб повелено было сие мое доношение в Каширской воеводской канцелярии принять и записать в книгу впредь для ведома.

Августа дня, 1772 года.

К тому доношению действительный статский советник и камералер Александр Петров сын Сумароков руку приложил.

91. Г. В. Козицкому

24 января 1773

Милостивый государь мой Григорий Васильевич!

При засвидетельствовании вам, супруге вашей и моей тезке моего неперменного почтения покорнейше прошу о поднесении моего письма освященной особе и об ответе.

Первую книгу «Превращений»¹ вашего перевода я читал с крайним удовольствием. Кто не удивится из наших потомков, что вы и я в одно время жили с бессмысленными авторами и переводчиками! Отпусти боже им их согрешение!

Вашего высокородия, милостивого государя моего, верный и покорный

А. Сумароков.

Января 24, 1773 г., Москва.

92. Екатерине II

24 января 1773

Всемилоостивейшая государыня!

Будучи боле полугода болен, я по все сие время не сочиняю и ничего не читаю: толико меня гипохондриа преодолела. А в прошедший год, не взирая на минувшее материнским о нас

в. и. в. попечением несчастье, на продолжающуюся полгода жесточайшую мою болезнь, я столько много сочинил месяца в три, сколько и на три года довольно; а между тем и ради театра одну трагедию и три комедии (комедии прозою), которые давно бы были на придворном театре, но за неимением копииста они лежат и поныне без переписки, что у меня и последнюю охоту к театру отъемлет. Ныне из учеников в Спасской академии, имущий склонность и ко стихотворству, более четырех месяцев неотступно просит меня, дабы взят он был ко мне ради переписки, чтоб ему чрез то научиться чистому слогу и поэзии, а он к тому и способности много имеет.¹ А потому что он из поповичей и человек свободный, могу я его взять и без указа; да и начальники его за него стоять не могут и не хотят, а сверх того мне и они, как и все знатнейшие духовные, крайние приятели. Но потребно сему человеку жалованье, ибо бедность рождает подлость, а поэзия подлости и крайних недостатков не терпит. Так я всенижайше прошу в. и. в. о указе, хотя объявлением ваших штатс-секретарей, дабы ему было определено жалованье против сенатских копиистов, а он и теперь лучше всех их грамоте знает. А я думаю, что мое наставление ученикам будет им полезно и полезнее еще публике или, лучше сказать, отечеству. Да и опыты этому есть, ибо не только точные мои ученики, но все и театральные и лейбкомпанские копиисты в хороших уже по знанию своему чинах; а бывший при мне последний по лейбкомпани копиист, и после определенный к театру, ныне полковником и, ежели сегодни пойдет в отставку, так и отличием степени меня самого превзойдет. Одному только не удался, быв при мне, хорошему слогу научиться, хотя он и всех больше чин имеет, и который мне по сие время иметь копииста препятствовал, чая, что и данный мне копиист толико же мало от меня научится, колико мало научился у меня он.² Все сие оставя, я жду вашего всевысочайшего повеления.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Января 24 дня, 1773, Москва.

93. Г.В. Козицкому

31 января 1773

Милостивый государь мой Григорий Васильевич.

Вам, супруге вашей и моей теще приношу мое почтение и, не имея времени, сокращаю мое письмо сим. Вашего высококородия покорный и верный слуга

А. Сумароков.

31 января 1773, Москва.

94. Екатерине II

31 января 1773

Всемиловнейшая государыня!

Театр московский зачат еще с бoльшими не порядками, нежели прежде, и которых отвратить нельзя, ибо никакие доказательства, служащие к порядку, не приемлются.¹ А я кн. М. Н. Волконскому прямою линиею и предложения никакого сделать не отважуся, дабы мои предложения не могли почтены быть несправедливою наглостью. Трагедии мои играютя скаредно; никто актеров не учит, а я, избавляясь досады и горести, на спектакли не езжу. Да и выпускать новых драм не можно; ибо так рассуждают: когда-де пиесы играны при дворе и напечатаны, так их играть можно. В. в. известно, что во время Софокла и Еврипида, трагиков греческих, книгопечатания еще не было, однако их драм без воли их не играли, и что не только основатели театров, но и все авторы своих сочинений без прибытка себе не выпускают. С Бельмонтием сделанные контракты и до других содержателей касаются, и договоренось было за «Димитрия» получить мне полторы тысячи рублей.² А я не работник на московскую публику, а паче — на содержателей.

В. и. в. известно, что и прежде и ныне о Московском театре я докучал вашей всевысочайшей особе; так на что ж бы мне и трудиться, если бы мои труды тщетны были? Я болен, а Д. В. Волков сегодня отъезжает в Петербург; так и последняя надежда к установлению театра погибнет. А расположение и устав от меня сообщен ему, а у меня и копии не оставлено. Мне делать нечего. А кн. Волконский в театральные распоряжки, никогда о том не думав, войти не может, хотя мне он и от самого ребячества приятель, а ныне, по отличности чина его, благодетель. Вообразите, государыня, возможно ли при таких всегдашних хлопотах поощрять себя к театральным сочинениям, когда пиесы мои, тщательно сочиненные, всемирно безобразятся, и за которые почти при каждом представлении по 1000 рублей собирается, а со мною сбывается древняя русская пословица: «Я именьник, да мне и пирога нет». Написано во Священном писании: «Труждающемуся делателю прежде всех от плода вкусити должно».³ Трагедия «Димитрий» и в продажу прежде отдана не была, поколь нового контракта с содержателями я не сделал; но кажется мне, что в Москве все мои о словесных науках доводы слабы. Ни покойная императрица, ни в. в. моих драм, как монарха власть ни велика, никогда без особливои милости представлять не повелевали, и всегда я отличным приятием, питающим мое любочестие, от ваших высочайших особ довольствовался. Говорят, будто философы презирают и почестя и доход. Это неправда, ибо и философы едят и пьют и презрения не любят. А я не философ, но стихотворец. Фридерик, вен-

ценосец и пиит, так изъясняется: «Je ne suis point ambitieux quoique roi et poète».* Ведает он то, что престол и Парнас любочестием наполнены. Il badine quand il dit qu'il n'est pas ambitieux.** Первая статья блаженства подданных — монарше любочестие, и первая статья пиитического красноречия и проповедания добродетели — любочестие же. Не прикажите, государыни, моих пьес, игранных только пред очами двора, представляти противу всех театральных учреждений в Москве, обезображивая меня и отнимая мой авторский доход, а игранные в Москве — они играют. Я им не спору, но не должно ли мне несмысленных актеров поучить: и в Петербурге без моего показания мои драмы никогда играны не бывали. Я за старые пьесы дохода себе не требую, а требую только достойного представления. И повару досадно, когда у него подаваемое на стол кушанье напортят, а трагедия, недожареная или пережареная, много вкуса теряет, et le poète est plus ambitieux que le cuisinier.*** Пьесы театральные не ради чтения сочиняются; так много славы погибает тогда, когда они мерзко играют. Не лишите, государыня, меня оставшей охоты к театральному сочинению! Разве мне, поработав ради славы, приняться за сочинение романов, которые мне дохода довольно принести могут, ибо Москва до таких сочинений охотница. Но мне романы ли писать пристойно, а особливо во дни царствования премудрой Екатерины, у которой, я чаю, ни единого романа во всей ее библиотеке не сыщется. Когда владеет Август, тогда пишут Virgиллии и Овидии, и в почтении тогда «Энеиды», а не «Бовы королевичи». А я и «Бовою», выданным от себя, не обещещуся, хотя и не много чести присовокуплю. А еще лучше, ежели я стану сочинять «Tausend und eine Nacht»**** или, по крайней мере, писать высокопарные оды, думая:

Всхожу ко небесам
И хитрости своей не понимаю сам.

Или:

Гром на гром ударяет, ветры с ветрами спираются, Фиссон шумит, Багдат пылает, афински стены огонь терзает, Этна верх Кавказский давит и дух мой Пинд на Оссу ставит.⁴

Или:

Живу любовно;
Тому причина та, что лето не грибовно.⁵

Я ради того мешаю дело с бездельем, дабы вашему всегда в важных делах упражняющемуся духу мелкостию, говоря о ней важно, не принести докуки. Но издевка вселилася только в мое перо; кошелек мой наполнен бедностью, а сердце горестью. А притом должен я буду, ежели Мельпомены и Талии не оставлю, трудиться ради чужих доходов; а они, в поте лица моего, будут ясти хлеб мой;⁶ а сверх того, часто увидите дочерей хищников и рабителей отечества, украшенных сияющею кражею,

сочетающихся с буянами и петиметрами¹ и молящихся о неповешенных своих родителях, дабы бог дал им телесное здравие и душевное спасение,⁷ — а свою дочь вечно засадити в девках, а вместо мужа довольствовалася бы она зрением обезображенного «Хорева», проклиная и Муз и честность отца своего, зная то, что честности в рядных не пишут.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

31 января 1773, Москва.

¹ На сих днях вышла замуж бывшего и отброшенного Московского губернатора третья уже дочь с великим приданым,⁸ из которого третья часть, по рядной написанная только, 1000 приданого и 1000 денег, а всего приданого, утвержденного записями, еще тысяч на 40. Деревни отца моего были все в губернии сего отброшенного губернатора, и моя доставшаяся часть в том же счете; а сколько подушных денег в губернской покрадено, о том известен генерал-прокурор,⁹ и который будучи толико честен, сколько такие губернаторы вредны, сие его беззаконие и знает, и им гнушается. Так я на него ссылаюся, правду ли я говорю. Подушные деньги с нас по справедливости собираются на армию, защищающую наше отечество, а не дочерям Жеребцова на приданое. Вот то, всемилостивейшая государыня, что я разумею моею сатирическою статьею. Poète, honnête homme et satirique, en voyant les désordres peut-il se taire? Voileau dit:***** если бы-де мне не позволено было сатиризовать, видя непорядки, я бы-де ямочку в земле вырыл, и в нее бы проворчал.¹⁰ А я почитаю только бога, государя, честных людей, истину и откровенность.

Перевод:

* Я не честолюбив, хотя я король и поэт.

** Он шутит, когда говорит, что он не честолюбив.

*** а поэт честолюбивее повара.

**** «Тысячу и одну ночь» (нем.).

***** Поэт, честный человек и сатирик, видя беспорядки, может ли промолчать? Буало говорит:

95. Г. В. Козицкому

20 мая 1773

Милостивый государь мой Григорий Васильевич.

При засвидетельствовании. непременною моего к вам, ко супруге вашей и к дочери почтения низжайше прошу приложенное при сем письмо подать е. и. в. и при вашем представительстве ис-

ходатайствовать мне ответ, что я почту знаком нового вашего ко мне снисхождения, и пребуду навсегда вашего высокородия верным и покорным слугою

Алекс. Сумароков.

20 мая 1773, Москва.

Р. С. Ежели нет его высокородия Григория Васильевича в Петербурге, так я адресуюся для подания моего письма священной особе к его превосходительству Сергею Матвеевичу Кузмину и прошу покорно о том, о чем я прошу Григория Васильевича.

А. Сумароков.

96. Екатерине II

20 мая 1773

Всемиловитейшая государыня!

Начиная писать к в. и. в., трепещу я, дабы мои прошения не показались в. в. наглостью. И ради того неоднократно я брал перо в руки и многие дни отсрочивал себе в написании моего всеижайшего прошения. Чего ради в заглавии оногo паче всего прошу не принять моя смелости излишеством и не раздражиться; ибо то мне такой бы был удар, коего я никогда не ожидал; а я милость вашу паче всего на свете почитаю, хотя бы ею и никогда не пользовался.

Ныне было произвождение и военным, и штатским, и придворным. Я, государыня, не в отставке и не только числюся в службе, но и действительно во дни вашего владения более, нежели во всю мою жизнь, издал и изготовил моих сочинений; а науки были бы презренны, если бы они услугами отечеству не почитались. Так извольте, государыня, матерински войти в мое прошение и покажите мне милосердие. А сколько людей обошло меня ныне и прежде, то ясно и по списку, из которого я никогда исключен не был.

Терпя реченное, терплю я еще и недостатки, ибо я, кроме жалованья, никакого дохода не имею. Так нижайше прошу, припадая ко стопам в. в., имея за собою деревни самые малые, о помиловании, дабы мне хотя в заем ради оплаты моего долга из высочайшего в. в. милосердия пожаловано было тысячи четыре и еще на сей год наперед жалованье, как я уже по указу в. в. ежегодно получаю. А я бы порасплатяся, а особливо с Прокофеем Демидовым, мог успокоиться и быти способным по оставшему времени докончать мои в сочинениях труды. Демидову должен я одному две тысячи рублей уже года три, а нынешнего июня 1 дня последний срок. Помилуйте, государыня, и не допустите до крайнего разорения человека, носящего всевысочайшую вашу

милость и имущего к вашей освященной особе всегда, еще и до восприятия вами скипетра, отличное усердие!

Сим окончались мои прошения и остались еще всенижайшие мои в. в. представления. Хотя я и не имею повеления потрудиться при закладке Кремлевского дворца, но будучи приглашен г. архитектором Баженовым, тружуся столько по единому моему усердию, как я и по именному указу больше трудиться не могу; и не только сочинил г. Баженову необходимую речь, многие к церемонии надписи и подаю советы и по обрядам светским и духовным еще отчасти. И уповаю, что сия церемония, колико начальники сей комиссии ни скупы и колико ни холодны к попечению, будет согласна с моим желанием и со славою великия Екатерины. И речь, и надписи, и хари, и вся как светская, так и духовная церемония принесут изображение народу дней вашего царствования. Толь великолепы они, сколь мала положенная на то сумма и сколь велико мое и г. Баженова к тому усердие. Да и архиереи здешние к тому все силы прилагают и толико много, колико мало их прилагает Измайлов; но мне до него и дела нет, ибо не он, но Баженов дом закладывает.¹

Слышу я еще, государыня, ко управлению моему и к разрушению остатков здешнего театра, что Дмитревский сделал с держателями театра контракт ежегодно играть на нем по 4 месяца, учить актеров, которых он выучить не умеет и которые сами, наставляемы быв мною, играют его не хуже, хотя и гораздо послабели. Я в исходе лета, в месяце августе устремляюся видети в Пекетербурге очи в. в.; но с чем я появлюся, когда Дмитревский в самое то время ради своего излишнего насыщения будет в Москву? И могу ли я пиесы новые мои, и поднесенные в. в., без представления напечатать? Я то предаю на рассмотрение в. в., а мои прошения предаю вашему милосердию и не зная никого, кто бы о мне в. в. предстательствовал, препоручаю за себя предстательство самой вашей освященной особе, на которую я всегда уповаю и вместо огорчительного мне отказа с радостью ответа ожидаю. О, дабы всевышний вложил в сердце ваше милосердное ко мне снисхождение и оживил бы мою увядающую жизнь, подверженную жесточайшей ипохондрии! Но милосердая Екатерина милостию изобильна, коль изобилен я моим к ней усердием, с которым я пребуду до конца моей жизни.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Мая 20 дня 1773, Москва.

P. S. При закладке Аннинского дома² церемония была смехотворна, et moi je trouve une belle différence entre ces deux cérémonies comme entre la meilleure tragédie et la plus misérable farce. Bagenof et les évêques l'ont bien imaginé et moi je l'ai corrigée tant comme il m'étoit possible, en possédant la connaissance des

théâtres et en m'appliquant assez longtemps en cela. Croyez-moi votre majesté que du commencement de la Russie on n'a vu jamais des pareilles et elle sera digne de votre règne. J'emploierai tout mon possible de la rendre plus éclatante et personne ne croira jamais qu'elle coûtera si peu. Tout court: jamais la ville de Moscou de son commencement n'a donné des si superbes spectacles.*

Перевод:

* что до меня, то я между этими двумя церемониями нахожу такую же большую разницу, как между лучшею трагедией и самым дурным фарсом. Баженов и архиереи свою церемонию хорошо вымыслили, а я ее поправил как мог, зная театральные правила и долго по театру трудившись. Поверьте, в. в., что на Руси подобного отродясь не видали и что она будет достойна вашего царствования. Я употреблю все мои старания, дабы придать церемонии как можно более блеску, и никто не поверит, что она обошлась так дешево. Короче говоря, со времени основания Москвы никогда не было здесь столь пышных зрелищ.

97. Г. В. Козицкому

20 июня 1773

Милостивый государь мой Григорий Васильевич.

Я по несчастию моему ответа на мои посланные письма не имею и не знаю, что тому причиною причести. Писано в тех моих письмах о выдаче мне годового жалованья, как я оно и прежде от 1 мая получал. Я ж — должен, а особливо несносному человеку Прокоф^ию Демидову, который меня мучит ежедневно, и дав мне деньги приятельски, а потом отъехав в Голландию и накопив на меня по причине бывшего в Москве мора проценты и рекамбии,¹ вконец разорить меня стремится, или паче срамится, плавая в богатстве, данном ему на поругание его самого и на обиду добрым людям; так я просил е. в. о четырех тысячах, которые могу я выплатить. Меня ж, хотя я и не в отставке, обошли все при нынешнем произвождении. Неужели труды многих судей больше славы и пользы России приносят, нежели мои? Вспомните прежние мои к себе усердия и войдите в мое бедное состояние. Тот, который переписывает сие мое к вам письмо, и моего расстроенного состояния, и горести, и бедности свидетель. А я, пребывая и в отчаянии, есть вашего высокородия покорный и верный слуга

А. Сумароков.

20 июня 1773, Москва.

Зри: в половине августа устремляюся я в П^етер^бург ехать ради напечатания множества новых сочинений; но мои долги и моя бедность лишают меня сея надежды; изъясните это е. в. А мне очи ея видеть хочется.

Письмо ради скорости без куверта, да в этом и нужды нет.

98. Г. В. Козицкому

25 июня 1773

Я в крайнем отчаянии, а ответа нет мне на мои просьбы. Я терплю бедность, есть мне нечего, и нет столько денег, чтобы заплатить за письмо на почту. А сегодня еще обещался я к церемониалу стихи делать. Кланяюсь вам и жду терпеливо смерти.

В<аш> покорный> с<луга>

А. Сумароков.

25 июня 1773, Москва.

99. Екатерине II

25 июня 1773

Всемишлостивейшая государыня.

Не раздражил ли я в. в., что не получил ответа на всенижайшее мое прошение?¹ Я в крайнем отчаянии, терпя недостатки, что мне почти есть нечего. Однако не имея ни полушки в доме моем, моря и себя и людей моих, что всеконечно правда, а еще по написании сего письма сделаю стихи к церемониальным доскам, ибо взавтре г. Баженов отъезжает в П<етер>бург. Начальники его толико мало трудились, колико много он и я. Мы думали о славе для торжествуемого, а Измайлов о своей подмосковне. Si le grand Dieu peut souffrir des pareilles choses, c'est étonnant.* Однако церемония была сходна с честью имени в. в., malgré les obstacles, que mr. Ismaelof² a fait et les fait jusqu'à présent.** Мне до него дела нет; но жалко, что я таких сограждан имею, которые более думают о себе и о своих деревнях, нежели о общенародной славе. Я жду ответа на мои просьбы, готовяся ко смерти посреди моего усердия и посреди моего отчаяния.

В и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

25 июня 1773. Из Москвы.

P. S. Я не имею столько денег, чтобы мне заплатить на почту за письмо. Et je tombe en défaillance, il faut encore que je compose aujourd'hui les vers.***

Перевод:

* Удивительно, как только бог терпит подобные вещи.

** несмотря на препятствия, которые г. Измайлов² чинил и продолжает чинить поныне.

*** Я чувств лишаяюсь, а надобно мне сегодня еще стихи сочинять.

100. С. М. Козьмину

5 августа 1773

Милостивый государь мой, Сергей Матвеевич!

Приложенное при сем письмо всепокорно прошу подать и по всегдашней вашего превосходительства милости выходить ответ, за которую вашу милость я толико много буду благодарен, колико коротко мое письмо и колико велико мое к вам почтение.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

А. Сумароков.

5 авг. 1773, Москва.

Зри: мне ответ весьма потребен, дабы я мог расположиться, как мне отселе <выехать>. А ежели в августе ответа не получу, так уже мне в Петербург не ехать, ибо настанут грязи.

101. Екатерине II

5 августа 1773

Всемиловитейшая государыня!

Имея крайнее желание видеть очи в. и. в. и твердое намерение выехать отселе в Петербург конечно в исходе сего месяца, дерзаю, уповая на всегдашнее себе в. в. покровительство, напомнить о моей препятствующей моему отъезду бедности и всенижайше испрошать из человеколюбия вашего, лишь взаимобразно, хотя некоторую сумму денег ради платы необходимой одного долга Прокофью Демидову, мучащему меня по его сумасбродству, известному всей Москве; с которого озлобления я при сем отваживаюсь яко к матери Отечества и покровительнице — и науке, и моей во все времена. А на проезд бы мне осталось, — то я не на час, но на полгода с моими драмами и с прочими сочинениями приехать мог в Петербург, а особливо в такое время, где и театральные действия новые к украшению двора нужны. Не лишите меня милости!

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

5 августа 1773, Москва.

Такие инструкции в силу законов даваны быть не могут, а так писано это по сумасбродству Демидова и по глупости судей, ибо ни пожитков, ни сочинений, которые мне дороже жизни, запечатывать не можно, и тайностей у меня, как у верноподданного в. в. и верного сына Отечества, таких быть не может, да и за две тысячи в десять раз стоящих домов не грабят и с публичных торгов не продают.

102. В главную полицеймейстерскую канцелярию

24 января 1774

Сего года, генваря 20-го дня взят был безвинно мой слуга, который меня одевает и бреет, под караулом, чего ради должен просидеть был дома тот день и пропустить мои дела, ибо мне во дворец два раза выехать с моими сочинениями было должно. Сама Съезжая признала, что мой слуга невинен, однако господин капитан Баранов присланному моему сказал ругательски по-словенски: «Чадо, что глаголеши, абие аще...» и прочее, что и не в складке приказном. Хотя мой посланный и человек государев, — а хотя бы и мой был, — так капитану Съезжей кощунствовать непристойно. А другой, господин капитан Лукин, прислал ко мне капрала и требовал за привод одного на Съезжую вдвое определенного числа; однако мои люди учинили с присланным договор и будто сторговались и дали капралу присланному тридцать копеек. Зная положенную за привод цену, и я дал капралу полтину в барышах; но он того не требовал, и взятками того почесте нельзя. А за безвинных людей ежели обыватели платить будут, так и слуг держать не можно! Я, ведая любление истины его высокопревосходительства генерал-полицеймейстера¹ и желая, чтобы такой грабеж дошел до слуха его, о сем нижайше доношу.

Генваря 24-го дня 1774 года.

103. Неизвестному

18 апреля 1774

Нужды я больше никогда не имел с вами переговорить, какую имею теперь. Взаотре уже поздно будет. Я несколько недель очень болен и выехать не могу. Покажите мне дружеское усердие и побывайте у меня теперь — я и Ив<ана> Перф<ильевича> Елагина уповаю у себя сегодни после обеда увидеть и чаю, что и он мне поможет и спасет мою честь от кривотолкования судей некоторых московских. 1 000 000 раз прошу вас — приезжайте ко мне.

Вашего высокородия покорнейший слуга

А. С.

18 апреля 1774.

104. Екатерине II

9 мая 1774

Всемиловитейшая государыня!

Я всякий год получаю мое жалованье по отличной в. в. милости от 1 мая на целый год. Всенижайше прошу сию милость и ныне мне повелеть учинить. В. в. много дел и без моих про-

шений; так я не расширяя невместного моего красноречия, о той же милости и ныне прошу.

В. и. в. всеподданнейший и всенижайший раб

Александр Сумароков.

9 дня мая 1774.

105. Екатерине II

4 ноября 1774

Всемилолюбивая государыня!

Я, приехав сюда, множество издал моих сочинений, между которыми трагедия и три комедии представлены.¹ Я здесь прожил совсем и прихожу в отчаяние.² Так я единыя сея милости от в. и. в. прошу. Выдается мне по воле в. в. ежегодно жалование годовое наперед. Полгода уже прошло, и осталось полгода; так я всенижайше прошу, дабы повелением в. в. выдано мне было жалование еще на год; так с выданным уже полуторагодовое получение будет, и немного различествовать будет с прежним получением. Я прихожу, государыня, в отчаяние, что живу здесь понапрасну и выехать отселе не могу. Напомните прежнюю вашу ко мне милость и покровительство.

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

4 ноября 1774, Москва.

106. Г. А. Потемкину

22 ноября 1774

Милостивый государь.

Уже и отъезд е. в. приближается, а я опасаюсь, чтоб мне не ввергаться в отчаяние и в неисходное злополучие от моей бедности. Я, уповая на предстательство *вашего* высокопревосходительства, не писал в Москву; каким же образом мне помощью моего дома отселе вырваться? Помилуйте меня и, доложив, подпишите посланное.¹ Мне и бездельником, живучи всегда честно, жить не хочется; ибо мне, не расплатившись со многими, кои терпеть не могут, отселе и выйти нельзя. Описал бы я вам мою бедность и расстройку, *mais toutes les raisons sont faibles, si v. e. ne veut pas faire ce que je vous demande.** Помилуйте меня.

Покорнейший и ищущий с стенанием вашего вспоможения
слуга А. Сумароков.

1774 г. ноября 22.

23 числа есть день Александра Невского; так утешьте душу мою. Государыня перед днем восшествия² своего вспомнит всегдашнее мое к ее освященной особе усердие. Она изволит ведать то, что она во все времена моя надежда, и вы о моем почтении к себе давно же ведать изволите. Неужели меня кто у вас повредил? Sans votre protection et résolution je passerai mal le jour de mon patron, s.-a.-d. de S-t Alexandre, et sans la protection de mon patron de qui le père a porté le même nom et m'aimait beaucoup.** Сделайте мне милость: я это заслужу.

* Но все резоны слабы, ежели ваше высокопревосходительство не имеет желанья сделать то, о чем я прошу.

** Тяжко будет мне в день моего ангела-хранителя, т. е. св. Александра Невского, без вашего защитения и решения, без покровительства моего заступника, отец которого был мне тезка и сильно меня любил.

107. Г. А. Потемкину

13 декабря 1774

Помилуйте меня, милостивый государь, ради самого бога и ради всего, что вы на свете любите и почитаете. Я не о новости прошу, ибо я жалование каждый год наперед от 1-го дня мая получаю. Я не прошу, чтобы мне было выдано сие жалование теперь; но чтобы только сообщено было, чтобы когда наступит май, выдано мне было жалование по-прежнему наперед. Мне купец с тем и обещает дать до мая деньги, и как скоро подписано и сообщено будет, так скоро я деньги от него и получу. Отъезд е. в. приближается и праздники.¹ Все разъезжаются, а я, не имея здесь никакого дела, проживаюсь, ходя почти по миру и проводя многие дни почти без пищи. Заложил то все, что со мною привезено было. Вообразите мое состояние, ибо мне более ничего не осталось, как себя умертвить; а время к сысканию денег уже пропущено.

Ваше высокопревосходительство, со слезами вас просящий
всепокорный слуга А. Сумароков.

13 декабря 1774 г.

108. Екатерине II

31 декабря 1774

Всемилоостивейшая государыня!

Я, приехав сюда, множество издал моих сочинений, между которыми трагедия и три комедии представлены. Я здесь прожил совсем и прихожу в отчаяние. Так я единыя сея милости от в. и. в. прошу.

Выдается мне по воле в. в. ежегодно жалованье годовое наперед; так бы повелением в. и. в. и ныне в мае мне оное выдано было, как и прежде, но чтобы всевысочайшею в. и. в. милостию было о том ныне объявлено Штатс-конторе. Ибо мне ради моего отъезда дает купец то число денег ныне, а он бы мог по моей ассигнации взять оные деньги тогда, когда срок мой в мае придет. А без того мне он не дает, да и то сделано посредством моих благодетелей. А когда Штатс-контора виду иметь ныне не будет, так я и денег от купца получить не могу. А во время моего отбытия поделано против меня много разорения. Ибо от того, что я в Москве не был, лишаюсь я и деревень, и дома, который уже и в газеты внесен к продаже за 900 руб., хотя он мне в двадцать раз того более стоит, и где я спокойно окончать хотел мою оставшую жизнь, трудясь по Парнасу. Ныне я в такое состояние прихожу, что здесь быть и не могу, а приехать некуда, ибо все к моему спокойствию остановлено. А я дал уже слово Г<ригорию> Александровичу представить многое к удовольствию двора и публики во время высочайшего вашего, государыня, в Москве присутствия и предварительно выговорить дерзая, что в. и. в. всеконечно трудом моим довольны быть изволите. Не лишите меня сей охоты к услужению двора и публики и прикажите означить от мая мое годовое жалованье, как и прежде то было. А дом мой для платы того долга, за который по причине моего отбытия я лишаюсь всего моего имения, и который бы я заложить мог и сам Банковой конторе, ежели бы не было запрещения мне во время здешнего моего пребывания, взять за надлежащие и указные проценты в четырех тысячах рублей. Вашего величества казне ущерба от всей сей моей просьбы быти не может, а мне спасение, которое всеконечно я удовлетворю, как я помянул уже, теми спектакелями, коими в. и. в. конечно довольны быть изволите. Но лишився всего своего спокойства и всего своего имения, я не буду потребен более ни к чему на свете. Прикажите только, государыня, Г<ригорию> Александровичу, так без малейшего вашей всевысочайшей особе утруждения исполнено будет. А он о всем моем сем искании довольно мною утруждаем и совершенно известен. Напомните, всемилостивейшая государыня, всегдашнюю мою на в. и. в. надежду и ваше еще до восшествия вашего на престол высочайшее свое мне покровительство и не дайте мне от отчаяния умереть!

В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб

Александр Сумароков.

Дек. 31, 1774, Пб.

109. Г. А. Потемкину

8 июня 1775

Милостивый государь!

Я утруждал ваше высокопревосходительство о исходатайствовании повеления для получения годового мне жалованья, которое я получаю от 1-го мая ежегодно уже лет шесть.¹ Мне оно ныне нужнее всех лет; ибо я, печатав мои сочинения в Пскетер-бурге, приехав на короткое время туда, совсем прожился, а дом мой без меня совсем разорился, а в деревне все погорело; а особливо конский мой завод и хлеб без остатка погорели: а я по снисхождению графов Разумовских имел самых лучших лошадей.² Ныне не только оставшим лошадям в Москве, но ни людям моим, ни мне самому почти ни ясть, ни пить нечего. Такое состояние злая смерти, а сверх того долги грозят мне и последнего пропитания меня лишить. И ежели мне не поможет человеколюбие и милосердие монаршее, так я должен погибнуть. О жалованьи я прошу, а прочее теперь оставляю, до того времени, когда у меня отнимать будут мой дом и лишать меня жизни, о которой я мало бы уже и думал, ежели бы не утрапался бедности оставших моих детей. Всему сему главная причина любление мое ко стиховорству; ибо я, на него полагаясь и на словесные науки, не столько о чинах и об имени рачил, как о своей музе. Книг осталось у меня мало, да и те я ныне продать намерен с чтыреста волумин и с полтораста участных сочинений, наприм«ер»: опер, комедий, трагедий и прочего тому по малости подобных. Желал бы я, чтобы сии книги, питавшие так долго мою музу, достались в хорошие руки. Я их за восемьсот рублей продаю на сей неделе; не угодно ли вашему превосходительству приказать их осмотреть, и не будут ли они достойны вашей библиотеки? Покорнейше прошу меня уведомить. Да есть у меня миниатурный портрет, подаренный мне И. И. Шуваловым при его отъезде, который у него над его буреаи стоял как достойный зрения лет пять. Не изволите ли его приказать посмотреть? Также оригинальный и весьма сходный государыни императрицы Елисаветы Петровны портрет, с которого в России, я думаю, несколько тысяч копий, или, лучше сказать, все почти копии с него. Жду ответа, а о жалованьи при прошении моем всепокорно напоминаю. А сам я с три месяца болен разными болезнями, а еще больше терзаем бедностью и злыми обстоятельствами.

Вашего высокопревосходительства всепокорный слуга

А. Сумароков.

Июня 8, 1775 года.

110. Г. А. Потемкину

10 июля 1775

Завтре отъезд двора.¹ А у меня завтре дом отъемлется,² не знаю по какому праву, ибо дом мне в нынешний год по пристройке более уже тысячи рублей стал; а оценен он в 900 р., хотя и стал мне, кроме мебели, в шестнадцать слишком тысяч. Демидову я должен только 2000 р., а он, рассердясь на меня за плута своего поверенного, которого он и сам со двора сбил, требует ныне и процентов и рекамбий, хотя и обещался мне о том и не помышлять. Я нижайше прошу вашего сиятельства, почитающего человеколюбие, послать к г. Демидову, дабы он, помня человеколюбие, не требовал с меня кроме данной мне суммы и чтоб сия сумма была вычтена из моего жалованья, кое я получаю ежегодно в начале мая. У меня один только на сей земле дом; так мне приютиться будет некуда, и должен я буду на старости таскаться по миру. Я внес вещей в уплату в Магистрат более нежели на три тысячи; а что они дешево оценены, да и не покупаются будто, это не моя вина. Я вместо процентов и рекамбий воздам вашему сиятельству сочинением новой трагедии без рифм, как вы мне приказывать изволили.³ Я жду в решении вашем или спасения моего, или отчаяния. А к решению сему времени уже мало осталось. Вообразите себе мое состояние!

Вашего сиятельства нижайший слуга А. Сумароков.

10 июля 1775 г.

Сделайте милость и пришлите, милостивый государь, мне отраду, письмо ваше открытое или припишите хотя к г. Демидову на сей бумаге, что вашему сиятельству по снисхождению ко мне угодно будет.

111. Г. А. Потемкину

28 сентября 1775

Сиятельнейший граф! Милостивый государь!

Я сообщаю при сем контракт о «трагедии Димитрия», а другой, о всех моих драмах, давно уже учинен, который послан был для всенижайшего объявления ко всевысочайшей особе и оттоле возвращен. Российские театры все заведены мною; привилегии также. Да и сия привилегия, дабы не было беспорядка, выхожена мною ж. И печатные, и рукописные книги, как вашему сиятельству самим известно, равной важности. Во время Гомера и Вергилия не было и печатания, а Софокловых и Еврипидовых трагедий не только без их воли, но во время их жизни нигде и без присутствия их не играли. Да и здесь, кроме моих драм, ничьих

без договоров с авторами не играют. Чем я прогневал Москву, что я один оглушен от прав театра, хотя и напечатано в парижском журнале, а перевод на русском языке в академическом журнале, что мне Россия за мои трагедии должна благодарить? ¹ Бельмонт-ий давал мне тысячу шестьсот рублей за «трагедию Димитрия», уповая собрати много казны. О сей трагедии, что я ее, дошед до пятого акта, не окончаю и кроме придворного театра ни по чьему требованию на театры не отдам, о чем я дерзнул писать и к е. и. в., сверх того и во предисловии сей трагедий о принужденном моих драм представлении довольно изъяснено. До сего дня в этом я спокоен был. А в сей день моя трагедия «Димитрий Самозванец» при всенародном восклицании, к моей похвале, к моему озлоблению и к умерщвлению меня представлена будет. Так сие восклицание мне злые, нежели бы я лишен был ордена, чинов и дворянства. Князь Урусов вместо должности московского прокурора не ту исправляет. А прокурорская должность, как вашему сиятельству известно, и без клопсов и театра разума и просвещения требует; и должно бы ему клопсы отставить, хотя бы он не свой разум, но ваш или мой имел. Мне ж на его театре и ложи нет. ² Он выдрав занавески и прочее из ложи моей, данной мне от Бельмонтия, отнял ее себе. Обещал мне дать один билет, не взирая на то, что я имею жену и детей. ³ Итак, он соберет за мою трагедию деньги, а я за представление моей трагедии должен заплатить шесть рублей, хотя я в доме и копейки не имею. Печати и все учреждения, данные их театру, стоили мне более трехсот рублей. Пробы и к тому принадлежащее стоили мне много ж. Первую здешнюю актрису довел я до такового состояния, что она непостыдно пред очами монархини себя представить может. ⁴ Ежели бы мои болезни и многие в моем отчаянии злые обстоятельства допустили меня под вашим покровительством пасти ко стопам е. и. в., я бы то всеконечно сделал. Трагедии мои могут представляемы быти на партикулярных театрах, а не на публичных. Они сочинены для двора, для славы моей, а не для князя Урусова и бесславия моего. Я не заслужил того, чтобы я в сей день за труды моей драмы умерщвлен был. Да с похвалою и с восклицанием людей и не умерщвляют. Представьте сие мое письмо государыне. И отвратите сие мое нещастие. А вместо опубликованной сегодни трагедии могут они представить хотя мою ж трагедию из представленных прежде. Мне ж и то горестно, что я по совету и приказу вашего сиятельства планировал уже трагедию без рифмы, а при такой участи я должен буду ради приключенного мне зла ее оставить — и ни воли вашей, ни моего желания.

Вашего сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший и вернейший слуга

А. Сумароков.

28 сентября 1775.

112. Г. А. Потемкину

6 октября 1775

Сие письмо послано к вашему сиятельству поутру в день представления моей трагедии, но посланному не удалось оного подать. А я наглостию князя У<русова> столько тронут был, огорчаясь, что по сие время, умножив мою гипохондрию, мучуся; ибо сверх того, что У<русов>, купив выхоженную мною привилегию, отнял у меня ложу и мне приказал объявить три раза то, что он меня безденежно и в партер пускать не будет, хотя не только авторы и основатели театров, но и актеры вход и в чужих государствах безденежный имеют.

Обороните меня от князя У<русова>. Ежели же должно подати мне формально челобитную, так я, под покровительством вашего сиятельства ища правосудия и рассмотрения, учинити готов и то.
6 октября 1775.

113. Г. А. Потемкину

11 ноября 1775

1. Должен я Прокофью Демидову две тысячи рублей. Заплатил бы я ему оные давно; но он был в Голландии более года, потом был в Москве мор более же года, потом был я отчаянно болен полгода, потом, приехав ради нужд моих в Петербург и для напечатания новых моих сочинений, был я тамо, проживаясь, полтора года.

2. Я имею свидетельство, что Демидов с меня процентов и рекамбий братъ не хотел, да и деньги дал мне в заем без процентов.

3. Работал я довольно, помоществуя г. Баженову при учреждении и церемонии Кремлевского дворца. А потому что в самый тот день было освящение оных закладки, в который срок вышел отсрочки моего векселя, г. Баженов, приятель Демидову, обнадежил меня, что он, г. Демидов, меня для того общенародного дела к заплате понуждать не будет, а о процентах и рекамбии он и не помышляет;¹ и для того г. Демидов, уверив меня сам, и векселя не переписал.

4. Смutil его со мною его поверенный, которого за его непорядки он, г. Демидов, и сам сбил.

5. От Магистрата описывали мои деревни и дом во двух тысячах. Наконец жребий пал на мой дом, который в Магистрате оценили в девятьсот рублей в сорок одну копейку с полушкою.² А я уже по оценке положил на мой дом более тысячи рублей!

6. Книги мои и рукописи приказано было подканцеляристу магистратскому осмотреть и поставить при них караул, хотя ни

Магистрат, ни подканцелярист не знают различия между оды, эклоги и элегии.

7. Я вместо дома моего внес в Магистрат табакерку, пожалованную мне от его императорского высочества в знак отличной его ко мне милости. Она из лучшего лапис-лазули, из лучшей золотой работы с несколькими бриллиантами, из которых один красный;³ табакерка сия не была ношена никогда. Она стоит двух тысяч рублей по малой мере, и следовательно, всего моего Демидову долга. Другая табакерка, подаренная мне от графа Алексея Григорьевича Разумовского, пожалованная ему блаженной памяти государынею и подаренная мне для вечного о нем воспоминания, стоит по малой мере семьсот рублей.⁴ Часы Элиотовы серебряные, которых по апробации Петербургской часовой фабрики лучше не бывало в рассуждении машины их. А дом мой стал мне, кроме мебели, в шестнадцать тысяч!

8. Все мое внесенное в Магистрат, и книги мои, и эстампы, оценили они в Магистрате самую малую цену.

9. Ныне назначили в Магистрате сии мои вещи возвратить, а вместо того продать мой дом, который мне уже после их оценки стал еще в тысячу рублей.

10. Магистрат должен продавать то, что я ему назначу, а не то, что он хочет.

11. Что вещей моих не покупают, в этом моей вины нет.

12. Выбить человека из дому, хотя бы он и ни малейшая не сделал отечеству услуги, со всею фамилиею, с малолетними детьми и со всеми слугами посреди северной зимы не позволяется.

13. Происшедшему от знатных предков и имущему чин и орден, и прославившемуся к чести своего Отечества во всей Европе таскаться по миру и замерзнуть на улице не позволяется, ибо в православном государстве о православии и любви ближнего забывать Магистрату не должно.

14. И разбойники людей грабят, но не всегда умерщвляют, а Магистрат должен о человеколюбии больше стараться, нежели разбойники.

15. Сии судьи, которые меня разорить хотят, суть рабы Отечества, а я сын Отечества, и потому, что я дворянин, и потому, что я уже отличный чин и орден имею, и потому, что я трудился довольно в красноречии российского языка.

16. Драмы мои играют содержатели, продавая и покупая выхоженную мною привилегию и не только отняв у меня ложу, но и отказав мне дать билеты, нарушая сочиненные со мною прежними содержателями контракты; и довольствуются доходом моих трудов они, а не я.

17. Я несумненно уповаю, что ежели сия моя записка предстательством вашего сиятельства дойдет до слуха самодержицы, так я с моею фамилиею на улице не замерзну.

Примечание. Я нижайше прошу о том, чтобы к Демидову послать, чтобы он со мною поступил по законам честности и взял бы с меня только надлежащие деньги, а в Магистрат — дабы меня из дома не выгонять, ибо они с меня и рубашку снять могут. А по театру рассмотреть бы мое с Урусовым дело полиции справедливо. Драмы напечатаны; но они напечатаны ради чтения, а не для публичного представления, чего нигде и никогда не делалось, где театральных стихотворцев и много. Да и здесь, исключая меня, ни с кем того, — где и контрактов не было, — не делалось. А я театры основал не ради огорчения себе, но ради прославления моего времени и моего имени.

А. Сумароков.

11 ноября 1775.

114. С. Г. Домашневу

7 ноября 1776

Милостивый государь мой Сергей Герасимович!

За скорым из Петербурга моим отъездом оставил я сочинения моего книги у лекаря Николая Торсена, живущего на Литейной улице близ немецкой кирки, которые вашего высококородия прошу от него приказать принять комиссару в книжную академическую лавку, а сколько оных числом принять, по какой цене во оной лавке продавать и ко продаже не употреблять, при сем прилагаю реестры. Ко продаже неупотребляемое число при наступлении зимнего пути прикажу перевезти сюда. Назначенные в продажу пьесы прошу приказать внести в каталог с прочими продающимися во оной книжной лавке книгами. В прочем с истинным моим почтением пребуду милостивого государя моего покорнейшим слугою

Александр Сумароков.

Ноября 7 дня 1776 года, Москва.

P. S. За труды продавцам я служить могу. Der Herr Thorson beliebe die Bücher abzuliefern.*

Перевод:

* Господин Торсон, соблагovolите книги выдать (нем.).

115. С. Г. Домашневу

1 мая 1777

Милостивый государь мой Сергей Герасимович!

При отъезде моем из Петербурга сюда книги мои оставил я под сохранение лекаря Торсона, а ныне жизнь одного пресеклась. Почему вашего высококородия сим покорнейше прошу оные мои

книги для сохранения приказать принять в академическую книжную лавку от сына его, бомбардирского полку сержанта Торсона, а сколько оных будет принято, прошу приказать ко мне прислать комиссару оной лавки с реестра копию. Что с оными моими книгами делать, я к вашему высокородию писать буду в других письмах. За сие вашего высокородия ко мне одолжение я во всю мою жизнь не премину быть, милостивый государь мой! вашего высокородия покорнейшим слугою

А. Сумароков.

Мая 1 дня 1777 года, Москва.

116. С. Г. Домашневу

31 июля 1777

Милостивый государь мой Сергей Герасимович!

От сержанта Торсона о принятии моих книг послал я подателя сего, здешних Сената департаментов копииста Николая Козмина, а от него вашего высокородия покорнейше прошу приказать мои книги в академическую книжную лавку для продажи и сохранения, а деньги за продаваемые книги прошу приказать отдавать сему копиисту с распискою.

Милостивый государь мой, вашего высокородия покорнейший слуга

Александр Сумароков.

Июля 31 дня 1777, Москва.

117. С. Г. Домашневу

28 августа 1777

Милостивый государь мой Сергей Герасимович!

Покорно прошу приказать за проданные мои книги комиссару Зборомирскому деньги отдать посланному отселе сенатскому копиисту Козмину и слуге моему Ивану Шемякину. А сверх того на двести рублей моих книг взять в казенную продажу и двести рублей отдать им же, дабы они могли то искупить, что им приказано, а о прочем я буду впредь писать. Я на ваше ко мне усердие надеюсь, что вы мне поверите, сколько я вас почитаю и что я достоин назваться, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

А. Сумароков.

Р. S. По взятии моих книг в казенную продажу можно мою собственную продажу остановить, дабы казенные деньги прежде выбраны были. А сам я не только не могу писать, но ниже в очках читать.

Августа 28 дня 1777 года, Москва.

118. Г. А. Потемкину

28 августа 1777

Светлейший князь! Милостивый государь!

Я посылаю к вашей светлости копию с посланного к е. и. в. формального письма, прося вашей светлости вспоможения. И дабы для лучшего уверения было известно и о дерзости непопулярной моей дочери, и о моей невинности.

Светлейший князь, милостивый государь. Вашей светлости всепокорнейший слуга

А. Сумароков.

Августа 28 дня 1777 года, Москва.

119. С. Г. Домашневу

11 сентября 1777

Милостивый государь мой Сергей Герасимович!

К вашему высокородию писал я чрез немецкую почту прошедшего августа 28 дня письмо, а оно, конечно, до вас не дошло. Покорно прошу вашего высокородия приказать за проданные мои книги комиссару Зборомирскому посланному отселе слуге моему Ивану Ефремову деньги отдать, а сверх того на двести рублей моих книг взять в казенную продажу и сии двести рублей отдать сему же слуге, дабы он мог то искупить, что ему приказано. Да прикажите комиссару Зборомирскому, чтоб он требовал от слуги моего записки, на сколько чего им куплено будет, и меня бы Зборомирский уведомил. А сенатскому копиисту Николаю Козмину денег давать не велите, ибо он поделал против меня бездельствы. Ежели очень малая продажа книгам моим будет, так я, напечатая новые мои две книги притчей, деньги Академии возвращу. Я на ваше ко мне усердие надеюсь, что вы мне поверите, сколько я вас почитаю и что я достоин назваться, милостивый государь мой, вашего высокородия покорнейшим слугою

А. Сумароков.

Р. S. Я к вашему высокородию пишу для того связно, что я очень болен и сам ни читать, ни писать не могу; а особливо как умерла моя жена, так я плакал непрестанно двенадцать недель. Пожалуйте, не позабудьте моего прошения.

Сентября 11 дня 1777 года, Москва.

Из крупных писателей творчество Сумарокова является самым «забытым». Это же касается и его эпистолярного наследства, которое на протяжении всего XIX столетия оставалось представленным случайными, как правило некомментированными, публикациями. Излагать историю постепенного издания переписки Сумарокова здесь нет необходимости: достаточно ясное представление о ней дает текстологический комментарий. Особого упоминания заслуживают лишь несколько фактов.

Первый практический шаг по изданию писем Сумарокова был сделан литераторами пушкинского круга. П. А. Вяземский напечатал в 1818 г. письмо Екатерины II к Сумарокову; затем два письма Сумарокова появились в «Литературной газете» за 1830 г.; одно из них Вяземский получил от Пушкина. Пушкин, относившийся к Сумарокову-поэту скорее равнодушно и насмешливо, чем враждебно, был явно заинтересован документами, живо освещавшими личность писателя, и отметил важную черту этих материалов, до сих пор в значительной степени определяющую наш интерес к Сумарокову: «Сумароков требовал уважения к стихотворству».¹

Основная часть писем Сумарокова увидела свет в 1850—1860 гг., в период активной деятельности «библиографической школы»; кроме того, после 1856 г. у исследователей впервые появилась возможность обращаться к бумагам Государственного и Академического архивов. Эти источники были, однако, быстро исчерпаны, и вплоть до работ В. П. Семенникова в 1910-е гг., основанных на сквозном просмотре дел Канцелярии Академии наук, не появилось сколько-нибудь значительных публикаций новых писем Сумарокова. Академические документы, ускользнувшие от внимания Семенникова, отчасти вводились в оборот уже в советское время.

Однако, даже будучи напечатан, эпистолярный Сумарокова оставался малодоступным для исследователей. Если не считать подстрочных примечаний к заметке Л. Н. Майкова «Два доношения Сумарокова» (1869) и к статье Д. Д. Языкова «Новые материалы для биографии Сумарокова» (1885), не существовало ни указателя адресатов, ни указателя писем Сумарокова. Составление библиографии такого рода (письма Сумарокова, письма к нему, деловые документы) предпринял, ориентируясь в основном на картотеку Б. Л. Модзалевского, Л. Б. Модзалевский для готовившегося в 1948 г. очередного сборника «XVIII век». Хотя сборник в свет не вышел, материалы Л. Б. Модзалевского послужили в свое время основой для составления библиографии писем Сумарокова в справочнике «Русская литература XVIII века. Библиографический указатель. Под ред. П. Н. Беркова» (Л., 1967).

Главная задача настоящей публикации — собрать воедино и дать по возможности проверенные по рукописям тексты писем Сумарокова, как ранее опубликованных, так и вновь обнаруженных, и снабдить их реальным комментарием. Эта работа представляла известные трудности. Старые публикаторы, как правило, глухо и в самой общей форме характеризовали свои источники. Современное местонахождение рукописей Сумарокова,

¹ Пушкин, т. 11, с. 59.

никогда не описывавшихся систематически, также оставалось неизвестным. Для выявления их были просмотрены путеводители и справочные карты рукописных отделов ИРЛИ, ГПБ, ГБЛ, ЦГАЛИ, ЦГАДА, ААН; выборочно были проверены описи отдельных фондов в указанных хранилищах, особенно бумаги статс-секретарей в ЦГАДА. Тем не менее в связи с перемещением материалов, изменением системы их хранения и описания так и не удалось обнаружить автографы некоторого количества писем, заведомо сохранившихся до настоящего времени, например из числа находившихся ранее в ААН. Предпринятые разыскания, ограниченные годовым сроком, естественно, не могут считаться полностью законченными. По мере возможности они будут продолжены по материалам доступных рукописных собраний, и составитель заранее выражает благодарность всем, кто сообщит о местонахождении автографов, подлинников и списков с писем Сумарокова, а также лобой адресованной ему корреспонденции.

Публикация включает не все из того, что было написано Сумароковым для передачи соответствующим адресатам и что формально может считаться письмом; в то же время здесь помещены тексты, имеющие форму делового документа, — просьбы или жалобы. Причина такого смещения жанров заключается прежде всего в том, что у Сумарокова грань между собственно письмом (особенно официальным) и документом оказывается зыбкой. Исключив его развернутые прошения в Академическую канцелярию и другие учреждения, мы обеднили бы и круг его корреспондентов, и представление о его сугубо деловой корреспонденции. С другой стороны, мы не хотели засорять эпистолярный писателя многочисленными чисто формальными заявлениями о печатании книг, расписками в получении тиража и т. п. Поэтому из писем в Академию наук мы ввели в сборник лишь те, которые адресованы конкретным лицам или подробно излагают обстоятельства дела. Кроме этих мелких текстов, известных по публикации В. П. Семенникова, остальные прошения Сумарокова учтены полностью.

Письма Сумарокова являются первым обширным эпистолярным комплексом XVIII в., принадлежащим перу писателя и посвященным литературным вопросам. По крайней мере такое заключение можно сделать на основании известных печатных и рукописных материалов. Письма Ломоносова, ученого и организатора научных исследований, лишь в незначительной части посвящены литературе; обширное собрание депеш Кантемира интересно главным образом для оценки его дипломатической деятельности и внешней политики России. Эпистолярный Феофана Прокоповича — богословского и делового свойства. Как ни странно, но тем не менее при обращении к истории «литературного» письма в России письма Сумарокова никогда не учитывались. Истоки такого письма, как правило, возводятся к литературе и литературному быту начала XIX в.

Говорить о письме как о литературном жанре можно, лишь имея в виду прозаическое «послание» или стихотворную «эпистолу». Как справедливо отмечал Н. Л. Степанов, пытавшийся ввести типологические характеристики письма, письмо в широком смысле слова не имеет специ-

фических жанровых характеристик: «есть различные группы писем, которые должны быть рассмотрены отдельно».² Указывая, что «письмо» как форма в принципе может ориентироваться на любой жанр, он был вынужден обратиться к некоторым дополнительным признакам (тематика, смешение стихов и прозы, элементы литературной критики и т. п.), которые и позволили ему рассмотреть «дружеское» письмо начала XIX в. как цельное, хотя и «неканонизированное» явление, «временный жанр». Правда, в новейшей работе о генезисе «дружеского» письма сквозит явная тенденция рассматривать «письмо» — элемент эпистолярного романа (Ф. А. Эмин), элемент путевых записок (Д. И. Фонвизин и Н. М. Карамзин) и частное письмо как равнозначимые и преемственные по отношению друг к другу явления.³ Собственно, такая постановка вопроса представляет отход от тыняновской трактовки «литературного факта», явления, стоящего на грани литературы и быта и в процессе литературной эволюции то приобретающего, то теряющего литературный смысл.⁴ Подход Тынянова, как нам представляется, вовсе не сводит проблему «литературности» письма, документа в своей основе, к вопросу о характере «дружеского» письма начала XIX в. По-видимому, взаимоотношение эпистолярия и традиционных литературных жанров не прерывается никогда и заслуживает исследования применительно к любой эпохе. В этом смысле переписка Сумарокова, органически связанная с литературным стилем своего времени, с формами и жанрами, культивировавшимися в середине XVIII в., позволяет поставить вопрос об иных разновидностях и иной хронологии литературного письма в России.

Сразу оговоримся, что оставляем в стороне вопрос о генезисе стандартизированных типов письма, рекомендуемых «письмовниками» и традицией. Такой стандарт более или менее постояен для каждой эпохи; сознательное разрушение канона или отклонение от него, по-видимому, и будут представлять те черты письма, которые являются признаками индивидуальной литературной манеры.

В корреспонденции Сумарокова можно отметить несколько черт, которые в определенных случаях выводят ее за рамки частного письма и официального документа.

В отличие от эпистолярия более позднего времени известные нам письма Сумарокова вовсе не являются «дружескими». Основная и самая важная по содержанию часть корреспонденции представляет собой послания к императрице или крупным вельможам. В XVIII в. эта область официальной корреспонденции была подчинена жесткому этикету (вспомним державинское «В строке ошибку подскоблить»), который, например, обязывал Сумарокова подписывать каждое письмо «всенижайший и всеподданнейший раб». Именно поэтому в письмах такого рода наиболее отчетливо прослеживается разрушение шаблонных форм письма. В ка-

² Степанов Н. Л. Дружеское письмо начала XIX века. — В кн.: Русская проза. Л., 1926, с. 77

³ Лазарчук Р. М. Дружеское письмо второй половины XVIII века как явление литературы. Л., 1972.

⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История. Литература. Кнго. М., 1977, с. 265—266.

честве примера можно остановиться на письме от 28 января 1770 г. (№ 61), которое представляет жалобу, что в Москве пьесы Сумарокова играют, не считаясь с волей их автора. Оно отправлено за сутки до злополучного представления «Синава» и, как уверяет Сумароков, писалось в полном смятении чувств и мыслей. Так, несомненно, и было, но, несмотря на это обстоятельство, композиция и строй письма вовсе не исчерпываются этим беспорядком чувств. Сумароков знал и «как зачать, и что писать». Вместо того чтобы, как было бы естественно, развить мысль о нарушении авторской воли, контракта, заключенного с Бельмонти, он развертывает перед Екатериной II (читателем) несколько диалогизированных сцен, изображающих его взаимоотношения с П. С. Салтыковым. Сумароков опирается не столько на логические аргументы, сколько на эмоциональные характеристики своих гонителей и противников. Чтобы поярче оттенить их низменные побуждения, он развивает две противостоящие темы: с одной стороны — занятая государственными делами монархиня и поэт, думающий лишь о славе своего народа, с другой — низкий быт провинциальной столицы, нарисованный самыми грубыми красками. Прием столкновения высокого и низкого — а Сумароков в данном случае нисходит до описания пьянства московских актрис, — его эмоциональный эффект были хорошо известны литературе XVIII в. Он применялся в прозаическом и поэтическом бурлеске в пародийных и сатирических целях. В письме, адресованном «высочайшей особе», грубая лексика еще более усиливала общий сатирический тон.

Другим важным признаком превращения письма в литературное произведение представляется ориентация его автора на более широкий круг читателей, нежели непосредственный адресат. Здесь вновь нужно оговорить естественные ограничения, которые обусловлены спецификой материала. Разумеется, конфиденциальная переписка с императрицей не могла стать предметом гласности; это, в частности, подтверждается тем, что в рукописных сборниках мы не находим копий с этих сумароковских писем. Зато наличие в рукописных копиях его обращений в различные официальные инстанции наводит на мысль, что он предвидел такой путь их распространения и даже более, — рассчитывал на него.

Типичным примером в этом отношении может служить «доношение» Сумарокова в Каширскую канцелярию от августа 1772 г. (№ 78). Составленное по всем правилам челобитной письмо в Воеводскую канцелярию Каширы формально касается прежде всего поземельных споров между соседями-помещиками. Однако, делая экскурс в прошлое (он только что напечатал историю стрелецкого бунта), Сумароков создает памфлет на весь род Соковнинных, в его изображении — изменников и смутьянов, от злоумышленников которых защищали государство еще предки писателя.

Обращает внимание, что приведенная в этом доношении Сумарокова аргументация не является юридической по своему характеру, как следовало бы ожидать. Подавая прошение в Каширскую канцелярию, Сумароков не преследовал точной и конкретной цели. Он ни начинал тяжбу, ни приносил официальную жалобу. Бумага подавалась формально «ради предуведомления». Истинной же целью было сведение счетов с Аркадием Бутурлиным, который сыграл такую неприглядную роль при разделе на-

следства в 1767 г. и не переставал ссорить Сумарокова с его старой матерью и дальними родственниками.

В связи с этим письмом встает третий вопрос — существенный в определении степени литературности переписки Сумарокова — о связи писем с процессом литературного творчества, с собственно литературными произведениями Сумарокова. Такие совпадения некоторых образов в печатных произведениях и в письмах встречаются довольно часто. Некоторые из них позднее были разработаны Сумароковым в притчах; с другой стороны, в письмах есть цитации собственных притчей, трагедий, посланий. Совершенно отчетливо эта переключка прослеживается по письму к Екатерине II от октября 1767 г. (№ 39), непосредственно связанному с ранее поданной «на высочайшее имя» жалобой матери Сумарокова по поводу дурного поведения непослушного своего сына. Истоки этой скандальной истории восходят к весне 1767 г., когда после смерти отца поэта семья начала дележ наследства. Дело в том, что здесь в описании А. И. Бутурлина разбросаны черты, из которых составилась образ Кащея в комедии «Лихоимец», тогда еще даже не начатой: она была написана в 1768 г.

Единственный в своем роде случай с образом Кащея не дает еще оснований заключить, что письма были для Сумарокова как бы «творческой лабораторией» драматурга. Вместе с тем вся совокупность литературных реминисценций убеждает, что Сумароков принадлежал к типу писателя, творческая работа которого не прекращается никогда, и что он постоянно жил в мире идей и образов собственного творчества.

Наиболее поражающей при чтении особенностью писем Сумарокова является резкость сатирического тона. Что же представляет этот постоянно встречающийся в письмах Сумарокова памфлет, откровенные, сопровождаемые предположениями и сплетнями жалобы на своих врагов и т. п.? Сумароков сам довольно точно определил эту особенность своих писем, назвав одно из них «сатирическая статья» (см. № 94, с. 165). Обращаясь непосредственно к императрице, он руководствовался теми же приемами, которые он применял во время издания «Трудолюбивой пчелы», первого русского сатирического журнала. В принципе его нападки на Бутурлина, Жеребцова и других лиц мало чем отличаются от нападков на Сиверса и на подъячих в его журнальных статьях. Как и в журнале, Сумароков аргументирует в письме свое обращение к сатире пользой общества, государства, литературы, театра — народной и национальной пользой. В этом смысле его письма также близки рукописным сатирам, распространенным в 1760-е гг. Видимо, о такого рода сочинениях говорил Н. И. Новиков, отмечая в своем «Опыте словаря...», что те или иные авторы сочинили ряд «сатирических писем», оставшихся в рукописи. Литература подобного рода готовила сатирическую журналистику 1769 г.

Письма Сумарокова, таким образом, должны заставить нас пересмотреть саму постановку вопроса об истории письма как литературного явления, обратив внимание на разный характер этой литературности и на разные функции, которые письмо выполняло на протяжении XVIII в. В частности, они позволяют проследить влияние бытового письма на формирование журнальных жанров и на стилистику повествовательной прозы XVIII в. в целом.

1. Оригинал — ААН, ф. 3, оп. 1, № 110, л. 493—493 об.; текст рукой писца, подпись — автограф. Впервые: Материалы, т. 8, с. 581.

¹ О К. Г. Разумовском см. комментарий к письму 7 В. К. Тредиаковского на с. 64. В 1746—1765 гг. — президент Академии наук.

2. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 122, л. 81. Впервые: Материалы, т. 8, с. 598.

¹ И. П. Елагин в 1748 г. из прапорщиков Невского полка был назначен писарем в Канцелярию Лейб-компании, делами которой практически заведовал Сумароков; пробыл в этой должности до 1751 г. (*Панчупидзев С.* История кавалергардов, т. 1. СПб., 1899, с. 260, 391).

² Речь идет об издании трагедий «Хорев» (1747; видимо, остатки тиража или его допечатка), «Гамлет» (1748) и брошюры «Две эпистолы Александра Сумарокова. В первой предлагается о русском языке, а во второй — о стихотворстве» (1748). Отзыв В. К. Тредиаковского о «Гамлете» был дан 10 октября, М. В. Ломоносова — 11 октября 1748 г.; отзывы Тредиаковского о «Двух эпистолах» датированы 12 октября и 10 ноября; М. В. Ломоносова — 12 октября и 17 ноября 1748 г. Официальное дознание Сумарокова о печатании «Гамлета» датировано 14 октября, «Двух эпистол» — 9 ноября 1748 г. (Материалы, т. 9, с. 460—461, 473—474, 533—535, 554—555; ПСС, т. 10, с. 460—461).

3. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, л. 80. Речь идет о печатании оперы «Цефал и Прокрис» (1755) на музыку Фр. Арайя. Распоряжение Канцелярии Академии наук о печатании оперы датировано 6 февраля; 13 февраля Сумароков особо просил, кроме 200 экземпляров на русском и 200 на французском языках, предназначенных для двора, отпечатать с того же набора соответственно 300 и 150 экземпляров на счет автора для продажи широкой публике. Распоряжение об этом последовало 16 февраля (ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, л. 79, 81; № 524, л. 89). Представление оперы состоялось 2 мая 1755 г. на театре Зимнего дворца силами придворных певчих.

¹ О И. Д. Шумахере см. примеч. 1 к письму 1 В. К. Тредиаковского на с. 63.

² С. К. Нарышкин (1710—1775) — театрал и меломан, пропагандист «роговой музыки»; с 1744 по 1757 г. был гофмаршалом при дворе вел. кн. Петра Федоровича, затем обер-гофмаршалом, присутствующим в Придворной конторе. Среди документов Архива дирекции имп. театров имеются документы за его подписью, связанные с оперными спектаклями.

4. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 24; копия — ИРЛИ, фонд Я. К. Грота, 167345/С. II. б. 13. Впервые: Записки АН, с. 29.

¹ Шувалов Иван Иванович (1727—1797), фаворит Елизаветы Петровны, почетный член Академии наук и покровитель М. В. Ломоносова: в сфере его внимания находились основные культурно-просветительные учреждения (Московский университет, Академия художеств), в том числе и Российский театр, официально учрежденный 30 сентября 1756 г. во главе с Сумароковым в качестве директора.

² Под «обещанной комедией», вероятно, нужно подразумевать «Приданое обманом». П. Н. Берков датировал ее 1756 г. на основании указания «представлена в первый раз на императорском театре в Санкт-Петербурге в 1756 году» (История русской комедии XVIII в. Л., 1977, с. 31, 51). Следует, однако, учитывать, что эта помета сделана на титульном листе издания 1769 г., т. е. осуществленном значительно позднее написания комедии.

³ Скорее всего речь идет о разрешении русской группе давать спектакли на Адмиралтейской стороне (см. № 5).

5. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, д. 226, л. 26—27; копия — ИРЛИ, фонд Я. К. Грота, 16.345/С. II. б. 13. Впервые: Записки АН, с. 29—30.

¹ В 1757 г. французская труппа Шарля Сериньи, подвизавшаяся в России с 1742 г., давала спектакли в деревянном театральном здании

на Царицыном лугу, на углу набережной Невы и Летнего канала, и в каменном оперном доме на берегу Екатерининского канала, около Конюшенной площади, построенных в 1750—1751 гг. (*Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Театральные здания в Санкт-Петербурге в XVIII столетии. — Ежегодник имп. театров, 1910, № 2, с. 14—17, 20). 30 апреля 1757 г. в ответ на просьбу Сумарокова последовал указ о разрешении русской труппе играть спектакли в оперном доме в те дни, «когда опер, французских комедий и интермедий представлено не будет». Сумарокову было предложено регулярно осведомляться, «когда паче чаяния не будет ли повеления представить италиянские и французские театральные действия, кроме обыкновенных дней, т. е. вторников и пятниц». Осенью 1757 г. появилось также объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» о русских спектаклях «на большом театре, что у летнего дому» по четвергам в 6 часов пополудни; известно также о спектакле 27 декабря 1757 г. на малой переносной сцене в деревянном Зимнем дворце близ Полицейского моста. Судя по репертуару «Российского театра», составленному В. Н. Всеволодским-Гернгроссом на основании Камер-фурьерских журналов и других источников, в течение 1757—1761 гг. труппа играла в Оперном доме, «на российском театре» (т. е. в Головкинском доме), в новом театре в Зимнем деревянном дворце, «на придворном театре за деньги», на малом театре у Зимнего деревянного дворца, в Оперном доме подле Зимнего деревянного дворца, в Малом оперном доме, «на императорском театре», в Большом оперном доме, в Оперном доме, что в верхнем саду, при Дворе в комнатном театре, в Оперном театре (Волков, с. 127—128, с. 214—217).

² Начало великого поста в 1757 г. приходилось на 10 февраля.

6. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 28—28 об.; копия — ИРЛИ, фонд Я. К. Грота, 16.345/С. II б. 13. Впервые: Записки АН, с. 30—31.

7. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 23; копия — ИРЛИ, фонд Я. К. Грота, № 16.345/С. II б. 13. Впервые: Записки АН, с. 29; факсимильное воспроизведение там же, вклейка после с. 47.

¹ Императрица Елизавета Петровна требовала, чтобы придворные регулярно посещали театральные представления. Ее распоряжения об этом приведены в работе И. Ф. Горбунова «Первые русские придворные комедии» (Соч., т. 3, кн. 5. СПб., 1910, с. 7—8).

² Джованни-Баттиста (в документах 1750-х гг. — Яган Бабдист) Локателли (1713—1785) прибыл в Россию во главе оперной и балетной труппы по контракту, заключенному с ним в мае 1757 г. 13 сентября Локателли был зачислен в русскую службу сроком на год; 24 августа 1758 г. контракт с ним был продлен на 3 года, 1 июня 1760 — на пять лет. Труппа Локателли начала спектакли в Петербурге 3 декабря 1757 г. в театре на Царицыном лугу и с самого начала пользовалась большим успехом. 27 апреля 1757 г. Локателли испросил разрешение распространить свою деятельность также и на Москву, получил привилегию завести там оперный театр и построить «оперный дом». Здание театра было выстроено у Красного пруда (в районе нынешней Комсомольской площади) и открыто 29 января 1759 г. В своей театральной деятельности Локателли пользовался значительной поддержкой двора. В течение 1758—1761 гг. он получил до 25 тыс. рублей беспроцентных ссуд, в 1760 г. добился права нанимать любительскую труппу Московского университета и давать русские спектакли, выхлопотал привилегию на устройство доходных публичных маскарадов в Москве и Петербурге. О покровителях Локателли при дворе свидетельствует, например, то, что разрешение на первый публичный маскарад в Москве (18 февраля 1759 г.) Локателли получил непосредственно от И. И. Шувалова; маски и прочие маскарадные принадлежности при этом продавались в московском доме барона К. Е. Сиверса (Сборник ОРЯС на 1891, с. 574). Несмотря на такую поддержку, театральные предприятия Локателли потерпели полное банкрот-

ство, и 5 июня 1761 г. Придворная контора приступила к ликвидации его антрепризы. В начале 1762 г. для покрытия долгов антреприза перешла в руки Придворной конторы. Еще зимой 1767 г. Локатели давал маскарады в Петербурге в доме гр. Ягужинского; затем, по воспоминаниям Дж. Казановы, он содержал Красный кабак на Петергофской дороге, перекупив это право у Сколари. С 1784 г. он был учителем французского и итальянского языков в Театральном училище в Петербурге (*Mooser R. A. Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle*. Т. 1—3. Genève, 1948—1951, см. указатель; Архив Дирекции имп. театров, вып. 1, отд. 1—3. СПб., 1892, см. указатель; *Горбунов И. Ф.* Московский театр в XVIII столетии. — Соч., т. 3, кн. 5. СПб., 1910, с. 99—100; *Чаянова О. Э.* Театр Маддокса в Москве. М., 1927, с. 14; Волков, с. 147; *Марков В. Д.* Историко-театральная топография Москвы. — Театр, 1953, № 12, с. 156).

8. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 31—31 об. Впервые: Записки АН, с. 32—33.

В письме речь идет о трудностях, которые испытывал «российский театр», будучи «вольным», т. е. общедоступным и платным, основанным на самоокупаемости, в отличие от существовавшего на дотации «придворного» театра. «Представление» и «проект» Сумарокова по этому поводу неизвестны, но определение о передаче труппы в ведение Придворной конторы состоялось 6 января 1759 г.

¹ Гофмаршал — видимо, К. Е. Сиверс.

9. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 29—30; копия — ИРЛИ, фонд Я. К. Грота, 16.345/С. II 6.13. Впервые: Записки АН, с. 31—32.

¹ В «римском платье» (условном костюме) на русской сцене игрались трагедии, в частности «Синав и Трувор» самого Сумарокова (Волков, с. 131). Великая княгиня — Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II.

10. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 32. Впервые: Записки АН, с. 33.

¹ Возможно, письмо посвящено подготовке спектакля оперы Сумарокова «Альцеста»; известно, что на придворном театре она была показана 28 июня 1758 г.

² Марк Федорович Полторацкий (1729—1795) в 1750 г. был назначен регентом придворного хора и управляющим «придворною церковною музыкаю».

11—12. Оригинал — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 35—35 об. Русский текст — рукой писца; французский текст и подпись — автограф. Впервые: Записки АН, с. 34—36.

¹ Сумароков снимал дом на Васильевском острове, где находился также Головкинский дом (участок нынешней Академии художеств), отданный под «Российский театр»; в нем же помещались и актеры. В XVIII в. Васильевский остров соединялся с центром летом — наплавным мостом, зимой — по льду; во время ледохода и ледостава сообщение прерывалось.

² Первое представление пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» в переводе П. С. Свистунова состоялось 25 января 1758 г.

³ В документах 1762 г. упоминается некто Симонов в должности камер-цалмейстера (Сборник рус. ист. о-ва, 1871, т. 7, с. 117). Вместо 21 мая представление «Синава и Трувора» состоялось 28 мая 1758 г.

13. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 33—34. Впервые: Записки АН, с. 33—34.

¹ Копиистами при русском театре по прошению Сумарокова 19 ноября 1756 г. были зачислены «обретающийся при герольдии не у дел» А. О. Аблесимов и «ревизион-конторы копиист» Дмитрий Ишутин (Волков, с. 124). По-видимому, этот Дмитрий Карпович Ишутин в 1776 г. в чине секунд-майора числился при московской полиции.

² Чулков Василий Иванович (1709—1775), приближенный Елизаветы Петровны, с 1743 г. занимал должность «метр-де-гардероб»; позднее — камергер, заведовавший выдачей денег из Кабинета; о личных деньгах, источенных на подготовку спектаклей, сыгранных в 1750—1751 гг. кадетами, Сумароков подробнее говорит в прошении 1767 г. (см. № 35—37).

³ Многоточием, по всей видимости, заменено слово «повешен». См. сходную фразеологию в письме № 94. Мысль «лучше быть подъячим, чем писателем» развита Сумароковым в «Цидулке к детям профессора Крашенинникова»:

Когда б ваш был отец приказный человек,
Так не были бы вы несчастливы вовек;
По гербу вы бы рцы с большим писали крюком,
В котором состоят подъячески умы,
Не стали бы носить вы нищенской сумы,
И статья бы могло, чтоб ездили вы цуком.

(ПСВС, т. 9, с. 157).

14. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 36—37. Впервые: Записки АН, с. 36—37.

¹ Чернышев Иван Григорьевич (1726—1797) принадлежал к новоиспеченной знати елизаветинского царствования. Именно к середине 1750-х гг. относится взлет его придворной карьеры: 25 декабря 1755 г. он был пожалован в действительные камергеры, в 1756 г. получил орден св. Анны и ездил специальным посланником императрицы в Саксонию. В Россию он возвратился в начале июня 1757 г. через Париж, где имел большой успех при королевском дворе. Он был близким другом И. И. Шувалова, который в 1757 г. выхлопотал ему «в подарок» казенные медные заводы на Урале. В марте 1758 г. Чернышев был назначен состоять в свите прибывшего в Петербург саксонского принца Карла-Христиана-Иосифа.

15. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 38—39. Впервые: Записки АН, с. 37—38.

¹ «L'avare» и «Dissipateur» — популярные в России комедии Мольера «Скупой» и Ф.-Н. Детуша «Мот»; шутка Шувалова построена на ассоциации свойств героев комедий с характером Сумарокова. В кругу Шувалова сохранялась устойчивая репутация Сумарокова как безудержного расточителя. К. Г. Разумовский писал в 1768 г. из Петербурга к Шувалову в Италию: «Я удивляюсь, что вы, имея всегда в незабвенной памяти четыре особы, как-то: Сумарокова, Лефорта, князя Хованского и Вережкина, рассудили за благо еще пятого к ним под масть подтасовать. Сей детина «принц Курляндский»... уже столько намотал...» и т. д. (*Васильчиков А. А. Семейство Разумовских*, т. 1. СПб., 1880, с. 340).

16. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 40—41. Впервые: Записки АН, с. 39—40.

¹ По поводу «пздержанных» личных денег Сумарокова см. подробнее № 35—37.

² Реплика об «уцелевшей Европе», по-видимому, означает, что выдача жалованья была задержана под предлогом больших расходов на военные действия в Германии; однако кампания 1758 г. была неудачной и закончилась поражением русских войск при Цорндорфе.

³ Кондоиди Павел Захарович (ум. 1760) занимал должность управляющего Медицинской конторой в чине генерал-штаб-доктора.

⁴ Сделать превеликий двор (калька с французского *faire la cour aux grands* — ездить к знатым на поклон, отдавать визиты), одна из постоянных насмешек Сумарокова над галлицизмами в русском языке.

⁵ Сумароков Петр Спиридонович (1709—1780) — двоюродный брат поэта по отцовской линии, с 1752 г. был шталмейстером двора, позднее сенатор. Петров день — 29 июня, праздник апостолов Петра и Павла.

17. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 42. Впервые: Записки АН, с. 40.

¹ Французская пословица «Les cloches appellent à l'église mais n'y entrent pas».

18. Автограф — ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, № 91, л. 42; без даты. Впервые: Библиогр. зап., 1861, № 17, с. 518—519.

Датируется по близости содержания с письмом к И. И. Шувалову от 27 июля 1758 г. (№ 16), но двумя месяцами позднее («девятый месяц... не получаю заслуженного жалованья»).

¹ А. Г. Разумовский (см. № 28).

19. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 43—43 об. Впервые: Записки АН, с. 40—41.

Письмо написано по поводу стихотворной «надписи» Н. Н. Поповского (ок. 1730—1760), ученика Ломоносова и профессора Московского университета, помещенной при гравированном Воргманом портрете Ломоносова в 1-м томе его «Собрания разных сочинений в стихах и прозе...» (М., 1757). В этом апологетическом шестистишии «Московский здесь Парнас изобразил витию...», написанном от лица единомышленников и поклонников Ломоносова при Московском университете, Поповский охарактеризовал своего учителя как первого и единственного реформатора русской литературы. Сам Ломоносов о портрете и подписи к нему писал Шувалову 23 ноября 1757 г.: «Ваше превосходительство изволили говорить, чтоб под помянутый портрет подписать какие-нибудь стихи. Но того, милостивый государь, отнюдь не желаю и стыжусь, что я наградырован» (ПСС, т. 10, с. 530). Из этого явствует, что инициатива издания портрета и «Надписи» принадлежала Шувалову.

¹ Упоминание «словесных наук собрания» представляет намек на неудачную попытку И. И. Мелиссино 1 ноября 1757 г., в день рождения Шувалова, открыть постоянные заседания литературного общества при университете (*Шевырев С. П.* История Московского университета. М., 1855, с. 52). Первым таким официальным обществом стало Вольное Российское собрание, организованное в 1771 г. Вопросы об организации независимого от Академии наук литературного общества Сумароков коснулся в третьей части своей статьи «Сон»: «О заведении ученого во словесных науках собрания, в котором бы старались искусные писатели о чистоте российского языка и о возвращении российского красноречия, иноплеменики, наблюдая собственное свое прибыточество и вражду к Российскому Парнасу, никогда и не думывали, хотя такие собрания необходимо нужны...» (Праздное время в пользу употребленное, 1760, ч. II, с. 318).

20. Оригинал — ААН, ф. 3, оп. 1, № 239, л. 30; текст — рукой писца, подпись — автограф. Впервые: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, с. 399—400.

21. Оригинал — ААН, ф. 3, оп. 1, № 239, л. 53—53 об.; текст — рукой писца, последняя фраза и подпись — автограф. Впервые: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, с. 402.

¹ Попов Никита Иванович (1720—1782), в 1750-е гг. занимал должность профессора астрономии при Академии наук. Он был соучеником Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии и пользовался его покровительством в Академии наук; вскоре после смерти Ломоносова Попов из Академии был уволен. Современники отмечали, что Попов неудовлетворительно знал не только иностранные, но и русский язык. В ответ на жалобу Сумарокова Попов 22 июня просил освободить его от цензурования «Трудолюбивой пчелы» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 239, л. 54) и был заменен С. К. Котельниковым, который в свою очередь уже 5 октября умолял избавить его от общения с Сумароковым (там же, л. 55).

² Барков Иван Семенович (1732—1768), поэт и переводчик при Академии наук, был близок к Ломоносову. Известны анекдоты о насмешках Баркова над Сумароковым; предполагается также, что ряд его «срамных»

произведений представляет бурлескные пародии на трагедии Сумарокова, его песни и басни.

22. Оригинал — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 44—45; текст — рукой писца, подпись — автограф. Впервые: Записки АН, с. 41—43.

¹ Барон Федор (Теодор-Генрих) Чуди (1724—1769), писатель, издававший в Петербурге журнал «*Caméleon littéraire*» (1755), в конце 1755 г. уехал во Францию, поехал там в Бастилию, но благодаря вмешательству И. И. Шувалова был освобожден и возвратился в Россию. Здесь по протекции К. Е. Сиверса, желавшего реформировать Пажеский корпус, Чуди определился в корпус на должность гофмейстера и в соответствии с этим 30 сентября получил чин полковника артиллерии.

² Сумароков имеет в виду высокие оклады жалования ведущих актеров итальянской и французской оперной и балетной трупп. По театральному штату 1766 г. примадонна и первый певец получали 2—3,5 тыс. рублей, первые танцовщица и танцовщик — по 2 тыс. рублей в год; в отдельных случаях ставки были еще выше (*Танеев С. В.* Из прошлого имп. театров, вып. 1. СПб., 1885, с. 4—5). Танцовщица Тордо упоминается в дневнике Мизере в записи от 19 июня 1762 г. (Рус. архив, 1911, кн. 2, с. 19).

³ Фридрих Гильфердинг (1710—1768), известный балетмейстер, был приглашен в Петербург на придворную сцену в 1758 г.; контракт с ним вступил в силу 27 января 1759 г. По сценариям Сумарокова Гильфердинг поставил балеты «Новые лавры» (21 сентября 1759) и «Прибежище добродетели» (5 сентября 1759).

⁴ Жалобы на цензурные преследования со стороны Ломоносова связаны с печатанием в академической типографии «Трудолюбивой пчелы». Конкретно речь, видимо, идет об исхлопотанном Ломоносовым у самого президента Академии К. Г. Разумовского запрещения печатать в журнале «Оды вздорные», представлявшие пародии на одический стиль Ломоносова. Они, как можно предполагать, предназначались для октябрьского номера, где все же появился примыкающий к «Одам» и также пародийный «Дифирамб» («Позволь, великий Бахус нын..»). Корректору типографии А. С. Барсову Ломоносов сообщил о распоряжении Разумовского запиской: «Его сиятельство вздорных од вносить не приказал, что велел исполнить Барсову» (ПСС, т. 9, с. 404).

⁵ Тауберт Иоганн-Каспар (1717—1771) — адъютант и советник Академической канцелярии, недоброжелатель Ломоносова. С 24 марта 1758 г. на него было возложено наблюдение за типографией, мастерскими и проч. В это время он получал, как и Ломоносов, 1200 рублей в год. Из собственного литературных предприятий Тауберта известно лишь предпринятое по его инициативе и подготовленное при помощи И. С. Баркова издание сочинений А. Д. Кантемира (1762). Тауберт был в числе тех членов Канцелярии, которые остановили печатание сочинений Сумарокова за неплату им долгов типографии, и на этом основании был также против печатания «Трудолюбивой пчелы» при Академии наук. В письме от 19 января 1761 г. Ломоносов сообщал И. И. Шувалову, что Сумароков «Тауберта и Миллера для того только бранит, что не печатают его сочинений» (ПСС, т. 10, с. 545). Еще в июле 1762 г. Тауберт настойчиво и в оскорбительной для Сумарокова форме требовал выяснения денег за печатание оды на восшествие на престол Екатерины II (*Тонкова Р. М.* А. П. Сумароков и Канцелярия Академии наук в 1762 г. — В кн.: XVIII век, сб. 1. М.—Л., 1935, с. 387—393).

⁶ Штелин Яков Яковлевич (1709—1785) — академик по кафедре поэзии и красноречия, стихотворец (на немецком языке) и сочинитель аллегорий к иллюминациям и фейерверкам.

⁷ Сумароков был членом Лейпцигского литературного общества; выданный ему диплом этого общества за подписью И. Хр. Готтшеда и др. датирован 7 августа 1756 г. (Ист. вестн., 1885, № 5, с. 445—446).

⁸ Модель Иоган-Георг (1711—1775) — аптекарь в Главной санктпетербургской аптеке, член Медицинской коллегии; член Академии наук с 1756 г. Издал работу о популярных успокоительных бестужевских каплях.

⁹ Первое в России производство смальты и бисера было налажено Ломоносовым на Усть-Рудницкой фабрике.

¹⁰ Академическая конференция — общее собрание академиков и адъюнктов, Канцелярия — собрание всех членов Академии, имеющих коллежские чины. Сумароков имеет в виду, что, будучи бригадиром, он может заседать как в Канцелярии, так и (по присвоении ему ученого звания) в академической Конференции. Просьба Сумарокова осталась без последствий, возможно, потому, что по регламенту 1747 г. в Академии был ликвидирован класс гуманитарных наук. Отклики на проект назначения Сумарокова академиком можно видеть в письме Ломоносова к Шувалову от 19 января 1761 г. и в записке его относительно речи аббата Лефевра (ПСС, т. 9, с. 634; т. 10, с. 545), где язвительно подчеркнуто «невежество» Сумарокова, окончившего лишь общеобразовательный Шляхетный корпус.

¹¹ С жалобами на К. Е. Сиверса и на академических немцев, препятствующих изданиям Сумарокова, связан цикл его сатирических статей в «Праздном времени, в пользу употребленном» (1760, ч. 2), в том числе и «Челобитная от Российской Мельпомены» (включена в статью «Сон»), где он писал: «Российским авторам делают иноплеменики всякое препятствие; да и работы своей авторам издавати едва возможно, ибо печатание книг по предложению и по основанию недоброжелательных иноплемеников несносно дорого» (ПСВС, изд. 2-е, т. 9. М., 1787, с. 285).

23. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 46. Впервые: Записки АН, с. 43.

¹ Протасов Яков Яковлевич (1713—1779), получив тяжелые ранения во время Семилетней войны, в 1759 г. подал прошение об отставке. Однако главнокомандующий граф Фермор определил, что хотя из-за слабости и неизлечимых болезней Протасов не способен к несению полевой и гарнизонной службы, «при штатских же делах служить еще может». 16 апреля 1759 г. Протасову был присвоен чин генерал-майора (минуя бригадирский), и он был назначен членом в Главный кригс-комиссариат.

² О Миллере Г.-Ф. см. примеч. 1 к письму 7 В. К. Тредиаковского. С 1754 г. — конференц-секретарь Академии наук. В 1755—1765 гг. редактировал журнал «Ежемесячные сочинения».

24. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 47—47 об. Впервые: Записки АН, с. 43—44.

¹ Головкинский дом (принадлежавший ранее опальному М. Г. Головкину) был взят из ведения Канцелярии конфискации и передан в Канцелярию от строений для устройства в нем русских спектаклей в 1752 г.; с этого времени он именовался в объявлениях «российским комедиальным домом». Этот каменный дом с подсобными строениями находился на углу 3-й линии Васильевского острова и набережной, рядом с Кадетским корпусом (Меншиковский дворец). 15 февраля 1761 г. Придворная контора распорядилась передать его Академии художеств, организованной по проекту И. И. Шувалова. Для актеров, живших при Головкинском доме, предполагалось снять на Адмиралтейской стороне дом графа Ефимовского (Волков, с. 140). В конце концов актеры переехали в дом подполковницы Макаровой в 1-й линии Васильевского острова.

² Михаил Воейков одновременно с Сумароковым служил генеральс-адъютантом при А. Г. Разумовском (*Панчулидзева С.* История кавалергардов, т. 1. СПб., 1899, с. 260).

³ Юшков Иван Иванович 16 августа 1760 г. получил чин действительного статского советника и был назначен президентом Камер-коллегии, а 10 февраля 1761 г. пожалован орденом св. Анны; позднее, до 1773 г., занимал место Московского гражданского губернатора. Его сестра Мария Ивановна (р. 1733) была замужем за Василием Петровичем Сумароковым, братом писателя; таким образом, Сумароков находился в свойстве с Юшковым, примечательным даже для Москвы богачом и оригиналом. В 1763—1764 гг. Юшков бывал при дворе. Он упомянут в сатирическом каталоге

придворных, составленном между 26 февраля и 5 августа 1765 г.; Юшкову в этом каталоге приписано авторство книги: «Histoire des Grecs et de ceux qui corrigent leur fortune au jeu, par M. Youchkoff». (Рус. архив, 1871, № 12, с. 2041, 2050). Греч — по-французски одновременно и грек, и шулер. По преданию, Юшков и Н. П. Архаров были единственными из известных москвичей, кто провожал гроб Сумарокова на кладбище Донского монастыря.

25. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 49. Впервые: Записки АН, с. 45.

26. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 50—51. Впервые: Записки АН, с. 45—46.

¹ Волков Федор Григорьевич (1728—1763) — основатель первой русской профессиональной труппы. Известно, что в последние годы жизни он интересовался сценической режиссурой и считался возможным преемником Сумарокова в качестве директора театра. Возможно, речь идет о первых попытках придать национальный характер условному трагедийному костюму: шпикаки упоминаются в перечне костюмировочных материалов за 1758 г. (Волков, с. 131).

² Алексей Григорьевич Разумовский, в штате которого Сумароков прослужил с 1741 по 1755 г.

³ Бонеки Джузеппе (ум. 1795) прибыл в Россию в 1742 г. вместе с итальянской оперной труппой в качестве «композитора» (сочинителя) опер и стихов с жалованьем 600 руб. в год. Известно несколько опер Фр. Арая на либретто Бонеки, написанных в России. В октябре 1752 г. Бонеки возвратился на родину во Флоренцию, получив небольшую пенсию, и больше в России не был. Говоря о «подлом звании театрального стихотворца», Сумароков, видимо, имеет в виду не только работу Бонекки «по заказу», а не по вдохновению, но и его недворянское происхождение: он был сыном мебельного мастера.

⁴ Имя «Илья Афанасьев» — результат явной опiski; речь идет о втором после Волкова ведущем актере труппы Иване Афанасьевиче Дмитриевском.

⁵ Гнев «его сиятельства» К. Е. Сиверса был вызван целой серией сатирических нападок Сумарокова на него и возглавляемому им Придворную контору, которые он предпринял после того, как обращения к Шувалову оказались бесполезными. В статье «О кошистах» в последнем, декабрьском номере «Трудолюбивой пчелы» (1759) Сумароков прямо и публично указал на Сиверса как на врага русского театра: «Озлобленный мною род подьяческий, которым вся Россия озлоблена, изверг на меня самого безграмотного подьячего и самого скаредного крючкотворца. Претворился скаред сей в клопа и всполз на Геликон, вернувшись под одежду Мельпомены и грызет прекрасное тело ея... Страдает богиня, а клоп забавляется и говорит: „Высокопревосходительная, высокоблагородная и высокопочтенная госпожа, госпожа богиня! Не имелось у меня с вашим благородием никакой каршипанденции до 1759 года, генваря до 6 дня, а от того числа отправляюя при Российском театре прокурорскую должность (дата перехода труппы в ведение Придворной конторы, — В. С.)“» (с. 759—760). В статье «Блохи» он также писал о «блохе чухонской» (т. е. лифляндской): «Автор бегунется от Чухонской блохи, как от нечистого духа. О чада любезного моего отечества, старайтесь освободить Российский Парнас от сея гадины! На что нам Чухонские блохи? у нас и своих довольно» (Праздное время, в пользу употребленное, 1760, ч. 2, с. 336). Ссылки на «подьячих», которые ссорили его с Сиверсом, делались для отвода глаз.

27. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 48. Впервые: Записки АН, с. 44—45.

Описка-повтор в присловье: «оттолева было доселева, а оттолева было доселева» — исправлена по смыслу.

28. Автограф — ААН, Р. II, оп. 1, № 226, л. 52—53. Впервые: Записки АН, с. 47.

¹ А. Г. Разумовский был поставлен во главе Лейб-компании в конце 1745 г., после смерти принца Гессен-Гомбургского (12 октября 1745 г.). После этого делами Лейб-компании практически стал заведовать его первый «генеральс-адъютант» Сумароков. Вместе с канцеляристом Слядневым он имел казенную квартиру при Лейб-компанской роте; писарь Лейб-компании Беляев («из подьяческих детей») был кумом Сумарокова. Беляев, которому Сумароков помог оправдаться в связи с обвинением во взятках с поставщиков, явился затем причиной враждебных отношений Сумарокова с П. И. Шуваловым. По преданию, лейб-компанцы относились к Сумарокову неприязненно (*Панчулидзева С.* История кавалергардов, т. 1. СПб., 1899, с. 260, 391, 394).

² Первая книга «притчей» Сумарокова печаталась в типографии Академии наук между 25 июля и 13 августа 1762 г. (*Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 94). Упоминание о них здесь позволяет предположить, что из-за запрета, наложенного на печатание его книг в Академической типографии, Сумароков собирался издать «Притчи» при Московском университете, куратором которого был Шувалов.

³ Указ императрицы об отставке Сумарокова — он датирован 13 июня 1761 г. — был отдан через генерал-адъютанта И. И. Шувалова: «Е. и. в. изволила указать: господина бригадира Сумарокова, имеющего дирекцию над российским театром, по его желанию от сей должности уволить. Жить ему где пожелает. И всемилостивейше указала за его труды в словесных науках, которыми он довольно сжедал пользу, и за установление российского театра производить жалованья, каковое он ныне имеет, без задержания. Господин Сумароков, пользуясь высочайшею е. и. в. милостию, будет стараться, имея свободу от должностей, усугубить свое прилежание в сочинениях, которые сколь ему чести, столь всем любящим чтение, удовольствия приносить будут» (Волков, с. 145—146).

29. Местонахождение оригинала неизвестно. Впервые: Оснадцатый век, т. 3. М., 1869, с. 184—186. Л. Н. Майков напечатал данное письмо и письмо № 102 по копиям в рукописном сборнике из собрания А. Ф. Бычкова, который датирован им временем около 1800 г. Снятые Майковым копии, по которым делалась публикация, см. — ИРЛИ, ф. 166 (Л. Н. Майков), № 107.

¹ В перечне служащих Штатс-конторы за 1762 г. упоминается Александр Шишкин, статский советник в должности президента Штатс-копторы (Сборник рус. ист. о-ва, 1880, т. 28, с. 47—55); в 1754 г. секретарем Штатс-конторы был также некто Яков Васильевич Шишкин (р. 1714) (ЦГАДА, ф. 248, кн. 8122, ч. II, л. 907). Возможно, с изложенным в письме эпизодом связан следующий анекдот о каламбуре Сумарокова по поводу книги «Честной человек и плут» (СПб., 1762): «Сумароков, сидя в книжной лавке, видит человека, пришедшего покупать эту книгу и спрашивает: от кого? Тот отвечает, что его господин Афанасий Григорьевич Шишкин послал его купить оную. Сумароков говорит слуге: „Разорви эту книгу и отнеси «Честного человека» к свату твоего брата, Якову Матвеевичу Еврепнову, а «Плута» — своему господину вручи“» (Рус. архив, 1874, № 4, с. 01097).

30. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 43. Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 230—231.

В соответствии с этим «прошением» 22 сентября 1762 г., в день коронации, Сумароков получил чин действительного статского советника и подтверждение размера получаемого им жалованья, складывавшегося из 1099 руб. 21½ коп. бригадирских денег и 1000 руб., которые он должен был продолжать получать из театральной суммы (Сборник рус. ист. о-ва, 1880, т. 28, с. 44, 85—86).

31. Рус. архив, 1867, № 1, с. 100, по тексту, сообщенному М. М. Евреинным. Местонахождение автографа неизвестно. М. М. Евреиннов также сообщил П. И. Бартеневу анекдот о Сумарокове в записи А. М. Евреинова, сделанной в XVIII в. на книге «Честной человек и плут» (см. № 29). Возможно, в связи с этим письмом находится запись в бумагах А. В. Олсуфьева (ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 1—2) о выдаче Сумарокову 2 июля 1763 г. из Кабинетских денег 500 руб. серебром в возмещение трат на проезд из Петербурга в Москву.

¹ Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — один из организаторов дворцового переворота 1762 г. и фаворит Екатерины II.

² Поездка Екатерины II в Ростов состоялась 12 мая 1763 г.

32. Автограф — ИРЛИ, Р. I, оп. 25, № 151, л. 1.

На том же листке ответ Фермора: «Государь мой Александр Петрович! Я не преминул о вашем благосклонном желании его сиятельству Ф^{он} М. объявить, который с приятностию непременно за честь почитать будет ваше превосходительство в доме своем видеть».

¹ Фермор Виллим Виллимович (1702—1771), в 1764 г. назначенный председателем Комиссии о соляных сборах, был хорошо знаком с фельд-маршалом Б.-Х. Минихом, при котором служил с 1729 по 1739 г. Миних (1683—1767), учредитель Сухопутного шляхетного корпуса, в котором учился Сумароков, был возвращен из ссылки в 1762 г. Знакомство его с Сумароковым продолжалось и далее; известно его любезное письмо к Сумарокову от 25 апреля 1765 г. при посылке своего гравированного портрета и с приглашением к обеду (Отч. зап., 1858, № 2, с. 583).

33. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 4—5. Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 232—236.

Предназначенная для императрицы и переданная через Г. Г. Орлова записка Сумарокова о заграничном путешествии напечатана Н. И. Новиковым в девятом томе ПСВС в виде статьи под заглавием «О путешествиях». В ней Сумароков указывает, что собирается, посетив Италию, поехать в Париж и вернуться в Россию через Голландию, подробно описав увиденные города и государства.

¹ Видимо, для Сумарокова несомненным было знакомство Вольтера со статьей о «Синаве и Труворе» в «Journal étranger», издававшемся А. Ф. Прево (см. № 39, 64).

² Под «прожектами» Ф. Г. Волкова Сумароков имеет в виду сценарий коронационного маскарада «Торжествующая Минерва» в Москве 30 января и 1—2 февраля 1763 г. По-видимому, в связи с этими «умолчаниями» находится и вопрос об авторстве «Хора ко превратному свету».

³ Чин бригадира Сумароков получил 25 декабря 1755 г. (ЦГАДА, ф. 286, кн. 310, л. 404, 446).

⁴ День рождения Екатерины II — 24 апреля; известны представления оперы «Альцеста» 23 апреля («в Оперном доме при новопостроенном каменном Зимнем дворце») и 2 мая.

⁵ Отзыв о «переводных комедиях», возможно, направлен против елагинского кружка переводчиков (В. И. Лукин, Д. И. Фонвизин, Б. Е. Ельчанинов и др.).

⁶ По распространенным устным преданиям, К. Е. Сиверс сначала служил наемным лакеем, а придворную карьеру начал с должности фрейтора и кофешенка при цесаревне Елизавете Петровне (Записки АН, с. 50).

⁷ Спектатеры сами агируют (франц. les spectateurs agissent) — зрители сами играют.

⁸ Упоминание Сумарокова о поездке Сиверса в Париж позволяет предположить, что именно он мог быть тем лицом, через которое в Париж попала коллекция пьес русского репертуара 1750-х гг. (например, см. помету на списке пьес: J'ai les laissé aux comédiens pour leur répétitions —

я оставил их актерам для репетиций). По этому вопросу см.: *Резанов В. И.* Парижские рукописные тексты сочинений Сумарокова (ИОРЯС, 1907, № 2, с. 135—169) и *Верков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1976, с. 49—53.

⁹ В данном случае Сумароков исчисляет свою службу с момента зачисления в Сухопутный шляхетный корпус 30 мая 1732 г. и получения первого чина.

34. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 38—38 об.; копия — ГПБ, ф. 227, фонд Я. К. Грота, № 69. Начало двух строк в оригинале оторвано.

Письмо представляет оправдательный документ по поводу публикации Сумароковым «Оды королю польскому Станиславу Августу, новоизбранному Пиясту». Существует расписка Сумарокова от сентября 1764 г. в получении тиража оды (300 экз.). 1 февраля 1765 г. Академия наук получила «особое повеление» уничтожить отпечатанную оду (*Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 109). Из письма Сумарокова явствует, что в оде усмотрели намек на возможность династического брака между Екатериной II и Станиславом Понятовским, слухи о котором циркулировали в дипломатических кругах (*Соловьев С. М.* История России, кн. 13. М., 1965, с. 360—362). Екатерина II поддерживала избрание Станислава Августа королем Польши; интимные отношения между ними в 1750-е гг. получили скандальную огласку, из-за чего в августе 1758 г. Понятовский был выслан из России. Политический смысл оды тем более вызывал подозрение, что Сумароков не испросил высочайшего разрешения на ее публикацию и не поднес императрице печатный экземпляр. Текст оды до нас не дошел ни в рукописи, ни в печатном издании. Возможно, в связи с попытками Сумарокова оправдаться перед Екатериной находится письмо Козицкого к нему от 19 апреля 1765 г. из Царского Села, где речь идет о посредничестве Г. Г. Орлова: «Граф Григорий Григорьевич, взяв поданные ему мною письма вашего превосходительства, одно прочел, другое поднес е. в. Государыня, прочетши оное, изволила сказать: „Я знаю и буду отвечать Александру Петровичу сама“» (Отч. зап., 1858, № 2, с. 583).

35. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 33—34 (письмо), л. 35—35 об. (объяснительная записка к письму); копия — ГПБ, ф. 227, фонд Я. К. Грота, оп. 1, № 69. Написано одновременно со следующим письмом.

¹ С. М. Козьмин (Сумароков иногда называет его Кузьминым) (1723—1788) — один из стат-секретарей Екатерины II с 1762 по 1788 г.; по случаю открытия Комиссии для составления Нового Уложения в Москву переезжал не только двор, но также Сенат, Синод и находившиеся в Петербурге коллегии. Сенат начал заседания в Москве уже в феврале 1767 г.

² Не вполне точная цитата из действия 4, явл. 2 трагедии «Синав и Трувор» (слова Ильмены):

Коль вечно человек печалью омрачен,
Удобно ли ему быть обществу полезным?

³ Никита Афанасьевич Бекетов (1729—1794) — астраханский губернатор в 1763—1780 гг.; в 1750—1751 гг. был кратковременным фаворитом Елизаветы Петровны в то время, когда она уже познакомилась с И. И. Шуваловым; его удаление от двора приписывается проискам семейства Шуваловых. Бекетов-кадет играл в трагедиях Сумарокова; он также писал песни, бывшие популярными, а с конца 1750-х гг. занимался переводами с французского.

⁴ При увольнении из директоров театра Сумарокову было оставлено все то жалованье, которое он получал раньше (см. № 28); но в указе о назначении его на эту должность выплата квартирных денег не была оговорена (Волков, с. 119).

36. Оригинал — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 32—32 об.; текст — рукой писца, подпись и постскрипtum — автограф. Копия — ГПБ, ф. 227, фонд Я. К. Грота, оп. 1, № 69.

В письме речь идет о личных деньгах Сумарокова, истраченных на подготовку спектаклей, игранных кадетской любительской труппой при дворе. Капраны Дмитрий Остервальд, Никита Бекетов, подприпорщик Петр Мелиссино были в числе кадетов, направленных в его распоряжение 1 февраля 1750 г. для постановки его трагедий на придворной сцене. Траты Сумарокова относятся к спектаклям 1750—1751 гг. 25 февраля 1750 г. на театре Зимнего дворца был представлен «Хорев», 21 июля в Петергофском дворце — «Синава и Трувор», в октябре в Зимнем дворце — «Артистона» и 21 декабря 1751 г. — «Семира» (Волков, с. 80—81, 212). Известно, что в 1750 г. Сумароков требовал для постановки «Синава и Трувора» материя для «римского платья» и другую бутафорию (*Дризен Н. В. Материалы к истории русского театра. М., 1905, с. 32.*)

¹ Чулков Василий Иванович (1709—1775) — камергер, приближенный имп. Елизаветы Петровны. Начиная с 1740-х гг. был связан с организацией увеселений и театральных представлений при дворе.

² Иван Перфильевич — Елагин.

³ Сумароков первым браком был женат на дочери придворного повара (мундкоха) Иоганне Христиановне Балиор; свадьба их праздновалась при дворе 10 ноября 1746 г. Между апрелем 1765 и апрелем 1766 супруги окончательно разъехались. 19 апреля 1765 г. Г. В. Козицкий еще передавал привет всему семейству Сумарокова — Иоганне Христиановне, Екатерине Александровне и Праксовье Александровне (Отеч. зап., 1858, № 2, с. 583); к 14 апреля 1766 г. относится прошение Сумарокова, чтобы Штатс-контора выдавала из его жалования по 700 руб. в год Иоганне Балиор на собственное ее и детей содержание. Распоряжение об этом последовало 20 апреля (*Берков П. Н. Несколько справок к биографии Сумарокова. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 369—371; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 503, л. 638; ф. 17, оп. 1, № 326, л. 9.*)

37. Автограф — ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, № 326, л. 2—2 об.

¹ Кузьмин — С. М. Козьмин, статс-секретарь; отъезд служащих Кабинета предшествовал официальному выезду в Москву императрицы и придворных 7 февраля. Просьба Сумарокова результата не имела. В 1769 г. он вновь ходатайствовал о выплате задержанных квартирных денег (см. № 51).

² Уезжая из Петербурга в 1769 г., Сумароков поместил в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 9 февраля объявление: «Г. Сумароков намерен продать через аукцион дом свой, состоящий на Васильевском острове в 9 линии по большой перспективе со всеми к оному принадлежностями и садом». По-видимому, это тот самый дом, который был ему пожалован в 1765 г. вместо «квартирных денег».

³ «Помяни мя, господи, в царствии твоём» — стих из Евангелия от Луки (23, 42).

⁴ Журнал «Трудолюбивая пчела» (1759) был посвящен великой княгине Екатерине Алексеевне в то время, когда ее положение при дворе было крайне непрочно. В посвящении демонстративно не был упомянут наследник престола великий князь Петр Федорович:

Умом, и красотой, и милостью богиня,
О просвещенная великая княгиня!
Великий Петр отверз к наукам россам дверь,
И вводит в ону нас его премудра дщерь,
С Екатериною Петру подобясь ныне,
И образец дая с Петром Екатерине.
Возвысь сей низкий труд примерами ея
И покровительством Минерва будь моя!

38. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 1. Впервые: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 378. На записке также имеется ответная приписка Миллера: «Sobald Euer Excellence dieses Zurücksenden

und ich Hören werde, das Sie an dergleichen Nachrichten Vergnügen finden, will ich mit mehreren dienen» («Как только, ваше превосходительство, вы возвратите мне настоящее и я узнаю, что вам нравятся подобные сообщения, буду рад служить вам многими другими»). Письмо датировано публикатором, П. Н. Берковым. Миллер прибыл в Москву, будучи назначен директором Московского архива иностранных дел в 1765 г.; видимо, тогда же благодаря Миллеру Сумароков получил доступ к рукописям архива.

¹ Исторические журналы — видимо, дворцовые записные книги или поздние «Летописцы» XVII в.

39. Литературный кабинет. Труды артистов... М., 1842, отд. 1, с. 79—96 (ценз. разр. 7 ноября 1841) с примеч. редактора (Р. А. Славина): «Эта статья сообщена нам Н. П. П., любителем всего старинного, в автографе. Помещаем ее здесь и потому, что она еще не была ни где, как кажется, напечатана, и потому, что она во многих случаях полна интереса». Также: Москвитянин, 1842, № 3, с. 121—126, с примеч. М. П. Погодина: «Получено было в современной копии от покойного А. Ф. Малиновского». Самостоятельный список письма (XIX в.) имеется в архиве «Русской старины» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2763). Письмо воспроизводится по публикации в «Литературном кабинете». Очевидные неверные прочтения публикаторов исправлены по тексту «Москвитянина» и рукописной копии.

¹ Отец Сумарокова, Петр Панкратьевич (1693—1766), служил в Канцелярии конфискации, вышел в отставку 17 июня 1762 г.; умер в ночь на 16 декабря 1766 г. Он был женат на Прасковье Ивановне Приклонской. К 1767 г. из детей Сумароковых были живы Александр, Василий (ок. 1716—1767), Прасковья (ок. 1720), Александра (ок. 1722), Анна (ок. 1732), Мария (ок. 1741), Фюна. Замужем за действительным камергером Аркадием Ивановичем Бутурлиным (ум. 1775) была Елизавета Петровна Сумарокова (ок. 1734—1759); после ее смерти, как можно заключить из данного письма, Бутурлин был в связи с другой сестрой поэта, которая одновременно была и домоправительницей в его доме (*Берков П. Н.* Несколько справок для биографии Сумарокова. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 365—368). Сохранилось раннее и довольно любезное письмо А. Бутурлина к Сумарокову от 20 мая 1756 г.: «Государь мой Александр Петрович! Доношу вам, сего месяца 11 дня жена моя родила дочь, которую зовут Варварою. А родила с великою трудностью, от чего была в смертном страхе. А ныне же с помощью божию приходит в крепость и в свое здорье. Прошу на меня не прогневаться, что я к вам давно не писал. Я был не очень здоров, да к тому же и печален тягостною ношею прошедшего бремя жены моей. Иного к доношению не имею, токмо по сие число остаюсь с домашнею моею фамилиею благополучно. Покорный слуга ваш государя моего Аркадий Бутурлин» (ГИМ, ф. 445, № 228, л. 27).

² Статский советник В. П. Сумароков был в 1767 г. членом Московской конторы Берг-коллегии.

³ Чужехват — герой комедии Сумарокова «Опекун» (написана в 1764 г., опубл. в 1765 г.). Данная далее в письме характеристика Бутурлина, как справедливо указывает Сумароков, соотносится действительно не с героем «Опекуна», а буквально совпадает с образом Кащей в комедии «Лихоимец» (напечатана к 30 сентября 1768 г.). Здесь упоминаются ящички для сбора денег на жалованье слугам, которых он зовет «Хамово колено» и «злодей мош»; Кащей в пьесе велит слуге красть дрова на Москве-реке, берет с родственника немислимые проценты, не видит разницы между пасквилом и сатирой и пр. (см. также: *Косман А.* Комедии Сумарокова. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 33, вып. 2, с. 170—171).

⁴ Из фамилии дворян Шепыревых известен Евстифей Яковлевич (1683—1737), служивший в Лейб-компанской роте. Его сын Петр (р. 1725) владел имением Терково в Белозерском уезде (Сборник биографий кавалергардов. 1724—1762 гг. СПб., 1901, с. 78—79).

⁵ А. П. М. — возможно, Алексей Петрович Мельгунов (1722—1788).

⁶ Воспитательный дом был заложен в 1764 г. на месте Васильевского сада на берегу Москвы-реки (нынешняя Москворецкая набережная между Москворецким и Устьинским мостами).

⁷ Возможно, к ссоре с А. И. Бутурлиным относится притча Сумарокова «Ослица и кобыла» (*Сумароков А. И. Притчи*, кн. 3. СПб., 1769, с. 39), в которой кобыла так описывает своего возлюбленного:

... В нём я
Все вижу, что прельстить удобно нежны души:
Большие уши
И с фальбалою лоб,
Кабаньи зубы
И сини губы
А паче, что Кащей мой пахнет будто клоп.

⁸ Имеется в виду убийство в 1754 г. в Москве Алексеем Жуковым с корыстной целью собственной матери и сестры. Дело Жуковых получило широкую огласку (см.: *Победоносцев К. П. Убийство Жуковых*. — Рус. вестн., 1860, ноябрь, кн. 1, с. 462—501); окончательное решение по нему было вынесено в 1766 г., и тогда же в Московских церквях над Жуковым и его сообщниками был публично совершен обряд церковного покаяния.

⁹ Под «вторым изданием» Сумароков подразумевает предпринятую им переработку текста ранее написанных произведений; их переиздания появились в 1768—1769 гг.

¹⁰ Пошлина — налог с наследства.

¹¹ В 1767 г. место архиепископа Псковского занимал Иннокентий Нечаев (1722—1799). В статье «О российском духовном красноречии» Сумароков, говоря о Петербургском архиепископе Гаврииле как проповеднике, дал одновременно и отзыв об Иннокентии: «...будет он (Гавриил) всегда честью нашего века и в потомстве купно с другом своим, с преосвященным Иннокентием, мужем весьма отличного достоинства и всею Россиею почитаемым, достойным лица божия и лица монарша» (ПСВС, т. 6, с. 203). Известно также письмо Иннокентия от 15 апреля 1770 г. из Петербурга в ответ на неизвестное письмо Сумарокова от 44 марта (Отеч. зап., 1858, т. 116, кн. 2, с. 585).

¹² 26 января 1767 г. Сумарокову был пожалован орден св. Анны, весьма редкий в середине XVIII в. Девиз этого ордена, начертанный на орденской звезде, — «*amantibus justitiam, pietatem et fidem*» (любящим справедливость, благочестие и веру).

¹³ В комедии Сумарокова «Тресотиниус» педант Бобембиус отвечает на вызов Брамарбаса: «Шпаги не ношу, и никакого оружия при себе не имею, кроме шила...» (явл. 7).

¹⁴ Известно письмо Екатерины II от 28 сентября 1767 г. к М. Н. Волконскому в ответ на жалобу матери Сумарокова. В нем она напоминает о деле А. А. Бестужева-Рюмина, сосланного по воле отца в монастырь, и поручает передать Сумарокову, «что мы с ним все то сделать приказать не уступим, что мать его от нас просить будет, если он ее не умолистит и не упросит ее прощения» (Осмнадцатый век, т. 1. СПб., 1869, с. 59); Бестужев был двоюродным братом Волконского.

¹⁵ А. И. Бибиков (1729—1774) был в 1767 г. назначен «маршалом» Комиссии по составлению Нового Уложения.

¹⁶ Метастазιο Пьетро Антонио (1698—1782) — итальянский поэт; известность получил в качестве оперного либреттиста. Большая часть опер Метастазιο к середине XVIII в. была переведена на русский язык. Сумароков сопоставляет с ними свои оперы «Альцеста» и «Цефал и Прокрис». К 1767 г. из крупных сочинений Сумарокова в переводе на французский язык (прозой) были напечатаны «*Sinave et Trouvogue*» (СПб., 1751; пер. кн. А. Долгорукова), оперы «*Alceste*» (СПб., 1764), и «*Céphal et Procris*» (СПб., 1755); в издании «*Sémire. Tragédie. Traduite du russe*» не обозначены ни место, ни год издания, но в ГПБ имеется список с этого перевода, сделанный А. Тормасовым в 1770 г.; переводчиком назван Мабдис

(ГПБ, фр. Q.XIV.71). Каталог отдела «Rossica» ГПБ указывает также немецкий перевод «Semira, ein Trauer-Spiel v. Schauspiele» с датой 1762 г. Хвалебные рецензии на «Синава и Трувора» появились в «Journal étranger» (1755, апрель; она переведена на русский Г. В. Козицким в «Ежемесячных сочинениях» 1758 г. (т. 2, с. 507) и также перепечатана в т. 10 новиковского издания сочинений Сумарокова) и в «Sammlung einiger ausgesuchten Stücke der Gessellschaft der freyen Künste zu Leipzig» И.-Хр. Готтшеда (1755, том 2; см.: *Гуковский Г. А.* Русская литература в немецком журнале XVIII в. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 387—388). О своей европейской известности Сумароков писал еще в статье «О копиистах»: «Видите вы, любезные мои согражданин, что ни сочинения мои, ни актеры вам стыда не приносят и до чего в Германии многими стихотворцами не достигли, до того я один, и в такое еще время, в которое у нас науки словесные только начинаются, и наш язык едва чиститься начал, одним своим пером достигнуть мог. Лейпциг и Париж, вы тому свидетели, сколько единой моей трагедии скорый перевод чести мне сделал! Лейпцигское ученое собрание удостоило меня своим членом, а в Париже вознесли мое имя в „Чужестранном журнале“, коликó возможно...» (Трудолюбивая пчела, 1759, дек., с. 758—759). Сумароков прежде всего имеет в виду слова Готтшеда: «Мы должны поставить этого русского поэта в пример нашим вечным перелагателям иностранных творений. Почему немецкие поэты не могут найти трагических героев в нашей собственной истории и вывести их на сцену, тогда как русский нашел таковых в своей истории?» (цит. по статье Г. А. Гуковского, с. 388).

¹⁷ О Петре Спиридоновиче Сумарокове см. № 16.

40. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, № 14, л. 2. Впервые: Москвитянин, 1842, т. 2, № 3, с. 121; вторично по рукописи: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1965, с. 379.

¹ Сумароков прибыл в Москву в мае 1767 г. по делам о наследстве (Осмнадцатый век, т. 1. М., 1868, с. 60; см. также № 38).

41. Отч. зап., 1858, № 2, с. 591—592, — в подборке писем разных лиц к Сумарокову, которые «редакция „Отечественных записок“ получила от Н. Ф. Щербины», а тот в свою очередь «от одного из потомков Сумарокова». В распоряжении редакции имелись лишь копии, которые были «сняты с подлинников не совсем удовлетворительно и не могли быть вполне прочитаны» (там же, с. 579—580). Местонахождение автографа и копии неизвестно.

¹ Бецкий Иван Иванович (1704—1795) с 1762 г. возглавлял «Канцелярию строений»; по его проекту была реорганизована Академия художеств, президентом которой он оставался с 1764 по 1794 г.

² Речь идет о портрете, гравированном в 1762 г. Е. Чемесовым с оригинала Ротари. Для этой гравюры было заготовлено пять «надписей» к портрету: стихи Е. Р. Дашковой, Г. В. Козицкого (на латинском), Н. Н. Мотояса (на греческом), Ломоносова — и Сумарокова:

Сия избавила от уз Российску славу
И православие в империи спасла,
Дала премудрости Российскую державу
И истину на трон Российский вознесла.

(*Ровинский П. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов, т. 2. СПб., 1887, с. 822—823). В ПСВС «надпись» не вошла (см.: *Степанов В. П.* Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова. — Рус. лит., 1978, № 2, с. 111—115).

³ Перечисленные Сумароковым труды связаны с официальным актом инаугурации (торжественного открытия) Академии художеств. Сохранилась рукопись «Описания торжества инаугурации...», подробно описывающая церемонию (*Петров П. Н.* Сборник материалов для истории Академии художеств, т. 1. СПб., 1864, с. 100—111). Медаль на этот случай

имеет изображение Екатерины II с надписью «Екатерина Вторая Покровительница наук»; на обороте «четвероугольно обтесанный камень» и на нем «знаки трех знатных художеств» — живописи (палитра и кисти), скульптуры (молоток скульптора и бюст) и архитектуры (колонна с капителю) с надписью: «тако тверды пребудете»; внизу под камнем — «Санкт-Петербургская императорская Академия торжественно посвящена июня 28 дня 1765 года».

⁴ Конференц-секретарем Академии художеств 24 марта 1764 г. определен был Александр Михайлович Салтыков, который и произносил благодарственную «Речь» Екатерине II от лица Академии на акте 1765 г. (СПб., 1765). «Слово па открытие имп. Санкт-Петербургской Академии художеств» Сумарокова напечатано Н. И. Новиковым во втором томе ПСВС.

42. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 36. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 421.

¹ Скорее всего речь идет о Михаиле Дмитриевиче Чулкове (1742—1796), актере и писателе; Сумароков сотрудничал в первых номерах его журнала «И то, и сьо». О копии с какого перевода идет речь, неясно.

² Граф — скорее всего Г. Г. Орлов, который иногда был посредником между Сумароковым и Екатериной II.

³ В июле 1768 г. И. П. Елагин был назначен директором придворного театра, и хотя непосредственным начальником русской труппы оставался В. И. Бибиков, от Елагина зависело одобрение пьес, предлагаемых к постановке. Обострение отношений между Сумароковым и Елагиним, союзниками в литературно-общественной борьбе 1750-х гг., связано, по-видимому, с тем, что Елагин в начале 1760-х гг. возглавил кружок молодых драматургов, противостоящих Сумарокову. Под 26 апреля 1765 г. С. А. Порошин записал в дневнике рассказ о жестокой перепалке Елагина и Сумарокова за обедом у вел. кн. Павла Петровича (*Порошин С. А. Записки*. СПб., 1881, с. 312). Видимо, к концу 1765 г. относится и направленная против Елагина поэма Я. Б. Княжнина «Бой стихотворцев» (Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972, с. 536).

43. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 39—40. Текст — рукой писца, подпись — автограф. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 422—424.

¹ Трагедия — «Вышеслав», комедии — «Лихоимец» и «Три брата со-вместника» (или, может быть, «Ядовитый»). Возмущение Сумарокова было вызвано следующим письмом Елагина от 7 августа, касающимся «Вышеслава» и «Лихоимца»: «Возвращая при сем по повелению вашему обе сочинения вашего превосходительства драмы, приемлю смелость, отнюдь не желая вас раздражить, представить, что не отданы они на театр для того:

1. В трагедии показались мне следующие стихи весьма нежному слуху противны

Ах! может ли теперь мой разум бити бодр!
Зенида в храм и дом, оттоль на брачный одр.
Другому поручить на *сластолюбну радость*
Прелестну красоту, свою цветущу младость

А он во пламени... не прикасайся ей!
Все легче, что ни есть злой участи моей
Сих райских сладостей я чувствовать не стану
И их вручаю сам Зенидину тирану.

(стихи из д. 5, явл. 3. Курсив Елагина, — В. С.).

2. В комедии много острых слов на счет посвященных церкви и веры вещей. Я знаю, что ваше превосходительство изволите сказать, что все сии слова говорит порок осмеиваемый. Но не все зрители будут знать, кто говорит, а будут слышать, что они на театре говорены. Если ваше превосходительство за благо рассудить изволите, как в трагедии, так и в комедии объявленное переменить, не предавая пламени сих драм, то сим

в свое время, конечно, к удовольствию вашему представлены будут. Чадолубивый отец детей своих не жжет, а пороки их благоправно исправляет. Да я и не надеюсь, чтоб вапе превосходительство толь к своим сочинениям немилосердны стали. Впрочем, предаю все на вашу волю с должным почтением» (ЦГАДА, ф. 17, оп. 1, № 103, л. 182). После жалобы Сумарокова рукопись «Лихоимца» и «Вышеслава» просматривала сама Екатерина II, оставившая «Примечания безграмотной на подчерненные места комедии „Лихоимец“». Среди прочих здесь были предложения убрать в «Лихоимце» шутку относительно «туфель вселенского патриарха» и выражение «до второго Христова не увидишь пришествия». По поводу «Вышеслава» императрица согласилась с Елагиным, что «слова, выписанные из трагедии, кажется столь много обнажены, что благопристойность дозволить не может при столь великой публике их произнести» (Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 236—237). В печатный текст Сумароков внес соответствующие изменения. «Комическая опера» Сумарокова неизвестна. Раупач Герман (1728—1778) в 1756—1762 гг. был капельмейстером придворной оперы в Петербурге; в 1750-е гг. писал музыку к текстам Сумарокова.

² Тверским архиереем в 1768 г. был Гавриил Шапошников (Петров) (1730—1801), позднее придворный проповедник и митрополит С.-Петербургский. С 1765 г. он находился в Петербурге при Комиссии о преобразовании духовных училищ. Похвальный отзыв о нем как о проповеднике Сумароков дал в статье «О российском духовном красноречии»: «Гавриил архиепископ петербургский есть больше сочинитель разумнейших философических диссертаций, нежели публичных слов... Скажу я о нем, что красота плавного и важного его склада приносит ему пред всем просвещенным светом достойную любезного имени его похвалу» (ПСВС, т. 6, с. 282—283).

³ В начале царствования Екатерины II обсуждалась идея двух монументов. Оживилось обсуждение проектов памятника Петру, начавшееся еще в царствование Елизаветы Петровны (Морозов А. А. К истории надписей Ломоносова «К статуе Петра Великого». — Рус. лит., 1965, № 4, с. 112—114). Этьен-Морис Фальконе (1716—1791), создатель «Медного всадника», работавший в России с 1766 по 1778 г., в 1768 г. уже начал работу над моделью этого памятника. Однако Сумароков скорее всего говорит о памятнике самой Екатерине, решение соорудить который Сенат вынес вскоре после убийства Петра III, 17 июля 1762 г. И. И. Бецкому было поручено разработать его план. Бецкий благодарил за оказанную ему честь, но заявил, что считает необходимым привлечь к работе над ним также других «искусных и знающих людей»; позднее дело было передано в Академию наук, однако еще в 1764 г. ничего определенного сделано не было (Соловьев С. М. История России, кн. 13. М., 1965, с. 115, 313—314). Во время подготовки Комиссии по сочинению Нового Уложения предложение о памятнике в честь императрицы содержалось в наказе Московского дворянства (1766). Тогда же начали подыскивать место для памятника, и некий Карл Леопольд Билиштейн, служащий Коммерц-коллегии, составил шесть проектов установки монумента в разных местах столицы. Напоминание Сумарокова о своих размышлениях над идеей памятника, видимо, связано с полученным Фальконе от Бецкого в январе 1767 г. предложением соорудить такой памятник (Сборник рус. ист. о-ва, 1876, т. 17, с. 261—262; 1874, т. 30, с. 283).

44. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 41. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 424—425.

¹ Отвечая Сумарокову в связи с его требованием ускорить постановку комедии «Нарцисс», Елагин 12 февраля 1769 г. указал, что предыдущие четыре месяца труппа почти полностью была занята работой над его пьесами: «Вашего превосходительства сочинении занимают у актеров большую часть времени, как то и в последних месяцах три пьесы выучено и представлено было, а сегодня четвертая представится» (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 427). Речь идет о пьесах «Вышеслав», «Лихоимец»,

«Три брата совместники» и «Ядовитый». О постановке одной из последних двух комедий говорится в недатированной записке Екатерины к Елагину: «Иван Перфильевич! С сегодняшним днем вас поздравлю и при сем посылаю к вам комедию, которую мне Александр Петрович Сумароков отдал, и в ней, бог видит, ни единого сумнительного слова нету. Прикажите ее отдать на театр, дабы играна была; я сама ее прочла от начала до конца» (Сборник рус. ист. о-ва, 1874, т. 30, с. 13; здесь датирована Я. К. Гротом 22 сентября 1768 г.).

45. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 314, л. 98. Впервые: *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 96.

¹ Орлов Владимир Григорьевич (1743—1783), брат Г. Г. Орлова, с 1766 по 1771 г. — директор Академии наук.

² Трагедия «Вышеслав» была представлена 3 октября 1768 г. Комедия «Лихоимец», о печатании которой просит Сумароков, была отпечатана к 30 сентября.

46. Автограф не обнаружен. Впервые: *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 96.

¹ Малая комедия «Три брата совместники» была напечатана к 15 октября 1768 г.; первая комедия — «Лихоимец» (см. № 43).

² Адам Васильевич Олсуфьев (1721—1748) — статс-секретарь Кабинета, за счет которого печатались произведения Сумарокова в типографии Академии наук.

47. Автограф не обнаружен. Впервые: *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 98.

¹ Тираж «Вышеслава» был получен Сумароковым 22 октября 1768 г.

² Директор Академии — В. Г. Орлов.

48. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 314, л. 332. Впервые: *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 98—99.

¹ Комедия «Ядовитый» была напечатана к 5 ноября 1768 г.

² На должность главного директора театров в июле 1768 г. был назначен И. П. Елагин; русская драматическая группа продолжала оставаться под непосредственным наблюдением В. И. Бибикова.

49. Автограф не обнаружен. Впервые: *Семенников В. П.* Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 99.

¹ Тираж сборника «Разные стихотворения» был получен Сумароковым 25 февраля 1769 г., «Слово е. и. в. государыне Екатерине Алексеевне... на новый 1769 год» — 20 декабря 1768 г. Петр Сидоров, наборщик, с 1766 г. исполнял обязанности фактора академической типографии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 294, л. 160).

50. Оригинал — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 46—47. Текст — рукой писца, приписка и подпись — автограф. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 428—430.

¹ Девка дочь — Прасковья Александровна, вышедшая замуж уже после смерти отца за графа Антона Петровича Головина и умершая во второй половине 1780-х гг. (*Берков П. Н.* Несколько справок для биографии Сумарокова. — В кн.: XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 371). Судя по тому, что в 1766 г. Сумароков упоминал о двух дочерях, живших с матерью, а теперь говорит только об одной, вторая его дочь Екатерина Александровна вышла замуж за драматурга Я. Б. Княжнина между 1766 и 1769 гг.

² М. Н. Лонгинов предполагал, что Сумарокову была позднее пожалована деревня в Серпуховском уезде, которым помечено несколько его позднейших писем.

³ На этот раз просьба Сумарокова возымела действие, и 11 февраля 1769 г. просимые две тысячи рублей были выданы ему из сумм Кабинета (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 430, примеч.).

⁴ По документам ААН, опубликованным В. П. Семенниковым (Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 110—113), Сумароков перед отъездом в Москву, кроме «Вышеслава», «Лихошмица», «Ядовитого» и «Трех братьев совместников» (см. № 42, 44, 45), напечатал следующие сочинения: «Хорев» и «Синав» (изд. 2-е), печатались между 15 декабря 1768 г.—25 января 1769 г.; «Ярополк и Димиза» (поставлена в 1758 г.) и «Семира» (поставлена в 1751 г.) — между 10 ноября—20 декабря 1768 г.; «Приданое обманом» (поставлена в 1756 г.), «Пустынник» (поставлена в 1757 г.) и «Нарцисс» — между 12 января и 25 февраля 1769 г.; «Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 году в месяце мае», — между 2 ноября и 1 декабря 1768 г.; третья книга «Притчей» находилась в типографии с 17 декабря 1768 г. по 25 февраля 1769 г., а первые две, посвященные вел. кн. Павлу Петровичу, появились в 1762 г. Сборники «Оды торжественные», «Эклоги», «Элегии любовные», «Стихотворения духовные» были напечатаны во время приезда Сумарокова в Петербург в 1774 г.

51. Оригинал — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 44—44 об. Текст — рукой писца, подпись — автограф. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 425—427.

Сумароков в этом письме почти полностью повторяет просьбы, ранее обращенные им к Г. Г. Орлову, поскольку, получив деньги из Кабинета (т. е. из личных сумм императрицы), он счел нужным доказывать, что просил не «пожалования», а восстановления справедливости, поправленной его врагами. Екатерине II дело, видимо, не казалось столь ясным и несомненным, как Сумарокову, и она не сочла возможным давать какие-либо приказания Штатс-контуре. Тем не менее денежная помощь Сумарокову была оказана. 4 марта С. М. Козьмин сообщил ему: «Е. и. в., приняв вашу трагедию («Вышеслав» — В. С.) и прочитав ваше письмо, приказать изволила, чтоб ваше превосходительство завтра перед полуднем приехали откланяться е. в.; а на дорогу приказала из Кабинета прислать к вам тысячу рублей» (Отеч. зап., 1858, № 2, с. 587).

¹ Письмо к Козьмину см. № 35.

² Приложенное в подлиннике письмо И. П. Елагина от 12 февраля 1769 г. представляло ответ на требование Сумарокова срочно подготовить к постановке комедию «Нарцисс» и повторить представление «Вышеслава». «Для одних ваших сочинений, — писал в нем Елагин, — с отлучением всех прочих творцов и переводчиков, я отдать театра не могу; ибо я творцов и переводчиков, дающих на театр свои труды, равно почитаю, озлоблять не намерен. „Нарциза“ я получил печатного на прошлой неделе, и зная, что он также печатный у всех комедиантов есть, прикажу после карнавала выгнать, для того что ныне учить им недосужно. «Вышеслав», если приказано будет от е. в., представлен будет; а сам я приказать не хочу для того, чтоб, представляя часто одни и те же пьесы, не наскутить ни е. в., ни публике. И я, впрочем, не требую, чтоб ваше превосходительство о чем бы нибудь меня просили, ибо должность мою я без прошения исполнять привык и в том ответствую не авторам, но тому, кто на меня возложил ее. Желаю вам благополучный отъезд и счастливое прибытие туда, куда вы ехать намерены; а притом с почтением напоминаю, что я с самого еще младенчества ничьих угроз опасаться не привык, а колыми паче вашего превосходительства, с которым я и дела никакого не имею и иметь не желаю, дабы вам никогда не досадовать» (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 427—428; автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 45—45 об.).

³ Граф — Г. Г. Орлов.

52. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 3. Впервые: XVIII век. сб. 5. М.—Л., 1965, с. 380.

Речь в письме, по-видимому, вновь идет о чтении «рукописных журналов», т. е. дворцовых записных книг, которыми Сумароков интересовался еще в 1767 г. (см. № 38, 40). «Журналы» 1682 г. представляют материалы

для истории «Первого и главного стрелецкого бунта...», книгу о котором Сумароков только что издал (см. № 50).

53. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 4. Впервые: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1965, с. 380.

54. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 5. Впервые: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1965, с. 380.

¹ П. Н. Берков предполагал, что имеется в виду издание М. М. Щербатовым «Царственной книги» (1769), т. е. «Летописца» Ивана Грозного. Однако, поскольку Сумароков интересовался главным образом материалами конца XVII в., скорее всего речь идет о слухах, связанных с подготовкой тем же Щербатовым «Журнала, или подневной записки...» Петра I (ч. 1—2. СПб., 1770—1772), или об издании «Повседневных дворцовых... Михайла Федоровича и Алексея Михайловича записок» (М., 1769).

55. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 6. Впервые: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1965, с. 380.

Судя по датировке просимых материалов (воцарение Романовых), письмо связано с работой Сумарокова над сюжетом трагедии «Дмитрий Самозванец».

56. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 583, л. 308; с пометой Г. В. Козицкого: «получено 16 июня». Впервые: Летописи рус. литературы и древностей, 1862, т. 4, с. 30.

¹ Николай Николаевич Мотонис (ум. 1787) и Григорий Васильевич Козицкий (1724—1775) вместе учились в Киевской духовной академии, затем, устроившись в свиту графов Гудовичей, добрались до Лейпцига и стали студентами Лейпцигского университета. Там им удалось получить статус пансионеров Академии наук. Вернувшись в 1758 г. в Россию, они получили звание адъюнктов и место преподавателей латыни и греческого при Академической гимназии и университете. В дальнейшем Козицкий был статс-секретарем императрицы (1768—1774) и сотрудником в ее литературных предприятиях; Мотонис с 1764 по 1775 г. служил в Герольдмейстерской конторе Сената. Оба они занимали заметное место в литературной жизни 1760-х гг. как знатоки древних языков, переводчики античных авторов и тонкие стилисты. По-видимому, они были теоретическими единомышленниками Сумарокова по вопросам языка и стиля, так как он несколько раз апеллировал к их авторитету (притчи «Арап», «Порча языка», статья «О правописании»). Они также были активными сотрудниками «Трудолюбивой пчелы» в 1759 г.

57. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 583, л. 309—310. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1862, т. 4, с. 30—32.

¹ До нас дошло афористически сформулированное мнение Екатерины II о роли театра: «Театр есть школа народная; она должна быть непременно под моим надзором, я старший учитель в этой школе и за нравы народа мой ответ богу». Подробнее о театральных и драматических воззрениях императрицы см.: *Дризен Н. В.* Материалы для истории русского театра. М., 1905, с. 98 и далее; 153—162.

² Предупреждение А. И. Бутурлину не ввязываться в семейные дела Сумарокова содержалось в переписке Екатерины II по поводу жалобы матери Сумарокова. В письме М. Н. Волконскому от 3 декабря 1767 г. она писала: «Я слышу, что главным орудием неудовольствия матери статского действительного советника Сумарокова на одного сына есть зять их Аркадий Бутурлин. Чего ради призовите его к себе и объявите моим именем, что я с великим неудовольствием то принимаю, что он в то время, как я стараюсь мать с сыном примирить, не перестает всевать между ими еще пущие раздоры и несогласия, и скажите ему, чтоб он впредь от таких богопротивных и развратных поступков воздержался под опасением нашего гнева» (Оснадцатый век, т. 1. М., 1869, с. 62).

³ Немецкая труппа выходца из Вены Петра Гильфердинга (содержавшего ее вместе с И.-Фр. Нейгофом и И. Сколари) имела привилегию на деятельность в России с 1745 г. (по другим источникам даже с 1737 г.). Это было по преимуществу фарсовый театр (Гильфердинг — ампула Панталоне, Сколари — Арлекина); в его репертуаре имелась пьеса *Das Reich der Todten* («Царство мертвых»). См.: *Тонкова Р. М.* К истории петербургских театров. (Печатание «цеттелей» — афиш в типографии Академии наук с 1727 по 1771 г.). — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 389—390.

⁴ Титов Николай Сергеевич (ум. 1776), полковник, переводчик-драматург и театрал-любитель, в 1765 г. обратился в Московский Воспитательный дом, который с 1763 г. имел привилегию на устройство увеселений в Москве, с просьбой передать ему это право. По контракту, одобренному лично Екатериной II, Титов вместо 25% со сбора обязывался выплачивать Воспитательному дому твердые 1500 руб. в год и получал в пользование театр в Головинском доме на Яузе, в Лефортове. Он собрал в своей труппе лучших актеров самодеятельной труппы Московского университета — И. И. Каллаграфа, А. Г. Ожогина; у него играли В. П. Померанцев и Базилевич (*Чаянова О. Э.* Театр Маддокса в Москве. М., 1927, с. 12, 17). 19 марта 1769 г. П. С. Салтыков, однако, сообщил Екатерине II, что актерам в Москве уже некоторое время не платят жалованье, что Титов в долгах и не в состоянии продолжать дело (*Горбунов И. Ф.* Соч., т. 3, кн. 5. СПб., 1910, с.61).

⁵ Итальянцы Джованни Бельмонти и Джузеппе Чинти, которые принялись хлопотать о передаче русского театра в их руки, с 1766 г. уже имели пятилетнюю привилегию устраивать в Москве балы, публичные маскарады и обучать танцам в домах московского дворянства; Бельмонти давал также уроки игры на клавесине. Компаньоны, по-видимому, заручились содействием московских актеров, так как к отправленному ими через Сумарокова к Екатерине прошению были приложены и два письма от актеров об их бедственном положении при антрепризе Титова. Возвращая Салтыкову прошение Чинти и Бельмонти, Екатерина II подтвердила их исключительное право содержать в Москве маскарады и русские спектакли. Проект контракта новых антрепренеров неизвестен, но сам характер привилегии восстанавливается по замечаниям на него Екатерины II (Рус. беседа, 1858, т. 2, кн. 20, с. 237—238; также: Сборник рус. ист. о-ва, 1874, т. 30, с. 15—17. Автограф Екатерины — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 18—18 об.). Обо всем этом Сумароков уже к 24 июля знал из специального письма Козицкого (см. № 58). Чинти и Бельмонти, таким образом, вновь получили привилегию на 5 лет, право обучать актерскому делу вольных и крепостных людей; казна отказывалась от каких бы то ни было претензий на их театральное имущество, театру была обещана постоянная полицейская охрана. Хотя «театральный дом» Локателли они и не получили, но им предоставили место для постройки собственного театра. Однако вместо того, чтобы строить театральное здание, компаньоны сняли и приспособили под театр помещение в доме Р. И. Воронцова, получившем впоследствии название «театра на Знаменке»; он был открыт зимой 1769 г. (*Mooser R.-Al.* *Annales de la musique et des musiciens en Russie au XVIII siècle*, t. 2. Genève, 1951, p. 89, 90, 101, 136, 144; *Горбунов И. Ф.* Соч., т. 3, кн. 5. СПб., 1910, с. 101—102).

⁶ В связи с сообщением Сумарокова о выселении актеров с казенной квартиры после отказа Титова от содержания антрепризы Козицкий запросил Елагина об основаниях для этого. Елагин, явно имея в виду жалобу Сумарокова, отвечал 7 июня 1769 г. в том смысле, что дом в Лефортове — казенное заведение, а московская труппа — частная, «а хотя бы кто его и требовал, то и тогда бы без особилюго е. и. в. повеления отдать его для комедиантов было не можно; ибо он дан был г. Титову для исправления его состояния, а не для комедиантов, которые на иждивении антрепренера жить обязываются» (Летописи рус. литературы и древности, 1862, т. 4, с. 32—33). Между тем именно в это время покинул Москву

и поступил на службу в придворный театр Базиленич, известный своим амплуа комического слуги.

⁷ Письмо Вольтера от 26 февраля представляло ответ на недошедшее до нас письмо Сумарокова по поводу «слезной» комедии (буржуазной драмы), пропагандировавшейся Д. Дидро и пользовавшейся успехом также в России. Это письмо Сумароков отправил с ехавшим к Вольтеру личным курьером императрицы Ф. А. Козловским. Поскольку из Фернея Козловский направлялся к русским войскам в Морею, ответ Вольтера пришел в Петербург с почтой Г. Г. Орлова, но уже не застал здесь Сумарокова. Адъютант Орлова А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817), позднее издатель «Слова о полку Игореве», переслал его в Москву. В сопроводительной записке он писал: «Князь Козловский пишет, что г. Вольтер делает вам великую похвалу; покорно прошу, ежели можно, дать знать, что г. Вольтер к вам пишет» (Отеч. зап., 1858, № 2, с. 585).

58. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 583, л. 307; с пометой Козицкого: «Получено авг. 2 числа», оборот е. в. поднесен авг. 3 дня, ответ же по высочайшему повелению послан 4 авг.». Впервые: «Летописи рус. литературы и древности, 1862, т. 4, с. 33.

¹ Замечание о В. П. Петрове (1736—1799), поэте и личном библиотекаре императрицы, связано, очевидно, с ее опровержением на книгу аббата Шаппа о России «Антидот». К 1769 г. относится основная часть работы над этим сочинением, в которой техническое участие принимал также и Козицкий. Возможно, Сумароков знал о содержании «Антидота» по слухам. Именно здесь появилось сравнение Петрова с Ломоносовым: «La force de la poésie de ce jeune auteur approche déjà de celle de mr. Lomonosow, et il a plus d'harmonie: son stile en prose est rempli d'éloquence et d'agrément; sans parler de ses autres ouvrages, à en juger par le premier chant qui a paru, sa traduction en vers de l'Énéide l'immortalisera, c'est peut-être un ouvrage unique et dont aucune langue ne saurait en montrer de pareil...» (По силе поэзии этот молодой автор уже сравнился с г-ном Ломоносовым, но в его стихах больше стройности; его проза исполнена красноречия и приятности; его стихотворный перевод Виргилиевой «Энеиды», если судить по появившейся первой песне, обессмертит его имя, не говоря о других его произведениях; это, быть может, произведение единственное в своем роде, подобного которому ни на каком ином языке не появится. См.: *Екатерина II*. Соч., т. 7. СПб., 1901, с. 256).

59. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 583, л. 311—312. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1862, т. 4, с. 33—35. Письмо пришло в Петербург 3 августа, и 4 августа Козицкий доложил о нем императрице. В ответном письме, тоже от 4 августа, он сообщал ее мнение о жалобах Сумарокова: «Изволила мне приказать всеместивейшая государыня написать к вам: 1. Что касается до сбора четвертой части феатрального дохода, о том поговорит сама с И. И. Бецким. 2. Тамошний феатр состоит во власти гр. Пкетра Скеменовича, он (т. е. Сумароков, — В. С.) может с оным учреждением сделать по своему рассуждению. 3. Как все актеры вольны обязательства делать с кем и где похотят, то у них сего и отнимать не должно» (Летописи рус. литературы и древности, 1862, т. 4, с. 35).

¹ Гр. Василий Иванович Толстой (ум. 1785), который был московским обер-полицмейстером до 1771 г.

² Вырубов Петр Иванович, капитан Измайловского полка, в 1769—1770 гг. находился в числе опекунов Воспитательного дома в Москве (его портрет из собрания Воспитательного дома см.: Старые годы, 1912, № 5). 25% с суммы театральных сборов отчислялись в пользу Воспитательного дома по указу от 1 сентября 1763 г.

³ И. А. Дмитриевский 31 августа 1765 г. особым распоряжением императрицы был отправлен в Париж и Лондон для усовершенствования в актерском искусстве; он вернулся в Россию в ноябре 1766 г. В Париже он познакомился с лучшими актерами театра Французской Комедии —

Ипполитой Клерон, Мари Дюмениль и Лекеном, который затем сопровождал Дмитревского в Лондон, чтобы представить его Д. Гаррику. К Дмитревскому-актеру обращены две элегии Сумарокова «На смерть Ф. Г. Волкова» и «На смерть Т. М. Троицкой»; высокая оценка таланта Дмитревского дана в стихотворении 1766 г., посвященном очередному представлению «Синава и Трувора»: «Пуская Дмитревский вздыхание и стон, Явил Петрополю красы котурна он: Проснулся и пришел на Невский брег Барон» (известный французский актер, ученик Мольера, — В. С.). См.: *Сумароков А. П. Избранные произведения*. Л., 1957, с. 300. Вторично Дмитревский был за границей в 1767—1768 гг. для найма актеров во французскую придворную труппу в Петербурге.

⁴ О «первой актрисе» Е. Ивановой см. № 61.

60. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 9. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 431.

¹ Шумский Яков Данилович (ум. 1806) — актер придворного театра в Петербурге, известный комик; был знаком Сумарокову еще по труппе Ф. Г. Волкова.

61. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 10—11 об. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 431—435.

¹ Первой актрисой московского театра в 1760-е гг. считалась Елизавета Иванова. В связи с постановкой «Синава и Трувора» она написала Сумарокову извинительное письмо, в котором ссылалась прежде всего на принуждение со стороны Салтыкова, а свою дурную игру объясняла нездоровьем. Подобный же случай притворства известен и по ее службе в придворном петербургском театре, куда она перешла с 1 января 1773 г. В 1783 г. она получила 950, а в 1799 г. — уже 2000 руб. с одним бенефисом в год (Архив Дирекции имп. театров, т. 3. СПб., 1892, с. 29—30).

² Чичерин Николай Иванович (ум. 1782) был генерал-полицмейстером в Петербурге с 1764 по 1777 г.

³ Зять А. М. Еропкина — граф Михаил Федорович Апраксин (1744—1806), сын известного сподвижника Петра I, женатый на одной из дочерей Еропкина (*Долгорукий П. Русская родословная книга*, т. 2. СПб., 1855, с. 116).

⁴ Племянница П. И. Панина — Екатерина Александровна Куракина (1735—1802), по мужу Лобанова-Ростовская; дочь Салтыкова — Варвара Петровна Голицына, которой Сумароков посвятил элегию «на представление двоюродной ее сестры графини Марьи Владимировны Салтыковой» (ПСВС, т. 9, с. 88).

⁵ Об особенностях этого издания см.: *Стенник Ю. В. Две редакции трагедии А. П. Сумарокова «Синава и Трувор»*. — В кн.: XVIII век, сб. 6. М.—Л., 1964, с. 247—257.

⁶ Текст этого первого соглашения с Бельмонти о постановке пьес Сумарокова не сохранился. Известно, однако, что он был послан при этом (или следующим) письме к императрице для доказательства правоты требований Сумарокова и возвращен ему Козицким при ответном письме от 15 февраля (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 452). Впервые ссылка на контракт, заключенный Сумароковым, с одной стороны, и Бельмонти и Чинти, с другой, была сделана в объявлении «От актеров Российского театра» о постановке «Семиры» 22 декабря 1769 г., явно составленном самим Сумароковым: «Автор оной драмы покорнейше просит публику о благоволительном слушании, дабы мог он давати свои драмы и впредь ради удовольствия зрителей... А в противном случае ни одной трагедии и ни одной комедии сего автора без присутствия двора при жизни авторовой в Москве представлено не будет. А содержатели театра с ним письменно обязались, чтоб без его согласия его сочинений не представлять, чего они и без обязательства делать не могут» (*Майков Л. Н. Очерки по истории русской литературы XVII—XVIII столетий*. СПб., 1889, с. 322).

⁷ Сын П. С. Салтыкова — граф Иван Петрович Салтыков (1730—1805), впоследствии генерал-фельдмаршал; зять — граф Андрей Петрович Шувалов (1743—1789), поэт, близкий к литературному кругу Вольтера; вернулся из Парижа в Россию в 1766 г.; был женат на другой дочери Салтыкова — Екатерине Петровне.

⁸ Римский поэт-эпик Лукан (39—65) потерял расположение Нерона, как только император, сам занимавшийся стихотворством, убедился в его большом поэтическом таланте. Лукан покончил с собой во время заговора Пизона.

⁹ Вместе с данным письмом Сумароков отправил Екатерине II копию с письма Вольтера от 26 февраля 1769 г. (ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 12—13; первоначально напечатано при издании трагедии «Дмитрий Самозванец», затем вошло в четвертый том ПСВС; см. также № 57). «Парижская критика», т. в. рецензия на «Синава и Трувора» в «Journal étranger» (см. № 64).

¹⁰ Завершение, «развязка» (франц. dénouement).

¹¹ Приноровление цитаты из д. 2, явл. 6 трагедии «Вышеслав» (монолог Вышеслава):

И знал бы, что сужу обидчика не я,
Но сам обидимый обидчику судья;
Не емля сил вельмож, вокруг стоящих трона,
Но от подписанна рукой моей закона.

62. Автограф — ЦГАДА, ф. 1271, оп. 1, № 29. Впервые: *Глинка С. Н.* Очерки жизни и избранные сочинения А. П. Сумарокова, ч. 1. СПб., 1841, вклейка-факсимиле; с. 101 — русский перевод. Вторично без указания источника текста: Рус. архив, 1907, № 12, с. 463—464.

63. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 17, 27, 28. Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 244—245. Последовательность написанных на отдельных листах записок устанавливается по соотношению их с письмом к Екатерине II. В сопроводительных записках к Козицкому имеются в виду письма к ней от 28 января и 1 февраля, вложенная во второе письмо элегия «Все меры превзошла теперь моя досада...» и приложенное официальное отношение в Академию наук с просьбой напечатать стихи. Последняя приписка Сумарокова находится непосредственно на подлинном письме Ивановой, которое должно датироваться вечером 31 января. Как сообщал в ответном письме от 15 февраля Козицкий, стихи не были ему возвращены (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 451); при жизни Сумарокова не печатались, но были известны в списках.

¹ Ильмена — героиня трагедии «Синав и Трувор».

64. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, д. 113, л. 22—23 (письмо), 22—26 об. (стихотворение). Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 238—244.

¹ В 1759 г. русские войска под командованием П. С. Салтыкова в битве при Куверсдорфе нанесли тяжелое поражение прусской армии во главе с самим Фридрихом II. Что касается уровня образования Салтыкова, то оно было предметом распространенных насмешек. С. А. Порошин записал в дневнике разговор И. Г. Чернышева и Н. И. Панина о том, что С. Н. Мордвинов (адмирал), учившийся во Франции вместе с П. С. Салтыковым, так и не выучился французскому языку. Сравнивая же их, Панин добавил: «Морской-ат еще не лучше ли, потому что что-нибудь да выучил, а тот уже совсем ничего» (*Порошин С. А.* Записки... СПб., 1881, с. 524).

² Письмо актрисы Ивановой Сумароков забыл вложить в конверт и дослал при записке к Козицкому (см. № 63).

³ Сумароков пересказывает заключительную часть рецензии в «Journal étranger» в переводе Козицкого: «Благородство характеров, истина в суждениях и в выражении страстей великое искусство — все сие приносит российскому автору пред всем просвещенным светом похвалу, которой

он по справедливости достоин... Сия господина Сумарокова драма в отечестве его великий успех имела, а мы не сомневаемся, что и на других театрах не сделает она ни малейшего ущерба чести авторовой, по крайней мере отечеству стихотворца славу принесет, как произведшему на свет такого стихотворца, который живым примером показывает о успехах наук, введенных Петром Великим и процветающих под покровительством августейшей его дочери» (ПСВС, т. 10, с. 188, 190). См. также № 33, 39.

65. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 24. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 452.

¹ «Трагедия новая» — «Дмитрий Самозванец»; о дошедших до Петербурга слухах, что Сумароков над нею работает, упоминал Козицкий в письме от 15 февраля (Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 451).

² Николай Николаевич — Мотонис.

66. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 48—49 (письмо), 31—31 об. («эпизод»). Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 453—455.

Два предыдущих письма Сумарокова к Екатерине II (№ 61, 64) поступили к Козицкому с одной и той же почтой; в его бумагах сохранилось несколько записей на отдельных листках, связанных с представлением этих писем императрице. Это пояснительная записочка самого Козицкого: «От Александра Петровича Сумарокова вчера по почте полученные»; на ней рукой Екатерины помета: «Сумароков без ума есть и будет» (Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 245—246; ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 17). 15 февраля 1770 г. императрица отправила Сумарокову следующее письмо: «Александр Петрович! Первое ваше письмо от 26 января (на самом деле от 28 января, — В. С.) мне удивило, а второе от 1 февраля еще больше; оба, понимаю, содержат жалобу на Бельмонта, который, однако, следовал приказаниям графа П. С. Салтыкова. Фельдмаршал желал видеть трагедию вашу; сие вам делает честь. Пристойно было в том удивляться первого на Москве начальника. Если же граф Салтыков заблагодарассудил приказатъ играть, то уже надлежало без отговорок исполнить его волю. Вы более других, чаю, знаете, сколь много почтения достойны заслуженные славою и сединою покрытые мужия и для того советую вам вперед не входить в подобные споры, чрез что сохраните спокойство духа для сочинения, и мне всегда приятнее будет видеть представлении страстей в ваши драммы, нежели читать их в писмах. Впрочем остаюсь к вам добросклонна» (Чтения О-ва истории и древности российских, 1860, кн. 2, с. 238; также: Сборник рус. ист. о-ва, 1874, т. 30, с. 17—18). Впервые письмо стало известно в 1812 г. во французском переводе по «Correspondance littéraire de Grimm et de Diderot». Русский перевод был сделан П. А. Вяземским по тексту этого издания с пространным комментарием (Вестн. Европы, 1818, № 49, с. 170—173). Затем С. Н. Глинка перепечатал текст из «Correspondance littéraire» как оригинальный текст письма Екатерины II, сопроводив его собственным переводом; это дало основание комментаторам считать первоначальным именно французский текст. Между тем в бумагах Козицкого сохранился русский вариант письма, приведенный выше (ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 15—15 об.). Почерк, характерные для орфографии Екатерины II ошибки в согласованиях и пренебрежение знаком ъ (вместо него почти всегда стоит ѳ) не оставляют сомнения, что это опрятный черновой автограф. Можно, таким образом, думать, что подлинное письмо Екатерины к Сумарокову было написано по-русски.

¹ Сумароков называет основных представителей разветвленного семейства Шуваловых — Мавра Егоровна Шувалова (урожд. Скавронская), графы Петр и Александр Ивановичи, их двоюродный брат Иван Иванович Шувалов; Андрей Петрович приходился ему двоюродным племянником. Сумароков вспоминал как покровительство, оказывавшееся Шуваловыми Ломоносову, в противоположность ему, Сумарокову (см. его письма к И. И. Шувалову), так и — говоря об «усердии своем к особе» — их решающую роль в деле канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, направленном

против Екатерины II, тогда великой княгини. В числе подозреваемых и допрошенных в этом процессе был и Сумароков. Противопоставление Сумарокова и Ломоносова нашло отражение в его «Письме молодого русского вельможи к ***» («Lettre d'un jeune seigneur russe à M. de***», 1760), где он писал о Сумарокове: «Неспособный подняться до Корнелия, он избрал в образец Расина; сухость его воображения искупается живостью мысли... Его можно упрекнуть в копировке недостатков своего образца, в подражании ему даже в слабостях...» (XVIII век, вып. 1. М.—Л., 1935, с. 360—361). Еще более резко Шувалов выразил эту мысль в «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в Санкт-петербурге» («Ode sur la mort de monsieur Lomonosof de L'Académie des Sciences de St-Pétersbourg», 1765), причислив Сумарокова к «мерзким соперникам» великого поэта: «Один неразумный копист недостатков Расина ненавидит божественную музу северного Гомера. Примечание к слову «копист» (un copiste) прямо называло Сумарокова: «Г. Сумароков, автор нескольких трагедий, в которых наблюдается рабское подражание Расину и манья копировать этого великого человека, даже в тех его слабостях, за которые его упрекают. Этот г. Сумароков постоянно позорил прославленного поэта исключительно из-за превосходства талантов последнего» (там же, с. 353; пер. П. Н. Беркова). Особое негодование Сумарокова вызывало то обстоятельство, что Шувалов создавал ему дурную репутацию в кругу Вольтера, к которому он принадлежал в 1764—1766 г.

² Отзыв Сумарокова, видимо, относится к постановкам трагедий М. М. Хераскова «Мартезия и Фалестра» (26 марта 1767, Москва), В. И. Майкова «Агриопа» (13 октября 1769, Петербург) и «Деидами» Тредиаковского, никогда не ставившейся из-за своей явной несценичности.

³ Пасха в 1770 г. приходилась на 4 апреля.

⁴ Стихи из д. 3, явл. 1 трагедии «Ярополк и Димиза» (реплика Ярополка).

⁵ Предшествующее 25 февраля воскресенье приходилось на 21 число. Отправляя письмо Сумарокову, Екатерина II копию с него «для сведения» сообщила и Салтыкову. Списки с письма Екатерины, как правило, неточно воспроизводящие приведенный выше текст, встречаются в рукописных сборниках XVIII в.

67. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 25. Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 244.

¹ Эта этимология эпистолярного приветствия обыгрывается также в 4 явл. 1 д. комедии «Рогоносец по воображению»: «Нижайшего поклона ничего нет ниже, а что всенижайший поклон, этого я уже и не понимаю» (ПСВС, т. 6, с. 6).

² Речь идет о печатании сочинений Сумарокова при Академии наук в 1750-е гг. под цензурой Ломоносова и его сторонников (см. № 11, 21, 22).

³ Стих из 4 антифона заутренней службы.

⁴ Приноравливание первых стихов 136 псалма (в переложении Сумарокова — псалом 137): «При реках Вавилона там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах посреди его повесили мы наши арфы...».

68. Подлинник — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 29—30; русский текст — рукой писца, авторизован Сумароковым; фразы на французском языке и подпись — автограф. Впервые: Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 246—250.

К этому письму относится записка Екатерины II для Козицкого: «Напишите к нему, что письма его мною получены, что я на них отвечать не буду для того, чтоб копии с оных писем ему не наносили ввон досады. И что, впрочем, желаю ему здравствовать, а не липитесь жизни, здравия и ума, как он то пишет ко мне; на том же листке помета Козицкого: «Писано сие в моем к А. П. С. письме, марта 15 дня 1770 г.» (Рус. беседа, 1860, т. 2, кн. 20, с. 246; также: Сборник рус. ист. о-ва, 1874, т. 30, с. 18).

¹ Софокл дважды избирался афинянами на должность военачальника; Рубенс, фламандский художник, находясь в начале 1600-х гг. в Мантуе при дворе герцога Винченцо Гонзаго, был однажды послан с дипломатическим поручением в Испанию.

² И. А. Дмитриевский, будучи актером придворного театра, в 1770 г. выступил с гастрольями в Москве. Прежде всего Бельмонти пригласил Дмитриевского для того, чтобы осуществить постановку «Евгении» Бомарше в переводе Н. О. Пушкинова, который писал позднее в предисловии к изданию пьесы, что «актеры, руководствуемые нашим главным придворным актером г. Дмитриевским, в то время в Москве бывшим, изображая естественно, что сочинитель требовал, сами себя превосшли». В журнале Н. И. Новикова «Пустомеля» (1770, июнь) появилось сообщение о прошедших в Москве спектаклях с его участием. Он играл в трагедиях Сумарокова «Семира», «Вышеласлав» и «Хорев», в комедии Ж.-Г. Кампистрона «Ревнивый, из заблуждения выведенный» (в переводе В. И. Лукина), в уже упоминавшейся «Евгении» и драме Ж.-Б. Сорена «Беверлей». Две последние пьесы принадлежали к тому «пакостному роду слезных комедий», против которого Сумароков неистово выступил в предисловии к «Дмитрию Самозванцу» (*Всеволодский-Гернгросс В. Н.* Русский театр второй половины XVIII в. М., 1960, с. 93—95).

³ «Федра» — трагедия Расина; «Меропа» — трагедия Вольтера.

⁴ На московские пересуды о письме Екатерины II Сумароков откликнулся притчей «Кукушки» («Наместо соловьев кукушки здесь кукуют И гневом милости Дианыи толкуют...»). Молодой Г. Р. Державин, будучи в 1770 г. в Москве и принадлежа к антисумароковской партии, ответил на нее эпиграммой «На сороку в защищение кукушек» («Не будучи Орлом Сорока здесь довольна, Кукушками всех птиц поносит своевольно...») (Державин, т. 3, с. 190). С этим эпизодом литературной борьбы связан также анекдот о гневе Сумарокова на некоего Гаврилу Дружерукова, которого он принял за автора эпиграммы (Соревнователь просвещения и благотворения, 1819, № 5, с. 220—222).

69. Автограф — ГБЛ, ф. 222 (Н. И. Панин), карт. V, д. 2, л. 197.

¹ Брылкин Иван Онуфриевич (1709—1788) — сенатор, директор Павловской больницы в Москве, находившейся под покровительством вел. кн. Павла Петровича; Панин Никита Иванович (1718—1783) был воспитателем великого князя.

² Дольгауз (*нем.* Tollhaus), дом сумасшедших. Сохранилось письмо Панина к Брылкину от 4 мая с предложением принять в госпиталь человека Сумарокова, а также отпуск его письма к Сумарокову от того же числа: «Государь мой, Александр Петрович! Препровождая сям письмо к Ивану Анофриевичу под открытой печатью, имею честь ваше превосходительство уверить, что больнои ваш человек, конечно, в госпитале принят будет, если только болезнь его излечима, ибо по установлению больницы не принимаются в оную те, которые подвержены неизлечимым болезням. Сохраняя навсегда взаимную нашу древнюю дружбу, пребываю с отличным почтением». Последняя фраза написана Паниным по зачеркнутому писарскому тексту: «сохраняя к достоинствам вашим истинное почтение» (ГБЛ, ф. 222, Панин, карт. I, д. 3, л. 80).

70. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 19. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 455—456.

¹ Распоряжение о печатании «Оды...» на день коронации Екатерины II датировано 4 октября 1770 г.

² Школярый (И. Сколари) — петербургский книгопродавец; до того как заняться книготорговлей, он был актером, а также одним из держателей немецкой труппы в Петербурге (XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 391). Судя по его письму к Сумарокову (Отеч. зап., 1858, с. 116, № 2, с. 590), последний, уезжая из Петербурга, доверил Сколари продажу вышедших до 1769 г. изданий.

³ Московским почт-директором в 1770 г. был Борис Владимирович фон Пестель; петербургским — Матвей Матвеевич фон Эрк.

71. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 20—21 об. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 456—460.

¹ Сравнение поэта с барабанщиком и трубачом восходит к басне Эзопа «Трубач».

² «Strafe» в немецком языке означает одновременно и денежное взыскание, и наказание.

³ О похищенном у него П. С. Потемкиным замысле пьесы о русских победах над турками в Морее Сумароков пишет 30 апреля 1770 г. (№ 80).

72. Автограф — ЦГАДА, ф. 199, оп. 2, № 546, ч. 9, д. 14, л. 7. Впервые: Сев. архив, 1823, ч. 6, с. 458 (факсимиле); ч. 7, с. 97 (печатный текст). Вторично: Москвитянин, 1842, № 3, с. 120, по копии в бумагах К. Ф. Калайдовича.

Письмо написано вскоре после возвращения Сумарокова из Петербурга с тиражом только что отпечатанной трагедии «Дмитрий Самозванец». Он приехал в Петербург в первых числах января с рукописью «Дмитрия Самозванца». 13 января 1771 г. С. М. Козьмин уже сообщал ему письмом: «Е. и. в., посылая к вашему превосходительству вашу трагедию, приказать мне изволила у вас спросить, угодно ли вам, чтобы она на театр отдана была, в каком случае она сего же дня отдана будет, если оную ваше превосходительство ко мне обратно прислать изволите» (Отг. зап., 1858, № 2, с. 585—586). «Дмитрий Самозванец» был представлен 1 февраля; 8 февраля Сумароков отдал трагедию в Академическую типографию, 28 февраля было разрешено в виде приложения к ней напечатать «Критическое сочинение о худых театральнх стихотворцах». (Опубликовано в виде предисловия к трагедии).

¹ Князь Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — историк и публицист.

² Маржере Жак (1560—1614) — французский капитан, служивший в России при Борисе Годунове; автор сочинения «Etat de l'Empire de Russie, et Grand Duché de Moscovie». Скорее всего, речь идет об одном из двух парижских изданий 1607 и 1669 гг.

³ Упоминаемый портрет Дмитрия Самозванца был воспроизведен при издании трагедии. Оригинальная гравюра, которую Сумароков предлагает вниманию Миллера, вырезанная «с натуры» Лукою Киллианом в 1606 г. и напечатанная в Аугсбурге, представляет чрезвычайную редкость. В печатном примечании Сумароков сообщал, что он отыскал ее «в книжке портретной», полученной от Марии Анны Калло, сотрудницы и ученицы М.-Э. Фальконе (Москвитянин, 1842, № 4, с. 486—487).

73. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1877, оп. 1, № 2, л. 1. Впервые: *Вяземский П. А. Фонвизин*. СПб., 1848, с. 371 (с цензурными пропусками); переч. без изменений в кн.: *Вяземский П. А. Полн. собр. соч.*, т. 5. СПб., 1880, с. 371.

Сумароков был знаком с Фонвизиным по крайней мере с 1763 г. (см. письмо Фонвизина к сестре от 13 декабря 1763 г. — Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1959, с. 327).

¹ Никита Иванович — Панин.

74. Автограф — ЦГАДА, ф. 5, оп. 1, № 113, л. 50. Впервые: Библиогр. зап., 1858, т. 1, с. 460.

75. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 587, л. 382. Впервые: Библиогр. зап., 1861, № 17, с. 520.

¹ Талызин Иван Лукьянович (1700—1777) — адмирал; вышел в отставку в 1765 г.

76. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 245—245 об. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 61—62.

¹ Последняя трагедия Сумарокова «Мстислав» (поставлена 16 мая 1774) была напечатана в 1774 г. (постановление о печатании от 6 июня). После 1770 г. Сумароковым были написаны комедии «Рогоносец по воображению», «Мать совместница дочери» и «Вадорщица» (см. также № 105); поставлены на петербургской придворной сцене в 1774 г., напечатаны лишь посмертно в ПСВС. Сборник «Духовные стихотворения» был отдан в печать 25 октября 1773 г., «Дополнения к Духовным стихотворениям» — 1 мая 1774 г., «Эклоги» — 7 января 1774 г.

² Бельмонти скончался 14 марта 1772 г. Владельческие права, связанные с театральной привилегией, перешли к двум его сиротам, опекунами которым выступили свояченица Бельмонти, Тереза Адамовна Бахнерова, и его сестра «баронша де Мота» (Валлен де ла Мот «?»). На короткое время к новым содержанием театра присоединился премьер-майор Матвей Герасимович Окулов; однако практического результата их кратковременная деятельность не имела никакого. В конце года право на театральные постановки было выкуплено у прежних владельцев князем П. В. Урусовым. Следует отметить, что Сумароков остался должным Бельмонти 50 рублей по расписке и 350 рублей по векселю (*Забелин И.* Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII ст. — Сборник Моск. о-ва любителей рос. словесности на 1891 г. М., 1891, с. 579—580). Охранную опись гардероба и буафории, сделанную сразу после смерти Бельмонти, см.: Ежегодник Ин-та истории искусств. Театр. М., 1955, с. 406—422.

77. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 244—244 об. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 59—60.

В ответ на данное письмо Козицкий 10 апреля сообщил Сумарокову отзыв императрицы: «Е. в. изволила мне приказать в ответе к вам написать, чтоб вы проект к учреждению феатра московского представили, от которого бы и представляющие, и зрители могли иметь пользу» (Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, т. 6, с. 62).

¹ Волконский Михаил Никитич (1713—1788) был соучеником Сумарокова по Сухопутному шляхетному корпусу; находясь в Москве в качестве депутата от Сената в Комиссии по сочинению Нового Уложения, он по поручению императрицы в 1767 г. улаживал отношения Сумарокова с родными в деле о наследстве. В ноябре 1771 г. был назначен главнокомандующим в Москве вместо П. С. Салтыкова. Волков Дмитрий Васильевич (1718—1785), сенатор, был откомандирован в московские департаменты Сената вскоре после чумного бунта в сентябре 1771 г. Ему принадлежит комедия «Воспитание» (1774), осмеянная Сумароковым в эпиграмме «Окончится ль когда Парнасское роптанье...». Московским обер-полицеймейстером после смещения в январе 1772 г. И. И. Бахметева стал Николай Петрович Архаров (1740—1814). Адрессы (франц. *adresse*) — обращения.

² Мелиссино Иван Иванович (1718—1795) учился в Сухопутном шляхетном корпусе одновременно с Сумароковым, с 1757 по 1763 г. занимал должность «директора» Московского университета, а с 1771 г. — его куратора, в 1768—1771 гг. он был опекуном Воспитательного дома. Таким образом, Мелиссино был хорошо осведомлен как о финансовом положении театра, так и о состоянии труппы, продолжавшей сохранять тесную связь с любительским университетским театром. С М. А. Пушкиным семья Мелиссино находилась либо в свойстве, либо в отношениях крайне дружеских: Прасковья Владимировна Мелиссино (в девичестве княжна Долгорукова) взяла на воспитание малолетнего Алексея Пушкина. Старший брат И. И. Мелиссино Петр Иванович был одним из организаторов кадетских спектаклей в 1749—1751 гг.; позднее он обучал актеров ярославской труппы. Михаил Алексеевич Пушкин участвовал в перевороте 1762 г.; его преобразенский мундир был на плечах Е. Р. Дашковой во время похода Екатерины II в Петергоф. Благодаря покровительству Орловых Пушкин в 1772 г. имел место советника Мануфактур-коллегии в Москве,

находясь под началом вице-президента коллегии Федора Ивановича Сукина; президентом ее был Д. В. Волков, видимо, благоволивший к театральным проектам Пушкина. Его брат Сергей Пушкин в 1760 г. был отправлен И. И. Шуваловым в качестве курьера к Вольтеру с двумя тысячами червонцев в подарок и с материалами для второго тома «Истории Петра Великого». Доехав до Вены, он скрылся с порученными ему деньгами; затем объявился уже в Париже, где в 1762 г. попал в долговую тюрьму. Возвратиться в Россию ему помогло только заступничество брата. М. А. Пушкин и Ф. И. Сукин были причастны к литературе: первый состоял в стихотворной переписке с Н. П. Николаевым (см.: *Николев Н. П. Творения*, т. 4. М., 1798, с. 182); второй выступал в полемике 1752—1753 гг. против И. П. Елагина (и тем самым Сумарокова) как автора «Сатиры на пегиметра» (см.: Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975, с. 169, 678). Пушкиных погубила попытка поправить расстроенное состояние подделкой весьма примитивных ассигнационных билетов первого выпуска 1769 г. В феврале 1772 г. С. А. Пушкин был задержан в Риге с фальшивым клише. Михаил и Сергей Пушкины указом 25 октября 1772 г. за делание фальшивых ассигнаций были приговорены к лишению чинов и дворянства, и также первый — к ссылке в Сибирь, а второй — к вечному заточению. Позднее они именовались «бывшими Пушкинными» (Рус. архив, 1871, № 10, с. 1690—1693).

³ О новонаписанных произведениях Сумарокова см. № 75.

78. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 290. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 63.

¹ А. Г. Козицкая, в замужестве графиня Лаваль, хозяйка известного салона пушкинского времени, родилась 18 марта 1772 г. О ее рождении Козицкий сообщил Сумарокову в письме от 10 апреля (см. № 77).

79. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 289. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 62—63.

80. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 322—323. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 65—66. Отзыв о П. С. Потемкине на отдельном листке; приписка об адресате — на конверте (там же, л. 213 об.). В тексте отзыва после слов «но тогда Гр.» непонятный пропуск.

¹ Граф Г. Г. Орлов, возглавлявший в конце 1771 г. борьбу с эпидемией чумы в Москве, также останавливался там в апреле 1772 г. по дороге на мирный конгресс в Фоксанах. Разговор «о громе» связан с естественнонаучными интересами Орлова и спорами вокруг теории Б. Франклина о природе атмосферного электричества. Об «электрических опытах» Орлова см. в «Записках» С. А. Порошина (СПб., 1881, с. 282, 570).

² «Спасское училище» — бытовое наименование Московской славяно-греко-латинской академии, помещавшейся в Заиконоспасском монастыре.

³ Отзыв относится к «драме» П. С. Потемкина «Россы в Архипелаге» (1772), посвященной победам русского флота в Море под командой А. Г. Орлова.

81. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 321—321 об. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 4, с. 63—65.

¹ С Платоном Левшинным (1737—1812), законоучителем наследника вел. кн. Павла Петровича, а с 12 октября 1770 г. архиепископом Тверским, Сумароков был знаком еще по Петербургу. Необычайно высокий отзыв о проповедях Платона он дал в статье «О духовном российском красноречии»: «Платон есть последователь Златоуста; его имеет дарования, его свойства, вкус; сей российский Бурдалу исполнен силы, пламени и быстроты; преемник Феофанов приводит в восхищение слушателей, а читателей еще больше; Платон подобен реке быстротекущей и все, что ей ни встретится, влекущей с собою» (ПСВС, т. 6, с. 283). Архиепископам Петербургскому — Гавриилу, Псковскому — Иннокентию и Твер-

скому — Платону был «приписан» сборник «Духовные стихотворения»; в этом посвящении Сумароков отметил: «Я особы их не по слуху и не по виду единому знаю; но имея с ними откровенное обхождение, знаю и качества их».

82. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 328. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 66.

83. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 326; «примечание» вписано на свободном поле листа. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 66—67.

¹ О Мелиссино, Сукине и Пушкине см. № 77; сведений о Долгорукове обнаружить не удалось.

² В письме из Петербурга от 22 апреля 1772 г. к некоему Григорию Васильевичу, которого он называет «любезным другом», И. А. Дмитриевский сообщает, что, возможно, сделается в скором времени содержателем Московской труппы и переберется в Москву, что в Москву направляется его товарищ, который поможет безработным актерам деньгами, и просит их покамест ни с кем не заключать соглашения. «Я ласкаю себя надеждою, что вы будете мною весьма довольны; а я обнадеживаю вас, что я все способы употреблю к удовольствию вашему», — заверял он актеров (Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, ч. 6, с. 67—68).

³ Цитата из Евангелия от Матфея (4, 38).

84. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 405. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 69.

85. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 404. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 68—69.

Составленный Сумароковым проект реорганизации Московского театра так же, как и «доношение» И. И. Мелиссино в Сенат, неизвестны.

86. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 347.

87. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 346—346 об.

В ответ на это письмо Козицкий сообщил Сумарокову: «Е. в. изволила сказать, что вы сочиняемый вами проект о Московском театре можете сообщить Дмитрию Васильевичу и с его превосходительством о том поговорить» (отпуск — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 348). Сама же императрица 14 мая жаловалась в письме к М. Н. Волконскому: «Скажите, пожалуйста, г-ну Волкову, что нету почты, чтобы Сумароков меня не бомбардировал письмами, а на иной почте и по два письма ко мне пишет; а все дело в том, что он, Сумароков, мне предложил сделать план, как быть Московскому театру, на что Козицкий ему ответствовал от меня, что если он знает, как лучше учредить театр, чтоб сдлал план и прислал его сюда. Ныне, знатно, находя себя короток в делании сего плана, просит, чтоб я прислала Дмитрию Васильевичу о сем с ним входить в дело. Попросите его, чтоб он выслушал бредни г-на Сумарокова и, если ему досуг, старался бы их обратить в общую пользу» (Осмнадцатый век, т. 1. М., 1868, с. 77).

88. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 484а.

89. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 589, л. 484.

90. Библиогр. зап., 1861, № 4, с. 97—99, по списку конца XVIII в. в сборнике из библиотеки гр. Уварова, № 454/Л. Оригинал и копия (источник печатного текста) не обнаружены. В бумагах статс-секретаря С. Ф. Стрекалова сохранилась выписка, датированная 7 января 1771 г., из поземельной тяжбы артиллерии поручика Алексея Петровича Соковина с бригадиром Т. Ф. Яцимирским, в которой был замешан и А. П. Сумароков

(ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 577, л. 444—453 об.). А. П. Соковнин был женат на Марии Васильевне Сумароковой, племяннице писателя. Говоря о родовых именах, Сумароков, очевидно, имеет в виду приданое, полученное его племянницей от его старшей («большой») сестры Прасковьи, кажется, не бывшей замужем.

¹ Боярин Алексей Прокофьевич Соковнин был одним из главных лиц в заговоре стрелецкого полковника Ивана Цыклера, имевшего намерение убить Петра I; вместе с другими тремя заговорщиками был казнен 4 марта 1687 г. Тема стрелецких бунтов Сумарокова интересовала специально (см. № 52).

² Дед Сумарокова, Панкратий Богданович (1650—1730), занимал первоначально должность «стряпчего с ключем» при царе Иоанне Алексеевиче. За верную службу и за «неотлучное бытие» при царе Федоре Алексеевиче был пожалован Петром I в 1696 г. вотчиной в Пензенском уезде.

91. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 591, л. 182. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 71.

¹ Первая часть «Метаморфоз» Овидия в прозаическом переводе Козицкого («Публия Овидия Назона Превращения, переведенные с латинского на российский язык») вышла в 1772 г.

92. Оригинал — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 591, л. 181—181 об.; текст — рукой писца, подпись — автограф. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 70.

¹ Леонтий Иванович Попов (1749—1788), который поступил в Славяно-греко-латинскую академию в 1759 г., затем из академии был взят в университет. К письму Сумарокова приложил прошение Попова на свое имя, датированное 1 января 1773 г.: «Желаю я быть у вас, действительного штатского советника и кавалера А. П. Сумарокова, как для переписки ваших сочинений, так и для научения правописания и свободных наук, а чтоб я мог содержать себя сколько благопристойность требует, о том прошу нижайше, дабы вашим старанием исхodataйствовано мне было довольное казенное жалованье» (Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, ч. 6, с. 71). В связи с этим Козицкий сообщал Сумарокову 18 февраля: «Государыня по прочтении изволила сказать: если б вы партикулярно попросили его сиятельства князя Михаила Никитича, чтоб желающего у вас быть для переписки ваших сочинений принять в штат его сиятельства в писаря и отпустить бы оного к вам, чтоб и принятый таким образом имел свое жалованье по тому месту, и вы бы имели копииста» (там же, с. 75; также: Отъч. зап., 1858, № 2, с. 586—587). Попов был определен в переписчики к Сумарокову; многие из позднейших писем написаны (или переписаны) его почерком. После смерти Сумарокова он служил секретарем в экспедиции Кремлевского строения. Из дела 1792 г. о «пасквильных» письмах Г. И. Попова, его брата, выясняется, что он был знаком также с Н. И. Новиковым и слыл глубоко религиозным человеком. Как человек литературно образованный Л. И. Попов переписывал и выправлял сочинения брата, содержавшие полемику с «Деяниями Петра Великого» И. И. Голикова и мысли об освобождении крестьян, и сам сочинил для них раздел об отмене подушной подати (ВИ, 1947, № 12, с. 82, 85—86).

² Сумароков намекает на И. П. Елагина (см. № 2), к 1773 г. имевшего чин тайного советника.

93. Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 75. Местонахождение автографа неизвестно.

94. Оригинал — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 591, л. 188б—188г об.; текст — рукой писца, французские и немецкие фразы, примечание (на особом листке), дата и подпись — автограф. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 71—74.

¹ В конце 1772 г. театральная привилегия была выкуплена у наследников Бельмонти итальянцем Гротти и московским губернским прокурором кн. Петром Васильевичем Урусовым (1733—1813). Мельхиор Гротти появился в Москве в 1772 г. Известно, что в 1774 г. он нанял также итальянскую оперу-буфф и устраивал публичные маскарады в доме кн. Трубецкого близ Донского монастыря. К началу 1776 г. Гротти согласился уступить свою долю в деле Урусову и при этом исчез из Москвы, разбазарив театральный гардероб, не расплатившись с кредиторами, задолжав актерам и служителям. 17 марта 1776 г. Урусов выхлопотал новую привилегию, которая вступила в силу с 16 июля 1776 г., и, объединившись с М. Маддоксом, приступил к постройке каменного Петровского театра.

² Этот второй контракт с Бельмонти, касающийся только права на постановку «Дмитрия Самозванца», датирован 29 марта 1771 г. и, следовательно, был заключен непосредственно по возвращении Сумарокова из Петербурга (см. № 61). Он представляет обязательство Ивана Бельмонти перед Сумароковым, «чтоб мне его трагедии „Дмитрия Самозванца“ ни под каким видом, ни для чего, и ни для какого обстоятельства без его дозволения не представлять, доколе не учиню я с ним другого обязательства. А буде она у меня на театре или где инде мною представлена и моими актерами будет, так все сборы, сколько б их ни было, должен я ему буду уступить без отговорок, рассуждая, сколько за оную трагедию получится» (Москвитянин, 1843, т. 1, с. 272; копия, сделанная М. П. Погодиным с подлинника: ГБЛ, Погодин. 1.16.32).

³ Цитата из второго послания к Тимофею (2, 6).

⁴ Пастись из собственных «Вздорных од» Сумарокова, пародировавших одический стиль Ломоносова: «Ода вздорная I» — «Там вихри с вихрями дерутся», «Там громы в громы ударяют»; «Ода вздорная II» — «Ефес горит, Дамаск пылает», «И столько хитро воспеваю, Что песни не пойму и сам»; «Ода вздорная III» — «Кавказ на Этну становится», «Троянски стены огонь терзает», «Вы, тучи, с тучами спирайтесь, Вы громы в громы ударяйтесь, Борей на воздухе шуми» (см.: Русская стихотворная пародия. (XVIII—начало XX в.). Л., 1960, с. 98—103). Эти пародии при жизни Сумарокова оставались неизданными. В данном письме выпад против высокого слога относится скорее к В. П. Петрову, которого при дворе провозгласили преемником Ломоносова и певцом Екатерины II, подобно тому как Ломоносов считался певцом Елизаветы Петровны.

⁵ Пародийное подражание словотворчеству В. К. Тредиаковского.

⁶ Приворочление цитаты из Книги Бытия (3, 19).

⁷ Этот мотив имеется также в притче Сумарокова «Две дочери подъячих».

⁸ Речь идет о Николае Григорьевиче Жеребцове, московском гражданском губернаторе в 1758—1760 гг., и его дочери Елизавете Николаевне, вышедшей замуж за барона Петра Ивановича Черкасова.

⁹ Вяземский Александр Андреевич, генерал-прокурор Сената.

¹⁰ Пересказ отрывка из IX сатиры Буало («A son esprit»). Сумароков обработал этот сюжет в притче «Мид».

95. Оригинал — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 592, л. 47; текст — рукой писца; дата, подпись и приписка — автограф. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 78.

96. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 592, л. 45—46 об. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 75—77.

¹ Речь идет о начале строительства Нового Кремлевского дворца по проекту В. И. Баженова (1737—1799). Сохранилась подробно разработанная инструкция проведения церемонии «положения первого камня», состоявшейся 1 июня 1773 г. Здесь приведены описания аллегорических картин («хари») с относящимися к ним стихами Сумарокова (опубликованы Н. И. Новиковым в разделе «Надписи» — ПСВС, т. 1, с. 275—279, № 28—35, 37—40, 42—44). Можно предполагать, что при составлении

«Слова на заложение Кремлевского дворца» (текст — ПСВС, т. 2, с. 323—336) Сумароков согласовывал ее с Баженовым и пользовался его советами. В последнее время делались попытки доказать, что именно Баженов, а не Сумароков был автором речи, однако они явно несостоятельны. Неясно, кому принадлежат стихотворные «надписи», использованные при церемонии «вынутаия первой земли» 9 августа 1772 г. (*Яничук Н.* Знаменитый зодчий В. И. Баженов и его отношение к масонству. — ЖМНП, 1916, № 12, с. 190—201).

² Имеется в виду закладка Екатерининского дворца на месте бывшего дворца Анны Иоанновны «Анненгоф» в Лефортове.

97. Оригинал — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 592, л. 113; текст — рукой писца, подпись и приписка — автограф. Впервые: *Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 79.*

¹ Рекамбио — пеня за несвоевременную уплату протестованных векселей.

98. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 592, л. 110. Впервые: *Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 80.*

99. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, кн. 1, № 592, л. 111. Впервые: *Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 79—80.*

¹ Распоряжение М. Н. Волконскому о выдаче Сумарокову тысячи рублей за счет Кабинета (т. е. сверх жалованья) было подписано Екатериной II 15 июня (Осмнадцатый век, т. 1. М., 1868, с. 94); Козицкий тогда же написал об этом Сумарокову (*Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 78.*)

² Измайлов Михаил Михайлович (1719—1800) в 1768 г. был назначен первоприсутствующим в Комиссии по постройке Кремлевского дворца.

100. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 541, л. 547.

В ответном письме от 19 августа 1773 г. С. М. Козьмин сообщил Сумарокову об отказе Екатерины оказать ему денежную помощь (черновик — ЦГАДА, там же, л. 548).

101. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 541, л. 545.

В постскриптуме письма речь идет об «Инструкции» Московского магистрата от 17 июля 1773 г. подканцеляристу Григорью Озерову, отправленному описывать имущество и дом Сумарокова; копию «Инструкции» Сумароков приложил к письму. В ней предписывалось: «Взять тебе сего магистрата солдат, да в понятия торговых людей, и с ними идти в дом его превосходительства господина действительного тайного (sic!) советника и кавалера Александр Петровича Сумарокова, обстоящий в Москве, в приходе церкви Покрова пресвятыя Богородицы, что в Кудрине, и пришед «на» оный двор, и в нем пожитки за неплатеж им вексельного коллежского регистратора Ключарева по выданному ему от статского советника Прокофья Акинфиева Демидова сына вексело иску дву тысяч рублей с рекамбио и проценты, усматривая на оную сумму, описать, оценить и ту опись с оценкою за руками будущих при том и ценювщиков объявить в Московский магистрат при репорте. А описанные пожитки, собрав в удобное место, запечатать казенною Московского магистрата печатью и предстать (sic!) караул. А с сею инструкциею посланному не приступая прежде ко исполнению явиться в ведомство Московской полицеймейстерской канцелярии той части, где оный двор состоит, в съезжий двор и требовать во оном у господ обер-офицеров ко вспоможению пристойной команды. Будучи при том, обид никому не чинить и о делах тайности подлежащих никуда не писать» (ЦГАДА, там же, л. 546—546 об.).

102. Осмнадцатый век, т. 3. М., 1869, с. 186, по копии в рукописном сборнике из собрания А. Ф. Бычкова (см. № 29). Местонахождение подлинника неизвестно.

¹ Петербургским генерал-полицеймейстером в эти годы был Н. И. Чичерин.

103. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1877, оп. 1, № 2, л. 2.

104. Автограф — ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, № 593, л. 169. Впервые: Летописи рус. литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, с. 80.

105. Рус. архив, 1907, № 12, с. 464, без указания источника текста. Поздняя копия (XIX в.) имеется в бумагах М. П. Погодина (ГПБ, ф. 588, Погодинские автографы, № 193, л. 3).

¹ О пьесах, представленных на придворной сцене в 1774 г., см. № 76.

² Сохранился вексель на сумму 802 рубля, выданный Сумароковым 10 октября 1774 г. купцу Гавриле Бахерахту (Ист. вестн., 1885, № 5, с. 447).

106. Рус. архив, 1879, № 9, с. 26. Местонахождение автографа неизвестно. ¹ По-видимому, речь вновь идет о просьбе выдать жалованье за год вперед.

² Описка Сумарокова; 24 ноября — день тезоименитства Екатерины II.

107. Рус. архив, 1879, № 9, с. 26—27. Местонахождение автографа неизвестно.

¹ Рождество и отъезд двора в Москву на празднование заключения Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией. Императрица и двор выехали из Петербурга 16 января 1775 г.

108. Оригинал — ААН, Р. II, оп. 1, № 134, л. 1—1 об.; текст — рукой писца, дата и подпись — автограф.

109. Автограф — ИРЛИ, Р. I, оп. 25, № 195 (из собр. П. Я. Дашкова). Впервые: Рус. вестн., 1842, № 5—6, с. 91—92, с примеч. Н. А. Полевого: «Точная копия с собственноручного письма Сумарокова. Кому оно писано, не можем догадаться». Вторично: *Полевой П. Н.* История русской словесности, т. 1. СПб., 1900, вклейка между страницами 584—585 — факсимильное воспроизведение.

¹ Сохранилось официальное прошение Сумарокова от 1 июля 1775 г.: «Всемиловитейшая государыня! Несколько лет получаю я от 1 дня мая годовое мое жалованье по особливому в. и. в. повелению, о чем и ныне всенижайше прошу, — ибо я претерпеваю ныне бедность, — дабы я во дни торжественные мог ободрить мой унылый дух. В. и. в. всенижайший и всеподданнейший раб Александр Сумароков» (ЦГАДА, ф. 11, оп. 1, № 1031, л. 241).

² Конный завод в имении Сумарокова существовал (или, по крайней мере, заводился) уже в 1769 г. Известно письмо С. В. Кочубея к Сумарокову от 29 марта 1769 г., в котором он сообщал: «Человек ваш Цыганов, являсь у меня, подал письмо ваше, по которому старался я всевозможные благоволения оказать, а за поворотом его с конского заводу его сиятельства графа Алексея Григорьевича в недостатке, снабдил его и деньгами» (Ист. вестн., 1885, № 5, с. 446).

110. Лит. газ., 1830, т. 1, № 28, 16 апр., с. 223—224, с указанием П. А. Вяземского: «Списано с подлинника, который находится у Сергея Николаевича Глинки». Перепечатано в кн.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 170. Вторично, независимо от публикации Вяземского: Москвитянин, 1842, № 1, с. 144, с указанием М. П. Погодина: «Списано с подлинника». Местонахождение автографа неизвестно.

¹ По данным камер-фурьерских журналов, в ближайшие после 10 июля дни Екатерина II не уезжала из Москвы.

² Дом Сумарокова в Москве находился в «5-й части за Земляным городом в приходе церкви Девяти мучеников, что в Кудрине» (место нынешнего дома 27/29 по улице Чайковского). Двор (участок площадью 726 на 149 метров) с садом (купленным в 1776 г. у сенатора А. П. Мельгунова) занимал территорию между улицей Чайковского и Большим Конюшенным переулком. Близкими соседями Сумарокова были отец П. А. Пла-

вильщикова, купец, и отец профессора П. И. Страхова, псаломщик церкви Ивана в Кречетниках. На плане этой части Москвы за 1778 г. обозначен и каменный питейный дом, куда в последний год жизни, по воспоминаниям И. И. Дмитриева, через Кудринскую площадь часто ходил Сумароков (Театр, 1953, № 12, с. 157—158).

³ 24 сентября 1774 г. Сумароков одновременно отдал в Академическую типографию для опубликования «Оду Григорию Александровичу Потемкину», написанную белыми стихами, и «Уведомление», в котором рассматривал вопрос о рифме вообще и о возможности на русском языке трагедии, написанной белым стихом, ссылаясь при этом на свои беседы с Потемкиным: «Обещал я по требованию некоторого знатного господина и искусного в российском языке и во словесных науках человека сочинить трагедию без рифм» (Избранные произведения. Л., 1957, с. 552—553).

111. Автограф — ГПБ, ф. 588, автографы М. П. Погодина, № 194, л. 1—2.

Титулования Потемкина, начиная с 1774 г., определяются следующим образом: с 25 декабря 1774 г. — генерал-аншеф («высокопревосходительство»), с 10 июля 1774 г. — граф («сиятельство»), с 21 марта 1776 г. — князь Священной Римской империи с титулом «светлейшего».

¹ Рецензия в «Journal étranger», см. № 33, 39, 64.

² Об антрепризе Урусова см. № 94.

³ Вторая жена Сумарокова Вера Прохоровна (1743—1777) и дети от второго брака сын Павел (р. 1771) и дочь Анастасия (р. 1769) (XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 371). Прошение на имя Екатерины II о признании этих детей, рожденных до брака, законорожденными и причислении их к дворянскому сословию Сумароков подал 31 января 1774 г. (ЦГАДА, ф. 40, оп. 1, № 543, л. 731—733).

⁴ Имеется в виду Е. Иванова, перешедшая на придворную сцену в Петербург (см. № 61).

112. Москвитянин, 1841, № 1, с. 43; судя по замечаниям М. П. Погодина о состоянии текста записки, он пользовался автографом. Местонахождение автографа неизвестно. Имя Урусова заменено инициалом, по всей вероятности, при публикации. Записка относится к предыдущему письму.

113. Лит. газ., 1830, т. 1, № 28, 16 апр., с. 224—225, с указанием П. А. Вяземского: «Списано с подлинника, который находится у Сергея Николаевича Глинки». Перепеч.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 2. СПб., 1879, с. 171—173. Вторично: Москвитянин, 1842, № 1, с. 145—148, с примеч. М. П. Погодина: «Списано с подлинника». Печатается по тексту «Москвитянина». Местонахождение автографа неизвестно. О предъявлении П. А. Демидовым векселей к оплате см. № 110.

¹ Жертвой такого же изощренного самодурства Демидова стал в 1780 г. и сам Баженов, которого заимодавец заверил, что выданный Баженовым вексель будет беспроцентным, а затем неожиданно подал его ко взысканию с процентами и рекамбио (*Снегирев В. Л.* Зодчий Баженов. М., 1962, с. 150—152).

² Объявление о продаже с аукциона за долги дома Сумарокова было несколько раз повторено в «Московских ведомостях» (1777, № 74—76 за 15, 19 и 28 сентября): «за вексельный иск и оцененный в 3572 рубля двор в деревянном строении и с садом, а под хоромами с каменным фундаментом... Аукцион сего сентября 29 дня». Дом приобрел сам Демидов и вскоре перепродал его генералу П. М. Олсуфьеву (Театр, 1953, № 12, с. 157). Сумароков пережил продажу дома всего на два дня, скончавшись 1 октября.

³ Лапис-лазуль (ляпис-лазурь), или лазоревый камень, синего или темно-синего цвета, привозимый в XVIII в. с Востока и ценный довольно высоко; красные бриллианты также представляют большую редкость.

⁴ Разумовский скончался 6 июля 1771 г. В «Элегии ко Степану Федоровичу Ушакову... на преставление графа А. Г. Разумовского» (ПСВС, т. 9, с. 86—87) Сумароков писал:

Три месяца прошло, как я с тобой расстался,
Три месяца мне ты в очах моих мечтался
В болезни, в слабости, сто в день стенивший раз,
И сей в Петрополе последний самый час,
В который у тебя был я, перед глазами;
Ты очи наполнял, прощаяся, слезами,
Вручая о себе ко памяти мне знак...

Сумароков навестил Разумовского в первой половине 1771 г. (см. № 72). Сведения, сообщаемые А. А. Васильчиковым о памятном подарке Сумарокову от Разумовского в «Семействе Разумовских» (т. 1. СПб., 1880, с. 345—346), ошибочны.

114. Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 104, с указанием, что текст — рукой писца, подпись и приписка — автограф. Оригинал не обнаружен.

К письму был приложен датированный 10 ноября «Реестр» с указанием, сколько и каких изданий принять в книжную лавку и по какой цене продавать, а также сколько продать и сколько сохранить для отправки в Москву; он включает 30 названий (опубликован В. П. Семенниковым там же, с. 104—105).

¹ Домашнев Сергей Герасимович (1743—1795) в конце 1775 г. был назначен директором Академии наук.

115. Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 106. Оригинал не обнаружен.

31 июля 1777 г. начальник типографии и Академической книжной лавки Степан Васильевич Зборомирский сообщил, что принял издания Сумарокова, которых, однако, оказалось меньше, чем обозначено в реестре (см. № 112), как по числу названий, так и по количеству экземпляров; вместе с тем среди представленных книг оказались книги, вообще не упоминаемые в реестре (перечень опубликован В. П. Семенниковым, там же, с. 105—106, примеч.).

116. Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 106. Оригинал не обнаружен.

117. Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 106—107. Оригинал не обнаружен.

118. Оригинал — ГПБ, ф. 588, Погодинские автографы, № 195; текст — рукой писца, подпись — автограф.

Упоминаемое письмо к Екатерине II неизвестно, но как и данная записка оно явно было связано с протестом родных против третьего брака Сумарокова. В июне-июле его мать подала в Московскую консисторию прошение: «Уведомила я, что сумасшедший сын мой, овдовевший сего мая 1-го дня, вздумал паки жениться на рабе своей девке Катерине», — и просила «о запрещении сего брака, который в пагубу сыну моему, в посрамление и огорчение мне и всей нашей фамилии, во всеконечное же разорение бедным его дочерям, от первого брака рожденным» (XVIII век, сб. 5. М.—Л., 1962, с. 373). Тем не менее Сумароков венчался и в третий раз; его третью жену звали Екатерина Гавриловна; она была племянницей его второй жены (см. наст. изд., с. 279).

119. Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... СПб., 1914, с. 107. Оригинал не обнаружен. Текст — рукой писца, подпись — автограф.

¹ Вторая жена Сумарокова скончалась 1 мая (по другим данным — 10 или 16 мая), см. № 118.

Ф. В. КАРЖАВИН

Публикация С. Р. Долговой

Письма отцу

1

20 декабря 1754

Из Парижа 20 декабря 1754

Государь мой батюшка, ты от меня трех грамотак на трех языках требуешь. Я повеление твое исполнить готов, но токмо во оном моем триязычном ответе разума, кроме письма руки моя, будет не весьма много понеже в обхождении народном. Я ища необыкновенен, того ради ты от меня теперь, кроме сердечнаго в Новый год тебе поздравления и всегдашнего по должности моей почтения, пожалуй не требуй. А ежели неотменно желаешь видеть на трех языках почерк руки моя, в том тебя с покорностию довольствоваться завсегда готов. При сем как тебе, так и матушке, нижайшее приношу почтение, а братцу и сестрицам с учтивостию объявляю поздравление.¹

Сын твой Каржавин.

2

1760

Mon très cher père et ma très chère mère!

Le commencement de cette nouvelle année me fait ressouvenir des voeux que je dois faire pour la conservation de vos jours, et pour votre entière satisfaction. Si j'avais le bonheur qu'ils eussent autant d'efficacité qu'ils ont de sincérité, je crois qu'il ne vous resterait rien à désirer. Vous souhaitant tout ce qu'il peut y avoir pour vous de plus avantageux, soyez persuadé que ce sont là les sen-

timents avec lesquels je serai toute ma vie, mon très cher père et ma très chère mère, votre très humble et très obéissant serviteur et fils

Каржавин.

Перевод:

Государь мой батюшка и государыня матушка!

Начало этого Нового года напоминает мне о пожеланиях, которые надлежит мне сделать ради продления дней ваших и полного вашего удовлетворения. Если бы я имел счастье убедиться, что пожелания мои столь же действительны, сколь искренни, то, полагаю, нам не осталось бы ничего больше и желать. Я желаю вам всяческого благополучия и прошу вас верить, что таковы мои чувства, с которыми вечно пребуду, государь мой батюшка и государыня матушка, ваш нижайший и преданнейший слуга и сын

Каржавин.

3

15 апреля 1761

De Paris, 15 avril 1761.

Mon très cher père!

Vous savez la manière obligeante et polie dont le prince¹ nous a reçu au mois de janvier, je n'y suis pas retourné depuis, mais cependant j'espère y aller. Incessamment dans la lettre que j'ai écrite à mon cher oncle,² je l'ai prié de n'envoyer un alphabet russe; je doute fort qu'il en ait le loisir à cause de ses affaires; c'est pourquoi je prends la liberté de vous prier de vouloir bien le faire vous-même; si vous avez quelque moment à vous et voici pourquoi: j'ai oublié jusqu'aux lettres de l'alphabet, ou du moins je ne sais que les sept premières. Cependant mr Delisle,³ premier astronome du roi et de l'Académie des Sciences, qui a été 20 années dans votre pays, m'a fait venir dernièrement pour traduire en français un ouvrage russe dont mon cher oncle avait déjà traduit quelque chose. Cependant mr Buche⁴ m'a excusé sur ce que je n'ai jamais eu de livres russiens, et je n'ai pu converser avec personne. Depuis que je suis parmi les écoliers pour la distribution des prix de la pension je ne peux vous en rien marquer puisqu'elle ne sera faite qu'à la fin du mois de mai.

Je vous prie d'embrasser pour moi ma chère mère, mes soeurs et mon frère.

Je suis avec le plus profond respect, mon très cher père, votre très humble et très obéissant fils

Каржавин.

Из Парижа 15 апреля 1761

Государь мой батюшка!

Вы знаете, сколь любезно и ласково принял нас князь¹ в январе месяце. С тех пор я не был там, но надеюсь побывать.

В письме к дядюшке² я просил его незамедлительно прислать мне русскую азбуку, но сомневаюсь, найдет ли он для этого время из-за множества дел. Поэтому я осмеливаюсь просить вас, если у вас найдется хоть мгновенье, сделать это самому и вот по какой причине: я забыл азбуку или, во всяком случае, знаю только 7 первых букв. Между тем г. Делиль,³ главный астроном короля и Академии наук, который жил 20 лет в нашей стране, недавно предложил мне перевести на французский язык одно русское сочинение, часть которого уже перевел любезный мой дядюшка. Однако г. Бюаш⁴ меня от этого избавил, ибо у меня никогда не было русских книг и я не имел возможности ни с кем разговаривать. Касательно раздачи наград за то время, что я нахожусь в пансионе, сообщать не могу ничего, потому что состоится она только в конце мая месяца.

Прошу вас обнять за меня дражайших моих матушку, сестриц и брата.

С глубочайшим почтением, государь мой батюшка, остаюсь покорнейший и преданнейший сын

Каржавин.

4

15 июля 1762

В Париже июля 15 дня 1762 года.

Mon très cher père!

Je vous ai exposé fort au long dans mes dernières lettres l'état pitoyable dans lequel je suis, quel est le plan de mes études et combien on est peu exact à le suivre; enfin, combien on est injuste à mon égard. Je ne puis pas mettre le pied hors de chez mr Vauvilliers¹ que je ne sois suivi de quelqu'un. J'ai été fort longtemps malade il y a quelque temps pour toutes les tracasseries qu'on cherchait à me susciter. Je ne puis aller à l'office chez son excellence mr le comte Czernicheff,² mais on me force à aller à l'église de France. Je ne puis pas même aller voir aucun de mes amis et de nos protecteurs. Mr l'ambassadeur m'a fait dire dernièrement par mr Charapoff³ qu'il était très fâché de ce que je ne venais point le voir tous les 15 jours; car il y a environ 6 mois que je n'ai été chez lui et cela parce que m'était défendu d'aller seul où est-ce que soit, je ne puis y aller qu'avec mr Hérissant.⁴ Or, mr Hérissant n'a pas le temps de m'y mener. Je passe la plupart des jours de congé à la maison, ou bien on me mène à 2 pas de la maison; au lieu qu'avec mon oncle je voyais tout ce qu'il y avait de curieux à Paris, j'allais voir les bibliothèques publiques, les cabinets des savants; mais actuellement je risque d'être renvoyé de chez mr Vauvilliers et

d'être agonisé de sottises par mr Hérissant, s'ils apprenaient que j'allâsse une seule fois à la Comédie et autres spectacles. De sorte que quand je rentrerai à Saint-Pétersbourg, je ne saurai pas ce que c'est que Paris, ni Versailles, ni la Cour de France. Je serai en un mot un vrai badaud qui paraîtra nouveau partout où il ira.

Dans la lettre que mr Hérissant vous écrivit avec moi au mois de septembre 1761, il prie très instamment mon oncle, à qui il l'avait adressée, de vous la remettre en mains propres; mais il paraît qu'il n'en a pas fait grande chose, supposé qu'elle était reçue, on s'y étendait fort au long sur l'éloge de mr et de mme Vauvilliers aussi bien que de toute sa maison. Mais mr Hérissant ne connaît mr Vauvilliers que pour lui avoir parlé quelques fois; jugez, si cela est suffisant pour juger de la capacité d'un homme; mais moi qui demeure chez lui depuis 11 mois, voici le portrait que je vous <donne>. Enfin, imaginez-vous que depuis sept ans qu'ils ont soin de moi, ils ne m'ont pas donné une seule fois une paire d'escarpins, mais toujours de gros souliers; de sorte que quand j'ai reçu l'argent, je comptais que j'en emploierais une partie pour acheter les livres, et l'autre pour payer, recevoir et envoyer des lettres par la poste et pour autres petits besoins comme celui-ci. J'avais prié au commencement de l'été mme Hérissant de faire ôter à ma veste de drap noir la doublure de laine qui y était et d'y en faire mettre une de toile, mais elle ne l'a pas voulu et j'ai été obligé d'y se faire mettre une moi-même de toile de coton. Ainsi je vous assure que votre argent sera bien employé, j'ai déjà acheté pour 20 livres de livres français de philosophie, physique, botanique, chirurgie, chimie et un ouvrage de Stralenberg sur l'Empire Russien⁵ traduit de l'allemand en français par mr Barbeau,⁶ intime ami de mon oncle et le mien. Mais il y a grande apparence que ce qui me reste je serai obligé de le donner à mme Hérissant; mais ce ne sera qu'en différant de jour en jour et en dépensant toujours. Par exemple, j'avais une bourse à cheveux depuis 9 mois, j'en ai acheté une. Vous devez conclure de là que je ne reçois pas l'argent de ma pension, et que mme Hérissant qui le garde ne m'en rend jamais aucun compte et ne m'en parle seulement pas. Je devais apprendre la philosophie, la géométrie, l'algèbre, les mathématiques, la géographie, l'histoire, le dessin, l'anglais, l'allemand, l'italien, à danser, à faire des armes, à monter à cheval etc. et depuis 10 mois que je suis chez mr Vauvilliers je n'ai encore rien commencé à faire. Je vais seulement faire ma philosophie au collège, et voilà tout. Je sais le latin et quand vous le voudrez je vous écrirai en latin. J'explique le grec, mais je ne le parle encore. J'entends un peu de russe et même assez pour voir que votre dernière lettre est fidèlement traduite, ce dont je suis très obligé au traducteur quel qu'il soit, puisque je n'ai pas l'honneur de le connaître. J'apprendrai encore à écrire, avant que de m'en retourner; mais tout cela viendra quand cela se pourra, car l'année qui vient on ne me fera pas plus faire que cette année-ci, prétexte que je devais passer mettre es arts au mois

d'octobre de l'année 1763. Il me faut repasser toute ma philosophie, ce qui me prendra un temps considérable et ne me fera pas plus savant.

En un mot, voici ce qu'il faut croire, c'est que mr Hérissant m'a mis chez mr Vauvilliers non point du tout pour devenir savant, mais pour devenir bon catholique romain, car mr Vauvilliers est d'une des sectes de France les plus austères, je veux dire les disciples de Jansénius qui ont pour ennemis irréconciliables les disciples de Molina.⁷ Aussi tous les dimanches et fêtes il ne fait autre chose que nous prêcher et nous faire des instructions sur la religion; outre cela, comme il n'a pas beaucoup de bien relativement à 5 enfants qu'il a tous les cinq en âge d'être mariés, mr Hérissant lui veut du bien, et vous le devez sentir par un mot qu'il glisse dans la lettre qu'il vous écrit le mois de 7-bre 1761 et que vous n'avez pas reçue; il y dit que «mr Vauvilliers n'étant pas fort à son aise, il faudra supplier le grand chancelier⁸ de lui obtenir de sa majesté impériale une espèce de petite récompense après mon éducation finie». En attendant il lui donne 1000 livres pour moi sans seulement m'avoir demandé au commencement de l'année, si je voulais aller chez lui; j'y suis nourri, blanchi et logé, c'est assurément gagné 1000 livres. Au lieu que si dans une pension ou chez un bourgeois on me donne une petite chambre et un petit cabinet, cela coûterait 150 ou 120 livres par an; j'aurai là toutes mes petites affaires, le cabinet me servirait de laboratoire, ensuite pour 200 livres j'irais manger à l'auberge; pour les habillements, on ne s'habille pas tous les ans. Ainsi j'aurai toujours 1000 livres de reste pour payer les maîtres dont j'aurai besoin, et il me rasterait encore de quoi voir la Cour de Versailles et autres beaux environs de Paris. Et pour que vous ne pensiez pas que je vous trompe, priez mon oncle de vous montrer la lettre qu'une dame qui s'intéresse grandement à moi écrivit à mon oncle en même temps que je vous écrivis celle-ci et que je lui fis tenir par mr Foulon ou plutôt par un navire que mr Foulon a fait partir pour Pétersbourg, et pour ne me pas faire perdre le temps dans un pareil détail vis-à-vis de mon oncle montrez-lui, je vous prie, cette lettre afin qu'il voie lui-même dont il s'agit et que vous puissiez raisonner ensemble des moyens ou de décharger mrs Hérissant et Vauvilliers de l'occupation de mon éducation, ou de me faire avancer par une autre voie et de me faire la vie un peu moins gênée et plus tolérable pour pouvoir m'appliquer à l'étude avec plus d'ardeur étant moins chagrin et moins inquieté. Songez surtout que vous ne sauriez me faire de plus grand plaisir que me faire sortir et de chez mr Vauvilliers et de chez mr Hérissant. Mr Vauvilliers dit à mr Hérissant ce qu'il veut; et Mr Hérissant prenant les paroles non pas pour des paroles d'un homme intéressé, mais pour la vérité elle-même, va rapporter tout à mr l'ambassadeur qui se trouve par là trompé sans le savoir. La dame qui écrit à mon oncle me verra avec plaisir chez elle, et c'est à lui que vous adressez vos lettres en y mettant l'adresse qui est à la fin de ma lettre.

Ecrivez-moi, je vous prie, au plutôt, et mettez-moi dans un billet séparé votre adresse en russe: à propos, comme je commence à apprendre le russe que j'ai oublié par la faute de mr Hérisant qui avait défendu à mon oncle de m'aller voir à la pension et de m'entretenir en russe de peur, disait-il, de me détourner de mon devoir, vous feriez très bien d'écrire pendant quelque temps vos lettres sur des lignes très séparées les unes des autres et au lieu de traduction suivie, faire mettre à un traducteur latin les mots latins au-dessous de chaque mot russe, ce qui m'avancera beaucoup pour l'intelligence de la langue. Mon oncle ferait cela on ne peut pas mieux; il faudrait le prier de le faire et il ne me le refusera pas pour moi. C'est pour disposer de quelqu'un chez mr l'ambassadeur je ne le puis, puisqu'on ne m'y mène jamais, et conséquemment je n'y connais que mr Lepage, mr Charapoff et mr Kotinski.⁹ Je souhaite toutes sortes de prospérités à ma chère mère et je vous quitte en m'avouant toute ma vie votre très obéissant fils

Fédor Karjavine Vacilievitch
Федор Каржавин Васильевич.

Прости, сударь.

Перевод:

Государь мой батюшка!

В своих последних письмах я подробно обрисовал вам жалкое положение, в котором нахожусь, каков план моих занятий и как неточно он выполняется, наконец, как со мной несправедливо поступают. Я не могу выйти из дома г-на Вовилье¹ без того, чтобы за мной кто-нибудь не следовал. Недавно я был довольно долго болен из-за всех придирок, которыми меня изводят. Я не могу пойти на богослужение, совершаемое у его сиятельства графа Чернышева,² а заставляют меня ходить во французскую церковь. Я не могу даже навестить кого-либо из моих друзей и наших покровителей. Г-н посол передал мне через г-на Шарапова,³ что он очень рассержен на меня за то, что я не являюсь к нему каждые две недели: а не был я у него около 6 месяцев. Мне же было запрещено ходить одному куда бы то ни было, а только с г-ном Гериссаном,⁴ но г-ну Гериссану некогда со мной туда ходить. Свободные дни провожу я большей частью дома, или водят меня куда-нибудь поблизости. А между тем с дядюшкой видел я все, что было примечательного в Париже, осматривал публичные библиотеки и кабинеты ученых. Ныне же г-н Вовилье прогнал бы меня, а г-н Гериссан измучил бы своими глупостями, если бы узнали они, что я хоть единожды побывал в Комедии и на других спектаклях. Так что, когда я возвращусь в Санкт-Петербург, то не буду иметь и понятия о том, что такое Париж, Версаль и французский королевский двор. Одним словом, буду настоящим разиней, который, где ни появляется, всему дивится. В письме, которое мы с г-ном Гериссаном написали вам в сентябре 1761 г. на имя дядюшки, он настоятельно просил его передать вам это письмо в собственные руки. Ежели письмо дошло, не думаю, чтобы он многого добился, рассыпаясь в похвалах г-ну и г-же Вовилье, а равно и всему их дому. Г-н Гериссан и говорил-то с г-ном Вовилье всего несколько раз; посудите сами, разве достаточно этого, чтобы судить о способностях человека; между тем я живу у них 11 месяцев и вот что могу о нем сказать.

Вообразите: в течение 7 лет, что они обо мне заботятся, они ни разу не снабдили меня легкими туфлями, но всегда только грубыми башма-

ками. Так что, когда получил я деньги, то рассчитывал употребить часть их на покупку книг, а другую на различные почтовые расходы и на потребности вроде этой. В начале лета просил я г-жу Гериссан распорядиться заменить на моем черном суконном камзоле шерстяную подкладку полотняной, но она того не захотела, и я был вынужден сделать это сам.

Итак, уверяю вас, что ваши деньги будут хорошо употреблены. Я уже купил на 20 ливров французских книг по философии, физике, ботанике, хирургии, химии и труд барона Страленберга о Российской империи,⁵ переведенный на французский язык с немецкого г-ном Барбо,⁶ близким другом дядюшки и моих также. Остальное, вероятнее всего, придется мне отдать г-же Гериссан, но сделаю я это как можно позднее, а между тем буду их тратить. К примеру вот уже 9 месяцев у меня один кошелек на волосы, теперь я купил еще один. Из этого вы должны заключить, что пенсия своего я не получаю, что г-жа Гериссан, у которой он сохраняется, никогда не дает мне о нем отчета и даже о нем не упоминает. Я должен был изучать философию, геометрию, алгебру, математику, географию, историю, рисование, английский, немецкий, итальянский, учиться танцевать, заниматься фехтованием, верховой ездой и т. д. В течение 10 месяцев, что я нахожусь у г-на Вовилье, я еще не начинал ничем заниматься. Изучаю я только философию в коллеже, и это все. Я знаю латынь и, когда пожелаете, напишу к вам по-латыни. Перевожу с греческого, но еще не говорю на нем. Я немного знаю по-русски и даже довольно, дабы понять, что ваше последнее письмо точно переведено, чем я весьма обязан переводчику, кем бы он ни был, потому что я не имею чести его знать. До того, как вернуться, я еще буду учиться писать, но все это по возможности. В будущем году меня не заставят делать больше, чем в нынешнем, под тем предлогом, что мне надлежит сделаться магистром искусств в октябре 1763 года. Мне надо будет повторить всю философию, а это потребует много времени, хотя и не сделает меня более ученым.

Одним словом, г-н Гериссан определил меня к г-ну Вовилье не для того, чтобы я сделался ученым, а для того, чтобы сделался я добрым католиком, так как г-н Вовилье принадлежит к одной из самых суровых сект во Франции, а именно к секте последователей Янсениуса, лютыми врагами которых являются последователи Молины.⁷ Поэтому каждое воскресенье и каждый праздник он наставляет нас и обучает своей религии. Кроме того, поскольку он не довольно богат, чтобы обеспечить своих дочерей, которые у него все пять на выданье, то г-н Гериссан склонен ему помочь, и вы должны были бы это почувствовать из слов, проскользнувших в письме, которое он написал вам в сентябре 1761 г. и которое вы не получили. Он говорит там, что, поскольку г-н Вовилье испытывает затруднение, «следовало бы просить великого канцлера⁸ испросить у е. и. в. нечто вроде небольшого вознаграждения для него по окончании моего образования». По-видимому, в начале года он выдает ему 1000 фр. на мое содержание, не спросив меня, хочу ли я к нему идти. Я здесь живу, пользуюсь столом и стиркой, и это стоит 1000 ливров. Между тем в пансионе или у какого-нибудь горожанина имел бы я маленькую спальную комнату и маленький кабинет. Это стоило бы 150 или 120 ливров в год. Я делал бы там все свои дела, кабинет служил бы мне лабораторией, на 200 ливров я столвался бы в трактире. Что касается одежды, то ее покупают не каждый год. Таким образом, у меня оставалось бы еще для оплаты потребных мне учителей и для того, чтобы увидеть Версальский двор и другие прекрасные окрестности Парижа. Чтобы вы не подумали, что я вас обманываю, попросите дядюшку показать вам письмо, которое одна дама, весьма мною интересующаяся, написала ему одновременно с тем, как я написал вам это; письмо ее я послал ему через г-на Фулона или, скорее, на корабле, который г-н Фулон снарядил в Петербург, а чтобы не терять времени, покажите, прошу вас, дядюшке это письмо, дабы сам он видел, о чем идет речь, и вы могли совместно поразмыслить о том, как отстра-

нить гг. Гериссана и Вовилье от моего воспитания или как вывести меня в люди иначе, или как сделать мою жизнь чуть менее тяжкой и более терпимой, чтобы, обрести хоть немного радости и покоя, мог бы я отдаться учению с большим усердием.

Для меня вы не смогли бы сделать ничего лучшего, чем избавить и от г-на Вовилье, и от г-на Гериссана. Г-н Вовилье говорит г-ну Гериссану все, что хочет, а г-н Гериссан принимает его слова не как слова человека заинтересованного, а как самое истину, затем передает все г-ну послу, который оказывается вследствие этого обманутым, сам того не зная. Дама, которая написала дядюшке, с удовольствием примет меня у себя, и именно ей вы должны будете послать свои письма, обозначив адрес, приписанный в конце моего письма. Напишите мне, прошу вас, как можно скорее и на отдельном листке укажите ваш адрес по-русски. Кстати, поскольку я вновь начинаю изучать русский язык, который я забыл по вине г-на Гериссана, запретившего, как он утверждает, из боязни отвлечь меня от моих обязанностей, дядюшке навещать меня в пансионе и беседовать со мной по-русски, прошу вас в течение некоторого времени писать письма с большими пропусками между строк и вместо связанного перевода велеть латинскому переводчику над каждым русским словом написать латинское (дядюшка сделал бы это наилучшим способом), что позволит мне сильно продвинуться в изучении языка; надо его об этом попросить, поскольку для меня он в этом не откажет. Рассчитывать на кого-либо у г-на посла я не могу, поскольку меня туда никогда не водят, и потому я знаю там лишь г-на Лепажу, г-на Шарапова и г-на Хитинского.⁹

Я желаю всяческих благ государыне матушке и расстаюсь с вами, навечно пребывая ваш покорнейший сын

«Федор Каржавин Васильевич. Прости, сударь.»

5

15 ноября 1763

Mon très cher père!

Mr d'Oraison vient de me remettre votre lettre; j'ai reçu tous les livres que avez eu la bonté de m'envoyer par mr Foulon et avec les paquets de mr Soltikoff.¹ J'ai aussi reçu les 10 ducats d'Hollande dont il y avait deux seulement de 1761, et un autre qui était rogné; ils avaient cours de 2 roubles 20 copecks chacun. Mr d'Oraison m'a fait beaucoup de politesses, mais je n'ai encore osé lui rien demander, quoique je sois dans un grand besoin et que j'aie quelques créanciers: tailleur, cordonnier, perruquier, marchand de bas, etc. Vous ne devez pas en être surpris puisque aucun de nous, tous, qui demeurons chez l'ambassadeur, excepté 2 ou 3, nous n'avons pas reçu d'argent depuis le mois de décembre de l'année 1762. Il est vrai que j'ai reçu encore 500 livres ou 100 roubles au mois de mai de 1763, mais je devais cet argent à mon maître, et outre cela je crois que ce n'était que les restes de l'année précédente, de sorte qu'il m'est dû toute cette année-ci 1763. Cela doit vous faire sentir que le séjour de Paris ne peut m'être nullement agréable, que je voudrais de tout mon coeur aller à Pétersbourg au printemps prochain, c'est-à-dire au mois de mars ou d'avril de 1764. Sur cela je me conformerai toujours aux ordres du Collège des affaires étrangères.

Je suis charmé que vous vous portiez bien; pour moi ma maladie n'est autre que le chagrin de me voir à Paris sans argent, éloigné de ma patrie, sans aucun secours pour mon entretien et ne sachant que faire, puisque les uns me disent d'apprendre une chose, les autres une autre; et tous sont des très mauvais conseillers. Assurez ma chère mère de mes très humbles respects. Mrs Duboulay ne sont pas encore arrivés. J'embrasse mes sœurs de tout mon cœur, voici un mot pour elles, que je vous prie de leur donner. Je vous écrirai en 15 jours. En attendant je demeure votre affectionné et obéissant fils

Каржавин.

A Paris. 1763. 15 novembre.

Перевод:

Государь мой батюшка!

Г-н д'Орезон передал мне ваше письмо. Я получил все книги, которые были вы столь добры послать мне с г-ном Фулоном и с почтой от г-на Солтыкова.¹ Получил я также 10 голландских дукатов, среди которых только два были 1761 года, а один надломленный, стоимостью 2 рубля 20 копейка каждый. Г-н д'Орезон был со мною весьма любезен, но я еще не решился что-либо у него попросить, хотя и нахожусь в большой нужде и должен портному, сапожнику, парикмахеру, чулочнику и т. д. Пусть это не удивляет вас, ведь ни один из нас, живущих у посланника, исключая 2-х—3-х, не получал денег с декабря 1762 года. Правда, я получил еще 500 дивров, или 100 рублей в мае 1763 года, но деньги эти я был должен моему хозяину и, кроме того, полагаю, что это осталось от предшествующего года, а мне причитается еще полное содержание за нынешний 1763 год. Из всего этого вам должно быть понятно, что пребывание в Париже лишено для меня всякой приятности, что я от всего сердца хотел бы уехать в Петербург будущей весной, то есть в марте или апреле 1764 года. Впрочем, в этом я буду неизменно следовать предписаниям Коллегии иностранных дел.

Я рад, что вы хорошо себя чувствуете. Что до моей болезни, то она есть не что иное, как несчастье очутиться в Париже без денег, вдали от родины, без всякой помощи и поддержки и не зная, что делать, ибо одни советуют мне заняться одним, другие — другим, и все они дурные советчики.

Передайте государыне матушке мой низкий поклон. Господа Дюбуне еще не приехали. От всего сердца обнимаю сестриц, вот несколько слов для них, которые прошу вас им передать. Вам напишу я через две недели. А пока остаюсь ваш любящий и послушный сын

Каржавин.>

В Париже, 1763 г., 15 ноября.

6

5 марта 1764

1764.¹ В Париже 5 марта по французскому штилю.

Mon très cher père!

Je suis sensible, autant que je le dois être, à la peine que je vous cause innocemment. Dans une autre circonstance, je ne pourrai

qu'approuver votre colère, puisque je l'aurais méritée. Mais pour le moment présent, je la condamne entièrement, parce qu'elle n'est point le fruit d'un mûr examen sur ma conduite, mais seulement d'une vivacité inconsidérée qui vous aveugle entièrement. Vous n'avez point reçu aucune nouvelle de moi, me dites-vous, depuis la lettre de mr Duboullay du 15 juillet 1762; néanmoins, je n'ai reçu de vous aucune lettre que je n'y aie fait réponse sur-le-champ. J'ai reçu tous les numéros jusqu'à 5 inclusivement, dont quelques-uns sont doubles; outre leurs réponses, je vous ai encore envoyé d'autres lettres, par la voie des paquets de l'ambassade, adressées ou à mrs Kourapzof et Poutchkoff,¹ ou à vous-même; une autre fois par la voie de mr IIIапанов incluse dans sa lettre pour mr Koslovsky,² celle-ci par mr Charapoff pour mr Kroock.³ En sorte qu'elle est la 9-e depuis le 15 juillet 1762. Voilà donc 8 lettres que vous n'avez pas reçues sans compter une que j'ai envoyée le mois dernier par la poste, en même temps que j'écrivais à mon oncle pour Pétérsbourg, et à un de mes amis pour la Cayenne en Amérique. Or, examinez, je vous prie, que vous n'avez reçu aucune de mes lettres qui sont pleines de soumission et dans lesquelles je vous ai parlé fort au long de ma situation et de mes occupations. Au contraire, j'ai reçu toutes les vôtres qui sont pleines d'amertume et de fiel contre moi; quelle conjecture en peux-je donc tirer, si ce n'est qu'il est quelques-uns de vos ennemis qui cherchent à me séparer à jamais de vous, et peut-être à m'ôter les moyens de revenir en Russie, en indisposant ma famille et mes protecteurs contre moi. Mais si on croit me faire une grande peine en m'empêchant de parvenir aux emplois auxquels je puis être propre, on se trompe très grossièrement, parce que je préférerais toujours d'être toute ma vie simple soldat au service de sa majesté impériale, que d'être dans les premières dignités du service civil. Je vous ai écrit à ce sujet fort au long dans la lettre que je vous ai envoyée le mois dernier par la poste; je ne puis pas le répéter ici, de peur de charger trop la lettre de mr Charapoff. Je suis ici dans une impatience continuelle en attendant mon départ de jour en jour. Je m'étais préparé à observer l'éclipse du soleil du 1-er de ce mois, et je voulais vous envoyer la relation, mais le temps a été si couvert à Paris et à 8 lieues à la ronde, qu'il n'a été pas possible de rien voir. A l'égard du comte Vorontzove, je suivrai vos ordres, quand il sera arrivé à Paris.

Je finis en vous assurant de mes très humbles respects et en vous souhaitant un heureux voyage, aussi bien qu'à ma chère mère et à mes soeurs. Quant à ma santé il n'est qu'un prompt retour en Russie qui puisse la rétablir.

Votre très obéissant fils Théodore Karjavine.

1764, 5 mars, à Paris.

Перевод:

Государь мой батюшка!

Я удручен, как это и должно быть, что невольно причинил вам горе. В других обстоятельствах, заслужи я ваш гнев, я приму его безропотно, но сейчас я его совершенно отвергаю, ибо он не является плодом зрелого размышления над моим поведением, а только следствием необдуманной горячности, которая полностью вас ослепляет. Вы говорите, что не получили от меня вестей после письма г-на Дюбуле от 15 июля 1762 года. Однако я не получил от вас ни одного письма, на которое бы не ответил тотчас. Я получил все письма до № 5-го включительно, причем некоторые из них были сдвоенные. Помимо ответных, я посылал вам и другие письма через посольство, адресовав их или г-м Куробцову и Пучкову или вам лично; в другой раз — через г-на Шарапова в его письме к г-ну Козловскому,² а сегодня через г-на Шарапова в письме к г-ну Крооку.³ Так что с 15 июля 1762 г. оно 9-е. Вот, следовательно, 8 писем, которых вы не получили, не считая еще одного, которое я послал в прошедшем месяце почтой одновременно с письмом к дядюшке в Петербург и к одному из друзей моих в Кайенну, в Америку. Обратите же внимание, прошу вас, на то, что вы не получили ни одного из моих столь почтительных писем, в которых я подробно говорил о моем положении и о моих занятиях. Напротив, я получил все полные в отношении меня желчи. Что могу я из этого вывести, кроме догадки, что, восстанавливая против меня мою семью и моих покровителей, кто-то из ваших врагов хочет навсегда меня с вами разлучить и, быть может, лишит меня возможности возвратиться в Россию. Если же полагают сделать мне большую неприятность, преграждая путь к должностям, к которым я пригоден, то они жестоко заблуждаются, потому что я предпочел бы всю мою жизнь быть простым солдатом на службе е. и. в., нежели занимать первые статские должности. Я подробно написал вам об этом в письме, отправленном в прошлом месяце почтой; а сейчас повторяться не стану, ибо боюсь слишком утяжелить письмо г-на Шарапова. Живу я в постоянном нетерпении, ожидая со дня на день отъезда. Приготовился я наблюдать затмение солнца 1-го числа сего месяца и собирался послать вам его описание, по погоде в Париже и на 8 льё в округе была такая пасмурная, что невозможно было что-либо увидеть. Касательно графа Воронцова я последую вашим распоряжениям, когда он прибудет в Париж.

В заключение я свидетельствую вам свое глубочайшее уважение и желаю вам благополучного путешествия, равно как и государыне матушке и сестрицам. Что до моего здоровья, то восстановить его сможет только мое возвращение в Россию.

Ваш покорнейший сын

Федор Каржавин.

1764. 5 марта, в Париже.

7

1 января 1765

Du 1-er janvier 1765, n. s. Paris.

Mon très cher père!

Le désespoir où me plonge ma misère, m'oblige à vous prier de me rappeler sur-le-champ en Russie. Depuis le mois de janvier de 1764 jusqu'à présent, je n'ai reçu que 100 roubles, et encore cet

argent est resté entre les mains du secrétaire mr Kotinski qui s'en est injustement emparé, et qui sous prétexte de dérangement de ma conduite dont il ne peut apporter aucune preuve, prétend, en fait qu'il est, être mon gouverneur et mon tuteur. En un mot, je n'ai rien du tout, j'ai vendu cette année tout jusqu'à mon lit, puisque j'ai couché sur la paille pendant 3 mois, pour payer mes dettes et je veux absolument m'en retourner en Russie et si je n'y suis propre à rien, je serai soldat; car c'est là ma dernière ressource; faites vos efforts pour qu'on m'envoie de l'argent pour partir, et le reste de l'année qui vient de finir. Si vous ne voulez pas que je sois soldat, je serai ce que vous voudrez, décrotteur, si vous voulez, plutôt que d'être au service du Collège des affaires étrangères ou de la chancellerie; c'est là ma dernière résolution, parce que jusqu'ici j'ai déjà été trop tyrannisé et j'ai trop souffert de la part des gens qui sont auprès des ministres et seigneurs pour vouloir goûter encore de la même sauce. Je vous prie, mon père, ne me désespérez point, car mon manheur est déjà assez grand, sans m'attirer encore tout le poids de votre indignation. Je souhaite une bonne année à toute la famille, et finis par vous assurer des respects de votre très humble et obéissant fils

Феодор Каржавин, 1765 году.

Перевод:

1-го января 1765 г. Париж.

Государь мой батюшка!

Отчаяние, в которое повергает меня нищета, принуждает меня просить вас немедленно вызвать меня в Россию. С января месяца 1764 года до настоящего времени получил я лишь 100 рублей, да и эти деньги остались у секретаря г-на Хотинского, который, полагая себя моим воспитателем и опекуном, присвоил их несправедливо, под предлогом моего беспорядочного поведения, которое он ничем не может подтвердить. Одним словом, у меня ничего не осталось, чтобы оплатить долги, в этом году продал я все вплоть до постели, а сам спал в течение 3-х месяцев на соломе; я хочу непременно вернуться в Россию, и если ни к чему не способен, то буду лучше солдатом, ибо это моя последняя надежда. Постарайтесь, чтобы послали мне денег для отъезда и оставшуюся часть за год, который завершился. Если вам неужгодно, чтобы я сделался солдатом, то буду, кем пожелаете — чистильщиком сапог, если захотите, только бы не служить мне в Коллегии иностранных дел или в канцелярии. Это мое последнее решение, ибо слишком уж меня до сего времени мучили и слишком уж страдал от людей, которые подвизаются при министрах и вельможах, чтобы захотеть опять хлебнуть того же. Прошу вас, батюшка, не лишайте меня надежды, ибо несчастье мое и без вашего тяжкого гнева велико.

Я желаю благополучного года всему семейству и в заключение прошу вас принять уверение в глубоком уважении, которое к вам питает ваш покорнейший и послушный сын

«Феодор Каржавин,
1765 году.»

19 апреля 1765

Из Парижа. 1765. 19 апреля.

Mon très cher père!

J'ai reçu ces derniers jours votre lettre française du N° 13 et les deux russiennes des n°s 11 et 12 pour la suite des miennes, je l'ai perdue de vue, par la raison que je ne fais point de brouillon à mes lettres; les arrangements qu'on prend pour mon équipement m'obligent à vous écrire en peu de mots ce qui en est; le prince Gallitzine notre ministre a déchargé entièrement mr Thorin de l'embarras que mon équipement aurait pu lui causer; et lorsque monsieur Thorin lui eut représenté les ordres qu'il avait pour mon départ, le prince lui a dit qu'il en avait aussi de son côté; et comme d'ailleurs il a de l'argent pour mon voyage, en outre de l'argent de l'année passée pour mon équipement, il en a pris tout le soin sur lui-même; ainsi je suis présentement occupé avec mr Kotinski à me faire une garde-robe honnête, et qui me fera honneur en Russie; et j'attends que mon équipage soit prêt, pour m'embarquer au premier moment; pour moi, je suis décidé de faire ce qu'on m'ordonnera au Collège des affaires étrangères, pour mon état; et j'ai entièrement banni de mon esprit l'idée du service militaire, parce que, si je vous en ai parlé, c'est que ma misère et mon esclavage m'y avaient forcé; et si réellement j'avais encore la même volonté, je n'aurais point fait faire des habits contraires à l'état militaire; soyez donc sûr de ce côté-là de toute l'obéissance que vous pourrez exiger de moi; quant au reproche des débauches que vous me faites, gratuitement, la conduite du prince m'en justifiera assez; je m'attends point du tout de lui de bons certificats, par la raison qu'il ne s'est jamais inquiété beaucoup de moi, et je ne lui en demanderai point, parce que s'il m'en donnait, ce serait sans fondement de sa part; mais aussi je le défie lui et les autres Russiens, de trouver à redire quelque chose dans ma conduite, s'ils veulent me rendre justice; par conséquent, je ne crains point non plus de mauvais certificats de personne; à l'égard de ma bibliothèque, j'emporte avec moi beaucoup de livres français et latins; mais il est inutile d'emporter des livres allemands, parce que je ne sais point l'allemand, et que d'ailleurs, si j'en avais besoin, j'en ferais venir en Russie d'Allemagne; pour les livres russiens, le nommé Vauvilliers, Вовилье, professeur du roi en langue grecque, et mon ancien maître, me les a demandés parce qu'il apprend le russe; et je n'ai pas pu les lui refuser sans manquer aux règles de l'honnêteté et de la reconnaissance.

A l'égard de ma conduite et de mes études vous n'aurez qu'à lire une lettre de mr Бюаш, 1-er géographe du roi, à mon oncle, dont il m'a fait faire la lecture et dont je suis le porteur dans un ouvrage astronomique que je suis chargé de lui remettre; vous

y verrez les éloges qu'il me donne sur mes études; vous y verrez le témoignage qu'il rend à l'ardeur avec laquelle je me suis porté pour qu'il m'apprenne les mathématiques, le dessin etc. mais qu'il n'a pas osé entreprendre l'exécution de mon plan, par crainte de déplaire à mes anciens supérieurs, Mrs Hérisant et Vauvilliers, qui ne cherchaient qu'à manger mon argent et rien de plus; le témoignage d'un tel homme n'est point suspect; et j'en appelle à la lettre contre tout ce que l'envie et l'inimitié peut avoir dit et inventé contre moi; vous y verrez que je n'ai point toutes les connaissances que j'aurai pu acquérir à Paris, ce n'a point été faute de bonne volonté, mais faute de moyens et de facilités. En attendant le moment où je pourrai m'expliquer de vive voix, et me justifier sur les soupçons qu'on vous a fait naître contre moi, je finis par vous assurer de toute mon obéissance et vous souhaite la parfaite santé! Votre très humble et très obéissant serviteur et fils

Каржавин.

Je vous prie d'assurer de mes respects ma chère mère et de faire mes compliments à mes soeurs.

Перевод:

Государь мой батюшка!

На сих днях получил я от вас французское под № 13 и двое русских писем под № 11 и 12 в ответ на мои письма, о которых я не помню, потому что не пишу оных начерно. Принужденным нахожу себя вкратце описать вам приуготовление, которое делают к отправлению моему. Министр наш, князь Д. А. Голицын, совсем освободил г. Торина от беспокойства, которое бы могло ему произойти в приуготовлении меня к отъезду, и когда г. Торин представил ему, что он имеет сведения об отправлении меня, то князь ему сказал, что и он тоже имеет. И как у него и деньги для моего отъезду сверх присланных на прошедший год для моего исправления, то он все попечение взял на себя одного. Итак, теперь я с Хотинским стараюсь сделать себе хороший гардероб, который сделает мне честь в России; и как только экипаж мой готов будет, тотчас отправлюсь на корабль. Что касается до моего состояния, то я принял намерение все то исполнить, что прикажут в Коллегии иностранных дел. Совсем уже оставил я прежнюю мою мысль идти в военную службу: рабство и бедность принуждали меня говорить все то, что вы прежде от меня слушали об оном, и ежели бы я еще о том думал, то не велел бы делать платья, пенужного в военной службе. Будьте уверены, что в сем покорюсь я воле вашей столько, сколько вы требовать можете от меня. Что касается выговоров за непостоянство, которое напрасно приписывать мне изволите, то довольно в том оправдать меня может обхождение князя, от которого я нимало не ожидаю хороших свидетельств, коих и просить не буду, ибо ежели бы он и дал, то оные были бы неосновательны, потому что он никогда обо мне много не заботился. Однако я не сомневаюсь, чтоб он и другие русские могли что-нибудь найти худое в моем поведении, следовательно, я не опасюсь оговорок других. Что же принадлежит до моей библиотеки, привезу я с собою много французских и латинских книг, а немецкие книги почитаю я за излишнее, потому что я не знаю по-немецки, и ежели нужда и в оных случится, то могу и выписать оные в Россию из немецкой земли. Вовилье, королевский профессор греческого языка, а мой старый учитель, просил у меня русских моих книг, ибо он учится

по-русски, в чем отказать ему почитал я за непристойность. О поведении и учении моем можете прочесть в письме г. Бюаша, первого королевского географа, писанном к дяде моему, которое он мне читал и поручил отвезти оное вместе с некоторым астрономическим сочинением. В оном письме увидите вы похвалу, приписываемую мне за учение и охоту, которую я оказывал к учению математики, рисовальной науке и проч.; но он не смел в действие производить моего намерения, дабы через то не досадить старым моим надзирателям. Гг. Гериссан и Вовилье старались только прожигать мои деньги. Свидетельство такого человека не может быть подозрительным, и я письмо его поставлю против всего того, что зависть и ненависть могли выдумать против меня. В оном увидите вы, что не лености моей, но недостатку способов и трудностям приписывать должно, ежели я не все то знаю, чему должен был научиться в Париже. В ожидании случая на словах изъясниться и извинить себя в подозрениях, которые вы имеете на меня, оканчиваю, уверяя вас в совершенной своей покорности с желанием совершенного вам здравия.

Ваш всенижайший и покорнейший слуга и сын «Каржавин.»

Прошу уверить в почтении моем любезнейшую мою матушку и засвидетельствовать мой поклон сестрицам.

КОММЕНТАРИИ

Из сохранившегося личного архива писателя Ф. В. Каржавина наиболее полно дошли до нас его письма к отцу за время учебы во Франции (1754—1765 гг.). Отец Федора, Василий Никитич Каржавин (1710—1786),¹ богатый купец-старобрядец, дал сыну первое представление об основах наук. Нелегально увезенный за границу Федор продолжал образование во Франции, окончив коллеж Лизье и Парижский университет. Большое влияние на мировоззрение и творчество Ф. В. Каржавина оказал живший с ним в Париже его дядя — ученый-лингвист и переводчик Е. Н. Каржавин (1719—1772) (ему, в частности, принадлежит первый русский перевод «Путешествия Гулливера»). Друзьями Каржавиных были знаменитые французские ученые Ж.-Н. Делиль, Ж.-Н. Бюаш, Барбо де Брюер, с которыми оба поддерживали тесные творческие контакты.

В первом коротеньком письме из Парижа (20 декабря 1754 г.) Федор сообщал родителям о своих школьных успехах; однако вскоре переписка между отцом и сыном прекратилась; в феврале 1756 г. Василий Никитич был арестован по доносу часового мастера Петра Дементьева, обвинившего братьев Каржавиных в религиозном вольнодумстве и антиправительственных высказываниях.² В тот же год Ж.-Н. Бюаш, осведомленный о том, что «доведенный до крайности» Ерофей Каржавин не «в состоянии добывать себе и любимому племяннику необходимого содержание», знакомит его с Ж.-Т. Геррисаном (книгопродавцем с улицы Св. Якова) и склоняет его

¹ В. Н. Каржавин происходил из семьи ямщиков и был записан в купечество по указу Екатерины II 3 марта 1764 г. (ЛГИА, ф. 781, оп. 4, д. 40, л. 27). Биографические сведения о нем см.: Пекарский П. П. Известия о братьях Каржавиных. 1753—1760 гг. — Сборник ОРЯС, т. 9. СПб., 1872, с. 408—424; Архив кн. Воронцова, т. 3. М., 1871, с. 308—322.

² Следственные материалы Тайной канцелярии по делу братьев Каржавиных (ЦГАДА, ф. VII Госархив, д. 1726) полностью не опубликованы, но широко использовались исследователями. См. кн.: Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, с. 101—121.

«принять на свое попечение и на свой счет» воспитание его племянника.³ Дело против Василия Каржавина было прекращено Тайной канцелярией лишь 16 сентября 1760 г.; тогда же после всемилостивейшего прощения «за самовольное отлучение за границу» Ерофей Каржавин уехал в Россию, Федору же было разрешено «остаться в Париже до окончания начатых им наук». ⁴ 8 сентября 1760 г. он был определен студентом Коллегии иностранных дел при Парижской миссии; по отзывам наставников, юноша имел «великую охоту к продолжению всяких знаний», «был от роду весьма остр».

Д. М. Голицын писал в Петербург, «что из сего молодого человека может быть со временем искусный профессор».⁵ Полномочному министру Д. М. Голицыну предписывалось за «Каржавиным смотрение иметь, дабы он начатые им науки старался окончить, а времени бы напрасно не тратил, дабы он себя к нашей службе достойным учинить мог...».⁶ Книготорговец Гериссан, выдавая себя в первых прошениях за бескорыстного человека, потребовал от Коллегии, чтобы ему «задержанные на того Каржавина деньги при первом случае вдруг заплачены были».⁷ 22 сентября 1760 г. канцлер М. И. Воронцов распорядился, чтобы «Каржавин и в дальнейшем оставался под присмотром» Гериссана, к которому стали переводить все жалование подопечного.⁸

В 1761 г. Гериссан отдал Федора в пансион профессора греческого языка Жана Вовилье.⁹ Жестокая опека тяготила молодого человека. Не имея денег и времени, он жаловался отцу на бедность, на условия жизни в пансионе и на то, какими темпами шло его обучение. В эти годы, сильно нуждаясь, Каржавин покупает первые книги для своей библиотеки, которая в дальнейшем станет одной из лучших в России. Небольшие суммы, которые присылает ему отец (судя по отчетам в письмах), тратятся на покупку книг. Круг его интересов широк и разнообразен; он покупает книги по физике, философии, ботанике, хирургии, химии. Из России по просьбе Федора присылались русские книги, которыми пользовались также его учителя и знакомые. Французские ученые, друзья Ерофея и Федора Каржавиных, проявляли глубокий интерес к политической и культурной жизни России; в этом отношении им был полезен Федор, помогавший им в переводах книг. Правда, после нескольких лет занятий в закрытом пан-

³ Из «Записки о Федоре Каржавине», поданной Геррисаном в 1760 г. в Коллегию иностранных дел. ГПБ, ф. 370, Коплан Б. И. и Коплан-Шахматова С. А., д. 5, л. 35—40.

⁴ МИД, Архив Внешней политики России, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2, д. 24, л. 2. «Дело о отлучившихся самовольно из России в Париж московских жителей Ерофее Каржавине с племянником его Федором...».

⁵ Там же, «Выписка о студенте Федоре Каржавине», л. 30 об.

⁶ Там же, л. 2 об.

⁷ Там же, «Выписка о студенте Федоре Каржавине», л. 10.

⁸ Там же, ф. Сношения России с Францией. 1760 г., д. 4, л. 163—164 об.

⁹ В конволюте книг и рукописей, составленном Ф. Каржавиным после возвращения из Франции, преобладают сочинения Жана Вовилье; на одном из них юноша написал следующее: «Правила пунктуации древнееврейские, унаследовал некоторое оригинальное письмо старика, господина Ивана Вавильера, моего учителя в Париже». (Сейчас конволют принадлежит профессору А. И. Маркушевичу).

сионе он успел основательно забыть родной язык, но в дальнейшем пытался восстановить свои знания, постоянно упражняясь в русском языке.¹⁰ В это время началась дружба на всю жизнь Каржавина с замечательным русским архитектором В. И. Баженовым. Под присяжным листом императору Петру Федоровичу в конце января 1762 г. в Парижской миссии подписались «студент Федор Каржавин, архитектурский помощник Василий Иванов сын Баженов, Санктпетербургской академии живописец Антон Павлов сын Лосенков. . .».¹¹ С 17 мая 1763 г., после окончания учения, Ф. Каржавин живет у полномочного министра во Франции С. В. Салтыкова. Освободившись от Геррисана, Федор попал под опеку чиновников Парижской миссии и получил работу, которая была ему в тягость; он был лишен также возможности посещать лекции по интересующим его наукам. Из-за нерегулярного получения жалования Федор испытывал постоянную нужду и с нетерпением ожидал разрешения вернуться на родину. В декабре 1764 г. Д. А. Голицын послал Екатерине II реляцию, где изложил свое мнение о невозможности использовать Каржавина на службе из-за его «незнания российского языка».¹² Весной 1765 г. из Коллегии был получен указ «отправить в Санктпетербург студента Федора Каржавина на первых из Франции кораблях».¹³

Еще будучи в Париже, Каржавин пытался определить свою дальнейшую судьбу. Не зная хорошо русского языка, он считал, что не сможет найти себе место преподавателя в России и подумывал о военной службе, «где есть соревнование» и возможность получить офицерский чин на боевом поприще. Однако Федор скоро передумал: «рабство и бедность принудили меня говорить все то», — оправдывался он перед отцом, который мечтал сделать из сына первоклассного купца. В этих письмах еще только намечается разлад между отцом и сыном, который окончился полным разрывом после возвращения Федора в Россию. Василий Никитич не мог примириться с самостоятельностью сына, стремившегося не к «купеческой коммерции», а «к служению обществу по знанию». В 1773 г. вопреки воле отца Федор вновь уезжает за границу. Больше они не виделись. Василий Никитич умер в Петербурге от паралича, не дождавшись сына из Америки.

8 публикуемых писем наиболее полно дают представление о годах учебы Ф. В. Каржавина в Париже. Письма хранятся в ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, д. 100.

1. Автограф — л. 20. Частично опубликовано в статье М. П. Алексеева «Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина» (Учен. зап. ЛГУ, 1961. Серия филол. наук, № 299, вып. 59, с. 12).

¹ Семья Каржавиных: мать, Анна Исаевна Каржавина — дочь московского купца Тумборева, умерла в 1791 г. (ЦГАДА, ф. 7, д. 1726, л. 26); Матвей Васильевич — младший брат Ф. В. Каржавина; Елизавета Василь-

¹⁰ Следы его работы имеются на рукописи иеромонаха при Парижской миссии Кирилла Флоринского «Наставление об учтивости благонаправных детей».

¹¹ МИД, Архив Внешней политики России, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, д. 5529, л. 83—83 об.

¹² Там же, ф. Сношения России с Францией, 1764 г., д. 192, л. 197 об.

¹³ Там же, 1765 г., д. 202, л. 12.

евна Козлова — старшая сестра Ф. В. Каржавина; Авдотья Васильевна Анненская — младшая сестра Ф. В. Каржавина.

2. Автограф — л. 33. Более поздняя карандашная помета: «1760 г.».

3. Автограф — л. 35—35 об. Цитируется в статье М. П. Алексеева «Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина», с. 13. На л. 35 об. помета В. Н. Каржавина: «получено 8 июня 1762 г.».

¹ Князь Дмитрий Михайлович Голицин — полномочный министр в Париже с 26 февраля 1760 по 28 мая 1761 (*Бангыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России*, ч. 4. М., 1902, с. 111—112).

² Дядя Ф. В. Каржавина — Е. Н. Каржавин, см. с. 241.

³ О Ж.-Н. Делиле см. примеч. 2 к письму 7 В. К. Тредиаковского, с. 64, с 1747 г. жил во Франции.

⁴ Бюаш Жан-Никола (1741—1825) — известный французский картограф.

4. Автограф — л. 40—44 об., 57—58.

¹ Вовилье Жан — французский писатель, профессор греческого языка.

² Граф Петр Григорьевич Чернышов — посол во Франции с 1760 г. (*Бангыш-Каменский Н. Н. Обзор...*, с. 112).

³ Василий Шарапов начал служить с 1749 г. С 1759 г. актуариус в Секретной экспедиции, в 1760 г. «назначен в Париж при графе Чернышеве» (ЦГАДА, ф. 1263, Голицыны, оп. 1, д. 193, л. 13 об.).

⁴ Гериссан Ж.-Т. — см. с. 242.

⁵ Description Historique de l'Empire Russien. Trad. de l'ouvrage allemand par Sraalenberg, vol. 1—2. Amsterdam, 1751.

⁶ Барбо де Брюер (1710—1781) — французский историк.

⁷ Молинисты — приверженцы религиозно-философского учения испанского иезуита Молиноса (1628—1696), который стремился примирить свободу воли человека с божественным предопределением и действием благодати. Янсенисты — последователи голландского теолога Корнелия Янсения (1585—1638) — подвергали представления молинистов о свободе воли ожесточенной критике, настаивая на возвращении к учению блаженного Августина о предопределении и первоначальном грехе.

⁸ Великий канцлер — М. И. Воронцов; о нем см. примеч. 8 к письму 10 В. К. Тредиаковского, с. 65.

⁹ Хотинский Николай Константинович был прислан из канцелярии Шляхетного кадетского корпуса в Коллегию иностранных дел 19 сентября 1756 г. и определен поручиком (МИД, Архив Внешней политики России, ф. 93, оп. 1, д. 8, л. 11—12). Советник посольства в Париже, поверенный в делах во Франции в 1767—1773 гг. (*Бангыш-Каменский Н. Н. Обзор...*, с. 262; ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 194, л. 10).

5. Автограф — л. 60—60 об. На л. 60 помета В. Н. Каржавина: «получил 28 февраля 1764 г.».

¹ Граф С. В. Солтыков (Салтыков) — посол во Франции в 1762—1763 гг.

6. Автограф — л. 46—46 об. На л. 46 помета В. Н. Каржавина: «получил 11 мая 1764 через Крока».

¹ Куробцов и Пучков — петербургские купцы — см. «Алфавит петербургских купцов за 1767—1772 гг.» (ЛГИА, ф. 221, Петроградская купеческая управа, оп. 1, д. 83, л. 17 об, 18, 26).

² Козловский — видимо, князь Федор Алексеевич, исполнявший в конце 60-х гг. дипломатические поручения Екатерины II.

³ Кроок (Федор) — по «Имянному списку коллегии иностранных дел» — в 1760 г. «из артиллерийского корпуса определен в Коллегию», в 1759 — «у дел в Секретной экспедиции» (ЦГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 193, л. 11 об.).

7. Автограф — л. 248—248 об.

8. Автограф — л. 54.

И. Ф. БОГДАНОВИЧ

*Публикация М. А. Арзумановой, И. Ф. Мартынова
и Н. Д. Кочетковой*

1. Н. И. Панину

1 декабря 1767

Милостивый государь, сиятельство граф.

Намерясь в оном письме донести покорнейше вашему сиятельству о узаконениях в Германии Вестфальским трактатом, не нахожу за лишнее включить прежде исторические об оном примечания.

В 1583 году кельнский архиепископ Гебгард, приняв протестантский закон и жениясь на графине де Мансфелд, хотел сохранить имение архиепископства; однако Духовный собор и Римский двор того ему не позволили, невзирая на подпору его в протестантах. Сия утрата произвела разрыв согласия между некоторыми, потому что должно было по необходимости протестанцам вступать в союз с протестанцами, а католикам с католиками для супротивления первым. Средства, кои употребил император Рудольф II для прекращения сих мятежей, не были сильны в тогдашних обстоятельствах. Тщетно он дозволил протестанцам вольное богослужение по их вере, Богемский синод, невзирая на дозволение, разорил множество протестантских храмов; а потом богемцы свергли с престола Фердинанда II и возвели на его место Фредерика V Палатинского курфюрста, что произвело Тридцатилетнюю войну между изгнанным и новоизбранным императорами. Напоследок Фердинанд II, победа Фредерика, учинил ему суд как неприятелю империи и предал его изгнанию без совета других областей против капитуляции. К совершению своих побед он хотел вдруг истребить протестантскую партию; для того выдал в 1629-м году узаконение, по силе которого протестанцы должны были лишиться всех духовных имений, коими они владели от 1555 года. Сие узаконение имело бы свою силу, если бы Фердинанд учинил его согласно с другими областями; но самовластное

повеление, которое означало, что он стремился вводить деспотизму в империи, взволновало умы. Шведский король Густав-Адольф пришел на помощь к протестантам и привлек Францию на свою сторону. Области католицкой стороны, сопротивляясь намерениям шведов и курфюрста Саксонского, были разбиты в Лейпцигской баталии 1631. Хотя Густав был убит после в Люцене, но католики не были тем восстановлены. Протестанцы разных округ, то есть Швабии, Франконии, Вышнего и Нижнего Рейна, собравшись под Рейлброном 1633, согласились продолжать войну под защите шведов, в намерении добиваться до тех пор, как права их и свобода в вере им возвращены будут. Оксенстирн возобновил союз между Францией и Швецией, и переговоры их были утверждены всеми протестантскими областями, однако Нердлингенская баталия остановила их успехи. Саксонский курфюрст после сей неудачи заключил с Фердинандом II мир. Прочие протестантские владетели также один за другим ему последовали и оставили французов и шведов. Один только ландграф Кессельский был им предан. По смерти Фердинанда II сын его Фердинанд III, не имея счастья своего отца, принужден был поспешнее мыслить об мире. Предложения были учинены в Гамбурге в 1641-м, конференции открылись в 1644-м, и мир был обнародован в 1648-м году. Сей мир основан на двух трактатах: первый с Францией заключен в Минстере; второй со Швециею в Оснабруке; однако главным для общенародного германского права почитается Оснабрукский. Его можно разделить на две части; первая касается до веры и содержит следующие узаконения:

В Германии приемлются только три веры, католицкая, лютеранская и реформатская; прочие же все отвергаются. Соблюдение духовенства (*réserve ecclésiastique*) предписывается взаимно с протестанциями; те, кои приняли Оксбургское исповедание, не подсудны более в обыкновенном духовном правлении, но каждая область может давать суд в своей земле.

Духовные имения возвращаются прежним владельцам от 1642 года, хотя бы после сего времени кто и не владел оными, так как и право раздавания, наименования и избрания возвращается всем, кои оное имели с того времени. Позволяется областям принимать веру из трех помянутых, которую они за благо изберут; в Палатинской же области отменно от других каждый вступает в свои прежние права от 1618, вместо 1624-го, то есть от начала богемских бунтов.

Вторая часть содержит политическое узаконение в Германии, а именно: удовольствие короля шведского; решение споров между императором и областями и взаимные требования друг от друга между последними.

Минстерский трактат утверждает узаконения Оснабрукского: империя уступает французскому королю права на Алзацию и ведение имперских городов, отдавая в полное владение три епископства Мецкое, Тульское и Вердунское. В нем также пишется об

округе Бургонской, герцогстве Лорренском и о восстановлении по-прежнему Палатинского, Виртембергского и Баденского домов.

А чтоб трактат оный имел свое исполнение, Фердинанд III обнародовал того же года понудительный указ, в силу которго все области согласились в Ниремберге 1649 и 1650 в росписании имений, кои возвращены быть должныствовали: что все утверждено было последним имперским отпуском.

Сколько папа не спорил против Вестфальского трактата, оный доныне почитается главным законом в империи; и все последовавшие трактаты на нем основываются.

Позвольте мне, милостивый государь, при окончании оного письма препоручить себя вновь в вашу милость и благоволение, так как я есмь с глубочайшим почтением и подобострастнейшею преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства всеняжайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

$\frac{1}{12}$ декабря 1767 из Дрездена.

2. Н. И. Панину

15 декабря 1767

Милостивый государь, сиятельнейший граф.

Къ объяснению германских законов императорская капитуляция (Kaiserliche Wahl-Capitulation) может иметь здесь свое место. Она состоит в некоторых уговорах у императора с курфюрстами, по которым он тотчас по избрании и всеконечно прежде коронации обещает, правя империею, не вводить ничего нового в свою собственную пользу и во вред областям и прочее.

Первая капитуляция, которой предписания и доныне соблюдаются, учинена была курфюрстами с Карлом V-м. Ибо его неограниченное властолюбие и распространяющееся час от часу могущество были опасны для германской вольности; и с того времени императорская власть посредством капитуляции имеет свои пределы. Первая же Карла V-го учинилась основанием всем последующим.

Право предписывать капитуляцию принадлежит одним только курфюрстам так как последствие избрания, другие же области из оного исключены. Должно прибавить здесь некоторое примечание, что уговоры сии ничего противного имперским законам принимать не могут. Прочие области, быв недовольны отрешением их от сего права, которое курфюрсты иногда во вред употребляли, требовали, чтоб их приобщить также к сочинению капитуляции императора Матиаса, предлагая в уважение, что она так, как все имперские законы, для твердости своей не должна составляться без их в том участия; однако курфюрсты вместо требуемого права

склонились только в их удовольствие прибавить в капитуляции следующее: для них и для всех владетелей и областей Римской империи. С того времени сие дополнение вошло во все капитуляции. Спор о том был возобновлен протестантскими областями при заключении Вестфальского трактата. Они требовали, чтоб с согласия всех областей учинена была вечная капитуляция; но разсуждение о том отложено до будущего сейма. Между тем, курфирсты не остановились предписать капитуляцию Фердинанду IV, против которой области паки спорили и предложили их примечания (*monita*). Отпуск (*le rescès*) Ратизбонский 1654-го отложил в другой раз вечную капитуляцию до будущего сейма в 1663-м. В котором области по многих упорствах уговорили, чтоб при требовании налогов для войны против турков, так же и о том рассуждения чинимы были. Курфирст Маянский напоследок в 1664-м, составя капитуляцию, предложил на опыт, однако умы были тогда в великом разделении и не согласились приступить к оной. В 1667-м курфирсты Кельнский и Бавиерский предложили проэкт уговора (*projet de concordance*), который был бы принят, если бы они не включили для курфирстов отменного права чинить за тем еще уговоры (*adscapituler*), чего области не хотели позволить, кроме как разве самая необходимость того требовать будет, и в таком случае прибавленные после нужные артикулы долженствовали быть утверждены при первом сейме.

Во ожидании же решительного о том положения, курфирсты и владетели согласились в 1671-м во многих артикулах, кои должныствовали быть включены в вечную капитуляцию. Области повторяли их требования без успеха, ибо император Иосиф, невзирая на то, по единственному согласию курфирстов, отрешил от прав Кельнского и Бавиерского. По смерти Иосифа курфирсты и владетели сочинили несколько артикулов для капитуляции Карла VI, но как имперские города не имели в том участия, то предложили они их особенные примечания. Артикулы курфирстов не согласны были с артикулами владетелей, ни с примечаниями городов; для того первые таили капитуляцию до тех пор, как Карл V учинил по ней клятву. Области взволновались против сего поступка, так что император для укрощения их принужден был обещать учинить особо вечную капитуляцию, которая донныне еще не учинена.

После также представлены были споры от областей против введенных артикулов без их согласия в капитуляцию Карла VII и Франсуа I, и тем только они удовлетворялись.

Имею честь быть со всеглубочайшим почтением и подобострастнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

15
26 декабря

1767

из Дрездена.

3. Н. И. Панину

22 декабря 1767

Милостивый государь сиятельнейший граф.

Приемля теперь честь донести покорнейше вашему сиятельству о духовных общенародных законах германских, начну от самого их основания. Дальнейшею их эпохою почитается договор, заключенный между папою Каликстом II и императором Гендриком V в 1122-м году. Первые германские императоры пользовались всеми правами самодержавия и учреждали самовластно все, что до закона принадлежало. Они имели право раздавать епископства, подтверждать епископов, прелатов и самих пап, однако недолго. Ибо папы, как скоро могли, не хотели боле по святости их сана не только быть в зависимости у императоров, но востребовали напоследок, чтоб дать им первенство пред всеми христианскими самодержцами; для того употреблены были иногда хитрости, иногда угрозы, смотря по обстоятельствам. А чтобы сделать угрозы свои важными, они вошли в согласие с государями неприятельными империи или императору.

Папа Григорий VII первый оспорил право императора в раздавании духовных достоинств, утверждаясь на текстах канонических правил. Последователи его, Виктор III, Урбан V и Паскаль II, твердо настояли в предприятиях Григория VII. Напоследок Каликст II, о котором выше упомянуто, принудил императора Гендрика V уступить конечно папам начальство и власть над духовенством. Таким образом папы приобрели сие важное право, кое прежде принадлежало императорам. Каликст II оставил только в волю их жаловать доходы порожжих духовных мест, до времени как они будут заняты новопосвященными. Возмущения в Германии в конце четвертого на десять и в начале пятого на десять века, последовавшие от разноверия и от нововведенных учений, до того простирались, что не могли быть прекращены иначе, как соборами (conciles).

Первой собран был императором Сигисмундом и начался в 1414-м, а кончился в 1418-м году. На сем соборе предложены были от германской нации жалобы под именем (avisamenta).

Папа Мартин V чаял их пресечь чрез уговор (concordat), учиненный с сею нацією, обнародованный в 1418-м году; однако по роспуске собора никто доволен не нашелся; каждый жаловался, что главные вещи для благосостояния церкви исправлены не были, от чего произошли после другие провинциальные соборы, но не были бы полезнее первого, если бы не последовал потом Вселенский собор, начавшийся при папе Евгении IV в 1430 году, а кончившийся при папе Николае V; после чего вскоре выданы были конкордаты с императором Фредериком III в 1448-м году.

Сии достославные учреждения касаются до четырех пунктов.

1. Папа имеет право вручать епископства и другие порозжие места единственно ото двора Римского.

2. Хотя шапитры¹ имеют право в некотором избирании, но не иначе как с конфирмациею папы.

3. От нижних мест доходами папа пользуется первые только месяцы; другой же оборот оных принадлежит шапитру.

4. Платежи пап от мест (*les annates*) требуются только однажды, хотя бы место много раз в году было порозжим.

Надобно различить здесь протестантские области с католическими. Первые совсем исключены от общего духовного правления чрез духовный мир и Вестфальским трактатом, почему протестанцы могут, если захотят, присвоить себе ныне права, уступленные папе по конкордатам, так как некоторые и пользуются всеми ими, а другие частью.

Католики же не могут спорить против конкордатов, потому что оные утверждены последующими общенародными законами; и только те исключаются, кои против их протестовали, никогда их не приняли и им не последовали. По сему исключению Страсбургский и Бамбергский шапитры не в числе других.

Здесь прибавлю я некоторое примечание о законах ненаписанных, которые до общенародного права касаются и названы Имперские наблюдения (*observance de l'Empire*). Сии законы суть те, кои при многих переменах правления всегда в своей силе оставались, так как не было нужды писать о том в новых законах. Императоры и имперские области всегда их миновали, почитая монументами прежних добрых нравов и добрых обычаев. Однако для решения по оным они основываются не иначе, как на точном их действии в прежних временах, и для сего требуются некоторые доказательства.

При окончании письма моего приемлю честь поздравить вас, милостивый государь, с Новым годом, желаю вашему сиятельству всех благополучий в течении оногo, так как и во все последующие жизни вашей, уверен, что благополучие ваше есть благополучие честных людей, и тем искреннее называюсь со всеглубочайшим почтением и подобоострастнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

22 декабря 1767

2 января 1768

Из Дрездена.

4. Я. И. Булгакову¹

17 марта 1768

Государь мой, Яков Иванович!

Я пользуюсь теперь вторичным случаем уверить вас о моем почтении и дружбе, прося вас сохранить между нами то, что стародавними веками началось еще в самой нашей молодости; кажется, что мы приобрели чрез то некоторое право напоминать о себе друг другу; и с моей стороны вы найдете при всяком случае доказательства, что леты моей молодости не унесли с собою к вам моей искренней преданности, которая во всяком возрасте ненарушима останется.

Новости здешние: вице-граф de la Герерия, гишпанской посланник при нашем дворе, проезжая через Дрезден, здесь на несколько дней остановился. Принят и угождаем здесь весьма ласково. Рассказывает об России всем в восхищении. Воротится ли назад, неизвестно. Хотя едет в свое отечество единственно, так как он сказывает, для приведения дел своих в порядок.²

Было здесь в Дрездене и около в Саксонии небольшое землетрясение. Однако все, слава богу, в безопасности, потому что мало было людей в городе, которые то приметили, и тех подозревают, что будто им казалось то от лишней трусости. Я же собственно никакого вам свидетельства в том дать не могу. Говорят, что земля жидка под ногами была против обыкновенного, ежели можно по этим признакам в том увериться. Истинные же признаки вы всегда найдете, что я есмь с почтением и дружбою, государь мой,

ваш покорнейший слуга Ипполит Богданович.

5. Я. Я. Штелину¹

Не позднее 1772

Monsieur,

Pour commencer ce que je vous ai promis, monsieur, je vous envoie l'article de l'un des anciens poètes russes.

Sémion Polotzky, moine à Moscou, a mis en vers le livre des psaumes et les huit cantiques tirés de l'Écriture Sainte, comme celui des enfants d'Israël, du prophète Jonas, des trois jeunes heureux etc.: cantiques qui suivent immédiatement les psaumes de David imprimés à l'usage de l'église sous le titre de *Psaltir*, livre trop connu pour en faire ici une longue observation. Apparemment son grand penchant pour la poésie l'avait engagé de mettre aussi en vers

l'almanach ecclésiastique joint à ces psaumes et à ces cantiques. Le patriarche avait admiré ses vers, surtout l'almanach qu'un moine sut rendre en vers bien mesurés comme tous les autres, quoique sans cadence, qu'on ne connaissait pas alors.² Il dit dans sa préface qu'ayant lu en langue hébraïque les psaumes versifiés, comme aussi en polonaise, il n'en fut qu'un simple imitateur,³ mais il fut le premier qui écrivait un almanach en vers, malgré la difficulté que les différents noms des saints ne sont pas faits pour rimer ensemble comme ils le sont pour être placés dans le paradis. Un moine, ne peut-il faire un miracle? Et la poésie peut avoir les siens. A l'égard de ce moine tout ce qu'on peut tirer de ce livre, c'est qu'il l'a fait imprimer en 1680, sous le règne du zar Michel⁴ avec l'approbation du patriarche Joachime. On en trouve un exemplaire avec les notes inscrites dessus les psaumes dans le goût des cantiques polonais, ou même ce sont des notes qu'il a prises chez cette nation et les a appliquées au texte russe trouvant la mesure égale.⁵ On a encore de ce moine différents livres en prose imprimés de son temps et défendus après à cause que le peuple superstitieux ne pouvait estimer que les livres de leurs ancêtres, lesquels seuls, disaient-ils, ont été dictés par le S. Esprit.⁶ L'enthousiasme pour les livres de la vieille impression était si fort qu'au moindre changement ou la plus légère correction des mots peu intelligibles. l'on voyait naître des schismes dont chacun interprétait ces mots selon son entendement et taxait d'hérésie et d'innovation tous les livres qui ne ressemblaient pas à ceux qui ont été dictés par le S. Esprit. Telle était la persuasion du peuple jusqu'à ce qu'il n'avait pas besoin de tant de disputes pour être gouverné par ses moeurs à l'avantage et à la gloire des souverains qui le rendent plus heureux, et nous le sommes à présent si nous voulons l'être.

Peut-être dans l'histoire de la Russie y-a-t-il quelques anecdotes sur l'origine et la vie de ce moine, car de son temps on a déjà écrit l'histoire avec assez de circonstances, et ce poète n'est pas un personnage à être oublié, car je me souviens d'avoir lu quelque part qu'on lui attribue certaines prophéties et que ses prédictions de Pierre le Grand se sont réellement accomplies.⁷ Il n'est pas surprenant qu'il eût été un bon prophète, car l'imagination des poètes avait si souvent contribué à notre bonheur, que la superstition veut réaliser et que le bon esprit approuve. Il était agréable de croire ces prédictions lorsque Pierre le Grand les avait justifiées, bien qu'il ne les crût pas.

J'aurais pu vous donner quelques notions sur la poésie du prince Cantemir, celle de l'archevêque Phéophan et de l'autre Krolik,⁸ qui tous les deux ont écrit quelques vers à l'éloge du premier, mais ils me manquent à cette heure et peut-être les avez-vous déjà. Dans la collection des sermons de Phéophan tous ses ouvrages sont indiqués, si vous voulez voir.⁹ De mon côté je me ferai toujours un plaisir de vous être utile en quelque chose et de m'instruire en même temps par vos lumières vous priant d'être persuadé de l'estime et de con-

sidération avec laquelle je suis, monsieur, votre très affectionné et très obéissant serviteur

H. de Bogdanovicz.

Lundi.

Je suis fâché de vous dire que le courrier pour Irkoutzk nous a manqué. Il faut attendre une autre occasion.

Перевод:

Милостивый государь!

Выполняя свое обещание, я посылаю вам статью об одном из древних русских поэтов.

Симеон Полоцкий, московский монах, переложил стихами книгу Псалмов и восемь песен, извлеченных из Священного писания, а именно: песь сынов Израиля, пророка Ионы, трех отроков и др., те песни, которые следуют сразу же за псалмами Давида; все они напечатаны для церковного обихода под названием Псалтири, книги слишком известной, чтобы долго на ней останавливаться. Великая склонность к поэзии подвигла его, по всей вероятности, зарифмовать Святцы, или церковный месяцеслов, следующую за псалмами и песнями. Патриарху понравилась эта книга,² особенно Святцы, которые этот монах сумел переложить, как и все другие части Псалтири, хорошо размеренными стихами, хотя и без стоп, которых тогда не знали. В предуведомлении он говорит, что читал стихотворные переложения Псалмов на древнееврейский и польский языки и попросту подражал им,³ однако ему первому удалось зарифмовать Святцы, несмотря на то, что имена святых гораздо больше приспособлены для рая, чем для версификации. Но не может ли монах свершить чудо? А у поэзии есть свои чудеса. Все сведения, извлеченные из Псалтири рифмованной о Симеоне, сводятся к тому, что он напечатал ее в 1680 г. в царствование Михаила Федоровича⁴ с благословения патриарха Иоакима. Имеется экземпляр этой книги с вписанными над псалмами нотами во вкусе польских кантов, хотя вполне возможно, что он их попросту позаимствовал у поляков и применил к русскому тексту, считая стихотворный размер одинаковым.⁵ У этого монаха есть и другие, прозаические сочинения, напечатанные в его время, а потом запрещенные, ибо суеверный народ почитал истинными только отеческие книги, считая, что только они богодухновенны.⁶ Пристрастие к книгам старой печати было столь велико, что малейшее изменение и самое невинное исправление маловразумительных слов вызывало расколы, а раскольники толковали по своему пониманию эти слова и клеймили как ересь и новшество все книги, непохожие на те, которые были богодухновенны. Форма государственного правления не вызывала в народе стольких споров, поэтому им правили согласно его обычаям к выгоде и славе государей, стремившихся сделать своих подданных столь счастливыми, как счастливы мы ныне, если сами того желаем.

Быть может, в анналах русской истории сохранилось несколько анекдотов о происхождении и жизни Симеона, ибо современные ему события довольно обстоятельно описаны, а этот поэт отнюдь не был той личностью, которой можно пренебречь: вспоминается, что я где-то читал о приписываемых ему пророчествах и что его предсказания о Петре Великом действительно исполнились.⁷ Неудивительно, что Симеон оказался хорошим пророком, ибо воображение поэтов довольно часто способствовало нашему благу, которое суеверие, согласное со здравым смыслом, стремится осуществить. Приятно поверить в существование этих пророчеств, поскольку Петр Великий их оправдал, хотя сам в них и не верил.

Я бы мог вам дать некоторое представление о поэзии князя Кантемира, архиепископа Феофана и другого — Кролика.⁸ Оба они написали несколько стихов в похвалу Кантемиру, но их нет у меня сейчас под рукой, да, возможно, вы их уже имеете. Благоволило просмотреть собрание проповедей Феофана, где указаны все его труды.⁹ С моей стороны почту за удовольствие быть вам в чем-либо полезным и заодно просветиться вашей ученостью, уверяя вас в моем уважении и почтении, с каковым остаюсь, милостивый государь, вашим преданнейшим и покорнейшим слугою.

И. Богданович.

Понедельник.

С огорчением сообщаю вам, что почту в Иркутск мы пропустили. Нужно ждать другого случая.

6. Па высочайшее имя

1779/1780¹

Всемиловейшая государыня!

Высочайшая в. и. в. милость давно уже мне объявлена, и я поздравлен был с назначением мне от Кабинета в. и. в. по тысяче пятисот рублей в год жалованья. Бывшие военные обстоятельства при всеобщих трудоношениях налагали каждому долг терпения, дабы не отяготить пекущуюся о всех Матерь Отечества какими либо излишними прошениями. Пресечение же войны при всеобщей радости отверзает ныне уста и частным людям, приверженным к службе в. в. Прибегающие к богу и к милосердию его, на престоле России ознаменованному, никогда отринуты не были. Всегдашняя моя усердная служба повергает и меня к стопам в. в. в справедливом уповании на высочайшую милость вашу, поколику есмь с достодожным благоговением, всемиловейшая государыня, в. и. в. верноподданный

Ипполит Богданович.

Ассесор Ипполит Федоров сын Богданович в службе находится с 754-го года. Начал служить в Московском университете, в штате дежурных офицеров при классах. Потом взят в Иностранную коллегию в переводчики² и в 776-м году произведен в ассесоры.³ По новому же штату Коллегии, между прочими излишними, отослан для определения к делам в Герольдию. При исправлении своих должностей упражнялся в разных сочинениях и переводах, кои все напечатаны, а именно, сочинил исторические статьи о Германии,⁴ перевел несколько статей из Энциклопедии,⁵ Историю о бывших переменах в Римской республике г. Вергота,⁶ проект о вечном мире г. Жан Жака Руссо,⁷ комедию Напину г. Вольтера⁸ и проч.

Ныне сочиняет в некотором сокращении Российскую историю, которой первая часть уже издана под титулом «Изображение Российской истории».⁹

7. О. П. Козодавлеву¹

июнь 1800

Милостивый государь мой Осип Петрович! Старинная приязнь вечно возобновляется, а чтобы не пустым письмом занимать полезное время ваше, то я, с обрадованием прочитав в «Ведомостях» употребление ваших талантов и способностей, охотно <преднамере>ваюся послать также из Сум краткие выписки, оставшиеся после отца моего о происхождении и грамотах Богдановичей, с покорнейшею просьбою употребить то в дело, какое препоручено вам к собранию родов дворянских.

Приказных формулярных о том выправок я не рассудил за благо сам делать по причинам, что разыскано много; потратил бы на то времени, тогда как вы <имеете> несравненно более способов из Москвы или из Смоленска с означенных грамот доставить себе порядочные засвидетельствованные копии. А, может быть, они у вас уже и находятся, и польские гербовники, в которых Богдановичей герб с порядочным описанием еще в Польше сделан.² Происхождение же мое с братьями от рода <польских> Богдановичей в <нрзб> свидетельствах Смоленского дворянства и других однофамильных с нами Богдановичей. [... Я могу уверить, что выписки отца моего не менее достоверны. Он говаривал, что не пожелал быть дворянином, если бы слову его не верили...]

<Нрзб>. Dans ma retraite et dans ma gaieté rustique je ne me rappelle que du bien et tout naturellement je chante, oubliez jusqu'à la trace d'un malheur peu <нрзб> pour vous. Je désire que vous chantiez <autant>. Je vous prie de témoigner bien mes respects à madame votre épouse sans oublier tous ceux qui voudront bien se souvenir de moi avec bonté.

Je mets dans mes expressions un peu <de> français <pour> ne pas perdre l'usage de la langue; mais c'est en bon campagnard russe que je suis bien respectueusement et bien sincèrement, monsieur, votre très humble et très ob<éissant> serviteur

H. de Bogdanowith.*

Перевод:

* В моем уединении и в моей сельской веселости я вспоминаю лишь о хорошем и пою со всею непринужденностью; забудьте и думать о несчастьи мало <нрзб> для вас. Я желаю, чтобы вы так же пели. Я прошу

вас засвидетельствовать мое почтение вашей супруге, не забывая всех тех, кто вспомнит обо мне с добрым чувством.

Я вставляю в свой текст немного французского, чтобы не забыть язык; но, добрый русский поселянин, я остаюсь с искренним почтением ваш нижайший и покорнейший слуга

И. Богданович.

КОММЕНТАРИИ

Публикуемые письма позволяют уточнить многие факты из биографии Богдановича, расширить представление о его общественно-литературном окружении. В связи с публикацией уместно напомнить важнейшие события жизненного пути Богдановича, получающие более полное освещение благодаря новым материалам. Принятый десятилетним мальчиком на службу в Юстиц-коллегию, Ипполит Богданович был отдан для прохождения курса наук в гимназию при Московском университете.¹ Летом 1761 г. университетское начальство «по умножившемуся числу учеников, учителей и другого звания людей» сочло необходимым зачислить в свой штат «как для надзирания, так и для исправления других разных поручаемых должностей», юнкера И. Ф. Богдановича. 20 августа 1761 г. Сенат пожаловал ему чин прапорщика и, «причисля в состоящий в Москве Навагинский пехотный полк, в положенное число офицеров, в Московский университет определил».² По завершении Богдановичем учебы на него обратил внимание генерал-аншеф граф П. И. Панин и взял к себе в штат переводчиком. 30 апреля 1764 г. одаренный юноша перешел на ту же должность к младшему брату своего «патрона» — Никите Ивановичу Панину, в Иностранную коллегию.³ Похвальная ода Екатерине II, поднесенная молодым чиновником императрице по случаю нового 1763 года, сделала его имя известным при дворе.⁴ Неудивительно, что три года спустя он получил весьма лестное для него назначение на место секретаря русского посольства в Саксонии.

Как справедливо отмечают биографы Богдановича, нам почти ничего не известно о круге его знакомств и дружеских связей в этот период, кроме встречи с братом фаворита Екатерины II Ф. Г. Орловым, останавливавшимся на некоторое время в Дрездене в конце 1768 г.⁵ Тем интереснее публикуемые ниже письма.

Печальные события, происшедшие в Дрездене, знаменовали собой копец первого, сравнительно безоблачного, периода в жизни И. Ф. Богдановича.

¹ В апреле 1761 И. Ф. Богданович вместе с Д. И. и П. И. Фонвизинскими был переведен из «нижнего французского класса», от студента Семенова, во второй класс (Моск. ведомости, 1761, 27 апр., № 34. Прибавление).

² ЦГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 5477, л. 28.

³ См. «Формулярный список» и другие документы о служебной деятельности И. Ф. Богдановича (там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 575, 581, 583).

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. 1. М., 1962, № 631. 6 января 1763 Екатерина II пожаловала Богдановичу за эту оду 100 руб. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3874, л. 77).

⁵ Отеч. зап., 1853, т. 87, кн. 4, с. 185; *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957, с. 9.

В бумагах Н. И. Панина сохранилась грозная записка Екатерины II, посланная ему на исходе 1768 г.: «Гр<аф> Алексей Григорьевич Орлов» пишет сюда, чтоб скорее сменить Богдановича, секретаря князя Белосельского, а то несумненно напакостит. Прикажите его сменить. Сказывают, что до измены доходит». ⁶ Ни в одном из других документов того времени нет упоминаний об этом трагическом для карьеры молодого дипломата инциденте. ⁷ Грозные обвинения Орлова, по-видимому, не подтвердились. Тем не менее Богданович был отозван в начале 1769 г. из Дрездена в Петербург, где около десяти лет старался не привлекать к себе излишнего внимания сильных мира сего. Судя по щедрым подаркам императрицы, ⁸ поэту удалось оправдаться перед ней в своих мнимых прегрешениях, однако его служебное положение долго оставалось шатким. 23 марта 1776 г. он был уволен из Иностранной коллегии по сокращению штатов («за излишеством людей») с чином коллежского асессора и четыре года перебивался случайными заработками. ⁹ Оставшись «без жалования и без пропитания», поэт постарался пополнить свой скудный бюджет энергичной литературной деятельностью. Именно в это время он нашел себе влиятельного защитника и покровителя в лице бывшего однокашника по Московскому университету, директора Академии наук С. Г. Домашнева, поручившего ему надзор за изданием «Санкт-Петербургских ведомостей». В начале 1777 г. Домашнев обратился к Екатерине II с просьбой повысить Богдановича в чине. ¹⁰ Ответа на его рапорт так и не последовало. Непрочность положения при Академии наук вынуждала поэта искать милости у императрицы. Дважды (12 марта 1779 г. и 23 июня 1780 г.) он обращался к ней со слезными просьбами подыскать ему место (желательно при ее Кабинете), которое «могло бы заменить способы свободных трудов». ¹¹ 30 октября 1780 г. Богданович был зачислен в штат Санкт-Петербургского архива старых дел, однако следующий по «табели о рангах» чин коллежского советника он получил только через четыре года, 18 марта 1784 г. ¹²

Богдановичу приходилось с большим трудом отстаивать свое право на принадлежность к благородному сословию, как свидетельствуют и поздней-

⁶ Автограф — ГБЛ, ф. 222, РШ, № 13, л. 25.

⁷ В своей автобиографии И. Ф. Богданович писал о неприятностях по службе, надолго лишивших его благоволения императрицы: «Между тем был оклеветан в обществе скопом и заговором недоброжелателей разными образами и оправдан после даже самыми своими гонителями, кои были коварствами обмануты» (Отеч. зап., 1853, т. 87, кн. 4, с. 186). Однако биографы поэта относят этот эпизод ко времени столкновения Богдановича с Академической конференцией (1782).

⁸ Так, 11 июля 1773 г. Екатерина II пожаловала «переводчику» И. Ф. Богдановичу, ничем не мотивируя это решение, 1000 руб. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3888, л. 126).

⁹ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 76; ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 1; д. 286, оп. 1, д. 808, л. 575.

¹⁰ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 33, л. 4.

¹¹ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 76; ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 1.

¹² Там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 575. Обещанной императрицей прибавки к жалованью (1500 руб. в год) Богдановичу пришлось ждать еще четыре года (там же, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 417), а чин надзорного советника был дан ему незадолго до ухода на пенсию, 19 марта 1792 г. (там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 583).

шие документы. 11 июня 1799 г. Богданович обратился к своему однокласснику по Московскому университету П. И. Фонвизину с просьбой «найти и доставить ему за судейскими и другими надлежащими подписаниями копии с грамот или указов, каковые изданы были в разных годах прежними государями по Смоленску на имения и подтверждение дворянства его предков, «смоленских дворян Богдановичей».¹³

Приведенные факты так же, как и публикуемые письма, дополняют известные ранее сведения о биографии Богдановича, в которой остается еще немало «белых пятен».¹⁴ Публикация подготовлена М. А. Арзумановой (письма 1, 2, 3, 6), И. Ф. Мартыновым (письма 4, 5 и вступление к комментариям) и Н. Д. Кочетковой (письмо 7).

1. Автограф — Архив МИД, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/2, д. 103, 1767, л. 1—4 об.

19 апреля 1766 г. Богданович был послан в Дрезден «для исправления канцелярских дел» русской миссии в Саксонии с жалованием 500 рублей в год. В Дрездене он пробыл до 1769 г. (Архив МИД, Внутренние коллежские дела, 1766, оп. 169/2, д. 1507, л. 1—1 об.) в чине секретаря русского посольства. История ограничения абсолютизма в Германии, освещаемая в письмах Богдановича, представляла интерес для Н. И. Панина, с 1763 г. возглавлявшего Коллегию иностранных дел и верного идее разделения власти и ограничения самодержавия со времени своей дипломатической деятельности в Дании — идеи, легшей в основу его «Проекта об учреждении Государственного Совета» 1762 г. Сведения Богдановича о Тридцатилетней войне и Вестфальском мире могли быть нужны Панину и для ознакомления своего воспитанника, цесаревича Павла, с историей государственного устройства и политики стран Западной Европы (см.: *Браудо А. И.* Панин Никита Иванович. — В кн.: *Русский биографический словарь*, т. Павел—Петр. СПб., 1902, с. 202; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901, с. 55). Не исключено, что Богданович разделял взгляды Панина. Об этом говорит и то искреннее и далеко не официальное пожелание, которым он заканчивает одно из своих писем («уверен, что благополучие ваше есть благополучие честных людей...»).

Письма Панину во многом текстуально совпадают со статьей «Примечание о германских правах», напечатанной в журнале «Собрание новостей» за 1776 г. (№ 11 с. 50—78). Подготавливая статью к печати, Богданович расширил ее рамки и убрал наиболее резкие оценки. Так, в журнальном варианте вместо «деспотизма» Фердинанда II говорится о его стремлении сделать себя «единодержавным», вместо «неограниченного властолюбия» — о его «властолюбии» и т. п.

2. Автограф — там же, л. 5—8 об.

3. Автограф — там же, л. 9—12 об.

¹ Шапитр (*фр.* chapitre) — капитул.

¹³ ГПБ, ф. 545 (Ф. К. Олочина), № 51, л. 1—2. Черновик. 17 мая 1771 г. в «Московских ведомостях» (№ 39) появилось следующее объявление: «Лейб-гвардии Семеновского полку капрала Ивана Богдановича в Дорогобужском уезде (Смоленской губернии, — *И. М.*), в селе Градине крестьянина с двумя его сынами и сестрою по верующему письму брата его Иностранных дел переводчика Ипполита Богдановича желающие купить о цене спросить могут на Поварской улице, в приходе церкви Бориса и Глеба, в доме полковника Николая Логиновича Щербачева».

¹⁴ См. также неизвестные в печати доношения Богдановича в Петербургский архив от 1 апреля 1782 г. — ЦГАДА, ф. 286, кн. 657, л. 39 — и от 14 марта 1784 — ЦГАДА, ф. 286, кн. 691, л. 89 (*примеч.* М. А. Арзумановой).

4. Автограф — ГБЛ, ф. 41 (Булгаковых), Р1, папка № 22, л. 1.

¹ Я. И. Булгаков (1743—1803) — друг Ломоносова по Московскому университету, в 1764—1775 гг. дипломат при русской миссии в Варшаве.

² Испанский посол в России вручил Екатерине II свои отзывные грамоты 21 августа 1771 г. (Моск. ведомости, 1771, 22 авг., № 62).

5. Список — ГПБ, ф. 588 (Погодинские автографы), № 171, л. 1—2. Письмо на бумаге с филигранью середины XVIII в. (буквы HR). Впервые (без перевода): *Тихонравов Н. С.* Соч., т. 3; ч. 2. М., 1898, с. 76—78.

Письмо вводит Богдановича в круг активных участников работы по воссозданию истории отечественной словесности, работы, которая началась с появления в лейпцигском литературном журнале Х.-Ф. Вейсе «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste*» (1768, Bd VII) — «Известия о некоторых русских писателях с кратким сообщением о русском театре». Многолетние споры об авторе этого анонимного библиографического очерка так и не привели исследователей к единому мнению (см. новейшие работы об авторе «Известия»: *Мартьянов И. Ф.* «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века. — Рус. лит., 1968, № 3, с. 184—191; *Динерштейн Е. А.* Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор. — В кн.: Журналистика и литература. М., 1972, с. 72—87; *Степанов В. П.* Новиков и его современники (Биографические уточнения). — В кн.: Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. XVIII век, сб. 11. Л., 1976, с. 213). Среди прочих «кандидатов» на роль первого историографа русской словесности мимоходом упоминалось имя И. Ф. Богдановича, однако никто не попытался всерьез учесть и проанализировать факты, говорящие в его пользу. Письмо поэта к Я. Я. Штелину свидетельствует о его обширных, вполне профессиональных познаниях в области истории древнерусской литературы. Имя Симеона Полоцкого было известно современникам и знакомцам Богдановича; так, в рассуждении «О стихотворстве» его одноклассника, студента Московского университета С. Г. Домашнева, можно найти несколько строк об особенностях метрики Симеона (Полезное увеселение, 1762, июнь, с. 235). Гораздо более пространный, насыщенный фактическим материалом очерк о Симеоне Полоцком был помещен в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова. Судя по опубликованной М. П. Погодиным библиографической «Записке» Я. Я. Штелина (Москвитянин, 1851, № 2, с. 205—215), конференц-секретарь Санкт-Петербургской Академии Штелин параллельно с автором «Опыта», а может быть и раньше его, начал работу над словарем русских писателей. Подлинник «Записки» на немецком языке хранился в собрании Погодинских автографов, переданном впоследствии в Публичную библиотеку. Однако уже к 1867 г. он был утрачен (Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 161). О древнерусской литературе в «Записке» никаких сведений нет, что объясняется скорее всего ее фрагментарностью. Известно, как «негодовал» Штелин, узнав о выходе в свет новиковского «Опыта». Это негодование, по-видимому, было вызвано не только отсутствием в словаре Новикова имен писателей-иноземцев, писавших в России, но и завистью неудачливого конкурента. Работая над «Запиской», в поисках материалов о Симеоне Полоцком Штелин и обратился за советом и помощью к И. Ф. Богдановичу, считая его вполне компетентным в этом вопросе. Итак, кто бы оказался на самом деле автором лейпцигского «Известия» (в котором, правда, нет никаких сведений ни о Симеоне Полоцком, ни о других русских писателях XVII в.), ясно одно: его появление в свет не было случайным, так как в конце 1760—начале 1770-х гг. несколько русских ученых и литераторов параллельно, а скорее всего в тесном контакте друг с другом начали собирать, систематизировать и публиковать материалы по истории отечественной словесности.

¹ О Я. Я. Штелине — см. примеч. 6 к письму 22 А. П. Сумарокова на с. 195.

² Богданович ошибался. Патриарх Иоаким в «Слове поучительном» обвинял Симеона в «латинских ересьях» на основании его «Псалтири рифмотворной» (Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865, с. 137).

³ Богданович опирается здесь на второе предисловие к «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого, где последний сообщает читателю об известных ему переложениях псалмов на еврейском и польском языках (*Симеон Полоцкий*. Избранные соч. М.—Л., 1953, с. 212—214).

⁴ Ошибка: «Псалтирь рифмотворная» была издана в 1680 г. в царствование Федора Алексеевича (1676—1682).

⁵ Богданович ошибался. Музыка к «Псалтири рифмотворной» была сочинена певчим дьяком В. П. Титовым. См. обзор списков Псалтири с нотами, хранящихся в ОРРК БАН: *Марьянов И. Ф., Кукушкина Е. Д.* Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976, с. 46—47.

⁶ Сочинения Симеона запрещены на Малом Соборе в 1689 г.

⁷ Возможно, имеется в виду стихотворение «Петр имя камене толком знаменает» в «Рифмологионе» (*Симеон Полоцкий*. Избранные соч., с. 115) или «Вирши на рождение Петра I» (опубликованы в ст. И. Ф. Голубева «Забытые вирши Симеона Полоцкого», — ТОДРЛ, т. 24. Л., 1969, с. 258—259). Пророчество это было хорошо известно Г. Р. Державину, что видно из стихотворения последнего «На пророчество Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского при рождении Петра Великого» (Державин, т. 1, с. 444).

⁸ Стихотворение архимандрита (Богданович ошибается, называя его архиепископом) Феофила Кролика, посвященное А. Д. Кантемиру, опубликовано в собрании сочинений Кантемира, изданном В. Я. Стоюниным (*Кантемир А. Д.* Соч., письма и избранные переводы, т. 1. СПб., 1867, с. 23—24).

⁹ Возможно, подразумевается книга: *Феофан Прокопович*. Слова и речи поучительныя, похвальные и поправительныя... Ч. 1. СПб., 1760. На 8-ми нумерованных страницах в конце тома: «Оглавление известным на российском языке сочинениям, печатным и письменным Феофана Прокоповича».

6. Автограф — ЦГАДА, Госархив, р. X, д. 609. Прошения на имя Екатерины II и Павла, бывшие в делопроизводстве у кн. Александра Андреевича Безбородко, 1776—1797, л. 417, 418.

¹ Судя по послужному списку, находящемуся в деле на соседнем листе, прошение написано не ранее марта 1779 г. (так как в нем уже говорится об увольнении Богдановича из Иностранной коллегии) и не позднее октября 1780 г. (когда он вновь уже служил). Остается неясным, какую войну имел в виду Богданович: русско-турецкая война 1768—1774 гг. и крестьянская война 1773—1775 гг. уже закончились.

² Богданович не совсем точен, после Московского университета с мая 1763 по апрель 1764 г. он служил переводчиком в штате гр. П. И. Панина.

³ 21 марта 1776 г. Коллегия иностранных дел доносила в Сенат, что «во оной коллегии находится переводчик Ипполит Богданович, который начал служить с 1754, а в настоящем чине с 1764 года, и во все сие время вел себя порядочно, и Коллегия иностранных дел в рассуждении долговременной его бытности в одном чине за нужное находит правительствующему Сенату представить о произведении его в ассесоры противу произведенных в сей чин той же Коллегии переводчиков, дабы он тем паче поощрен был к дальнейшей службе» (ЦГАДА, ф. 286, д. 603, л. 401). Это ходатайство, подписанное Н. И. Паниным и И. Остерманом, было удовлетворено (копия указа Сената — там же, л. 402). 5 мая 1776 г. священник Исаакиевского собора Антоний Сергеев привел Богдановича к присяге (текст подписанного им клятвенного обещания — там же, л. 403).

⁴ Исторические статьи Богдановича о Германии неизвестны. Возможно, одной из них является статья «Примечания о германских правах» (см. примеч. к письму 1 Богдановича на с. 258).

⁵ Какие именно статьи перевел Богданович из Энциклопедии, не установлено. Н. М. Карамзин указывал на них в статье «О Богдановиче и его сочинениях»: «В 1768 году возвратясь из Дрездена, он совершенно посвятил себя литературе и стихотворству, перевел разные статьи из „Энциклопедии“ и т. д.» (Вестн. Европы, 1803, № 9).

⁶ История о бывших переменах в Римской республике, сочинения г. аббата Вергота... Т. 1—3. СПб., 1771—1775.

⁷ Сокращение, сделанное Жан Жаком Русо, Женевским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом де Сент-Пьером. СПб., 1771.

⁸ Нанина, или Побужденное предрассуждение. СПб., 1766.

⁹ Историческое изображение России. Ч. 1. СПб., 1777. Последующие части в печати не появились.

7. Отпуск — ГБЛ, ф. 622 (Смирнов-Сокольский) карт. 1, № 1.

¹ Осип Петрович Козодавлев (1754—1819) в 1783—1784 гг. был советником при директоре Академии наук Е. Р. Дашковой и ведал изданием журнала «Собеседник любителей российского слова», в котором Богданович принимал деятельное участие. В 1783 г. по предложению Козодавлева Богданович был избран членом Российской академии. В 1800 г. Козодавлев был назначен директором Герольдии и занялся составлением «Общего Гербовника русских дворянских родов», работа над которым была начата в Герольдии в 1797 г. Богданович в это время находился в отставке и жил у родственников в г. Сумы. Публикуемое письмо показывает, с какими усилиями Богданович отстаивал свое дворянское происхождение (ср. с. 258).

² Польский герб рода Богдановичей имел название Лада (Список дворянам царства Польского. Spis szlachty królestwa polskiego. Warszawa, 1851, s. 14). В VII части «Общего гербовника» (№ 114) находится изображение и описание этого герба Богдановичей: «В щите, имеющем красное поле, изображены золотой крест и серебряная подкова шипами вниз. По сторонам подковы две серебряные стрелы, летящие вверх, а внизу два рога того же металла. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой виден коронованный лев с мечем. Намет на щите красный, подложенный серебром». В краткой справке о роде Богдановичей здесь сообщалось следующее: «Фамилии Богдановичев многие служили Российскому престолу дворянские службы в разных чинах и жалованы были в 1716/1668 и других годах от государей поместьями. Все сие доказывается справкою Разрядного архива и родословною Богдановичев». Герб Богдановичей Лада воспроизведен также в кн.: *Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914.

М. Н. МУРАВЬЕВ

Публикация Л. И. Кулаковой и В. А. Западова

Письма отцу и сестре 1777—1778 годов

1

8 мая 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Развертывая сие письмо, вы изволите угадать половину его содержания, а половину нет. Что я в Москве, это правда. Но в которой горнице сию?.. наперед узнаю, что неправда. Я живу у Петра Семеновича,¹ в задней горнице, и постеля моя на лежанке, довольно высокой. Весь дом переделан и так хорош, как игрушка. Ежели бы я хотел доказать, что в своем слове прав, я бы еще предложил вам нечто. Например: о чем я теперь говорю? Пряжкой ли вы изволите парик застегивать или завязкой. Передо мной стоит парукмахер генерала Аффросимова, который поговорить не любит и просит за оба парика, последнее слово, четырнадцать рублей. Но чтобы перестать врать, так я пойду опять назад и зачну снова. Вы изволили видеть, как я поехал. Невступно в 12 часов примчался я в Городню, чтоб разбудить трех мужичков, которым и в голову не впадало, что мне надобно ехать в Москву. Староста ямщицкий не любит, чтоб его будили, и взял с нас пеню за то, что рано встал, но я хотел бы найти кого-нибудь для любопытства, кто бы заснул с городнецким ямщиком. Это все рассказывать весьма нужно, но, еще я думаю, и забавно столько ж. В одиннадцать часов езды пробежал я сто верст. Но тут потише. На двух последующих станциях не нашел лошадей. Кое-как вымоля, бранью взял и мало толику палкой. А с Черной грязи ехал без ямщика, для того что он убежал в лес. — В самое сие время прогремел здесь гром. Все утро лил сильный дождь. А вот и еще дождь, а я хотел ехать обедать к Майкову.² — Сильный гром. Льет величайший дождь, остался я. Дождь отнимает силы писать.

Где я эдак переучился врать? Мне много писать важного, а я мелю чепуху. Вы не изволите знать, что дядюшка Матвей Артемонович меньшей³ здесь. Я у него ночевал и теперь только домой пришел. Он очень опечален, в Суздале весь распродался и едет налегке. Отправится в Тверь, конче, завтра. Нынешний день кушает у Федосьи Алексеевны,⁴ а я у ней обедал вчерась. Она-то мне и сказала об нем. Федосья Алексеевна кланяется как вам, так и сестрице. И она также не очень весела. А дядюшка живет в доме Киреевского,⁵ зятя сестры Федосьи Алексеевны. Он немножко раздражен на Ивана Матвеевича⁶ и, как кажется мне, хочет скрыть свою скуку, но не может. Ко мне очень ласков. Здесь купил карету в 120 р. и едет на своих.

С университетскими всеми виделся, которыми также обласкан. В субботу был в Собрании,⁷ где читал свою диссертацию⁸ и еще оды. Все сие так, как и две прежние пиесы, будет внесено в четвертую часть, которая еще не напечатана. Диссертацию, что касается до содержания и расположения, главная часть сочинения, ни словом не критиковали. Все касалось до риторического выражения мыслей и свойства языка. Некоторые им казались немножко новы и смелы. Но как это скрыть в стихах? В одах не заметили они ни одного слова или мысли, которая бы была им странна. Куратор⁹ был ими тронут и сказал мне, что я имею дар в лирическом. Он также благодарил меня вообще за пиесы. И просили, чтоб ежели есть у меня еще из Горация переведенные, чтоб я им их сообщил. Тверскую историю также отдал, и она теперь у Миллера. Они думают ее напечатать особо с Чигиринским походом.¹⁰ Всего смешнее, как дело зашло о Ломоносове, и Мелиссино доказывал Миллеру, что он отнюдь не занимал у Гинтера, немецкого стихотворца,¹¹ и просил меня прочесть приведенный в диссертации пример: «Не мрак ли в облаках» и пр.¹² Я стал громко читать, чтоб слышно было Миллеру, и как дошло до того: «На то ли вселюбезну Анну» и пр., все обернулись на меня, и я замолчал, а Мелиссино с Миллером потупились и стали говорить тихо.¹³ Простите мне, батюшка, что я к вам нынче так вздорно писал. Это только для того, чтобы хоть вас рассмешить. Нижайше прошу, будьте спокойны и веселы. Я целую с истинным моим почтением ваши руки и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года мая 8 дня. Москва.

Матушка сестрица, не именинница ли ты нынче? Мне это так на ум вспало. Ежели так, от всего сердца поздравляю.¹⁴ А прогос.* Я вчера был в театре: представляли «Le bourgeois vertueux»,^{15**} а петит пиес: «Принужденная женитьба».¹⁶ Все актеры так возглашают affecté...: «драж... жайшпий мой!» etc.*** И Дмитрев-

ского¹⁷ нет. Слуга в петит пьес не смешон даже, а уж burlesque,**** как на игрище. Не прогневайся, что мало местечка. Где ж мне взять? Ах! матушка, пожалей. Впервые поеду на дрожках. А то раз в карете Федосьи Ал^ексеевны^е ездил, а в театр в дядюшкиной. Je baise votre petite main.***** Голубушка моя! Татьяна, свет Петровна,¹⁸ что ты забыта здесь, рука моя виновна. Не прогневайтесь: это, право, для вашей милости с почину стало. А то кусок хазовой,¹⁹ К сырасаку²⁰ применялись. Просят рубль двадцать копеек. Valeas et ***** шалеас. Ванька долгой пошел в деревню, и камзол ему куплен.

Перевод:

- * Кстати.
- ** «Добродетельный ворчун».
- *** деланно... и т. д.
- **** груб.
- ***** Целую вашу ручку.
- ***** Будь здорова и (*латин.*).

2

11 мая 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое от 8 числа писание я получил от Изъедина, за которое приношу мою благодарность. Я вижу из него, что ко мне есть еще письмо и через почту, но я еще его не получал и для этого теперь же поеду на почту справиться. Дядюшка Матвей Артемонович нынешнее после обеда отправился в дорогу, и так вы будете иметь гостя в субботу. Я поеду отсюда послезавтре часу в десятом ввечеру, ежели только помешательства не сделают парики, которые, однако, сделать к сроку обещали. Анисим Титыч² тому назад недели три как болен подагрю, однако теперь уж гораздо получше и прохаживается. Тетушка Федосья Алексеевна, у которой я раза два обедал, приказывает вам свое почтение. Третьегодня был я почти целый день и обедал у Антона Алексеевича.³ Он вам приносит свое почтение. У него я набрал столько книг, что я счет потерял, и теперь их разбираю. Василий Иванович⁴ попрекал мне, что я не стал у него. Он тотчас узнал, что надписи мои,⁵ так, как и Антон Алексеевич. Яков Борисович⁶ принял меня очень ласково, отвез в карете; нынче прислал мне ее на целый день. У него я и обедал нынче. У дядюшки я ночевал две ночи и почти во все это время был. Только сделайте милость, не ожидайте меня прежде как ввечеру воскресеньем, затем что я и сюда приехал в семь часов. Проклятые две ближние станции уведут по крайней мере четыре лишних часа. Я вас нижайше прошу быть веселыми, и ежели бог совершит мои желания, так

вы будете здоровы. Простите мне, батюшка: я спешу писать и сам лучше все расскажу, нежели через письма. Я ожидаю с искреннейшим почтением вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1777 года мая 11 дня. Москва.

Матушка сестрица! все ли ты здорова? весела ли ты? Я тебя прошу для твоего брата, которого ежели ты любишь, так и послушаешь, не будь скучна. Я здесь, когда у меня спрашивают, каково в Твери? лгу на ваш счет и иногда идучи выдумываю. Куды как весело? *Faites, ma chère, que notre papa ne s'ennuie pas. Je vous prie, je baise votre main de tout mon coeur.** Я нынче у Мелиссина опять говорил по-италиански с греческим архимандритом.

Матушка Татьяна Петровна! Здравствуй!.. Прощай.

Перевод:

* Постарайтесь, любезная моя, чтобы папенька наш не скучал. Прошу вас. От всего сердца целую вашу ручку.

3

26 июля 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я не знаю, получите ли вы или, по крайней мере, как скоро получите письмецо сие, которое пишу из Хотилковского яму и посылаю с извозчиком к Миллеру¹ в Вышний Волочок, чтоб он его к вам привез. Дорога моя до Вышнего была довольно хороша. В одиннадцать часов приехал я в Торжок и пил кофе в тамошнем трактире; оттуда отправившись, часов восемь в вечеру приехал я в Вышний. Дождь шел беспрестанный, и солнца я не видал, выехав из Твери. Перед Вышним, не доезжая верст за десять, зачала ломаться шина на правом переднем колесе; с нуждою его перевязывали, гвозди повыскакали, и оно совсем оттираться стало; в другом колесе выскочила чека. Кое-как доехали в город и остановились у кузниц, которые на краю города. Призвали кузнецов: придачи к нашей шине просят полтину. Мы подавать двадцать копеек и так далее, ничто не помогло: на чем остановились, — напрасно бранились, напрасно кричали, — дать принуждены. Между тем, как я обмок и озяб и плащ до половины был забрызган, вздумал я идти в трактир и плащ скинул. При кибитке остался Ванька, а я с ямщиком пошел в трактир, где подали мне чаю. Между тем колесо поспело, и ямщик, который, проводив меня, шел назад к лошадям своим,

встретился уже с Ванькою, который кибитку везет к трактиру и к почтовому двору, который тут напротив. Покуда зачали мазать колеса, Ванька пошел с старым ямщиком ко мне в хоромы о прибавке денег к прогонам спроситься. Пришел назад — плаща уж и нет. Вот какое наше несчастье! Милостивый государь батюшка, не извольте на нас прогневаться. Мы не знали и теперь не знаем, что делать. Тьма такая, что хоть глаз выколи; мне сказали, я прибежал, уж никого нет у кибитки, дождь идет ужасный, Ванька пошел к ямскому управителю, который судил, судил, да сказал, что ему делать нечего; и так мы погоревали, да и поехали, я думаю, часу в первом ночи. Всю ночь ехали до Хотиловского, где я пишу: тридцать шесть верст, дорога прескверная. Нижайше прошу, батюшка, отписать в Вышний к городничему Ивану Крестьяновичу Гартунгу, чтобы он публиковал через полицию о плаще, что, ежели кто найдет, к нему бы приносил, или бы и приказал поискать по избам. Мы думаем, не сронил ли Ванька его, как ехал из кузниц к почтовому двору. Но он говорит, что помнит его, уж приехавши к почте. Нижайше прошу, батюшка, простите мне мое несчастье и сами не сокрушайтесь. Я, слава богу, здоров и только о том печалюсь, что вам дал причину сокрушаться. В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1777 года июля 26 дня. Тверь.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, сделай милость, не печалься, матушка, обо мне и попроси батюшку, чтобы он не печалился. Голубушка! видишь, какое мое несчастье. Право, ума не приложу. Но я буду утешен, ежели узнаю, что батюшка на меня не гневается и вы не скучны. Дай бог, чтобы вы не приметили моего отсутствия. Баба здесь принудила меня приказать сварить молока: не отговоришься на большой дороге. Матушка, голубушка, что мне делать? Пожалуй, попроси батюшку, чтобы послал в Вышний к городничему. Люби меня, матушка, и не скучай. Фавушку не оставь, матушка.

Татьяне Петровне мой поклон. Видите, каким помелом пишу; право нельзя.

4

31 июля 1777

Санктпетербург 1777 г. июля 31 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Наконец имею удовольствие донести о моем в Петербург прибытии. Приехал я вчерась по утру, часу в осьмом, слава богу, благополучно, для того что маленькие беспокойства и замедле-

ния, в дороге почти неминуемые, на счет противного ставить почти не можно. Павла в Крестцах покрали на четыре рубли: тут принужден был простоять — два дни меня дожидался; однако не дождался. Я его нашел в Бронницах плачущего. Нашлись люди, которые, сжалась на слезы его, овса и сена по несколько ему давали, так лошадь не исхудала. Сколько стоило мне труда сыскать кого-нибудь из бронницких ямщиков, чтобы съехать на Полосы! Это было после обеда 27 числа. День был прекрасный, так все были на сенокосе. Особливо же как время стоит дождливое, так эдакова дни им ни за что променять было не можно. Почтовый сержант, спасибо ему, зная приключение Павлушкино и наслышавшись, может быть, о дядюшке, много мне помогал. Он, наконец, нашел мне богатого мужика, который взял дорого, да делать было нечего. Показалось, так будучи близко и ваше письмо к тому же имевши, не захватить было бы не рассудительно <и> скупиться, дал 1.80 коп. и в тот же вечер приехал на Полосы. Принял дядюшка¹ довольно ласково. Он только что четыре дни как приехал с Рязску, и упражнение все его состоит теперь в экономии. Сено грабил сам. У него один полевой сержант, дворянин, и плотничный мастер с женою и дочерью. Вот сколько обстоятельств! На другой день так мы разговорились о тверском житье, о воспитании Ивана Матвеевича,² так ко мне был милостив, что пересказать вдруг не можно. Я ему писал письма кое-какие, — к Олсуфьеву,³ напр<имер>. Дал мне для перевозу к Ивану Матвеевичу ассигнациями 200 руб., небольшое ружье, атлас и книгу архитектурных рисунков. Спрашивал о вас, о сестрице; как я зачал говорить про долг наш, он ничего не ответствовал. Что касается до дядюшки Матвея Артемоновича меньшого, я, говорит, не знаю, что делать, деньги у меня теперь все по людям, четырнадцать тысяч у Яковлева, семь тысяч у <пропущено слово?> как у архерея. — Напрасно говорят, что переменение климата имеет влияние и на свойства наши: и под петербургским небом столько же я люблю останавливаться на подробностях, как и при волжских берегах. Хотя и поневоле, я перебегу несколько приключений дорожных и мало значащих, чтобы поберечь места петербургским. Вчера был все дома. Иван Матвеевич,⁴ будучи квартирмейстром и, следовательно, имея нужду в верховой лошади, приборе и пр., а будучи не в состоянии жалованьем исправиться, сказывается больным и не живет в лагере. С ним препроводил я день. Нынче, в моем дезабилье — для того, что еще мундира не было, — ходил к Сергею Александровичу,⁵ который вам за письмо благодарит и мне, сколько силы будет, помогать обещался. Спрашивал, для чего я еще не остался: отсрочили бы. Судили про подполковника.⁶ Служить очень не авантажно: сам всякий день и очень рано в строю, и бегаёт, как ефрейтер, строг и горд до чрезмерности, и принуждением выше сил отнимает охоту и рвение к службе. Был потом у Леонтьева,⁷ он просил ходить к себе, разговаривал о Твери. Подполковник поехал в ди-

визию и будет в четверг. Обедал с Иваном Матвеевичем у Аннибала⁸ весело и с десятком италианцев. Иван Абрамович вам приказывал засвидетельствовать свое почтение, меня просил ходить часто к себе. Бумага моя не будет с мой день, и вечер останется неописанным. Был у Миллера,⁹ у Петрова¹⁰ с письмом был дядюшки, да не застал, пришел домой. Павлушка приехал благополучно, и теперь разбираемся. Целую вашу родительскую руку и остаюсь на веки ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица, Федосья Никитишна, желаю тебе от всего моего сердца, чтоб ты была здорова и довольна собою и мною. Вот, у вас на той стороне не скушно. Я теперь где иду по улице, так сердце tic-toc, tic-toc. Скоро пройдет эта глупость, чуть ли не завтра, как скажут: нутка, покажи, парень, свой провор. Est-il possible que notre cousin me demandait entre autres choses: «Est-il vrai, dit-il, ce que j'ai entendu, que l'on recherche déjà votre chère soeur?» — «Qui vous l'a dit, mon dieu?..» — «C'est Werdereffsky».¹¹ — Adieu.*

Иван Матвеевич хотел к вам нетерпеливо писать, да его увел один италианский с Аннибалом живущий офицер.

Татьяне Петровне поклон.

Перевод:

* Поверишь ли, наш кузен спросил меня между прочим: «Правда ли, — сказал он, — то, что слышал я, будто бы уже сватают милую вашу сестрицу?» — «Кто вам это сказал, бог мой?..» — «Вердеревский». — Прощай.

5

3 августа 1777

1777 год. Санктпетербург, августа 3 д.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я думаю, что вы уже изволили получить одно мое письмо, хотя и не в настоящее время. Понедельничная почта упредила его, так оно послано на вторичной. И я боюсь, чтобы сие замедление уже не приключило вам беспокойства. В чем у вас, батюшка, нижайше прошу прощения. Ваше милостивое письмо от 26 и <юля> я получил третьего дня и уже некоторые письма разнес. Я не могу не быть доволен приемом господ майоров. Федор Яковлевич по-старому ласков: расспрашивал у меня о вас и уверял, что он всегда рад будет оказать свое усердие вам в рассуждении моей пользы; потом спросил у меня, явился ли я к Николаю Васильевичу, — а это было в самый день моего срока, так я сказал ему, что я уже не один раз был у него и паспорт свой

уж отдал капитану-поручику князю Александре Ивановичу Лобанову-Ростовскому.¹ Для того что нынче в Кадетской роте и при школе офицеры, и сей отправляет все полковые нужды по роте. Он родной племянник жены нашего подполковника и человек, как сказывают, взыскательный; но я еще до сих пор причины не имею пожаловаться, будучи им принят учтиво, и теперь еще отнюдь не обеспокоен. Я подал также Федору Яковлевичу письмо от дядюшки Матвея Артемоновича; он, прочетши, сказал, что дядюшка сам, будучи здесь, не мог выпросить Ивана Матвеевича у князя в сержанты, так напоминание от меня еще будет слабее; не лучше ли подождать до тех пор, как вступит в службу. Г. Шипов² приказал вам благодарить, и как он говорит обыкновенно ласково, так и сказал, что во всем, где только он будет мне полезен, я могу требовать от него всякого вспоможения. Спрашивал, давно ль вы в Твери и пр. Князь Петр Алексеевич³ приказал вам кланяться и также уверял в продолжении своей благосклонности. Он уж ныне не очень входит в полковые дела, хотя еще иногда и дежурит. Государыня, сказывают, милостиво с ним разговаривая, между прочим сказала, что она имеет для него особливое место и что он может теперь не столько в полку трудиться. Подполковника ждали вчерась из дивизии. У Федора Михайловича⁴ я обедал третьего дня, но как к нему приехала сестра Татьяна Михайловна Флорова-Багреева⁵ и поэтому они все новоприезжими заняты, так я и не успел с ним переговорить о перстне, что меня препятствует так скоро отправить Павлушку. Нынешний день только убрался идти, чтоб разносить письма, дождь пошел и поневоле остановил дома. Флорова-Багреева вам кланяется и извиняется, что не заехали, будучи нездоровы, хотя и была намерена неотменно. Вчерась познакомился я с Поповым⁶ и был у него с письмом Киприана Ивановича,⁷ которому я и благодарю за сей случай и прошу объявить мое почтение. После обеда иду на Васильевский остров к Ивану Матвеевичу с письмами и, ежели удастся, зайду к Докучаеву⁸ для перемены векселя. Чтоб Павлушке дать между тем упражнение, я купил несколько товару, и он шьет сапоги для Ваньки. Строи в кадетской роте на сих днях кончатся, и ежели есть, так уже только, как говорит капитан-поручик, для смеху.⁹ Как я был последний раз у Николая Васильевича,¹⁰ так он отдавал ротному писарю переписывать не знаю какие-то установления для нашей школы. Сколько можно сначала заметить, Ник<олай> Вас<ильевич> человек очень медленный и нерешимый. Он еще и в свою контору ездит. Сергей Александрович перенес всю сию перемену так, сказывают, что не дал заметить своего упадку. Списки истории,¹¹ которую преподавал в школе Еллерт, бывший тут учитель, погубили его в мыслях кн. Николая Васильевича.¹² У меня теперь столько, хотя маловажных, известий, что, наполнив ими письмо, еще множество их в остатке имею. Но как их истощить не можно, то лучше буду говорить с вами о том, что меня более касается.

Я, слава богу, здоров и живу с Иваном Матвеевичем; упражнения мне никогда не достанет, но только нет довольно времени. Я хотел бы теперь у всех быть, у кого надобно, да никак скоро успеть не можно. Я полагаю надежду на бога, которого о том только и прошу, что вы будете здоровы и сколько можно не скучны. Общих здешних новостей я почти не знаю. Нижайше прошу, милостивый государь батюшка, о продолжении вашей ко мне драгоценной милости. А я с глубочайшим моим почтением уповаю вашего родительского благословения и остаюсь на веки, милостивый государь батюшка, ваш покорнейший слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосия Никитична! За ваше любезное писание приношу мою благодарность. Строки сии не могут уже мне дать знать ничего нового. Я знаю ваши мнения, ваши чувства. По крайней мере, льщусь так: вы любите меня и вы знаете, что бы я вам не поверил, ежели бы мне утверждали противное. — Прости, матушка сестрица, я чувствую, что это гордо. Мое заблуждение велико. Тот не заслуживает любви вашей, кто цены ее не знает: я ее знаю. И прошу вас, матушка, меня любить, хоть только для того, что твоей души это достойно, это сродно. Ну! Я заврюсь. Прощай. *Que votre cher père ne s'afflige pas: faites-moi cette grâce.**

Татьяне Петровне поклон. Елагина¹³ ни Муравьевых¹⁴ нет в Петербурге.

Я вам, милостивый сударь дядюшка, имею честь донести, что я, слава богу, здоров и приношу мою нижайше благодарность за ваше ко мне напоминание, и прошу покорно и впредь меня своею милостью не оставить. Остаюсь с моим должным почтением завсегда покорный слуга

Иван Муравьев.

Я вам, матушка сестрица, сие свое покорное почтение приношу и остаюсь завсегда ваш покорный слуга

Иван Муравьев, князь Акоповский, а как княжество в Польше, так за незнанием языка не еду туда.

Перевод:

* Пусть наш дорогой батюшка не печалится: сделай мне такую милость.

7 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынешнюю почту не имел я счастье получить от вас писем и не знаю, дошли ли к вам мои два, отсюда писанные. Первое не успел я в настоящее время отослать на почту в понедельник и отослал уж во вторник, для того что на немецкой в вечеру не приняли. Я опасаюсь, чтобы сие неполучение в настоящий срок не приключило вам тщетного беспокойства и прошу в том извинения. Я, слава богу, здоров; упражнение мое состоит по большей части в разнесении писем, которого еще и теперь не кончил. Многие живут по дачам, других не застаю, а при том же и не многих разом обойдешь по утру. Князю Александру Алексеевичу¹ успел письмо ваше подать перед тем, как садиться в карету. Князь Михайло Мих^айлович Щербатов² довольно хорошо меня принял и приказал вам кланяться; быв у него, заходил к его сыну, который мне прежде знаком. От Завороткова³ слышу, что наш капитан-поручик после, как я у него был, хорошо обо мне отзывается: это меня немножко порадовало и потому, что о нем сказывают, будто он строг, и потому, что он подполковнику родня. Князь Николай Васильевич третьего дня поутру уехал к Никите Ивановичу Панину, и я часом опоздал его застать для того, что прежде был он в дивизии. Завтешний день вступят кадеты в школу. Дежурить будут у нас офицеры, а при них сержант, унтер-офицер и ефрейтер. Нынче был между прочих и у Анны Андреевны,⁴ которую раза по два не заставал дома. У ней сидел долго и разговаривал. Она мне предлагает ехать с ней на завтешний день в Петрушкино. Видно, что Барышникова⁵ нет. Я не знал, что ей на это сказать, однако обещал стараться получить позволение. Она просит, чтоб я к ней часто ходил и по обыкновению ласкова. Живет теперь в доме Александра Андреевича⁶ для того, что свой каменный в Большой Морской переделывает. Александр Андреевич и с женою уехал в деревню. Между тем, как я ходил по утру, ко мне приходил Ханьков,⁷ с которым я еще не успел видеться и который, я не знаю почему, спроведал, что я здесь. Также присылал ко мне Николай Иванович Новиков просить к себе, не знаю для чего. Но без меня не спросили, где он стоит, и так я послал проведать. Дни с четыре тому назад, как я нечаянно встретился на улице с Николаем Александровичем Львовым,⁸ который тогда дни два еще, как приехал из чужих краев, живет по-прежнему у Бакунина,⁹ который в отсутствие Никиты Ивановича сам по иностранным делам своего департамента докладывает государыне. Николай Александрович очень доволен своим путешествием: он имел случай удовольствовать свое любопытство, особливо в художествах, которым он и учился. Михайло Федорович¹⁰ прислал прошение о увольнении

его еще на зиму, что^{бы} лечение свое кончить путешествием в Италию по совету докторов. Хемницер с ним: он, сказывают, прогуливался в Париже с Руссо. Государыня вчерашний день изволила приезжать в Петербург для Преображенского праздника и кушать в Летнем дворце, откуда через сад проходила на набережную пешком. Недавно видел я стихи г. Рубана к Семену Гавриловичу Зоричу,¹¹ за которые получил от государыни золотую табатерку с 500 червонных. Не можно вообразить подлея лести и глупее стихов его. Зачинает с Илии пророка, которого равняет шведскому королю, а Зорича Елисею. Пишет, что, как шведский король облек его геройскою славою, Зорич наш и удивился. Какая прекрасная позитура! Я бы хотел посмотреть: просит Зорича, чтобы он явленную добродетель всегда оказывал и продолжал. — Нельзя всего перечесть. Со всякого стиха надобно разорваться от смеху и негодования. В Тверской семинарии лучше делают стихи. Шведский король, сказывают, отозвался к государыне, что он ее волю исполнил, дав Зоричу орден Меча; но как она известна, что это первенствующий орден, так с тем, что он надеется его видеть скоро в чине, достойном оного. Я нынче так, как и всегда, заговорился. В прочем, прося усерднейше бога о здравии вашем, желаю получить нетерпеливо ваше милостивое писание и в надежде вашего родительского благословения остаюсь нав^{секи} с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года августа 7 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня матушка сестрица, Федосья Никитишна! Вот изволите видеть, как я поживаю! Вить видно, что я. . . я; а больше ничего. Из полку меня тронуть бояться. На караул у нас не ходят. Авось ли проживем. Вчерась и третьегодни обедали мы с Иваном Матвеевичем у Ивана Матвеевича на Васильевском славном. . . О Тверь! и славная нагорна сторона, ты Волгой матушкой, не чем же вить, славна; славна, славна и здесь не слышна <поливою>, покорный ваш слуга, с Фонтанкой и Невою. . . В Париже нынче мужчины убираются в две пукли в ряд над ухом и третью, как женщины носят, висячую за ухом. Это постоянные, а щеголи по восьми на стороне. Кошелек сплочен с обеих сторон и близко подвязан. Пряжки серебряные через всю широту ноги, плоские, толстые, параллелограмом. — Анна Андреевна спрашивала о вас, привыкаете ли вы ко Твери, не скучно ли и играете ли на клавирах; мне говорит, что она радуется будто, видя, что я не так углублен в стихотворство. Это что за задача?

Татьяне Петровне мой поклон.

10 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Тотчас после отправления моего прежнего письма получил я ваше с приобщением другого, от Тимофея Ивановича¹ к его племяннику, которое я и отнес. По отпуске того письма вы еще не изволили получать ни одного от меня, а я и с дороги писал к вам дважды: один раз из Хотиловского яму, с трактирщиком Миллером, другой из Валдай. Павлушка все еще здесь: медленность сия происходит от Федора Михайловича. Вчерась нарочно затем пошел я к нему обедать: говорит, что недосуг ему, за домашними хлопотами и для того что у него гости, переговорить с ювелиром. Пятьдесят рублей он уже уступил и с тем, что ежели еще не нравится перстень, так он его берет назад. Федору же Михайловичу кажется, что тут передано 20 или 30 рублей, за эту сумму и отдавать назад, казалось бы, не для чего. Что касается до серег, рассказывает Федор Михайлович, все ценят их здесь в тысячу рублей, и сама княгиня Юсупова, которая всегда весьма дешево покупает бриллианты, за находку почитает купить сии за 800. Мария Ивановна² приказала отписать, чтобы их иначе и не писать за сестрицею, как в тысяче рублей, что никто за обман почесть не может. Нынче должен я еще к нему идти. До сих пор не имею я еще никакой должности, но в понедельник вступят в школу. На сих днях отпросился было я на день у капитана-поручика, чтобы ехать на дачу с Анною Андреевной, но, пришедши к ней рано, ее уже не застал и остался дома. Вместо того то утро присидел я у Новикова. Тогда же был у князя Козловского: он принял меня очень учтиво и предлагал мне свои услуги, ежели я хочу перейти в другой полк или чего другого от него потребую. Стороною слышу я, что он друг Зоричу. «Ученые ведомости»³ еще по сих пор не выходили; а нынешнюю неделю выдет их четыре нумера, и как я слышал, то сим они и кончатся. Издатели их неизвестны и не хотят открываться. Я не спрашивал Новикова, но Херасков говорит, что он отпирается. У Хераскова был нынешнее утро: он по-прежнему ласков и просил меня к себе ходить. Приглашает меня также приступить к собранию, которое издавать будет Ежемесячное сочинение, состоящее из переводов, которых вообще материя должна принадлежать или к морали, или к истории.⁴ Новиков предложил мне переводить Бозэция консула римского о утешении философии, сочинение, смешанное с стихами и с прозою.⁵ Херасков проживет здесь до декабря. Спрашивал меня о надписях, о которых, говорит он, тотчас узнал, что мои. О Майковых⁶ говорит: не так-то чтобы. Майков издал пастушескую драму, «Деревенский праздник» в двух действиях. Прасковью Глебовну⁷ раз шесть или семь не могу застать дома, и письмо принужден был отдать девке. Она живет

у Полторацкого⁸ во флигеле, где мы жили. Вчерась у Федора Михайловича взял я 25 рублей из числа оставшихся 214 руб<лей>. Он давал мне и сто рублей, да я попросил двадцать пять. Я по эписку 79-тый человек. Строи уже кончились. Вот сколько написал я вздору о себе, и тут еще не все; но я никогда не кончу, ежели все писать. Каково вы изволите поживать? Мне нельзя требовать так же поденно знать, где вы были и что делать изво<ли>, но, по крайней мере, нижайше прошу уведом<лять> вообще. Я вить теперь сам тверитянин и принимаю более участия в ее приключениях. Лучше, нежели знать об этом, хотел бы я знать о вашем мне драгоценном здравии. Дай господи, чтоб оно ненарушимо было. В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда с искреннейшим почтением и преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года августа 10 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Желаю вам от сердца удовольствия и здравия. Дай бог! чтоб вам час от часу неприметнее казалось мое отсутствие. Я счастлив чрезмерно, что могу говорить так гордо, а за сию гордость должен благодарить вам. Ежели будете писать в Берново,⁹ напишите мое нижайшее почтение. Особенно Любви Федоровне.¹⁰ Сколько бы она меня обязала, ежели бы вздумалось ей погостить в Твери!.. Вышедшее сочинение Мармонтелево «Les Incas»¹¹ * я еще не читал. Говорит Михайло Матв<еевич>, что слог прекрасен, но целое и расположение не могут в своем роде равняться со сказками. Оно в прозе, хотя и стихотворческое. Есть трогательное, и очень. Прощайте. Татьяне Петровне приношу мое благодарение за старание о Фавушке и за известие о Бижутке; но жива ли она?

И я вам, милостивый государь дядюшка, при сем свое почтение приношу; то же и сестрице Федосье Никитишне, прося меня <в> своей милости содержать и оставить. С моим должным почтением, милостивый государь дядюшка, покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* «Инки».

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Вот уже тому две недели, вчерась минувшие, что я живу в Петербурге, а вас не вижу уже близко трех недель. Во все это время

получил я от вас только два письма. Не подумайте, батюшка, чтобы я осмелился вам в этом упрекать. Нет, мне только прискорбно то, что я не известен о вашем здравии. Вы сами изволили меня причитать к вашим письмам: так, когда не получаю, вздумается иногда, что вы на меня гневаетесь. Я оставил вас столько ко мне милостивым, что перемены так скоро я не опасуюсь. Вы совершите мое искреннейшее удовольствие, когда в этом сами уверить изволите. Я не могу теперь много писать по моему обыкновению затем, что боюсь опоздать на почту. Ювелир перстень принимал без малейшей отговорки. Двадцать человек, говорит он, будут на него охотников, а я только вам (т. е. Федору Михайловичу) в угодность так уступил. Деньги подождать полторы недели. Итак, мы рассуждали потом с Федором Мих<айловичем> еще о перстне. Я Павлушку столько остановил для перстня, а теперь еще ждать. Он показывал перстень Татьяне Михайловне. Она говорит, что недорого. Я также носил его к Прасковье Глебовне: у нее точно такой дан 250 руб., и говорят — еще не дорог. Мы решились, наконец, его оставить. Павлушку отправлю завтра, что свет. С ним посылаю перстень поопася по нынешнему воровскому случаю по дороге. А берет у меня его Татьяны Михайловны сын Аполлон Никифорович Флоров-Багреев. Он едет через Тверь. В школу вступили нынче: нам воля, ежели хотим и где хотим, учиться. Вчера же обедал я с Лепехиным¹ у Прасковьи Глебовны. Нынче у Хераскова, который вам кланяется. Он до меня очень добр, всем домом я обласкан, больше быть нельзя. В прочем, прося вашего родительского благословения и желая ненарушимого здравия, с глубочайшим почтением остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга

Михайло Муравьев.

1777 года авг. 14 дня. С. Пет.

Матушка сестрица, желаю здравствовать. Люби меня, ежели ты любишь напоминания. Я всякий день в делах — и в каких? Туда, сюда. И веть ради. У Хераскова <столь>ко новых книг, брошюр. Г. Дорат выдал комедию «Les grôpeurs»,^{2*} где всех писателей портреты руга<тельные>.

Сестрица! Нынче барыни носят высоко тупей по-мужскому. Он весь ровен, рогов нет назад, верх немного вперед выгнут. — Фавушку береги, матушка, да вели вымыть.

Здесь в Питере английская герцогиня Кингстон.³

Татьяне Петровне поклон.

Перевод:

*«Пустомели».

15 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Ваше милостивое от 9 числа сего месяца пущенное письмо получил я только теперь. И приношу за него мое нижайшее благодарение. Павла, наконец, отправляю. Я его задержал долго и без пользы. Во вчерашнем письме моем увидите изволите прежде получения сего, что ювелир перстень берет очень охотно назад, но что я немножко остановился на том, отдавать ли его или нет. Федор Михайлович заключает также по скорому его согласию, что неотменно перстень цены своей стоит. Все, которым он показыван, того же мнения. У Прасковьи Глебовны словно такой же перстень дан двести пятьдесят рублей. И еще доставлен он ей как недорогой. Татьяна Михайловна Флорова-Багреева так же судит. Мое затруднение в том, скоро ли найдешь перстень, найдешь ли ровно в ту цену, — а покупать вить положено неотменно. При том, чтоб и совсем не быть обманутым, думая купить дешево. Что касается до серег, то сказывал Федор Михайлович, что Измайлов, который сам знаток, призывал другого ювелира и заказывал точно такие же себе сделать. Ювелир попросил 1300 рублей, и доторговались до 1200. Вы изволите писать, чтобы перстень мне до своего отъезду оставить. Но как это будет долго, то я отваживаюсь послать его с Аполлоном Никифоровичем Флоровым-Багреевым. Он едет через Тверь, а отправляется завтра, ежели не отложит. Что касается до денег, украденных у Павлушки, то это сущее несчастье и которого предупредить почти было не можно. Украдено же 3 рубля и 75 копеек. О хозяине сказывают обыватели, что человек добрый, а кладут вину на присяжного ундер-офицера, который у него поставлен. Павлушка сам помнит, что, как он на кибитке вынимал деньги из мешка и пошел с ними за дегтем, жена этого присяжного высматривала из сенного окошкка. Как все это принадлежит к обстоятельствам моего путешествия, то я вас прошу все это мне собственно простить, чтобы не понес бедный человек вашего гневу для меня. Вчерась приехала Христина Матвеевна Аннибальша,¹ и Иван Матвеевич зовет меня сегодня к ней. Обедал я вчерась у Михайла Матвеевича Хераскова, где были также Петр Матвеевич² с женою и княжна Урусова.³ Случай быть у него часто льстит мне особливо, и он же обхождением своим столь обязывает, что я заслужить не в состоянии. Отзывается обо мне более, нежели я могу желать. Просил принести к себе начало Нарвской поэмы, о которой я еще в Москве ему сказывал, также и мою трагедию, о которой они все у меня спрашивают.⁴ Даже жена его столько интересуется мною и не иначе поступает, как со знакомым дома. Княжна хочет переводить в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на

французский с древнего галлического языка в Шотландии.⁵ Михайла Матвеевич хочет видеть из них некоторые и моего перевода. В сей журнал я уже зачал первую книгу Боэция о утешении философии, по предложению Ник^олая Иван^овича Новикова. Если я не буду уметь препровести весело моего времени теперь, то виноват буду я. Михайле Федор^овичу Соймонову отсрочено на год еще, и к полному жалованью, которое он имеет, государыня пожаловала 5000 р. При сем посылаю портрет короля шведского, который, сказывают, не очень схож. Мне его подарил Головин.⁶ С Иваном Иван^овичем Лепехиным обедал я третьего дня у Прасковьи Глебовны. Она очень слаба и кашляет часто. Иван Андреевич в деревне и с детьми. Как порасскажет несчастья, в эти времена с нею случившиеся, надобно ужасаться. Самойлов⁷ им сделался неприятелем. Все люди их были опасно больны и большой сын. Пятеро из людей умерли, в том числе и Андревна. — Варвару Егоровну Головцыну, говорят, будто сватают за Алексея Ивановича Корсакова.⁸ Егор Андреевич писал сюда к своим приятелям, чтобы быть ему в городе наместником: отказано. Прасковья⁹ Глеб^овна подала письмо Зоричу. Сказывают, будто он вступается и делает милости. Это за ним, сказывают, истари водилось. Хоть последнее возьми. В Сенате эскуторы пожалованы новые; между прочими один Козодавлев⁹ из протоколистов сенатских по просьбе князя Григорья Григорьевича.¹⁰ Я бы писал более, но чтобы не опоздать отправление Павлушки, оканчиваю, прося вас нижайше не оставить меня вашею родительскою милостью и благословением, и остаюсь с глубоким почтением навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года августа 15 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Вы меня attendrissez;* можно ли, чтобы я puisse contribuer quelque chose à votre tranquillisation? O ma chère! une si charmante image pourrait-elle m'être permise? Vous vous souvenez de nos entretiens pendant le café! Puissiez-vous vous souvenir toujours ainsi d'un frère qui vous aime tendrement!** Я к вам посылаю «Луцилию», «Гурона», «Силвана» и «Земиру и Азора»,¹¹ pour que vous puissiez vous souvenir d'un frère qui vous aime tendrement.*** Простите, матушка, что я не успел их переплесть: это оплошность. Soyez tranquille et vous saurez, que vous êtes vertueuse: telle cause, tel effet. La tempête des passions violentes ne pourrait jamais produire autre chose dans notre âme que l'agitation et point de calme.**** Нынешнего году издана эпистола Вольтера к парижанам,¹² где заставляют его раскаиваться во всех его поступках и доказывают, что, читаячи его, дремлют. Кончится вот чем:

Renversez ma statue et brûlez mes ouvrages.*****

Еще пьеса чудная, где кто-то влюбился в «Новую Гелоизу», в весь роман, и хочет, чтобы никто им не пользовался, кроме его. Критик присовокупляет, что это, может быть, не понравится Жан Жаку Руссо и что ежели автор влюбится во все древние медали, захочет также один их иметь.¹³ Дорат выдал комедию «Les grâpeurs» и пьесу «Épître à l'ombre d'un ami»,^{14*****} это к г. Колардо, славному писателю героид, который в начале прошедшего года умер. Ну, матушка, будь здорова. Прощай.

Матушка, Татьяна Петровна, благодарствую за приписание и уведомления и остаюсь ваш покорный слуга

М. Муравьев.

Перевод:

* трогаете.

** чем-нибудь способствовал вашему успокоению? О, любезная моя! Столь прелестный образ может ли мне быть дозволен? Помните ли вы наши беседы за кофием? Если бы и вы всегда помнили брата, который нежно вас любит!

*** чтобы вы могли вспоминать нежно вас любящего брата.

**** Будьте спокойны, и вы будете добродетельны. Какова причина — таково следствие. Буря неистовых страстей никогда не приносит нашей душе успокоения, но лишь тревогу.

***** Ниспровергните мою статую, предайте огню мои творения.

***** «Послание к тени друга».

10

17 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Третьегодня, то есть во вторник, отправился отсюда Павлушка; а нынче хочу я отнесть перстень к Аполлону Никифоровичу Флорову-Багрееву, который едет через Тверь и отправляется сегодня. Ежели же не отправится еще зачем-нибудь нынче, то отпишу к вам на следующей почте. О себе доношу, что я, слава богу, здоров и доволен. Письма свои я еще не совсем разнес. Живем мы с Иваном Матвеевичем, слава богу, спокойно. Он меня иногда не выпускает из кабинету и велит дело делать, которое я взялся. Я ему за это очень благодарен. Сам он беспрестанно читает Плутарховы жизни и Корнелиевы трагедии. Здесь были дней несколько ясных и хороших. Третьегодня стоял ветер, вчера и более того, а нынче тише. Вчерашний день был я в немецком театре: представляли переведенную с аглинского комедию их славного сочинителя г. Кумберланда, называемую «Американец».¹ Действие в Лондоне; сей дикий приезжает к своему корреспонденту и другу, в котором, на конце пиесы, находит себе отца. При самом въезде в Лондон все ему странно, все его поражает. Приходит в трактир: хитрая хозяйка скучает

ему своими учтивствами и ставит ему сети. Он помогает богатством своим бедному и честному капитану: сей не может поверить его щедрости. «Как? — спрашивает у него дикий, — разве у вас странно делать добро людям, когда есть из чего?». Добродушный и грубый обнищавший гренадерский майор делает смехотворные явления в продолжении пиесы. Выгоняет из дому скупой и немилосердой вдовы плута приказного, который, будучи душеприказчиком ее мужа, отказавшего все свое имение родному племяннику, сыну бедного капитана, сговорился ей выдать духовную за пять тысяч стерлингов. Дикому предлагают дуэль. Наконец, все кончится счастливо, и сей пылкий, ветреный, но добродетельный американец женится на дочери того бедного, но теперь уже обогатившегося капитана, которому он благодетельствовал. Образ, которым он в нее влюбился, столько же странен, как и все его поступки. Он проклинает себя тысячу крат, зачем он вздумал выехать из-под экватора в столь холодную и нравам его противную землю. Говорит, совсем накрывшись. Множество чувствительных и трогательных рассеяно в пьесе. Характер отца умный и сострадающий и который хочет испытать сына своего, не открываясь ему, чтоб он действовал свободно. — Сказывают, что будто Иван Иванович Шувалов возвращается в Россию.² Я думаю, что я уж писал к вам о службе, который здесь разнесся, что Сумароков умер.³ Приехал сюда один офицер, который его отчаянно больна оставил. Незадолго перед смертью женился он в деревне на третьей жене, которая покойной племянница. Зять его Княжнин прощен и получил назад чин.⁴ Он теперь при Иване Ивановиче Бецком переводчиком. «Ученые ведомости» все еще не выходят и сим полгодом кончатся: издатели не сдержали своего слова Миллеру.⁵ Я не обязан еще никакой должностью ни от роты, ни от школы: нас оставлено на воле. Если мне удастся, то я постараюсь начертить план фортификационный или окончить старый. В школе дежурят понедельно офицер, сержант и ундер-офицер. Положение офицера немножко скучно и жалко. Он должен перекликать и пр. Сколько помню, так я исчерпнул материя письма «сего» и оканчиваю оное моим ревностнейшим желанием вашего драгоценного и сестрицына здоровья: Я прошу вашего родительского благословения и милости. С искреннейшею преданностью и почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1777 года августа 17 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько бы желал я поговорить с вами к удовольствию моего сердца! чтобы чувства его ничего не потеряли в изъяснении! Я не имею нежной и сладостной кисти сочинителя «Инков». Маленькая бумажка

должна их ограничивать: час почты рушит минуты сего приятного забвения, которое меня единственно отдает вашему присутствию и беседе. Простите мне, матушка сестрица, и не думайте, чтобы вы далеки были от моего воспоминания, когда перо мое скупо иногда в чертах своих. Природа человеческая должна бы быть очень сожаления достойна или бы я ею должен был играть, если бы не слушал я ее гласу к вам и не было бы во мне впечатлено нежнейшей любви к вам. Наконец, я тысячу раз сказал, изъяснение чувства очень трудно, и в самое то время, когда оно, кажется, преходит его пределы, еще его не досягает. Столько-то нежны его краски. Но я рассуждаю вместо того, чтоб писать к вам. Меня одно то обнадеживает, зная ваше сердце, что, что бы я ни написал, вы сделаете и натуральным и приятным, когда будете читать. Je gagne lorsque c'est vous qui jugez ma cause: mon juge est un avocat intéressé qui plaide pour moi et le croit faire pour lui-même.* Мармонтелево сочинение «Инки» переводит, я думаю, Марья Васильевна Сушкова, бывшая Храповицкая.⁶ Херасков⁷ сказывал, что он слышал, что некто Львов перевел его половину.⁷ Будь здорова и довольна. Ежели веселит общество, будь счастлива в нем. Будь счастливее дома. Прощай.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй, пожалуйста, не забудь Фавушку и меня. Я часто, вставая или садясь на стул, боюсь ногой убить Фавиньку, будто он еще лежит под столом.

И я вам, милостивый государь Никита Артамонович, остаюсь навсегда с моим должным почтением. Ваш покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* Я выигрываю, когда меня судите вы: судья мой — заинтересованный адвокат; он защищает меня, думая, что делает это для самого себя.

11

17 августа 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сей господин вручитель, Аполлон Никифорович Флоров-Багреев, сделал мне одолжение принять на себя доставление к вам перстня. Я прежде писал к вам, милостивый государь батюшка, о причинах, которые решили меня его оставить. Но если вы изволите его охотнее назад отдать, время еще не потеряно и ювелир его всегда принимает. Я не пишу более с сим случаем для того, что я писал нынче по почте и, чайтельно, то письмо скорее получить изволите. Я не мог найти хорошенькой коробочки, куда положить, и принужден был употребить худо выдолбленную.

На всех сторонах ящичка по связкам ниток положены печати нашего герба, и крышечка утверждена гвоздиками. Бриллиант в двух бумажках, в хлопчатой бумаге, внизу подостланы охлопки. В прочем принося мое нижайшее почтение как вам, так и матушке сестрице Федосье Никитишне, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года августа 17 дня. С. Петербург.

12

21 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Сей час получаю я ваше наполненное милости письмо, от 16 числа сего месяца пущенное, за которое так, как и за приобретение письма Афанасья Матвеевича,¹ приношу мою искреннейшую благодарность. Я краснеюсь против своей воли, когда вы увольняете меня от писания к вам дважды в неделю, чтоб не делать лишней траты моего времени. Сим самым вы заставляете меня стараться о употреблении его как можно полезнее. Но мое сердце раздираемо бывает, когда вы сами силу ваших ко мне милостей унижать изволите, что будто, кроме бесполезной ласки, вы иначе в пользу мою ничего сделать не можете. Как будто бы то, что я имею, чем наиболее жизнь моя может быть приятна мне, все, наконец, что я своим называю, не было ваше. Я на сие ответственать ничего не имею. Дайте мне времени чувствовать великость сих благоденний и стараться их сколько-нибудь заслужить, прежде нежели оне вам покажутся малы... В прошедшую пятницу был я в придворном театре и нашел там Вейдемейера² и Тургенева,³ который уже пожалован майором, и простоял с ними вместе. Перстень отправил я с Аполлоном Никифоровичем Флоровым-Багреевым. В четверг он не уехал еще, как я прежде писал: я видел его в театре в пятницу, и он хотел выехать в субботу по утру. Красильников⁴ все сие лето в Петербурге не был, а думают, что, конечно, в будущем месяце он будет, чаятельно-де теперь он на Ладожской ярманке. В субботу обедал я с двумя Иванами Матвеевичами у Олены Петровны Яковлевой, которая вам свидетельствует свое почтение. О Захаре Матвеевиче⁵ говорит братец, что просить бесполезно, для того что он чрез то самое, что в Москву командирован, введен в комплект и никто из офицеров не захочет быть вытолкнут отсюда. В Крым-де командировки не будет. Однако все бы об этом подумать. Иван Матвеевич нынешнее лето не был в лагере, затем что денег нет. Ему надобна, по квартирмейстерскому чину, лошадь и пр., а взять негде, так сначала был он в отпуску и жил в Суйде, а теперь репортуется больным. Павлушка от-

правлен мною отсюда в Успенев день после обеда, то есть 15-е число. Как-то, даст бог, дойдет, а то прежде сего по дороге пошаливали. У нас здесь пронеслось, будто бы дядюшка Матвей Артемонович меньшей поехал к вам в Тверь. Нынешнее утро был я в Академической библиотеке и взял стихотворения барона Кронегка,⁶ которые читаю. В прочем прося усерднейше бога о вашем драгоценном здравии и надеясь продолжения ваших милостей и родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 году авгус. 21 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Ваше письмо, так я нынче должен назвать полторы страницы, которые вы ко мне писали, наполнили меня тем чувством, которое его писало. Всякий раз чувствую я это, когда получаю тверские письма. Любезная, нежная сестра, ты заслуживаешь брата, который бы столько чувствовал дарования, которыми украшена душа твоя, и цену чувствий, ею обладающих, как я, но который бы умел любить лучше меня. Душа твоя имеет нечто важнее и основательнее, нежели моя. Ты мне приписываешь, что будто мог я ее успокоить своими советами. Я почти осмеливаюсь сказать, что ты мне льстишь... Прости мне, сестрица, я сделал себе насилие написать это слово, которое тебя огорчит. Могу ли я льститься, чтоб... я знаю силу убеждения, свойства души твоей, готовой прилепиться ко всему тому, что она темно сама в себе чувствует. Она не может не плестись чертами добродетели. Ежели мои разговоры могли это сделать, я почитаю их для меня благополучными. Ты отдай мне этот долг и взаимно представь мне тихую добродетель, первую владычицу сердец, чтобы мое видело черты ее, написанные рукою, ему любезной, и тем легче последовало ее наставлениям. Напиши мне кистию природы и невинности картину дружбы, какие цепи связывают друзей. Представь мне человечество, которое возглашает мне, что я рожден ему помогать, что нищий требует моего взору, что я пожалел брата своего в злодее. Начертай мне излегка ту завесу... для того что творец природы не может быть ею созерцаем, ту завесу, за коей ищет его мудрец, благоговейно ему поклоняясь. Изобрази мне мрачными красками терзания насильных страстей, за ними следует угрызение, которое никогда не умирает, и злодействие, ожидающее заблудших в свое объятие... Я поцелую черты руки твоей, и, может быть, добродетельная слеза упадет на них. Мое сердце приблизится к добродетели. Прости. Я тебя люблю от всего моего сердца. Поклон мой тем, кто спросят. Василью Ивановичу Чаадаеву и, ежели приехал, Ивану Ивановичу.⁷ Фавиньку, пожалуйста, не забудь, сестрица. Татьяна Петровна мой поклон. Желаю ей здорovia, веселья и... сна.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович! Все ли вы в добром здоровье; я, слава богу, здоров. Желаю от всего моего сердца, чтобы вы свое время сколько-нибудь веселее проводить изволили. Я надеюсь, что наполненный милости родитель и искренно меня любящая сестра в печали, в радости, дай бог! чтоб в печали не довелось, всегда и меня вспомнят. Я живу здесь и кажется, что живу, чувствую, хотя времени моего и не всегда расположить умею. В школу я свою ни ногой. Сижу дома, читаю или перебираюсь в своих бумагах; ежели выду, и выхожу нередко, тысячу мест входит в голову, где еще быть надобно. Праздность эдакую терять не надобно, но не знаю, как пользоваться. Нынче был у Вейдемейера и Тургенева, у которого взял Петрова перевод двух песен «Энеиды». Все после обеда читаю своего Виргилия и сержусь на себя, что он так хорошо писал. Здесь опять дожди зачинаются, и время пасмурно. Во вторник была русская комедия «Так и должно».¹ Новый актер и новая актриса² явились на театре. Оба незавидны. Я был у Дмитревского во время балета за кулисами. Он был совсем одет, чтоб играть петит пьес; однако не играли. Вот о какой важности разговариваю я с вами, милостивый государь батюшко! Но это и письмо писал я для того только, чтоб с вами разговаривать. Если б мог я изъяснить чувства нежнейшие моего сердца! Мое к вам усерднейшее почтение! Если бог веселится счастьем своих тварей, то и родитель, таков, как вы, должен быть чувствителен к удовольствию детей своих. Но я недостойн принести вам сие удовольствие. Я целую ваши руки и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда,

милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года авгус. 24 д. С. Петерб.

Матушка сестрица, если хочешь меня одолжить чем-нибудь и услышать просьбу отсутствующего, будь довольна собой, будь весела. Я тебя люблю, и дай бог! чтобы сия любовь была утешением моей жизни, чтоб сие чувство возобновляло живость сердца моего. Время течет; останавливай его. Всякая минута, которую в свою пользу употребишь, не вечно для тебя пропала. Чувствуй свое бытие, дай упражнение своему сердцу, любя ближнего, бога, родителя, сродников, друзей, ежели они есть, и приготовляя душу свою несть несчастье и счастье.

Татьяна Петровна, здравствуй. А Фавушку, пожалуйста, не забудьте.

28 августа 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович! Нынче ожидаю я вашего письма: обыкновенно приносят ко мне в понедельник, и поздно. От этого случается, что и хотел бы на что скорее ответить, да письмо уж услао. — Нынешний день только застал я Якова Ефимовича¹ в его мызе для того, что прежде и приезжал, так был в Сарском селе, где он почти по неделе живет. Я зашел, он был в зале и читал просьбы нескольких^х мещан, которые тут были. Я подаю ему письмо; он, взяв меня за руку, ведет в свои покои, говоря по-французски, что со мной имеет говорить. В третьей оттуда горнице, где его спальня, подал я ему письмо. Прочитав его, говорит мне, что он сам на него будет вам отвечать, чтобы и я между тем уверил вас, что он служить вам старается. Потом, продолжая тоже по-французски, сказал, что он смотрит случая в вашу пользу, но обещать не может. Я ему отвечивал также по-французски, что вы для того только и писать к нему изволили, чтобы напомнить, и тем кончился разговор. По моему счету, должен быть уж теперь Павлушка в Твери: он пошел отсюда 15 числа, также и Аполлон Никифорович Флоров-Багреев, с кем я бриллиант отправил, должно думать, что в Тверь уж приехал. Ему уж нынешний день неделя в пути. При сем посылается письмо от Конева и Попова. Новый вексель следующим образом написан: «Вологда, мая 30 дня 1777 года, вексель на 493 р. 27 коп. в двенадцать месяцев, считая от сего тридесятого числа мая тысяча семьсот семьдесят седьмого года, по сему нашему одинакому векселю повинны мы заплатить его превосходительству действительному статскому советнику господину Никите Артемоновичу Муравьеву или кому он прикажет серебряною российскою монетою денег чтыреста пятьдесят три рубли двадцать семь копеек: толикое число мы от его превосх^одительства получили сполна. Векселедавцы Петр Филиппов Попов купец вологодский, Петр Стефанов Конев купец вологодский». О Красильникове я уже писал, что его ожидают будущего месяца. Кибитку продали мы только вчерась и взяли семь рублей с половиной; давали очень дешево. За коляску нашу дают восемь рублей, так, как и за карету Прасковьи Матвеевны. Письмо мое более похоже на ведомости, нежели на что другое; если бы ведомости сии были важны. Я живу спокойно, безызвестно и ежели представляю Тверь, так только с хорошей стороны для того, что вы в ней живете. Сколько бы я счастлив был, если бы ваше житье в Твери было сколько-нибудь менее скучно. В прочем я прошу усерднейше вашего родительского благословения. Остаюсь навсегда, милостивый государь батюшко, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года августа 28 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Никитишна! вы, конечно, ожидаете своей очереди и думаете: от меня что-нибудь услышите. Ah! ventre, ah! délugel que je me veux du mal pour ne pas savoir écrire! * Вы обманетесь и не прочтете ничего. Ну, сударыня, ни слова о том, будто я тут n'y entre pour rien! ** <Тезке> каково у вас, так ли, эдак ли? Что пользы, что я прожил десять месяцев в эдаком, я хотел было сказать, проклятом городе, но нет, я очень учтив, чтоб это сказать, je suis trop bon, et <cette ville> n'est pas tout-à-fait mauvaise. . . *** Прощедшую пятницу обедал у меня Ханыков и просил меня изо всей мочи в театр, но я поупрямился. А представляли, сказывают, «Дезертера». ² Нынешние два дни читал я прекрасную книгу: «Considerations sur... la grandeur et la décadence des Romains» par mr le président Montesquieu, son «Temple de Gnide», petit poème en prose, joli au possible, ses fragments sur le goût etc. ³ **** Это такие книги, qu'il faut relire, quand on les a lus. ***** Возьмите, матушка, у Александры Алексеевны «La Henriade» ***** и Сумароковы комедии. Md. Bastidon ⁴ m'a dit, la première fois que j'étais chez elle, que mr Balk ⁵ s'est chargé de payer pour sa plume et les... perles (бусы) et n'en a rien fait. Cela monte je crois à quelques six roubles et... ***** У меня давно уже Мармонтелевы «Инки», и я хочу давно что-нибудь выписать из них для вас. Прощайте, будьте здоровы.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

И ваш покорный слуга И. Муравьев. Сестрица, видите, что Ив<ан> Матв<еевич> вас особливо помнит. ⁶

Я вам, милостивый государь дядюшка, имею честь донести, что, слава богу, <я> остаюсь вам с моим должным почтением ваш, милостивый государь дядюшка, навсегда покорный слуга

Иван Муравьев.

Перевод:

* Ах, черт возьми! Как я зол на себя, что не умею писать.

** не при чем.

*** я слишком добр, да и город этот не совсем плох. . .

**** «Размышления о . . . величии и падении римлян» г. президента Монтескье, его «Книдский храм», маленькую поэму в прозе, до невозможности прелестную, его фрагменты о вкусе и т. д.

***** которые надо перечитывать, если даже их и читал.

***** «Гевриаду».

***** Г-жа Бастидон говорила мне, когда я впервые был у нее, что г. Балк взялся заплатить за ее перо и . . . бусы и ничего не сделал. Это обойдется, я думаю в какие-нибудь шесть рублей и. . . <припечатано сургучом>.

31 августа 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович! Я должен просить извинения, что движением чувствия, которого я не мог умерить, жалуясь, что редко получать могу ваши милостивые письма, востревожил я вас нечаянно. Вы изволите налагать на себя труд писать ко мне дважды в неделю: это мне новая милость, и изъявления любви, ее сопровождающие, объемлют все мои ощущения и не дают желанием места. Но я вместе и постыжден сею милостью: я боюсь не принять ее, однако ж и совещусь, что отягощаю ваше снисхождение, что это делаете вы для меня. Мне должно искать вашей угодности. Всякий лишний труд, который вы принимаете для меня, должен буду я себе упрекать. Один раз будучи извещен, столько же будет мне счастлива та неделя, которую вы благополучно препроведете, и я всегда то же место занимать буду в сердце вашем. Я прошу усерднейше бога быть сколько-нибудь достойным тех уверений милости, которые вы мне делать изволите.

Не знаю, что сделалось с Павлушкой, что он еще в Тверь не бывал: по моему счету должно бы быть ему 26 число. Также и Флорову-Багрееву. Вексель я уже переменял и копию с него вместил в прошедшем письме. О Красильникове я писал, что его в сентябре ожидают.

Вчера, т. е. в Александров день, государыня одна быть изволила в Петербурге.¹ А великий князь по причине беременности великой княгини не выезжает из Сарского села. Церемонии не было: государыня ехала в карете, также и кавалеры, в их платье. Пожалованных не слышать.

Покорно прошу прислать к подполковнику другое письмо, для того что первого передать я не успел. А его ждут к 10 сентября, может быть, и позже.

Здесь дни стоят довольно ясные. Маленький Иван Матвеевич свидетельствует вам свое почтение, так как и большой, которого нет дома. Он сегодня пошел явиться в полк. Дядюшку Матвея Артемоновича большого здесь скоро ждут. Помнится, что прежде сего я еще не писал к вам, что старик Эйлер женился на молодой: уж давно.

В прочем, прося бога о вашем драгоценном здравии, с глубочайшим моим почтением навсегда остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года авг. 31 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица! Голубушка Федосья Никитишна!

Что я должен тебе ответствовать на тысячу бумажек, которые теперь вокруг меня лежат. Я хотел бы, чтобы ни одна из них

не осталась без ответа. В каком я кафтане хожу? Часто ли бываю в театре? Завтра, сказывал мне Николай Федорович,² который нынче у меня обедал, что будут представлять «Дмитрия Самозванца». И я пойду. Прошедший раз представляли не «Дезертера», а Расинову «Андромаху». Vous étiez malade, ah! ma chère amie! et vous avez eu la cruauté de vous taire. C'était ma simplicité de vous en croire sur votre parole. Après coup, je me ressouvins, que j'ai remarqué à la lecture de votre lettre de 9 d'août la faiblesse de votre seing et des caractères tracés en désordre. C'était le huit sans doute, que vous l'avez senti. Eh! au nom de Dieu, qu'était-ce que cette maladie? Tout le temps que je demeurais avec vous et, Dieu en soit loué, vous étiez en parfaite santé. Apprenez-moi, ma chère, je vous en prie, si vous êtes rétablie, mais avec sincérité! Traitez-moi en ami qui s'intéresse à tout ce qui vous touche et n'avez pas avec moi cette indigne pitié. Si un père tendre, si sa présence est affligée des maux que vous avez soufferts et dont je me flatte que vous êtes soulagée, ne le dois-je pas souffrir, moi? Vos sentiments, si purs, si délicats me ravissent l'âme. Aimez-moi, ma chère, je vous aime de tout mon coeur.* Ив<ану> Ивановичу и Василию Ивановичу Чаадаевым поклонись, матушка, от меня. Дмитрию Васильевичу³ также, если он в Твери, Тимофею Ивановичу Чонжину et à toutes nos connaissances. À Mr Gorockoff et Madame.** Фавушку, матушка, люби и беззубова. Vos conseils me sont chers; je les suivrai.***

Матушка Татьяна Петровна, благодарствую за приписку и остаюсь ваш покорный слуга Мих. Муравьев.

Перевод:

* Вы были больны, ах, любезный друг мой! И вы имели жестокость молчать. А я простосердечно верил вашему слову. Потом я вспомнил, что заметил при чтении вашего письма от 9 августа неотчетливость подписи и беспорядочность букв. Без сомнения, восьмого вы почувствовали себя плохо. Ради бога, что это за болезнь? Все время, когда я жил подле вас, вы, слава богу, были совершенно здоровы. Прошу вас, любезная моя, сообщите мне, но искренно, выздоровели ли вы? Обращайтесь со мной, как с другом, которого интересует все, что касается вас, и не испытывайте ко мне этой недостойной жалости. Если нежный отец удручен вашей болезнью, от которой, надеюсь, вы уже избавились, не должно ли это причинять страдание и мне? Ваши чувства, столь чистые, столь delicate, восхищают мою душу. Любите меня, любезная, а я люблю вас от всего моего сердца.

** и всем нашим знакомым. Г-ну и г-же Гороховым.

*** Ваши советы мне дороги; я им последую.

4 сентября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Мне нынче много писать кое-каких известий, и как я их воображу, так кажется, что без того не пройти, чтоб не запугаться. Итак я зачну по старшинству происхождений. Последнее письмо мое было от четверга. В пятницу был я у Мих<айла> Ник<ситича> Кречетникова.¹ Он стоит у Руки, по Сарскосельской дороге, не доезжая заставы, в сторону, на даче Бутурлина. Прочитавши письмо ваше, приказал вам поблагодарить весьма ласково, что в будущий его проезд мимо Твери будет он сам случай иметь с вами видеться и поговорить. Спрашивал, что еще с тех пор не сделал ничего в вашу пользу Сиверс? «Я-де думал, что по крайней мере нынче при открытии Псковской губернии употребит<ся> он хотя виц-губернатором. Я сожалею искренне батюшку и желаю ему сердечно всякого добра; я сам бы не отрекся помогать ему, когда бы это было в другой губернии, а то Як<ов> Еф<кимович> неотменно сочтет, что я это ему вопреки делаю. Батюшка имеет всякое право быть им недоволен, затем, что это сущая обида — определять мимо, молодых. Не делает ли он хоть того, чтоб дать батюшке место Фед<ора> Леонтьевича;² однако-де челобитна его еще не представлена». Сказал потом, что он здесь был болен лихорадкой и в первый раз еще готовится выехать к государыне. Того же дня после обеда, будучи в театре, увиделся я с Семеном Саввичем Муравьевым,³ который приносит вам свое почтение и просил меня к себе. Он живет у Семионова мосту, в Аничковском доме. Сын его большой давно уж вахмистром, а меньшей недавно сержантом в Преображенском полку. И жену и дочь видел при выходе из театра. Следующий день не имеет ничего примечания достойного. Утро сидел я у Попова, который подарил мне свои «Досуги», ходил потом к Ермолову в Преображенский полк и обедал у Ханькова. Вечером был у нас с Иваном Матвеевичем совет делать разные предприятия будущее утро. Мы так верно расположили, что уж казалось, будто я и впрямь офицер Преображенского полку и не позже, как к новому году. Совет был в избе, и Ульяна уж подавала свое мнение, что делать с пристройкою. В самом деле, по утру, то есть вчерась, Иван Матв<еевич> разбудил всех очень рано, и снарядились мы идолопоклонствовать — он в свой полк, а я к Козловскому. Пришел: но мне ответствовали, что его уж на той квартире нет; оттуда я в «Лондон», там спрашивать: нет его. А ходит-де сюда Зоричев скороход, сказывал мне пьяный немец, он бы знал это. Но, слава богу, нужды еще не пришло в скороходе. Скучившись, оттуда пошел я к Миллеру⁴ и с час рылся в книгах; оттуда ходил во дворец к Петрову, которого не застал. Назад уж шел я; случай опять привел к Козловскому. Он стоит в «Любеке». Козловск<ий> недели три как не

выезжает. Этот день было его рождение, наехал к нему пропасть ветреников с разными известиями. Они столько говорили, что мой проект о переводе в Преображенский полк остался без открытия. Обедал я вчерась у Василья Евдокимовича,⁵ откуда ходил на Васильевский остров к академическому инспектору; он вам кланялся. Пришел домой; от дядюшки Матвея Артемоновича большого человек, что дядюшка уж давно приехал и просит к себе. А приехал он 29 числа августа. Итак, я опять на Васильевский остров, где и почевал. С дядюшкой были мы нынче у Якова Ефимовича на мызе. У него теща больна молотницею, уже десять дней. Дядюшка стал просить о вас. Сиверс отвечивал то же, что обещать не могу, а стараться, уж конечно, буду. Потом погода у меня спросил по-французски, писал ли я к вам от него? Дядюшка после того, в другой раз, зачал просить усиленно. Он на это, с особливой миною, как будто принуждаем, говорит: «Сделать я не могу сам собою: государыня изволит определять, и вы знаете, что у братца есть люди, которые его не любят». На вопрос дядюшкин: кто ж бы это был? — еще подтвердил с особливыми движениями: «Есть люди, да авось-либо мы их переможем. Я постараюсь перемочь». — Потом прибавил: «Слышали вы, что Голохвастов⁶ виц-губернатором во Псков?» — Дядюшка отвечивал, что слышал, и прибавил: «Вашим ли также предстательством?» — «Ну ... нет, другие за него просили... Государыня изволила...». И потом откланялся. Оттуда заехали мы к Анне Андреевне; оттуда к Петрову, которому и рекомендовал меня дядюшка. Он будет обедать в субботу у Вяземского и хотел выведать, каким образом князь в рассуждении вас. Дядюшка очень много старается: хочет здесь купить дом Фаминщина, просят 9000 рублей». Извините, милостивый государь батюшка, что так худо и смутно писал. Мне хотелось все уместить, а описать не умел. С нетерпением ожидаю завтра вашего милостивого письма; прошу усерднейше бога о вашем здравии и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда ваш покорнейший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 4 дня. С. Петерб.

Дядюшка завтра хочет по меня заехать и взять к архерею. Ивана Матвеевича нет дома.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Голубушка! Здравствуй. Нынче о тебе спрашивал Никололай Николаевич Муравьев и Варвара Николаевна.⁷ Он уж выше. Notre cher oncle m'a demandé dans le carrosse s'il ne se rencontre pas encore de partie pour vous? Partout, dit-il, j'en entends du bien. J'en suis bien aise.* О моя голубушка! Будь здорова и будь весела. Всякое удовольствие, которое утешит тебя хоть мгновение, ты мне его дашь. Mon coeur! Soyez en bonne santé. Si j'étais sûr que vous

l'êtes dans ce moment je m'estimerai heureux et trois fois... Que mon cher père... que toi...** Вы будьте мне утешением, если вам угодно, чтобы я вам был тем же. Прошлый раз в театре была опера-комик «Julie»⁸*** в трех действиях; тут пели: «Lison dormait dans un bocage, un bras par-ci, un bras par-là»**** Прощай.

Перевод:

* Наш любезный дядюшка спрашивал меня в карете, не встрети-лась ли уже партия для вас? — Повсюду, — сказал он, — я слышу о ней только хорошее. — Я этому очень рад.

** Сердце мое! Будьте в добром здравии. Если бы я был уверен, что вы сейчас здоровы, я почитал бы себя счастливым, и трижды... Дорогой мой отец... и ты...

*** «Жюли»

**** «Лизон, раскинув руки, дремала в роще».

17

7 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я уже два письма от вас, за которые приношу мою нижайшую благодарность: я поставил свое лучшее утешение и удовольствие, когда я их один перечитываю. Чувствия нежного родителя и сестры в них заключены самою природою; если бы изобразились и в моих чувствах благодарнейшего сына и брата. Что я их имею в своем сердце, благодарю ему, что сомневаться не могу в том. Чем могу я вас иначе вспомнить, как любовью, благодеяниями и моим благополучием? — Я было востревожил вас письмом своим; но нравоучение есть моя слабость. Я хотел представить сам себе состояние, в котором бывает поставлен человек. Мне хотелось кинуть на бумагу все черты, его составляющие, не продумав, у места ль эта картина. И заврался. Виргилий, описывая снисшествие Энея во ад, представляет, между прочим, одного злодея, жалостно вопиющего:

О вы великие и сильны на земли,
Судите праведно и бога почитайте.

Скаррон, переворачивая все это в смехотворство и написавши сие нравоучение, рассуждает сам с собою:

Ну! право, эта речь умна и хороша,
Да только в аде-то не стоит ни гроша.

А мое нравоучение в письме еще несвязнее. Я прошу вас, милостивый государь батюшка, нижайше не беспокоиться обо мне.

Я, слава богу, здоров; с самого моего сюда приезда не заболела ни один раз голова. Не надобно осудить. Правда, что один раз в театре я не мог внимательно слушать комедии и всю ее прозевал. Это для того, что я пришел прямо из-за стола от Ивана Абрамовича. У него стол прекрасный. Ну! я теперь уж и о столах заговорил. Чтоб не завратъся, обращаюсь к делу. — О векселе, я думаю, что вы уж теперь, по крайней мере, известны, он у меня, и копия к вам сообщена. Так сомневаться нечего. Письмо Конева я удержал покуда и не знаю, будет ли какая надобность возвратить его в Тверь. Если надобно, вы извольте приказать. Мне надобно будет сходить к Докучаеву для надписания при нем на векселе издержанных на покупку 69-ти руб. 30¼ коп. Я еще в сие время не успел. Все эти дни я у дядюшки и с ним кое-куда хожу и езжу. Во вторник были мы с ним у Гавриила.¹ Какого почтения достоин этот человек! Тих, свисходителен, разумен; по крайней мере, мне так показался. Сколько ж мы сидели за столом! С нами ж был князь Мещерский! Так ничего не поговорено. Слышно, что государыня изволит прибыть в субботу сюда на житье. Сей самый час приходил ко мне лакей Василья Евдокимовича Ададунова с письмами, чтоб их вам переслать. Нынешний день был я у Домашнева,² он недавно переехал с Каменного острова, где он все лето жил. Нынче же зачнутся опять физические лекции.³ Адъютант Иван Алексеевич⁴ свидетельствует вам свое почтение; он меня особливо просил не позабыть это исполнить. Здесь начало сентября обещало нам хорошее время. В самом деле, дней с пять, кажется, пользовались летом. В народе всклепали на Эйлера, будто бы он пророчит преставление света: он, бедный, на старости, сказывают, не знает, что делать. Не в одном народе, даже в городе утверждали за подлинное. В поварне нашли кухарку всю в слезах: — «О чем ты плачешь?» — «Эйлер предсказал преставление света». — Вчерась на перевозе к Академии слышал я, что рассуждают о кометах. Будто уж одна есть; другая тот год будет. Зорич, сказывают, упражняется в раздаче денег всем неимущим: первое сентября в день его имении что-то ему пожаловано, и указ в присутствующие места — давать везде деньги под расписку. — В заключение имею честь принести мое усерднейшее поздравление с днем рождения вашего. Завтра хотел бы я быть не в Петербурге. Иванъ Матвѣевичъ, который только теперь пришел от дядюшки, уверяет, будто бы мы и он на завтра отозваны к Дьякову.⁵ Желая искреннейше продолжения драгоценного здоровья вашего и прося родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 7 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Никитишна! Loin de nous tout ce qui porte l'empreinte de mélancolie. Fi donc! de ces grands airs allemands, enchâssés dans des hélas! Sautons, dansons! * Сегодня пир: сегодня пить, ногой свободной о пол бить. Столы покройте сладкой брашной. Со мной вы сядьте в круг, друзья, Пусть сам предстанет бог домашней, В убранстве праздничном, как я. Вить это говорит Гораций, кн<и>га I, ода 37. Ergo bene. — Некогда писать. — Матушка, поздравляю, буянь до бешенства, однако ж приятного, весела, весела и ... весела. Пусть воскурится, будто б я еще был в Твери, тучный кофе в круглопространном сосуде, вкуси его сладостно, он тебе будет обо мне говорить. Вылей несколько с чашки за окошко... Провал возьми! Зачем мой Ванька не так варит. По усам катилось, в рот ... попало.

Матушка Татьяна Петровна, бесись не с печали; но убо прилежно и внятно зри и чтн Горация, идеже показано бесись и наконец взбесись с радости. — Простите, вы рассердитесь, а я с радости заврался. И Фавушка бесись, и безбожников сын, и Бижуткин сын, и Федорка бесись и ... как нашего Соболева зовут ... Ну, что ты сделаешь, Иван ... нет ... имрек бесись. Я уж взбесился, опамятовался на конце. Ну, ежели опоздает, вот же радуйся, радуйся! Чему радоваться?

Перевод:

* Прочь от нас все, что несет отпечаток меланхолии! Долой эту немецкую напыщенность, погруженную в «увы». Будем скакать и плясать!

18

12 сентября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я очень виноват, что вчера не успел исполнить моей должности, то есть к вам писать, и опасаясь, чтобы тем не навлек вам какого-нибудь беспокойства. Но я просил прежде и вас и сестрицу, чтобы такою безделицею себя не тревожить. Я был на Васильевском острову у дядюшки, и он нас увел к Олене Петровне, так что домой уже пришел я поздно. Впрочем, я здоров, весел и счастлив, если только вы здоровы и веселы. Государыня изволила приехать в город 9 число к обеденному кушанью; мне случилось быть тогда у Петрова, так сверху все видно. Въезд был без пушечной пальбы, может быть, по причине беременности великой княгини; однако ж великолепно. Накануне того дня, т. е. в день вашего рождения, звал меня и Иван Матвеевича дядюшка к себе, и мы пили за ваше здоровье. Отобедав, были в театре мы только с братом: представляли французские актеры

«Заиру» так худо, что поморили со смеху. Выходя, встретился я с Андреем Лаврентьевичем Львовым,¹ с которым мы долго разговаривали как старые комедианты одной банды. Он уже майором и адъютантом у кн. Николая Васильевича Репнина. На другой день был я у него: он приносит свое почтение вам. Княгиня² уж с неделю как приехала, а князя ждали третегодня. В тот день обедал я у Федора Михайловича, у которого видел записку вашей руки к Аполлону Никифоровичу о перстне. Марья Ивановна не очень здорова. Между прочим, слышал я тут, что контр-адмирал Грейг³ отпущен в отпуск на четыре месяца в Англию на нашем военном фрегате с полным комплектом офицеров. Он пишет в коллегию, что, не помню на какой высоте, заметил он американского капера, который делал над ним наблюдения, что он напротив того стал прибавлять паруса, и капер убежал. Я уж думаю, не послан ли он под рукою для обезопасения английских кораблей, для того что уж каперы по всему Немецкому морю разъезжают и у самого Зунда под английским флагом. Сюда приехал один английский корабль под российским флагом и просил позволения у Чернышева отсюда ехать с ним же; он ему отвечивал, что позволить не смеет и чтоб просил позволения там, откуда отправляется, т. е. от генерал-прокурора. На 10 число всю ночь стоял преужасный ветер с моря.⁴ У нас много стекла повыбило. В пять часов поутру валом прибыла вода на 9 футов и 11 дюймов, или четыре аршина с четвертью. За двадцать лет назад было также большое наводнение, но полтора аршином меньше нынешнего. Мост снесло, и плашки разбросало по сваям. В Галерной гавани люди спасались по кровлям, и несло дома. Не было воды только у Владимирской и частью на Литейной. У нас, я думаю, на аршин или более было. Рыжак стоял по брюхо в воде. Убывать стало в девятом часу понемногу и наконец везде вдруг осушилось. Людей почитают с тысячу утопших, другие — три тысячи. Убыток полагают миллионами, но верно сказать не могу. И у нас снесло мост. Дюйма на три была вода в наших горницах. Мы все носились на чердак; в кухню ездили на плоту, и Иван Матвеевич варил кашу из ветчины. Теперь еще куда ни пойдешь, на всякой улице позорище печали и разорения; поваленные заборы, пожитки жителей, груды кокор нанесенных, на острове по набережной в Седьмой линии — большая барка с сеном. Вся Седьмая линия занесена пребольшими пластинами, так что пройти трудно. У Олены Петровны в пол-окна было воды. Белье, платья, соболи — все перемочено. Корова утонула, девчонку насилу откачали. Во дворце в погребах потонуло 18 человек. Галиот перед ним поставлен на сваях. Сколько барок занесено, изломано! Везде из нижних жильев отливаются. Инде все дровами устлано, в деревянном гостином дворе на аршин воды было. С каменного крышу сорвало ветром. У дядюшки в это время было загорелось, и он говорил, будто палаты шата-

лись. Но мы не заметили ни малейшего знака землетрясения. Нынче будем мы с Иваном Матвеевичем» обедать у Ивана Абрамовича. Мы, слава богу, все здоровы. В прочем, прося вашего родительского благословения и желая вам от всего моего сердца здравия и благополучия, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 12 дня. С. Петербург.

Извини, матушка сестрица, местечка немножко, а все проклятое наводнение — всю бумагу загромадило! Сей час получил я милостями отца и нежностью любезнейшей сестры наполненное письмо от 6 сент<ября>. Я его целую. Как приятна мне твоя analyse* романа, счастливого романа, который тебя умел тронуть и который мне не знаком. Так, сударыня, une âme pure ne doit pas sentir des chagrins,** для ней, конечно, их нет, и скука есть плод малодушия, если не злодейства, а чтоб сказать мармонтелевыми словами: une âme faible est à la veille d'être criminelle.*** Надобно уметь и душу утвердить, не стыдиться быть честным человеком и добродетель любящим, — да когда бы стыдно было быть добродетели?

Перевод:

* разбор.

** чистая душа не должна чувствовать огорчений.

*** душа слабая близка к тому, чтоб сделаться преступной.

19

14 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче полученное мною от вас приятнейшее письмо писано вами в день вашего рождения. Мне сие служит новым удовольствием, что вы в этот день со мною беседовали. Я льщусь в нем приметить нечто веселое. Я несказанно тронут был, его читая. Ваши милостивые советы проникают меня их пользою, и я только сержусь на себя, что исполнением их медлю или иногда и сомневаюсь. Например, издание Механики множество затруднений мне представляет.¹ Чего будет стоить печатание ее на свой счет? А чтоб Академия приняла, надеяться не можно. В сей материи нового сказать нечего; я ж не имею столько силы, чтобы дойти до источников ее и заслужить внимание знающих. Небольшое сведение дифференциального исчисления делает почти бесполезным такое начальное сочинение и которое не может иначе почесться, как прочие учебные книги — арифметика или геометрия. Прежде уже издал Козельский «Предложения механические»,² которые довольно пространны, но доказаны только по-геометрически ли-

терами, без присовокупления алгебры. Мне будет надобно их иметь, чтоб посмотреть, могу ли я приступить к исправлению. Утруждать Академию о рассмотрении будет, я думаю, дерзко, а вырезывание фигур очень дорого. Я, с позволения вашего, куплю себе еще какие-нибудь основания механики, чтобы ими обогатиться и взять их порядок. Вчерась я ходил к подполковнику, да все утро не мог «найти» случая подать ему письма для того, что он был занят делами. А подал нынче: Шипов, который тут стоял, сказал ему обо мне, что было надобно. Подполковник по некоторым вопросам, как давно я служу и пр., сказал мне, что мое прилежание к наукам и должности может всегда сделать ему приметным. Я не упомяну точных слов, но почти такое их было содержание. Урон людей в нынешнее наводнение не столько велик, как я писал, а разве есть человек триста. Герцогини Кингстон корабль посадило на мель. Государыня приказала ей сделать новый, ежели не снимут этого. Он сделан особливим образом, по ее изобретению. Дни у нас очень дождливые. Кн. Петр Никитич³ Трубецкой был еще на приморской даче и насилу спасся, севши в лодку, нечаянно прибитую, и с дочерью и привязавшись к верху строения. Убыток миллионов на шесть, как молва идет. В черни пророчили на вчерашний день потоп и на нынешний. Поговаривают, но скрытно, о войне с теми же. Третьего курьера ожидают. Извините, что я пишу так связно:⁴ у меня теперь В. В. Ханьков. Имею честь поздравить усерднейше с завтрашним днем вашего имени. Я остаюсь с искреннейшим почтением и преданностию, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 14 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, вы ко мне писали прекрасное письмо, и я очень сожалею, что не имею времени заплатить вам, сколько бы я хотел. Платится ли любовь твоя чем иначе, как сердцем? В нем имеешь ты жилище, никогда не отъемлемое, если его не отвергнешь. Природою мне велено тебя любить, но разум мой приемлет более свои собственные повеления. Я столько же люблю тебя, как любви моей достойную, как должен любить в тебе и сестру.

Фавинька! Тебе что сказать? Матушка, не оставь моего сироту. Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

20

18 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Удовольствие говорить с нежнейшим родителем есть моя должность. Нет ничего для меня приятнее ее. Если бы в начертаниях

пера моего могли найтись и чувства сердца. Я никогда не бываю столько доволен сам собой, как когда образ ваших милостей и убеждение моей к вам благодарности, нежного почтения живо во мне представится. Не уходят у меня сии неразлучные, кажется, поступки, они мелочи обхождения, но тем драгоценнейшие, чем менее в них себя приневоливают. Одно бы мое желание было — быть любви сей, сих милостей достойным, чтоб чрез то самое показать, что я их умею почитать по достоинству и что я их не забываю. Простительно ли мне то, что я льщусь иногда письмами своими послужить к вашей отраде? По крайней мере, занять несколько минут приятно, подать случай разговаривать сему малому обществу и одному, которое вам приятно, я разумею, вам и сестрице. Вы мало приемлете участия в том, что другие называют увеселением. Позвольте мне себе попенять, если простите сие выражение. Но наши обстоятельства вас занимают. Что же делать, если переменить их не можно? Вы сделаете наше счастье с сестрою, если будете веселы. И вот о чем хотел я вас просить. Нечувствительно попал я разговаривать о том, что меня занимает. Что до меня касается, я весел и, слава богу, здоров. Вчера с и третьегодни препроводили мы у дядюшки и почевали. И на завтра нас просил. Я говорил ему об отказе: он и не знает, где Светушкин. Дела ничего не сделано: крепости растеряны. Наш Леоптьев, поговаривают, будто к 22 числу будет майором. Я позабыл к вам писать, что Петр Абрамович женился в Казани уже месяца два тому назад, на немке. Она уж русская барышня и душ, я думаю, с 200 за нею. Осип Абрамович¹ поехал во Псков советником наместнического правления. Мое письмо чересчур пестро. Этому причинею, что я отрывками писал и между тем упустил время. Мое наказание, что прежде кончить принужден письмо, нежели хотелось. Я прошу бога о продолжении вашего драгоценного здоровья и с чистосердечнейшею преданностью остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 18 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня, матушка сестрица Федосья Ники-тишна! Обнимаемся. Si mon âme est capable des sentiments d'amitié pour une belle âme, ma chère! que dois-je à l'Être suprême de m'avoir fait une douce loi de t'aimer! Si la nature me parle, ses premiers discours sont pour toi. Dieu me départira ses bienfaits les plus doux dans ton bonheur! Est-ce-t-assez pour une déclaration?* Напиши ко мне, намарай, наgriffonne** какое-нибудь прекрасное письмецо, и я тебе еще сделаю другую en forme. Je vous aime et plus aimer aucune ne saurais.*** Прощай. Играй на клавирах: я посмотрю, что-то ты прибавила. Верь, что ежели строить еще не могу, то, по крайней мере, расстроить уж умею. Ну... А! Фа-

виньку! не оставь, матушка. Вчера маминька была именинница, третьего дня ее рождение; отпиши к ней, que je ... n'ose point la prier de me pardonner.****

Матушка Татьяна Петровна! письма ваши я постараюсь еще доставить. Прощай.

Захару отпишите: он мой друг.

Перевод:

* Если душа моя способна испытывать дружеские чувства к ипой — прекрасной — душе, любезная моя, как и я обязан верховному существу, внушившему мне сладостный закон любить тебя! Если природа ко мне взывает, первые ее речи о тебе. Ниспослав тебе счастье, бог щедро одарит и меня. Достаточно ли этого для декларации?

** пацарапай.

*** по всей форме. Я вас люблю и сильнее любить пногого не мог бы.

**** что я не смею просить ее пзвинить меня.

21

21 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас два письма, за которые и приношу мою нижайшую благодарность. Письмо к дядюшке вчера же отнес я к нему, и он вишится, что к вам еще не писал. Мы вчерась у него обедали. О переводе меня в Преображенский полк думает он через Петрова, но наперед надобно осведомиться о старшинстве моем там. Завтре, думаю, что и у кн. Козловского буду. К Твердышеву посылал я вчерась, и платье маскерадное и одеяло привезено в целости. Я не могу довольно изъяснить, сколько трогают меня ваши нежнейшие попечения сделать мое счастье. Самое употребление моего времени заслуживает ваше внимание. Мое почтение к родительским приказам (я не иначе должен принять ваши советы) и особливая к вам благодарность, которой порукою ваши всегдашние милости, напоминают мне мою должность. Со стороны службы я отнюдь не обеспокоен. Я не знаю, что значит молчание Антона Алексеевича Барсова, получил ли он мое последнее письмо, и для того намереваюсь писать к нему на будущей почте. О Механике думаю я, исправив ее сколько мне можно, попросить прочесть Румовского¹ и чтоб он дал свой ко мне письменный отзыв, с которым и поднести рукопись подполковнику. Я думаю, что Румовский от этого не откажется, тем паче, что в плане, данном Академии Петром I, сие самое сделано одною из должностей академика. Крафт² мог бы мне еще споручнее быть, да он не разумеет по-русски. Письмо Дмитрия Васильевича вручено Данкиле Афанасьевичу.³ Намерение Ивана Ивановича Вердеревского, кажется, нельзя было предузнать. Приказ общественного призрения потеряет че-

рез это. Без сомнения, всякому позволено желать своего покою. Быть подчинену игумену или наместнику все то же бремя. И ежели нет спокойствия в себе, так нет его и в монастыре. Но я бы не отсоветовал идти в монахи помоложе. У петербургского архерея так долго сидят за столом, что мирские прелести не пойдут на ум. Ив<ан> Матв<еевич> ищет своего спокойствия в гусарах. Неотменно хочет пример-майором лучше там, нежели в артиллерии. В прочем, желая усерднейше всякого благосостояния, прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 21 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Помнится, что последнее письмо к тебе без титула. C'est que je diversifie la chose.* Буду <нынче> также без титула. L'uniformité naquit un jour d'ennui.** Простите, что это не по-французски. Я рад, что вам прибавилась компания, и рад так, что не поверишь, радость. Скажи, пожалуй, маминька, пишет ли что-нибудь к вам Даша? Пишет ли Любаша? Хоть только то: навек услужница я ваша. И жив ли Баша? И жив ли Чурка? Об этом отписать тебе вить не фигурка, за занавесой ли еще моя конурка? Достань «Ганриаду» да читай по субботам. Les oeuvres de Boileau et les odes de Sumarocoff restent toujours chez messieurs les Poltoratzky: ne peut-on pas les faire venir?*** А! маминька, обнимаемся и прощай. Татьяна Петровна, здравствуй: письма ваши отнесены и приехал Василий <Лаврентьевич>.⁴

Перевод:

* Я ведь стремлюсь к разнообразию.

** Однообразие родилось в тоскливый день.

*** Сочинения Буало и оды Сумарокова все еще остаются у Полторацких: не могут ли они их прислать?

22

25 сентября 1777

Батюшка братец Никита Артемонович! За писание ваше много благодарствую. Вчера был я у кн. Михайла Михайловича Щербатова, который сидит дома, почитая себя обиженным в рассуждении перемены 22 числа,¹ так как он уже и подал письмо к государыне. Он говорит, зачём вы не приедете сами в Петербург: теперь бесперестанно открываются новые места. А государыня окружена людьми, которые докучают ей всегда о своих и тех, которые им надобны. Они стараются их выведать. Что нельзя в том винить ни генерал-прокурора, ни наместника, что одна госуда-

рыня располагает этим, а к ней доходят не одним путем, что, однако, наместник много может приговорить или отсоветовать. Наместнику есть нынче толчок по делам о дорогах. Тёща его умерла, и он живет теперь на мызе. Виц-губернатор подан в доклад. Просил меня теперь Леонтий Степанович г. Созонов, чтоб я отписал к вам об нем: покорно прошу, если что можно по делу его, которое у вас, его не оставить.² В прочем желаю вам, любезному брату, всякого благополучия, остаюсь навсегда ваш, батюшка братец, покорный слуга и брат

Матвей Муравьев.

Любезной и дорогой моей племяннице мой поклон.

1777 года. сент. 25 дня. С. Петерб.

Теперь буду я писать в свое имя, милостивый государь мой батюшка Никита Артемонович! Мне поручено было от дядюшки тайное министерство переписки, и вы изволите рассудить, хорошо ли я его исправил. Мы с Иваном Матвеевичем большим ночевали нынче у дядюшки. Вчера был и Николай Федорович, так Муравьевых был целый муравейник. Ив<ан> Матв<еевич> обыгрывает дядюшку в пикет, приговаривая:

Подбор не воровство: подбор одно уменье
Через карты доставать у ближнего именье.³

Вечеру он играет в виск. Пьет кофе гораздо меня, и я думаю, что скоро у дядюшки его не станет. Здесь грязь ужасная: дождь идет сильный. 22 число обедал у Новикова и ужинал у Хераскова в числе человек тринадцати. В этот день при дворе великие новости: Неплюев, Самойлов и кн. Петр Алек<сеевич> Голицын сенаторами, княгине Орловой лента, Бауеру также кавалерия, Зорич корнетом кавалергардов и генерал-майором. Я оставляю теперь место другим моим братцам. *Que dirais-je à ma chère soeur? Je lui écrivai l'après-midi. Adieu.** Ваш нижайший слуга

Мих. Муравьев.

Я к вам, милостивый государь дядюшка, тоже и любезная сестрица Федосья Никитишна, приношу мое покорнейшее почтение и прошу всему, что брат пишет, не верить. В прочем остаюсь с должным моим почтением ваш завсегда покорный слуга артиллерии кварталер мейстер

Иван Муравьев.

Свидетельствовал инфантерии вахмистр

Николай Муравьев.

И я, милостивый государь дядюшка, привошу свое низжайшее почтение, то же и любезной сестрице Федось Никитишне. В прочем остаюсь ваш всепокорнейший слуга и племянник

И. Муравьев.

Перевод:

* А что сказать любезной моей сестрице? Напишу ей после полудня. Прощайте.

23

25 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче поутру я писал уже к вам вместе с дядюшкой по просьбе Созонова: он хотел послать по нынешней почте к своему приказчику в Тверь. Праздник 22 число препроводил я очень весело: по случаю зашел к Николаю Ив<ановичу> Новикову, у него обедал и с ним после обеда пошли к Михайле Матвеевичу, у которого весело ужинали. Тут вместе было множество моих старых знакомых. Я столько доволен ласковостью Елисаветы Васильевны,¹ что не могу довольно изъяснить. Тут были Васильев, Алексей Иванович,² который по-старому шутит, Храповицкий,³ Тургенев, который скоро опять едет в Крым, Хвостов, сенатский переводчик,⁴ с которым я еще в Академии учился, старик Гурьев,⁵ который думает, что он говорит остроумно. Афонин,⁶ который секретарем у Зорича, также приезжал тут вечером, он вам кланяется. Я забыл к вам писать о приезде Ив<ана> Ив<ановича> Шувалова. Он также был на куртаге 22 чиксла. Государыня и великий князь с ним долго разговаривали. Он очень учтив; в этот день пожалована лента княгине Орловой; Неплюев, Самойлов и наш кн. Петр Алек<сеевич> Голицын сенаторами, Зорич — кавалергардским корнетом и генерал-майором. Бауеру — лента. Из камер-пажей четверо в офицеры.

Кратко: я, слава богу, здоров и весел и желаю вам всякого здравия и благополучия. Низжайше прошу приложенное при сем письмо, если не можно на сей же самой почте, так на ближайшей отослать к Захару Матвеевичу в Москву. Я вас низжайше прошу. В прочем, прося вашего родительского благословения, с искреннейшим почтением и преданностью остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш низжайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 г. сент. 25 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица. Я целую ваши ручки с радости, право не знаю, с какой, только с радости. Будь

ты весела, — я дурак, ежели не весел. Чего мне недостает? Вы меня любите, я имею людей, и здесь во мне участие приемлющих. Прощай.

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй. Письма твои, и бог знает когда, отосланы. Василий Лаврентьевич насилу выплыл из потоцу.

24

28 сентября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

По два дни, то есть нынче и вчерась, имел я счастье получить от вас по письму; эти дни почитаю я затем счастливыми. Я не могу пожаловаться, однако, ни на один из дней моих: они текут довольно спокойно, а это уж и составляет сколько-нибудь благополучия. Ваши письма для меня некоторый род беседы; мне приятно то время, которое я провожу у Михайла Матвеевича или кого-нибудь из тех особ, которых я почитаю: кольми паче ваша беседа, хотя и отсутствующего, должна быть мне вместе приятна и полезна. Она не удовольствуется только тем, чтоб быть мне приятной: она всегда влечет чувство, меня восхищающее, имеющее нечто от почтения и нечто от нежности, предзнаменование того, что писано.

Прошедший понедельник писал я к вам с Васильевского острова и два раза: поутру с Созоновым и после обеда по почте. Письмо к Захару Матвеевичу, вложенное в последнее, нижайше прошу отослать поскорее. Мы совестимся, что его так долго оставили, и оно может его сколько-нибудь успокоить. Он писал к нам письмо, делающее столько чести его сердцу, сколько нам, что мы его братья и друзья. Тот день дядюшка удержал ночевать затем, что это было накануне именин Ивана Матвеевича. Следующий день праздновали мы очень весело. Мы и Николай Федорович, который приносит вам свое почтение, опять ночевали, и поутру отвезли нас рано домой. После обеда был я у Федора Михайловича, где и ужинал. Тут много кое-кого было: между прочим, и Иван Петрович Шагаров¹ с женою, который меня и отвез с собой. Тут я слышал прежде, нежели сестрица меня уведомила, о жалостном приключении с Федором Петровичем Чаадаевым: я имел случай знать его, хоть мало, однако и того довольно, чтоб сожалеть такого молодого человека, который обещал из себя со временем много — особливо зная состояние их дому. На 25 число в ночь был здесь весьма сильный ветер и тревога в городе: вода сравнялась с горизонтом, а в низких местах и взошла на него. Пальба была по предписанию. С крепости ударили в барабан. Множество выехали на Литейную; Воронцова дом был наполнен людьми. Всякий нес с собою что-нибудь. По утру был град и

снег. — Самойлов заседает в 1 департаменте. Неплюев во втором, а Голицын в четвертом. Театр открылся, обещают новую италянскую оперу. Здесь у часового мастера Принца оставлены были нами стенные часы Прасковьи Федоровны, маленькие, я думаю, с кукушкой; и за них ничего не дают. Нынче пристаёт подмастерье Принцов, чтоб ему отдать их за полтину; что изволите приказать. В прочем, прося вашего родительского благословения, с нижайшим почтением остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года сент. 28 дни. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Никогда не бранил я себя столько, как нынче, что я опоздал писать. Ты столько мне нынче писала милого, одолажающего, что если бы мне и было время писать, я не мог бы сравняться с твоими ласковостями. — Сколько я написал «писать». Ну! матушка, в одном слове, как во сне: я столько тебя люблю ласковую, как и строгую. Если я «молодец добрый», узнаю я это по твоей ласковости; если я шалун, твое одно строгое слово меня исправит. От кого лучше снесу я, как от тебя? Однако ж захочу ль я до этого допустить? Спроси-ка ты это наперед у твоего покорнейшего слуги и брата М. Муравьева etc. Матушка Татьяна Петровна, здравствуй.

25

2 октября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчерашний день имел я случай говорить с человеком, который, проезжая, у вас обедал: это Михайло Яковлевич Неручев.¹ Он рассказывал дядюшке, что вы ему помогли и дали все случаи исправить его надобности. Дядюшка этим так веселился, что хотел нарочно вас благодарить. У нас с Покровом и морозы показались, которые, хотя и прежде зачались, но не так сильны были, как вчерашний и нынешний. Я себе на этих днях купил барку за девять рублей с полтиной. Нынешнее письмо мое нечувствительно наполняется бездельными приключениями, не стоящими быть пересказываемыми: это затем, что мое упражнение дни с два-три попромежутилось и я по большей части сидел дома. Нынче разбираюсь в кое-каких механических книжках и делаю из них выписи. Также читаю одну французскую поэму о живописи с двумя латинскими о том же и рассуждениями от творца поэмы г. Вателета.² Иван Матвеевич не может себе представить, какой можно найти вкус в живописи. Вчерась после обеда я уложил его спать этим, что стал читать ее. Простите меня, что я вам описы-

вако сии ничего не значущие подробности моей жизни. Мне не осталось ничего более писать, как только, если позволите, просить о продолжении родительской милости, о удостоении иногда взором, хотя и издалеча, меня. Я почитаю за счастье мое, если буду достоин что-нибудь сделать вам угодное. Ваши милости составляют то благополучие, которым я наслаждаюсь. Я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 2 ч. С. Петерб.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Сколько я ни воображаю себе, я не могу представить, в чем бы ты теперь упражнялась. Мне бы хотелось, чтобы что-нибудь тебя забавляло. А Тверь мне что-то кажется пуста. Видишь, сколько велико самолюбие, будто уж там нет никого, где нас нет. Я пишу в сумерки; так и слог мой сумрачен, не прогневайся. Ты ко мне не писала, читала ли ты Мармонтелевы опереты и довольна ли ты которою-нибудь из них. Эйлеровы письма прекрасны: нельзя быть лучше курса физики для дамы. Но вить оригинал их по-французски, так ежели покупать, который бы ты хотела? ³ Si ce n'est que notre cher père pourrait aussi lire le russe. * Я весь теперь в живописи. Примечания г. Вателета суть нечто превосходнее, нежели поэмы его. Он рассуждает наперед о пропорциях, из них выводит искусство целого, de l'ensemble,** а от сих двух частей переходит на движение и равновесие фигур в картине. Потом следует соединение света и тени, о красках и, наконец, выражение живописное и страсти, так что он объят почти все части живописи. Я когда-нибудь сообщу из оных по местечку. Меня нынче Ванька напоил паче чаяния кофе. Mais quel café? Je vous le laisse à deviner.*** Бурда бурдой. Прощай, маминька. Новиков показывал мне эстамп славного нынешнего гравёра де Виль,⁴ где изображена девочка, которая держит чашечку и пускает пузырьки. Один делается в чашечке, два другие летят по воздуху. Так тонко, так нежно они сделаны, что за стеклом почтешь за настоящие и станешь сдувать.

Пора окончить, de peur,**** чтоб я не зачал сам гравировать. Прощай, матушка. Играй на клавирах и <читай> «Генриаду», Буало et caetera.*****

Матушка Татьяна Петровна, здравствуй!

Перевод:

* Если бы наш батюшка мог прочесть и по-русски.

** ансамбля.

*** Но какой кофе! Предоставляю вам догадаться.

**** из боязни.

***** и так далее.

5 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка, Никита Артемонович!

Ваше последнее письмо, где изволите описывать приключение с Татьяной Петровной, поразило меня: слава богу, что уж наконец ее лишили. Она не должна жаловаться на несчастье. Нельзя было более снисхождения, милостей; ежедневно новые досады, беспокойства! Она как будто не для того сделана, чтоб жить вместе. Сердце, которое сколько-нибудь знает человеколюбие, должно найти свое удовольствие в образе, каким вы ей платите. Мое умиляется искренно, тем более, чем ближе принадлежит ему сей пример. — Сюда она еще не приехала; по крайней мере, у меня не приставала. Федор Михайлович спрашивает у меня, также и сестра его, изволили <ли> получить к вам посланное от них письмо к Анне Яковлевне Олсуфьевой.¹ Не помню я, писано ли мною прежде к вам, что я получил от него 150 рублей в сентябре месяце. Итак, с полученными прежде 25 руб., всех будет взятых 175 р. Не прогневайтесь, что нынче пишу мало: у меня заняты все люди, ломают барку, так боюсь опоздать на почту. Я купил себе Козельского «Механику»: писано довольно подробно, без вкусу и, может быть, не очень далеко. Я прошу вашего родительского благословения, с усерднейшим почтением остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 5 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Теперь вы без компании, но, кажется, сожалеть нельзя. Vous m'avez accoutumé à deux lettres. <J'ai peur> de m'attendre en vain aujourd'hui <à> la seconde.*

Отпиши, маминька, любезным нашим хозяевам берновским, ежели будет случай, что я их люблю и почитаю и часто говорю с Ив<аном> Матвеевичем об них. Прощай. Я тебя прошу не скучать и на это письмом предолгим отвечать ... Ну! хотел писать, да ... Прощай. Кланяйся, матушка, от меня Ив<ану> Иван<овичу> и Вас<илию> Ив<ановичу>, моим милостивым государям, которые, может быть, скоро будут в Питер.

Перевод:

* Вы приучили меня к двум письмам. «Боюсь», что ожидать сегодня второе буду тщетно.

10 октября 1777

С. П. бург. 1777 года окт. 10 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нетерпеливо ожидаю завтра милостивого письма вашего, затем что на нынешней неделе получил я одно только письмо от вас. О себе доношу, что я, слава богу, здоров и весел. В один день с этим письмом изволите вы получить письмо и от дядюшки с радостным для нас известием. В субботу дядюшка и кое-кто, которые случились у дядюшки, пили ваше здоровье, и я благодарил. Он утро выезжал и привез ведомость, но которую приказано таить до времени, что государыня изволила пожаловать вас вице-губернатором». Должно думать, для того и велено молчать, чтоб не упредили опять с просьбою к государыне. Она не может сама свободно расположить: тысячи путей ее окружают. Зорич, сказывают, у генерал-прокурора выпросил уж 200 дел. — В сей самый час получаю наполненное милости письмо ваше. Ответствовать на него не имею довольно времени и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Строки, наполненные чувствами, которые начертала рука твоя, наполнили сердце мое тихим удовольствием. Я совершенно счастлив и, если сим счастьем наслаждаюсь не умно, беспрекословно виноват. Татьяна Петровна» приехала сюда 6 число по утру. Вчерась ночевала у дядюшки и завтра едет в Кронштат. Нынче обедал я у Аннибала. Там был и Валентини. Сказывает, что Ник^олай» Алек^ссеевич» Вердеревский» едет месяца через два в Тверь: он идет в отставку и будет иметь место у нас, у Цверичан. Поклонись, матушка, от меня Тимофею Ивановичу и поблагодари ему, что он меня помнит и старается мне помочь. Каким образом узнали несчастье Марья Ив^ановна» и Ив^ан» Петр^ович?»¹ Мне хотелось бы знать. Захар» Матв^еевич» пишет ко мне письмо: я не успел ему ответствовать; отпиши к нему, матушка голубушка, да только то, чтоб просился в отпуск. Вчерась выпал снег, который и теперь лежит. Холод здесь по термометру градусом выше замерзания воды. У Фонтанки по краям замерзло или застыло. Прощай, матушка. Будь весела и займи свое время de l'agréable et de l'utile.* Всякое мгновение вотще родится, и что запасено вперед, то пригодится. Что ж у тебя Мармонтель?» Все в пл. . .

Перевод:

* Приятным и полезным.

12 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Скоро будет день моего рождения. Прекрасный зачин письма! Вот чем занимается мое легкомыслие: располагаю, что буду делать утром и как дожидаться вечера. Прежде нежели одеваться, пятый и шестой час препроведу я в своем кабинете. После того одеваться и пить кофе. Кому подарить меня в этот день? Ну! живет и без того. Я помню, что я бывало сержусь, что близко мое рождение; нынче воображаю я его под самым прелестным видом. Я схожу с первой степени жизни: двадцать лет мои минуются, двадцать лет бытия моего. Усугубятся ли они в другой раз: это неизвестно. Причина размышлять и о том, что прошло, и о том, что будет. Воображу, может быть, я себе сии прекрасные, невинные, но мало вкушенные годы младенчества; воображу я нежную и рано отнятую мать;¹ милости отца моего на всяком шаге жизни моей воображаются мне ясно. Здесь увижу себя учеником, там воинном. Представятся дружба младенчества, отрочества, юношества: игрушки, резвости, глупости. Самолюбие автора, уничижение критики; иногда, может быть, с удовольствием вспомню труд свой; иногда пожалею втуне проведенное время. Творец природы удостоит, может быть, принять мгновение признания и обожения. Где я буду у обедни? И этот вопрос важен. Вознесенская не правится мне своей архитектурой. Подворье Псковское далеко. Быть у Вознесенья, ежели не в полковой.² Дома, конечно, не обедать. Где же? Неотменно у Михайла Матвеевича. — Насилу проснулся.

Сон был гораздо долее, нежели дело. У меня только что отделились люди с баркой. Нынче почевал я у дядюшки, и хочется быть на физической лекции. Дядюшка приказал отписать, изволили вы взять 50 руб. с Мячкова;³ письмо его еще цело между бумагами у дядюшки: так разодрать ли его? Новостей я не знаю, кроме, что никак Потемкину пожалованы Ягужинского деревни, и не знаю что-то также Зоричу в Польше.⁴ Дмитр<ий> Васильевич Волков идет, сказывают, в отставку.⁵ В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше продолжения вашего драгоценного здравия, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 12 дня. С. Петербург.

Магушка сестрица Федосья Никитична!

Я не говорил с тобою уж вот этому три дни. В эти три дни что я сделал? J'ai végété: vous me devez être bonne pour cela; car l'hiver qui vient, vous verrez votre cher frère gâté avec un menton rebondi. Il faudra un archin de plus pour ma veste.* Извинение

мое, что я писать перестаяю, есть то, что Иван Матвеевич смотрит и призорил *ma veine ou bien ma fureur d'écrire. Il fait des petits contes sur mon compte, et les débite avec un air sérieux pour des vérités, à qui? à notre cher oncle.***

Перевод:

* Я прозябал: вы должны этому радоваться, потому что наступающей зимою вы увидите вашего баловня брата с двойным подбородком. Нужно будет аршином более для моего камзола.

** мое пристрастие, или точнее, страсть к писанию. Он составляет анекдоты на мой счет и рассказывает их с серьезным видом, выдавая за правду. Кому? любезному нашему дядюшке.

29

16 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С пятницы был я столько счастлив, что уже получил от вас три письма, за которые не могу изъяснить довольно своей благодарности. Сколько буду я счастлив, если буду всегда получать таковые! Татьяна Петровна ночевала две ночи у дядюшки: он ее принял довольно благосклонно, и от него уехала в Кронштат, где уже ей дней пять. Дядюшка, как обыкновенно, весел, передраживает ее походку и как она качает головой. Он ей советует занять в банке, чтоб выкупить. К Федору Михайловичу письма вашего я еще не снес, а отдам завтра для того, что с неделю места¹ дал он мне перевести на французский предисловие Целлариева лексикона,² где есть наставление учителям, для его мадамы; а перевел я только вчера и нынче перебеливаю. Нижайше прошу засвидетельствовать мою покорнейшую благодарность Федору Яковлевичу за его напоминание. О смерти Сумарокова уведомляю вас еще в августе месяце. Общество, которое выдает «Утренний свет», есть то самое, которое меня пригласило, но я немножко заленился. И перевод моей первой книги не совсем готов. О Преображенском списке давно я хлопочу: и нынче обещаюся мне Ханыков его привезти, да не бывал. Нынче преужасный ветер, и в вечерни был сигнал с Адмиралтейства тремя выстрелами. Вода, сказывают, к Измайловскому мосту выступила. Я прошу бога нижайше, чтоб продолжил он ваше драгоценное для меня здравие и здравие сестрицы и сделал бы меня достойным ваших милостей. Я пребываю с всегдашним высокопочитанием, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года октяб. 16 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица. Я не знаю, чем мог бы я немножко вас развеселить. Прочтите эту пьеску г. Марешаля,³ новенького нынешнего стихотворца.

ESPIÈGLERIES DE L'AMOUR

Petit traître, enfant dangereux
Dès ce soir purge ma demeure,
Va faire ailleurs des malheureux:
De chez moi sors et fuis sur l'heure.
Le triste Amour d'un air soumis,
S'écrie à cet ordre sévère:
Quoi! nous étions si bons amis;
Hélas! vous me traitiez en frère.
Laissez-moi, jusqu'au lendemain...
Point de délai: reprends tes armes...
Vous me donnerez donc la main...
Pas même pour sécher tes larmes.
Effrayé du ton de ma voix
Et du courroux qui me transporte,
Avec son arc et son carquois,
L'Amour enfin est à la porte.
L'Amour revient, frappe et me dit:
Pardon, j'ai fait une méprise,
Ton ordre m'avait interdit,
Je t'ai pris le portrait de Lise.
Je ne veux rien avoir à toi,
Et je reviens pour te le rendre.
Tiens, si tu le veux, ouvre-moi.
D'ouvrir je ne pus me défendre,
C'était un tour de mon fripon:
Pour rendre vaine ma colère.
L'Amour lut bientôt son pardon
Sur le portrait de ma bergère.

Si vous ne m'écrivez pas le sujet de votre tristesse, ma chère amie, c'est fait de moi et ma tranquillité s'est envolée à jamais loin de moi. Rendez-la moi par une prompte réponse.*

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Никитишна! Всегда читаю я ваше любезное писание с удовольствием; оно иногда возвращает мне его, если когда оно от меня отлучается: mais votre dernière lettre, ma chère soeur, ma chère amie! conçue en des caractères pleins de tristesse que me veut-elle dire? Si je ne vous savais pas un fonds de douceur, de cette vertu pure sans nuage, je vous supposerais des accès d'une bile noire. Qu'avez vous à vous reprocher? Quel secret pèserait à votre âme et de nature à ne pouvoir m'être confié? Vous m'accablez. Votre seing est confus, vous finissez en brusquant. Que je m'estimerai heureux, si cette lettre vous retrouverait contente. Notre cher père s'est fait une petite société. Je m'en réjouis: le qu'en dira-on est un épouvantail des esprits faibles: ne nous supposerons-nous jamais assez d'esprit pour <нрзб> et de nous moquer des autres. Ce sont toujours des gens de mérite. Tel âge, telle compagnie.

La mode est l'esclavage des jeunes cerveaux. Que vous êtes iso-

leé à présent, cela me navre le coeur. Ma chère amie! Je vous prie à deux genoux, dissipez toute mélancolie; je voulais vous tracer un petit plan d'occupations; et le pourrais-je, moi? Vous-même, vous connaissez le prix du temps, l'ennui est le fléau des hommes. L'oisiveté traîne le crime après soi. Un père doux, tendre vous pourrât-il voir tranquillement languir de tristesse. Pardonnez mes égarements. Notre cher oncle parle de vous très avantageusement, il raconte que de tous ceux qu'il a consulté sur vous, il entend des éloges unanimes et en est ravi.**

Перевод:

* Шалости Амура

Маленький предатель, опасное дитя, сегодня же вечером покинь мое жилище, отправляйся в другое место делать несчастными людей, ступай отсюда, беги немедленно прочь. В ответ на этот суровый приказ опечаленный Амур восклицает с покорным видом: «Как, мы же были добрыми друзьями. Ах, вы обходились со мной, словно с братом. Позвольте мне остаться до завтра...» — «Без промедления забирай свое оружие». — «Следовательно, вы протянете ко мне руку...» — «Нет, не протяну, даже для того, чтобы утереть твой слезы». Устрашенный звуком моего голоса и охватившим меня гневом Амур со своим луком и колчаном, наконец, убегает прочь. Но Амур возвращается, стучит в дверь и говорит мне: «Прости, я совершил ошибку, приказ твой меня смутил, я взял у тебя портрет Лизы, но мне ничего твоего не надо, и я возвратился, чтобы тебе его отдать. Послушай, если он нужен тебе, открой мне». Не в силах удержаться, я открыл, а это была всего лишь уловка плутишки, дабы гнев мой оказался напрасным. И вскоре портрет моей пастушки поведал Амуру о том, что он прощен.

Если вы не поведаете причины вашей печали, любезный друг мой, конец мне, мое спокойствие навеки улетит далеко от меня. Верните мне его скорым ответом.

** по последнее ваше письмо, любезная сестрица, любезный друг, написанное в выражениях, полных печали, что хочет оно мне сказать? Если бы не знал я свойственной вам нежности и чистой безоблачной добродетели, я заподозрил бы у вас приступ черной меланхолии. В чем упрекаете вы себя? Какая тайна, отягощающая вашу душу, не может быть доверена мне? Вы удручаете меня. Подпись ваша неотчетлива, вы заканчиваете, внезапно обрывая. Я почитал бы себя счастливым, если бы это письмо застало вас довольной.

Батюшка составил себе маленькое общество. Я рад этому. Боязнь сплетен — пугало слабых душ. Достанет ли у нас когда-нибудь ума, чтобы... и смеяться над другими. Все это люди, достойные уважения. Каков возраст — таково общество.

Раболепство перед модою свойственно молодым головам. А то, что вы теперь одиноки, раздрает мне сердце. Любезный мой друг, я на коленях прошу вас, рассейте всякую меланхолию; я хотел бы начертать вам план занятий, но могу ли я сделать это? Вы сами знаете цену времени. Скука — бич людей. Праздность влечет за собой преступление. Кроткий нежный отец сможет ли видеть спокойно вас, изнывающую в печали? Извините мои заблуждения. Любезный дядюшка говорит о вас весьма лестно: он рассказывает, что от всех, кого он спрашивал о вас, слышит он единодушные похвалы вам, и от этого в восторге.

20 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С какую радостью получил я сегодня ваше драгоценное письмо? Я целовал его и приготавливал себя ко чтению его. Изъяснения, в которых видна скука ваша, наполнили меня горестью. Вы только мне желаете счастья, а сами отчаяваетесь. Ужели вы не изволили получить письма от меня и от дядюшки, в котором мы уведомляли вас, что вы определены вице-губернатором? Или известие сие вы почитаете неосновательным? Наместник сказывал сие дядюшке: неужто бы он стал так жестоко играть людьми, которые унижаются перед ним до просьбы? Вы изволите писать, что помочь мне не в состоянии, между тем как я вас изобильнее деньгами. У меня теперь сто двадцать пять рублей; у Федора Михайловича еще осталось рублей сорок. Красильникова здесь нет. Благоволите приказать перевести мне из денег сих сколько изволите в Тверь: они здесь пройдут бесполезно. Я, по несчастию, стою вам денег; другие в мои годы сами достают. Сколько буду я утешен, если сими деньгами сделано будет сестрице платье или что-нибудь употреблено на ваши надобности. Родитель, которому я не одною жизнью должен, но и тем, что в жизни нахожу удовольствие; сестра, которая к любви достойному нраву присоединяет чувство нежнейшей дружбы ко мне, вы уже ничем меня более обязать не можете, как позволением вас любить и разделять бремена общих нужд. Сколько прошу я бога, чтобы он вложил в душу мою благородную ревность к трудам, чтобы я возвратился вас увидеть, не имея попрекать себе втуне проведенной праздности, не для моей единственно, может быть, тщетной славы, но для того, чтоб быть достойно похвалены вами. Сколько склонен нежный отец находить достоинства в своем сыне? Сколько раз я имел счастье благословлен быть моим родителем! Что сделаю я быть сего достойным?

Я остаюсь, навсегда прося бога о вашем дражайшем здравии, с усерднейшей преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 20 дня. СПб.

Магушка сестрица Федосья Никитична!

Твое нынешнее письмо меня немножко успокоило. Ты скучаешь! Я тебя воображаю сею тихую, нежную Фешинькой, вспоминаю разговоры твои, разум, руками природы украшенный, сердце, чувствующее дружбу и человеколюбие, *et je t'aime de plus en plus.** Боже мой! Всемогущий боже! я тебе препоручаю ее, и ты на небесах слышишь слабого смертного глас и умиление. За добродетель тебе молиться не надобно. Ты сама ее любишь.

Моя любезная сестра! Я тебя люблю без шуток. Дай боже! чтоб я увидел сестру мою, украшенную дарами тела и души, которой обхождение изыскивают сверстницы. Сии обеты стыдны в обществе: но природа движений своих не стыдится. Так, я люблю сестру свою, и мое сердце осмеливается составлять для ней блистающие мечты. Будь весела, умна, и обнимаемса.

Перевод:

* и я люблю тебя все более и более.

31

26 октября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Каким образом могу я представить радостнейшие движения моего сердца! Для меня нынче, дни четыре, столько много стеклось счастливейших обстоятельств, что я их не могу выдержать. Ваше милости наполненное письмо было первое их преддверие. Вы изволили меня подарить импералом без моих заслуг, и я попрекаю себе маленькую нескромность в одном письме своем: я не знал, что мое слово будет подстержено. Письмо г. Карманова,¹ признаюсь к моему унижению, было пищею моего тщеславия. И я в нем, кажется, обязан собранию, которое его сделало корреспондентом. Никогда не был я щеголем, но этот день не дал покою Ульяне, покуда не пришла сестрициных маижет. Никто в доме между тем не знал, что я на другой день именинник. Проклятый староста устрецкий приехал с крепостями: так мне было надобно таскаться в полицию.² Встал я рано; а накануне Новиков меня просил к себе. Утро сидел у меня Ханыков; однако ж обедал я у Новикова с Княжниним. Случись так, что это было день рождения Михайла Матвеевича; и так вечером, или еще и за-светло, съехали мы туда, где нас человек с 25 ужинало; Васильев поздравил меня, что вы пожалованы виц-губерпатором, и указ накануне дня того вышел, и Михайло Матвеевич и все меня поздравляли. С чем я вас, наконец, милостивый государь мой батюшка, усерднейше и всерадостнейше поздравляю и матушку сестрицу. Михайло Матвеевич всем рассказывал, что наши вместе и рожденье и именины, и оба, говорит, стихотворцы. Наконец, после его здоровья за ужином пили и мое. Так-то вчерась я бражничал. При сем посылаю стихи Катерины Сергеевны Урусовой на смерть Сумарокова.³ Княжна живет с Херасковыми. Также, милостивый государь батюшка, просил меня Николай Иванович Новиков переслать к вам несколько объявлений об издании «Утреннего света», ежемесячного издания, для подписки. Нижайше прошу взять на себя сие попечение, раздать кое-кому и, кто изволит подписаться, собрать. Я думаю, что будут иные охотники.

Особливо намерение издателей для заведения школ для бедных, кажется, может побудить многих. А для вас уже подписался я за три рубли, и дядюшка подписался. После уж надобно и подписки переслать и деньги. В прочем, желая всякого благополучия и здравия, навсегда остаюсь, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 26 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Чем могу я отплатить тебе за то, что ты мне подарила свою работу? Я тебе сто раз кланяюсь в землю. Столько ж одолжен я тебе за прекрасное письмо, которым провождала свой подарок. Оно так справедливо мышлено, что *cela fait plaisir*.* Ты, право, <прекрасна> как книга ... О твоём физическом вопросе получишь ли ты довольное изъяснение, не знаю. Вам известно, что воздух есть некое вместилище звука, что слух наш ударяется воздухом. Орган уха нашего так сделан, что малейшее сотрясение воздуха приводит молоточек в движение, ибо он должен наперед пройти через витые дороги. Когда вы ладонью заслоните отверстие стакана и ударите рукою по дну, то запертый воздух под стаканом не может иначе сообщить постороннему воздуху свое сотрясение, как через вашу руку. Вот уж и препятствие, чем плотнее оно, тем глуше и не явственнее слух. В другой раз об этом. — Можно ли, что де ла Тур,⁴ эдакий скот, присвоит мои книги. Я не могу вздумать, не осердясь. Я говорил с ним про Буало? Когда это? Так бесстыдно лгать на живых? Так ли мне *indifférent*** Буало, как де ла Тур? Он отнимает порядочно. Нижайше тебя прошу у этого сукина сына как-нибудь достать его. Прости, матушка, что я так рассердился и себя позабыл.

Михайло Федорович Соймонков недели две как приехал.

Перевод:

* доставляет удовольствие.

** безразличен.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Все обстоятельства моей жизни вызывают мне на память благодеяния и любовь нежнейшего родителя. Она есть для меня и училище благодарности. Намнясь заставил меня дядюшка читать письмо ваше к нему, и половину его должен я был краснеться и читать про себя. Милостивые обо мне попечения, достойные ва-

шего сердца, ничем не могут быть заплачены. Я, слава богу, здоров, весел и всем обязан вам. В Тверь готов, когда приказать изволите. Но теперь погода немножко дурная, и, кажется, путь не так скоро станет. На прошедшей почте послал я к вам объявление для подписки на нынешний журнал. Если вам не трудно, нижайше прошу потрудиться разослать между тверских охотников. Это просьба Николая Ивановича, которым я очень доволен. Он еще более честный и постоянный человек, нежели хороший писатель. И вы отдадите ему справедливость, когда изволите разобратить намерение трудов его. Он ко мне ласков и ежели долго не побываю, неотменно пришлет к себе звать. Молодой человек, который сурьезно старается знать самого себя и основанием сего почитает христианство, которого он ревностный защитник... Не могу удержаться, чтоб не сообщить вам стихков, которые вчера считал я Михайле Матвеевичу на смерть Сумарокова.¹ Он было адресовал меня к Николаю Ивановичу, чтоб их напечатать в Кадетском корпусе. Ему Тейльс друг.² Он было и взялся; да читая их, припали нам некоторые рассуждения, которые нас остановили. В самом деле, дано у меня много вольности воображению. Так Новиков хотел, чтоб я ослабил инде выражения свои. Все утро нынче толковали мы: рифмача не скоро приведешь в толк. И я уж их бросил. Причины Новикова приносят честь его образу мыслей. Он друг точности. Но, может быть, ее требовать строго в стихотворстве и невозможно. Например, он не хотел бы сказывать, что Сумароков мудрец, которого мнения были развратны и жизнь полна соблазнов. Мих<айло> Матв<еевич> хотел было, чтоб я приехал к нему с первой корректурой... Дядюшка, у которого я нынче ночевал, хотел было ехать вчера по утру со мной благодарить Сиверса; да как время худо, и он перемены его чувствует, так мы отложили до другого времени. Он очень рад, что наконец мы хоть это получили. Сергей Александрович вам кланяется: он взял у меня сентябрь «Утреннего света» и теперь не очень здоров. Я нынче написал более, нежели думал. Прося усерднейше бога о вашем драгоценном здравии и вас о продолжении родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года окт. 30 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Я тебе на сей бумажке пересылаю поцелуй. Твоя рука, прикоснувшись к ней, верно его получит. Не вздумай, что я с ума сошел: по эдакому воображению не трудно это заключить. Умишко мой здоров: ни град, ни наводнение его не испортили. Кольми паче сердце, за которое я охотно жертвую ум. Оно, сударыня, всегда вас помнит, и как ему не помнить той, которая так меня любит, как вы?

2 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Сие после обеда получил я ваше милостивое письмо, пущенное от 27 прошедшего месяца. Я почитаю себя счастливым, что я оставил в Твери людей, которые удостаивают меня своими воспоминаниями, хотя, настоящим образом, вам я обязан за оное. И чем обязан я не вам? Из сего самого письма вижу я, сколько вы изволите заниматься моим счастьем. Я не осмеливаюсь отметить ваших намерений в рассуждении письма к Зоричу.¹ Но чистосердечно могу вас уверить, что мое спокойствие отнюдь не терпит через то, что я не офицер. Мне бы хотелось самому сколько-нибудь подать причину меня вспомнить. Что будут говорить по городу для того, что письмо сие тайно прибыть не может? Правда, что теперь не спрашивают резонов: я хочу себе счастья, зачем? Ежели я взял, так и прав. По крайней мере, нам ответствовать нечего, когда спросят, что за причина? Теперь у Зорича секретарем Матвей Иванович Афонин, человек вам знакомый и мне и который от этого не отпирается. Зорич ныне президентом в Вольном экономическом обществе, и для того, что это ему ново, всякую среду и субботу собрание, и которые преж сего года три не ездили, теперь не смеют пропустить ни разу и несут чепуху, как говорит Михайло Матвеевич. Нынче был я у Анны Андреевны, которая приносит величайшие благодарения за ваше старание по ее делу и поздравляет с пожалованием в виц-губернаторы. Ей было уж это известно прежде, нежели вышло, затем, что Сиверс сказывал, и жалеет, что как я давно у ней не был, не могла она первая вас уведомить. Дала мне комиссию подписаться под «Утренний свет». Низжайше осмеливаюсь вам припомнить о посланных к вам объявлениях для подписки к сему журналу. Сам Николай Иванович будет вас благодарить о том. Здесь в городе все подписываются, и Тверь, я думаю, захочет подражать Петербургу. Благо что дано средство. Хорошо добро делать из какой бы причины ни было. Хоть и для того, что так водится. Некто неизвестный, думают, что Иван Иванович Шувалов, подписал в октябре за один экземпляр 100 рублей». Многие по 25-ть. Одному вельможе сказали про подписку этого журнала: все подписываются. — «Ну! так и я, да сколько надобно?» — «Цена три рубли, но иные подписали из благотворительности пять и десять». — «Ну! так я двадцать пять». — Это Брюс.² Сентябрь и октябрь перешлю я к вам по ямской в день почты. Вы полюбите намерение и творца его. Вчерась рано ездили мы с меньшим Иваном Матвеевичем к Сиверсу благодарить: да он не сказался, для того, что тот же день ехал в Новгород. В прочем, прося бога о вашем драгоценном

здрави и родительской милости, остаюсь навсегда, милостивый
государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 2 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, голубушка!

Вчерась, то есть прошлого года вчерась, был я нескромнен. Так
теперь поскромничаю. У меня Ханыков нынче обедал и только
теперь от меня. Я купил себе Уца,³ славного лирика немецкого.
Это proros томрус.* Ты меня подарила письмецом, которое я чи-
тал plus d'une fois** и читал Ханыкову. C'est pour faire parade
et...*** Но, je vous épargne. On a de la modestie, si l'on respecte
celle des autres.**** Отпиши, маминька, к своему другу Басти-
донше.⁴ L'autre jour étant avec elle je la regardais, et croyant vous
voir en elle.*****

Перевод:

* бессвязные речи.

** не раз.

*** Это для того, чтобы похвастаться и ...

**** я пощажу вас. Скромный уважает скромность других.

***** На днях, будучи с нею, я смотрел на нее, надеясь увидеть
в ней вас.

34

6 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемопович!

Завтре ожидаю вашего письма, и сам завтре писать к вам буду,
с чем и перешлю месяц октябрь «Утреннего света». Я, слава богу,
здоров и кое-как поживаю; счастлив, ежели вы, милостивый го-
сударь батюшка, и с сестрицею в добром здоровье и веселы.
Я нынче ночевал у дядюшки и уж другую ночь: он без нас, как
без рук, по крайней мере, как он говорит. Иван Матвеевич, мой
товарищ, и теперь у него; а я уж ушел поутру затем, что мне на-
добно было зайти в академическую книжную лавку для подписки
под «Утр^енный свет» для Анны Андреевны. Сегодня был пре-
красный день, и я, идучи тихонько, не один раз останавливался,
особливо по набережной, чтоб насладиться видом Невы и ее ок-
рестностей: это еще первый мороз, но такой, что с жарким сол-
нечным сиянием его почти и не слышно. Вместо того, что нака-
нуне грязь было по колено, нынче не замараешь ног. Тонкий ту-
ман, теряющий почти синеву свою в солнечных лучах, стоял во-
круг берегов. Мне было мило, что я петербургский гражданин:
вить все делает воображение. Чувства наши таковы, что пред-
ставления столько нас прельщают, сколько мы хотим предаться
прельщению и сладостным чувствованиям или и их противным.
Вот для чего стойки, может быть, и не совсем неправы, утверждая,

что истинный мудрец неразличителен к боли и удовольствию. Природа сама собою ненавидит печальных представлений; но мягкость нравов и воспитание придают нам новые чувства, которых владычество наконец становится отяготительно. Сарданапал лучше хотел сжечься, нежели вообразить лишение роскоши... Вот называется умствовать ни к стати, ни к числу. Но я затем и прошу извинения. Мои письма были бы чересчур одинаковы, хотя я и знаю, что они вам не по достоинству какому-нибудь угодны... В извинении имею я еще менее удачи, нежели в умствовании. Так осталось мне прибегнуть к дарованию рассказчика новостей, в котором я до этого довольно успевал. Да полно, что рассказывать? В три дни, которые протекли между прошедшим и нынешним письмом, какие дела я наделал? Да: вчера был я, разумеется, с дядюшкой, у Семена Саввича, там и обедали. И обедали на серебре. Сколько должен еще засвидетельствовать я поклонов от Семена Саввича, Аграфены Петровны,¹ детей и пр.? Они живут у Аничкова. Орлов, играючи на биллиарде, посклизнулся и убил себе бровь, так что вся почернела. Наш Красильников приказал в середине выходить и с векселем на гостиный двор. Сегодня я посылал к нему, и он приходил; да меня еще не было дома. Сегодня получил я письмо от Захара Матвеевича, о переводе которого мы только говорим, а о деле и не думаем. В именины мои хотелось бы мне быть у именинника, которого я особенно почитаю, да не удастся... Когда я воображу нежность милостивейшего родителя, я познаю сердечно мое уничижение и сомневаюсь быть когда-нибудь ее достойным. Всевышний соблаговолит услышать мои молитвы, молитвы от *сокрушенного* сердца о вашем здравии и благополучии. Я униженно прошу родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 6 дня. С. Пет.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Дай бог! чтоб ты, увидевши постиллиона в передней, встала со стула и закричала: — «А! Это братцово письмо». — Дай бог! чтоб ты, прочетши его, была веселее, сколько бы ни была весела прежде. *Io chiedo,** может быть, *non possibile cosa? *** Чему радоваться, получа эдакий *rogaton?**** Я никогда не открываю письма вашего, не поцеловавши его и не подумавши минуты... Я, у дядюшки будучи, читал «Персидские письма» г. Монтескиё. Прекрасные, но философа осьмого на десять века. А то тогда ж читал я дядюшке первый разговор Сократов о бессмертии души, в день его смерти, что в «Утреннем свете». Нет ничего божественнее. Я нынче читаю философов. По двадцать первому году вить... Ну! перестань же возноситься. Мы и в сорок лет дети. Прощай, маминька.

Перевод:

- * Я спрашиваю (*итал.*).
- ** невозможную вещь (*итал.*).
- *** пустяк.

35

7 ноября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемопович!

Сей час только получил я любезнейшее письмо ваше и при нем одно к Сиверсу и одно к Зоричу. Сколько виню я себя, что пропустил почту. Пришел тогда только от дядюшки в ужасную грязь и хотел писать, да темень была такая, что Ванька, вправду сказать, отсоветовал. Я чувствовал и тогда вину свою и никогда ей не позабуду. Я просил еще, отъезжая, и вы обещать изволили не беспокоиться, ежели по случаю раз пропущу. Могу ли я утонуть, ходя через тот твердый и безопасный мост, каков Невский? Да пынче уж и прошло то время, что ходя вскакивал. Никто не размеривает более шагов своих в Питере, как я. Чем могу я довольно заплатить сию родительскую столь нежную и с беспрестанною боязливостью смешанную горячность... К завтраму назвался дядюшка ко мне обедать, так у меня приготавливаются. Я посылаю к вам сентябрь месяц и в скорости за сим октябрь, который теперь читает Хотяинцев. Я прошу нижайше бога, чтобы благоволил он даровать мне удовольствие вас видеть и слышать здоровым; я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын

Михайло Муравьев.

1777 году нояб. 7 д.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Будь ты к радостям моим велика! Весела для себя и для батюшки, и... веселость есть нечто прельщающее, порука чистоты душевной. Облако не дает нам видеть солнечного восхода, туман холодный ложится по земле, и птицы опасаются зачать свое сбгласие. Конечно, за горизонтом далеко хранится грозная буря... Правда, что иногда и до половины дня ясный день, а после погода... Вот вздор после половины дня... Прощай.

Милостивому государю моему Ивану Петровичу нижайшее мое почтение и благодарность.

36

9 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынче поутру, собравшись к дядюшке итти, получил я ваше милостивое письмо от 3 ноября. Мы только что теперь отобедали

у Храповицкого: это один капитан, который дядюшке считается в своих. И они еще теперь остались, а я пришел вам отвечать. Я весьма на себя сержусь, что пропущением почты навел вам столько беспокойства. Я виноват, так как я уже писал о сем и прежде, письма тогда не писал... Письма к Зоричу и времени еще подать не было. Вчерась обедал у меня дядюшка с обеими Иванами Матвеевичами, Ханыков и Довилье, прежний дядюшкин учитель. Играли в виск; я нет, для того что не умею. А нынче также надобно было быть у дядюшки, и все были чужие, так говорить о письме было некогда. Мы с большим Иваном Матвеевичем советовались, и он думает, чтоб наперед попросить Ганибала, которого-де Зорич особливо почитает, чтобы он взялся подать. Как бы то ни было, подать постараюсь. Причины на требование нет никакой, а только хочется... Нижайше прошу обо мне не беспокоиться. Пропущение письма произошло только от того, что поздно пришел от дядюшки в превеличайшую грязь, и темнь была ужасная. Я не могу довольно возблагодарить вас за сию родительскую горячность, которая составляет благополучие моей жизни, и, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь мой батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 9 дня. С. Петербург.

Милостивая государыня матушка сестрица Федосья Ники-тишна! Что ты здорова, что ты весела — спасибо. Поздравления, наприклад, не совсем скучны, mais cela fatigue à la longue, comme les vers tout uniment.* Чистосердечие обитает в добродетельных; а в городе не все смеют быть добродетельными, и иногда очень пристало быть порочну... Ибо как он умеет оборотить в смех самые важные рассуждения, какой его bon ton,** когда он выводит на позорище добродушных мещан. Как он живет со вкусом!.. Не часто ли почти это самое мы слышим. Voilà un échantillon en morale, courage; cela sera bientôt quelque chose.*** Киприану Ивановичу и его сожительнице прошу засвидетельствовать мое почтение; я ему особливо должен и особливо благодарю за то, что познакомил меня с Поповым. А более, ежели он позволит сказать, что он любит батюшку и нас искренне. Новобрачных прошу от меня поздравить, особливо Лукьяна: он достоин всего того, что может быть награждением честного и доброго человека. *Je ne saurais pas dire cette nouvelle à mon pauvre, <нрзб.> cela lui déchirerait le coeur...***** Со мной, сударыня, привыкла ты ездить: вот хорошая фигура, я вас сердечно поздравляю, что вы лишились актера, который немою игрою портил представление. Еще когда Дмитревский с тем униженным актером, от которого получают migraine. Ah! Ah!***** Я вить еще и нынче не перестал действовать. Чем более коверкаешь, тем труднее... Правда, суда-

рыня, что в Петербурге жить можно весело и с людьми, но ежели прежде можешь жить с собою. Человеку, собой недовольному и имеющему к тому причину, не веселы лучшие беседы. Этот вкус жить получается только в обществе разумных и добронравных. Прощай.

Перевод:

* но это утомляет в конце концов, как очень гладкие стихи.

** хороший тон.

*** Вот образчик нравственности, мужества; из этого вскоре что-нибудь получится.

**** Я не осмелился бы сообщить эту новость моему бедняге, *(нрзб)* это растерзало бы ему сердце...

***** мигрень. Ах! Ах!

37

13 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Вчера по утра приехал к нам Захар Матвеевич и привез мне радостное известие, что вы уж вступили в казенную палату, с чем я ныне и имею честь вас, милостивый государь батюшка, поздравить. Мы все трое только теперь от дядюшки: вчера было его рождение. Четвертого дни обедал я у Анны Андреевны, где нас всех с двадцатеро было. Тот вечер в комедии виделся с многими моими приятелями. На другой день обедал у Ханыкова, где также обедали Веревкин и Рубан. От Барсова было ко мне письмо, но Рубан, через кого оно писано, переслал Семену Саввичу, а он — Ознобишину,¹ а между ими бог знает где потерялось, что меня немножко и печалит. Я знаю, что в нем содержалось что-нибудь и от Собрания. А теперь я ничего не знаю. В Собрание наше принят членом Зорич и обещался стараться у государыни. Нынче довольно хороший мороз, и с третьего дни пронесло несколько льду, но теперь его нет. Красильников заплатил по своему векселю, и я его уже выдал. Сиверс еще не уехал, и буду я у него завтра. В прочем, прося усерднейше бога о вашем здравии и вас о родительском благословении, навсегда пребываю, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 13 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Ты желаешь быть в Питере: разве он есть жилище добродетели, одно достойное зависти? Разве забавы в нем утвердили свое убежище? Не натурально ли зачать эдак письмо свое? Прости, сударыня, и только рассмейся, а не бранись. Это делает пасмурная

погода. Моралисты точно тогда родятся, как умирают мухи... В прошедший раз представляли «Le Héros» и «Annette et Lubin».*² В последнюю свечу я все болтал с Хемницером et ne m'en suis trouvé que mieux.** Как скоро в своих архитектурных книгах найду план ниши, так скоро к вам перешлю.

Милостивый государь дядюшка Никита Артемонович!

Я приехал в Петербург и, слава богу, здоров и теперь стараюсь об переводе и просил Ивана Ивановича и Воейкова. Так обещали при перемене, а теперь я буду проситься еще в отпуск, чтоб мне не ехать в Москву. В прочем препоручаю себя в вашу милость и остаюсь навсегда ваш

всепокорнейший слуга и племянник Захар Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна.

Здравствуй, я обещаюсь вам вскоре прислать арию с русскими словами — и увертюры «Oublions jusqu'à la trace...» и «Lison dormait dans un bocage»***

Перевод:

* «Гурона» и «Аннету и Любена».

** и только выиграл от этого.

*** «Забудем и самый след...» и «Лизон спала в роще».

38

16 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

На нынешней неделе получил я от вас два письма, из которых в первом изволили переслать ко мне три объявления и два бланкета для написания писем, а в последнем письмо к Федору Михайловичу и еще бланкет. За все сие приношу мою нижайшую и искреннюю благодарность. Я ее не могу довольно изобразить и довольствуюсь одним ее чувствованием. Во вторник ездил я к Северсу, по несчастю, не дошел для того, что отказали, приводя будто бы он тотчас едет в Новгород. Я уж не смею уверять об его отъезде. С месяц едет он всякий день и никогда не уезжает. Принужден был идти без успеху вон, счастлив, что еще близко было оттуда заехать к Новикову. В тот раз обновил я зиму с моим возницею Гараской, который опять вступил в чин свой. Бедный Рыжак уж чувствует свою старость так, как Фаворитка мой. Кажется, кормят; однако не очень казист, особливо шерсть стоит дыбом. Стоит разъездится, а уж куда ездить, недостатку не будет. Оттуда вздумалось ехать к Рубану, у которого взял читать Пиндара. И тот день обедал у Колокольцева. Был в театре, пред-

ставляли «Федру»; наконец, чтобы сделать день сей совершенно прекрасным, ничего не доставало мне другого, как разделять сии удовольствия с вами. Сколько бы прибавилось к нему, если бы в представлении «Федры» был я с сестрицею. В ложе Анны Андреевны виделся я с Александром Андреевичем Ушаковым,¹ который в пятницу едет в Тверь. Мне быть у него не удалось, хотя бы и хотелось.

Эти дни был хороший мороз, так как и сегодня довольно резкий. Вчерась стала Нева; по Фонтанке уж ездят, по Неве положили доски. Сегодня дядюшка именинник и звал нас. Однако мы не пошли, а обедали с Иваном Матвеевичем у Федора Михайловича, которому и вручил я письмо ваше... К Зоричу письмо стоит мне только переписать. Я с Афониним думаю видеться завтра. Может быть, не имею я довольно дарований и, во-первых, сих самых, чтоб сделать свое счастье. Что касается до жизни моей, она спокойна, тиха, иногда и не без увеселений, которые все протекают из вашей ко мне милости. Если вы здоровы и ко мне будете всегда продолжать сию драгоценную милость, то я счастлив. Я не вспомню никаких здешних новостей и думаю, что вы об них немного имеете попечения. В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 16 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица, голубушка, Федосья Никитишна!

Я не знаю, как вы хотите разбирать мой griffonage. J'encours le blâme justement.* Но я знаю, что вы на меня не прогневитесь... Сколько вы меня обрадовали, когда пишете, что в мои именины у вас кто-нибудь были. Воображая это, покажусь я сам себе велик, велик... и так велик, что наконец становлюсь мал. Нет ничего обыкновеннее человеку, как противоречия... Нынче читал я Пиндара, которого не понимаю, и Уца, немецкого Горация и нашего современника. Вчерась, читаячи его, вially мне намарать сии четыре строки, которые вам сообщаю:

Хоть Темпу вобразл, где неба синий свод
Не знает никогда насилия погод,
Пенеев ясный ток, ключей паденье звучно,
Да глупость тут поставь, и в Темпе будет скучно.

И я сим, милостивый государь дядюшка, приношу мое всенжайшее почтение, с которым пребуду навсегда ваш покорнейший слуга и племянник

З. Муравьев.

Перевод:

* каракули. Я подвергаю себя порицаниям по справедливости.

21 ноября 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешний день тот, в который я получаю обыкновенно ваши милостивые письма; нынче я еще не получил. Ни на прошедшей неделе другого: дай боже! чтобы все то произошло от одного недосугу вашего, ибо я знаю, что теперь вам трудов прибыло. Если вы и сестрица здоровы и вы мне всегда той же милости исполненный родитель, в чем сомневаться не осмелюсь, так я спокоен. Теперь, к несчастью, нет мне времени писать, и это пишу украдкой, затем что гости. Завтре буду писать по ямской. Мы все трое только теперь от Семена Саввича. Вчерась обедал я у Ададурова, в пятницу — у Анны Андреевны, которая ко мне очень ласкова. Красильников считает какие-то четыре рубли на нас, данные Лукьяну. Сказывает также, что Буренина денег собрано тысяч сорок, да за запрещением коммерц-коллегии не приступают к расплате. Государыня изволит ехать скоро в Сарское село. Я желаю и ревностно прошу бога о вашем драгоценном здравии и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 21 дня. С. Пет.

Магушка сестрица Федосья Никитишна, я тебе желаю тысячи благополучий и себе твоей любви. <В рождественский> пост в отпуск.

23 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

После прошедшего письма моего, которое, потому что у нас были гости, кое-как успел написать, получил я ваши два милостивые письма. В первом вложены были два объявления, за присылку которых приношу нижайшую благодарность. На вторник ночевал у нас Николай Федорович, а нынче обедал Ипполит Тимофеевич Пучков...¹ Здесь рассказывают происшедшую между наших гусарских некоторых полков и татар несчастную с нашей стороны сшибку. Полковники Любимов и Дунин убиты.² Государыня в понедельник изволила кушать у нашего подполковника. Погода здесь стоит гнилая; через реку хотя инде где и ездят, но если не подспеют морозы, так чуть ли ей не разойтись. Вот сколько ничего не значащих новостей. Что касается до моего отпуску, мне его не желать невозможно, когда вы меня видеть желаете. Но мне стыдно явиться, ничего не сделавши. Сочинение, о котором упоминать изволите, к смущению моему не сделано; однако ж не так, чтоб я от него отрекся. Целую «Механику» вы-

давать показалось мне с моими знаниями чуть ли не бесполезно. Я не говорю о трудности, без ней нет никакого дела на свете. Но чтоб на нее отважиться, надобно ее измерить. Так я было начал маленькое слово о движении вообще, в виде письма к одному адъютанту Академии, я разумею Головина, которого бы мог назвать и пет. Также хочется окончить первую книгу «Тускуланских вопросов».³ На сие беру я себе времени четыре недели. В прочем, низайше прошу вас подвергнуть все сие собственной воле вашей, которой повиноваться мне столь приятно, сколь и должно. Я пишу также для московского Собрания слово о происхождении и свойствах оды, чем я и удовольствую на нынешний год мое звание члена. Захар Матвеевич переведен в здешний Канонерский полк. Я препоручаю себя с низайшей преданностью родительской милости и по гроб мой буду, милостивый государь мой батюшка, ваш низайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 23 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Твое нынешнее письмо не требует надписи, чтоб быть верно адресовано. Посудим вместе: ах! зачем могу я только судить в трагедии, а не быть сужден. Хемницер мне это упрекает. А ты еще упоминаешь «Болеслава»! Это значит раздирать *mes entrailles paternelles*;* это значит попрекать невоспитанного сына, — *que dis-je, un fils étouffé dans sa naissance... Je donne dans le Phébus*** Прочти-ка, сударыня, «Семиру». «Синав», я не знаю для чего, мне еще не столько нравится, как «Хорев». Сии три трагедии суть его *chefs-d'oeuvre**** По-моему, Захар Матвеевич вчера подцепил себе дуэты и их разыгрывает; Иван Матвеевич в военном восторге читает в другой раз Фоларда⁴ и чертит атаки, переправы, броды... Я читаю Пиндара, Уца, Рамллера⁵ для моего слова об оде. Завтре все рассеемся, и я буду в мундире. Поверь, матушка, что я нередко тебя вспоминаю и виню себя, что так давно хочу покупать струны и пересылать к вам и все медлю.

Перевод:

* мою родительскую утробу.

** что я говорю, — удавленного при рождении... Я впадаю в превеличение.

*** шедевры.

41

27 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

В сердце моем содержу я сии меня опечаливающие строки, в которых нежнейший родитель дает мне знать небрежение моей должности. Я прошу низайше прощения.

Петр Андреевич¹ был у меня вчера, а я третьего дня, хотя и ходил, но не застал. В Преображенском полку, рассказывают, мал будет доклад, так что и Демидовым,² которые были прежде в нашем полку и старше меня ровно двумя годами в сержантах, едва ли достанется. Нынешнюю неделю я наряжен на дежурство в школу и спешу туда теперь в два часа пополудни.

Я не прежде получу маленькое успокоение, как когда удостоюсь быть разрешену в гнев милости преисполненного родителя, и которого благодеяния тем больше чувствую, чем более уверяюсь, что я их не заслуживаю. Нет ни одной моей молитвы к богу, разлученной с желанием вашего драгоценного здравия.

Нетерпеливо жду завтешнего письма, ежели оно есть. Наполнен почтительнейшей преданности, препоручаю себя в вашу родительскую волю, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года ноября 27 дня. С. Петерб.

Магушка сестрица Федосья Никитична, я не могу оставить без изъявления благодарности за ваши, помнится, два последние письма. Желание мне подать удовольствие уж одно достойно тысячи благодарностей. Я не заслуживаю той горячности, которую вы мне оказываете, но которая приносит честь душе, ее чувствующей. . .

Не очень давно был я у Соимонова³ с письмом от батюшки. Какой это добрый человек! Я не хочу вам более описывать. . . Я, сударыня, нынче на дежурстве с прапорщиком Кошелевым. Нынче, или, лучше, теперь был у меня племянник Тимофея Ивановича.

42

30 ноября 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Сколько обрадован я, получив ваше драгоценное письмо! Я смущен, что мое нетерпение вырвало у меня признание моей печали. Но сколь трудно чувствовать свою виновность и быть в одной доказану особой, от коей привык получать одни только милости. Кажется, что уже тогда все тебя оставляет и нет извинения. Мало я знал сердце ваше, которое всегда выше слабостей других. Чувствие вины моей было весьма искренно, чтобы отвергнуть справедливое обвинение.

. . . Но неприметно говорю я более, нежели намерился. Итак, чтоб обратиться к делу: из прежнего письма вам уже известно, что нынешнюю неделю я в школе на дежурстве с офицером Кошелевым, препятствие неожиданное, но которое с одной стороны,

тем мне приятно, что это будет хоть вид службы. Скучно чувствовать себя бесполезным. Вчерась, пришед из школы в полдень, нашел я у себя дядюшку Льва Андреевича,¹ который приехал по делам своим в банке на несколько дней. У нас слышно, что доклад будет велик и выдет около сорока человек сержантов. Капитаны-поручики все, кроме входящих в капитаны, идут вон. Так что Ник^олаю Александр^овичу Соймонову из поручиков достается в капитаны. Напротив того, в Преображенском две или три вакансии... Новиков дожидается выходу третьего месяца ноября, который конче на сих днях чтоб послать по подпискам в Тверь; для того-де, что если бы посылать по месяцу, так бы не стоили книги пересылки. Дядюшка Матвей Артемон^ович выдает Марью² за гарнизонного майора Рябова. Завтре маскарад, где разве по распущении школы я буду ли иль нет. Захар Матв^е-евич наряжен на завтре в трехсутошный караул. В прочем, прося вашей родительской к себе милости, остаюсь по жизнь мою ваш

нижайший сын и слуга Михайло Муравьев.

1777 года нояб. 30 дня. С. Петерб.

Милостивая государыня моя сестрица Федосья Никитишна! Может быть, недолго продолжится наша переписка, и роман окончится приездом героя в Тверь затем, что описания станций, ямов и ямщиков не столь блистаючи, как переезд из Карфагена в Сицилию, и что промеж Тверью и Новгорода не разъезжают корсары, чтоб утащить в Алжир, для наполнения повестию второго на десять тома.

При сем и я вам, милостивый государь мой Никита Артамонович, свидетельствую мое низжайшее почтение и при том за дозволение любезного вашего сына Михаила Никитича покорно благодарствую, что пустить пожаловал меня пристать несколько время в дом ваш, а более видя его к себе приятельство и ласковость, и за то повторяю мою благодарностию и остаюсь вам, милостивый государь мой, покорным слугою

Л. Б.

Голубушке моей любезной — Федосье Никитишне поклоны ее дяди.

43

4 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Наконец, сменился я с своего дежурства. Должность нетрудная, но прескучная, если хотеть сколько-нибудь ее исполнять. Теперь с тем большим рачением обрацусь к небольшим трудам своим, что целую неделю от них почти вовсе отвращен был. Дя-

дядюшка Лев Андреевич завтра ехать намерен в Новгород, хотя, как жется, смотря на погоду и не вероятно. В прошедшую пятницу был при дворе маскарад, в котором и я был. Дядюшка Матвей Артемонович кланяется; у него почти всякий день люди по причине свадьбы Марьи, которую он выдает за майора Рябова. Я нижайше прошу потерпеть еще на мне медление в рассуждении исполнения вашего приказания, которое без сомнения исполню. К рождению, если приказать изволите, в Тверь стараться буду приехать. Разрешение великой княгини от бремени назначают на 10 или 11 число. Мих<айло> Матв<еевич> Херасков только ожидает дороги, чтоб отправиться в Москву. Я желаю от всего сердца моего, чтоб он и сестрица были всегда здоровы и веселы и, препоручая себя в вашу родительскую милость, остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 4 дня. С. Пет.

Милостивая государыня матушка сестрица! я пишу к вам с условием, чтоб прочесть Захару Матвеевичу, который этого хочет неотменно. Он только теперь отчеркал свою грамоту и раза четыре невступно ее мне прочитал. Мы сидим в кабинете, а за стеной nous entendons les discours de quelques gentilshommes campagnards qui sont venus voir mon oncle.* Я, сударыня, был в маскараде и застал несколько оперы: играли «Лучинду», последнюю пьесу нашего Колтелини.¹ Он уж покойник. Там виделся с некоторыми из моих знакомых, особливо с Хемницером, которого принужден был отгадать. Пробыл до второго и не дождался той чести, которой дождались многие. Гофмаршал, которому должно дожждаться конца, приказал сперва перестать музыке: этого недовольно, стали гасить свечи. Наконец, двинулись вон. Я танцевал — и что? один только польск... Вчерась для меня был день очень веселый. Это было год, как я принят в Собрание. Я бесился по наряду. Был у Хераскова, но только что посидел, затем что он не обедал дома. Оттуда заезжал в караульную к Захару Матвеевичу, который только ныне с караулу. Ив<ан> Матвеевич за рекой.

Милостивый государь батюшка Никита Артемонович!

И я вам свидетельствую мое почтение; а Ивана Матвеича дома нет. Он все у дядюшки Матвея Артемоновича в сговорах Марьи Гавриловны. А я с моим достодолжным почитанием пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорнейший слуга

Захар Муравьев.

Перевод:

* слышим речи нескольких дворян, которые приехали из деревень своих, чтобы повидать дядюшку.

7 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Нынешнее после обеда получил ваше, милостивый государь батюшка, любезнейшее писание, за кое не могу довольно возблагодарить. Признаюсь, что я долго не смел его распечатывать, приготавливаясь ко справедливым обвинениям, которые все я очень заслуживаю. Но снисхождение, с которым вы изволите пред глазами предлагать мою пользу, мою должность или, справедливее сказать, дух кротости, дышащий во всякой строке письма сего, наполнил меня утешающею радостью. Чувствие, которое водило пером вашим, преселяется в душу читающего. Я ласкаю себя, что моя, может быть, чувствует его еще живее, будучи с вашею сродна. Что ваше это удовольствие, чтоб знать, что я вас люблю; на сие не могу я ответствовать так и столько, как хотел бы. Сочинение, которого вы от меня требовать изволите, будет под главным: «Письмо о теории движения, одного члена Вольного российского собрания, к Г... адъютанту Санктп. Академии наук». Вступление в оное давно уже написано, и я им доволен. Продолжается мною ныне действительно. Я не предложил себе из оного сделать сочинение основательное, затем что сие не моих сил требует. Не такое, чтоб математик читал с пользою, но человек, имеющий просвещения, чтоб жить в свете, просмотрел бы с удовольствием. Я не имею еще установившегося слога в языке, но который имею не довольно сообразен с важностью философа. И это будет приметно; но с моей стороны тем выгодно, что наполнит то, чего не будет доставать в глубокости дела. Зачинается выпискою понятий, которые имели о движении Аристотель, Картезий и Вольф, затем что оно было понятие метафизическое. Таким образом, буду я иметь случай почерпать и в метафизике и в математике, и округ материи расширится... Что губернатор получил приглашение в Экономическое общество, сие сделано в исполнение их устава, где предписывается всех членов выбирать баллотированием, а губернаторов, пожелавших быть в оном, без баллотировки. Дядюшка Лев Андреевич был остановлен здесь погодою, затем что зиму было совсем согнало. Но, несмотря на все, намерен он завтра выехать. В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навеки, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 7 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Твои любезные письма суть свидетельства твоей ко мне любви, ежели б я их требовал. Сколько я тебя люблю, матушка, и это стараться буду доказать, трудясь над тем, чего от меня батюшка желает и что вы

мне советуєте. Татьяна Петровна прислала письмо с Исаком и просит переслать. Она живет у дядюшки Матвея Артемоновича.

Милостивый государь дядюшка Никита Артемонович!

Что вы изволите писать об моем долге, то это правда, что я должен Воронову 48 р., но мои вещи не в закладе, но оставлены по нужде, что <с> собой не мог взять, а Воронов писал ко мне, чтоб я скорее взял лошадь, потому что она содержанием своим дорого стоит, в рассуждении чего я и послал Матиса в Москву, а чтоб вещи мои не стоили этих денег, то одна лошадь стоит оных; но там еще моя плисова шуба, инструмент, шарф и еще много вещей, а я в генваре, взяв жалования, пошло 25 рублей. В прочем препоручаю себя в вашу милость и пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорнейший слуга

Захар Муравьев.

45

11 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Продолжающиеся сряду дни четыре особливо для меня прекрасны и могут быть превзойдены только нынешним утром, в которое я был столько счастлив, чтоб получить вдруг два письма от родителя, который умеет любить меня более, нежели я, и от сестры, которая хочет меня видеть столь усердно; но лучше хочет видеть позже и дать мне время сделать что-нибудь к моему счастью. Если чувствования сердца дают нам лучшим образом вкушать бытие наше, ничего не может сравниться с удовольствием, которое всего меня наполнило при чтении ваших писем. Чем могу я возблагодарить, не за пересылку денег, ибо не деньги мне дороги, в которых я не имею нужды, но за нежное попечение, управлявшее сим намерением. Мне только оскорбителен поворот на себя: я уж столько стою, а еще не заработал ни единого мгновения моей жизни. В прошедший четверг, когда я к вам писал, на вечер прискакал к нам Николай Федорович с колокольчиком. Он поехал в отпуск, и первый ночлег его был у нас. Вообразите, сколько нас тогда было. Лев Андреевич, который к нам так добр был и с нами играл в шашки, к нему же пришедшие его родственники и один из них ландмилицких служеб. Это обстоятельство важно. Нас четыре брата. Сколько разных нравов. В пятницу, по совету дядюшки, пошел я с Захаром Матвеевичем. Он в театр, я к Афонину. Нашел его в зале у Зорича; открыл ему свою нужду и получил совет его: ежели подавать, лучше подать ввечеру. Итак, я оттуда опретью домой. Не нашедши

довольно по вкусу моему, что я прежде было начеркал, сочинил я опять снова письмо, прибежал, перерядившись в мундир, ждал, ждал со всеми до второго часу, и как Зорич не выходил, так мы, у него поужинав, и разъехались. На другой день по утру дядюшка поехал затем, что стала наконец зима. После обеда к Зоричу, он вышел, и я письмо ему подал, спросил от кого, распечатал и, обратившись к свечам, посмотрел. Сказал, что ответить будет. Потом, ко всякому подходя, обошел кружок наш и откланялся. Надобно знать, что с ним говорить улучают вечер. Вчера был у него по утру, но видел только со всеми. Афонин рассказывает, что он прежде чтения просил его обо мне. Другой секретарь, который читал, говорит, что Зорич не сказал, как обыкновенно-де, ничего. Однако дело это не так великое. Надобно будет напомнить. Третьегодни обедал я с Анной Андреевной в аглинском трактире. Вчерась у ней обедал, целый день сидел, читал, говорил. День этот был для меня столько весел, столько приятен, что я не много их знаю в моей жизни. Простите меня, батюшка, что я не пишу более, у меня гости, и боюсь опоздать. Прощедшую почту разбили. Генерал-полицмейстер сменен, и Дм<итрий> Васильевич Волков на его место. Мое механическое сочинение делается действительно. Стоит только зачать, так и поневоле будешь привязан. Я полн моим благополучием и об одном прошу бога, чтоб вы были здоровы, веселы. Я остаюсь навсегда с низжайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш низжайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года декаб. 11 дня.

Матушка сестрица, прости, что я писать к тебе ничего не успею. Анна Андреевна мне попрекает, что я так мало попечения имею переслать тебе, матушка, что-нибудь чтения достойное.

46

14 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое письмо от 8 числа нынешнего месяца получил исправно, за что и приношу чувствительнейшую благодарность. Вы изволите упоминать о посылке одеяла и маскерадного платья через приказчика Твердышева. Давно уже дошла она до рук моих, первым одеваюсь, а во втором был уже в маскераде первое декабря. Имею честь поздравить с общею радостью нашего отечества, с рождением сына Александра великому князю. Разрешилась от бремени великая княгиня 12 число в три четверти одиннадцатого по утру. В четыре часа был я у Зорича.

Видна была радость на лице его; к чести его должно признаться, что он не позабывает бедных и говорит, чтоб народ чувствовал эту радость, должно ему напомнить милостями. И как толпа бесперестанно с ним и вокруг его движется, дошел он и до меня, и как я ему поклонился, то он, также мне поклонясь, сказал мне: — «Вашему батюшке буду я отвечать». — Тут сказал мне Петр Андреевич Мантуров, что он уже послал к вам новый календарь. Я прежде уже писал к вам, батюшка, что Новиков поджидал третьего месяца, чтоб переслать в Тверь к подписавшимся «Утренний свет». Печати я еще не заказывал, а перед Алексеем Миничем¹ виноват, что не отвечивал; дело же все исполнил, которое на меня он наложил. Дядюшка приказывает кланяться: он занят свадьбою Марьи Гавриловны. Захар Матвеевич к вам отвечивал; да я думаю, что на той почте, которая разграблена. В Москве он должен сорок восемь рублей, что далеко вещи его превосходят. Да я ж сам видел письмо от того, у кого они теперь, в коем он просит их взять. Я прошу бога, ежели достоин я быть услышан, чтоб он мне подал средства исполнить ваши намерения и приказания и, препоручая себя в родительскую милость, остаюсь навсегда с сыновним почитанием, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 14 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Голубушка, твои любезные, твои трогоающие письма наполнены de je ne sais quelle teinte de mélancolie. Serait-il possible que dans un âge, tel que le vôtre, où le coeur ne s'ouvre qu'aux plaisirs de la vie, vous ne vous arrêtiez qu'à ses chagrins? Ma chère amie, ma chère soeur! Ce sentiment de vous voir seule pèserait-il si fort à votre âme? Ce sentiment qui nous fait goûter le bonheur, l'amitié, ne fait-elle que vous affliger? Vous aviez ce sérieux doux, imposant, vous l'avez conservé; mais plus de cette tranquillité... Le 7 de ce mois Nicolas, votre Colas, est parti pour Bernov, il passera à Twer. Vous auriez la bonté de lui faire agréer mes compliments. Au nom de Dieu! soyez un peu plus éveillée, ma chère amie! Vous ne croiriez pas à élanement qui m'emporte dans ce moment jusqu'à des pleurs... doux, parce que c'est vous, qui en êtes l'objet.

O toi, qui m'est si chère,
 Soupçonnes-tu mon coeur?
 Voudrais-tu de ton père
 Détruire le bonheur?
 Le plus simple mystère
 Peut rompre de beaux noeuds
 Et quand on craint un père
 Est-on bien vertueux.

Rozoy. «Henri IV».
 Drame lyrique.^{2*}

Перевод:

* каким-то меланхолическим оттенком. Возможно ли, чтобы в вашем возрасте, когда сердце открыто лишь радостям жизни, вы не остановились бы ни на чем, кроме печали. Любезный друг мой, любезная сестрица! Должно ли столь сильно тяготить вашу душу это чувство одиночества? Это чувство, которое побуждает нас наслаждаться счастьем, дружбой, вас только печалит? Вам была свойственна эта милая внушающая почтение серьезность, вы ее сохранили, но нет у вас более спокойствия. 7-го этого месяца Николай, ваш Кола, уехал в Берново, он проедет через Тверь. Сделайте милость, передайте ему мой поклон. Ради бога, будьте немного повеселее, любезный друг! Вы не поверили бы, что в эту минуту глаза мои наполнены слезами сладостными, ибо предмет их — вы.

О ты, что столь любезна мне, сомневаешься ли ты в моем сердце? Хочешь ли ты разрушить счастье твоего отца? Самая простая тайна может разорвать нежные узы, и разве остаешься добродетельным, когда страшишься отца.

Роза. «Генрих IV». Лирическая драма?

47

18 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

С сердечным прискорбием вижу я приближение праздников, затем, что я не могу их разделить с вами. Всякое утро, что пробужусь, представится мне множество дел, которые ожидают меня, и малое тех число, которые исполнил. Вчерась был, например, для меня день весьма приятный, затем, что я был весь дома и одинок. И делал кое-что, и это услаждает, когда чувствуешь свое уединение не бесполезным. Третьего дня, напротив того, просидел до поздних у Анны Андреевны. Нет ничего любезнее ее обхождения, и молодой человек не одно только удовольствие почерпнуть в нем может, но и прелезнейшее наставление, тем более, что не приметно. Но для меня, которому должно время быть так дорого, терять целые дни неизвинительно. У Зорича в сии четыре дни хотя и был, но его не видал. Афонин зашиб ногу и болен. Вчерась было назначили быть крещенью новорожденного князя, но отсрочено. Крестить будут сама государыня, императрица-королева, император, короли прусский и шведский. Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник^солая Александровича Львова, в дом Бакунина, где собраншееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет «Игрок» г. Реньяра, в которой Николай Александрович будет играть отца, а опера-комик называется «Колония», содержанием своим хотя и не много значащая, но превосходной музыки. Петь будут Марья Алекс^сеевна и Катерина Алексеевна Дьяковы, большой их брат и еще... не знаю. Давно уж из Устрехи прислана ко мне копия с крепостей, немного позавалывшаяся, с тем, чтоб ее здесь из книг выписать. Для сего надобно бы, чтобы вы изволили ко мне прислать верю-

щее письмо, так как и другое, для прошения об отказе. Анна Андреевна давно просит меня отписать к вам, милостивый государь батюшка, свое чувствительнейшее благодарение. Она себя клеветлет лению и просит извинения. Татьяну Петровну дядя Матвей Артемонович что-то не полюбил и чуть не выгнал. Я не знаю ей советовать; однако ж она почти живет у нас. Хочет идти к Анне Андреевне. Я не нахожу для ней и в том ничего лучшего. Простите мне, милостивый государь батюшка, сии маленькие подробности, которые только вашею родительскою милостью извинены быть могут. Если бог услышит мои ревностные обеты, то я буду еще долго счастлива вашей милостию, чувствами родительского сердца. Я остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 18 дня. С. Петер.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Завтре ожидаю я увидеть черты твоей милой руки, полн неизвестности, увижу ль в них светлое спокойство души твоей, или всегда нечто скучное будет примешиваться к их прелестям. Ежели б знал я способы, я бы спешил захватить сколько я могу веселий, чтоб ими тебя окружить. Доброделательность, дружество, чувствования природы и родства, чувствования не менее драгоценныя дружбы, чтение, приближающее души, благоразумное упражнение, — вот спутники спокойства. Я ж знаю твою душу: ее имея, можно быть счастливой. Ты трогаешься чувствованием, ты любишь человечество, ты знаешь цену долга, добродетели. Тиха, нежна, чистосердечна; чего тебе недостает? Одна глупость не терпит себя.

48

21 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Сделайте милость и поверьте моему слову, что леность моя не имеет боле власти надо мной. Но еще большую мне притом окажите милость и не исключите меня из отеческого сердца. Ныне обедал я у Хераскова; затем, что сам он мне приказал: он едет 7 января. Завтра отправляются в деревню Иван Матвеевич и Захар Матвеевич. Вчера было крещение великого князя; Зорича я дожидаюсь, дожидаюсь и дожждаться не могу. Петр Андреевич Мантуров скоро возвратится в Тверь с письмом к губернатору и наместнику. Я сам слышал, что подполковник мой наместником и тому не рад.¹ Все мое желание только в том, чтобы бог сохранил ваше здравие невредимо. Я прошу униженнейше родительского благо-

словения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 21 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Прошедшее письмо твое, как и все другие, мне мило; но вместе дает мне знать упражнение твоих мыслей, что их занимает. Всегда упражняться им достойно человека, похвально и отрадно. Но для чего не позволить себе и невинных увеселений, позволяемых возрастом? Воспаление воображения может быть мукою душ чувствительных. Бог требует от слабого человека человеческого и поклонения. Любить ближнего есть наилучшим образом любить бога. Ты всегда не здорова, это меня оскорбляет... Пожалуйста, у де ла Тура возьми Буало, сделай милость. Я еду к Бакуниным: у них представляют нынче «Игрока». Будь здорова, счастлива. Прощай.

49

22 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я не могу изобразить чувствий, объемлющих меня вместе и попеременно меня поражающих: знание моего недостойства, ваши драгоценные мне попечения, желание исполнить их хоть несколько, испытания самого себя, всегда почти оскорбляющие, составляют состояние души моей. Зорич хотел ответствовать: я не знаю, как ему это с успехом напомнить. Я намереваюсь издать свои «Новые лирические опыты»,¹ которые я читал вчера Хераскову, и испрашиваю на то вашего позволения. Простите, милостивый государь батюшка! я боюсь справедливо навлечь на себя гнев ваш моим угрюмым письмом; но скорость времени и собственное мое состояние вырвали его у меня. Одного только прошу, и прошу сердца моего устами, чтоб вы сохранили к сыну своему милости, составляющие его спокойствие и счастье. Я пребываю навек с униженнейшим почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 22 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Я посылаю к вам les poésies past(орales) de mr Léonard.*² Ты не можешь читать Геснера на его языке, а это его лучший подражатель. Я прошу тебя, матушка, ради меня, ради твоей, если я еще имею право, любезной мне дружбы, прочти его, прочти, матушка. Сама разрежь его по листам и прочитай. Я не имею удовольствия знать, читала ли ты

оперы комические Мармонтелеры и что ты по чтении всякой из них чувствовала, нравились ли они тебе и которая как показалась. «Инки» его же получила ли ты от Николая Федоровича, который, я думаю, в Бернове, и прочла ли? Не отдавай в переплет, матушка, а прочти наперед, а то без того позабудется читать, а это право достойно. Не откажи мне чувствований сестры, не пренебреги моих стараний, так и для того, что я в них интересуюсь. Голубушка! Я тебя поручаю богу, который людей любит более, нежели они самих себя, то есть просвещеннее. Я вчерась был у Анны Андреевны, у Хераскова, вечер у Бакуниных, где представляли «Игрока». День был для меня счастливый, но об котором может быть буду рассказывать, что чересчур был весел.

Перевод:

* пастушеские стихотворения г. Леонара.

50

25 декабря 1777

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Имею честь всеусерднейше вас с сегодняшним праздником поздравить. Я нынче разговляюсь у дядюшки, который завтра поедет в Новгород и пробудет, я думаю, до крещенья. Нижайшее приношу благодарение за письмо, мною вчера полученное от 18 декабря. Зоричев секретарь, г. Гизелевский,¹ уверяет меня, что он ему еще доложит и избирает время. У князя Козловского буду я конечно. . . Я не могу себя приневолить умолчать, что я нынешнюю неделю был на трех спектаклях у Бакунина, которые заслуживали быть видимы. Я не знаю, буду ли я иметь столько истинных удовольствий на святках. По крайней мере, уж я лишен того, чтоб видеть вас и сестрицу. Я нынче часто бываю у Анны Андреевны и думаю это сказать в свой авантаж. Все мне предсказывает, что я скоро поеду в Тверь: внутреннее мое удовольствие опять возвращается, как с начала моего здесь пребывания. Ничто не может сравниться с горячностью моих желаний вас увидеть здоровых и благополучных. Я пребываю навсегда, целую ваши родительские руки, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 г. дек. 25 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Ты много потеряла, что не получишь письма от меня в то время, как я выпел из представления «Колонии», прекрасной «Колонии». Я мало скажу, что был обволхвован, j'étais divinisé. Que la vertu a reçu d'attraits

pour moi! Qu'elle est belle...* Это все вздор, что я тебе напишу. Je réserve les détails pour le tête-à-tête. Maman! Je t'aime de tout mon coeur, je baise tes petites pattes. Adieu.**

Государю моему и любезному другу Николаю Федоровичу посылаю я поклон из самых выразительных. О, как я жалею, что он существа своего только половину чувствует: он не видал «Колонии». Он не слышал Марии Алексеевны поющей: «je pars au désespoir, pour ne te plus voir»*** Однако он обещал ко мне писать.

Перевод:

* я был на небесах. Сколь прелестна добродетель для меня! Как прекрасна!..

** Я сохраню подробности до встречи. Маминька! Я тебя люблю от всего сердца. Я целую твои ручки. Прощай.

*** «я удаляюсь в отчаянии, чтобы больше никогда тебя не увидеть».

51

28 декабря 1777

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Какою радостью наполнило меня и теперь еще наполняет милостивое письмо ваше, которое держу в руках моих и перечитываю с восхищением? Соблюдайте сии для меня милые чувства. Что я говорю? Вы их всегда соблюдали. Но прошу вас для ради общих сих удовольствий, внушаемых природою и которых вы для меня священный источник, не беспокойтесь только для того, что я позже или ранее буду офицером. Сохрани меня господи, чтоб я хотя тайно и сам подумал возложить вину на вас: сколько утешений имел я вместо того, которые мне с излишеством платят сию потерю, ежели она есть. Вы простите здесь мне мои забавы, я довольно весел. Между прочим, часто бываю у Анны Андреевны. Нынче я опоздал писать письмо и спешу застать почту. Зорич нельзя сказать, чтоб не был приятен: а и то правда, что не обо всем пойдет к государыне, а также час выбирает. Сей вечер употреблю я над своим сочинением. Дядюшка во вторник поехал в Новгород и к вам писал.

Я полн чувствием моего удовольствия и собираю себе несколько мгновений над ним душе моей успокоиться. Приказания ваши исполнены будут. Дай боже, чтобы вы были здоровы, чтоб всегда я удостоился получать столь милостивые родителя моего писания. По гроб мой пребуду я с сим ревностным и глубоким почтением, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1777 года дек. 28 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! Всею душой моею принимаю твои милые строки, целую их, je les savoure.* Принимаю твои ласки: они мне дороги. Давай себе увеселения, невинные игры и вспомни, что позволяешь их себе для меня. В твои прекрасные дни не должен заслонять облак, хотя тончайший. Сколько я радуюсь, что Авдотья Александровна¹ теперь в Твери. Из ее обхождения почерпнешь ты ясность и спокойствие... Сколь сладко проникается благовоние розы дыханием близкой фиалки! Прочти, матушка, «Ипки» Мармонталя, его опсеры-комкпк и Леонара. Сделай милость. Николаю Федоровичу, Анне Федоровне, Ивану Петровичу усерднейшее почтение. Сколько я виноват перед матушкой Любовью Федоровной!

Перевод:

* наслаждаюсь ими.

52

1 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешний день — новый год и день желаний. Почта делает мне сегодня услугу, что я мои переслать могу в Тверь. Имею честь усерднейше вас, милостивый государь батюшка, поздравить. Исполнение желаний не есть еще совершенное счастье; дай бог, чтоб они не истощились, и всегда бы чего-нибудь желать оставалось.

При дворе сегодня не было ничего объявлено, следовательно, и гвардейские доклады не вышли. А полагают днем всех сих веселостей 23 число сего месяца, так как выздоровление великой княгини. Федор Яковлевич, наш майор, у которого я был нынче по утру, приказал вам засвидетельствовать свое почтение. Я с ним вчерась вместе был у Бакунина на представлении оперы. Не можно быть более довольным, как я им. Он столько говорил со мной ласкового и собственно меня обязывающего, что заставляет себя любить. Сколько я нынче обходил, это не можно вдруг рассказать. Марка Федорович уж тому неделю, как сюда приехал. Татьяна Петровна живет у Анны Андреевны. Ее Гурьев здесь. Анна Андреевна в ее сторону ввела Михайла Ивановича Мордвинова, который ему приятель. Он отвечает, что отдать он хочет, но не ей одной, а разделя с сестрою.

Николай Иванович Новиков просил у меня сего письма, чтоб вместе переслать с журналом нынешнего месяца. Он не знает, получены ли в Твери прежние месяцы, им посланные. Обстоятельства сего приключения наводят ему сие сомнение. Вот как оно происходило. Ошибкою почтамта, вместо того, чтоб послать в Тверь, послали они в Москву. Оттуда, увидевши, что посылка

надписана в Тверь, назад переслали сюда. Ник^олай Ив^анович пакет сей снова перепечатал и приложил письмо к вам от издателя журнала, в котором он благодарит вас за принятие на себя сей комиссии. Ему очень хочется знать, дошел ли сей пакет в Тверь, и ежели не дошел, так убыток их принимает он на себя и пошлет другие экземпляры вновь. Нижайше прошу, милостивый государь батюшка, о сем меня уведомить. В прочем, препоручая себя особливо в сей день в вашу родительскую милость, с глубочайшим почтением пребываю, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года генв. 1 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитична! Новый год... et vous m'entendez...* Все, все, что называется счастьем, что человеку любезно, я желаю вам. Не диво! Затем, что все то же желаете и вы мне. Grand merci! ** Государыне нашей по всей земле слава! Нынче васильев вечер, и у меня есть один impertinent и cher ami,*** который именинник и к которому я противу совести не еду... От детей Марка Федоровича в первый раз слышу, что я дела Туру друг. Я очень сожалею, что не могу его désabuser.**** Сделай милость и возьми, матушка, у этого нахала (je me fais violence en le nommant si doucement) ***** мои книги Буало и Сумароковы оды. Я был вчерась на представлении «Колонии», и еще лучше представляли, нежели в первый раз. Всем этим одолжен я Николаю Александровичу... Ну, я скажу тебе. Прощай.

Николаю Федоровичу, Алексею Миничу, Ивану Петровичу, моим милостивым государям, приношу покорнейшие почтения и желаю всякого благополучия.

Перевод:

- * и вы меня понимаете...
- ** Большое спасибо.
- *** дерзкий «я» дорогой друг.
- **** разубедить.
- ***** я делаю насилие над собой, называя его так мягко.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я не знаю, получили ли вы от меня письмо на прошедшей почте: Николай Иванович Новиков просил меня, чтоб я, написав его, к нему прислал, а он бы приложил его к своей посылке в Тверь, адресованную к вам. Я еще не имел времени справиться, послал ли он его точно в понедельник. В противном случае сер-

дечно беспокоюсь, что, может быть, нанес через то вам какое-нибудь сомнение. Зная вашу нежную горячность и милости ко мне, малейшая неосторожность не извинительна. И я в сей прошу нижайше прощения. Ваше милостивое письмо от 27 числа декабря получил я третьегодня, я не могу изобразить, с какою радостью. Меня зовут в Тверь: мое послушание есть единственный ответ. Но как здешние обстоятельства вам неизвестны, осмеливаюсь их представить. Доклады ни наши, ниже чьи-нибудь в новый год не вышли. Еще более, чтоб придать некоторый вид этому, государыня сама не выходила, как не очень здорова. Отлагают их выход к 23 числу как срок выздоровления великой княгини. Нынешний день, поутру, между прочим, был я и у Михайла Федоровича Соймонова, которого и просил, чтобы он обо мне напомнил Семену Гавриловичу, так как он к нему часто ходит и для того, что двоюродный его брат, полковник Петр Александрович Соймонов,¹ секретарь государынин при Зориче и управляет все те дела, которые должны идти через него к государыне. Михайло Федорович весьма охотно обещал и назначил еще не нынче, так-де послезавтре, то есть крещенье. Следовательно, ответ Зоричев ему уж совершенно удовлетворяет нашу неизвестность. До этого здесь погодить, кажется, требуют обстоятельства. С Марком Федоровичем виделся я уже раза два, и его ласковостью я очень доволен. Письма ваши отвез к Федору Яковлевичу, который благодарит за напоминание, к Ададурову, к Соймонову, которые хотели отвечать, к Васильеву, к Анне Андреевне и пр. Завтре разнесу последние к Аннибалу и Петру Алексеевичу, которые я написал по вашему позволению. К Анне Андреевне зашел я, а тут Гурьев и Татьяна Петровна, вся в слезах рыдает. Довольно было крику и проклинаний Гурьеву. Вышло на том, что Гурьев отдаст закладную в руки третьего, который есть Мордвинов, покуда она получит письмо от сестры из Пскова, требует ли она части или нет. Тридцать душ еще такие, которые надобно выхлопотывать. Верного только пустошь, которая в год приносит 18 рублей. Зорича нынче я видел, но сам не зачинал, думая, что он зачнет: обманулся. Третьегодня он было занемог, а нынче собирается прогуливаться в саях. В прочем, препоручая себя в родительскую милость, навсегда пребываю в усерднейшей преданности, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года генв. 4 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Сколько благодарности за ваши труды, которых я не стою. Вы мне шили камзол. Это причина, чтоб спешил в Тверь. Как вы проводили святки, а я так, что нынче было чуть не вздумал спрашивать, когда будут святки. . . Сделай милость, матушка, достань Буало и Сумароковы оды у этого сукина сына де ла Тура,

которого нахальнее я ничего не знаю в свете. Как! не отдавать книг хозяину! Я не могу умерить себя и удержаться от гнева. Да «Генриаду», матушка, и Сум«ароковы» комедии у Варвары Алексеевны. Ты ко мне ни строки ни о «Инках», ни о чем, как будто бы ты их не получала.

54

8 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Третьегодня, то есть в крещение, получил я милостивое ваше писание от 29 декабря и приложенные при нем три письма. Князя Александра Алексеевича я не застал, а князь Петр Никитич приказал кланяться и благодарить сам хотел. Вчерась был я между прочими у Михайла Федоровича. Он сам зачал говорить, что еще по обещанию своему с Зоричем обо мне не говорил, а хотел видеться тот день на бале. В полдни был я и у Зорича: ничего было не слышно. Уж у Хераскова ввечеру узнал, что доклады наши вышли затем, что и Василий Никитич Трубецкой, который был нашего полку поручик, пожалован в капитан-поручики.¹ Все пожалованные были по гвардии, и из армейских один Хорват вышел в полковники. В нашем полку вышло 24 сержанта все старее меня, из коих 12 в прапорщики и 11 в армейские капитаны. Что мне всего удивительнее, что и Ермолаевы не оставлены в полку, а выпущены в капитаны; также один Вельяминов, человек предостойный и которого я считал точно в наших офицерах, выпущен. Чемоданову досталось и обоим князьям Львовым. Чуть ли мне теперь не проситься в отпуск?.. Дядюшка уж приехал из Новгорода, и я вчерась у него обедал. На вчерашнем бале во дворце был ужин для генералитета, и за ним были деланы какие-то штуки, о которых я беспорядочно слышал. Гора растворялась, и выходили девицы маленькие из монастыря, пели и не знаю что еще. С завтра зачнется театр; в четверг будет маскарад, говорят, будто их три будет друг за другом. Дядюшка снаряжает свою Марью Гавриловну. Да уж, кажется, и ему они наскучили. Берут с него обязательства рядные. Он божится, уверяет и сердится; дает вексели в заклад. Я думаю, что это станет в копейку. Несколькo семей укрепляет ей. И она выходит замуж под титулом племянницы... В прочем, прося вашего родительского благословения, остаюсь навсегда с усерднейшей преданностью, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года янв. 8 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! За желание, чтоб я поскорее приехал, я вам должен *de beaux et jolis compliments*.^{*} Но где их взять?.. Так, вы читаете Леонара: я представляю себе

его положение и знаю его сам собою. Спрашивать, что вы чувствовали, понравился ли он, отлагаю до того, как сам приеду: видите, что это не так далеко. Вчерась весь вечер сидел и ужинал я у моего милостивца и, как Васильев говорит, у командира русских стихотворцев.² У него <видел> я мои misérables ** произведения, переплетенные в одну книгу с Сумароковыми одами и некоторыми его собственными сочинениями. Вить это épreuve pour l'amour-propre. Et j'ai succombé à la tentation de prendre ce livre plus d'une fois dans mes mains. Je vous laisse à penser, s'il m'a paru joli, le mérite de relieur est échauffé... Mais ma personne souffre trop d'un entretien, que je ne puis contenir...*** Что это Николай Федорович сделал, что не отдал тебе «Les Incas»**** Я не думал от его постоянства...

Перевод:

* приятные и нежные слова.

** жалкие.

*** испытание для самолюбия. И я не устоял перед соблазном взять книгу в руки еще не раз. Предоставляю вам догадываться, показала ли она мне красивой, заслуга ли переплетчика преувеличена... Но особа моя слишком страдает от беседы, которую я не могу повторить...

**** «Ишков».

55

15 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Ваше милостивое писание от 5 и 9 января получил я нынче по почте. Оно меня наполнило удовольствием, которое не теряет ничего учащением. Кольми паче, когда я не получал писем ваших с неделю. Я сам ужасно виноват. Обнадежавшись на сержанта, от вас присланного, думал, что он в пятницу поутру ко мне зайдет, и в четверг не писал. Дай бог! чтоб вы не приняли этого чувствительно. Сколько упреков сам себе я должен делать! Я все тот же: часы удовольствия чередятся с другими — скуки и равнодушия. Знаю, сколько мгновение дорого в исполнении, но, все откладывая, сделаю наконец ужасные расстановки. В это время были дни, которые меня и утешили. Вчерась, например, был я поутру у Петрова и обедал у Анны Львовны, которая с неделю в городе. Какой это милый человек муж ее Ивап Семенович Караулов,¹ и особливо младший брат его. У нас маскарады: на двух уже я и был, в четверг третий, вчерась была у дядюшки свадьба Марьиная, дело для меня прескучное. И нынче был я уж совсем у Марка Федоровича, который звал меня обедать: дядюшка прислал, чтоб быть к нему неотменно. Принужден там распрощаться, и в третьем часу еду с Захаром Матвеевичем, который дни три как приехал. Простите, милостивый госу-

дарь батюшка, что письмо мое наполнено таким вздором: боюсь, чтобы вы не опечалились, видя меня занята эдакими безделицами. Я чувствую сам пустоту моей жизни и, оставив ее, может быть, скорее, нежели думаю, в Тверь уеду. Я прошу только продолжать ко мне ту же родительскую милость, которую вам еще более сердце ваше, нежели моя просьба, влагает. Я сообщаю при сем маленькую пьесу в гексаметрах, которую я вчера читал Петрову;² счастлив, ежели сия безделица заслужит ваше чтение и будет за меня ходатайствовать. Я до четвертого часу бродил вчера в маскараде. Теперь голова моя наполнена картинами света, своей собственной мглою и... в ней всегда еще остается свежее воображение родительской нежности. Я целую ваши ручки и остаюсь по гроб мой полн неизреченного почтения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга

М. Муравьев.

15 января 1778 г. С.П.б.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Извините перед батюшкой письмо мое: я спешу. Верь, что сердцем я тебя люблю. Дай боже увидеть тебя поскорее.

56

18 января 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Нынешние два дни получил я три письма от вас: одно с г. Пестовым,¹ два по почте, из которых в одно вложенное письмо к Татьяне Михайловне с ассигнацией тот же час отослал, так, как они просили меня. Н. И. Новиков приносит свою благодарность и еще третьего дня хотел опять послать в Тверь потерянные экземпляры. Недавно был у меня майор Батюшков,² человек бедный, которому я писал письмо к Зоричу и другое для подания государыне, в котором он из милости просит награждения за службу его на Тифинском карантине. Неделю бродил он туда; наконец отказал Зорич такими словами, которые ни малейшей надежды не оставляют. По всему видно, что милосердие так же, как и другие страсти, временем находит и исчезает так же. Говорят, что уж будто и поменее народу в передней. Будет время, что и не будет жаловаться на докуки. Разнесшийся слух в Твери о смерти Николая Александровича превесьма не основателен, а, может быть, причиною было сходное имя. Недели с три назад скоропостижно умер у преображенского майора в доме нам знакомый, по крайней мере, по Наталье Александровне, сын ее капитан-поручик Николай Александрович Левашев, шутя с офицерами и в уборе, как должно было идти на караул. На капитан-поручиков, и то первых по полку, нынче

несгодье. Нашего полку первый капитан-поручик Леонтьев прошлого года, переходя Фонтанку, утонул. Я нынешний вечер буду в маскераде: это уж третий. Завтре получу я от Захаря Матвеевича 25 рублей. В Тверь собираюсь: самые лучшие явления скучают, если не переменяются. Это мало причины. Я нетерпеливо хочу увидеть вас и матушку сестрицу. Здесь я мало привязан: там буду иметь случай вперять полезнейшие наставления жизни чувствием, слыша их от вас. Недавно читал я письма Расиновы к сыну,³ я восхищался, видя единое везде чувствий действие. Мне казалось читать ваши письма к себе. Но вы мне простите сию свободу все говорить: если бы я и недостойн был внимать природы, уж бы и одни нежнейшие ваши обо мне попечения и благодеяния вселили в меня ненарушимое почтение. Я довольно счастлив и более, должно признаться, нежели заслуживаю, кроме тех минут, в которые попрекаю я сам себе, и это бывает часто.

... Простите, милостивый государь батюшка, что я пишу все, что припамятует мне тогдашнее состояние. Излить свое сердце есть облегчить оное. Всякий день определяю я на дело, иначе покажет вечер... Теперь приехал Ипполит Тимофеевич, с которым мы поедем в маскерад. Захаря Матвеевича нынче ездил с Настасьей Федоровной⁴ к архерею. Она хочет переменить монастырь. Состояние ее бедственно. Изъяснения какие-то были по сплеткам монахинь, которые суть все женщины беспутные... Дай боже, чтобы вы были здоровы, веселы и столько милостивы ко мне всегда, как нынче, чтоб я скоро вас увидел. Завтра буду я у Чаадаевых. Впрочем, препоручаю себя в вашу родительскую милость: вы более любите меня, нежели я, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года янв. 18 дня С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Твоими, голубушка, письмами разных свойств, разных пота веле,* я одолжен, да и очень. Моих напоминаний не надобно, ежели у тебя теперь Буало и «Генриада», что они заслуживают чтение... Что касается до perfidie,** я желаю как можно скорее, чтобы ты имела случай ее исполнить в рассуждении меня. Дружество, родство, да ежели с ними замешается... все ничто: самые разумные, самые гордые признают владычество природы и ей повиноваться не стыдятся. Сие вероломство повелевает природа. Она подвергает себе рассуждение и дает свой голос, мимо достоинства и красоты. Для чего всякий отец любит детей своих, *adorons les desseins de la nature!**** Может ли быть кто-нибудь матерью семьи, ежели не чувствовать сию полезную слабость? Она равно дышит в птичке и возобновляется со всею вселенною, с поворотом солнца... видишь, что я брежу эпически.

К слову: «Инки» есть название царского поколения в Перуанском царстве. Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства испанцами под предводительством Пизарра. Главные черты почерпнуты в истории, подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собою ведет святобесие, так переводит fanatisme г. Тредьяковский. Оно имеет нечто от эпического и исторического. Прекрасно ли оно? Читай. И ты будешь восхищаться и будешь любить Мармонтеля более, нежели ты любишь. Везде увидишь тихого человеколюбивого мудреца, природу познавшего по малейшим ее знакам, выражающего ее столь истинно и нежно, заставляющего любить ее и раскрыть внимательные глаза. Слог чистоты, красоты...⁵ Довольно, сама читай. Николай Александрович зачал было его переводить и восемь глав перевел, но Марья Васильевна Сушкова, что нынче г-жа полковница, перебила у него и уж перевела. Василий, которого ты хочешь знать, есть Ханыков.

Перевод:

- * примечаний (латин.).
- ** вероломства.
- *** последуем велениям природы!

57

22 января 1778

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Я пишу сие, пришед только из школы, в которой я дежурю. Несчастье мое таково, что когда хотел было проситься, так должность наложили. Вчерась по утру не застал ни Леонтьева, ни майора. А сегодня, как был у нас слух, что с завтраго распустят на три дни, так я и сочел благопристойнее проситься в отпуск в этот промежуток времени, а не в самый тот день, как наряжен в должность. Ныне же после обеда приехал наш подполковник, которого все боятся: новое приключение. Недавно уехал в Москву Михайло Федорович Соймонов: он был все это время болен и так, чтобы я так скорого отправления и не чаял. Приехал к нему: сказывают, что теперь только съехал с двора. Все это божий час, то есть моя вина. Я и просить прощения не смею, что как будто нарочно, все лучшие попечения наши опровергаю. Письмо мое, поданное к Зоричу, теперь у Афонина, так, как и все прошлогодничные письма. Он обещает, я думаю, бесполезную помощь; затем, что и сам не тверд. От Захара Матвеевича получил я медью пятьдесят рублей. Как изволите приказать их переслать? Мне очень жаль, что г. Пестов не застал меня дома, затем, что я бы переслал их с ним; дядюшка Матвей Артемоно-

вич ждет ответу вашего на письмо о пустоши Свечина. Гурьев выдал закладную Татьяны Петровны дядюшке с надписанием, но с условием исполнить завещание бабки ее, чтоб разделить меж сестрами... Завтре, праздник или нет, буду проситься в отпуск и будет, что бог даст. Я целую в мыслях ваши родительские руки и с глубочайшим почтением пребываю навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года янв. 22 дня. С. Петербург.

Матушка сестрица Федосья Никитишна, голубушка!

Из первых благоденний, которыми меня одарила природа, есть дружество твое. Когда бы меня все оставили, я еще имею залог, тебе поверенный: от тебя я его востребую, востребуй ты его от меня. Надобно, чтоб наши сердца разумели друг друга, чтоб сей священный союз укреплен был нами. Ты должна влить в сердце мое те добродетели, которые в глазах твоих делают любви достойным... На этих днях сидел я целый вечер у Николая Александровича, который читал мне свою оперу-комик.¹ Я был прельщен, ее слушаючи. Тысячу маленьких черт делают эту прелесть, которой нет в «Анжюте». Это делает образ мыслить и чувствовать. Я не буду ничего говорить: довольно, и ты, может быть, это приметила, что я завистлив. Приятно любить достоинства, хотя в другом. Каково ж в себе самом? Мы все себе любовники: недостатки, которые в себе примечаем, не не знаем их, а хотим не знать. Иногда их любим. Теперь Зах^{ар} Матвеевич[»] играет мне новый контр-данс, в который я влюблен. Воображение есть искусный шарлатан: ничей театр не может быть лучше servi,* как тот, которого оно директор.

Батюшка милостивый государь дядюшка, Никита Артемонович! За милости <ваши>, которые я ношу всегда от вас, не достанет довольно сил моих, чтоб вам за оные возблагодарить. Один бог вам может за оное наградить, что вы не оставили меня в самой крайности. 50 руб. отдал я братцу Михайле Никитичу. Прошу вас, батюшка Никита Артемонович, отписать об шарфе к Воронову. Неужели он его удержал его себе. Простите мне, милостивый государь дядюшка Никита Артемонович, что я так беспорядочно к вам пишу. Михайло Никитич спешит отправить на почту письмо, а я пребуду навсегда ваш, милостивого государя дядюшки, всепокорный слуга и племянник

Захар Муравьев.

Перевод:

* устроен.

Санктпетербург. 1778 года янв. 25 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Из полученного мною нынешнее после обеда письма вижу беспокойство, которое я нанес вам и сестрице пропущением почты, в чем и прошу нижайше прощения. Виною тому было ожидание присяжного ундер-офицера, который в тот же день в Тверь хотел отправиться и ко мне за письмом зайти, чего не сделал. Сие письмо пишу я, зашедши домой из школы: я относил репортичку к полковнику, который дома не обедает, а у Репнина. На сих днях подал я письма, написанные на присланных вами бланкетах, к Леонтьеву и майору. Первый ответствовал: «Изрядно, стараться буду», — т. е. о моем отпуске, а Федор Яковлевич сказал, чтобы я сказал Николаю Васильевичу об отпуске меня мая по первое. Притом просил, чтобы я за него к вам отписал о его нужде. Ему поручены деревни брата его Вишневского, в Краснохолмском уезде, а их обижают краснохолмский городничий Шубянский. Так Федор Яковлевич просит вас, чтобы вы изволили отписать к сему городничему, чтоб он не нападал более. Теперь мой отпуск зависит от Леонтьева, для того, что по нашей роте докладывает он прямо Репнину. Человек нерешимый и которого стихи скучны. От майора, кажется мне, нельзя ему сказать для того, что он под ордером у него. А «изрядно» еще не довольно. Полученные мною от братьев 50 руб. как изволите приказать перевести к вам? Притом нижайше прошу оденгах Петра Антоновича¹ отписать к Федору Михайловичу. Он с полгода назад хотел к вам писать о них: что человек, у которого они теперь, просит их у него оставить, и все еще не писал. Мое время ограничено, и я писать более не могу затем, что должен бежать в школу. Я пребываю с глубочайшим почтением, прося родительского благословения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

М. Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна! От сердца благодарю за твои желания меня видеть, за твои молитвы к богу, он их не отменяет и, может быть, ими я живу в удовольствии. Неделя моя скучна: я дежурю с подпоручиком Кошелевым. Но нынешний вечер был я приглашен к Бакунину на представление «Игрока». Не знаю, буду ли, затем что иные говорят, будто нынче маскарад. А я слышал так завтра. Нынче за обедом декламировал я пятое действие «Цинны» и на разные голоса: «Prends un siège, Cinna». — Mes pensées sont dispersées, je vous en fais grâce. Je cours à mon triste emploi, où j'absorbe tout mon

temps à faire les autres pages. Aimez-moi à votre ordinaire, маминька. Je vous assure, que votre amitié, vos bontés me sont toujours présentes. Ecrivez-moi vos petites pensées, à quoi s'occupe votre pauvre coeur, ou bien qu'il dorme d'un profond somme? *

1778 года янв. 29.

Письмо, которое определял я на четверговую почту, по несчастью и к величайшему оскорблению моему опоздало затем, что тот вечер приехал к нам нечаянно дядюшка Матвей Артемонович. Так я уж пишу теперь цыдулку, которую и влагаю в то ж письмо, принужден будучи его распечатать. С дежурства своего я сменился и просил еще раз своего полковника о моем отпуске вчера, который и сказал мне, что он это помнит. Дай бог! чтоб меня отпустили поскорее. Это время, думал я, что уж буду в Твери; обманулся и, может быть, обманул тех, которые меня более всех прочих в свете любят. Я теперь от Анны Андреевны, где я обедал, и слышу, что заезжал ко мне Иван Семенович Караулов. По утру был я на Выборгской стороне у Хемницера, своего старого приятеля и которого вы также любите. Он просил вам засвидетельствовать свое почтение. Надеясь на ваши родительские милости, осмеливаюсь ласкать себя, что и вы тех любите, которые меня считают в своих приятелях. Третьегодняя была итальянская опера «Ахиллес»,² на которой я не был, будучи на дежурстве. Брат Иван Матвеевич пожалован капитаном.

Простите мне, милостивый государь батюшка, что я внимание ваше останавливаю над вещами, которые его не заслуживают. Я очень знаю вину мою. Я чувствую желание вас увидеть, мою сестрицу, которой я лишаюсь обхождения, и кажется, будто неблагодарен я всякое мгновение, которое я теряю далеко от родства моего. Я прошу вас нижайше милостиво меня в разговорах ваших вспомнить. Сколько молодых людей, которые служат удовольствием их родителей; я отчаяваюсь быть считаем между ими. От всего моего сердца целую ручки ваши и пребываю навек, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Магушка сестрица, Федосья Никитишна! я пишу в потемках. И не знаю, прочтешь ли ты. Я прохожу в голове своей приятные воображения, что ты меня желаешь в Тверь, сидя уединенно. Я тебя прошу: соблюди ко мне эту склонность. Я право тебя люблю. Боже мой! Сделай меня достойным желаний моей сестры.

Перевод:

* «Садись, Цинна». — Мысли мои рассеяны, я вас от них избавляю. Спешу в унылую мою должность, где употребляю все время на иное писание. Любите меня, «маминька», по вашему обыкновению. Я уверяю вас, что ваша дружба, доброта всегда со мной. Поведайте мне мысли, терзающие бедное ваше сердце, или же пусть оно спит глубоким сном.

4 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 года февр. 1 д.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вчераś имел я счастье получить от вас письмо, сегодня другое. Виноват, ужасно виноват, но в части вины моей и господип мой полковник, человек, замешанный на медленности. Вчераś поутру пришел я к нему и ничего не говорю; сам, как будто бы и присутствие мое ему досаждало, говорит мне таким скучным голосом: — «Помню, помню, дайте мне доложить». — Оттуда зашел я майору, тот приказывает: — «Пожалыста, не уезжай, не побывавши у меня...» — Да куда ж я поеду, ежели и не отпущен еще? Тут выпросил я пашпорт Ив<ану> Матв<еевичу> маленькому, а себе нет! Вчераś был фейерверк, на котором я не был, а Иван Матв<еевич> прикомандирован был к нему с ротюю. Сгук слышал я, не выходя из горницы. Нынче по утру дядюшка Матвей Артемонович меньшей приехал по требованию Сената. Воевода суздальский князь Вяземский делает эти беспокойства, будто бы дядюшка не сдал порядочно канцелярии. Но как я сегодня дома не обедал, так дядюшка с другим дядюшкой, который, без меня же, к нему приезжал, уехали на Васильевский остров. У Анны Львовны получено известие из деревни, что дочь умерла оспой. Она в печали. А на меня от дядюшки Льва Андреевича наложена комиссия выбрать учителя. Простите мне, милостивый государь батюшка, что я моею леностью, моею оплошностью так долго продлил свое в Петербурге житье. Поверьте, батюшка, что я очень стараюсь отсюда вырваться, чтоб только вас более ожиданием не беспокоить. Я чувствую нужду оправдания; пора окончить мое отшествие в чужую сторону. Не нашел я из молодых людей беспечнее меня. Имея погрешности возраста, буду ли я иметь счастье пользоваться и выгодами оногo? Буду ль я иметь право к сему снисхождению, которое их извиняет? По крайней мере, я льщусь его найти в сердце нежнейшего отца, который более меня любит, нежели я себя. Я у вас прошу прощения, что, может, без пользы останавливаю ваше внимание над сим мараньем. Дай боже, чтоб ваше здравие с причинами удовольствия не разлучено было; чтоб скорый мой приезд был также в их числе. Я целую ваши руки с почтением и чувствием сына, ожидающего от вас своего утешения, милостивый государь батюшка! вап нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитична!

Так я более не люблю тебя? Но от кого ж надеюсь я в чреду свою так же любимым быть? Имею ль я сим свойства, любви

достойные, которые невольно похищают наше дружество и заставляют любить себя, где бы они ни были? Чужестранен в обществе, не только, чтоб презирать взоры отличения, чьи бы они ни были, я чувствую, сколько я их мало достоин, между тем как самолюбие хотело бы всех их привлечь к себе. Но ужель и без того сердце мое столь холодно, столь мало чувствующее цену склонности других, чтоб я был не чувствителен к призыванию сестры, которой уединение мне известно? Дай бог, чтоб я скоро мог отъять у тебя сие заблуждение, маминька!.. Прощай.

60

5 февраля 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Я еще не отпущен и слышу сегодня от Завороткова, который заходил ко мне по утрам, что Леонтьев и капитан наш Лобанов-Ростовский условились между собою никого не отпускать, в рассуждении малого числа наличных в Кадетской роте. Странное условие! Уж не лучше ли бы, чтоб вы отписать изволили к подполковнику о моем отпуске. Я уж стыжусь расплывать мои письма, ничего не заключающие. От Киприана Ивановича и жены его, которых я вчера в маскераде нечаянно увидел, к сожалению моему слышу, сколько вы, милостивый государь батюшка, беспокоитесь моим замедлением в Петербурге. Нижайше прошу во знак вашей родительской милости собласти сие желание меня видеть и умерить онаго беспокойство. Я пребываю навсегда с глубочайшей преданностью, прося вашего родительского благословения, милостивый государь батюшка! ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года февр. 5 дня. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Хотел бы писать к тебе, особливо когда я так замедлился,¹ но, право, мешает Вас(илий) Вас(ильевич) Ханыков, которого я принужден слушать монолог.

61

6 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 фев. 6 д.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Случай писать сие письмецо подан мне отправлением Петра Ивановича Черевина,¹ которого вы очень изволите знать и ко-

торый сам назвался вручить мои письма вам. Я посылаю при сем книжку сестрице, которая, мне кажется, может попасть на вкус ее. Уединение меньше чувствуется, когда есть что-нибудь прочесть приятное. Я получил сегодня по утру милостивое письмо от вас чрез почту, другое в то же почти время от г. Григорьева. Сколько я чувствую снисхождение и нежность родителя! Если я хочу делать свое счастье в свете и межлюдьми, мне только должно вспомнить ваши наставления. Беспечность молодости, леность помрачили их перед моими глазами. Я виноват во всем и тем больше, что со знанием вины. Но я еще довольно буду себе почтителен, ежели чувствую все ваши милости и все мои заблуждения. Отпуск мой я и сам не знаю, как выдет. Сегодня по утру взял у Василья Ив<ановича> Майкова письмецо к своему полковнику; но его не застал дома. Я позабыл вас уведомить прежде сего о приезде Василия> Ивановича. Он уж здесь недели с две и сожалеет, что Тверь проехал ночью, к вам не заехавши. Я думаю, что вы известили его о перемене состояния. Он представлен в герольдмейстеры: дают чин, две тысячи жалованья. Сама государыня изволила приказать ему быть сюда, без его искания. Он так же добр, как и всегда, и весел. Дядюшка здесь еще и старается о своем деле. Я сам ничего столько не желаю, как отправиться в Тверь. К Федору Михайловичу хорошо бы было, если бы вы отписать изволили о деньгах Петра Антоновича. Он часто вспоминает, что бы ему надобно было к вам писать. Простите мне, милостивый государь батюшка, что я раза два опоздал писать на почту. Никакой причины, кроме того, что иногда пропустишь время, иногда недосуг. Так я нижайше прошу, если паче чаяния вперед случится то же, так скоро не беспокоиться. Я ничем не могу заплатить сии минуты беспокойства, причиненные неосторожностью. Здешные новости, знаю, что не привлекают вашего любопытства, так я их и оставляю. А рассказывать мои ежедневные приключения столь мало, что я их и не упоминаю. С сыновним почтением прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Hier en écrivant ma lettre de poste, je vous ai traité si cavalièrement que je vous en dois un désaveu formel. Puisse ce petit présent vous gagner en ma faveur. Tout ce que je m'en promets, c'est que vous ne dédaignerez pas mon choix, que vous donnerez quelques heures à sa lecture... Dans votre dernière lettre, quelle sensibilité, quel fonds de tendresse pour moi!.. Demain, je me flatte d'être à la représentation de «Didon» de mr Kniachnin chez mr Bakounin... Écrivez, ma chère, si md. Roudakoff est relevée de couches.*

* Во вчерашнем письме, которое я отправил почтой, отнесся я к вам столь небрежно, что обязан оправдаться как следует. Пусть этот подарок расположит вас в мою пользу. Все, на что я могу надеяться, — это то, что вы не пренебрежете моим выбором и не пожалеете нескольких часов на прочтение его... Сколько в вашем последнем письме чувствительности, какая бездна нежности ко мне!.. Завтра надеюсь быть на представлении «Дидоны» г. Княжнина у г. Бакунина... Напишите, любезная моя, оправилась ли после родов г-жа Рудакова.

8 февраля 1778

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

На сих днях писал я к вам через Петра Ивановича Черевина, который в Москву отправлялся, и послал было к сестрице маленькую книжку; но как он в тот самый день не успел уехать и письмо мое послано было в дом Александра Андреевича Волкова, то я и не знаю прямо, дошло ли оно до него. Все сии дни ездил я к своему полковнику¹ с записочкой от Василья Ивановича Майкова, но его не заставал дома. Нынче застал, и он долго говорил со мною. «Напрасно трудитесь, — говорит он, — не думайте, чтоб я не старался о вашем отпуске. Еще на прошедшей неделе, между прочими моими надобностями, докладывал я и о вас подполковнику; он все принял благоприятно и приказал отдать записочку Федору Яковлевичу. Но я не знаю, каким образом опоздал он ему напомнить, так что как начал он докладывать по записке, то подполковник, видно позабывшись, что он сам позволил, сказал: — „Этого уж много будет“. — Но я, — продолжает он, — не удовольствовался этим и искал времени с ним объясниться. Ездил третьегонда и вчерась и не застал дома. Сегодня он угощает государыню, строит горы и распоряжает все этакое, так ему теперь не до отпусков. Подождите до субботы». — Вот был его ответ. В самом деле, дядюшка Матвей Артемонович большой, который к нам заезжал поутру и взял с собой нас вместе, сказывал, что он ездил к князю Николаю Васильевичу, и ему отказали за тем же самым. Матвей Артемонович меньшей, который с нами живет, завтра подает письмо генерал-прокурору и челобитную в Сенат, чтоб его уволить от напрасной высылки в Суздаль; в самом деле не что иное, как сущие привязки, не делающие чести тому, кто их делает. Будто бы непорядочно была сдана канцелярия, что в росписных списках есть описки и недописки. Василий Иванович Майков назначен в герольдмейстеры и собственным благоволением государыни... Вся сия неделя при дворе в празднествах, и разложены дни по знатным, которые поочередно угощают государыню. Я позабыл отписать, что дядюшка Матвей Артемонович меньшей подарил вам пе-

чатку с нашим гербом, которую я теперь печатаю. Иван Матвеевич большой нанял себе квартиру в роте с тех пор, как он капитан. Что касается до отпусков, не известно, как об них думает подполковник; по крайней мере, приключение тех, которые в нынешний доклад выпущены в армию в капитаны, людей с особливými достоинствами, должно что-нибудь значить. И как я вчера от одного из них слышал, конечно не майору, а ему приписать должно. Все они почти не служили. Дай бог, чтоб желания не были тщетны, которые заключаю я в сердце моем о драгоценном здравии и благополучии вашем. С сыновней преданностью пребываю вечно, милостивый государь батюшка, ваш низжайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Я был вчера на представлении «Дидоны» Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть, превосходнейшего, нежели его тесть. Дмитревский играл Иарба. Какой это актер! Дьяков, который играл его наперсника, говорит, что он трепетал, с ним играя. Как обманешься, если хочешь рассудить о Дмитревском в шлеме по Дмитревскому в колпаке! Это не простой человек: какой голос, как он гибок в его гортани.² После плесков актерам все оборотились в угол, где стоял автор, и плескали ему. Какие чувства должен он иметь. В восемь лет, как он сочинил «Дидону», видел он первое ее представление. Но и какое ж? Марья Алексеевна много жару и страсти полагает в своей игре... Волосы, или лучше сказать букли, куплены и лежат у меня. Заплачено 2.50 к. Люби меня и отпиши, что ты делаешь. А я, право, люблю тебя; маминька. Помнишь ли ты моего Фаворитку, и здоров ли он?

63

18 февраля 1778

Санктпетербург. 1778 года февр. 18 дня.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемонович!

Вот и великий пост, а я еще все не в Твери. Вчера имел я удовольствие видеть двух человек, которые мне могли дать известия о вас, хотя правда, что и давнишние: Николай Федорович и Неручев. Мы все обедали на острове у дядюшки, как водится в последний день масляницы. Он скоро намерен ехать в деревню: между прочим, купил себе дом в Пятой линии у Дансילה Афанасьевича Мерлина за тысячу с чем-то рублей. У меня теперь денег на лицо около 140 рублей. Так не прика-

жете ли каким-нибудь образом перевести из них к вам какую-нибудь сумму? Я чувствую, чего я вам стою, сам, по несчастию, ничего не присовокупляя моими трудами. Но прошу, хотя знаю, что и права просить не имею, чтобы для того вы на меня не прогневались... С некоторого времени ваши милостивые письма не наполнены теми драгоценными наставлениями, которых я столько недостоин сделался. И я жаловаться не смею... Дядюшка Матв<ей> Арт<е>монович<ь> меньшей говорил мне, чтоб лошадь я ему оставил, а он бы свел в деревню свою после моего отъезду. А он будет на второй неделе. Как приказать изволите? Она многого здесь стоит. Я теперь один живу; может быть, что сие уединение мне будет полезно. Я прошу у бога, чтоб вы были здоровы и благополучны. Вы сами изволите себе представить, сносна ли мне и мысль та, чтоб я не был более тем же в глазах ваших, каков я был в младенчестве. Я препоручаю себя в ваши родительские милости навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Что я здесь делаю? О, сколько упреков сам я должен чувствовать, ежели не хочу себя обманывать своевольно! Прости меня: тот благороднее, который прощает. Нет, я тебя не позабыл. Я тогда собой доволен, когда прямо чувствую нужду тебя любить. Матушка, если б ты была здесь. Наши обстоятельства... Они препятствуют. Но, может быть, я обманываюсь. Ты довольно счастлива, ежели счастлива в себе. В Петербурге есть недовольные. Разум и сердце везде делают счастливых. Ты теперь, конечно, упражняешься лучшими мыслями, и я не должен тебя отвлекать от них. Вспомни и меня... Вот каков я нынче ветрен! Со всеми этими прекрасными намерениями нельзя удержаться не рассказать тебе бездельное препровождение моего времени. В пятницу был я в маскераде до четвертого часу. Мы последние с Хемницером вышли. Нет, бишь, он еще остался. Субботу я был у себя, но вечером утащил меня проклятый Ханыков к себе; они играли в макао, а я зевал. Вчерась сколько я был засмурен по утру, столько весел вечером. Я видел Николушку¹ в первый раз. Его проводил я до реки. Возвратясь оттуда опять к дяде, поехали к Алексею Афанасьевичу. Там Ник<олай> Александрович, Петр Николаев<ич>.² Еще множество знакомых, тебе не знакомых. Ma chère, si vous étiez à Pétersbourg, peut-être y serais-je plus souvent... * Можно ли больше врать? Если бы я был в Твери, так бы приказ общественного призрения взял меня в свое попечение, яко с ума...

Перевод:

* Любезная моя, если бы вы были в Петербурге, быть может, я был бы там чаще...

22 февраля 1778

1778. С. Петерб. февр. 22 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Это будет, как я надеюсь, конечно предпоследнее мое письмо, затем что отправление мое теперь зависит только от меня. Третьего дня ввечеру я отпущен, и только мне стоит взять пашпорт. Самое время гонит меня отсюда. Весь день ужасная капель. Так надобно ускорять. Срок мой первое июня, хотя я и просился по май. Да просился-то целый месяц. Майор велел сказаться, когда поеду: видно, хочет что-нибудь наказывать... Полковник, когда я пришел к нему благодарить, говорил мне: «Много беспокойств навел мне ваш отпуск». — Я не понимаю, для чего бы? Что тут такое мудреное. Эти сомневающиеся люди и себе и другим несносны... — «Да приезжайте, — продолжает, — подолее послужить здесь. А то только что приедете, да и уедете. Это обидно...» — Тут позамялся наш разговор другими, после просил меня сесть и был довольно ласков. Но у меня, я не знаю для чего, не лежит к нему сердце. Он имеет таинство сделать холодными людей. Это не Сергей Александрович... На сих днях был я у Анисима Титовича Князева, который не может дожидаться вашего ответа на его два письма. Он писал к вам, помнится, о ржевском воеводе г. Шишкине. Теперь я разделен между намерениями, по почте ли ехать или на наемных. Но, кажется, последнее сходнее. Что делать, что и долее? Проедешь дней восемь, но сколько-нибудь и сбережешь. Дай бог! только вам здоровья; я уж почитаю себя одной ногой в Твери. Дядюшка, я думаю, что поедет в воскресенье в деревню. С глубочайшею преданностью пребываю навсегда, прося вашего благословения, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Скоро я буду верить в твои пророчества. Чуть ли письмо-то ваше не последнее ли будет ко мне. Ну... *n'y faut plus penser.** Знаешь ли, что *ta remarque, ce petit glossaire... dirais-je de ta malice ou de ton humanité?.. fut un beaume délicieux pour mon... Mais bon! C'est grand carême aujourd'hui. Grand merci! À mr le premier-major ou qui sera tel bientôt dans ce mi-carême, à ce que j'ai entendu dire de maître-fripon doucereux mr Schitic de*** маминька Любовь Федоровна... *le beau sire, s'il était ici, filerait tout doux, il cesserait bientôt son langage de rodomont... Mon compliment, s'il vous plaît, à son**** высокоблагородию... Герунда, траполит, о, ю, ю... Сделай милость, матушка, отошли верно мое письмо: оно будет бесполезно, ежели я приеду.

Перевод:

* не надо об этом больше думать.

** твое замечание, этот словарь... то ли твоего лукавства, то ли человеколюбия?.. явился для меня сладостным бальзамом... Но так уж и быть! Сегодня великий пост. Большое спасибо! господину премьер-майору или тому, кто станет им вскоре в четверг на третьей неделе великого поста, как я слышал от слащавого бездельника господина Шитика от...

*** этот господин, будь он здесь, улетел бы потихоньку и прекратил бы вскоре свою хвастливую болтовню. Сделайте милость, передайте мой поклон его...

65

26 февраля 1778

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Маленькие кое-какие должности меня поостановили еще здесь: ко мне был прислан человек от дядюшки Льва Андреевича для сыскания ему учителя, мне самому должно было разнести книги, которых я довольно понабрал, распрощаться. — Притом же тысячи других мелкостей, которых и не предвидишь, особливо когда отправляешься в дорогу, встретятся. Слава богу, почти все уже я исполнил: иное как-нибудь. Наконец, думаю, что это уж последнее от меня письмо получить изволите; затем, что я на сих днях отправляюсь. Сказывают, что благополучной ездой поспеваю в шесть дней. А как теперь дорога немножко испортилась, то думаю, что не прежде восьми дней буду в Твери. Для того что я еду на наемных, а не по почте. Это роде питимьи, которую я наложил на себя, что<б>, проживши здесь столько, как я, по крайней мере, переезд мой не столько убыточным сделать. Мы было наняли за 6 руб. с полтиною, да наш извозчик занекался и меньше семи рублей не едет. Хотя у нас и будет, что везти, однако тройке, кажется, не тяжело. Я бы мог и по почте ехать и теперь уж быть в Твери. Марк Федорович очень приставал ко мне, да мне, не знаю, что-то взопло за упрямство в голову; а он поехал прошедшую пятницу. Василий< Ив<анович> Майков также хотел ехать около середины отсюда. Анисим Титович нетерпеливо ждет вашего ответа на его два письма; он пробудет здесь долго и чуть ли не до лета... Теперь писать уж бесполезно, затем что я скоро и сам вас увидеть надеюсь. В прочем, с глубочайшим почтением прошу вашего родительского благословения и остаюсь навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

1778 года фев. 26 д. С. Петерб.

Матушка сестрица Федосья Никитишна!

Сколько ты меня бранишь, я думаю, — да чуть ли и не по делом? Знай же, сударыня, что скоро будешь ты иметь à qui

parler.* Я сам, en personne,** еду défendre ma cause*** и...
Прощай, батинька... Да! вчера слушал я целую мессу в католицкой церкви, и Порри пел.¹

Перевод:

* с кем разговаривать.

** лично.

*** защищать мое дело.

66

15 марта 1778

Москва. 1778 года марта 15 дня.

Милостивый государь батюшка! Никита Артемопович!

Я пишу к вам из дому Арины Афанасьевны, у которой мы сегодня обедали. Все мы,¹ слава богу, здоровы и, конечно, сами не опоздаем возвратиться в Тверь; порукой в том погода, которая ежечасно портит дорогу. Приехали мы сюда во вторник часу в седьмом после обеда. Приняты очень хорошо от тетушки Федосьи Алексеевны, которая всегда вспоминает вас за столом. Не знаю, не беспокоиваем ли мы ее; а она нас столько покоит, что нельзя более... Антон Алексеевич показывал мне листы четвертой части трудов нашего Собрания, и мои стихотворения делают ее заключение: они теперь в печати. Прозаические же мои сочинения оставлены до пятой части. В субботу будет заседание, в которое я особливо приглашен. Я хочу еще поместить в сию часть трудов мою «Рошу», которая, по крайней мере, будет иметь достоинство новости. Мне также хочется прочесть то, что я зачал об оде, и еще кое-какие мелочи. Думаю, что одно заседание не истощит. Петр Семенович приносит вам свое почтение. Настасью Федоровну отвезли вчера в монастырь. Прочих дел мы еще почти и не зачинали. Новостей не знаю никаких... В прочем с непременною преданностию и почтением пребываю навсегда, милостивый государь батюшка, ваш нижайший сын и слуга

Михайло Муравьев.

Милостивый государь батюшко Никита Артамонович!

Я не стану повторять то, что уже брат написал; а что касается меня, то я, слава богу, здорова, покупок еще никаких не покупала, потому что время нет: все по гостям; вчера была я с братцем у Чадаевых, которые были очень обрадованы, меня увидевши, я их нашла в хорошем состоянии и окруженных всею их роднею, они меня звали завтра к себе обедать. Сегодня мы у Арины Афанасьевны, которая чрезвычайно ко мне ласкова, все меня сажает в большое место. Сестра Анна Федоровна и

Любовь Федоровна приносят вам свое почтение. Меня теперь только беспокоит то, что я неизвестна об вашем здоровье, и думаю, что вы без нас скучаете. Пожалуйста, батюшко, будьте спокойны и не беспокойтесь об нас, мы сами себя бережем для того, чтоб вас не огорчить. Я целую ваши ручки и остаюсь

покорнейшая дочь ваша Федосья Муравьева.

И я вам, милостивый государь дядюшка, свидетельствую мое и от жены моей всегдашнее почтение, с которым навсегда пребываю есмь по век мой ваш всепокорнейший слуга

Иван Вульф.

67

19 марта 1778

Москва 1778 года марта 19 дня.

Милостивый государь мой батюшка! Никита Артемонович!

Мы не получили от вас письма, и особливо сестрица об этом беспокоится. Мы, слава богу, здоровы и дни свои кое-как проводим. Тетушка изволит столько об нас стараться, что нам ни о чем думать не осталось. Я себе купил сукна на кафтан и все, что к нему надобно. Отдавать еще не отдавал и не знаю еще, отдавать ли и по краткости времени, которое мы здесь проживем, и по дорогой цене, которую за шитье возьмут. Здесь так грязно по улицам, что пешком ходить никак <не> возможно; на дрожках ездить я и не при<вык>, да и так перебрызгаешься, что показать<ся> нельзя; карету же нанимать дорого. Это <меня> заставляет самовольно лишаться удовольств<вий>, которыми бы я здесь мог пользоваться. В субботу был в Собрании и читал из своих сочинений. Моя «Роща» будет включена в нынешнюю часть трудов. Старые мои милостивцы приняли меня по-прежнему очень хорошо. Мое счастье совершенно, если оно будет подтверждено продолжением ваших родительских милостей. Я прошу бога о вашем здравии и благополучии и пребываю с глубочайшим почтением,

милостивый государь ба<т>юшка <остальное оторвано>

Милостивый государь батюшко Никита Артемонович!

Я не знаю, что мне думать о вашем молчании; вот уже почта прошла, а мы не имели от вас писем; дай бог, чтоб вы были здоровы, все наше счастье состоит в том. Я купила себе тафты белой на платье, также и всякой всячины на накладку, которую буду делать дома. Я чаю, что мы отсюда поедем в четверг, мне этого очень хочется; теперь мы едем еще в ряды кое-что поку-

пять. В прочем мне нечего писать более, прошу вас, батюшко, нас жаловать. Я остаюсь

покорная дочь ваша Федосья Муравьева.

И мы вам, милостивый государь дядюшка Никита Артамонович, свидетельствуем наше нижайшее почтение.

Анна Вульфова. Любовь Муравьева.

Сейчас хотел было я запечатать письмо. Сестрица с сестрами Анной Федоровной и Любовью Федоровной и с ними Иван Петрович только теперь что съехали в ряды, а я «нет» затем, что мне места не достало в карете, и для того, что мне надобно было переписывать для Собрания. Пришел постиллион с письмом, которое сестрицу обрадует особливо. Мы за долг свой почитаем быть на гробе у матушки и прежде уж положили быть в середине.

КОММЕНТАРИИ

Архив М. Н. Муравьева (1757—1807), поэта, прозаика, воспитателя К. Н. Батюшкова, наставника Александра I, отца двух декабристов, является одним из наиболее сохранившихся личных архивов деятелей XVIII в. Бумаги М. Н. Муравьева хранятся в различных собраниях: в ГПБ,¹ ЦГАДА, Музее революции, ИРЛИ, Гос. литературном музее. По сообщению «Revue des études slaves» (1938, № 1—2), в 30-х гг. в Париже был найден дневник Муравьева, носящий любопытное название «Московский журнал, продолжение последнее или заключение». Вполне возможны и дальнейшие находки, так как и сам Муравьев, и его потомки бережно сохраняли переписку и иные семейные документы.

Наиболее обширны материалы фонда М. Н. Муравьева в ГПБ, состоящие из сорока одного тома дневников, рукописей стихотворных и прозаических произведений, писем, черновиков официальных бумаг, разнообразных заметок, и собрания Черткова, хранящегося в ГИМ. Здесь, в частности, находится переписка Муравьева с отцом, Никитой Артамоновичем Муравьевым, и сестрой, Федосьей Никитичной, 1776—1781 гг., а также письма к сестре и ее мужу Сергею Михайловичу Лунину 1787—1792 гг. (между ними есть одно письмо 1785 г.). О существовании этих материалов известно давно. Частично они использованы Л. Н. Майковым в статье «О жизни и сочинениях В. И. Майкова»,² Н. П. Кашиным в статье «К биографии декабриста Лунина»,³ Н. М. Дружининым в его книге «Декабрист Н. М. Муравьев» (М., 1933). Мы также обращались к этой

¹ При дальнейших ссылках на хранящийся в Рукописном отделе фонд М. Н. Муравьева (№ 499) в настоящей публикации употребляется сокращенное обозначение — ГПБ.

² См.: Майков В. И. Полн. собр. соч. СПб., 1867, с. XXXVI.

³ Каторга и ссылка, 1925, кн. 5, с. 241—243.

переписке.⁴ Но материал ее настолько велик, что оставляет возможность дальнейшей работы.

Письма М. Н. Муравьева представляют несомненную ценность для каждого интересующегося XVIII столетием, его историей, бытом, литературой, театром. Конечно, это не законченные и обработанные мемуары, в письмах есть загромождающие переписку длинноты, мелочи, имеющие значение только для корреспондентов, но есть и значительные преимущества: мемуаристы часто ошибаются, рассказывая о прошедших днях, здесь же методически, из недели в неделю, дается хроника современных автору событий.

Письма небезынтересны и для исследователей XIX в. Сыновья автора — Никита и Александр Муравьевы, сын Федосьи Никитичны — Михаил Сергеевич Лунин, сын часто упоминаемого Захара Матвеевича Муравьева — Артамон Муравьев, сыновья Ивана Матвеевича Муравьева младшего — Сергей, Ипполит и Матвей Муравьевы-Апостолы — занимают значительное место в истории декабристского движения. И для того, кто занимается изучением деятельности декабристов, бесполезно познакомиться с атмосферой, в которой протекала молодость их отцов.

Ввиду того что в настоящее время не представляется возможным опубликовать письма Муравьева целиком, необходимо ввести в научный оборот хотя бы их часть. Одним из самых ярких, обильных литературными знакомствами периодов в жизни Муравьева был период с июля 1777 г. по март 1778 г. Написанные за это время письма, расположенные в порядке дат, объединены в тетрадь. Переплет, сделанный позднее, в XIX в., картонный, оклеенный мраморной коричневой бумагой, корешок зеленый, на нем вытиснено: «писмы» (ГИМ, ф. 445, № 50).

Отправлялись письма без конвертов. На стороне адреса сохранились следы сургучной печати, местами сургуч закрывает отдельные слова текста. Адрес писем: «Его превосходительству действительному статскому советнику и Тверского наместничества Палаты гражданского суда председателю Никите Артемоновичу Муравьеву во Твери». После 30 октября 1777 г.: «Его превосходительству действительному статскому советнику и Тверского наместничества вице-губернатору Никите Артемоновичу Муравьеву».

В другой тетради (ф. 445, № 51), где объединены письма с 5 июня по 25 декабря 1778 г., есть два письма 1777 г., написанные в мае, когда Муравьев ездил из Твери в Москву. Чтобы не нарушать хронологической последовательности, мы публикуем и их, тем более что они заключают в себе сведения о деятельности Вольного российского собрания при Московском университете, членом которого Муравьев являлся с 3 декабря 1776 г., и прямо перекликаются с мартовскими письмами 1778 г.

⁴ См., например: Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 47, вып. 4; Западов В. А. Державин и Муравьев — В кн.: XVIII век, сб. 7. М.—Л., 1966; Муравьев М. Н. Стихотворения. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1967; Кулакова Л. И. и др. Радищев в Петербурге. Л., 1976; Кулакова Л. И. Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева. — В кн.: XVIII век, сб. 11. Л., 1976, и т. д.

Основной цикл публикуемых писем начинается 28 июля 1777 г. В это время Муравьев, сержант Измайловского полка, возвращается из годичного отпуска, проведенного в Твери, где его отец занимал должность председателя Казенной палаты. Представитель старинного дворянского рода, Н. А. Муравьев (1721—1799) принадлежал к служилому дворянству. Основным источником его доходов была служба, ибо значительным состоянием он не обладал. В письмах часто идет речь о деньгах: Муравьев искренне взволнован кражею плаща, потерей трех рублей семидесяти пяти копеек, благодарит за присланный ему империял, а в письме от 4 апреля 1776 г. прямо говорит о разорении семьи.

На протяжении 20 лет Н. А. Муравьев служил во многих городах: Смоленске, где родился М. Н. Муравьев, Вологде, Архангельске, Оренбурге, Москве, вновь в Вологде, Петербурге и, наконец, Твери. Полученная в Твери должность председателя Казенной палаты не удовлетворяла Н. А. Муравьева, и он поручил сыну хлопоты о своем дальнейшем продвижении по службе. М. Н. Муравьев ездит с письмами отца к Я. Е. Сиверсу, М. Н. Кречетникову, кн. А. А. Вяземскому, кн. М. М. Щербатову; через близкого дому Муравьевых И. А. Ганнибала он добирается до фаворита императрицы С. Г. Зорича, заручается поддержкой знакомых, в том числе В. И. Майкова, видимо, близкого в это время к кн. Н. В. Репнину. Однако просьбы наталкиваются на уклончивые ответы и долго не приносят осязательных результатов. Сочувственно относится к Муравьевым М. М. Щербатов, но он сам обижен невниманием императрицы (см. с. 298 — № 22 настоящей публикации). «У братца есть люди, которые не любят его при дворе», — передает Муравьев слова своего дяди. Кто эти люди, он не говорит, а может быть, не знает, но назначение на пост тверского вице-губернатора стоило Н. А. Муравьеву значительных усилий.⁵

Замедлена и карьера сына. Длительные хлопоты о переводе из Измайловского полка в Преображенский не увенчались успехом, хотя в них был вовлечен ряд знакомых, вплоть до поэта В. П. Петрова, связь которого с Потемкиным ярко рисуется в письмах. Долгое время М. Н. Муравьев остается сержантом. Отец журит его, Муравьев предпринимает некоторые шаги к получению следующего чина, но крайне неохотно и в конце концов отказывается «доискиваться»: «Позвольте мне сказать, что я не вижу причины уничижения в том, что Полторацкие будут офицеры. Достойнее меня носят платье мое. И пожалование в офицеры не есть знак отличия. Я сам буду в свое время, не имея другого достоинства, кроме череды. И что такое достоинство? Ушаков за него пожалован. Так оно должно быть что-нибудь весьма презрительное. По аттестатам у нас не жалуют. Думается, что мне достанется через доклад... Самому же же того доискиваться — не имею довольно надеяния на себя» (письмо от 2 октября 1778 г.). В других письмах он говорит о том, что заставить искать чинов его может только материальная нужда, необходимость в будущем содержать семью. Пока же предпочитает быть «ленив-

⁵ Сенатором и тайным советником Н. А. Муравьев становится в 1781 г.

цем», читать книги, «упражняться в письменах», посещать театр и друзей.

Круг литературных знакомств Муравьева этой поры очень широк. Он вращается среди наиболее известных писателей своего времени. Сам наиболее деятельный поэт львовского кружка, друг Львова, Хемницера, Капниста, Муравьев постоянно указывает на свою близость к М. М. Хераскову, считает себя учеником его и В. И. Майкова. Вместе с тем он часто посещает В. П. Петрова, советуется с ним по вопросам поэтического творчества, читает ему новые стихи и ставит рядом имена представителей различных направлений — Хераскова и Петрова.

Более четко вырисовывается в письмах облик М. М. Хераскова и круг близких ему людей. Муравьев наносит визит Хераскову в первые же дни по возвращении в Петербург, с удовлетворением замечает, что тот к нему «по-прежнему ласков», прислушивается к советам: «Быть им поправлену — все равно, что быть похвалену», — пишет он 7 марта 1779 г., а слова: «Вы любите чисто вырабатывать мысли, всегда en relief», — звучат для него похвалой (ГПБ, № XXIII, л. 45).

Письма Муравьева помогают восстановить действительную историю издания и распространения журнала «Утренний свет», причем выясняется значительная организационная роль Хераскова, подбирившего сотрудников, намечавшего материал для переводов и т. д. В связи с изданием «Утреннего света» часто встречаются упоминания о Н. И. Новикове. Встретив несколько недоуменно приглашение Новикова зайти к нему (см. № 6), Муравьев через два с половиной месяца отзывается о нем с большим уважением. За короткий срок Новиков сумел внушить такое уважение, что Муравьев советуется с ним по поводу своих произведений. Так, стихи на смерть Сумарокова, уже одобренные Херасковым, он читает новому наставнику и, не найдя полного одобрения, не решается печатать их (см. № 32). В дальнейшем посещения учащаются, Муравьева тянет к Новикову, и он признается: «Не знаю, что побуждает меня к нему зайти» (письмо от 8 ноября 1778 г.). В 1779 г. Новиков для Муравьева уже не просто «хороший писатель», а «один из лучших наших писателей и страстный любитель писмен» (письмо к Д. И. Хвостову от 19 ноября 1779 г.). В дневнике его имя ставится рядом с именами самых близких, дорогих людей.⁶

Один из наиболее близких друзей Муравьева — Н. А. Львов (1751—1803). Сблизились они еще в год поступления Муравьева в Измайловский полк (1773), где служил также и Львов. В 1776 г. они изучают одновременно итальянский язык, и Муравьев читает Тассо, Ариосто, прибегая к разъяснениям друга в затруднительных случаях. О Львове Муравьев много сообщает в письмах 1776 г., а в публикуемом цикле — 7 августа 1777 г. и затем начиная с середины декабря, когда возобновляются регулярные встречи друзей. Муравьев посвящает Львову послание, они читают друг другу свои произведения. Слушая комическую оперу Львова,

⁶ Подробнее см.: *Кулакова Л. И.* Н. И. Новиков в письмах М. Н. Муравьева.

Муравьев приходит в восторг, ибо видит в ней «тысячу маленьких черт», делающих «эту прелесть, которой нет в „Анюты“» (№ 57).

И. И. Хемницер, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, Е. С. Урусова, Д. И. Хвостов, М. И. Веревкин, А. С. Хвостов, Н. П. Колеев, А. В. Храповицкий дополняют список литературных знакомств Муравьева 70-х гг. Исчерпывающих характеристик этих писателей в переписке нет, по порой встречаются любопытные для историка литературы черточки.

Редко отзывающийся плохо о людях Муравьев лишь однажды высказал резко отрицательное мнение о поэте. Прочитав стихи Рубана, адресованные новому фавориту императрицы Зоричу, Муравьев заметил: «Не можно вообразить подлее лести и глупее стихов его ... Со всякого стиха надобно разорваться от смеху и негодования» (№ 6). По-видимому, находясь под тем же впечатлением, он записал в дневнике: «Зачем начинающие писатели стихов медлят заблаговременно питать свои дарования прочими трудами? Зачем Муравьев не переводит „Андромаху“? Ханыков от омерзения Рубана перешел к омерзению стихотворства: какой *parallélisme*» (ГПБ, № XXII, л. 46). Муравьев не порывает знакомства с Рубаном, но вскоре пишет сказку «Живописец», в которой формулирует мысль о необходимости нравственной чистоты, достигаемой только в удалении от «сильных мира сего», от тлетворного влияния придворной среды. Едва только художник, «питомец Рюбенсов», приблизился к богатству, роскоши, почестям и славе, как талант его стал угасать. После долгих колебаний он уходит от приблизившего его к себе владыки — и «в хижине нашел художник дарованье».

Муравьев готов презирать не только Рубана, меньше всего напоминающего идеального живописца. Чувство человеческого достоинства оскорбляется в нем общим раболепием. В условиях системы фаворитизма он хочет строить свою жизнь так, чтобы сохранить независимость. В письме к отцу 17 июля 1778 г. он говорит: «Вы изволите писать, что была великая перемена, но, сколько я знаю, она была только при дворе. А там все управляется по некоторым ветрам, вдруг восстающим и утихающим так же. Любимец становится вельможей; за ним толпа подчиненных вельмож ползает: его родня, его приятели, его заимодавцы. Все мы теперь находим в них достоинства и разум, которых никогда не видали. Честный человек, который не может быть льстецом или хвастуном, проживет в неизвестности». Далекий от мысли о протесте против зла, благодушный и доброжелательно настроенный, Муравьев пишет, узнав о несостоявшемся назначении нового премьер-майора: «Не знаю для чего, но я ненавижу всех, которых сулят мне в командиры. Может быть, это отвращение природы быть унижену и ужас кланяться» (письмо от 27 ноября 1778 г.).

В приписках к сестре Муравьев часто говорит о прочитанных книгах, сообщает о новинках как русской, так и иностранной литературы. Он редко задерживается на произведении, но даже беглые указания представляют немалый историко-культурный и литературный интерес. Они лишний раз подтверждают мысль, что русские писатели XVIII в. вовсе не стремились перепевать мотивы французского классицизма XVII столе-

тия, а пристально следили за текущей жизнью европейской литературы, относясь к ней достаточно критически.

Советы сестре читать Буало, Корнелия, Монтескье, раннего Вольтера имеют цель ознакомить ее с тем, что мы назвали бы теперь культурным наследством. Но Муравьев сообщает и о только что вышедших комедиях Дора, цитирует стихотворение Марешаля и драму Розуа (14 декабря 1777 г.), внимательно следит за творчеством Мармонтеля.

Из письма 15 августа 1777 г. (№ 9) мы видим, что задолго до перевода Кострова в кружке Хераскова обсуждается Оссиан. Готовя статью об оде, Муравьев читает Пиндара, которого уже «не понимает»; ему знакомы немецкие анакреонтики, о чем свидетельствуют ссылки на Уца и Рамлера. Он знает Геснера и потому сразу правильно оценивает Леонара как одного из подражателей «швейцарского Теокрита». Он интересуется Кронекком, чья пьеса на шумела за пять лет перед этим; ему хорошо известен Виланд.

28 ноября 1776 г. Муравьев пересказывает сестре отзыв Вольтера о сумароковской трагедии «Семира» (к сожалению, письмо это сохранилось хуже других: края листа оборваны): «A propos Voltaire a donné des remarques critiques sur „Sémire“, il l'analyse, il fait voir les beautés de la tragédie et quelques défauts.⁷ Например, характер Оскольдов, по-Вольтеру, не выдержан. Он так сделан с начала гордым и великодушным, что, могши спасти жизнь свою унижением перед «Олегом», лучше хочет умереть, нежели пасть перед ним, и после хочет избавление свое из темницы до ... ствовать подлости, обману и любви сестриной. Я недавно купил последнюю Вольтерову трагедию „Les Loix de «Mi»nos, ou Astérie“⁸. Слабехонька. Она делана в 1773».

Если Муравьев позволяет себе порицать трагедию Вольтера, которого он любил и называл «mon cher vieillard» («мой милый старик»), то над поэмой «какого-то Леженя» он просто смеется.

Первым свидетельством интереса к Гете в России обычно считается перевод О. П. Козодавлевым юношеской драмы Гете «Клавиго» (СПб., 1780), в предисловии к коей переводчик назвал и «Страдания молодого Вертера». Однако Муравьевы хорошо знают роман Гете уже в 1778 г.

Еще за год до этого Муравьев пытался отогнать «все, что несет отпечаток меланхолии», «эту немецкую напыщенность, погруженную в „увы“» (см. № 17). «Веселость — порука чистоты душевной», — не устает он повторять, на разные лады варьируя эту мысль.

Стремясь уберечь сестру, а с ней и себя от крайностей вертеризма, но подчиняясь общему настроению, во многом определенному влиянием сентиментализма и распространением масонских настроений в кругах, к которым он был близок, Муравьев обнаруживает склонность к самоанализу. Исповедуясь в дневнике перед самим собою, в письмах он отчитывается перед отцом и сестрой не только в делах, но и помышлениях.

Муравьев находит в себе десятки пороков, дающих повод к самобичеванию. Легкомыслие, непостоянство, «упражнение в пустоте», косноязы-

⁷ «Кстати, Вольтер сделал критические замечания на „Семиру“. Его анализ показывает красоты трагедии и некоторые недостатки».

⁸ «Законы Минноса, или Астерия»,

чие, «неупражнение разума» — вот далеко не полный перечень их. Нередко литературная «подоплека» таких настроений более или менее ясна. Подобным образом, например, обстоит дело с письмом сестре от 21 августа 1777 г. (см. № 12). Родные были взволнованы мрачно-меланхолическими рассуждениями молодого человека, и в ответ Муравьев пишет: «Я хотел представить сам себе состояние, в котором бывает поставлен человек. Мне хотелось кинуть на бумагу все черты, его составляющие, не продумав, у места ль эта картина» (№ 17). Иначе говоря, некоторые письма Муравьева, на первый взгляд имеющие совершенно личный характер, на деле навеяны литературой, если даже не являются прямыми литературными реминисценциями. Тем не менее самобичевание — не поза, а искренние переживания Муравьева. «Никакое доброе семя не прозябало в душе моей», — к такому печальному выводу приходит он, и чем сильнее бичует себя, тем сильнее восхваляет отца.

В отношении Муравьева к сестре в том виде, как оно отражается в переписке 1777—1778 гг., записях, ряде стихотворений, посвященных ей, намечается культ дружбы и дружбы именно с женщиной, чувствующей более тонко и глубоко, чем мужчина, и потому призванной облагораживать душу собеседника: «Не можно, любезная сестра, чтоб мужчина... столько мог быть счастлив сердцем, как женщина... Он столько отвлечен от себя своим правом, должностями» (письмо 1778 г., без даты). Муравьева смущает «грубость чувствований», и он просит сестру «влиять в сердце» его добродетели, свойственные ей, укрепить союз, основанный на узах родства и взаимопонимания. «Ты любишь Виланда: разве не веришь ты его любимым мыслям, что есть сродственные души, наслаждающиеся рассматриванием друг друга?.. Мое письмо почтешь ты, конечно, за письмо к сродственной душе». Эти строки раскрывают истоки основного тона писем, его зависимость от сентиментальной литературы вообще, от «Симпатий» Виланда в частности.

«Нежнейшие черты чувствия», «живость чувствования», «уста сердца», «невинность сердца», «непорочность сердца», «нежность сердца», «сладоное вспоминовение», сердце, исполненное «тихим удовольствием», «уста природы», «черты добродетели», «слезы умиления», «нежные страхи» и тому подобные стилистические узоры, которые кажутся заимствованными из поэтического арсенала последних лет XVIII—начала XIX в., переходят из писем, представляющих своего рода литературную школу, поэтическую лабораторию, в стихи Муравьева, а позднее и в прозу.

Сами письма делятся на дружески-деловые сообщения и навеянные литературой сентиментальные излияния. Соответственно различен и их язык. Утонченность, изысканность культивируется при характеристике чувства, жизни сердца. В тех же случаях, когда говорится об обычных вещах, появляется без всяких обиняков и извинений малоизысканное «сукин сын».

О Федосье Никитичне Муравьевой (1760?—1792?) почти ничего не известно, не установлены даже точные даты ее рождения и смерти. Ясно только, что она была моложе брата, очевидно, года на два-три, ибо в начале 1776 г. восемнадцатилетний Муравьев говорит с ней как с девочкой, подшучивает, журит, напоминает о необходимости играть на клавишинах,

а к концу того же года тон меняется, становится более серьезным, письма же 1777—1778 гг. обращены к взрослой девушке.

Письма Ф. Н. Муравевой почти не сохранились, но ответы брата в известной мере бросают свет и на ее облик. Обращаясь к сестре, Муравьев не передает сплетен, сравнительно немного (и чем дальше, тем меньше) говорит о туалетах, о модах. Рассказы о новых книгах, театральных новинках, рассуждения о добродетели, долге, любви к ближним составляют основное содержание их заочных бесед. Сам настроенный достаточно сентиментально, Муравьев вынужден умерять чувствительность сестры, просить, чтобы она позволяла себе «более веселия».

Одно из немногих уцелевших писем Ф. Н. Муравевой (оно написано отцу в июне 1778 г., когда Ф. Н. Муравьева гостила у двоюродной сестры А. Ф. Вульф в селе Берново) показывает, что ей и на самом деле не чужда была сентиментальная чувствительность. О дальнейшей судьбе Ф. Н. Муравевой известно немного. Выйдя замуж за С. М. Лунина, она ушла в заботы о воспитании и образовании детей, прибегая и в данном случае к помощи брата.

К числу наиболее интересных разделов переписки относятся театральные новости, сведения об актерах, о драматургах. Так, именно из письма Муравьева, пересказавшего слова Дмитревского, стало известно об успешной работе Фонвизина над «Недорослем» уже в июле 1779 г. Любопытны также указания об увлечении любительскими спектаклями. Муравьев пишет о спектаклях у П. В. Бакунина, в которых принимает участие Н. А. Львов, его будущая жена М. А. Дьякова, ее сестры и даже ветеран русской сцены И. А. Дмитревский. Ставились «Дидона» Княжнина, «Игрок» Реньяра, комическая опера Саккини «Колония». В 1789—1790 гг. любительскими спектаклями увлекается И. М. Муравьев младший (позднее Муравьев-Апостол). Он принимает участие в комической опере Паизиелло «Нина, или От любви сумасшедшая», «Деревенском колдуне» Руссо, которые шли в театре А. С. Строганова (а также выясняется, что державинская кантата «Песнь дому любящего науки и художества» исполнялась у Строганова с музыкой Бортнянского). Одновременно внимание светского общества занимали спектакли у А. А. Матюшкиной. Среди друзей Муравьева мы видим и актеров, и авторов пьес: Н. А. Львова, В. В. Ханькова, написавшего либретто оперы-буфф «Именины, или Меркуриев колпак».

Имя Василия Васильевича Ханькова часто упоминается в письмах, но они не дают истинного отражения отношения Муравьева к человеку, чье сердце, по его словам, было для него святилищем, кому он обязан был первым знакомством со стихотворством. Их связывала дружба на протяжении всей жизни, и много лет спустя после смерти Муравьева Ханьков заботился о больном Батюшкове, памятуя дружбу Муравьева. В муравьевских бумагах сохранилось неисчислимое количество записей, относящихся к Ханькову: от краткого и нежного восклицания «Васинька Ханьковушка» до попытки нарисовать портрет друга.⁹

⁹ В сокращении см.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения, с. 35. В Полное собрание сочинений вошел другой отрывок, выдержанный в более свой-

Жизнь В. В. Ханыкова (1759—1839) сложилась несколько иначе, чем судьба его друга. Сержант Преображенского полка в 70-е гг., гвардейский офицер, отличившийся в шведской кампании, в 80—90-е; видный дипломат с 1802 г., Ханыков писал стихи на русском и французском языках, причем последние удостоились высокой оценки Гете. Печатался Ханыков немного, достаточно обширное литературное наследие его доныне в известность не приведено. Помимо тех опубликованных произведений, на принадлежность которых перу Ханыкова уже указывалось в печати,¹⁰ можно предположить, что ему принадлежат стансы «Надменные сердца», напечатанные в «Санктпетербургском вестнике» (1778, ч. 2, с. 32). В пользу этого говорит подпись «В. Х.», близкое знакомство Ханыкова с Княжнинным (напомним, что Ханыков был одним из двух лиц, которым Княжнин читал «Вадима Новгородского», а Муравьев безоговорочно называет Княжнина одним из издателей «Санктпетербургского вестника»), наконец, сотрудничество Муравьева в том же журнале. Кроме того, среди записей Муравьева есть следующее сообщение: «1778 года в марте месяце напечатана Пляска Метастазиева переводу Васиньки», — и указание, что Ханыков переводил «Папскую туфлю» Вольтера.

В ГИМ хранятся письма Ханыкова к Муравьеву, интересные по материалу и подтверждающие мнение современников об остроумии Ханыкова. В них много язвительных и довольно тонких высказываний по вопросам литературы, гораздо меньше благодушия, успокоенности, чем в письмах Муравьева, больше критического отношения к людям. Познакомившись с Львовым, Ханыков осмеивает его страсть к позе и декламации. Начав читать только что выпедшую «Россияду» Хераскова, Ханыков дает вежливый, но в сущности уничтожающий отзыв о ней: «Вчера получил я „Россияду“, прочитал в оной по сю пору только 3 песни. Сколько я мог из одного по понятию своему заключить, она написана с <такой> тщательностью и красотой стихов, что мало таковой по-русски находится. В некоторых местах упадает. Мастерство писать стихи, но не поведения поэмы. Черты картин часто натянутые, мрачные, слабые. Нет génie. Повсюду явствует работа и труд. Со всем тем сочинение, наполненное красотами и которое считаю я первым монументом российской поэзии, коей делает оно честь. Я нахожу его лучшим, нежели ждал» (письмо Ханыкова к Муравьеву от 4 апреля 1779 г.).

По существу «Россияда» для Ханыкова уже явление прошлого, живой анахронизм. Его внимание занимают сборники «Pièces fugitives», и собственные стихотворения он пишет в том же плане «легкой поэзии». Продолжал писать Ханыков до преклонных лет.

Письма М. Н. Муравьева 1777—78 гг. представляют явление литературного порядка. В них есть тема, есть герой, для которого письма являлись школой «чувствований», лабораторией сентименталистского отношения к миру. Здесь складывалась новая формула: «Я чувствую, следовательно, я живу», заменившая классическое картезианское «Cogito ergo

существенном Муравьеву сдержанно-панегирическом тоне (см.: ч. 3. СПб., 1820, с. 262).

¹⁰ Сводку см. в кн.: Остафьевский архив князя Вяземского, т. 3, Примечания. СПб., 1908, с. 387.

шн». Здесь выработывался слог одного из наиболее ранних представителей русского сентиментализма и предромантизма.

Сам Муравьев осознал переписку как своеобразный литературный жанр, как роман. Лаконично, хотя и в шутливой форме, эта мысль выражена в письме сестре от 30 ноября 1777 г. (см. № 42), а всерьез она развернута в слова Муравьева, написанных на обороте письма Ханыкова от 28 февраля 1779 г.: «Переписка друзей... это история сердца, чувствований, заблуждений. Роман, в котором мы сами были действующими лицами».

В заключение необходимо сказать о предыстории предлагаемой публикации. Подготовку собрания писем Муравьева 1776—1791 гг. покойная Л. И. Кулакова начала еще в конце 30-х гг. Однако во время войны оставшаяся в Ленинграде большая часть материалов погибла. В 1947 г. исследовательница вновь начала работу, и в 1948 г. публикация полного текста писем 1777—1778 гг. (с вступительной статьей и примечаниями Л. И. Кулаковой, всего до 10 печатных листов) была включена в состав намечавшегося к изданию 3-го сборника «XVIII век». Однако сборник в свет не вышел, оба сдачные в редакцию оригинала работы пропали (в ИРЛИ имеется неполная машинописная копия одного цикла муравьевских писем, по предложению Г. А. Гуковского переданная туда Л. И. Кулаковой). Единственный уцелевший экземпляр корректуры сборника хранится в библиотеке П. Н. Беркова и теперь находится в Минском университете.

При подготовке настоящего издания письма Муравьева были заново прочитаны В. А. Западным. Пользуемся случаем принести глубокую благодарность дирекции ГИМ и сотрудникам Отдела письменных источников, которые в неблагоприятных обстоятельствах изыскали возможность предоставить для работы оригиналы муравьевских писем.

1. ГИМ, ф. 445, № 51, л. 62—63.

¹ Петр Семенович Муравьев — дальний родственник Муравьевых, генерал-майор, постоянно живший в Москве. Дом, видимо, был куплен им у Н. А. Муравьева, так как переговоры о продаже шли в 1776 г.

² С Василием Ивановичем Майковым (1728—1778) Муравьев познакомился в 1772 г., считал его одним из своих учителей в поэзии, но советам его следовал не всегда (см.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения, с. 127—128, 129, 206, 333 и др.). В 1775 г. Майков переехал из Петербурга в Москву, выйдя в отставку; но 4 сентября того же года был пожалован чином бригадира и назначен главным членом Мастерской и Оружейной палаты.

³ Матвей Артамонович Муравьев меньшей (младший) — брат Н. А. Муравьева, полковник, в 1777 г. суздальский воевода. В дальнейшем в письмах говорится о неприятностях, связанных с отставкой М. А. Муравьева в том же году. Сменил его в должности суздальского воеводы кн. Василий Алексеевич Вяземский.

⁴ Федосья Алексеевна — родственница Муравьевых (в ряде писем она именуется тетюшкой); фамилию выяснить не удалось.

⁵ Киреевский — возможно, Алексей Никитич (1745—1812), майор.

⁶ Иван Матвеевич Муравьев старший — сын Матвея Артамоновича младшего; квартирмейстер Измайловского полка.

⁷ Вольное российское собрание («Собрание») при Московском университете было организовано по инициативе И. И. Мелиссино в 1771 г. Деятельность Собрания приостановилась в связи с чумной эпидемией 1771 г. и возобновилась 14 января 1772 г. С 1774 по 1783 г. издано шесть частей «Опыта трудов Вольного российского собрания при Московском универ-

ситете». Муравьев был принят в Собрание 3 декабря 1776 г. В 4-й части «Опыта трудов» помещены его переводы из Горация, «Эпистола к Н. Р. Р***» (Н. Р. Рожешникову), «Жалобы музам», «Роцца».

⁸ Своей диссертацией Муравьев называет «Рассуждение о различии слогов высокого, великолепного, величественного, громкого, вздутого», опубликованное в 6-й части «Опыта трудов» (1783). Там же напечатан перевод из Клейста.

⁹ Куратор Московского университета — Иван Иванович Мелиссино (1718—1795).

¹⁰ Миллер Г. Ф. — см. примеч. 1 к письму № 7 В. К. Тредиаковского на с. 64; с 1766 г. — начальник московского архива Иностранной коллегии (при этом за ним оставалось звание историографа Академии наук). Что Муравьев именуется своей «Тверской историей» — неизвестно; по-видимому, ее следует искать в известных «портфелях Миллера». Под «Чигиринским походом», очевидно, имеются в виду «Известия о двух Чигиринских походах, в 1677 и 1678 гг. из собственноручных дневных записок бывшего российского генерала Патрика Гордона» (пер. с нем. Н. С. и К. Штриттера), опубликованные много позднее, в 1788—1789 гг. в журнале «Новые ежемесячные сочинения».

¹¹ Гюнтер — Иоганн Христиан Гюнтер (1695—1723).

¹² «Не мрак ли в облаках развился» — начало 8-й строфы оды М. В. Ломоносова на восшествие на престол Екатерины II 1762 г.

¹³ Спор, о котором рассказывает Муравьев, имеет длительную предысторию. Еще при жизни Ломоносова его враги распускали слух о том, что «Ода на взятие Хотина» якобы целиком заимствована из Гюнтера. «Автором» этого «открытия» был Я. Штелин, утверждавший также и независимый характер ломоносовской реформы стихосложения (о Тредиаковском Штелин вообще умалчивал). В опубликованной позднее «Записке» Штелин заявлял, что по стихотворениям Гюнтера Ломоносов «писал... свои русские стихи с немецким размером в ямбах, трохеях и дактилях» (Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 161—162). Та же мысль проводилась в «Чертах и анекдотах для биографии Ломоносова», опубликованных Штелином на немецком языке. Как явствует из возражений Мелиссино, Миллер разделял точку зрения Штелина, но спор шел не только об «Оде на взятие Хотина», но и поэзии Ломоносова вообще, ибо Муравьев прочел отрывок из оды 1762 г. Сам Муравьев очень высоко ценил Ломоносова-поэта (см., например, его «Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову». СПб., 1774).

¹⁴ То ли ошибка, то ли шутка Муравьева: 3 мая день памяти Феодосия Печерского, а память двух мучениц Феодосий — 29 мая, когда Ф. Н. Муравьева и отмечала свои именины.

¹⁵ Видимо, речь идет о пьесе Гольдони «Le bougru bienfaisant» (1771). Переведена М. В. Храповицким под заглавием «Благотельный грубиян» (СПб., 1772). Представлена впервые в 1775 г. в Москве.

¹⁶ «Принужденная женитьба» — комедия в 1 действии Мольера (пер. Г. Н. Теплова (?), М., 1779). В «Хронике русского театра» И. Носова в качестве даты первой постановки названо 29 апреля 1779 г., однако, судя по объявлениям в «Московских ведомостях», «Принужденная женитьба» должна была идти 1 октября 1760 г.

¹⁷ С Иваном Афанасьевичем Дмитриевским (1734—1821) Муравьев познакомился в 1776 г.

¹⁸ Татьяна Петровна — родственница Муравьевых, жившая в их семье в качестве «компаньонки» Федосьи Никитишны.

¹⁹ Хазовой — щегольский, франтовской (о куске материи); возможно — газовый (из газа).

²⁰ Сырсак — возможно, шелк-сырец.

2. ГИМ, ф. 445, № 51, л. 66.

¹ Изъединов Алексей Афанасьевич (1735—1782) — тверской помещик.

² Анисим Титыч — Князев; в 1777 г. служил в Московской губернской канцелярии.

³ Антон Алексеевич — Барсов (1731—1791), профессор Московского университета, издатель «Московских ведомостей», бессменный секретарь Вольного собрания, редактор «Опыта трудов», составитель первого печатного издания русских пословиц.

⁴ Василий Иванович — Майков.

⁵ В предисловии к «Санктпетербургским ученым ведомостям» 1777 г. напечатано обращение к «российским стихотворцам» с предложением сочинить надписи к «личным изображениям» Феофана Прокоповича, Кантемира, Поповского, Лосенко, Чемезова (Чемезова). На это приглашение откликнулись И. И. Дмитриев, Ф. Я. Козельский, В. И. Майков, а также Г. Р. Державин, который, вероятно, не успел передать свои надписи в журнал до его закрытия, и они были опубликованы в следующем году в «Санктпетербургском вестнике». В апрельской книжке журнала (№ 15, с. 115—116) помещены пять надписей с подписью «***», сопровождаемых автокритическим письмом без подписи и датой: «1777 года, апреля 18 дня. Тферь». Они и принадлежат Муравьеву.

⁶ Кто имеется в виду — неясно.

3. ГИМ, ф. 445, № 50, л. 2—3 (далее — все письма под этим шифром; указываем только листы).

¹ Миллер — вышневолоцкий трактирщик.

4. Л. 4—5.

¹ Дядюшка — Матвей Артамонович Муравьев старший, брат Н. А. Муравьева; в 1770-х гг. — генерал-майор, официально числившийся на службе при водной коммуникации Новгородской губернии в канцелярии Боровицких порогов; был наиболее состоятельным из братьев Муравьевых. Деньги, отданные им в долг дальнему родственнику Михаилу Прокофьевичу Яковлеву, вскоре послужат причиной «дела», в которое вмешается и М. Н. Муравьев: не желая отдавать долг, Яковлев и его жена Елена Петровна будут требовать учреждения опеки над М. А. Муравьевым, как лишившимся разума.

² Иван Матвеевич Муравьев младший (1762—1851) — сын предыдущего. С 1800 г. стал именоваться Муравьев-Апостол по фамилии деда со стороны матери.

³ Олсуфьев Федор Яковлевич — секунд-майор Измайловского полка.

⁴ Речь идет о И. М. Муравьеве старшем.

⁵ Сергей Александрович — Хотяинцев, капитан-поручик Измайловского полка.

⁶ Подполковниками Измайловского полка в 1777 г. были гр. К. Г. Разумовский и кп. Николай Васильевич Репнин (1724—1801), крупный полководец и дипломат, видный масонский деятель. Муравьев имеет в виду Репнина, который фактически командовал Измайловским полком.

⁷ Николай Васильевич Леонтьев (1739—1824) — капитан Измайловского полка; баснописец и поэт.

⁸ Имя Ивана Абрамовича Ганнибала, дружески расположенного к М. Н. Муравьеву и его отцу, многократно упоминается в письмах.

⁹ Миллер Карл Вильгельм — переплетчик и книгопродавец, издатель «Санктпетербургских ученых ведомостей», ближайший сотрудник Новикова по «Обществу, старающемуся о напечатании книг».

¹⁰ Петров Василий Петрович (1736—1799) — поэт, переводчик, друг Потемкина.

¹¹ Вердеревские Иван Иванович (председатель палаты уголовного суда в Твери) и Николай Алексеевич — тверские знакомые Муравьевых.

5. Л. 6—7. Приписка рукой И. М. Муравьева старшего.

¹ Кн. А. И. Лобанов-Ростовский (1754—1830) — капитан-поручик Измайловского полка.

² Шипов Михаил Иванович (р. 1739) — секунд-майор Измайловского полка до 1782 г.

³ Кн. Петр Алексеевич Голицын (1731—1810) — генерал-поручик, секунд-майор Измайловского полка.

⁴ Федор Михайлович — Колокольцев (1732—1818), в 1770-х гг. прокурор Адмиралтейской коллегии. Дворянин-откупщик, он владел несколькими тысячами крепостных, десятками тысяч десятин земли, миллионным состоянием, ссужал деньги дворянам и купцам. Характерно, что Муравьев обращался к нему по всем вопросам, связанным с деньгами. Впоследствии дочь Колокольцева Екатерина Федоровна (1771—1848) стала женой Муравьева.

⁵ Т. М. Флорова-Багреева (ум. 1789) — сестра Колокольцева.

⁶ Михаил Иванович Попов (1742—ок. 1790) — поэт, писатель, драматург. Среди поздних записей Муравьева есть такая: «Наш добрый Михайло Иванович Попов, канцелярский протоколист или что-нибудь подобное, сочинитель при Уложении и который мог бы быть лучше сочинителем «с пенсионом» при комиссии Муз и Граций. Верное изображение французских литераторов: беден, прост, добросердечен, трудолюбив — и забывает» (СПБ, № III, л. 5).

⁷ Киприан Иванович — Горохов, ассессор палаты гражданского суда в Твери.

⁸ Докучаев — петербургский купец.

⁹ В 1770 г. при Измайловском полку были учреждены две кадетские роты, целью которых являлось образование «в науках и фронтовой части» молодых дворян, числившихся в гвардейских полках (от рядовых до сержантов включительно). С 1 сентября по 1 мая их обучали французскому и немецкому языкам, математике, фортификации, географии, истории, фехтованию, верховой езде и т. д., а с 1 мая начинались строевые занятия («строй»).

¹⁰ Николай Васильевич — Леонтьев.

¹¹ О каких списках истории говорится в письме, выяснить не удалось.

¹² Кн. Николай Васильевич — Репнин,

¹³ Елагин И. П. (1725—1794).

¹⁴ Муравьевы — вероятно, семейство А. А. Муравьевой (см. № 6).

6. Л. 8—9.

¹ Князь Александр Алексеевич — Вяземский (1727—1793), генерал-прокурор Сената.

² О князе М. М. Щербатове см. примеч. 1 к письму 72 А. П. Сумарокова на с. 217.

³ Заворотков — сержант Измайловского полка.

⁴ Анна Андреевна — Муравьева, урожденная Волкова (ум. 1804), родственница Муравьевых, вдова Николая Ерофеевича Муравьева (1724—1770), инженера, математика, автора стихотворений и песен; с 1778 г. — жена князя А. В. Урусова.

⁵ Барышников Иван Иванович (1749—1834) — знакомый Муравьевых; служил в военной службе с 1774 г., вышел в отставку майором артиллерии в 1784 г. Имя его упоминается в списке подписчиков на «Утренний свет» (октябрь 1777 г.).

⁶ Александр Андреевич — Волков (1736—1783), брат А. А. Муравьевой, переводчик и драматург; по предположению П. Н. Беркова, автор лейпцигского «Известия о русских писателях».

⁷ Ханьков Василий Васильевич (1759—1839) — друг Муравьева. См. о нем во вступительной статье.

⁸ Н. А. Львов (1751—1803) служил в коллегии иностранных дел. С ноября 1776 г. путешествовал по Германии, Голландии, Франции с М. Ф. Соймоновым и Хемницером. Об отношении к нему Муравьева см. во вступительной статье.

⁹ Бакунин Петр Васильевич младший (1732—1786) — в 1777 г. тайный советник, член Коллегии иностранных дел, любимец главы коллегии —

Никиты Ивановича Папина. Современники упрекали Бакунина в корыстолюбии, в предательстве интересов Папина. Данное свидетельство Муравьева исправляет указание Я. К. Грота, что Львов жил у Соимонова в это время.

¹⁰ Михайло Федорович — Соимонов (1730—1804), сенатор, главный директор Берг-коллегии; родственник и покровитель Н. А. Львова. Соимонов (вместе с Хемницером) вернулся в Петербург 9 октября 1777 г. Под его начальством служил Иван Иванович Хемницер (1745—1784), друг Муравьева и Львова, баснописец, поэт; в это время — обер-бергмейстер горного ведомства.

¹¹ С. Г. Зорич (1733—1799) — фаворит Екатерины II с июня 1777 по июнь 1778 г. Рубан Василий Григорьевич (1742—1795) посвятил ему ряд стихотворений. Муравьев имеет в виду «На пожалование королевского шведского ордена Меча, Семену Гавриловичу Зоричу...» (СПб., 1777) и в своем пародийном изложении, в общем, верно передает содержание. Для сравнения приводим выдержки из этого редкого издания:

С земных до горних мест взносяся, Илия
Дал милость спутнику, в знак силы своей.
Чудился вземший дар великости залога
И человека ль зрел с собою или бога?
Но видя пламенных коней и возника,
Познал, чья действует всемогущая рука.
Днесь августейшему сопутствующ Густаву,
Внезапу облечен в геройску Зорич славу
Дивится, как тогда дивился Елисей,
Кто, смертный или бог, не зная, странник сей
.....
Се зришь и узриши еще ты мзду заслуг,
Лишь только наблюдай, как начал, добродетель
И, сколько можеши, всем блага будь содетель...

7. Л. 10—11.

¹ Тимофей Иванович — Чопжин (1722—1803), советник тверской казенной палаты.

² Мария Ивановна — жена Ф. М. Колокольцева. О каком князе Козловском идет речь далее, не ясно.

³ «Ученые ведомости» — «Санктпетербургские ученые ведомости», еженедельный журнал, посвященный критической библиографии; издавался с января по май (фактически с марта по август) 1777 г. на средства К. В. Миллера. Редактором считался Н. И. Новиков.

⁴ Речь идет о журнале «Утренний свет», который начал выходить с сентября 1777 г. и продолжался по август 1780 г.

⁵ Бозций (ок. 480—524 или 525) — римский философ, один из последних неоплатоников; «Об утешении философией» — его основной труд. Перевода книги Муравьев не закончил.

⁶ О Майковых — т. е. о надписях В. И. Майкова (см. № 2, примеч. 5). Они, очевидно, были известны М. М. Хераскову в рукописном виде, так как последний, 22-й номер «Санктпетербургских ученых ведомостей», в котором напечатаны майковские надписи, вышел в свет позднее.

⁷ Прасковья Глебовна — близкая знакомая Муравьевых, жена Ивана Андреевича Головцына; его брат Егор Андреевич — архангелогородский губернатор.

⁸ Полторацкий Марк Федорович (1727 или 1729—1795) — управляющий придворной капеллой.

⁹ Берново — родовое имение Вульфов в Старицком уезде Тверской губернии. В 70-х гг. оно принадлежало Ивану Петровичу Вульфу (ум. 1817), женоатому на Анне Федоровне Муравьевой (ум. 1793). У нее жили сестры и братья, друзья Ф. Н. и М. Н. Муравьевых. Берново описано в ряде стихотворений Муравьева, в его прозаическом сочинении «Эмилиевы письма», которые он называл также «Берновскими письмами».

¹⁰ Любовь Федоровна Муравьева — сестра А. Ф. Вульф, двоюродная сестра и подруга Ф. Н. Муравьевой; к ней обращена концовка стихотворения «Итак, опять убежище готово...», написанного Муравьевым в Берноне в сентябре 1780 г.

¹¹ Мармонтель Ж. Ф. (1723—1799) — французский писатель-просветитель, сотрудник «Энциклопедии» по отделу искусств. Роман «Инки» (1777) направлен против фанатизма, деспотии, порабощения человека, в частности против насилий европейцев в Америке. Вышедшее в начале освободительной борьбы в Америке произведение приобрело особую остроту, мобилизуя общественное мнение в пользу восставших. «Сказки», о которых говорит Херасков, — небольшие рассказы Мармонтеля «Contes poëtiques» («Нравоучительные рассказы», 1756—1761).

8. Л. 12.

¹ Лепехин Иван Иванович (1740—1802) — академик, путешественник; впоследствии — непреходящий секретарь Российской Академии, редактор «Новых ежемесячных сочинений».

² Дора К. Ж. (Dorat, 1734—1780) — французский поэт и драматург. В упоминаемой Муравьевым комедии «Les grôneurs, ou le Tartuffe littéraire» (1777) Дора выступил против энциклопедистов, их салонов, хотя в предисловии и отверг упреки в сатире на лица, утверждая, что он изобразил характеры, встречающиеся в Париже, Лондоне, Петербурге, Пекине. Резкие нападки на просветителей сочетаются в комедии с пренебрежительными отзывами об их противниках. Муравьев, как и многие поэты 70-х гг., увлекался «легкой поэзией» Дора. Это увлечение спало к 90-м гг. В «Эмилиевых письмах» Муравьев отметил, что Дора «удалился от благородной простоты, бегая за остроумием».

³ Герцогиня Кингстон (1720—1788) прибыла в Петербург после скандального процесса. Великолепная яхта герцогини привлекла внимание петербуржцев, и «знатные обоего пола» спешили осмотреть ее.

9. Л. 18—19.

¹ Х. М. Ганнибал (ум. 1781) — вторая жена Абрама Петровича, прабабка А. С. Пушкина.

² Петр Матвеевич — Херасков, брат поэта.

³ Княжна Урусова Екатерина Сергеевна (1747—после 1817) — двоюродная сестра Хераскова, поэтесса.

⁴ Нарвская поэма — «Нарвиада» или «Осада Нарвы», — большая поэма, задуманная Муравьевым, от которой сохранились лишь отрывки. Трагедия, о которой идет речь, — «Болеслав»; Муравьев работал над ней в 1773—1776 гг. и также не закончил.

⁵ «Сочинения Оссиана, сына Фингала» Д. Макферсона были переведены на французский П. Летуэрнером (1777).

⁶ Головин Михаил Евсеевич (1756—1802) — физик, адъютант Академии наук; племянник Ломоносова.

⁷ Самойлов — возможно, Александр Борисович, правитель владимирского наместничества.

⁸ Корсаков Алексей Иванович (1751—1821) — капитан 1-го фузилерного полка.

⁹ Козодавлев Осип Петрович (1754—1819) — поэт, переводчик. Товарищ Радищева по Лейпцигу, он по возвращении в Россию в 1774 г. был назначен в Сенат протоколистом.

¹⁰ Князь Григорий Григорьевич — Орлов; см. примеч. 1 к письму 31 А. П. Сумарокова на с. 198.

¹¹ Муравьев называет комические и лирические оперы Мармонтеля.

¹² Эпистола к парижанам написана в 1776 г.

¹³ Речь идет о стихотворном послании французского поэта Мюрвиля (Murville) «L'Amant de Julie d'Etange, ou Epître d'Hermtotime à son ami», напечатанном в 1776 г. Кроме того имеется в виду пересказ послания и краткий разбор его в «Almanach des Muses» 1777 г.

¹⁴ Стихотворение Дора посвящено смерти его друга Колардо (издано в 1777 г.). Ш. П. Колардо (1732—1776) — французский поэт и драматург, автор популярных героид «Элоиза к Абельяру» (переложение из А. Попа), «Армида к Рено» (в русском переложении — «Армида к Ривольду»; по Т. Тассо) и т. д.

10. Л. 13—14.

¹ Кумберланд — Ричард Кемберленд (1732—1811), английский драматург, автор многочисленных «слезных» комедий. Пьеса, о которой пишет Муравьев, — «The West Indian» («Индеец», 1771).

² О И. И. Шувалове см. примеч. 1 к письму 4 А. П. Сумарокова на с. 189; с апреля 1763 по 17 сентября 1777 г. находился за границей.

³ А. П. Сумароков умер 1 октября 1777 г.

⁴ В начале 1773 г. Яков Борисович Княжнин (1740—1791) под предлогом растраты (по предположению современных исследователей, действительной причиной расправы было или участие Княжнина в «драке» вокруг престола, или антикатерининская трагедия «Ольга», — может быть, то и другое вместе) был приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имения, лишением дворянства и чинов, разжалованием в солдаты. В апреле 1777 г. ему был возвращен капитанский чин, и он был зачислен переводчиком в Канцелярию от строений по предложению ее начальника И. И. Бецкого. В следующем году Княжнин стал секретарем Бецкого. Муравьев хорошо знал драматурга. Среди его записей можно найти и указание, что Княжнин сочинил «Ольгу» и «Вивлиду». Это единственное свидетельство современника о принадлежности Княжнину трагедии «Ольга», опубликованной нами в 1961 г. (вторая трагедия пока не обнаружена).

⁵ В первом номере «Санктпетербургских ученых ведомостей», вышедшем в марте 1777 г., читатели оповещались, что журнал первые два месяца будет выходить дважды в неделю, чтобы к концу года получился комплект в 52 номера; однако всего появилось 22 номера.

⁶ М. В. Сушкова (Храповицкая, 1752—1803) — писательница, переводчица. Первое издание ее перевода романа Мармонтеля «Инки» напечатано в 1778 г. в Москве.

⁷ См. № 56.

11. Л. 15.

12. Л. 16—17.

¹ Афанасий Матвеевич — Брянчанинов (ум. 1786), вологодский помещик, родственник Муравьева, который посвятил ему ряд стихотворений. В прозаических произведениях Муравьева он изображен под именем Осанова.

² Вейдемейер Иван Андреевич (1752—1820) — в 1777 г. титулярный советник Коллегии иностранных дел.

³ Тургенев Иван Петрович (1752—1807) — друг Муравьева, в эти годы служил в Крыму старшим адъютантом в штате кн. А. А. Прозоровского; переводчик, сотрудник «Утреннего света»; впоследствии — видный масон, писатель. Был произведен в секунд-майоры во время приезда в Петербург 22 июля 1777 г.

⁴ Красильников Семен — купец, должник Муравьевых.

⁵ Захар Матвеевич — Муравьев (1759—1832), сын Матвея Артамоновича младшего, двоюродный брат М. Н. Муравьева; артиллерийский офицер.

⁶ Кронек — И. Ф. Кронек (Kronek, 1731—1758), немецкий поэт и драматург, представитель умеренного крыла немецкого просветительства. Двухтомное собрание его сочинений вышло в 1761 г. В него включены драматические произведения, сатиры, элегии, дидактические стихотворения. Философские lamentации и меланхолические элегии Кронек дали современникам право называть его «немецким Юнгом». По-видимому, чтением сочинений Кронек навеваны меланхолически-мрачные рассужде-

ний Муравьева в нижеследующем письме к сестре, которое встревожило его родных.

⁷ Иван Иванович (убит в 1790 г.) и Василий Иванович Чаадаевы в 1777 г. — сержанты Преображенского полка. Их отец, тверской помещик и чиновник, сослуживец Н. А. Муравьева Иван Петрович Чаадаев (1732 или 1733—1786) — переводчик комедии Мольера «Жорж Дандин» (1758).

13. Л. 20—21.

¹ «Так и должно» — комедия М. И. Веревкина (1732—1795), напечатанная в 1773 г.

² Новая актриса — возможно, Прасковья Петровна Черникова, принятая на службу в 1777 г.

14. Л. 22.

¹ Яков Ефимович — Сиверс (1731—1808), один из виднейших чиновников екатерининского времени; в 1777—1778 гг. — наместник тверской, новгородской и исковский.

² «Дезертер» — лирическая драма М. Ж. Седена (1719—1797) «Le déserteur» (1769), музыка Монсиньи.

³ «Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains» — одна из популярнейших книг Монтескье. Изданная впервые в 1734 г., она к 1781 г. выдержала свыше тридцати изданий. В этом сочинении Монтескье впервые формулирует принципы отношения к истории, которые лягут в основу «Духа законов» (1748). Поэма в прозе «Книдский храм» опубликована в 1724 г., эстетический трактат «Опыт о вкусе» — в 1757 г.

⁴ Бастидон Матрена Дмитриевна (1734—1805) — кормилица цесаревича Павла Петровича, мать Екатерины Яковлевны Бастидон (1760—1794), первой жены Г. Р. Державина, подруги Ф. Н. Муравьевой; Муравьев постоянно бывал в доме М. Д. и К. Я. Бастидон.

⁵ Балк — вероятно, Захар Михайлович (1753—1821), в эти годы подпоручик Преображенского полка.

⁶ Сестрица ... помнит — приписка М. Н. Муравьева.

15. Л. 23—24.

¹ 30 августа — традиционный день так называемого «кавалерского праздника». Описание его см.: «Санктпетербургские ведомости» от 1 сентября 1777 г.

² Николай Федорович — Муравьев, брат А. В. Вульф, двоюродный брат М. Н. Муравьева; поручик артиллерии.

³ Дмитрий Васильевич — Камынин (1740—1807), чиновник тверского верхнего земского суда.

16. Л. 25—26.

¹ М. Н. Кречетников (1723—1793) в 1777 г. — наместник калужский и тульский; в 1778—1781 гг. — калужский, тульский и рязанский.

² Федор Леонтьевич — Карабанов (1738—1813), тверской вице-губернатор до назначения на эту должность Н. А. Муравьева.

³ С. С. Муравьев (1728—1899) — дальний родственник Муравьевых, секунд-майор.

⁴ Книжная лавка Миллера располагалась в доме купца Т. Позднякова на Луговой Миллионной, а затем Миллер перевел ее в собственный дом на той же улице (оба дома находились примерно на месте нынешней арки Главного штаба).

⁵ Василий Евдокимович — Адодуров (1709—1780), математик, писатель; первый русский ученый, получивший ученое звание. С 1762 г. — куратор Московского университета, с 1774 г. — сенатор; дальний родственник Муравьевых.

⁶ Голохвастов — Алексей Иванович.

⁷ Николай Николаевич Муравьев (1768—1840) — сын Н. Е. и А. А. Муравьевых; Варвара Николаевна — его сестра.

⁸ «Жюли» — комическая опера Ж. М. Буте де Мопвеля (1745—1812), музыка Дезеда. Впервые поставлена в 1772 г.

17. Л. 27—28.

¹ Гавриил — см. примеч. 2 к письму 43 А. П. Сумарокова на с. 205.

² О С. Г. Домашнев (1743—1795) см. примеч. 1 к письму 11 А. П. Сумарокова на с. 226.

³ О лекциях по математике и физике, читаемых в Академии наук, Муравьев часто писал в 1776 г. Особым успехом, по его словам, пользовались лекции профессора Крафта по экспериментальной физике, на которые съезжалось много петербуржцев.

⁴ В списке Академии наук адъюнкта Ивана Алексеевича не найдено.

⁵ Дьяков Алексей Афанасьевич (1721—1791) — обер-прокурор Сената; в его доме часто собирались молодые писатели и поэты. Дочери его — Марья (подруга Ф. Н. Муравьевой) — впоследствии жена Н. А. Львова; Александра — Капниста; Дарья — вторая жена Державина; Екатерина — графиня Стейнбок.

18. Л. 29—30.

¹ А. Л. Львов (1751—1829) — впоследствии сенатор. Возможно, ему принадлежит перевод книги Автонио де Гевары «Золотые часы государей» (ч. 1—6. СПб., 1773—1780).

² Наталья Александровна Репнина (1737—1798).

³ Грейг Самуил Карлович (1736—1788), шотландец по происхождению, в русской службе с 1764 г.; один из руководителей Чесменского сражения 1770 г.

⁴ Утром 10 сентября 1777 г. в Петербурге было самое сильное со дня основания города наводнение (и третье до настоящего времени). Высота подъема воды достигла примерно 321 см. выше ординара, причем разрушительная сила наводнения усугубилась бурей, в результате которой самые высокие и лучшие деревья на Васильевском острове и в Коломие были вырваны с корнем; по преданию, небольшой купеческий корабль проплыл мимо Зимнего дворца поверх каменной набережной.

19. Л. 31—32.

¹ Судя по переписке, Муравьев думал издать книгу по механике. Следы работы над ней можно найти в бумагах, хранящихся в ГПБ, но документов, свидетельствующих о том, что его книга была напечатана, не обнаружено.

² «Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским». СПб., 1764.

³ П. Н. Трубецкой (1724—1791) — сводный брат М. М. Хераскова. В 1777 г. — камергер, «почетный любовитель» Академии художеств.

⁴ Связно — скорописью, неразборчиво.

20. Л. 33—34.

¹ Осип Абрамович — Ганнибал (1744—1806), дед А. С. Пушкина. Петр Абрамович (1742—1822) — его брат. Жена П. А. Ганнибала — О. Г. фон Данн-нрштерн.

21. Л. 35—36.

¹ Румовский Степан Яковлевич (1734—1812) — академик; известен работами в области математики, астрономии, геодезии; один из составителей «Словаря Академии Российской».

² Крафт Вольфганг Людовик (Логин Юрьевич, 1743—1814), сын академика И. В. Крафта, — известный математик, академик; работал вместе с Л. Эйлером, преподавал в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Артиллерийском корпусе и т. д. О лекциях его см. № 17, примеч. 3.

³ Данила Афанасьевич — Мерлин (ум. 1783), генерал-поручик.

⁴ Василий Лаврентьевич — Львов (1745—1820), в 1777 г. секунд-майор тверского наместничества.

22. Л. 37—38. Первая часть письма, кроме подписи, написана рукой М. Н. Муравьева от имени Матвея Артамоновича старшего.

¹ Перемены 22 числа — награждения в связи с годовщиной коронации императрицы.

² Генерал-прокурор — А. А. Вяземский; наместник — Я. Е. Сиверс; вице-губернатор — Ф. Л. Карабанов. Л. С. Созонов привлечался тверской гражданской палатой к суду по ходатайству представителей купечества и мещанства г. Ржева, где он раньше был головой.

³ Неточная цитата из 3-й песни поэмы Майкова «Игрок ломбера».

23. Л. 39.

¹ Елисавета Васильевна — Хераскова (1737—1809), поэтесса, жена М. М. Хераскова.

² А. И. Васильев (1742—1807) в 1777 г. — обер-секретарь экспедиции о государственных доходах. Он был женат на Варваре Сергеевне Урусовой (1751—1831), двоюродной сестре Хераскова.

³ Храповицкий Александр Васильевич (1749—1801) в 1777 г. — обер-секретарь Сената; поэт, переводчик, драматург.

⁴ Хвостов Александр Семенович (1753—1820) в 1777 г. служил в Сенате; поэт, драматург, переводчик, в 1778—1779 гг. он был относительно близок к лвовскому кружку, но вскоре отошел от него.

⁵ Старик Гурьев — может быть, Андрей Васильевич (1731—1808), бывший генерал-адъютант Петра III.

⁶ Афонин Матвей Иванович (1739—1810) — школьный товарищ Потемкина, Фонвизина, Новикова; профессор натуральной истории и земледелия Московского университета. Оставив в 1777 г. кафедру по слабости здоровья, Афонин стал секретарем Зорича. В дальнейшем Муравьев пишет о неблагодарности Зорича по отношению к Афонину, возникших между ними неприяностях.

24. Л. 42—43.

¹ И. П. Шагаров — офицер Измайловского полка.

25. Л. 40—41.

¹ М. Я. Неручев — орловский купец.

² Вателет — К. А. Ватле (Watelet, 1718—1786), художник, гравер, скульптор, писатель. Муравьев говорит о его поэме «Искусство живописи» («L'art de peindre. Poème avec des réflexions sur les différentes parties de la peinture»). Paris, 1760).

³ Письма Эйлера, о которых говорит Муравьев, — «Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie» (3 vol., 1768—1772). Они переведены С. Румовским под заглавием: «Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе...». Ч. 1—3. СПб., 1768—1774.

⁴ Гравер де Виль — И. Г. Вилле (1715—1808), немец по национальности, работавший во Франции.

26. Л. 44.

¹ А. Я. Олсуфьева — сестра Ф. Я. Олсуфьева.

27. Л. 45. Конец письма оторван.

¹ По-видимому, речь идет о гибели Ф. П. Чаадаева (см. № 24).

28. Л. 46.

¹ Мать Муравьева, урожденная Софья Петровна Ижорина (1732—1768). См. также «Слово на погребение супруги действительного статского совет-

ника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны, говоренное Большого Успенского собора ключарем переем Петром Алексиевым декабря 14 дня, 1768 года» (М., 1768). Несмотря на то, что Муравьеву было 11 лет, когда умерла его мать, он очень редко вспоминает ее. Основное чувство, о котором он пишет в письмах, записках, стихах, — любовь к отцу и сестре.

² Эти размышления показывают, насколько неглубоким было собственно религиозное чувство Муравьева. И церковь должна в первую очередь удовлетворить его эстетические запросы. Псковское подворье с церковью, перестроенной в 1760-х гг. архитектором А. Ф. Вистом, находилось на Васильевском острове, в Шестой линии. «Полковая» — небольшая Троицкая полковая церковь Измайловского полка, находившаяся напротив «холодной» деревянной Троицкой церкви, которая стояла на месте одноименного каменного собора, завершенного в 1835 г.

³ Ярычек Дмитрий Дмитриевич (1716—1781) — тверской помещик.

⁴ Зорич получил во владение Шклов, где жил после удаления от двора.

⁵ Д. В. Волков (1718—1785) в 1776—1777 гг. — наместник в Смоленске. В 1777 г. назначен петербургским обер-полицмейстером; вышел в отставку в 1782 г.

29. Л. 47—48.

¹ С неделю места — с неделю времени.

² Целлариев лексикон — словарь К. Целлария (1638—1707), озаглавленный в русских изданиях: «Краткий латинский лексикон с российским и немецким переводом...» СПб., 1746; 2-е изд. — 1768.

³ Французский поэт П.-С. Марешаль (1750—1803) начал литературную деятельность как автор пасторалей и «pièces fugitives» (сборники «Bergèges», 1770; «Bibliothèque des Amants», 1777). В дальнейшем Марешаль выступал как последовательный атеист и революционер. В частности, ему принадлежит памфлет — мнимое завещание Екатерины II Павлу.

30. Л. 50—51.

31. Л. 54—55.

¹ Карманов Диомид Иванович — тверской публичный нотариус; с 1777 г. — сотрудник Вольного российского собрания при Московском университете.

² Небольшое имение Устреха было подарено М. Н. Муравьеву отцом.

³ Стихи Урусовой на смерть Сумарокова точно не атрибутированы; при письме их текста нет.

⁴ Это имя несколько раз встречается в письмах в сопровождении весьма нелицезных эпитетов.

32. Л. 52—53.

¹ Данные стихи Муравьева на смерть Сумарокова не сохранились. В июне 1778 г. им написаны другие.

² Тейльс Игнатий Антонович (1744—1815) — писатель и переводчик. В 1777 г. — секретарь Совета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.

33. Л. 56—57.

¹ Речь идет о хлопотах, которые собирался предпринять для производства М. Н. Муравьева в офицеры Н. А. Муравьев.

² Брюс Яков Александрович (1732—1791) в 1777 г. — генерал-аншеф, сенатор, подполковник Семеновского полка, командир Финляндской дивизии.

³ Уц И. П. (1720—1796) — немецкий поэт. В 1746 г. он вместе с Гетцем (1721—1781) перевел и издал сборник од Псевдо-Анакреона. В 1749 г. вышел в свет сборник латинских стихотворений Уца «Lyrische Gedichte», переизданный в 1775 г. О нем, очевидно, и говорится в письме.

⁴ Бастидонша — несомненно, К. Я. Бастидон, о близких дружеских отношениях которой с Ф. Н. Муравьевой говорится во всех циклах писем М. Н. Муравьева от 1776 до 1792 г.

34. Л. 58—59.

¹ Аграфена Петровна — жена Семена Саввича Муравьева.

35. Л. 103—104.

36. Л. 60.

37. Л. 61.

¹ Ознобишин Василий Петрович — в 1777 г. квартирмейстер Измайловского полка.

² Комические оперы Мармонтеля.

38. Л. 62—63.

¹ Ушаков — прапорщик Измайловского полка, сын тверского помещика.

39. Л. 64.

40. Л. 65—66.

¹ Ипполит Тимофеевич Пучков — знакомый Муравьевых.

² О какой «сшибке» с татарами пишет Муравьев, выяснить не удалось. Произошла она, очевидно, незадолго до письма, ибо Иван Дунин и Егор Любимов были произведены в полковники 11 июля.

³ «Тускуланские беседы» («вопросы») Цицерона Муравьев взял для перевода в «Собрании, старающемся о переводе иностранных книг». О своей работе над книгой он писал еще в 1776 г. В бумагах не обнаружена.

⁴ Фолард — французский военный историк Ж. Ш. де Фолар (1669—1752); наиболее известное произведение его — «Комментарии на Полибия» (1727—1730).

⁵ Раммлер — К. В. Рамлер (1725—1798), немецкий поэт. Из его сборников Муравьев мог читать «Oden» (1768), а также «Lieder der Deutschen» (1766), «Lyrische Gedichte» (1772), «Lyrische Blumenlese» (1774—1778).

41. Л. 67—68.

¹ Петр Андреевич — Мантуров, ассессор палаты гражданского суда в Твери.

² Сыновья Прокофия Демидова — Степан и Григорий, сержанты Преображенского полка, произведены в прапорщики 1 января 1778 г.

³ Соймонов — очевидно, Михайло Федорович.

42. Л. 69—70.

¹ Лев Андреевич — Батюшков, дед К. Н. Батюшкова. Был женат на сестре матери Муравьева; в 1777 г. — предводитель дворянства Устюжско-Железопольского уезда, в 1778 г. — предводитель дворянства Крестецкого уезда Новгородского наместничества.

² Марья — побочная дочь Матвея Артамоновича старшего.

43. Л. 71—72.

¹ Имеется в виду «Люцинда и Армидор», музыкальная драма итальянского драматурга Марко Колтеллини, жившего в конце 60—70-х гг. в Петербурге. Впервые представлена в 1777 г. (музыка Дж. Паизиелло).

44. Л. 73—74.

45. Л. 75—76.

46. Л. 77—78.

¹ Алексей Минич — Муравьев (ум. 1807), дальний родственник Муравьевых.

² Лирическая драма «Генрих IV» (1774) принадлежит Розуа (1743—1792), французскому поэту и драматургу, казненному за попытку освободить Людовика XVI.

47. Л. 79—80.

¹ «Игрок» — известная комедия Ж. Ф. Реньяра (1655—1709). «Колония, или Новое селение» — комическая опера Н. Э. Фрамери (1745—1810), музыка Саккини.

48. Л. 81.

¹ После возвращения из Турции в 1776 г. Н. И. Панин предполагал поручить Н. В. Репнину управление иностранными делами. Недовольная сближением Репнина с Паниным и «малым двором» императрица отклонила это предложение. Почти безотлучно находясь в Петербурге, Репнин уделял большое внимание Измайловскому полку. Этим и можно объяснить слегка иронический характер замечания Муравьева о назначении Репнина наместником смоленским и орловским.

49. Л. 83—84.

¹ Автограф сборника «Новые лирические опыты Михаила Муравьева. 1776» хранится в ГПБ. Издать сборник Муравьеву не удалось, и одно лишь стихотворение он напечатал в «Санктпетербургском вестнике» 1778 г., два опубликованы посмертно в 1819 г., четыре — в 1967 г.

² Леонар (1744—1793) — французский поэт, в творчестве которого сильны предромантические тенденции. Муравьев переводил Леонара (в 1779 г. в «Модном ежемесячном издании») опубликовано стихотворение «Буря. Перевод осьмой идиллии г. Леонарда» с «приписанием», т. е. посвящением, сестре — Ф. Н. Муравьевой), упоминал о нем в своих стихах.

50. Л. 85.

¹ Гизелевский после падения Зорича стал (в 1778 г.) секретарем правления Новгородского наместничества.

51. Л. 89—90.

¹ В Авдотью Александровну Львову, сестру Н. А. Львова, Муравьев был влюблен в 1776 г. В 1777 г. она вышла замуж за тверского землемера Н. И. Рудакова.

52. Л. 91—92.

53. Л. 93—94.

¹ П. А. Соймонов (ум. 1800) впоследствии — один из статс-секретарей императрицы.

54. Л. 95—96.

¹ В. Н. Трубецкой (род. 1752) — сводный брат М. М. Хераскова. Указ о производстве гвардейских офицеров от 7 января 1778 г. см.: «Санктпетербургский вестник», 1778, ч. 1, с. 79; «Санктпетербургские ведомости» от 12, 16, 19, 26 января 1778 г.

² То есть у М. М. Хераскова.

55. Л. 97.

¹ И. С. Караулов (1739—1812) — тверской помещик, заседатель верхнего земского суда, премьер-майор. Его жена Анна Львовна (1758—1819) — дочь Л. А. Батюшкова, двоюродная сестра Муравьева.

² Текста «маленькой пьесы в гексаметрах» в письмах нет, однако речь, несомненно, идет о стихотворении «Роцца». Во-первых, это единственное оригинальное стихотворение, написанное гексаметром, на что Муравьев обращал внимание Д. И. Хвостова, посылая ему экземпляр «Опыта трудов», где была напечатана «Роцца»: «Я избрал в ней малоупотребительное стихосложение, но которое в языке нашем имеет права гражданства, по присуждению начальников искусства, Ломоносова и Тредьяковского. Сей последний обесславил его, написав им „Тилемахиду“. Но сей ученый человек — достопамятное доказательство, что дарования разделяются приро-

дою, — обезображивал всякий род стихотворства, к которому он ни касался. Я, может быть, употребил его без пользы... Это, что называется, своеправие художника, если только мне позволено иметь свое». Во-вторых, в стихотворении «Успех британской музыки. К В. П. Петрову» (1778) сам Муравьев засвидетельствовал факт чтения Петрову именно «Роши». Обращаясь к адресату стихотворения, Муравьев писал: «Со снисхождением зришь моей мечтанья „Роши“...».

56. Л. 98—99.

¹ Пестов — тверской знакомый Муравьевых.

² Может быть, Матвей Батюшков — майор санктпетербургского гарнизона.

³ Письма Расина к сыну Жан Батисту, написанные в 1691—1699 гг., были опубликованы Луи Расином в 1747 г. в сборнике «Lettres de Jean Racine». Муравьев пользовался либо этим изданием, либо переводом на немецкий язык, появившимся в 1776 г.

⁴ Настасья Федоровна Муравьева — монахиня; двоюродная сестра М. Н. и З. М. Муравьевых, сестра А. Ф. Вульф.

⁵ Мармонтель являлся одним из любимейших писателей Муравьева. В своих записках он называл Мармонтеля «мудрецом словесников» и, сравнивая с Вольтером и Руссо, отдавал ему предпочтение, потому что у него «меньше желчи, чем у Вольтера, и больше простоты и мягкости, чем у Руссо» (ГПБ, № XXII, л. 46). В 1776 г. Муравьев советовал сестре читать Мармонтеля «pour l'élégance de la langue» (для изящества языка, — письмо 7 апреля 1776 г.). Близость Муравьева к Мармонтелю выходит за пределы читательского восхищения; она чувствуется в самой системе литературных взглядов: в отношении к древним и новым писателям, проблеме прекрасного и т. д.

57. Л. 100—101.

¹ Очевидно, речь идет о написанной в это время комической опере Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» на сюжет рассказа Мармонтеля «Le mari-Sylphe» («Супруг Сильф»). Неопубликованное либретто хранится среди бумаг Державина в его фонде в ГПБ (№ XXXVIII). Музыка написана Ихонтовым. Упоминаемая далее «Апюта» — комическая опера М. И. Попова.

58. Л. 102 и 105.

¹ Петр Антонович — Костливцев, родственник Муравьевых. В 1776 г. — капитан Таганрогского порта, позднее — вице-адмирал.

² «26 января на придворном театре представлена итальянская опера „Ахилл во Сциросе“ соч. Метастазии, музыка Паизиелло, придворного капельмейстера» (Санктпетербургский вестник, 1778, ч. 1, с. 165). В «Летописи русского театра» Арапова отмечено великолепие постановки оперы «Ахилл во Сцире», связанное с празднествами по случаю рождения великого князя Александра Павловича. Отдельное издание «Ахилл во Сцире» — СПб., 1778.

59. Л. 108—109.

60. Л. 110.

¹ Речь идет о задержке с отпуском. Н. А. Муравьев желал, чтобы сын приурочил отпуск к рождественскому посту, однако тот реально начал хлопотать об отпуске значительно позднее.

61. Л. 111—112.

¹ П. И. Черевин (1733—1813) — солигаличский предводитель дворянства.

62. Л. 86—87.

Письмо не датировано, помещено между декабрьскими письмами 1777 г., но написано оно, без сомнения, 8 февраля 1778 г., так как в письме

6 февраля Муравьев писал о предстоящем на следующий день представлении «Дидоны».

¹ В данном письме (а также в № 64) Муравьев называет полковником Н. В. Леонтьева (к этому времени ставшего майором Измайловского полка), очевидно, в отличие от Олсуфьева, которого он везде именует майором. Подполковник — князь Н. В. Репнин.

² Имя И. А. Дмитриевского многократно встречается в записях, дневнике, стихах Муравьева. Наиболее развернуто впечатление от игры актера в стихотворении «Сожаление младости» (1780):

Я плакал сладостно, Дмитриевский, в первый раз
Твой сердцу сродственный, волшебный слыша глас,
Трепеща, спровождал твоё рукодвиженье,
Всесильно быстрое делил обвороженье
Неудовольственной и рошущей любви
Иль стужу ужаса, лиющусь по крови.

63. Л. 114—115.

¹ Н. Ф. Муравьева.

² Петр Николаевич — Львов, дядя Н. А. Львова.

64. Л. 118—119.

65. Л. 116—117.

¹ Порри — известный артист итальянской оперы. На время великого поста все светские увеселения прекращались, в течение второй—шестой недель могли устраиваться лишь концерты духовной музыки, а на первой и седьмой неделях великого поста не дозволялись и они. Поэтому любители музыки, подобно Муравьеву, нередко посещали «католическую церковь». Так, в письме от 29 марта 1781 г. Муравьев сообщает Л. Ф. Муравьевой, что ее брат Александр Федорович Муравьев собирается ехать в католический храм, «ибо будет новая прекрасная музыка, присланная к государыне от императора, а к императору от папы», которая будет сопровождать обряд умовения ног, совершаемый в четверг седьмой («страстной») недели. В течение второй—шестой недель великого поста 1779 г. дважды в неделю исполнялись оратории; организовал их исполнение французский композитор, дирижер и скрипач Пезибль. 8 марта 1780 г. в Музыкальном клубе, членом которого был Муравьев, он слушал ораторию Перголезе «Stabat mater» (письмо от 11 марта 1780 г.), и т. д.

66. Л. 120—121.

¹ Муравьев приехал в Москву из Твери вместе с сестрой, Л. Ф. Муравьевой, А. Ф. и И. П. Вульфами.

67. Л. 122.

И. И. ФОНВИЗИН

Публикация Н. Д. Кочетковой

Письма И. И. Мелиссино

1

8 июля 1784

Милостивый государь Иван Иванович!

Третьего дня будучи введен в Университет под руководством его превосходительства Михайла Матвеевича и вступив в определенную мне в сем месте должность, о чем вашему превосходительству имею честь препроводить особенный рапорт, за первый долг почитаю я препоручить себя в милость и в особенное вашего превосходительства покровительство. Лестно для меня, милостивый государь, иметь некоторое начальство в том месте, в котором под покровительством вашим получил я просвещение и которому обязан я моим воспитанием, а еще лестнее для меня будет, если ваше превосходительство не отмените, но паче усугубите ко мне те милости, коими я в младенчестве моем и в сем самом месте имел честь пользоваться.¹ За верх счастья моего почту, если трудами моими и ревностным исполнением возложенной на меня должности сделаюсь я сему месту полезным и тем удовлетворю долгу моей к нему благодарности. Я смею уверить ваше превосходительство, что с моей стороны употреблено будет всевозможное попечение к сохранению в сем месте благоустройства, для которого кажется необходимо должно мне жить в самом университетском доме. Приняв сие обстоятельство во уважение, ездил я вчерашний день туда нарочно для осмотра директорских покоев. Позвольте, милостивый государь, донести о сем вашему превосходительству во всей откровенности. Сколько я ни примышлял о расположении моем с семьею моею в оных покоях, но никакого способа к помещению моему тут не открывается; умалчивая о худом состоянии оных покоев и о потребных к исправлению оных

больших издержках, на случай, если б я имел способ в них поместиться. И для того беру смелость просить вас, милостивый государь, о дозволении мне занять средний этаж новопостроенного вновь жилого флигеля. Сия милость тем для меня будет чувствительнее, что, с одной стороны, я, заняв оный флигель не потерплю ни малейшей тесноты, которую бы в директорских покоях должен я был, конечно, чувствовать; а, с другой стороны, и классы те, кои в оном этаже находятся, равным же образом без малейшей тесноты в покоях директорских, конечно, поместятся, употребляя необходимо нужную на них поправку. В прочем, как настоящее мое звание налагает на меня долг просить вашего превосходительства о преподании мне милостивых ваших наставлений, кои при первом моем вступлении должны мною быть приняты за правила всегдашнего моего поведения, то желал бы я, чтоб ваше превосходительство позволили мне на короткое время отлучиться из Москвы, чтоб я, воспользуясь оным, мог иметь честь увидеть вас персонально, принять ваши повеления и уверить вас изустно о том истинном почтении и совершеннейшей преданности, с коими я имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший и послушнейший слуга

Павел Фон Визин.

8 июля 1784 года, Москва.

2

27 июля 1784

Милостивый государь Иван Иванович!

Вчера имел я честь получить вашего превосходительства письмо с приобщением описания бывшего в Орле грома.¹ Я думаю, милостивый государь, что перевод одного и припечатание экстрактом в газеты не было бы излишнее, а особливо для людей, в испытаниях естества упражняющихся. Сегодня послал я оное описание при письме моем к его превосходительству Михайлу Матвеевичу,² от которого буду ожидать дальнейших повелений.

Позвольте мне, милостивый государь, принести вашему превосходительству нижайшую мою благодарность за милостивое ваше угощение.³ По приезде моем в Москву получил я письмо из Тулы от господина Дилья, о котором ваше превосходительство мне говорить изволили. Он пишет, что ваше превосходительство предупредили уже его о той должности, в которую он в университете вступить имеет, и просит меня, чтоб я не замедлил прислать к нему контракт, означающий как должность его, так и жалованье; в следствие сего получа от вашего превосходительства позволение принять его в университет в качестве учителя чистого письма, посылаю я к нему при письме моем род обяза-

тельства, в коем прописываю я все то, чему он обучать должен с назначением ему так, как ваше превосходительство приказывать изволили, по 400 рублей в год жалованья, т. е. 200 рублей из университета, а другие 200 руб. из вольного пансиона. Сие, кажется, для обеих сих мест необходимо нужно, ибо умалчивая о учениках гимназических, о которых я по сие время не имею еще никакого понятия, ученики вольного пансиона почти ни один не только писать, но и пера в руках держать не умеют.

Теперь остается мне донести вашему превосходительству, что по получении от вас милостивого позволения занять средний этаж новопостроенного жилого флигеля, прилагаю я всевозможное старание с меньшим иждивением сделать его способным к моему помещению, но по сие время весьма мало в том предупевал, ибо за сделание в оных покоях семи перегородок и за небольшую лестницу, которая должна сделана быть в конце коридора вниз к балкону против директорских покоев, не берут менее 270 рублей, хотя я уже несколько человек призывал в канцелярию и сам с ними торговался. С другой же стороны, в рассуждении двойных окончин в среднем этаже, которые если б оный этаж и для классов остался, сделать в нем необходимо нужно, предупел я подрядить оные гораздо дешевле прежних, а именно каждую раму с белыми стеклами за 4 рубли. Неумеренность цены за вышеописанную работу, без которой, однако ж, никак обойтись нельзя, принудило меня остановиться до получения на сие мое покорнейшее письмо милостивого вашего превосходительства разрешения, в ожидании которого имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию,⁴ милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший и послушнейший слуга

Павел фон Визин.

Июля 27 дня 1784 года.

3

20 марта 1785

Милостивый государь Иван Иванович!

По приезде моем в Петербург имел я честь несколько раз быть у его высокопревосходительства Ивана Ивановича¹ и объясняться по всем тем пунктам, которые получил я от вашего превосходительства. Много бы требовалось времени и места представить здесь все происходящие при сем объяснении, с обеих сторон наши рассуждения, которых донесение позвольте мне, милостивый государь, предоставить скорому моему отсюда в Москву возвращению, которое, конечно, в нынешнее воскресенье и последует. Я за нужное при сем нахожу донести вам, милостивый государь, только то, что его высокопревосходительство Иван

Иванович крайне сожалеет, что объяснения его в присылаемых от него к вам письмах, которые происходили иногда от причиненного ему неудовольствия, полагали ваше превосходительство на счет его к вам недоброжелательства. Почтение и сердечную привязанность его к особе вашей мог я приметить при всяком разе моего с ним объяснения; и, наконец, при объявлении ему, что я имею к нему от вашего превосходительства письмо, в коем изволите просить его об увольнении вас на несколько времени от должности для нужного вам отдохновения, отозвался он, что таковое намерение вашего превосходительства весьма ему будет чувствительно и для того, как сам он хотел к вам о том писать, как и мне препоручил уверить вас, милостивый государь, что он, конечно, не пропустит ни одного случая, в котором может показать вам опытом сердечную свою к вам привязанность, желая всегда сохранить более всего ваше спокойствие. Я же, с моей стороны, несомненно надеюсь, что настоящее мое свидание с его высокопревосходительством послужит, конечно, к прекращению всех тех неудовольствий, кои, происходя от разных сторон, настоящим случаем, кажется, должны пресечься. В прочем представляя дальнейшее о всех обстоятельствах донесение персональному моему с вашим превосходительством свиданию, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Павел Фон Визин.

Марта 20 дня 1785 года
С. Петербург.

4

30 июля 1784

Милостивый государь Иван Иванович!

Сей день собрана была экстраординарная Конференция по поводу поданного от вашего превосходительства мнения о учреждении отборного класса, в которой, по многом трактовании о предлагаемом деле, Конференция почла за нужное сделать вообще всем господам кураторам свое представление здесь в протоколе следующее. К сему представлению побуждена она была многими причинами, особенного внимания заслуживающими, как то: если выписан будет из чужих краев человек со всеми качествами ученого мужа, то со всем тем недостаточен он будет для сего класса в рассуждении незнания его российского языка, который обучающему оный класс необходимо знать должно. Таковому чужестранцу на первый случай менее шестисот рублей предложить, кажется, стыдно, да думаю, милостивый государь, что за меньшую

оной суммы никто и выехать сюда не пожелает. Конференция, приняв с достолюбезным уважением мнение вашего превосходительства, так как и согласие на сие его высокопревосходительства Ивана Ивановича Шувалова и Михайла Матвеевича, сообщаясь при том со всеми вышеописанными неудобствами и, может быть, потерю определяемой на доставление такового человека суммы, весьма долго размышляла о изыскании средств, чрез которые бы университет мог достигь своего намерения, ничего не отваживая, рассудила за благо произвесть в действо мнение вашего превосходительства почти с тою же издержкою, но с большею пользою для университета. Господин профессор Чеботарев,¹ коего Конференция, находя способным к приведению сего класса в то состояние, в каковом он быть должен, предложила ему принять таковой труд на себя, который, по многих достойных уважения отговорках, наблюдая пользу университета, наконец, на сие согласился, с тем, однако ж, чтоб упражняться в преподавании в сем классе учения в день по два только часа, присоединя к сему классу и преподавание русского языка, в коем он ныне упражняется, обещая употребить все силы к соответствованию как намерению университета, так и выгодному о нем всей Конференции мнению. Обучение сего класса принимает он на себя на три года, в которое время может университет иметь такового человека из собственных своих питомцев; к чему Конференция, признавая весьма способным как с стороны учения, так и благонравия, студента Сохацкого,² просит вашего превосходительства, чтоб он послан был на кошт университета на сие трехгодичное время в чужие края для приобретения большего знания как в латинском и греческом языках, так и в словесных науках. Все сие, милостивый государь, будет университету стоить семьсот рублей в год, ибо как к содержанию в чужих краях студента Сохацкого четьреста рублей в год весьма будет достаточно, так и господин профессор Чеботарев прибавкою к настоящему его жалованью трехсот рублей в год весьма будет доволен. Польза же из того университета будет очевидная, ибо сверх того, что во время трех лет обещаемым старанием господина профессора Чеботарева доставит себе университет добрых и знающих студентов, по окончании сего срока получит он и собственного своего способного к сему классу человека и не будет обязан давать деньги чужестранцам, которые, побыв здесь и успев нажитья, оставляют университет без малейших от трудов своих успехов. Но как господин профессор Чеботарев не принимает на себя обучения греческого языка, отзываясь, что он в нем не столько силен, чтоб мог оный преподавать, то Конференция, признавая г. магистра Синьковского³ весьма довольно в сем языке знающим, полагает вышний греческого языка класс оставить при нем и ожидает от него больших успехов, нежели до сего было, ибо он в нем одним только и будет упражняться. В прочем Конференция все сие предоставляет собственному вашего превосходительства решению.

Я же всепокорнейше прошу вас, милостивый государь, удостоить меня на сие вашим ответом, дабы я мог по первой почте сообщить мнение ваше его высокопревосходительству Ивану Ивановичу, ибо господин профессор Чеботарев просил меня, чтоб если сие Конференции предложение будет всеми господами кураторами апробовано, дать ему о том знать, дабы он с окончанием вакации мог изготавиться к открытию нового своего класса.

На все сие ожидая вашего превосходительства решения, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Павел Фоп Визин.

Июля 30 дня 1785 года.

5

3 августа 1785

Милостивый государь Иван Иванович!

Расположась сегодняшний день иметь честь быть у вашего превосходительства в деревне с женою¹ и своячиною моею, нахожу я себя принужденным извинить себя пред вами, милостивый государь, в неисполнении сего столь лестного для меня предприятя. В нынешнюю ноць приехал из чужих краев сюда брат мой Денис Иванович.² Родство и дружба, меня с ним связывающие, требуют, чтоб я нынешний день пожертвовал ему; ибо с лишком год, как я не имел удовольствия его видеть. Я не сомневаюсь, чтоб ваше превосходительство, приняв во уважение сию причину, милостиво меня не извинили, тем паче, что я, конечно, на сих днях не премину воспользоваться честью исполнить прежнее мое намерение. Между тем, следуя приказанию вашего превосходительства, объявленного мне посредством г. Могилянского, имею честь приложить здесь протокол Конференции, в коем трактовано о вышнем латинском классе, ибо ни в одном из прочих протоколов об оном ни слова не упомянуто. Его превосходительство Михайла Матвеевич на посланный от меня к нему перевод с последнего протокола изволил объявить на оное свое согласие, как то ваше превосходительство изволите усмотреть из вложенного здесь оригинального перевода. В прочем предоставляя себе честь персонально принять на все сие вашего превосходительства решение, с истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейший слуга

Павел Фоп Визин.

Августа 3 дня 1785 года.

КОММЕНТАРИИ

Павел Иванович Фонвизин (1746—1803) — брат Д. И. Фонвизина, переводчик и писатель, сотрудник журнала «Доброе намерение» (1764). В 1784 г. в связи с увольнением директора Московского университета М. В. Приклонского П. И. Фонвизин был назначен на этот пост, на котором оставался до ноября 1796 г. Публикуемые письма к куратору университета Ивану Ивановичу Мелиссино (1718—1795) дают представление о служебно-общественной деятельности П. И. Фонвизина, об организации учебного дела в Московском университете. В одном из писем содержится интересное упоминание П. И. Фонвизина о его брате Денисе. Письмо позволяет точно определить дату приезда Д. И. Фонвизина в Москву после заграничного путешествия, а также свидетельствует о том, насколько близки были отношения между братьями.

Письма И. И. Мелиссино к П. И. Фонвизину, хранящиеся в архиве ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 1552), позволяют уточнить и дополнить содержание писем П. И. Фонвизина к куратору. В частности, письмо Мелиссино от 16 августа 1784 г. представляет собой ответ на не дошедший до нас рапорт Фонвизина от 9 августа 1784 г., в котором сообщалось о финансовых расчетах университетского руководства с Н. И. Новиковым.

Оригиналы хранятся в ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1610.

1. Оригинал — л. 1, 2. Текст рукой писца; заключительная формула, подпись и дата — автограф.

3 июля 1784 г. И. И. Мелиссино, находившийся в это время в своей подмосковной деревне, обратился с письмом к М. М. Хераскову с просьбой незамедлительно «вести» в должность П. И. Фонвизина: «порядок и течение дел требует, не упуская времени вести его» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, л. 26 об.). Эта церемония состоялась на чрезвычайном заседании Конференции университета 6 июля (*Шевырев С.* История имп. Московского университета. М., 1855, с. 252). В ответ на публикуемое письмо И. И. Мелиссино писал П. И. Фонвизину 10 июля: «Я всегда был и емь уверен, что вы употребите всевозможное старание, чтоб университет более и более соответствовал тем видам, для которых он учрежден» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, л. 27 об.).

¹ П. И. Фонвизин получил образование в Московском университете. Упоминание о «милостях», оказанных ему директором еще «в младенчестве», может быть связано с воспоминанием о поездке в Петербург, организованной И. И. Мелиссино зимой 1759—1760 г. для лучших учеников университета, в числе которых были оба брата Фонвизины. Д. И. Фонвизин в «Чистосердечном признании», упоминая о трудностях этого зимнего путешествия, писал: «...тягость нашу облегчало весьма милостивое внимание начальника. Он и супруга его имели смотрение за нами, как за детьми своими» (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч., т. 2. М.—Л., 1959, с. 91—92).

2. Оригинал — л. 3—4. Текст рукой писца; заключительная формула и дата — автограф.

¹ Речь идет о письме И. И. Мелиссино к П. И. Фонвизину от 23 июля 1784 г., к которому было приложено «описание действия бывшего в Орле грома», полученное Мелиссино от орловского губернатора Франца Николаевича Клички. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1552, л. 28).

² Михайла Матвеевич — М. М. Херасков. И. И. Мелиссино сам просил П. И. Фонвизина переслать Хераскову это описание.

³ Имеется в виду визит П. И. Фонвизина в подмосковную деревню

И. И. Мелиссино, куда хозяин приглашал нового директора в письме от 10 июля 1784 г.

⁴ Разрешение на расходы по ремонту здания было дано И. И. Мелиссино в письме к П. И. Фонвизину от 2 августа 1784 г.

3. Оригинал — л. 5—6. Текст рукой писца; заключительная формула и дата — автограф.

Отъезд П. И. Фонвизина в Петербург состоялся не ранее 11 марта 1785 г.: этим числом датировано рекомендательное письмо, которое И. И. Мелиссино передал Фонвизину для П. И. Мелиссино, директора Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса. П. И. Фонвизин хотел познакомиться с организацией учебного дела в корпусе, чтобы «иное занять для университета» (ф. 265; оп. 2, № 1552, л. 41). Главной же целью поездки было урегулирование сложных отношений, взаимных «неудовольствий» между И. И. Шуваловым и И. И. Мелиссино. Публикуемое письмо свидетельствует об успехе, с которым Фонвизин выполнил свою трудную дипломатическую миссию.

¹ Иван Иванович — Шувалов.

4. Оригинал — л. 7—8. Текст рукой писца; заключительная формула и дата — автограф.

¹ Чеботарев Харитон Андреевич (1746—1815) — профессор истории, правоучения и красноречия; с 1778 по 1783 г. был секретарем университетской Конференции.

² Сохацкий Павел Афанасьевич (1766—1809) учился в гимназии при Московском университете за счет основанного Новиковым Дружеского общества; с 1782 г. — студент университета; впоследствии стал профессором философии и древней словесности.

³ Синьковский Дмитрий Николаевич (ум. 1792) — преподаватель латинского и греческого языка, с 1786 г. — профессор логики и нравственной философии.

5. Оригинал — л. 9—9 об. Текст рукой писца; заключительная формула, подпись и дата — автограф.

¹ П. И. Фонвизин был женат в это время на М. П. Лопухиной (*Долгоруков П.* Российская родословная книга, ч. 2. СПб., 1855, с. 60).

² Д. И. Фонвизин возвращался из путешествия по Италии, предпринятого им вместе с женой и продолжавшегося около года: Фонвизины покинули Петербург летом 1784 г.

С. Г. ДОМАШНЕВ

Публикация В. А. Запавова

А. А. Безбородко

15 апреля 1785

Высокоосиятельнейший граф, милостивый государь..

Испытав все человеческое подвигнуть на жалость сердце ваше, и все без успеху. Ни многочисленные просьбы, ни ваши обещания, ни терзания мои не могли проникнуть до непреклонной души вашей.

Между престолом и мною разверзли вы бездну, в которой поглощается все, до меня касающееся: именные повеления, самими вами мне объявленные, вами отменены, представления первого правительства вами уничтожены.

Признаю, что столь ужасные для меня действия не есть плод души вашей, но силы клятвы, взятой с нас графом Александром Романовичем. Но можно ли делать такие истязания человеку пред лицом всего города в угодность другому, коему, вы сами знаете, что я ничего не сделал... И так заклинаю ваше сиятельство богом и страшным судом его, если великое и счастливое ваше состояние еще помнить об нем позволяет, не мучить меня более и отдать сенатский доклад кому другому из секретарей ее величества. Можно быть удовлетворену самому Александру Романовичу столь томным истощанием жизни моей и преодолением всей силы законов, всего милосердия самодержицы своим коварством и бесчеловечием. Не содействуйте ему более, милостивый государь, или выпросите мне казнь, я и сие приму за человеколюбие и за милость от вас. Тем или другим образом разрешите меня. — Представьте, милостивый государь, что я прошу у вас [не милости, но] суда и казни. Вся милость, которую я со всею благодарностью восчувствую, есть та, чтоб прекратить хотя смерть мою истязание мое, ибо я бьюсь теперь как недорезанная жертва под рукою, ее терзающею. — Да бог умилюстит сердце ваше, и оно хотя на мгновение отвернется к чувству человечества или пустить жить, или велит из жалости приколоть меня.

Я имею честь быть с особливым почтением, высококняжеской милостию, милостивый государь, вашего высокографского сиятельства покорнейший слуга

Сергей Домашнев.

Апреля 15.
1785.

КОММЕНТАРИИ

Поэт, переводчик, автор литературно-теоретических статей Сергей Герасимович Домашнев (1743—1795) в 1775 г. был назначен директором Академии наук. В 1783 г. императрица, воспользовавшись жалобами некоторых академиков, назначила на его место княгиню Е. Р. Дашкову, а сам Домашнев был отдан под следствие (см.: *Веселовский К. С.* Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым. — Рус. старина, 1896, № 9, с. 457—492). Чем и как оно кончилось, какова была судьба Домашнева — неизвестно. Существующие сведения об этом в общем исчерпываются, фразой В. И. Срезневского: «Неудачное управление Академией подвергло Домашнева немилости императрицы: с 1783 г. его забыли при дворе; он перестал получать награды и повышения и даже, можно думать, прекратил свою литературную деятельность, по крайней мере с 1783 г. до самой его смерти ... сведений о нем не сохранилось» (см.: *Русская поэзия.* Под ред. С. А. Венгерова. Примеч. и доп. к 1 тому. СПб., 1897, с. 139).

Некоторое представление о мытарствах Домашнева под следствием, его душевном состоянии и неожиданной концовке следствия дает дело под названием «Об оставлении камергера Сергея Домашнева от службы за дерзкое письмо его к графу Безбородко», из которого извлечено публикуемое письмо. Домашнев обвинил статс-секретаря императрицы А. А. Безбородко в затягивании следствия в угоду его другу графу А. Р. Воронцову (брату Дашковой). Безбородко доложил о письме Домашнева Екатерине II, результатом чего явился именной указ императрицы, адресованный генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому (в деле — копия; подлинник должен храниться среди дел Сената): «Князь Александр Алексеевич! Камергера Сергея Домашнева повелеваем из службы нашей отставить и по причине продерзостного и непристойного письма, писанного его рукою к графу Безбородке, объявите ему, чтоб он в двадцать четыре часа отсюда выехал и в здешнюю столицу и ко двору нашему приезжать не осмелился. Екатерина. Апреля 16 дня 1785 г.»

Уже в первом часу пополудни того же дня указ был объявлен Домашневу под расписку. На следующий день петербургский губернатор Коновницын сообщил Вяземскому, что Сергей Домашнев 17 апреля пополудни в первом часу из города выехал. А чтобы впредь он не осмеливался приезжать в столицу, Коновницын содержание указа «довел до сведения господину обер-полицеймейстеру бригадиру Рылеву секретно».

Автограф — ЦГАДА, ф. 7, оп. 1, № 2663, л. 3—4.

Н. А. ЛЬВОВ

Публикация Е. Н. Кононко

Письма В. В. Капнисту

1

23 декабря 1789

23 декабря, Петербург.

Я писал к тебе вчера, третьего дни. Сегодня у меня более нежели когда-нибудь голова болит, то я хочу попробовать письмом к тебе лечиться.

«Ответ» твой¹ я читал и точно то нашел в нем, что найти надеялся. Замысловатый оборот плана, выдержанный, а не разрушенный подробностями, такие красоты мыслей, из коих бы я желал часть поместить, и в выражении меньше живописи, нежели в друге нашем, *mais un dessein plus correct; croyez-moi, mon ami, que vous êtes fait pour des ouvrages à système, pour un poème plutôt que pour une ode; ça n'empêche pas pourtant, que vous n'exprimiez avec grâce un moment de sensibilité, comme dans l'ode «Sur l'Espérance» ou «Sur la Perte»². . . Ouf, me voilà engagé. . . pardon, mille fois pardon.**

Есть некоторые негладкости, тредьяковщины и переносы, несвойственные языку, кои однако скорость твоя извиняет, их ты позволишь поправить, когда я Гаврилу³ найтить предусею, этому уже пятый день, как я его не сыщу. — Меркур у Тредьяковского только является, у тебя может быть Гермес,⁴ прочего я не помню, а у меня копии нет, да и оригинала не могу достать у оригинала татарского.

Вышел недавно увраж 4-й и в «нрзб» тома «Le voyage du jeune Anacharcis dans la Grèce ancienne». On dit, que c'est le livre des livres. On voyage dans le climat que l'auteur peint depuis la première page jusqu'à la fin. Les hommes les plus opposés de goûts, d'esprit et d'inclination sont d'accord sur son éloge. J'ai écrit en Hollande pour l'avoir. C'est l'abbé Barthélemi⁵ qui l'a mis au monde

après le travail de 18 ans. Il est cher, mais il coûte moins de ce qu'il vaut.

Nous n'avons rien de bon, rien de nouveau en fait de littérature nationale, on nous promet <нрзб> chacun de la traduction d'Illiade, mais ne fait que promettre... et Costroff⁶ sacrifie au Bacchus.

Adieu, mon ami, voilà une lettre bien littéraire. C'est que ma tête est vide de logique. Adieu encore.**

Перевод:

* но расположение более правильно. Поверьте мне, друг мой, вы созданы для сочинений сложных, скорее для поэмы, чем для оды. Однако это не мешает вам с приятностью выразить чувствительный порыв в оде «На надежду» или «На утрату».² Ох, слишком далеко зашел... Прости, тысячу раз прости.

** ... «Путешествие юного Анахарсиса по древней Греции». Говорят, что это книга книг. Совершаешь путешествие по стране, которую автор описывает на протяжении всей книги от первой страницы до последней. Люди самых различных вкусов, мыслей, склонностей единодушно ее восхваляют. Я написал в Голландию, чтобы ее получить. Выпустил ее в свет после 18 лет труда аббат Бартеlemi.⁵ Стоит она дорого, но дешевле, нежели того заслуживает.

В отечественной нашей литературе нет ничего хорошего, ничего нового. Нам обещают <нрзб> перевод Илиады, но только обещают... а Костров⁶ приносит жертвы Бахусу.

Прощай, друг мой, вот поистине литературное письмо.

Это потому, что голова моя пуста и бестолкова. Еще раз прощай.

2

28 ноября 1794

28 ноября 1794 года.

Я весьма рад, друг мой, что вчера получил письмо твое и заповедь твою в рассуждении женщин. Исполню на одном только условии, чтобы, так как ты их не велишь слушать, чтобы ты не слушал законников или пустосвятов — продадут, братец, так, как меня продали, сперва заведут кашу, а потом хоть и себе выведут на руку, но того уже накормят, для кого варили — пусть это покуда между нами будет загадка, они, может быть, тебе сами растолкуют, хотя не в мою пользу.¹ Впрочем я Анны Петровны² не слушал, и, несмотря на слезы, она меня к тому не сбила, а кто ее сбил к тому, о том плачься богу, а слезы вода. Посылаю к тебе, мой друг, целый груз стихов — посредственных, дурноватых и дурных, между прочим по старшинству следует «Песнь Екатерине II», которую намахал наш искренний приятель.³ И я накануне ему предсказал, что ему вымоют голову — и вымыли. Не пиши дурных стихов, а слушайся приятелей; а как я его впрочем накануне ни просил многое выкинуть, кое-что поправить.

Но можно ль удержать советом бурю
Такого автора, который за столом
В беседе и с пером
Все любит тюрю.⁴

Я сам не пишу к тебе для того, что у меня глаза болят. Однако напишу немножко.

Ты утешаешь его стихами о потере Катер<ины> Яков<левны>, несравненной сея жены; потому что он говорит — я не хочу учиться. . . и для того Дарья Алексеевна хочет итить за него за муж. Ну-ка, кто скажи что действительно? ⁵

Прости, брат, вручители двух твоих писем не вручали мне оных, и я их никогда не видал. Сашу целую.⁶

3

28 сентября 1795

Село Никольское
795 год, сент. 28 числа.

Поверишь ли ты, друг мой, что ласкательная твоя ко мне доверенность, всегда мне удовольствие причинявшая, на теперешний раз меня оскорбила, и я перевода твоего, мне кажется, очень хорошего, никак не могу поправить, хотя некоторыми стихами не совсем доволен.¹ Я как-то поглупел и потерял ту способность подделываться под тон приятелей своих, когда дело шло о поправлении какой-нибудь стихотворческой ноты. Может быть, по возвращении в Петербург и при свидании с лирическою музою Гавриила Романовича возвратится ко мне способность услужить тебе, которую изменническое здоровье Марьи Алексеевны² у меня похитило. Ей однако, слава богу, лучше и гораздо лучше, она ходит уже по горнице без всякой посторонней помощи. При выздоровлении ее ничто ее еще в словесном свете так не обрадовало, как твои маленькие стишки, на обертке моего пелепого Анакреона напечатанные.³ В нем подлинно столько ошибок, что никто не усумнится в той истине, которую, погоняя меня, типографщики напечатать заставили. Ты, я думаю, сам заметишь, что последняя книга по мере печатания мною переводилась и что ошибки в ней по тому же самому аршину обильно отпущены. Тут в примечаниях есть ссылки на такие стихи, которых и в тексте нет, потому что примечания уже печатались, а я в корректурных листах поправлял некоторые стихи в одах. Я слышу, что хотят сделать второе тиснение, то, может быть, иное что я и поправлю; но теперь нет ни доброй воли, ни способности.

Я очень тебе верю, что твой перевод много труда стоил и, похваляя твою точность, не знаю, однако, для чего твой вкус поленился выкинуть многие галликанские местные затей, без кото-

рых бы русские твои сады, облегча твой труд, не потеряли ни красоты, ни тени; и какво вообразить, что твой Филипп,⁴ которому Делиль⁵ приносит в жертву талант свой, есть тот самый Egalité, которому мало было под гюиллиотиною казни. На месте его приятнее бы, кажется, красовался в стихе русском Иван Андреевский⁶ и твой Терентий (ежели впрочем он не так тебя теперь обдирает).⁷ Вить такая беда, что чем перевод русский совершеннее, тем нешнее и чувствительнее подобные занозы. Но мы когда-нибудь вместе его с тобою прочитаем, и их легко будет с корнем выдернуть; а ты между тем сади свой обуховской сад из благодарности, что тень его лучше вод Иппокренских дает тебе жизнь покойную и хорошие стихи.

Глаза мои все еще бельмы, мой друг! И я не могу сам беседовать с тобою рукой моей, так как бы хотелось, то есть и много и долго.

Р. С. Вот еще какая новость. М...ов *«нрзб»* потерял не только все мои сочинения, сколько их ни было, но и записки мои, до художеств касающиеся, и все мои журналы.⁸ Нет у меня теперь в библиотеке ни строчки, а в голове ни одной мысли. Я чаю, ты бы за это рассердился. И я бы рассердился, да стал глуп очень, так все равно, прости.

КОММЕНТАРИИ

Н. А. Львова и В. В. Капниста связывала прочная многолетняя дружба, скрепленная их родственными отношениями, а главное — сходством их взглядов, литературных вкусов: оба они входили в дружеский литературный кружок, группировавшийся около Г. Р. Державина.

Особая роль в этом кружке принадлежала Н. А. Львову: человек для своего времени широко образованный, разносторонне одаренный, он щедро помогал друзьям в их литературной работе, ему обычно принадлежал «решающий голос» в литературных спорах, нередко принимавших довольно острый характер.

В 1783 г. Капнист покидает Петербург, постоянно живет на Украине, в своем родовом имении Обуховке. С этого времени между поэтами возникает оживленная переписка. Публикуемые письма Львова представляют интерес и как образцы художественной прозы своего времени. Шутливые или серьезные, они остроумны, «очень литературны»: в них рассказ о литературных новинках, дружеские советы Капнисту, критические суждения о его творчестве, творчестве Г. Р. Державина и некоторых других поэтов-современников.

Письма хранятся в отделе рукописей Центральной научной библиотеки УССР.

1. Автограф — III, 23824.

¹ «Ответ Рафаэла певцу Фелицы» написан Капнистом в конце 1789 г., опубликован в журнале «Новые ежемесячные сочинения» (1790, ч. XLVII),

является откликом на оду Державина «Изображение Фелицы» (Новые ежемесячные сочинения, 1789, ч. XLI). Капнист в «Ответе» весело и остроумно выплывает неумеренные восторги автора в адрес Фелицы. Державин обиделся, ответил резким, раздраженным письмом (Державин, т. 5, с. 766). Львов встал на сторону Капниста: очевидно, пышный державинский комплимент императрице, растянувшийся на 58 строф, противоречил и его эстетическим принципам.

² Имеются в виду оды Капниста «На надежду» (Санктпетербургский вестник, 1780, ч. VI) и «На утрату» (Новые ежемесячные сочинения, 1787, ч. XVI), позднее названная «На смерть сына моего».

³ Гаврила — Г. Р. Державин.

⁴ Капнист, очевидно, учел замечания Львова: уже в первом издании «Ответа» он пишет: «... Которое Гермес крылатый Ему на сей доставит свет».

⁵ Аббат Бартеlemi (1716—1795) — французский ученый и писатель. Его книга «Путешествие юного Анахарсиса по Греции» (1788) была очень популярна в передовых читательских кругах Франции и России.

⁶ Костров Ермил Иванович (1755—1796) — поэт и переводчик. Первый сделал стихотворный перевод «Илиады» Гомера на русский язык. Перевод песен 1—6 был завершен в 1787 г. (*Гомер. Илиада. Песни 1—6.* СПб., 1787), однако неблагоприятные условия жизни и страсти к вину помешали завершить работу: перевод 7—9-й песен вышел уже посмертно (Вестн. Европы, 1811, т. LXIII, № 14 и 15) и в незаконченном виде.

2. Оригинал — III, 23821; текст рукой секретаря, только последние три абзаца — автограф.

¹ Речь идет о каких-то неприятных житейских ситуациях, которые пришлось пережить Львову и от которых он предостерегает Капниста, однако сущность их, а также кто такие «законники» и «пустосвяты», остается невыясненным.

² Очевидно, Анна Петровна Квашнина-Самарина, великосветская красавица, фрейлина, дочь сенатора, которую были серьезно увлечены Державин и Капнист. Имя ее неоднократно упоминается в их переписке.

³ Ода Державина «На взятие Варшавы» (в первой редакции 1794 г. она называлась «Песнь ее величеству Екатерине II»). Ода вызвала недовольство императрицы, так как, по мнению автора, была ей кем-то «худо растолкована», почему при жизни ее больше не печаталась. Сам Державин очень высоко ценил эту свою оду как «лучшее изображение его таланта или гения» (Примечания на сочинения Державина. — В кн.: Вопросы русской литературы, вып. 1/23. Львов, 1974).

⁴ Намек на вспыльчивый бурный характер Державина и воспоминание о шуточном соревновании трех друзей-поэтов, воспевавших «тюрю», в котором победителем был признан Державин.

⁵ Екатерина Яковлевна Бастидон, первая жена Державина, умерла в июле 1794 г. совсем молодой. Смерть ее тяжело пережил не только Державин, но и ближайшие его друзья — Львов и Капнист. Однако вскоре Державин сделал предложение Д. А. Дьяковой, в январе 1795 г. состоялась свадьба. Такая поспешность вызвала осуждение Львова, о чем свидетельствует иронический тон его собственноручной приписки и многозначительное сравнение с фонвизинским Митрофанушкой («Не хочу учиться, хочу жениться»).

⁶ Саша — Александра Алексеевна, жена Капниста.

3. Оригинал — III, 23824; текст рукой секретаря, только последний абзац — автограф. Частично опубликовано и прокомментировано Д. С. Бабкиным (*Капнист В. В. Собр. соч.*, т. 1. М.—Л., с. 719; т. 2, с. 552).

¹ Речь идет о переводе Капнистом поэмы Ж. Делюля «Сады». Д. С. Бабкин публикует сохранившийся отрывок этого перевода, предполагая, что в целом он не был завершен, а рукопись утеряна.

² Марья Алексеевна — жена Н. А. Львова.

³ Н. А. Львов издал перевод Анакреона (по подстрочнику Евгения Булгариса) — «Стихотворения Анакреона Тийского». Кн. 1—3. СПб., 1794. Приложенные к изданию стихи В. В. Капниста, посвященные М. А. Львовой, первоначально назывались «На перевод Анакреонта», позднее получили название «Красавице» (*Капнист В. В. Собр. соч.*, т. 1, с. 719).

⁴ Филипп Эгалите (1747—1793) — герцог Орлеанский. Французский политический деятель. В годы Великой французской революции занимал двойственную позицию — отказался от титула и принял фамилию Эгалите (равенство), усиленно афишировал свои демократические симпатии, голосовал за смертный приговор королю, чем навлек на себя гнев сторонников монархии; в то же время не оставлял надежд на королевский престол, за что и был казнен по обвинению в попытке восстановления монархии и захвата власти.

⁵ Жак Делюль (1738—1813) — французский поэт и переводчик. Занимал блестящее положение при дворе, пользовался расположением королевской семьи, был убежденным сторонником и защитником монархии Бурбонов, что нашло отражение и в его поэме «Сады» (1782). Поэзия Делюлля близка к классицизму, в основе своей риторична и описательна, чем объясняется сдержанное отношение к ней Львова и совет его Капнисту выкинуть «многие галликанские местные затей», отказаться от точности перевода, сделать его более близким русскому читателю.

⁶ Иван Андреевский — лицо неустановленное.

⁷ Терентий — управляющий имением Капниста.

⁸ Кто такой М...в, когда и при каких обстоятельствах он опустошил библиотеку Львова, установить не удалось.

Н. Ф. ЭМИН

Публикация Е. С. Степанюк

Ю. А. Нелединскому-Мелецкому

15 февраля 1797

Милостивый государь! Вы лучший мастер того ремесла, в котором считаюсь я из посредственных подмастерьев. Я празден — смею просить у вас работы. Смею вас уверить, милостивый государь, что вы найдете во мне и готовность исполнять с точностью повеления ваши и рачение к трудам. О сведениях своих я молчу — они не стоят ни малейшего внимания. Человек ваших талантов, ваших знаний не иначе уверяетесь о достоинствах другого, как по собственном исследовании. Сердце мое, привыкшее быть преданным благотворителям своим, решительно избрало вас себе начальником и покровителем. Ум подтвердил сей выбор. Он говорил сердцу: ты, сердце, не дурак! Ты, видно, уверено, что Юрий Александрович никогда не завидовал дарам других и что отличных отличал, средних одобрял. Следственно, занимая нынче столь лестный пост, не умея переменяться, конечно, будет щитом (так рассуждаешь ты) прилежности и хорошего поведения. Сердце отвечало уму: ну и ты, ум, не глуп! Положим, что он умеет ценить и устроить счастье, ежели может, добрых и полезных людей, однако ж признайся: и ты не будешь в накладе. Ты усовершишь слабые сведения свои и, ежели будешь уметь виноваться, то из тебя, друг мой ум, выйдет прелюбезная умница. Благополучным себя почту, милостивый государь, удостоясь разделять труды ваши. Все силы употреблю, чтоб доказать вам, что вы посеяли благоговение не на бесплодную землю. Милостивый государь, покорнейший ваш слуга

Николай Эмин.

15 февраля 1797.

Р. С. Шесть дней тому назад просил я Александра Семеновича Хвостова вручить вам это письмо. Шесть дней прошло, Александр Семенович отзывался несколько раз, что не имел еще удовольст-

вия видется с вами. Я решился отнестся с покорнейшим прошением моим прямо к вам. Уверен будучи, что ежели вам нужен работник, если я стою этой чести, вы сделаете мне милость, возьмете меня к себе; ежели же нет, вы лаконически и тотчас откажете. Крайне сожалеть буду, когда случится со мною последнее! Мы бы двое с вами, ручаюсь кровию моею, и за вас и за себя наработали в день столько, сколько другие не сделали б, может быть, и в неделю.

Прилагаю при сем указ об отставке моей, из коего усмотреть изволите, что я уже 15-ти лет офицер, что будучи 17-ти — имел я счастье быть отряжен в комиссию в шведскую Лапландию, смежною с российской и кончил, следственно, с намерением именного указа; что так же, как водится у добрых людей, бывал я и на войне. Считаю за излишне просить вас о удостоении меня на сие письмо ответа, как равно в случае, когда мне выдет от вас отказанный дон Родригес о возвращении указа.

КОММЕНТАРИИ

Николай Федорович Эмин (1766 или 1767—1814), сын Ф. А. Эмина, в конце XVIII в. пользовался некоторой известностью как романист и драматург (*Степанюк Е. С. Жизнь и творчество Н. Ф. Эмина. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1975. 17 с.*). Значительный резонанс имели его литературно-полемические выступления. Находясь на службе при Г. Р. Державине в Олонецкой губернии, Эмин пользовался и его покровительством в литературе. Ему приписывается, в частности, басня «Своя рука владыка», направленная против Т. И. Тутолмина, неприятеля Державина. Позднее Эмин сблизился с находившимся в фаворе семейством Зубовых и в угоду им осмелел державинские оды. Державин отвечал несколькими эпиграммами. В 1786 г. Эмин по протекции Е. Р. Дашковой был зачислен в штат Российской Академии для составления «Словаря», но его недолговечное пребывание там закончилось громким скандалом. В конце 1786 г. Эмин поступил на военную службу в Казанский кирасирский полк, стоявший в Риге, которым командовал известный остроумец и чудак С. Л. Львов, пользовавшийся покровительством самого Г. А. Потемкина; известно, что Львов и Эмин были друзьями. Публикуемое письмо относится к тому времени, когда старые покровители Эмина оказались в немилости, а материальные затруднения заставили его вновь искать места в статской службе. Ю. А. Нелединский-Мелецкий, к которому он обратился за протекцией, был в 1796 г. назначен Павлом I статс-секретарем у принятия прошений на высочайшее имя и первое время пользовался большим влиянием. А. С. Хвостов, до 1794 г. находившийся в Константинополе русским поверенным в делах, по возвращении получил чин бригадира и определялся на военную службу. И Хвостова и Нелединского постигли превратности павловского царствования: Нелединский был удален от дел в том же 1796 г., а Хвостов исключен из службы 22 мая 1797 г. за неявку в полк. Неизвестно, они ли исхлопотали место Эмину, или он воспользовался другими каналами, но в 1797 г. он уже был правителем канцелярии Б. Н. Юсупова в Департаменте уделов. Впоследствии Эмин был гражданским губернатором в Вы-

Автограф — ЦГАЛИ ф. 1766, оп. 1, л. 3—3 об.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Публикация М. А. Арзумановой

1. П. П. Бекетову¹

11 октября 1804

Милостивый государь мой Платон Петрович! Покорнейше благодарю вас за доставление мне трагедии г. Нарезного,² автора, о котором я еще первый раз слышу. Она удивила меня своею огромностью, однако ж я хотя не скоро, но прочел. Теперь сего имени три трагедии. 1. Сумарокова. 2. Белосельского.³ 3. Набережного.⁴ Желал бы я, ежели господа рецензенты потрудились и рассмотрели красоты их, сравнив между собой. Вы меня много обяжете, ежели по дружбе вашей снабдите еще каковыми-либо новыми произведениями московского Парнаса. Пребываю с истинным почтением и такою же преданностью ваш милостивого государя моего покорнейший слуга

Гаврила Державин.

11 октября 1804 года.

Приехал ли наш Иван Иванович⁵ из деревни?

2. К. В. Злобину¹

13 марта 1806

Письмо ваше, братец Константин Васильевич, от 28 нынешнего месяца с приложениями получил я исправно. Весьма вас благодарю за прекрасные стихи ваши на счет мой написанные, не стою я того, чтоб равнять меня с бессмертным певцом Фив.² Другие тут же мелкие стихи ваши присланные также по нежным мыслям их очень хороши, только по приятию вашей и по желанию делать мои примечания на труды ваши позволяю себе сказать вам, что в пиндарической песне вашей в первом куплете последние две строки, очень мне кажутся темны, как то:

...мнил я вновь слышать
Глас коль священный умолк

не лучше ли?

Гласа Фив песнопевца.³

В прочих, когда в одном куплете начали писать с рифмами, то не надобно уже оставлять в небрежении рифмы и в других куплетах. Например:

По вечеру в саду зеленом
Я слышу соловей поет

(не лучше бы сказать)

в широком доле боре темном
свой громкий голос подает

или

голос краткодневный

(можно бы рифму сказать)

вымолвить душевной любви и горести конец...

и так далее.⁴

И потому я прошу вас не торопиться, а пересматривать в продолжении некоторого времени и, помалу исправляя, приводить в совершенство, следуя правилам Горация.⁵

И я вас уверяю, что ежели вы последуете сему дружескому совету, то вы будете из первых наших певцов.

Затем желаю вам здоровья, спокойствия и удовольствия, а при всем том частого собеседования муз.

Пребывая с истинным почитанием ваш *«нрзб»* покорный слуга
Гаврила Державин.

13 марта 1806 года.

Посылаю вам мою кантату на случай победы.⁶

КОММЕНТАРИИ

1. Автограф — ГИМ, фонд 398, П. П. Бекетов, дело 3, л. 60.

¹ Платон Петрович Бекетов (1761—1836) — издатель, редактор, собиратель книг, рукописей и портретов.

² Очевидно, имеется в виду трагедия в 5 действиях В. Т. Нарезного «Дмитрий Самозванец», изданная в 1804 в Петербурге и, возможно, в Москве.

³ Видимо, А. М. Белосельский-Белозерский (1752—1809), писатель, член Российской Академии. Трагедии Белосельского «Дмитрий Самозванец» в печати не появлялись. Единственная печатная пьеса, связанная с его именем, это — «Олинья, или Первоначальная любовь». Село Ясное, 1796 (М., тип. А. Решетникова, 1796). История ее напечатания освещена Н. Смирновым-Сокольским в его «Рассказах о книгах». (М., 1959, с. 181—185). Можно предположить, что Державин был знаком с неизвестной нам пьесой Белосельского о Дмитрии Самозванце по рукописи.

⁴ Описка: Державин неправильно написал фамилию Нарезного.

⁵ И. И. Дмитриев, двоюродный брат П. П. Бекетова.

2. Автограф — ЦГАДА, Р. XVII, д. 88, доп. л. 1—2 об.

Возможно, именно это письмо имел в виду М. М. Владимиров в книге «Первое столетие Вольска»: «Он (Константин Злобин) получил отличное образование, служил в гражданской службе, занимался литературой и оставил в печати несколько стихотворений. Одно из этих стихотворений было отправлено к Державину, который сделал подробный разбор его, похвалил автора, заметил недостатки и указал средства к исправлению их. Это было письмо на почтовом листе малого формата с мелко исписанными страницами. Письмо это сыном Константина было препровождено, если не ошибаюсь, к академику Гроту, который издавал или разбирал в то время сочинения Державина». (Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии, т. 1. Саратов, 1881, с. 35—36).

¹ К. В. Злобин (1771—1813), начав службу в канцелярии генерал-прокурора, в 1802 г. перешел в Министерство юстиции под начальство Державина, с которым вскоре у него возникли дружеские отношения. Во время пребывания в Петербурге стал членом масонской ложи. В 1803 г. вынужден был переехать в г. Вольск. Позднее — член-сотрудник Беседы любителей русского слова. Насколько удалось установить, стихотворения Злобина в печати не появлялись, хотя Я. Грот сообщал, что «по рассказу, слышанному в Вольске г. Костомаровым, он (Злобин)... оставил в печати (?) несколько стихотворений» (Державин, т. 3, с. 446). В ГПБ (ОХИВ 179 № 2762) хранится рукописная тетрадь «Собрание сочинений К. В. Злобина. Вольск», содержащая 54 стихотворения 1803—1810 гг. Правка стиха, возможно, принадлежит Державину. См. биографию Злобина в Русском биографическом словаре, том «Жабокритский—Зябловский». Пг., 1916, с. 414.

² Злобин в своих стихах сравнивал Державина с «бессмертным певцом Фив» — то есть с Пиндаром, переводами стихов которого Державин занимался в это время.

³ Стихотворение, которое цитирует Державин, находится в рукописном сборнике ГПБ (л. 93 об.—95):

Внемлющий песни игр Олимпийских
Отчим языком тобой
Громко воспету мнил я вновь слушать
Глас колы священной умолк.
Мнил я вновь видеть, медно, звучаще
В цель устремленно копые
Слышались визги оси каленой
И соподвижников клик...

И Т. Д.

Злобин не согласился с правкой Державина и оставил эти строки в прежней редакции.

⁴ Из стихотворения Злобина «Соловей — подражание старинной песне, петой чувствительною и несчастною — Т.» (там же, л. 89—90). На этот раз Злобин учел критику Державина. Первая и третья строфы этого стихотворения идут в державинской редакции, лишь незначительно меняется порядок слов в 1-й строфе, и во второй в ущерб точности рифмы Злобин вместо «душевной любви», предложенной Державиным, поставил «сердечной любви»:

По вечеру в саду зеленом
Я слышу соловей поет
Широким долом бором темным
Свой голос громкий подает...

... Поэт — и голос краткодневной
Томящей страсти образец
Как хочет вымолвить сердечной
Любви и горести конец.

⁵ Державин имеет в виду «De arte poetica» Горация, где тот дает молодому поэту совет, чтобы написанное им «*nonum prematur in annum membranis intus positis*» (и лет девять хранить без показу, в тайне свой труд продержавши).

⁶ Речь идет, очевидно, о «Кантате на скорую руку при первом получении известия о победах над французами петой в доме графа Строганова...», написанной Державиным в честь побед Милорадовича и Витгенштейна 24 октября 1805 г. на берегах Дуная.

С. С. БОБРОВ

Публикация И. Ф. Мартынова

Письма С. А. Селиванскому¹

1

2 октября 1806

Милостивый государь мой Семен Аникеевич! Последнее ваше письмо писано было от 7 сентября, а получено 30 дня; причиною сему то, что г. Ступины² не знали моей квартиры, но, кажется, могли бы они передать его в Департамент морской или в Комиссию о составлении законов.³ Как бы то ни было, я согласен на то, что вы писали в своем письме. Дело только состоит вот в чем! Я везде спрашивал оригинала, но не мог найти; однако в одной лавке французской нашел оный лучшего качества в 2-х томах в большую четвертку.⁴ Книги англинские дороги, да и Оссиян редок. Если купить, то надобно заплатить двадцать рублей за сии два тома; на прокат! то же будет значить. Сверх того мне самому купить тяжело теперь потому, что крайняя нужда немалого нынешнего моего семейства затрудняют меня в покупке сей вещи, ибо и двадцать рублей, употребленные на домашнюю нужду, не на сию, по нынешней дороговизне делают великую разницу.

Как вы думаете? Нет ли у вас где-нибудь сего оригинала? Не имеете ли знакомой библиотеки? — Или не прикажете на счет ваш купить, но сие не иначе, как по присылке на то особых денег? Божусь богом, как я сам нуждаюсь. Между тем должно вам сказать, сколько листов в двух томах оригинала. Не утрапите ли? Сколько я мог заметить, перебирая их в магазине будучи, то кажется, будет около пятидесяти или 60 листов печатных в 2 томах. Сие количество от того, что много замечаний почти под каждою страницей; сверх того во 2-м томе много прибавлений, отрывков и, кажется, сочинений самого Макферсона, а все сие инде очень мелкой печати. Но самые песни печатаны довольно крупными буквами; из сего заключаю, что выйдет гораздо меньше

листов и, может быть, в половину без оных прибавок. Я же думаю, что и примечания некоторые, равно и отрывки, сочтете нужными к переводу. Вот что теперь за самое необходимое признаю я сказать вам. Если вы согласны таким образом достать оригинал, то пришлите при задатке и сие число денег на покупку оригинала; а я всю истину говорю как и в моих нуждах, так и в рассуждении цены продаваемого Оссияна. Если и вы купите оригинал английской, то она будет вам годится впредь для того, что во втором томе есть много прекраснейших дополнений; кои составят в переводе особую книгу.

Пожалуйте как можно скорее отпишите ко мне и решите сие толь нужное в предварительности дело, дабы я тотчас приступил к нему. Я теперь хотя занимаюсь по департаменту также переводами с английского, в коих предметы более астрономические, метеорологические и навигационные; но Уралия сама муза, не поссорится с другими, да и переводы сии временные. Еще прошу вас покорнейше не замедлите! Впрочем имею честь быть с истинным моим почтением вашим покорнейшим слугою

Семен Бобров.

2 октября 1806 года.

Не возьмете ли несколько экземпляров 1 части в 2-х книжках моего сочинения: *Древняя ночь вселенной*⁵ — для сбытия их с рук, а на 2-ю часть билеты? — Через г. Ступина пришлю; пожалуйста и о сем отпишите!

Адресуйте хоть прямо в Адмиралтейский департамент!

2

3 июня (5) 1807

С.-Петербург июня <?>
3 числа 1807 года.

Милостивый государь мой Семен Аникеевич!

Сердце мое никогда не забывало вас с тех пор, как я в Николаеве имел удовольствие свести дружеское с вами знакомство. Надеюсь, что и ваше также памятно.

Моя женитьба, нужды семейства и прочие обстоятельства — вот причины, которые заставили меня понудить ныне Пегаса сильнее — или, яснее сказать, — сочинить книгу, которой существо вы можете узнать из программы.¹ Славолюбие тут почти не имело места; назовите разве Славу тенью тела! Сия книга печатается в академической типографии на моем иждивении. Сами знаете, сколь это дорого и хлопотно. Теперь еще я сам раздаю билеты знакомым и думаю либо по отпечатании первой книжки, либо уже всех трех частей объявить в ведомостях. Но дело вот в чем!

600 экземпляров отпечатанных не скоро сбудешь с рук; так я и намерен в сем случае прибегнуть к помощи вашей. Не угодно ли вам будет или несколько билетов теперь или несколько экземпляров после купить; [или взять их на комиссию, что еще лучше бы было]. Ибо платеж в типографию теперь неминуем. Таковое пособие крайне нужно мне в тепершних обстоятельствах. Я бы не преминул отнестись по сему предмету к Михаилу Антоновичу Антоному;² но что-то мнится, в Москве ли он находится; это оттого, что никто из москвитян ко мне не пишет. Ни г. Невзоров,³ директор университетской типографии, ни г. Сохацкий,⁴ тамошний же профессор, [хотя я к ним и писал]. Как бы то ни было, если Михайла Антонович в Москве, то свидетельствуйте от меня мою преданность, ибо я весьма люблю и почитаю его. Не забудьте шепнуть ему и <о> моем начинании, о каком я вам известил теперь!

Мне давно говорили вскользь, что Фома Филимонович г. Розанов⁵ в Иностранной коллегии, но точно ли там? не знаю. Некогда я имел удовольствие быть заличным его знакомцем, а ныне хотел бы лично быть знакомым. Но к сему надобно также посредничество. Если он точно в Коллегии, то чрез вас лучший способ завести с ним личное знакомство, которое, думаю, будет для меня и приятно и полезно.

Сделайте милость, Семен Аникеевич! Поспешите своим приятным отзывом ко мне! Адресовать можете или прямо ко мне на квартиру, о коей упомянуто в программе на конце, или в Адмиралтейский департамент такому-то надв<орному> советнику> Боброву,⁶ или в контору г-на Перетца,⁷ с коим я также знаком и бываю у него нередко. Вы можете даже и снабдить меня лучшим советом, как поступить в расходе книги; сей совет я приму за полезнейший себе урок и дружеское участие. Я ожидаю вашего отзыва с нетерпеливым желанием.

Простите, Семен Аникеевич, и верьте, что всегда пребуду к вам, милостивый государь мой! вашим преданнейшим и искреннейшим слугою

Семен Бобров.

КОММЕНТАРИИ

Поэтическое творчество Семена Сергеевича Боброва (ок. 1763—1810) представляет заметное явление в литературной жизни конца XVIII—начала XIX в. Его высоко ценили Радищев и Державин, члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, над ним смеялись, осыпали эпиграммами «арзамасцы»: К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, молодой Пушкин.¹

¹ См.: *Логман Ю. М.* Поэзия 1790—1810-х годов. — В кн.: *Поэты 1790—1810-х годов.* Л., 1971, с. 47—50; *Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма.* XVIII век, сб. 6. М.—Л., 1964, с. 224—246.

Бобров обращался в своих стихах к космическим, философским темам: начало и гибель вселенной, ход исторического развития, судьбы России, бег времени и пр. Затемненность, архаизация, трудность произнесения и понимания стиха являются для Боброва сознательными приемами его поэтики. В его творчестве нашла яркое выражение предромантическая тенденция развития русской литературы конца XVIII—начала XIX вв., выраставшая на традициях Юнга и Оссиана.

Публикуемые письма (если не считать коротенькой записки, возможно, адресованной Н. И. Гнедичу)² пока единственные; других писем Боброва до сих пор обнаружить не удается. Они представляют значительный биографический интерес, рисуя тяжелые материальные обстоятельства последних лет жизни поэта, очерчивая круг его друзей и знакомых. Однако наиболее существенно историко-литературное значение этих писем. Впервые устанавливается, что Бобров в конце жизни собирался перевести Оссиана. Полный и очень хороший перевод Кострова был напечатан в 1792 г.³ Спустя 14 лет опытный книгоиздатель, очевидно, учитывая читательские вкусы, задумал новое издание каледонского барда. В выборе переводчика сказалось не только давнее знакомство Селивановского с Бобровым: поэт как нельзя лучше был готов к выполнению подобной задачи. Он не только превосходно знал английский язык (Костров переводил с французской переделки Оссиана), но самый дух его оригинального творчества удивительно соответствовал мрачным, туманным, исполненным жестокости и трагизма картинам Оссиана.

К сожалению, задуманное мероприятие не осуществилось, возможно, из-за болезни (чахотка) и смерти переводчика. Новое издание Оссиана могло бы стать весьма значительным эпизодом в истории русского романтизма. Автографы писем хранятся в ЦГАДА, ф. 345. Селивановский С. А., оп. 1, № 3.

1. Л. 1—2.

¹ Семен Иоанникиевич Селивановский (1772—1835) — известный московский «типографщик» и издатель. Как явствует из второго письма, знакомство Боброва с Селивановским произошло в Николаеве, где Бобров служил при адмирале Н. С. Мордвинове (ок. 1792—1800 гг.), а Селивановский по распоряжению адмирала организовал типографию (см.: *Конович С. С.* Типографщик Селивановский. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 23. М., 1972, с. 101—102). На смерть Боброва Селивановский откликнулся некрологом за подписью С. С. (Вестн. Европы, 1810, № 11, с. 245—246).

² Ступины — возможно, семейство художника Александра Васильевича Ступина (1755—1861), основателя известной Арзамасской рисовальной школы. Ступин в 1799—1805 гг. учился в Академии художеств в Петербурге.

³ В Государственную Адмиралтейств-коллегию («Морской департамент») Бобров поступил переводчиком в 1800 г., в Комиссию составления

² «Эх! Неверный. С нового года, видно, томина будет; но поздравляю вас, а я кашлем болен. — Сем(ен) Бобров». — ГПБ, Собр. автографов. Бобров Семен Сергеевич. Малороссийская песня, л. 4 об. См. также: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898, с. 248.

³ Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. Ч. 1—2. М., 1792.

законов — 16 апреля 1804 г. (см. Послужной список коллежского ассесора Семена Боброва. — ЦГИА, ф. 1260, № 1, ед. хр. 900, л. 36—37).

⁴ Имеется в виду издание: *The poems of Ossian, containing the poetical works of James Macpherson, esq. in prose and rhyme with notes and illustration by Malcolm Laing. Vol. 1—2. Edinburgh, 1805.*

⁵ Речь идет о книге Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец», ч. 1, кн. 1 и 2. СПб., 1807. Среди подписавшихся на ч. 1 имени Селивановского нет.

2. Л. 2—4.

¹ По всей вероятности, Бобров говорит о той же самой книге «Древняя ночь вселенной». Первая часть ее действительно была напечатана «при имп. Академии наук». Часть 2 вышла лишь в 1809 г. и была отпечатана «в типографии Губернского правления».

² М. А. Прокопович-Антонский (1760—1844), брат ректора Московского университета А. А. Прокоповича-Антонского. Учился в Московском университете в одно время с Бобровым (1780—1785), оба они сотрудничали в журнале «Покоящийся трудолюбец». В 1800-е гг. М. А. Прокопович-Антонский служил в Москве, был секретарем общего собрания московских департаментов Сената.

³ Максим Иванович Невзоров (1762 или 1763—1827) — воспитанник Московского университета, масон, издатель журнала «Друг юношества», в котором напечатал сочувственные отзывы о Боброве и его некролог.

⁴ Павел Алексеевич Сохацкий (1765—1809) — писатель, издатель журналов, профессор эстетики и древней словесности в Московском университете, в котором учился приблизительно в одно время с Бобровым.

⁵ Ф. Ф. Розанов в 1803 г. был товарищем директора Московской синодальной типографии. Приятель и соученик по Московской академии митрополита Евгения Болховитинова (см.: Рус. архив, 1870, с. 829).

⁶ В надворные советники Бобров был произведен 31 декабря 1806 г. (см. Послужной список).

⁷ Абрам Израилевич Перетц (1771—1833) — крупный финансист, купщик и подрядчик. Сын его декабрист Г. А. Перетц значится в числе немногих, подписавшихся на книгу Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (экземпляр БАН, шифр 1807/25).

И. И. НОВИКОВ

Публикация Г. Н. Моисеевой

1. И. И. Хрущеву

1806

Любезный и сердечный друг Николай Иванович! ¹

К крайнему огорчению моему услышал я горестное приключение, с тобою случившееся, кончиною покойной супруги твоей. Но, любезный мой, помни, что ты христианин, а христианин каждый должен быть уверен в словах Христа, спасителя нашего, который сказал нам: что без воли отца нашего небесного и волос с головы нашей не спадет, то может ли такое приключение сделаться без воли его? Воля же его: хочет всем человеком спастись и в разум Истины прийти, и потому воля наша собственная должна всегда покоряться воле божией, и мы должны предать себя совершенно в волю его пресвятую и принимать все от руки его ниспосланное на нас с совершенною покорностию. На что же мы говорим в молитве: Отче наш, да будет воля твоя. Но плоть и кровь наша кричат: да я ее любил, она меня любила, но разве тварь должна любить другую тварь больше творца. Но у меня остались малые дети, что я с ними буду делать? Я коротко тебе скажу, что делать надобно: всю любовь, которую ты к покойной имел, обрати в горячую молитву о упокоении души ее и прощении грехов ее, более сего ничем не можешь ты доказать любви своей к ней. Сим же средством душе ее сделаешь превеликую пользу.

Помни, друг мой, и не забывай никогда сказанное: кого господь любит, того и наказует, бьет всякого сына своего, его же приемлет. Следовательно, мы должны благодарить милосердие господя бога нашего за все деланные им наказания, ибо чрез сие токмо существенно удостоверяемся мы, что господь бог наш любит нас.

Но что я буду делать с малыми детьми? Тот же отец небесный, который не оставляет без своего призрения и малейшую птичку,

то оставит ли он без призрения малых детей твоих, который их любит больше, нежели ты сам любишь их. Перемоги только свой тяжелый крест, на тебя возложенный, с покорностью и терпением на тебя возложенный, тогда господь бог вразумит тебя, что с ними делать, и устроит все во благо. Знай при том, любезный друг, что всякая неумеренная и излишняя печаль, слезы о потерянном, есть уже ропот противу творца своего и противу его определения. Да сохранит тебя милосердный господь наш от онаго. Милосердный господь бог наш сказал: Воззовет ко мне и услышу его, с ним есмь в скорби и изму его и проч. Но сие тогда только, когда мы кресть наш несем с покорностью и терпением. Сего довольно, ежели послушает и будет исполнять искренние советы верного друга твоего.

В заключение испрашиваю на тебя и на детей твоих милосердие и благословение господне и пожелав всем вам терпения, покорности, доброго здоровья и всех истинных благ временных и вечных. Пребуду всегда с искреннею любовью верным твоим другом

Н. Новиков.

Р. С. Сообщил о печали твоей Николаю Матвеевичу.²

Сердечное принимаю участие в горестной потере вашей, любезный братец, но в батюшкином вы найдете более утешения, нежели кто-либо другой возмог подать вам. Мне отчасти желать, чтобы милосердный господь даровал вам терпение. Семен Иевно³ и Натали Ильинична⁴ также берут участие, и все желаем вам сколько возможно сердечного спокойствия.

В. Н.⁵

2. Н. И. Хрущеву

23 января 1807

Любезный друг Николай Иванович!

Письмо твое с поздравлением на Новый год и притом присланные дары все получил исправно: и за то все оное искренне благодарю. Поздравляю и тебя с наступившим Новым годом и сердечно желаю тебе преправождать оный и многие по нем в милости божией, в добром здравии и учредя порядочно повое свое хозяйство, ежели господь благоволит совершиться желанию твоему вступить в брачное состояние, только чур не забывать нас, старых своих друзей^а. . . не скупись, пожалуй, у себя. . . хорошим почерком, чтобы письма твои можно было читать. . . насилу прочитать могу. . . рассуждений женитбы. Ежели может. . . послужить, то желаю сердечно благополучного окончания. И терпению учиться надобно: оно и холостым, и женатым не только что полезно, но и необходимо нужно во всяких случаях. Ежели мы узнаем, что прежде

^а Текст испорчен: смыты чернила.

жили худо, то с того времени, как узнаем, впредь надобно жить лучше — добрые люди говорят, что падать есть человеческое, но знать и пребывать в падении есть диавольское. Апостол говорит: встань, спящий, посетит тебя Христос. Наблюдайте, осторожно ли вы живете: живите не так, как не мудрые, но как премудрые и проч. И пословица простая говорит: век живи и век учись, а учиться доброму мы должны, не для того, чтобы и жить добро. — Но полно об этом: есть пословица: ученого учить только портить. Не забыл ли ты, а мне помнится, что ты давно уже вступил в такую школу, в первый по сие время, можно многому доброму научиться: ежели только учиться и быть прилежен. А учиться доброму и старому полезно. — Но оставим, чтобы не наскучить.

Посылаю тебе... овса две четверти... он... хорош и отменно урожаен: сеять его должно на хорошей земле, ... желаю тебе его развести... я развел его. — На будущий год, ежели господь благословит, пришлю тебе английского ячменя, который также отменно урожаен. — Не забудь о черенках, пришли вместе с Мих<аилом> Прокоф<к>ечем,¹ я его просил. Ваня² очень был болел: об себе я уже ничего и не говорю. — Помнится, что ты обещался к нам приехать. Ежели поедешь, то Авдотью³ привези с собою непременно.

Прости, л<ю>безный> д<р>уг! Желаю тебе милости божией, а с нею доброго здоровья и всех благ, временных и вечных. Есмь всегда с искреннею, сердечною любовию, твом верным другом и слугою.

Н. Новиков.

23 января 1807.
С. Тихвинское.

З. П. В. Хрущевой¹

5 октября 1807

Милостивая государыня, любезная племянница Павла Владимировна!¹

Приятное письмо ваше я имел удовольствие получить чрез любезного вашего супруга верно: сколько приятно мне намерение ваше посетить нас, столько ж неприятно не исполнение оного, хотя погода и дорога оправдывают отсрочку сего приятного свидания. Я рекомендую себя в вашу любезность, прошу любить меня столько же, сколько любит меня Николай Иванович, а больше я и не требую. Что касается до меня, то я постараюсь заслужить оную. Верное слово, данное Николаю Ивановичу, что вы и он посетите нас приближающею зимою, умерило нетерпеливость нашу вас увидеть и познакомиться.

Впрочем, пожелав вам доброго здоровья, остаюсь навсегда с искреннею любовью и дружеством вашим верным и покорным слугою

Н. Новиков.

5 октября 1807
С. Тихвинское.

КОММЕНТАРИИ

Три письма Н. И. Новикова хранятся в Центральной научной библиотеке Харьковского гос. университета им. А. М. Горького. Сведения о них содержатся в обзоре Н. П. Жинкина «Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского государственного университета им. А. М. Горького».¹

Письма были написаны Н. И. Новиковым в начале XIX в. в его родовом имении селе Тихвинском (Авдотьино) Бронницкого уезда Московской губ. Из приписки на обертке этих писем следует, что они переданы в библиотеку в 1914 г.

В коллекции библиотеки Харьковского университета письма расположены так: № 785 — письмо-автограф Н. И. Новикова «любезной племяннице» Павле Владимировне,

№ 786 — письмо, написанное, как теперь удалось установить, рукою дочери Н. И. Новикова — Веры Николаевны. Письмо не датировано.

№ 787 — письмо-автограф Н. И. Новикова. Датировано 23 января 1807 г. Письмо было сильно подмочено. Текст местами «размылся», чернила проступили на другую сторону бумаги, крайне затруднив прочтение сохранившейся части письма.

Комментированию писем в значительной степени способствовало обращение к комплексу писем Н. И. Новикова, подготовленных к изданию Я. Л. Барсковым, Б. Л. Модзалевским и Н. П. Киселевым. В эту подборку вошло 152 письма Н. И. Новикова, из которых 51 не публиковалось прежде. Корректуры всех этих писем и вступительная статья к ним В. И. Невского находятся в настоящее время в ГБЛ, в фонде 129 (Н. П. Киселева). Из фонда Н. П. Киселева в 1970 г. Е. И. Кацпржак и А. П. Толстиковам опубликована часть писем с добавлением некоторых новых.²

Первым из публикуемых писем по времени написания следует считать недатированное письмо, написанное рукою дочери Н. И. Новикова (зимой 1806 г. Н. И. Новиков был болен) — Веры Николаевны, что подтверждает и приписанный ею постскрипту с инициалами «В. Н.».

Следующим письмом нужно считать то, которое в комплексе харьковских писем Н. И. Новикова стоит на последнем месте и обозначено № 787. Оно адресовано «любезному другу Николаю Ивановичу» и датировано 23 января 1807 г.

¹ ТОДРЛ, т. 10. М.—Л., 1954, с. 466—471.

² Из неизданных писем Николая Ивановича Новикова. Публикация Е. И. Кацпржак и А. П. Толстикова. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. 21. М., 1970, с. 163—192.

Комментарием к этому письму Н. И. Новикова служит его послание к Михайлу Прокофьевичу Рябову от 6 июля 1807 г.: «Вы пишете, любезный друг, что свадьба Н. И. Хруцова назначена июня 15, а он пишет июля 15 — так который-нибудь из вас описался».³

1. Оригинал — № 786.

¹ Николай Иванович — Н. И. Хрущев (1771—после 1818) — помещик Задонского уезда Воронежской губернии, племянник Н. И. Новикова по его двоюродной сестре А. А. Хрущевой, шурин М. П. Рябова.

² Николай Матвеевич — лицо неустановленное.

³ Семен Иванович Гамалея (1743—1822) — переводчик, ближайший друг Н. И. Новикова. В 1790 г. поселился в родовом имении Н. И. Новикова селе Тихвинском, где прожил до конца жизни.

⁴ Натали Ильинична — Наталья Ильинична Шварц, вдова профессора Московского университета И. Г. Шварца, зачинателя розенкрейцерства в России. В 1790-е гг. поселилась вместе с детьми в селе Тихвинском.

⁵ В. Н. — Вера Николаевна Новикова, дочь Н. И. Новикова.

2. Автограф — № 787.

¹ Михайло Прокофьевич — М. П. Рябов (ум. 1809), муж Марии Ивановны Хрущевой, дочери двоюродной сестры Н. И. Новикова А. А. Хрущевой.

² Ваня — старший сын Н. И. Новикова.

³ Авдотья — Авдотья Ивановна Хрущева, племянница Н. И. Новикова, дочь его двоюродной сестры А. А. Хрущевой.

3. Автограф — № 785.

¹ Павла Владимировна — новая жена племянника Н. И. Новикова — Н. И. Хрущева, на которой он женился летом 1807 г.

³ Там же, с. 174.

Н. П. НИКОЛЕВ

Публикация И. Ф. Маргынова

Письма Д. И. Хвостову

1

5 ноября 1812

1812 года. Ноября 5 дня.

Милостивый государь!

Разоренный, ограбленный, лишенный в подмосковной и в Москве более нежели на сто тысяч имения от общего врага России и наконец кой-как дотащившийся с бедной семьею своею до Тамбова, почитая за милость божию и то, что в крестьянской избе покамест определил бог безопасную кровлю далее от супостата, берет перо, чтоб вам, почтенному и любезному моему приятелю, принести благодарность за благодетельное ваше посредство к освобождению от нарядной службы моего старичка-доктора,¹ уверен, что вы позднее свидетельство признательности не отнесете к моей вине: письмо ваше имел я удовольствие получить в Москве в самое страшное и отчаянное время, а потому и не имел возможности исполнить моего долга. . . О ежели бы свидетелем были бедственного состояния Москвы и ее окрестности, вы бы согласились со мною, что никакое перо, никакая кисть изобразить и описать той картины не могли бы, которая вживе представлялася в очах страждущего человечества! . . . я же, живучи на самом опасном пути, за семь верст от Вяземы, видя всех соседей моих скрывшихся и не имея холодного сердца к страданию своих и соседних поселян меня окружающих, до тех пор сидел на гнезде моем, помогал и утешал бедный народ, а при том принимая, кормя, поя, леча и похороня ежедневно приходящих ко мне раненых и умирающих паче после 26 августа, дня страшного сражения под Можайском, пока увидел уже все селения по можайской и боровской дорогам выжженным<и>, а поселян с скотом и без скота полунагих мимо себя бегущих, не зная, где искать спасения . . . ужасное позо-

рище... Ах, мог ли кто помыслить, что после Петра Первого и Екатерины Второй случится то с Москвою, что случилось! Политики, может быть, скажут, что так было надобно для спасения вселенной, ... а я с потерей жизни моей готов спорить со всеми политиками мира, что так было не должно: что общее спасение не могло быть основано на погибели Москвы, как от ошибки политики, и что необходимость сей жертвы не есть необходимость лучшего плана, но из худого лучше... или крайность в беде ошибкою навлеченной! Так! Милостивый государь! Так: время уже то прошло, когда политики имели право зажимать рты усердной правде: работа их кончена и обнаружена: общее страдание, общая напасть дают свое право каждому страждущему и бедствующему уму и сердцу вслух говорить о том, что видят, разумеют и чувствуют! Ибо страх умереть в темнице за слово правды не есть уже страх после тех страхов, коим подвергнула человечество неправда гордого невежества человеков! ... посмотрим, опомнятся ли люди и уразумеют ли необходимость отыскивать и призывать на совет блага общего людей, ... а не ... но сего довольно: сердце мое движется другим чувством и к другому милейшему предмету... Бога ради, дайте мне знать, где друг мой князь Горчаков,² цел ли он, жив ли он? Один из приезжих от вас в самый страшный час Москвы сказывал мне, что будто паш князь Дмитрий Петрович за ним вслед хотел быть в Москву, и это меня ужаснуло, не попался ли он в самый пыл? ... Молю вас, хоть двумя строчками дайте мне знать, и ежели он в Петербурге, скажите ему, чтоб он писал в Тамбов на имя мое, а между тем вспомните об моей трагедии «Софии»³ и признайтесь, что я малишкой пророк и что ежели б дворяне наши духом Матвеева⁴ действовали и нынче, то бы Москва имела то же счастливое окончание, какое дано ей и в моей трагедии «Софии»? ... Затем, поблагодаря вас еще за присылку ваших трудов и прося не оставлять ими и впредь, попрошу о продолжении вашей лестной мне приязни со уверенением, что отличное к вам почтение и душевную преданность всегда к вам сохранить за честь поставляющей называться, милостивый государь, вашего сиятельства усерднейшим и покорнейшим слугою

Николай Николев.

Р. S. Сию минуту получа известия, что враг наш, оставя Москву, похитил с Ивана Великого крест, думая, что он золотой, а может быть, еще и из тщеславия; но как крест медный, то так это мне сделалось смешно, что я написал следующую эпиграмму.

ЭПИГРАММА

Зачем Наполеон с потерю несметной
Спешил проехать в Москву из отдаленных мест? ..
Затем, чтоб получить венец бессмертный:
С Иван-великого спилить еловый крест

или:

Зачем Наполеон из отдаленных мест
Тащил в Москву свое тщеславие геройско?
Затем, чтоб, потеряв сокровищи и войска,
С Иван-великого снять деревянный крест.

2

14 января 1813

1813 года генваря 14 дня.

Милостивый государь! За последнее приятное ваше письмо и уведомление о нашем общем друге князе Горчакове приношу вашему сиятельству чувствительнейшую мою благодарность; но жалею вас на него: он совсем оледенел! Ко мне из Костромы пишут, что он там и что знает, где я, однако на два мои письма о сю пору ни строчки!... попеняйте ему хорошенько. А между тем, так как богатая материя открылась ныне для поэтов российских, то уверен быв, что и ваш гений не остался в праздности, покорно прошу обогатить провинциальный наш Парнас сокровищем от вашего Олимпа; а от меня приятъ при сем к вам приложенные кой-какие пустячки¹ и позволить еще раз подтвердить вам о том отличном почтении и душевной приверженности, с коим в вам был и есть и навсегда пребудет, милостивый государь! вашего сиятельства покорнейший слуга

Николай Николев.

3

11 марта 1813

1813 года, марта 11 дня.

Милостивый государь! На сих днях получил я от родных покойного князя Багратиона сочиненные мною ему стихи в 1809 году¹ и о которых я совсем было забыл, с просьбою, чтобы я их отдал где-нибудь напечатать, а в тогдaшнее время они для того не были напечатаны, что мы имели несчастье тирана мира почитать за своего союзника: желая им угодить, покорнейше прошу вас, почтеннейший и любезнейший граф, отдать их для напечатания в журнале Сына Отечества или где вы заблагорассудите! Вы тем в один раз обяжете и память князя Багратиона и его сродников, равно как и отличное к вам почтение и совершенною преданностью сохраняющего, милостивый государь! вашего сиятельства усерднейшего и покорнейшего слугу

Н. Николева.

Так как я не могу быть надежен на мои глаза, равно как и на моего секретаря-камердинера, то и прошу вас, любезнейший граф, потрудиться по-приятельски, посмотреть за исправностью корректуры! ... Между тем, ежели князь Горчаков в Петербурге, то изнасильничайте его, чтоб он ко мне писал, а я получил его сочинение от него и весьма доволен, особливо в пяти строфах к князю Кутузову;² что же принадлежит до его покаяния, писанного им на самого себя, то признаюсь, что недоволен, ибо оно очень холодно и недостаточно;³ а потому и намерен за него покаяться и спастись его в полном смысле тем пламенным сердцем, которое никогда не простывало к нему в дружбе. Вас же прошу не оставлять меня присылкою и ваших прекрасных сочинений, которыми меня в последнюю присылку очень разлакомили.

4

25 сентября 1813

Москва, сентября 25-го дня 1813 года.

Милостивый государь!

Я уже потерял мою латынь, как мне обнаруживать перед вами чувствительнейшую мою признательность за великодушные и признанные ваши мне пособия; но зная нежность и благородства вашей души, уверен, что она не отягощается, но радуется вспомоществованиям нуждам ближних, а паче ей преданных; почему не убоялся и на сей раз отяготить вас просьбою посредствовать к доставлению при сем приложенного на имя графа Милорадовича письма! ... вы пишете, через Антонского переслали ко мне ваши сочинения, но я ни строчки не получал, кроме того, что получил в Тамбове и о чем уже к вам и сообщал; сделайте одолжение, вперед присылайте ко мне прямо на имя мое: почтамт мне скорей доставит, нежели профессорская нерасторопность, которая и в сочинениях не весьма быстродейтельна!

Министра правосудия и купно знаменитого члена российского Парнаса в Москве я видел:¹ судя по голосу он немножко постарел; по, как я слеп и время свидания за недосугами моими весьма было недливно, то, может быть, я и ошибся — — — может быть, он и возъюнился? Чего искренно ему желаю, а более уверить вас в отличном моем почтении и душевной преданности, с коими к вам пребудет навсегда имеющий честь называться, милостивый государь, вашего сиятельства усердным и покорнейшим слугою

Николай Николев.

Сделайте, бога ради, одолжение: отыщите Петра Степановича Лиховина² и узнайте от него, получил ли он на прошедшей почте от меня письмо и принудьте ветреную его лень мне отвечать! Мне помнится: вы с ним по князе Горчакове знакомы?

Поэт и драматург Николай Петрович Николев (1758—1815) был последовательным классиком и в своих теоретических работах, и в литературной практике. Член «Российской академии» и «Беседы любителей русского слова», он являлся активным противником сентиментализма. Общность литературной позиции сблизила его с Д. И. Хвостовым, знакомство и дружба с которым возникли еще в середине 1770-х гг. в кружке Ф. Г. Карина.¹

Публикуемые письма представляют интерес не только для уточнения литературной позиции и окружения Николева, но и для характеристики настроения русского общества в суровую пору Отечественной войны 1812 г.

Автографы писем хранятся в ИРЛИ в составе обширного архива Д. И. Хвостова (ф. 322, № 62).

1. Л. 75—76 об.

¹ В архиве Хвостова находится письмо Николева из Москвы. Он просит Хвостова помочь освободить по слабости здоровья от военной службы врача Карла Груммерта. К письму от 15 июля 1812 г. приложена «записка о докторе Груммерте», на которой Хвостов записал: «исполнено» (ИРЛИ, ф. 322. Хвостов, № 62, л. 31—34 об.).

² Дмитрий Петрович Горчаков (1758—1824) — поэт, близкий друг Николева еще по кружку Ф. Г. Карина. У Горчакова есть несколько стихотворений, обращенных к Николеву (см.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX вв. Л., 1959, с. 121 и сл.).

³ «София» — не дошедшая до нас трагедия Николева. Упомянута в предисловии от издателя в кн.: *Николев Н. П.* Три лирических стихотворения. М., 1814; и в кн.: Памятник друзей Н. П. Николеву. М., 1819, с. 62. Сохранились замечания Шишкова на эту трагедию (ЦГИА, ф. 1673 Шишкова, оп. 1, ед. хр. 86, л. 1—1 об.).

⁴ Арзамон Сергеевич Матвеев (1625—1682) — дипломат, государственный деятель, преданный защитник царской семьи, был убит в Москве восставшими стрельцами 15 мая 1682 г.

2. Л. 115—116.

К письму приложены стихотворения «Эмпромтю при взгляде на бюст Наполеона», «Эпиграмма в ответ Гамбургской газете, где по приказу Наполеона написано было, что, ретируясь из России, он греется и жирно ест», французская эпиграмма с русским переводом: «Зачем Наполеон, так громко протрубя, Спешит сожечь Москву...», стихотворение «Возвращение тирана — Наполеона во Францию. Выписка из газеты лир 1813 г. № 1» («Когда Наполеон в чреде своей греховной...»). Интерес представляет эпиграмма:

Пожалован за труд Можайским князем Ней,
Велик Наполеон на выдумки ей-ей!
Хвалю его за то — не досадил народу:
Можайск давно любил больших свиной породу.

То же другим образом:

Французов царь царей в свидетельство трофея
Придумал произвесть в князя Можайски Ней.

¹ См.: Поэты XVIII века, т. 2. Л., 1972, с. 18.

Ну что ж?! ... он этого не делывал умней:
В Можайске на убой давно берут свиней.

Крылову приписываются стихи на тот же случай:

Французский маршал Ней
В Можайске припцем возвеличен.
И прежде был Можайск отличен
Породою свиней.

См.: *Крылов И. А. Соч.*, т. 3. М., 1946, с. 328. Об атрибуции стихов Крылову см. там же, с. 563—564.

Принадлежность эпитагмы о маршале Нее Николеву позволяет с большой долей вероятности отвергнуть авторство Крылова, который вряд ли стал бы переделывать чужие стихотворения.

3. Л. 139—140.

¹ В том же переплете находится рукописное «Послание герою и вождю императорского российского воинства князю Богратиону 1809 года сентября дня» («Скорей подайте лиру мне...»; ИРЛИ, ф. 322, № 62, л. 344—347).

² Вероятно, здесь и ниже речь идет о стихах, полученных от Горчакова еще в рукописи. В данном случае имеются в виду «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому (Сын отечества, 1813, 10 апр., № 15, с. 153—155).

³ Возможно, речь идет о стихах «Беседа об уединении. К А. С. Таранову» (Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 11. СПб., 1813, с. 75—80. Ценз. разр. 23 июня 1813). Не исключено, что Николев говорит о каком-то другом, не дошедшем до нас стихотворении Горчакова.

4. Л. 213—214.

¹ Речь идет об И. И. Дмитриеве (1760—1837), в 1810—1814 гг. министре юстиции. Иронический тон Николева объясняется давней литературной враждой. Дмитриев высмеял Николева в «Гимне восторгу» (1792). О полемике Николева—Дмитриева см.: *Русская литература*. Учен. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова. Сер. филол. наук, 1968, вып. 72, с. 208—214.

² П. С. Лихонин—писатель и переводчик, близкий кругу Николева. В 1805 г. он подписался на журнал «Друг просвещения», в числе издателей которого был Д. И. Хвостов. Он входил также в круг Новикова, сотрудничал в журнале «Утренний свет». Известно письмо к нему О. А. Поздеева о постигших Россию бедствиях от 19 декабря 1812 г. (см.: *Рус. архив*, 1912, стб. 1866—1867). Лихонин переписывался с Новиковым и посещал его в с. Тихвинском (там же, 1871, стб. 1088—1090).

И. И. ДМИТРИЕВ

Публикация В. Э. Вацуро

1. А. И. Дмитриеву

Вторая половина марта 1797

Любезный братец Александр Иванович.¹

Вчера имел я удовольствие получить письмо твое от 16 февраля из Астрахани. Сердечно сожалел о слабости твоего здоровья; ради бога, послушай прежнего моего совета и пусти кровь. Что ж касается до службы, то по обстоятельствам твоим не переменяю и теперь моего мнения: в статской же службе ты найдешь ныне очень хорошее место и очень скоро в Москве или в Петербурге. Вся сила в том, чтоб в сентябре быть тебе непременно в Петербурге; благодаря бога, я имею довольно доброжелателей, которые не оставят войти и в твое состояние. Ныне открылись новые ценсорские места с жалованием по 1700 рублей. Уповательно, что и еще выйдут новые какие-нибудь должности. Что ж касается до нашего дела, то как оно не кончилось еще в совестном суде, почему и не знаю, можно ли возобновить в Астрахане.² Впрочем, Федор Антипыч³ если имеет документ на свои требования и доказа^{тельства} справедливости приказов, то он и без верящего письма обязан будет выполнять касательное до нас, по приказам. Или когда уже огласится судом отдача ему предназначенной для раздачи суммы, в таком случае мы можем войти в требование, адресуясь уже на его имя, где следует. В дополнение сообщая тебе прилагаемую новость, которая, может быть, до вас еще не дошла и по которой ты, братец, лучше и можешь расположить свои меры. У Николая Васильевича пропасть дядюшкиных бумаг, которые могли бы очень легко обличить дерзость просителя. Прости, братец. Братья в походе, я сам думаю дня чрез три отправиться в Москву.⁴ Перчатки при сем посылаю. Верный брат

И. Д.

2. А. И. Дмитриеву

8 апреля 1797

Апреля 8 дня. 1797. Москва.

Христос воскрес, любезнейший, милый мой брат Александр Иванович. Я сегодня получил от тебя вдруг два письма; они больше бы меня порадовали, если бы ты был спокойнее и здоровее; будь уверен, братец, что душевно готов все, что только можно, для тебя сделать; комиссию твою на нынешней же недели исполню; будь терпеливее, братец; авось либо фортуна устанет играть тобою; я по высочайшей милости определен за обер-прокурорский стол в первый департамент.¹ Если ты получишь отставку, то ради бога приезжай и с Марьей Александровной² в Петербург; может быть, я буду столько счастлив, что чрез благодетелей моих найду и тебе хорошее место; я всегда готов отдать тебе справедливость и уверен, что во всех делах, требующих основательного рассудка, ты более, нежели я, способен, и следовательно, ты право ничего не потеряешь, вступая в статскую службу; а ныне везде служба на такой ноге, что каждого служба сама за себя ходатайствует и щедро награждается. Нам обоим по домашним обстоятельствам равная участь; начнем же сами стараться искать лучшей доли по своей службе; авось сбудется и над нами пословица: за богом молитва, а за государем служба не пропадает. Прости, братец, в мыслях тебя целую и по гроб мой остаюсь нежным другом и братом

Иван Дмитриев.

3. Неизвестному

19 февраля 1799

1799 февраля 19.

Любезный Александр Иванович.

Как я был тронут, услыша от сестрицы вашей, что вы и заочно меня помните! сердечно благодарю вас и желаю вам всевозможного счастья, которого вы по всему достойны; поверите ли, что я вам завидую, то есть сколько позволительно с добрым сердцем и тому, кого любишь, завидовать; какая приятная для вас дорога! сколько предметов для любопытства, сколько случаев к большему познанию человека, и в таких молодых летах! между тем как я, бедный, лучшую часть жизни провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий, и не имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами. — Но я дал себе слово не переносить письма на другую страницу; итак, прощайте и вспоминайте иногда искренно любящего вас

Дмитриева.

4. Д. Н. Блудову

16 июля 1813

Милостивый государь мой Дмитрий Николаевич.

Чувствительно благодарен вам за дружеское ваше письмо и доставление мне политических произведений. Может быть, итальянский журнал сделает чудо, какого и Тассе не произвел надо мною: что я для него выучусь по-италиански. Теперь же мне и досугу будет довольно, ибо я отпущен на 4 месяца в отпуск.¹ И скоро надеюсь отправиться в Москву, где буду жить в доме канцлера.²

Парнас наш, пользуясь перемирием, отдыхает. Орел нашей Поэзии от бранного шума направил полет свой к Киевским святым пещерам, которых вид, вероятно, пособит ему подарить нас вместо громкого чем-нибудь умилительным; Сокол почивает на лаврах, занимаясь мимоходом поправками и вторичным изданием *De l'art poétique*; но кажется, что он собирается с силами, чтобы внезапу возгреть надгробную песнь Смоленскому, коль скоро смолкнут над прахом его прочие птицы.³

Нетерпеливо желаю дождаться приятного свидания с вами; между тем, свидетельствуя вам и милостивой государыне Анне Андреевне⁴ душевное мое почтение, навсегда имею честь быть ваш, милостивого государя моего покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

С. Петербург, 1813 июля 16.

5. В. В. Измайлову

21 сентября 1814

Охотно повторяю вам, любезный Владимир Васильевич, прежний мой стих и радуюсь, что опять с вами. На другой же день моего приезда я посылал просить вас к себе обедать, но, к сожалению, узнал, что вы еще не возвратились. Выздоровливайте скорее и приезжайте к нам на житье. Поля уже липились своих прелестей. Я много привез новостей французской литературы; от доброго сердца поделюсь с вами для вашего журнала. Кстае вспомнить: очень благодарю вас за «Бродягу».¹

О деле вашем предоставляю поговорить с вами при первом свидании. Между тем с душевным почтением был и всегда пребуду преданнейшим вам

Дмитриев.

Сентября 21-го.

6. Ф. Н. Глинке

30 декабря 1815

Милостивый государь мой Федор Николаевич! Благосклонное ваше письмо от 15 сего месяца¹ тем для меня приятнее, что подает мне случай возобновить искреннюю благодарность мою, и уже не косвенным образом, за полученный от вас подарок. Письма Русского Офицера и просвещенного автора читаю я, как патриот и любитель словесности, с сугубым удовольствием.² Из всех русских сочинений, вышедших по случаю войны, ваша книга сохранит свою цену и во дни мира.

Мне очень прискорбно, что отлучка моя в отчизну лишила меня удовольствия видеться с вами в Москве.³ По крайней мере могу чистосердечно уверить вас, что отсутствие ваше не ослабит отличного к вам почтения, с которым навсегда имеет честь пребыть ваш милостивого государя моего покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Р. S. Позвольте при сем поздравить вас с наступлением нового года и покорнейше вас просить о благосклонном принятии от меня, вместо обыкновенного сюрприза, нового издания моих сочинений.⁴

Москва, 1815 декабря 30-го.

7. В. В. Измайлову

Октябрь 1816

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Благодаря вас искренно за дружескую доверенность, которую почтили меня в письме вашем, могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководство комиссии.¹ В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены закону.

Я нетерпеливо жду вашего возвращения,² так давно не имея удовольствия с вами беседовать; между тем с душевным почтением навсегда пребуду вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1816 октября дня.

8. Ф. Н. Глинке

6 июня 1817

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Спешу принести вам чувствительную благодарность мою за сообщение мне сочинения вашего книги «Письма к другу» и начального номера «Военного журнала». ¹ Первую читаю я с большим удовольствием; с неменьшим прочитал и вторую. Хотя уже мне и не бывать в военной службе, но я охотно желаю быть в числе подписчиков на журнал сей; итак, покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением вашим, можно ли здесь внести деньги на получение опого, и к кому с этим адресоваться, — в ожидании чего препоручаю себя в продолжение вашей ко мне приязни, весьма для меня лестной, и с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Июня 6. 1817. Москва.

9. Н. И. Гнедичу

29 июля 1817

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за обязательное ваше письмо и доставление подарка от одного из моих любимейших прозаиков и поэтов. Это драгоценный подарок и для нашей словесности; как ревностный любитель славы ее, искренно желаю скорее увидеть в библиотеке моей и вашего Гомера. ¹

Между тем, поручая себя лестной для меня вашей приязни, с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1817-го июля 29-го.

10. Ф. Н. Глинке

19 марта 1818

Москва, 1818-го марта 19-го.

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Примите искреннюю благодарность мою за новый знак вашей ко мне приязни: оба сочинения прочитал я с большим удоволь-

ствием; в одном выдержаны все условия литератора; другое занимательно по своей новости и похвальной цели, для какой писано.¹ Желательно, чтоб этот опыт распространил в добрых поселениях охоту обучаться грамоте: тогда бы можно было издать для них книгу по обширнейшему плану: такую, в которой бы изложены были вкратце и ясно понятия о нашей религии, о их обязанностях в отношении к семейству, к начальникам, к правительству, к ближнему; понятия о домоводстве, о простых лекарствах от обыкновенных болезней. Можно бы присовокупить к тому собрание лучших пословиц, сентенций и сказочек, подобных вашей. Можно или нет, но весело и мечтать о возможности добра и пользы.

Не обременяю вас долее моим письмом. Закрываю сердечным уверением вас в отличном почтении, с которым навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

11. Ф. Н. Глинке

5 декабря 1818

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Я желал бы еще чаще дарить вас своими произведениями, чтоб только получать ваши отдарки. С большим удовольствием читал в другой раз Гимн ваш богу:¹ прекрасная и сильная поэзия! не с меньшим и ваш подарок русскому солдату, равно как и биографию гр<афа> Мил<оратовича>. Желательно, чтоб вы потрудились издать второй томик подарка и поместили бы в нем несколько характеристических портретов старых и новых наших генералов; несколько военных анекдотов; роспись славнейших сражений. Не худо бы также дать им понятие, хотя самое легкое, об русской истории. Уверяю вас, наконец, что я искренно люблю ваш талант и люблюсь всеми вашими произведениями. А чтоб еще более уверить вас в моей искренности, то не скрою от вас, что я лучше бы назвал *manière de parler* поговоркою, а не говоркою. Первое всеми принято и с давних лет употребительно. Также не хотел бы, чтоб вы, следуя другим молодым писателям, часто употребляли вот и к слову всех прибавляли и каждого. Я знаю, отчего вошло это в <обы>чай. Молодые люди начали знать манифесты с 812 года. Они в первый раз услышали всем и каждому в одном из манифестов и по справедливой доверенности к Алексан<дру> Семеновичу заключили, что уже нельзя сказать в всех, чтобы не прибавить и каждого. Но надобно знать, что это издавно было формою указов только и манифестов, а более нигде и ни в каком случае так не писали. Вы с<о>гласитесь, что весьма бы странно было услышать в комедии женщину, которая говорит любо<внику>: «Ты дороже мне в с е х и к а ж д о г о».

Простите мне мою откровенность. Я ничем лучше не могу вас уверить в том отличном почтении, которое навсегда к вам сохранит, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1818 декабря 5.

Р. С. Мне самому очень чувствительна разлука с Батюшковым.² Это бесценный человек и по душе, и по таланту.

12. С. П. Жихареву

21 октября 1820

Милостивый государь мой, любезнейший Степан Петрович!

Спешу изъяснить вам чувствительную благодарность мою за приятное уведомление меня о рождении сына, с которым имею честь вас поздравить.¹ От всего сердца желаю, чтоб он был некогда утехю и жезлом маститыя вашей старости и во всем походил на почтенных своих родителей.

Еще до получения вашего письма я уже с прискорбием слышал о вашей потере и брал искренное в ней участие, понимая очень живо всю меру вашей печали и забот в отношении к тогдашнему состоянию Федосьи Дмитриевны.²

Можно ли надеяться по крайней мере в середине зимы дожидаться вас в Москву? Могу вас уверить, что пребывание ваше здесь было бы дополнением тех немногих отрадных минут, которые суждено мне иметь в столице, хотя и многолюдной, но для меня скудной в сердечных друзьях и приятелях: все старые рассеяны, а новые в мои лета уже не наживаются.

Впрочем, где бы вы ни были, всегда будете близки к моему сердцу, исполненному к вам душевным почтением. Будьте благополучны. До свидания имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Р. С. Покорнейше прошу вас изъяснить такое же мое почтение милостивой государыне Федосье Дмитриевне и поздравить ее от меня с новорожденным, а любезную мою крестницу поцеловать.

Москва, 1820 октября 21-го.

13. А. Ф. Воейкову

10 января 1823

Милостивый государь мой Александр Федорович.

На сих днях имел я удовольствие получить за весь минувший год прибавления к Инвалиду без письма, в пакете за печатью департамента Министерства народного просвещения. Вспомня, что

я таким же скромным образом получал от вас последнего издания образцовые сочинения, не сомневаюсь, что и теперь вам же подарком сим обязан, почему и спешу принести вам чувствительную благодарность мою за толь милые доказательства вашей ко мне приязни.¹ Искренно желал бы, чтоб Феб хотя на минуту осиял меня в старости лет моих, дабы я мог отплатить вам сильным моим добром: но закон природы велит мне оставаться при одном только желании. По крайней мере могу вас уверить в отличном почтении, с которым навсегда к вам пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 января 10 дня.

14. В. В. Измайлову

9 марта 1823

Как кстате пришел ваш человек, почтенный Владимир Васильевич! я лишь только отправлял моего гонца с покорнейшею моею просьбою пожаловать сегодня ко мне откушать; вся беседа будет из одних поэтов; ества трезвая, но питательная, обед ранний, в 2 часа с половиною.¹ Примите благосклонно усердное мое желание и утешьте сим искренно почитающего вас покорнейшего слугу

Ив. Дмитриева.

1823. Марта 9-го, пятница.

15. Н. И. Гнедичу

29 апреля 1823

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за благосклонное ваше приветствие меня с протекшим праздником.¹ Хотя я за светскими суетами и не успел предупредить вас моим поздравлением, но тем не менее и в мыслях, и в сердце желал вам, как и всем моим добрым приятелям, провести его спокойно и приятно.

Равномерно благодарю вас и за доставление ко мне десяти портретов.² Я любовался совершенством вашей литографии. Желал бы скорее увидеть и самое издание. Давно не слыша об нем ничего, я иногда думал, не подвергнулось ли оно той же строгости, какую недавно испытал Олин.³ Кажется, уже после пятикратного очищения в горниле двух цензур можно бы пощадить его, не приводя в краску шестидесятилетнего автора.

Что же касается до произведений моей старости, — они очень не важны, и мне, право, было бы совестно помещать их в новом издании, после того, как я уже покаялся пред Аполлоном и сам осудил на забвение многие из прежних моих стихотворений. Я скропал 50 четверостишных апологов, разделенных на две книги,⁴ о которых я объяснюсь с вами через Норова. Между тем будем ожидать, как пойдет новое издание.

Впрочем препоручая себя вашей приязни, всегда для меня лестной, с совершенным почтением и уважением имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 апреля 29-го.

16. В. В. Измайлову

24 мая 1823

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Приношу вам чувствительную благодарность мою за любезное ваше письмо. Хотя и сожалею, что не простясь с вами расстался, но уважаю ваши причины и уверен столько же и в заочной вашей ко мне приязни.

Вы порадовали меня вашим поручением. Но сей раз могу рекомендовать вам из известных мне книг только 1. *Mélanges de littérature et de philosophie, par Ancillon* и 2) также *Mélanges de philosophie, de morale et de littérature, par Meister* (который, помнится, выдал письма о воображении).¹ Обе книги содержат в себе очень интересные статьи. В первой мне особенно нравятся *Sur les grands caractères* и *Sur la nature de la poésie*. С первого привоза книг буду постоянно уведомлять вас о всякой вновь привезенной книге, которую почту достойною вашего <внимания>.

Поздравляю вас с прекрасным временем. Надеюсь, что оно сделает много добра вашему здоровью; по крайней мере, искренно того желаю. Между тем поручаю себя вашей приязни и пребуду навсегда с отличным к вам почтением, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 мая 24 дня.

17. О. Е. Франку

13 мая 1824

Любезный Осип Егорович!

Сделайте одолжение, потрудитесь справиться у Г. Гиппиуса,¹ живущего на Невском <проспекте> в доме Глазунова над космо-

тическим магазином, не может ли он мне уступить по выбору из его тетрадей несколько портретов по записке, которую при сем прилагаю.

Знаю, что он не согласится разбивать свои тетради; но у него, верно, есть много лишних против числа сускрибентов; и в том предположении я и решился обратиться к вам и к нему с прихотливою моею просьбою.

Если будет удача, то прошу о том уведомить, тогда я пришлю к вам за них и деньги, коих причитается 25 р.

В случае же неудачи нельзя ли постараться уговорить его к уступке хотя двух портретов: 1) Карамзина и 2) Шишкова.

За тем с почтением и привязанностью к вам навсегда пребуду вашим покорным слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1824 мая 13.

P. S. Еще прошу вас доставить отправленную при сем к вам посылку² издателю «Полярной Звезды» гвардии драгунского полка поручику или штабс-капитану Александру Александровичу Бестужеву. Она уже давно послана была в Петербург, но на сих днях возвращена ко мне из тамошнего почтамта, будто за неотысканием его квартиры. Вы можете узнать об ней от Александра Ивановича Тургенева. Если же он не находится в Петербурге, то прошу вас отдать посылку товарищу его (по «Полярной Звезде») Рылееву, ибо в посылке находится и на его долю книга. Причем прошу вас объяснить им и причину, почему она так поздно до них доходит.

Портреты работы Г. Гиппиуса, коих желал бы иметь:

1. И. А. Крылов
2. М. М. Сперанский
3. Граф Каподистриа.
4. Шишков А. С.
5. Карамзин Н. М.

18. О. Е. Франзу

26 мая 1824

Любезный Осип Егорович.

Искренно благодарю за сообщение новостей, но еще больше за ваше ко мне усердие в исполнении даже и прихотных моих желаний и за обещанный портрет Николоя Михайловича, но с тем условием, чтоб вы позволили мне прислать за него деньги, если он вами куплен. Признаюсь однако ж, что мне лучше бы хотелось иметь Шишкова; и по сродству, и по расположению он лучший из Гиппиусовых портретов. Предпочитаю его и потому,

что не имею ни одного, а портретов Карамзина у меня много. Дождусь ли я, наконец, первых томов, начав с 1-го *Bargeau français*. Я уже дал слово впредь не тешить хитрых и неучливых парижских книгопродавцев и не покупать боле в разбивку, о чем уже и объявлено от меня здешним. Но *Bargeau* и *Biographie etc.*¹ на нынешний год из того исключаю. Впрочем с совершенным моим почтением пребуду вашим покорным слугою

И. Дмитриев.

Москва, 1824 мая 26.

19. В. В. Измайлову

12 ноября 1824

Почтенный Владимир Васильевич.

Наконец желание мое и Карамзина исполнилось. Сию минуту получаю от него письмо, в котором он пишет, что государь дозволил известить вас о пожаловании вам 1200 руб. ежегодного пансиона из Кабинета.¹ От сердца радуюсь и спешу вас поздравить. Вероятно, скоро получу и копию с указа, а вы между тем готовьте благодарительное письмо к доброму императору и с первым путем дозвольте друзьям вашим обнять себя в Москве. Тогда я покажу вам всю мою переписку о пансионе. С душевным почтением преданный вам

Дмитриев.

1824. Ноября 12 дня.

20. В. В. Измайлову

13 ноября 1824.

Почтенный Владимир Васильевич.

Ответ ваш смутил все мое удовольствие; в минуту был бы у вас, но я сам четвертый день сижу дома: от простуды потерял голос. Не берите труд писать ко мне, а прикажите только сказать моему посланному, каково теперь ваше здоровье и кто вас пользует. Я сейчас только писал об вас к Н. М. Карамзину. Дай бог скорее увидеть вас совершенно здоровым!¹ Преданный вам

Дмитриев.

Ноября 13 1824.

21. О. Е. Франку

3 января 1825

Благодарю вас, любезный Осип Егорович, за приветствие меня с Новым годом и взаимно желаю вам всем сердцем в продолжение оною и впредь возможного благополучия.

Благодарю вас равно и за усердие ваше по моим докукам. Сделайте одолжение, постарайтесь не пропустить случая к покупке мне *Mémoires de Fouché*, когда их получают, а об настоящем титуле Байроновой книги наведаетесь от Н. М. Карамзина. Если «Дон Жуан» — та самая, которой я отыскивал, то прошу и ее ко мне доставить.¹ Да прошу вас еще поручить кому-либо из ваших книгопродавцев выписать для меня *Histoire critique du Vieux Testament, par Richard Smidt* и подписаться для меня на новый журнал «Библиографические листы», издаваемые Кеппеном. Подписка у издателя или у книгопродавца Свешникова, с пересылкою за 15 р. в год, которую сумму при сем к вам и препровождаю, при чем предупреждаю вас, что я желаю получать листы непременно с почтою, а не с обозом.

Измайлов столько же, как и я, чувствителен к вашему старанию и об его пансионе. С нетерпением буду ожидать от вас копии с предписания М. К. П. Между тем обнимаю вас с чувством искреннего к вам внимания и привязанности и пребуду навсегда вашим покорным слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825 января 3-го дня.

22. Н. И. Гнедичу

14 января 1825

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и приложенный при нем подарок, многоценный для меня как залог вашей приязни и как любопытная новость в нашей словесности.¹ Итак, посвящая с давних лет бдения ваши на изучение отца песнопевцев древней Эллады, вы уделили несколько минут и для славы возрождающегося его потомства!

Сей случай подает мне повод объяснить с вами о том, что давно лежит у меня на сердце: по издании моих сочинений я послал к вам экземпляр оных, — но без письма и надписания. Может быть, вы приписали это моему неучтивству: но я искренно могу вас уверить, что одна только совестливость моя была тому причиною: мне казалось неприличным рассылать хотя и собственное сочинение, но соединенное с моею биографией, похожей даже на панегирик. Таким же образом и по той же причине доставил

я экземпляры и к прочим моим приятелям и братьям о Аполлоне.²

Закрываю мое письмо поручением себя в продолжение вашего ко мне благорасположения и приветствием с благополучным достижением новолетия. Без дальнейших фраз скажу: будьте в нем и вперед счастливы, сколько можно.

Между тем с чувствами душевного к вам почтения имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825. Января 14 дня.

23. В. В. Измайлову

7 августа 1825

Милостивый государь мой Владимир Васильевич.

Чувствительно благодарю вас за милое и обязательное ваше писание. Оно доставило мне удовольствие на минуту будто с вами беседовать.

Карамзин хотя и не хвалится своим здоровьем, жалуясь, что оно мешает ему работать с прежнею деятельностью, однако ж в минувшем месяце посещал Новгородские поселения (вероятно, в угодность государю) и был весьма обласкан их начальником, а потом пировал на Петергофском празднике.¹ Я не премину порадовать его дружеским вашим воспоминанием.

Насчет первых двух томов записок г-жи Жанли я совершенно с вами согласен. Вчера получил я из П<етер>б<урга> еще две части; кажется, и в них та же болтовня о мелочах; но я надеюсь, что последние четыре будут занимательны.²

Здесьние фр<анцузские> книгопродавцы в большом унынии. П<етер>б<ургская> цензура стала еще строже. Не пропускает ни Вольтера, ни Прада, ни Байрона, ни Аннюара политического, ниже известного вам романа Дон Алонзо, — но между тем, к удивлению моему, пропущено новое издание Белева словаря, в 8-ю долю, в 14 томах.³

О нашей словесности и говорить нечего. Так много скопилось у нас гениев, что они от тесноты почти задохлись и чуть шевелятся, а прочие фолликулеры друг друга бранят или хвалят.⁴ На сих днях М<осковский> уни<верситет> получил нового попечителя в особе А. А. Писарева.⁵

Наконец скажу вам о себе, что я в июне побывал в отчизне.⁶ Три части записок моих кончены.⁷ Первая уже и переписана на бело. Теперь занимаюсь примечаниями ко всем частям.

Надеюсь, что и вы, почтенный В. В., оплатите мне вашу откровенностью: я нетерпеливо желал бы видеть плоды и ваших занятий. Если вы между прочим написали или напишете стихами

или прозой в роде мелких произведений», то прошу вас сообщить ко мне и позволить отдавать их в «Телеграф». Издатель этого журнала хотя еще и не натерел в слоге, но умнее других и приближается более к европейскому журналисту.⁸ Бодрствуйте и любите искреннего и преданного вам почитателя

Ивана Дмитриева.

Москва, 1825 августа 7 дня.

24. В. В. Измайлову

27 октября 1825

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Как мне тяжело было так долго казаться пред вами виноватым! Вот что тому было причиною: я до сего времени еще не вижу с Полевым, который сам напросился на знакомство; два раза только был, и не знаю за что, перестал ходить ко мне. Наконец я передал предложение ваше товарищу его кн. Одоевскому. Он отвечал мне решительно за себя и Полевого, что для них было бы невыгодно и даже накладно согласиться на требуемую сумму; что для их журнала уже приискан ими переводчик за 300 р. в год, и к тому же для них достаточно будет и одного, поелику они желают наполнять журнал свой более оригинальными сочинениями.

Очень жалею, что не мог сказать вам лучших вестей. Между тем нетерпеливо желаю скорее с вами увидеться и с душевным почтением навсегда пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825 октября 27 дня.

25. Н. И. Гнедичу

22 апреля 1826

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Снисхождение претолкователя Омира к переводчику тощих четверостиший и притом французской работы не ослепят его самолюбия: я сам чувствую всю маловажность этой игрушки;¹ но по крайней мере доволен тем, что она доставила мне удовольствие получить обязательные ваши строки, за которые я спешу принести вам искреннюю благодарность мою и вместе поздравить вас с наступившим торжеством христианского мира.

Между тем от глубины души беру я участие в болезненном положении вашем. Даруй боже скорейшее вам облегчение к отраде Пьерид и искренних ваших друзей и почитателей.²

Благодарю еще вас и за то, что вы вспомнили невинную прихоть старика, который покоряется, так же, как и другие, народному приговору: с т а р ы й ч т о м а л ы й; равно и за приятную для меня надежду — повидаться еще с давним приятелем, почтенным Алексеем Николаевичем.³

Впрочем с душевным почтением моим имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугой

Иван Дмитриев.

Москва, 1826. Апреля 22 дня.

26. В. В. Измайлову

19 июня 1826

Препровождаю к вам при сем, почтенный Владимир Васильевич, письмо от Дашкова;¹ содержание его мне почти известно, и я поручусь за него, что он за удовольствие сочтет исполнить вашу волю, коль скоро с отпуском получит больше досуга. Что мне сказать вам о самом себе? Вы должны знать всю меру моей скорби.² Катерина Андреевна уже отправилась в Ревель с детьми и Вяземским, который в июле возвратится в Москву.

Ежели вам неизвестно, то сообщаю, что уже вышло из печати и продается донесение следственной комиссии. В одно время получено два издания: одно в лист, и продавалось Шириевым по 25 р. экземпляр, а другое в осьмушку, и раздавалось даром подписавшимся на «Инвалид».³ Книг еще нет в привозе. Видно, нам и в этом году сидеть за «Вестником Европы». Искренний ваш почитатель и преданный слуга

И. Дмитриев.

Июня 19-го.

27. В. В. Измайлову

9 августа 1826

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Здесь открывается цензурный комитет на новом положении: независимый от Университета, состоящий в председателе и трех членах. Сейчас был у меня А. А. Писарев и спрашивал меня, можно ли надеяться, что вы примете звание первого, которому жалование назначается едва ли не семь тысяч.¹ Не зная, что сказать ему, я испросил у него позволение довести о том до вашего сведения.² Не худо бы вам поспешить приездом своим к нам хоть дня на два. Тогда могли бы переговорить с ним лично и между тем познакомиться и с министром.³

О себе же ничего не могу сказать доброго. Хилею душевно и телесно; но привязанность моя и душевное почтение к вам бодрствуют в прежней силе. Преданный вам

Дмитриев.

Августа 9-го 1826. М^{осква}.

28. В. В. Измайлову

21 марта 1827

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Скоро по вашем отъезде приехал ко мне Вяземской. Я не вытерпел и показал ему ваши стихи¹ — разумеется, когда уже Волкова² не было. Слушая их, он разделял мое удовольствие, но между тем заметил, что лучше бы сказать вместо нового, прежнего. Еще остановился на предпоследнем стихе: Сам прах... прагит из гроба. Он думает, что лучше бы сказать дух. Я и сам согласился бы с ним, но, перечитывая после его ваши стихи, одумался, что дух уже не может быть в гробе. Любя и ваш талант, я вменил себе в долг скорее сообщить вам о том: может быть, вы рассудите этот стих переделать, хотя бы то было с ущербом нашего бессмертия. Всею душою почитающий вас и преданнейший вам

И. Дмитриев.

1827. Марта 21. Вечером.

29. В. В. Измайлову

22 марта 1827

Благодарю вас, почтеннейший Владимир Васильевич, что вы снисходительно приняли нескромность двух ваших почитателей. Я очень доволен вашей поправкою, и остается мне только желать скорее увидеть их в печати. Обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев.

1827. Понедельник. Марта 22-го.

30. О. Е. Франку

21 июня 1827

Любезный Осип Егорович.

Я не помню, с кем я получил последнюю посылку ливрезов Вольтера, а не Руссо, как сказано мною в письме¹ ошибкою; но знаю, что она ко мне доставлена марта 28, а после того уже

не получал ни одного ливрезопа. Всех же теперь у меня 40. Самый последний лист сорокового ливрезопа начинается: *par les derniers remarques sur les pensées de Pascal*, а оканчивается *par professions de foi* и 1612 страницю. Полная же книга должна состоять из 70 или 75 ливрезопов, почему я и встревожился, получа известие от Измайлова, что по словам Д. Н. Блудова посланы ко мне последние ливрезопы, которых я не получил еще и до сего времени. Все эти подробности сообщаю вам на тот конец, чтоб лучше могли справиться, есть ли мне надежда получить последние ливрезопы, или они уже были посланы, да пропали.²

Что же касается до худого успеха представления Московского генерал-губернатора о моем племяннике, то остается только пожалеть, что ищут не судью, а коллежского только советника.³

Затем свидетельствую вам искреннее мое почтение, с коим навсегда пребуду покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1827 июня 21-го.

31. В. В. Измайлову

15 февраля 1828

Сообщая вам, почтенный Владимир Васильевич, 4 номер Вестовщика,¹ нетерпеливо желаю знать о вашем здоровье: прошла ли ваша простуда? Пришлю и книги, как скоро получу от переплетчика. Преданный вам

Дмитриев.

Февраля 15 1828. Москва.

32. В. В. Измайлову

17 февраля 1828

Не беру на свой счет, почтенный Владимир Васильевич, благотворного действия на ваше здоровье. Скорее уступлю моему сердцу, которое искренно желало вам совершенного выздоровления.

Книги при сем посылаю; надеюсь скоро сообщить и барона.¹ Очень, очень рад вашим добрым вестям. Дай бог вам и еще лучшего, а мне скорейшего с вами свидания. Преданный вам

Дмитриев.

Москва. Февраля 17 1828.

33. В. В. Измайлову

12 октября 1828

Чувствительно благодарю вас, любезнейший Владимир Васильевич, за ваше одолжение; позвольте мне и впредь прибегать к вам в подобном случае. Книги тотчас пришлю, как скоро получу оба тома от двух чтецов. Между тем прошу вас принять от меня, в залог дружеского радушия, астраханский гостинец, теперь лишь только полученный. С душевным почтением преданнейший вам

И. Дмитриев.

1828 октября 12, пятница.

34. В. В. Измайлову

12 сентября 1829

Я провел праздник мой спокойно, с полною доверенностью к радушному хозяину, следственно и приятно; но мне очень грустно, любезный и почтенный Владимир Васильевич, видеть вас недовольным положением. Ради дружбы, будьте мужественнее и не предавайтесь отчаянию. Природа довольно дала вам сил в душе и рассудке, чтобы противустать фортуне. Всем сердцем обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

Москва. Сентября 12 1829.

35. В. В. Измайлову

22 апреля 1829

Хотя и выезжаю, но очень не по себе, почтенный Владимир Васильевич. В четверг¹ располагаюсь весь день быть дома. Очень рад буду, если не откажитесь разделить со мною вечер. О Кузнецове² я не позабыл, но он уже давно болен и не выходит из дома. Однакож пошлю об нем проведать.

Сейчас получил письмо от Вяземского,³ а на днях от Карамзиных. Хочется вам прочитать их. Между тем мысленно обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

Р. С. Фельца⁴ 4 тома при сем к вам посылаю.

Апреля 22 дня.

36. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Вы не можете представить, как мне больно было лишиться себя удовольствия с вами видеться, когда вы ко мне приезжали. Соседка моя¹ звала меня на чай, и уже мы сидели за чайным столом; она никак не хотела меня отпустить, и тем более, что думала под сим предлогом иметь честь познакомиться с вами, чего давно желает. Простите меня великодушно и уверьте меня в том на самом деле: я весь день дома и сердечно желал бы провести его с вами, если не будет дождя или какой-нибудь другой роскоши русского неба. Очень, очень одолжили бы тем преданнейшего вам неизменно

И. Дмитриева.

Апреля 30-го.

37. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Ах! любезнейший и почтенный Владимир Васильевич! Как вы могли подумать, чтобы я когда-нибудь мог измениться в моем к вам расположении. Я давно знаю вас и всегда в вас уверен. Напротив, уважение мое к вам растет день от дня, чем чаще бываю с вами. Сегодня я наверное дома и очень рад, если вы доставите мне удовольствие провести вечер с вами. Преданный вам

Дмитриев.

38. В. В. Измайлову

1820-е гг.

С позволения вашего, почтенный Владимир Васильевич, уведомляю вас, что завтра с пятого часа пополудни я дома и буду очень рад, если пожелаете ко мне и привезете ваши бумаги. О том возвещено от меня и Николаю Дмитриевичу.¹

С нежною приязнью обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев.

Четверг.

39. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Благодарю вас, любезный Владимир Васильевич, за книгу Р. И.¹ Все новые мои книги отданы в переплет. Коль скоро получу их, то не преминую доставить к вам по-прежнему. Между тем от всей души желаю возвращения <?> вашего здоровья и с искренним почтением имею честь быть преданный вам

Дмитриев.

Вторник.

40. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Завтре с 8 или девятого часа готов принять вас, почтенный Владимир Васильевич, но в половине 10-го уже буду вне дома, а обедать буду за Симоновым монастырем. Дай бог, чтобы предлог вашего посещения не смутил моего спокойствия по участию, которое я в вас принимаю. Преданный вам

Дмитриев.

41. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Видеть добрых приятелей чем скорее, тем приятнее. Итак, спешу вас уведомить и прошу вас передать Василью Львовичу,¹ что я рад принять вас обоих и сегодня, если пожалуете в половине седьмого часа или в шесть часов. Будем ловить настоящее, а вперед неизвестно еще, что будет. Преданнейший вам

Дмитриев.

Понедельник.

42. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Я сам очень согласен с образом ваших мыслей, изъясненных в вашей записочке. И желал бы о том же поговорить с вами лично, если бы ваш добрый гений внушил в вас сегодня обрадовать беседой вашей, и приятной, и дельной преданнейшего вам от всего сердца

И. Дмитриева.

Р. S. Вечер прекрасный, и я до самой ночи верный страж моих кресел.

43. Н. И. Гнедичу

18 января 1830

Милостивый государь Николай Иванович!

С живейшим удовольствием принял я от Михайлы Николаевича Загоскина драгоценный ваш подарок,¹ истинно для меня драгоценный: и по внутреннему его достоинству, и по уважаемой мною вашей приязни, и по моему патриотизму, гордящемуся всем тем, что служит к славе любезной нашей отчизны.

Итак, почийте отныне на ваших лаврах, почтеннейший классик! наслаждайтесь собственным чувством заслуг своих и благодарностью от тех, которые умеют отдавать им полную справедливость.

Вместе с ними покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять от меня уверения и в совершенном почтении, равно как и преданности, с коими навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1830 января 18 дня.

44. Н. И. Гнедичу

27 декабря 1832

Милостивый государь Николай Иванович!

Приятно начинать год благодарностию: примите же оную от глубины души моей за драгоценный для меня ваш подарок.¹ Стихотворения ваши подарили меня самым теплым и ясным утром. Я нарочно для них отложил мою обыкновенную прогулку и не отстал от книги, пока не дочитал ее. К сугубому моему удовольствию нашел в ней много стихов, которые по скромности вашей до меня не доходили.

Но я, увлекаясь моим чувством, чуть не позабыл, что начал Новым годом. Итак, позвольте мне заключить мои строки искренним приветствием вас с благополучным достижением оногo и сердечным желанием вам лучшего здоровья и душевного спокойствия на многие, многие годы.

Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1832 декабря 27.

45. А. П. Глинка

12 марта 1833

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

С чувствительною благодарностию к вам и Федору Николаевичу возвращаю при сем Новоселье,¹ которое по некоторым писем обмолвкою называют и Пустомелье. Однакож я с большим удовольствием прочитал «Незнакомку», «Большой выход» и «Воспоминания» Греча. Первые две игривы и замысловаты, а последняя полюбилась мне рассказом и опрятным, благородным, понынешнему чопорным, аристократическим слогом. То же скажу и о бригадире. Проза вообще на сей раз перешибла гениальную поэзию. Хотел бы знать, кто этот барон Брамбеус.²

Простите меня, что я вчера взял смелость отвечать вам не письменно, а словесно. Письмо ваше застало меня за обедом, и я не смел задержать вашего посланца. Очень благодарен Александру Николаевичу³ за приглашение, а вам за передачу оного. Мне жаль было, что не мог воспользоваться удовольствием быть на его концерте: уже дано было слово г. Сонцеву.⁴

Надеюсь, что завтра почтенная и милая чета Поэтов не забудет моего чая, в ожидании чего с душевным почтением пребуду к ней преданнейшим слугою

И. Дмитриев.

Воскресенье марта 12 дня.

46. В. А. Жуковскому

Вторая половина августа 1835

Здравствуйте, любезнейший Василий Андреевич. Я сдержал мое слово и нетерпеливо желаю как можно скорее с вами увидеться. Между тем заочно вас обнимаю.

Р. S. Я пишу к вам из высоких чертогов Наталии Яковлевны.¹ Она поручила мне сказать вам, что свидание наше будет у нее и что мы будем ждать вас до 12 часу ночи. А я еще прибавлю, что и Дашков намеревается пригласить вас к нему обедать в пятницу.

КОММЕНТАРИИ

Сохранившееся эпистолярное наследие Ивана Ивановича Дмитриева довольно велико по объему. В библиографическом указателе по истории русской литературы XIX в. под ред. К. Д. Муратовой зарегистрировано

380 опубликованных писем;¹ к ним нужно добавить маленькую приписку Дмитриева в письме Е. И. Кострова И. П. Бекетову, напечатанную Н. М. Левиной.²

Как ни внушительны эти цифры для писателя, творившего на рубеже XVIII и XIX вв., они дают нам лишь отдаленное представление о реальном объеме переписки Дмитриева. Чрезвычайно пунктуальный и аккуратный корреспондент, он систематически поддерживал переписку с обширнейшим кругом своих литературных, светских, домашних знакомых; он отправлял десятки и даже сотни писем деловых и семейных, — и делал это на протяжении более полустолетия. Подавляющее большинство этих писем утрачено безвозвратно. До нас дошло 358 писем Карамзина к Дмитриеву, но мы не знаем ни одного письма Дмитриева к Карамзину и к семейству Карамзиных, с которым он поддерживал переписку и после смерти своего многолетнего друга и литературного соратника. Не сохранились письма Дмитриева к Д. Н. Блудову — одному из наиболее близких к нему литераторов; — к Д. В. Дашкову, хотя известны ответные письма того и другого; наконец, почти полностью исчезли письма Дмитриева за XVIII век, — их сохранилось немногим более десятка. Этот перечень легко продолжить, — но и приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что наиболее существенный период литературной жизни Дмитриева почти не документирован эпистолярными материалами.

Этим обстоятельством отчасти объясняется тот факт, что письма Дмитриева никогда не были самостоятельным предметом историко-литературного изучения и в лучшем случае привлекались как материалы для биографии. Принято считать, что литературный путь Дмитриева оканчивается с выходом «Сочинений и переводов» (1803—1805) и что последние четверть века он проводит в Москве в «праздности благородной», «поклоняемый и славимый», благосклонно принимая знаки уважения и развлекая гостей мастерскими рассказами о временах Екатерины и Павла. Проблема литературной позиции Дмитриева в XIX в. молчаливо считается проблемой периферийной, и вопрос о воздействии его на литераторов XIX в. возникает изредка и от случая к случаю. Мы можем назвать лишь единичные работы, в которых он поднимается специально.³

Следствием этого невнимания оказалось почти полное прекращение публикаторской работы. Последняя по времени публикация, посвященная позднему Дмитриеву, относится к 1922 г. Между тем материалы далеко не исчерпаны: по нашим, очень неполным, данным, в архивохранилищах

¹ История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1962, с. 288—289, 841. Указание на письмо к «А. С. Котову» в № 6244 — опечатка; это письмо к А. С. Норову, зарегистрированное в соответствующем месте алфавита.

² *Левина Н. М.* Два неопубликованных письма Е. И. Кострова. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 507.

³ См.: *Чулицкий В. М.* 1) И. И. Дмитриев. — ЖМНП, 1902, № 3, с. 171—193; № 4, с. 355—397; № 5, с. 17—53; 2) Из писательских отношений десятых годов XIX столетия. (По поводу писем И. И. Дмитриева, помещенных в «Русской старине», 1903, № 12). — ИОРЯС, 1904, т. 9, № 3, с. 299—338; *Макогоненко Г. П.* 1) Пушкин и Дмитриев. — Рус. лит., 1966, № 4, с. 19—36; 2) «Рядовой на Пинде воин». (Поэзия Ивана Дмитриева). — В кн.: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 5—68.

Ленинграда и Москвы находится не менее полутора ста неизданных писем Дмитриева.⁴ Из их числа нами отобрано около пятидесяти. Их историко-литературная ценность, конечно, меньше тех, которые уже известны в печати — например, писем к Жуковскому, Вяземскому, А. И. Тургеневу, Пушкину, — однако они дают, как нам представляется, весьма небезыңтересный материал для характеристики их автора и его связей с литературной жизнью первой трети XIX столетия.

Самые ранние из писем в нашей публикации относятся к марту—апрелю 1797 г. и адресованы старшему брату Дмитриева Александру Ивановичу, офицеру и литератору, другу Карамзина. Они несут на себе след пережитых потрясений, нынешних хлопот и даже грядущих бед, — они пишутся через три месяца после ареста Дмитриева по обвинению в злоумышлении против государя, в период тяжбы о наследстве и накануне смерти брата, уже тяжело больного. Вместе с тем в них звучит потоа оптимизма: Дмитриев ожидает награды за «претерпение»; его ласкают при дворе; он в преддверии благодетельных перемен в своей судьбе. Во втором письме он сообщает об отъезде в Москву; он едет на коронационные торжества, — и с этого времени начнется восхождение его по служебной лестнице.

Далее — лагуна, занимающая полтора десятилетия. Эти годы были наполнены событиями общественными и литературными. С 1802 г. Дмитриев жил в Москве; здесь он выпустил три части «Сочинений и переводов», здесь же он застал начало полемики Шишкова с Карамзиным, которая коснулась и его самым непосредственным образом. Вокруг него

⁴ Отнюдь не претендуя на полноту, перечислим здесь известные нам неопубликованные письма Дмитриева в архивохранилищах Ленинграда и Москвы: А. Я. Булгакову (1815—1837, 11 писем, одно приведено выше) — ГБЛ, ф. 41.77.60; К. Я. Булгакову (1820-е гг., 2 письма) — там же, ф. 41.77.61; Г. И. Вилламову (1813—1814, 3 письма) — ГПБ, ф. 143 № 43; А. В. Всеволожскому (1815, 2 письма) — ЦГИА, ф. 652 оп. 1 № 135; В. Ф. Вяземской (1830) — ЦГАЛИ, ф. 195 оп. 1 № 3297; А. П. Глинке (б. д., одно письмо публикуется нами). — ЦГАЛИ, ф. 141 оп. 1 № 565; С. Н. Глинке (1827) — ЦГАЛИ, ф. 1051; ему же, 1815 — ЦГАЛИ, ф. 141; Н. И. Гнедичу (б. д.) — ГПБ, ф. 197 оп. 1 № 44; Н. П. Голыпиной (1814, 2 письма) — ГБЛ, Вязёмы, 98.31; Д. В. Давыдову (1836) — ГБЛ, 479.1.2; М. Д. Деларю (1831) — ЛОИИ; А. И. Дмитриеву, с обращением и к М. А. Дмитриеву и припиской С. И. Дмитриева (б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 12; В. Н. Каразину (1820-е гг.) — ГБЛ, ф. 32.16.4; С. Д. Киселеву (до 1827) — ГБЛ, ф. 129.16.64; Н. И. Кривцову (1819) — ГПБ, ф. 52 № 244; А. И. Михайловскому-Данилевскому (1818—1823, 2 письма) — ИРЛИ, ф. 527 оп. 1 № 124; неизвестному (Фердинанду Лукьяновичу, 1829) — ИРЛИ, ф. 196 № 126; А. И. Новиковой (1831) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 13; С. Н. Озерову (1811—1812) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 1; Е. А. Пиль (1819) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 14; А. А. Писареву (1818—1825, 6 писем) — ГБЛ, ф. 226.3.63; П. И. Полетике (1818 и б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 15; В. С. Попову (1810—1812) — ГПБ, ф. 609 № 166; В. Л. Пушкину (б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1142; переписка с М. М. Сперанским (1809—1812) — ЦГИА, ф. 1409; О. Е. Франку (1820—1830-е гг.); (из них нами публикуется четыре) — ИРЛИ, ф. 265 оп. 2 № 900.

и вокруг Карамзина собираются адепты — старые и новые; в маленьком деревянном доме, окруженном садом, собирается на литературные чаепития приватный дружеский кружок: Карамзин, И. П. Тургенев, Херасков, Козлятев; второе поколение — кн. П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин, бывший сослуживец по гвардии, которого сам же Дмитриев приохотил к стихам; Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830), литературный протеже давнего соратника Карамзина и Дмитриева В. С. Подшивалова. Измайлов печатался в подшиваловском «Приятном и полезном препровождении времени» и в «Аонидах» Карамзина; в 1799 г. Карамзин сообщил Дмитриеву, что молодой писатель ездил по Крыму и Кавказской линии и готовится издать книжку.⁵ В этой книжке — «Путешествии в полуденную Россию» (1800—1801) — Карамзин находил парафразы своих периодов и посмеивался, что Измайлов не читал по-русски ничего, кроме «Моих безделок».⁶ В 1804 г. он издавал журнал «Патриот», в критических статьях которого слышались эстетические мнения Дмитриева.⁷ Наконец, третье поколение представлял будущий «Арзамас».

В доме И. П. Тургенева Дмитриев встречается с сыновьями хозяина; двое старших — Андрей и Александр — захвачены литературными интересами. Они — питомцы Московского университета и благородного пансиона, как и их друзья — А. Ф. Воейков и В. А. Жуковский, и младшие — Д. В. Дашков и С. П. Жихарев. Все они в большей или меньшей степени — в орбите воздействия Карамзина; литературная деятельность многих из них начинается на глазах Карамзина и Дмитриева. Жуковский, Воейков печатаются в карамзинском «Вестнике Европы». Когда полемика о «старом и новом слоге» достигает московских журналов и приводит к расколу среди московских словесников; когда граф Д. И. Хвостов и старинный враг Карамзина П. И. Голенищев-Кутузов объединяются против «слезливых писателей» на страницах «Друга просвещения», а прежний соратник М. Т. Каченовский в том же «Вестнике Европы» печатает критический разбор сочинений Дмитриева, — «русский Лафонтен» ждет помощи в первую очередь от них. Он не ошибается: голос в его защиту поднимает Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), — и Дмитриев оценил его усилия. Письмо его к Блудову, написанное через семь лет после этой полемики, — единственное сохранившееся письмо — дышит пылом литературных баталий, играет красками памфлета. Это почти «арзамасское» письмо, написанное за два года до возникновения общества «почетным членом», или «почетным гусем», «Арзамаса» будущему его основателю.

Весь будущий арзамасский круг собирается в Петербурге у Дмитриева: Александр Тургенев, Блудов, Дашков, Батюшков; любимый его воспитанник, «пюпиль» Д. П. Северин, Жихарев.⁸ Но при организации

⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 113.

⁶ Вчера и сегодня, кн. 1. СПб., 1845, с. 58.

⁷ *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 100—102; *Кряжмская И. А.* Из истории русской театральной критики конца XVIII—начала XIX века. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959, с. 218—222.

⁸ *Чулицкий В. М.* И. И. Дмитриев. — ЖМНП, 1902, № 4, с. 373—374; *Жихарев С. П.* Записки современника. М., 1955, по указ.

«Арзамаса» Дмитриев не присутствует. За годы своего министерства он обострил отношения с сенаторами и членами кабинета; возникла оппозиция, сумевшая поколебать доверие к нему Александра I. Дмитриев слагает с себя полномочия министра и возвращается в Москву. Первое из московских писем нашей публикации — к В. В. Измайлову от 21 сентября 1814 г. косвенно, намеком, рисует нам его тогдашние настроения: он замечает и оценивает статью Измайлова, где содержится намек на его безурочивенную государственную службу.

Начинается последний, московский период жизни Дмитриева, продолжающийся двадцать лет, — и к нему относятся все остальные публикуемые письма. Теперь изменились и положение Дмитриева, и его литературная среда. Карамзин жил в Петербурге; Херасков с женой, Козлятев, И. П. Тургенев умерли. От старого кружка остались Шаликов, В. Л. Пушкин, к которым Дмитриев всегда относился иронически. Чувство одиночества нарастает с годами; оно прорывается в письме к Жихареву (см. № 12); через 12 лет оно выльется в горькую жалобу в письме к П. П. Свиныну: «Буду коротать долгие и темные вечера одинокий, говорить не с кем; для чтения глаза уже и днем плохи».⁹ М. А. Дмитриев обмолвился однажды: дядя его был благодарен А. А. Волкову и Н. Д. Иванчину-Писареву за то, что они «не скучали проводить с ним вечера, когда другие об нем и не вспоминали».¹⁰ Единственным постоянным его собеседником становится В. В. Измайлов; он живет под Москвой, в Верее, в своем сельце Тихомирове, занимаясь ботаникой и перечитывая Руссо, — и Дмитриев нередко вынужден дополнять устное общение письменным. Измайлов был личностью не вполне обычной и, во всяком случае, привлекавшей внимание: человек европейски образованный, практический филантроп, распространивший руссоистские принципы на свою семейную жизнь и на быт своих крестьян, — литератор и философ, впрочем, не без некоторых странностей,¹¹ он в это время оказывается одним из ближайших к Дмитриеву людей. Когда он умер — 3 апреля 1830 г., — Дмитриев писал Н. Д. Иванчину-Писареву: «Мне очень жаль его. Теперь остается умереть мне и еще немногим остальным крохам поколения, уже отпетого новыми журналами».¹² «Вы любили его, — обращался тогда же к Дмитриеву Вяземский, — и имели в нем собеседника, с которым можно было вам меняться не одними словами, а и мыслями».¹³

Письма Дмитриева к Измайлову отчасти вводят нас в атмосферу этих собеседований, — и в этом отношении они стоят особняком среди всего эпистолярного наследия Дмитриева. В них стареющий поэт столь же откровенен, как, например, в письмах Вяземскому, Жуковскому, А. Тургеневу — и, может быть, даже более, так как Измайлов ближе ему по возрасту и, кроме того, полный его единомышленник и постоянный посетитель дома. Их сближают и общие интересы: подобно Дмитриеву, Измай-

⁹ Рус. старина, 1899, № 3, с. 690.

¹⁰ Дмитриев М., с. 150.

¹¹ *Иванчину-Писарев* Н. О Владимире Васильевиче Измайлове. — Лит. газ., 1830, 22 ноября, № 66, с. 243.

¹² *Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 300.

¹³ Рус. архив, 1868, № 4—5, с. 610.

лов — библиофил, истративший на библиотеку свое небольшое состояние. Самые вкусы у них общие — они читают Ансильона, мемуары Жанлис, Мейстера — философов и политических писателей преромантического периода.

«Книжные» темы занимают в переписке Дмитриева совершенно исключительное место. Для одинокого, свободного от службы и холостого человека библиофильство и коллекционерство становятся страстью. О великолепной библиотеке и художественной коллекции Дмитриева пишут все мемуаристы. Книги связывают Дмитриева с миром литературы и политики. И здесь мы сталкиваемся с неожиданным на первый взгляд явлением. Признанный глава «легкой поэзии», автор басен и иронических сказок интересуется почти исключительно исторической, справочной и мемуарной литературой. Только очередных «ливрезонов» миниатюрного «дидотовского» издания Вольтера он добывается с почти фанатическим упорством в течение нескольких лет, — но это интерес скорее библиофильский. Вольтер известен Дмитриеву с юности; это один из любимых его писателей, приверженность к которому он сохранил и тогда, когда развернулась антивольтеровская кампания и цензура запретила статью о нем Вяземского. Дмитриев не мог скрыть своего раздражения. «Удивительно, — писал он А. Тургеневу 2 июля 1819 г., — если запрещена за то только, что он хвалит талант Вольтера. Один только безграмотный калмык может не хвалить его».¹⁴

Но, быть может, и Вольтер привлекает сейчас Дмитриева не столько как поэт, сколько как публицист и философ. Он просит достать ему сочинения Прадга, записки Лас-Каза, Фуше и Жанлис, мемуары Б. Констанана о стодневном правлении, книги о Наполеоне на острове Св. Елены. Этот преимущественный интерес к Наполеону он делит с Карамзиным, — и многое знает раньше Карамзина: у него больше времени для чтения и шире информация: он читает каталоги и не устает настоятельно просить о книгах знакомых за границей — Блудова, Кривоца, Вяземского; он ищет способов получить книги, запрещенные русской цензурой. «Чувствительно благодарю ваше превосходительство, — пишет он московскому почт-директору А. Я. Булгакову, — за сообщение мне нового журнала и смею вас уверить, что все условия, каких требует от меня признательность и осторожное благоразумие, будут мною свято исполнены к оправданию и впредь вашего ко мне обязательного доверия. Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейшим слугою И. Дмитриев. Сего марта 5 дня 1834».¹⁵ В Петербурге у него есть постоянный комиссионер — О. Е. Франк, выполняющий более всего его книжные поручения.¹⁶

¹⁴ *Дмитриев*. Сочинения. т. 2, с. 250.

¹⁵ ГБЛ, ф. 41 (Булгаковы), 77.60, л. 17.

¹⁶ Сведения об Осипе Егоровиче Франке скудны. Брат его Карл, ученик Полоцкой иезуитской коллегии, служил у А. И. Тургенева в департаменте духовных дел и пользовался его покровительством (*Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 232, 266—267; Рус. старина, 1874, № 9, с. 56; Рус. архив, 1867, № 4, с. 658). О. Е. Франк в 1820 г. вошел в круг Карамзина (28 декабря 1820 г. Дмитриев пишет ему: «Я очень рад, что вы ходите к Карамзину, и желаю, чтоб он узнал вас еще короче», — ИРЛИ, ф. 265 оп. 2 № 900, л. 41); в 1830 г. о нем упоминает Вяземский в письме к Дмит-

В то же время он внимательно следит и за русскими литературными новинками. Русская часть его библиотеки состоит главным образом из присылаемых книг. Почти все публикуемые нами письма Дмитриева к петербургским литераторам — благодарности за полученные подарки.

Эти письма показывают диапазон его литературных общений: Гнедич, Батюшков, Воейков, Бестужев с Рылевым... Связи их с Дмитриевым были известны и раньше; нам важен характер общения и проступающие, хотя и скупо, детали взаимоотношений: прохладное и не лишенное иронии, хотя и положительное в целом, отношение к Воейкову; чисто официальные связи с издателями «Полярной звезды»; постепенно приобретающая все более дружеский тон переписка с Гнедичем. С Гнедичем Дмитриева сближает Батюшков. Еще в 1811 г. отзывы Гнедича о Дмитриеве настороженно-недоброжелательны,¹⁷ — и Батюшков буквально провоцирует его написать Дмитриеву письмо, положившее начало обмену книгами и переписке (№ 9).

Из всех этих новых писем письма к Федору Николаевичу Глинке представляют, вероятно, наибольший интерес. Глинка устанавливает связи с Карамзиным и Дмитриевым сразу же после возвращения из заграничного похода 1814 г.; в 1816 г. он уже знакомится с Карамзиным лично и бывает в доме.¹⁸ В эти годы развертывается деятельность Глинки в Обществе военных людей и Союзе Благоденствия. Он ищет поддержки у Карамзина и Дмитриева — и не без некоторого успеха. Как и Глинка, Дмитриев сочувствует идее народного просвещения: в 1826 г. он будет покровительствовать крестьянскому мальчику, поэту-самоучке; в 1832 г. с негодованием примет известие, что «лопатинский крестьянин, уже в оригинале читавший Шиллера и Гете», исключен из университета.¹⁹ Естественно, что он с одобрением принимает просветительные брошюры Глинки для солдат и крестьян, — и Глинка делает его мнение достойным печати, а тем самым орудием пропаганды идей Союза Благоденствия.

Это лишь один — и не самый яркий — случай социального функционирования писем Дмитриева. Не будет преувеличением сказать, что почти все литературные письма его к единомышленникам в 1810—1830-е гг. носят в той или иной степени программный характер. Вяземский вспоминал, как Дмитриев побуждал его «к отражению ударов и к битве»;²⁰ настойчиво требовал от него, Пушкина, Жуковского то объявить крестовый поход против хулигателей Карамзина, то возвысить голос против порчи языка Полевым и Сенковским. В его письмах то и дело вспыхивают язвительные эпиграмматические характеристики противников — старых и новых. «... Я получил ... от Хвостова — прощание его с землею.

риву из Петербурга (Письма к И. И. Дмитриеву кн. П. А. Вяземского. СПб., 1868, с. 11). Одно письмо Дмитриева к Франку напечатано в «Русской старине» (1897, № 4, с. 120).

¹⁷ Гнедич Н. И. Письма к К. Н. Батюшкову. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1972. Л., 1974, с. 90.

¹⁸ Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о незабвенном Н. М. Карамзине. — ИОРЯС, 1903, т. 8, № 2, с. 80—81.

¹⁹ Дмитриев. Соч., т. 2, с. 293—294; Рус. старина, 1899, № 3, с. 690.

²⁰ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 363.

Говорит, что он скоро полетит весь в лучах. Это любопытно было бы видеть» (П. П. Свиныну, 18 апреля 1832 г.). «Вероятно, это аллюзия к старому его глазетову кафтану, который он сберет по выходе из камер-юнкеров» (Вяземскому, 21 июня 1832 г.). «Я не мог равнодушно читать Шевырева стихов в альбум какой-то его дамочке... Этот... вдохновенный пискун вдруг вытараща глаза говорит другой даме, защитнице классицизма: „Да не пелюбишь никогда Моих стихов, облитых кровью“. Какою? разве из носу, от долбого сиденья за бумагою» (Вяземскому, 1 мая 1829 г.). Среди его записок к Вяземскому сохранилась программа полемической статьи: о ложном понятии современных авторов о поэзии и «народности», о злоупотреблении словом «гениальность», об «искажении отечественного слова после карамзинского периода».²¹ Статья не осуществилась — но почти все ее содержание мы можем представить себе по дмитриевским письмам.

Верный своей старинной тактике, он предпочитал быть режиссером, а не актером литературного спектакля. Это не всегда удавалось: его позиция была уже архаичной для 1820—1830-х гг. Он был «классик» по воспитанию и воззрениям и «сектатор», когда дело касалось слога и установившейся шкалы литературных ценностей. Вместе с тем он умел быть осторожным и даже терпимым. Принципиальный враг гекзаметров, он принимает «Ундину» Жуковского, с неизменной похвалой встречает сочинения позднего Пушкина — и даже Полевого и Сенковского отвергает отнюдь не безусловно (см. № 45). Он привлекает к себе молодежь, превращая свой дом в «московские Афины», — и даже недружелюбно настроенный к нему Полевой признает влияние его салона на московскую литературную жизнь.²²

Во всем этом были черты не только личного, но и социального поведения, и они отражались даже в самом стиле его писем.

Письма Дмитриева меньше всего соответствуют традиционному представлению о «чувствительном» письме XVIII столетия. Подобно его запискам, они «писаны в мундире», употребляя выражение Вяземского. В них строго соблюден эпистолярный этикет; канонические формулы обращения и концовки сохранены даже в письмах к многолетним друзьям. В них выдержано единство темы: Дмитриев лаконичен и как будто намеренно ограничивает себя в отступлениях, не забывая извиниться, если «заговорился». Вместе с синтаксической прозрачностью и закругленностью его периодов все это создает впечатление медлительной важности и книжности эпистолярной речи. Исключением вновь оказываются записки — к Измайлову, к Жуковскому (№ 46) — «младший» эпистолярный жанр, мгновенная информация, подобная современному телефонному звонку, тесно связанная с общим контекстом взаимоотношений или даже с конкретной речевой ситуацией.

Но именно эта каноничность эпистолярного слога и создает предпосылки для появления художественного начала, подобно тому как при

²¹ *Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 304; *Старина и новизна*, кн. 2. М., 1898, с. 166, 200; Из Остафьевского архива князей Вяземских. М., 1907, с. 11—12.

²² *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы, ч. 2. СПб., 1839, с. 478—479.

устном общении с Дмитриевым «строгая физиономия» придавала «особое выражение и, так сказать, пряность малейшим чертам мастерского рассказа его».²³ В письмах Дмитриев шутит, — нередко и с особым вкусом. Выше мы приводили примеры его «эпистолярных эпиграмм», где неожиданно всплывающий просторечный оборот вырисовывается особенно рельефно на фоне строгой нормативности целого. Ирония появляется у Дмитриева в особенно изящных перифразах, — и это его постоянный прием. Принципиальное значение ее велико: она вносит в письмо пародийное начало. Канон, осмысляющий и даже пародирующий сам себя, — это уже не канон, а художественный стиль, — и письма Дмитриева, при всей их кажущейся внелитературности, должны быть признаны частью его литературного наследия, — и более того, неотъемлемой частью культуры «fin du siècle», к которой Дмитриев принадлежал. Пушкин определил эту культуру в «Онегине», где, по мнению Вяземского, дал прямой портрет Дмитриева:

... в душистых сединах
 Старик, по-старому шутивший,
 Отменно тонко и умно
 (Что ныне несколько смешно).

1. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, № 12. Датируется по содержанию. Написано после ареста И. И. Дмитриева по обвинению в злоумышлении против Павла I и последовавшего затем оправдания и освобождения. По воспоминаниям Дмитриева, в это время его «ласкали» при дворе и ожидали для него наград и милостей (ср. упоминание о петербургских «доброжелателях»); сам же он стремился получить место «московского цензора книг», о котором также упоминает в письме (Дмитриев. Взгляд, с. 74).

¹ Старший брат Дмитриева, Александр Иванович (1759—1798), приятель Карамзина, офицер, литератор, скончался после болезни осенью 1798 г. в Екатеринодаре. См. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву... СПб., 1866, с. 103 (письмо Карамзина от 12 октября 1798 г.), а также «Элегию» И. И. Дмитриева на смерть брата (в кн.: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 333).

² «Дело» — тяжба Дмитриевых с В. А. Всеволожским по поводу наследства дяди, Никиты Афанасьевича Бекетова (1729—1794), астраханского губернатора, умершего холостым и завещавшего свое имение побочным дочерям, Е. Н. Всеволожской и Смирновой. В связи с этой тяжбой И. И. Дмитриев ездил в Астрахань в 1794 г. Дело разбиралось в петербургском совестном суде в 1796 г., причем посредником Дмитриева был Г. Р. Державин, подававший жалобу Екатерине II на нарушение законов; осенью 1797 г. Державин через посредника продолжал его в Астрахани. Оно было окончено только в 1803 г. (Державин, т. 6, с. 66—69, 644—648; т. 7, с. 234—240).

³ Федор Антипыч и далее Николай Васильевич — лица неустановленные.

⁴ Дмитриев отправлялся в Москву на коронационные торжества Павла I, в соответствии с пожеланием наследника (будущего Александра I), переданным ему в день отбытия двора из Царского села 10 марта 1797 г. (Дмитриев. Взгляд, с. 75; *Шильдер Н.* Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1897, с. 150).

²³ Вяземский П. А. Собр. соч., т. 8. СПб., 1883, с. 174.

2. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, № 12.

¹ «За обер-прокурорский стол» Дмитриев был определен тотчас по приезде в Москву, еще накануне коронации, состоявшейся 5 апреля 1797 г.

² Мария Александровна — жена А. И. Дмитриева (с 1794 г.), рожд. Пиль.

3. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5768.

4. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 72, оп. 1, № 4. Письмо адресовано в Стокгольм, где Блудов был советником русской миссии; с приездом сюда полномочного министра Г. А. Строганова функции Блудова оканчивались, и он должен был вернуться в Петербург (ср. намек на это в конце письма Дмитриева). Блудов снабжал Дмитриева европейскими журналами, которые в военное время получались через миссию в Стокгольме (*Ковалевский Е. Граф Блудов и его время.* СПб., 1866, с. 84, 88).

¹ Об этом отпуске, предшествовавших ему служебных трениях и отъезде Дмитриева в Москву 29 июля см.: *Дмитриев.* Взгляд, с. 131.

² Кандлер — Николай Петрович Румянцев.

³ Упоминание о «перемирии» каламбурно: с 23 мая по 8 июля было заключено военное перемирие с Наполеоном, затем продленное до 29 июля (10 августа) 1813 г. «Орел нашей поэзии» — Г. Р. Державин, в июне 1813 г. уехавший с женой на Украину; посетив в Обуховке В. В. Капниста, он в августе отправился на богомолье в Киев (*Капнист В. В. Собр. соч.*, т. 2. М.—Л., 1960, с. 481). Общеупотребительная метафора имеет в устах Дмитриева, по-видимому, и конкретный, слегка иронический смысл: в марте 1813 г. вышла отдельным изданием ода Державина «На парение орла», посвященная М. И. Кутузову и основанная на легенде об орле, якобы сопровождавшем Кутузова, когда он приехал принимать армию в 1812 г. Об этом же писал и Жуковский в «Певце во стане русских воинов», издававшемся в том же 1813 г. под непосредственным наблюдением Дмитриева (*Державин*, т. 3, с. 97—99). К 1813 г. отношения Дмитриева и Державина несколько охладелись (*Дмитриев.* Взгляд, с. 143—144). «Сокол» — граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), автор торжественных од, баснописец, переводчик «Поэтического искусства» Буало, вышедшего вторым изданием в 1813 г. («Наука стихотворства в четырех песнях стихами. Сочинение г. Буало-Дешрео. Перевод графа Хвостова. Издание второе, с приложением Горациева к Пизаном послания в подлиннике и с российским прозаическим оного переводом». СПб., 1813 (ценз. разр. 24 мая 1813 г.)); в это издание Хвостов под влиянием критики внес ряд исправлений («От издателя», с. 1). С Хвостовым у Дмитриева и его круга была давняя вражда; в полемике принимал участие и Блудов (*Дмитриев.* Соч., т. 2. с. 188; Дмитриев М., с. 267—278; XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 98—106). Смоленский — М. И. Голенщев-Кутузов-Смоленский, скончавшийся 16 (28) апреля 1813 г.

⁴ Анна Андреевна — жена Блудова (с 1812 г.), рожд. кн. Щербатова (1777—1848).

5. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Датируется по содержанию. 30 августа 1814 г. Дмитриев вышел в отставку с поста министра юстиции и в сентябре переехал из Петербурга на жительство в Москву (см. его письмо к Н. П. Румянцеву от 4 сентября 1814 г. — *Дмитриев.* 1) Соч., т. 2, с. 220; 2) Взгляд, с. 142—143, 144; *Иванов П.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863, с. 125). В. В. Измайлов был в это время издателем «Вестника Европы» (ср. упоминание о его журнале).

¹ «Бродяга» — правоописательный этюд Измайлова «Московский бродяга» (*Вестн. Европы*, 1814, авг., № 16, с. 301—316; об этом псевдониме Измайлова см. также в письме А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 30 июля 1818 г. — Осафьевский архив, т. 1. СПб., 1899, с. 111). Дмитриев благодарит за строки, содержащие его иносказательный портрет: Измайлов изобразил «человека древних времен», «который, сияя в звездах, сияет

и чистой совестью; который выслужил чины и ленты правдою и добродетелью. Старец ... любит рассказывать о происшествиях своего века и о добродетелях наших предков; а я люблю вынимать его *изустным* преданиям ... Долговременные опыты довели его до истинного познания людей; из права и языка его изгладило время все, что вкралось в них искусственного и условного; не человеческие уважения, но вечная истина говорит его устами» (с. 313). Далее сделан намек на непонимание «старика» светлым новым поколением. Появление очерка Измайлова совпало с трудным периодом службы Дмитриева, закончившимся его отставкой.

6. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247.

¹ Это письмо не сохранилось.

² Речь идет о книге Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г., с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии» (Ч. 1—8. М., 1815—1816). Книга Глинки, написанная по собственным впечатлениям, была заметным памятником преддекабристской прозы.

³ Дмитриев ездил в Симбирскую губернию осенью «на короткое время»; вернулся в Москву между 14 и 18 октября (*Дмитриев*. Взгляд, с. 145; Моск. ведомости, 1815, 20 окт. № 84, с. 1816).

⁴ Сочинения И. И. Дмитриева, ч. 1—3. Изд. 4-е. М., 1814.

7. Автограф — ИРЛИ, Р. 1, оп. 6, № 48.

¹ Дмитриев был назначен председателем комиссии для пособия разоренным от пожара и неприятеля в Москве, учрежденной 30 августа 1816 г. (*Иванов П.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции, с. 125; Моск. ведомости, 1816, 2 сент., № 71, с. 1541). Согласно рескрипту Александра I на имя московского военного губернатора, комиссии предписывалось помогать только тем разоренным, которые не получают жалования и не имеют пропитания. Дмитриев исполнял предписание чрезвычайно строго (*Дмитриев*. Взгляд, с. 147).

² Измайлов большую часть времени жил в своей подмосковной, селе Тихомирово (см.: Вестн. Европы, 1805, № 17, с. 59).

8. Оригинал — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247. Текст рукой писца, только подпись — автограф.

¹ Речь идет о книге Глинки «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (ч. 1—3. СПб., 1816—1817). «Военный журнал» (1817—1818) издавался «Обществом военных людей», учрежденным в 1817 г. при главном штабе гвардейского корпуса; редактором журнала был Ф. Глинка. 23 июня 1817 г. Общество избрало Дмитриева почетным членом (*Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 112—113; ср. ЛН, № 16—18, 1934, с. 623—624, 632—633); Глинка упоминает об этом избрании в книге «Рассуждение о необходимости деятельной жизни...» (с. 64) (см. № 10).

9. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

Письмо является ответом на присланную Гнедичем первую часть «Опыты в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова (СПб., 1817), содержащую прозаические сочинения. Дмитриев, дружески общавшийся с Батюшковым в Москве в 1816 г., знал о готовящемся издании и предлагал Батюшкову выпускать его в Москве; однако Батюшков отказался и передал хлопоты по изданию Н. И. Гнедичу. Накануне выхода первого тома Батюшков, находившийся в деревне, просил Гнедича отправить один экземпляр Дмитриеву, с надписью «от автора издатель» и «самому приписать словечко». «Я ему обязан, — писал Батюшков, — в бытность в Москве он навещал

меня больного очень часто и подарил мне свою книгу» (*Батюшков К. И.* Соч., т. 3. СПб., 1886, с. 394, 456). По-видимому, Гнедич так и поступил (письмо его к Дмитриеву не сохранилось). 2 августа Дмитриев писал А. И. Гурневу о получении им первого тома «Опытов»: «Уверен, что всякий умеющий ценить хорошее признает его (Батюшкова, — В. В.) истинным литератором, с размышляющим умом, с благородными чувствами и тонким вкусом» (*Дмитриев.* Соч. т. 2, с. 228). Одновременно он отправил Батюшкову письмо с высокой оценкой его прозы (не сохранилось). Батюшков, испытывавший сомнения в достоинствах своих прозаических сочинений, ответил ему большим благодарственным письмом от 10 августа (*Батюшков К. И.* Соч., т. 3, с. 462—463). В октябре 1817 г. Батюшков отправил Дмитриеву с Ц. П. Севериным и второй том «Опытов» (там же, с. 475—476). О взаимоотношениях Дмитриева и Батюшкова см.: *Чулицкий В. И. И. Дмитриев.* — ЖМНП, 1902, № 4, с. 373—374.

¹ «Гомер» — перевод «Илиады», над которым работал Гнедич.

10. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247.

¹ Глинка посылал Дмитриеву, по-видимому, только что вышедшее свое «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе книгохранилища» (СПб., 1818; ср. рецензия на нее: *Сын отечества*, 22 февр., № 8, с. 65—66). Вторая книжка («сказочка») — «Лука да Марья. Народная повесть, сочиненная Федором Глинкою» (СПб., 1818). «Цель» последней книжки — воспитание крестьянского читателя; о ней Глинка писал в предисловии, перепечатанном затем в очень сочувственной рецензии «Сына отечества» (1818, 1 марта, № 9, с. 114). Заключительные слова настоящего письма Дмитриева Глинка процитировал в своей следующей книжке: «В любопытных рассказах можно бы рассеять правила чистой нравственности и даже самые правила тактики, можно бы... „Но можно или нет, а приятно и мечтать о возможности полезного“». (Слова из письма ко мне одного из знаменитых соотечественников наших)» (*Глинка Ф.* Подарок русскому солдату. СПб., 1818, с. 133—134; перепеч.: *Сын отечества*, 1818, № 36, с. 178—179).

11. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247.

¹ «Гимн богу» — «Гимн величию и всемогуществу божию» Ф. Глинки (СПб., 1818). В первый раз Дмитриев мог читать его в журнальной публикации (*Соревнователь*, 1818, № 8, с. 232). «Подарок русскому солдату» (СПб., 1818) — собрание моралистических рассуждений, стихов и «солдатских песен» Глинки; «биография Милорадовича» — «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича» Ф. Глинки (СПб., 1818). Замечания Дмитриева относятся к послесловию («Цель сей книжки»), где Глинка пишет, что с солдатом нужно говорить «его языком, его говоркою» и писать о том, что ему близко. «А что ближе к понятию всех и каждого, как не три поры дня и четыре времени года?» («Подарок русскому солдату», с. 130; ср. также с. 131, где вновь упомянута «говорка солдатская»). Выражение «каждого и всех», на которое ссылается Дмитриев, есть в составленном А. С. Шишковым манифесте о нашествии Наполеона 6 июля 1812 г. («в защиту домов, жен и детей каждого и всех» — ср. БАН, 35186д, л. 34; ср. также «всяк и каждый» — в официальном известии после бегства Наполеона из Москвы: *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка, т. 1. Berlin, 1870, Приложение, с. 441). Над этим выражением Дмитриев пронизировал и в письме к П. А. Вяземскому от 3 февраля 1821 г.: «Эпистолу вашу один Пушкин всем и каждому в клубе читает» (Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 144). Осуждение «простонародного» слова «вот» (наряду с некоторыми другими «любимыми словами» молодых писателей — прежде всего неназванного Жуковского и его последователей) Дмитриев повторил и в письме к А. С. Шишкову от 26 июля 1821 г. (*Дмитриев.* Соч., т. 2, с. 277).

² К. Н. Батюшков пробыл в Москве с 25 августа до половины или конца сентября 1818 г. и общался с Дмитриевым; в ноябре 1818 г. выехал из Петербурга в Италию. Об отъезде Батюшкова Дмитриеву сообщал Жуковский 22 ноября 1818 г. (*Жуковский В. А. Соч. Изд. 7-е, т. 6. СПб., 1878, с. 429.*)

12. Автограф — ГПБ, собр. Вакселя, № 1507.

¹ В 1820 г. у С. П. Жихарева родился сын Платон (1820—1838). См.: *Московский некрополь, т. 1. СПб., 1907, с. 449.*

² Федосья Дмитриевна — жена С. П. Жихарева, рожд. Нечаева (1795—1850).

13. Автограф — ИРЛИ, 28034/СС680.

¹ Воейков издавал «Собрание образцовых сочинений и переводов...» в стихах (ч. 1—6. СПб., 1821—1822) и в прозе (ч. 1—6. СПб., 1822—1823), газету «Русский инвалид» и литературные прибавления к нему («Новости литературы»). О подобном же случае присылки «Инвалида» с приложениями без письма Дмитриев иронически упоминал в письме к А. И. Тургеневу от 30 октября 1824 г. (*Дмитриев. Соч., т. 2, с. 288.*)

14. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Обычное время обедов в Москве в первой четверти XIX в. — 15 часов или немногим позднее; в 1790-е гг. обедали раньше (в 14 часов — время, указанное и Дмитриевым). См.: *Макаров. О времени обедов, ужинов и съездов в Москве с 1792 по 1844 год. — В кн.: Щукинский сборник, вып. 2. М., 1903, с. 2, 5—6. О меню обедов у Дмитриева вспоминал Ф. Ф. Вигель: «квас, пироги, паче всего малина со сливками были его наслаждением» (*Вигель Ф. Ф. Записки, ч. 3. М., 1892, с. 83*); подавались также жареный поросенок с солеными огурцами, щи, шоколад (*Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Незданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины. — ИОРЯС, 1901, т. 6, № 4, с. 245, 266—267; Дмитриев М., с. 153*).*

15. Автограф — ИРЛИ, 95—101 IC.

¹ Протекший праздник — пасха.

² Речь идет об оттисках литографированного портрета Дмитриева работы Тончи, приложенного к изданию 1823 г., за которым наблюдал Гнедич. Оригинал Дмитриев послал Гнедичу через Вяземского (Старина и новизна, кн. 2. М., 1898, с. 153, 154) и просил прислать ему 6 оттисков; 17 апреля А. И. Тургенев сообщал Вяземскому, что Гнедич выслал портреты (Остафьевский архив, т. 2, с. 313). «Сходство» и «красоту отделки» портретов отмечали и рецензенты издания (*Литературные листки, 1824*).

³ Дмитриев имеет в виду нашумевшую историю цензурного запрещения «Стансов к Элизе» В. Н. Олина (ок. 1788—1841), обвиненных цензором А. И. Красовским в безнравственности (апрель 1823 г.). «Стансы» вместе с замечаниями цензора и саркастическими ответами Олина широко распространялись в списках. См.: *Беседы в обществе любителей российской словесности при Московском университете, вып. 3. М., 1871, с. 43; Поэты 1820—1830-х годов, т. 1. Л., 1972, с. 129, 707.*

⁴ Шестое издание сочинений Дмитриева (т. 1—2. СПб., 1823), выпущенное Вольным обществом любителей российской словесности, было «исправленным и уменьшенным»; Дмитриев исключил из него все, что считал устаревшим или не характерным для своего творчества (см. об этом: *Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 64—65, 419*). «Излишняя строгость» автора в отборе отмечалась современниками (Карамзиным, Вяземским и др.). Ср.: *Дмитриев, М., с. 118—120.*

16. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Ансильон Фредерик (Ansellon, 1767—1837) — политический писатель, эстетик и теоретик литературы, писавший, в частности, по вопросам на-

родности и национальности литературы; был популярен в русской литературе и критике (ср.: *Томашевский Б.* Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 33—36). Его книга «*Mélanges de littérature et de philosophie*», содержащая указанные Дмитриевым главы, вышла в 1801 г. в Берлине и вторым изданием в Париже (2 vol., 1809). Мейстер Якоб Генрих (Meister, 1744—1826), автор упоминаемой книги «*Mélanges de philosophie, de morale et de littérature*» (2 vol. Genève—Paris, 1822), был также автором книги «*Lectures sur l'imagination*» (Zurich, 1794; Londres, 1799).

17. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ Гишпиус Густав Фомич (1792—1856) — портретист, литограф; осуществил издание «Современники. Собрание литографированных портретов государственных чиновников, писателей и художников» (СПб., 1822) по собственным рисункам, в 9 тетрадах, по 5 портретов в каждой. См. о нем: Старые годы, 1907, № 6, с. 239—240; Русский биографический словарь, т. Герберский—Гогенлоэ. М., 1916, с. 226 (статья Н. П. Чулкова).

² Посылка — экземпляры шестого издания «Стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева». 3 января 1823 г. Дмитриев просил Франка прислать ему «вновь вышедший русский альманах под именем Полярной звезды» (л. 65). 25 января он сообщал Франку, что присланную им «русскую книгу» уже получил и от издателей (л. 66); несомненно, речь шла о той же «Полярной звезде». В 1823 г. Вестужев лично знакомится с Дмитриевым в Москве (Памяти декабристов, 1. Л., 1926, с. 56—57; ЛН, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 200); 22 января 1824 г. Дмитриев посылает ему и Рылеву два экземпляра своей книги; один из них с надписью «Почтенным издателям Полярной звезды в знак признательности и уважения от безымянного. Москва 1824. Января 22 дня» сохранился в библиотеке Рылеева (*Цейтлин А. Г.* О библиотеке Рылеева. — ЛН, т. 59. М., 1954, с. 320—321). О дальнейшей судьбе посылки Дмитриев писал также Вестужеву 15 мая 1824 г. (Рус. старина, 1888, № 12, с. 585).

18. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ *La Vagreau français...* (vol. 1—18. Paris, 1821—1827) — собрание наиболее выдающихся судебных речей от античности до современности. *Biographie* — по-видимому, продолжающееся издание *Biographie des contemporains* («Биография современников»), которое Франк посылал Дмитриеву еще в 1822 г.; в октябре 1823 г. Дмитриев получил 10-й том (л. 58 об., 65).

19. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Хлопоты о пенсии В. В. Измайлову Дмитриев начал еще в мае 1824 г.; после неоднократных просьб, проволочек и личного ходатайства Карамзина перед Александром I пенсия была получена, о чем Карамзин сообщил Дмитриеву 6 ноября (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 372 и сл., примеч. с. 0163—0164; *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка, т. 2, с. 180—181; Остафьевский архив, т. 3. СПб., 1899, с. 52, 79). Несколько позднее была прислана и копия с указа от 1 ноября на имя графа Гурьева; о получении ее Дмитриев сообщил О. Е. Франку 23 ноября, прося хлопотать, чтобы пенсия выплачивалась Измайлову в Москве, по третям года, по предварительному извещении (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900, л. 83—83 об.).

20. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Речь идет о болезни В. В. Измайлова, о чем Дмитриев написал и Карамзину. 23 ноября Карамзин отвечал: «Сердечно жалею о тяжелой болезни доброго Влад. Вас. Измайлова. Ты получишь копию указа о пенсии? Сделай одолжение, уведомя, собирается ли он с силами» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 384).

21. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ О присылке мемуаров Жозефа Фуше (1754—1820), министра полиции при Наполеоне, знаменитого политического интригана, Дмитриев про-

сил А. И. Тургенева еще в 1819 г. (*Дмитриев*, Соч., т. 2, с. 249); здесь речь идет о новом издании: *Mémoires de J. Fouché*, vol. 1—2. Paris, 1824. Эту книгу (объявленную подделкой) читал Карамзин в декабре 1824 г. (Старина и новизна, кн. 1. М., 1897, с. 159); 8 декабря он писал Дмитриеву: «Читаю теперь две любопытные книги: „Mémoires de Fouché“ и „Conversations de Вугон“: первые кажутся не вымышленными, ни последние, где Байрон в зеркале: какое лицо страшное!» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 386). Дмитриев просит Франка как раз об этих книгах; вторая из них — французский перевод книги Т. Медвина «Conversations de lord Вугон...» (Paris, 1824). Обе книги пользовались большой популярностью; их в 1825 г. разыскивал и Пушкин (*Пушкин* А. С. Письма. т. 1. 1814—1825. М.—Л., 1926, с. 399—400 (примеч. Б. Л. Модзалевского). О записках Фуше Дмитриев просил Франка напомнить книгопродавцу Беллизару еще 28 сентября 1829 г. (л. 122).

22. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

¹ Подарок — «Простонародные песни нынешних греков, с подлинником заданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний, Н. Гнедичем» (СПб., 1825).

² Такое же объяснение своей «неучтивости» Дмитриев дал в письме Бестужеву и Рылееву: «Одна только скромность удерживала руку мою: к сочинениям моим приложена и моя биография, в которой любезный автор, увлеченный приязнию, возносил меня не по мере заслуг моих» (Рус. старина, 1888, № 2, с. 585). «Биография», принадлежавшая П. А. Вяземскому («Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»), была известна Дмитриеву еще до печати; 10 ноября 1821 г. он писал Вяземскому о своей признательности и вместе с тем «совестился», что уступил настояниям автора и прочитал ее в рукописи. «Строгость характера требовала бы от меня не знать ничего прежде печати». В ноябре 1822 г. он возвратил Вяземскому рукопись с какими-то уточнениями и поправками, заметив при этом: «Я сделал все, что мог, а, может быть, еще более, заметли сколько позволяла скромность светского человека» (Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому 1810—1836 годов. Из Остафьевского архива. Изданы с предисл. и примеч. Николая Барсукова. СПб., 1898, с. 32, 36). Статья Вяземского носила остро полемический характер, с чем был отчасти связан ее панегирический тон; она вызвала бурную полемику как при обсуждении ее в Волыном обществе любителей российской словесности (2 октября 1822 г.), так и в печати; Карамзин, Блудов и А. Тургенев, читавшие ее в рукописи, также сделали большое число замечаний. См.: *Гиллельсон М. И.* 1) Новое о статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». — Рус. лит., 1962, № 3, с. 219—223; 2) П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 92—94; *Базанов В. Г.* Ученая республика. Л., 1964, с. 281.

23. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Дмитриев пересказывает письма Карамзина от 9 и 31 июля; во втором из них Карамзин рассказывал о посещении им военных поселений (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 398, 400). Эта поездка состоялась по желанию Александра I, который стремился убедить Карамзина, противника военных поселений, в их целесообразности, и, по-видимому, сблизить его с Аракчеевым. 9—10 июля Карамзин и Аракчеев обменялись письмами (*Дубровин Н.* Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I (с 1807 по 1819 г.). СПб., 1883, с. 445—446), после чего Карамзин был приглашен в Грузино; 16 июля должен был начаться осмотр (*Погодин М. П.* Н. М. Карамзин..., т. 2. М., 1866, с. 355). Поездка продолжалась три дня и сопровождалась откровенными беседами Карамзина и Аракчеева; несмотря на это, Карамзин остался при своем мнении и впоследствии не скрывал своего отрицательного отношения к военным поселениям; ср. воспоминания К. С. Сербиновича и П. А. Вяземского (Рус.

старина, 1874, № 10, с. 250; Рус. архив, 1876, № 4, с. 474—475); следы этого скептицизма ощущаются и в письме его к Дмитриеву от 31 июля. Петергофский праздник был устроен 22 июля, в день именин имп. Марии Федоровны.

² Записки Шарлотты Стефани Фелисите де Жанлис (Genlis, 1746—1830), выходявшие с 1825 г. (*Mémoires inédits sur le XVIII siècle et la Révolution française*. 8 vol. Paris, 1825—1828), были встречены всеобщим разочарованием, так как оказались мемуарами лишь в незначительной части; целые тома в них были заняты ранее напечатанными работами писательницы.

³ О получении Дмитриевым сочинений Вольтера см. ниже, в примеч. к письму № 30. Прадт (Pradt, 1759—1837) Доминик Дюфур — французский политический писатель, популярный в России в 1820-е гг.; им интересовался и Карамзин (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 261). *Аннуар политический* — *Annuaire historique universel, ou Histoire politique* (Paris, 1818—1861) — ежегодник политических событий. «Дон Алонзо» — исторический роман Нарсиса де Сальванди (Salvandy, 1796—1856) (*Don Alonzo, ou l'Espagne, histoire contemporaine*). 4 vol. Paris, 1824. Новое издание словаря Пьера Бейля (Bayle, 1647—1706) — *Dictionnaire historique et critique*, vol. 1—16. Nouv. éd. (XI-e). Paris, 1820—1824. Словарь Бейля — одно из центральных произведений философского скептицизма XVII в., распространенявшегося и на религию.

⁴ «Поэтами-гениями» Дмитриев иронически называет поэтов романтической школы (ср. его письмо к А. С. Шишкову от 26 июля 1821 г. *Дмитриев*, Соч., т. 2, с. 277). Фолликулеры (франц. folliculaire) — борзописцы.

⁵ Писарев Александр Александрович (1780—1848) — генерал-лейтенант, литератор; был назначен попечителем Московского учебного округа указом от 19 июля 1825 г. (Старина и новизна, кн. 10. М., 1905, с. 501).

⁶ Дмитриев выехал в Симбирск между 4 и 8 июня (Моск. ведомости, 1825, 10 июня, № 46, с. 1647), вернулся в Москву между 2 и 6 июля (там же, 1825, 8 июля, № 54, с. 1905).

⁷ Третью и последнюю часть своих записок Дмитриев окончил 9 апреля 1825 г.; примечания — 10 января 1826 г. (*Дмитриев*, Соч., т. 2, с. 151, 167); они дополнялись еще в 1832 г.

⁸ Дмитриев приветствовал первые книжки «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, где ближайшее участие принимал П. А. Вяземский; в начале 1825 г. он благодарил Полевого за «прекрасный журнал», высказывая, однако, неудовлетворенность «слогом» издателя (Николай Алексеевич Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934, с. 171—172, 405—406 (коммент. В. Н. Орлова)); почти то же он пишет в январе-феврале 1825 г. П. П. Свиньину (*Дмитриев*, Соч., т. 2, с. 289; Рус. старина, 1897, № 12, с. 538). Еще в феврале 1827 г., после организации враждебного «Московскому телеграфу» «Московского вестника», он просит В. Ф. Одоевского поддерживать «Московский телеграф», который «разнообразнее, свежее и более похож на европейские журналы», нежели «Московский вестник», хотя и уступает ему «в правильности и чистоте языка» (Рус. старина, 1904, № 2, с. 385). В феврале или марте 1827 г. он присутствует вместе с Вяземским и Баратынским на вечере у Полевого (ЛН, т. 58. М., 1952, с. 64). Положительное в целом мнение о «Телеграфе» сохранилось у Дмитриева и после резкого охлаждения отношений с Полевым, вызванного выступлениями последнего против Карамзина (*Дмитриев*, Соч., т. 2, с. 327; Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, с. 43—44, 46, 54; Рус. старина, 1902, № 10, с. 86). На смерть Дмитриева Полевой откликнулся некрологической статьей (Библиотека для чтения, 1837, т. 24 отд. 5, с. 25—52; *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы, т. 1. М., 1839, с. 383—412; т. 2, с. 451—482). Измайлов поместил в «Телеграфе» только статью «О ботанической номенклатуре на русском языке» (1827, т. 18, № 24, с. 266—285). Полевой настороженно относился к Измайлову-литератору (Николай Алексеевич Полевой..., с. 248—249), хотя и напечатал положительный отзыв Вяземского о его альманахе «Ли-

тературный музей» (Моск. телеграф, 1827, ч. 15 отд. 1, с. 336—347; ч. 16 отд. 1, с. 153—170); одновременно (28 марта) он писал С. Д. Полторацкому о «глухой и подлой» статье Измайлова в альманахе (*Саллинка В. Письма Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому.* — В кн.: Труды высших учебных заведений Литовской ССР. Литература, т. 9. Вильнюс, 1966, с. 311). В 1829 г. Измайлов в качестве цензора выступил на защиту Полевого против Каченовского (см. ниже). См. также письмо № 25.

24. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

25. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С. Ответ на благодарственное письмо Гнедича, которому Дмитриев послал 27 марта через П. П. Свинына свои «Апологи в четверостишиях» (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 294).

¹ Упоминание о «маловажности» и неоригинальности книжки характерно для Дмитриева, обычно отзывавшегося о своих произведениях холодно пренебрежительно; в данном случае, однако, оно носит «предвосхищающий» характер. Дмитриев был задет неосторожной рецензией П. И. Шаликова, упомянувшего об источниках «Апологов» — книжке Мольво и рукописных четверостишиях жившего в Москве французского поэта «г-на Деламолиньера»; «некоторые из них, — писал Шаликов, — если не ошибаемся, находятся в числе апологов русского поэта» (*Дамский журнал*, 1826, № 5, с. 218). В письме П. П. Свиныну от 27 марта Дмитриев сам называет эти источники, в том числе и Ламолиньера, который сочинил 50 четверостиший и приписал их Дмитриеву. «Это я прибавил для того, — писал Дмитриев, — чтобы избежать от других улики, какую удостоен от князя Шаликова» (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 295). О своем недовольстве рецензией Шаликова Дмитриев говорил и Н. А. Полевому (*Полевой Н. А. Очерки русской литературы*, т. 2, с. 480; ср.: *Сын отечества*, 1838, т. 5, отд. 4, с. 101).

² С зимы 1826 г. Гнедич был болен; опасались, что ему не удастся выздороветь (ср., например, переписку Пушкина с Плетневым в феврале—апреле 1826 г. — Пушкин, т. 9, с. 261, 264, 272).

³ Речь идет о библиофильских наклонностях Дмитриева, о которых он постоянно говорит в этих выражениях; по-видимому, Гнедич переслал Дмитриеву с письмом какие-то материалы, возможно, для его коллекций портретов. Алексей Николаевич — Оленин (1763—1843), давний знакомый Гнедича, археолог, художник, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств.

26. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Это письмо не сохранилось.

² Дмитриев говорит о смерти Карамзина (22 мая 1826 г.), об обстоятельствах которой он знал, видимо, из писем А. И. Тургенева к С. П. Жихареву (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 427). Вяземский приехал в Петербург 24 мая и 13 июня отправился в Ревель вместе с семейством Карамзиных (Рус. старина, 1874, № 10, с. 269); в тот же день пришло соболезнующее письмо от Дмитриева. Возвращение свое в Москву Вяземский отложил до августа (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 425—429).

³ Донесение следственной комиссии о «злумышленных» обществах с полным списком привлеченных к суду напечатано в приложении к № 138 «Русского инвалида» 12 июня 1826 г.

27. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ В соответствии с новым цензурным уставом, утвержденным 10 июня 1826 г., в Москве образовывался цензурный комитет из трех членов, включая председателя; число членов могло быть увеличено. Председатель избирался университетским почетителем, после чего утверждался императором. Жалованье в 7000 руб. назначалось только председателю Главного цензурного комитета в Петербурге; председатель Московского цензурного ко-

митета получал 4000 руб. в год (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862, с. 133—135, 188—189).

² Дело о назначении В. В. Измайлова цензором тянулось более года, так как Московский цензурный комитет был образован только летом 1827 г. Осенью 1827 г. в его состав вошли С. Н. Глинка и Измайлов; председателем с 31 октября 1827 г. был С. Т. Аксаков. 26 февраля 1828 г. Д. Н. Блудов сообщал Дмитриеву, что Измайлов сделан членом Московского цензурного комитета и, возможно, станет председателем, если комитет не изменится в составе (Рус. архив, 1866, стб. 1661). 22 апреля 1828 г. был принят новый цензурный устав, и возникла надобность в реорганизации комитета; в сентябре 1828 г. попечитель А. А. Писарев представил к утверждению в должности Измайлова, Аксакова и Глинку, отдавая особое преимущество первому, по его «опытности в классической словесности». 3 октября 1828 г. Главное управление цензуры оставило в комитете Измайлова и Глинку, приняв во внимание «недостаточность» их состояния, «многочисленность семейства» и преклонный возраст (*Данилов В. В.* С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете. — ИОРЯС, 1928, т. 1, кн. 1, с. 509—510; *Машинский С. С.* Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. 2-е. М., 1973, с. 128 и сл.). В этом назначении важную роль сыграли ходатайства Дмитриева, о чем Блудов писал Дмитриеву 17 ноября 1828 г. (Рус. архив, 1866, стб. 1663).

³ Министром народного просвещения в 1826 г. был А. С. Шишков.

28. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Речь здесь (как и в следующем письме) идет о стихах Измайлова «И. И. Дмитриеву». В ответ на его стихи», напечатанных в альманахе Измайлова «Литературный музей на 1827 год» (М., 1827, с. 318—319). Стихи были ответом на послание Дмитриева «В. В. Измайлову» («Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?», напечатанное там же, без подписи (с. 317); автограф этих стихов Дмитриева приложен к публикуемым письмам Измайлову. В печатном тексте цитируемые строки исправлены (ст. 4 — в соответствии с поправкой Вяземского; ст. 9 читается: «Сам, кажется, твой друг парит к тебе из гроба»).

² Волков Александр Абрамович (1788—?) — сын вице-президента Государственной медицинской коллегии А. С. Волкова (Дамский журнал, 1827, ч. 18 № 8, с. 84), поэт, автор поэмы «Свобожденная Москва» (1820), член Московского общества любителей российской словесности (с 1823 г., см. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911, с. 69). Волков был вхож в различные литературные круги Москвы: был посетителем вечеров И. М. Долгорукова (Моск. наблюдатель, 1835, авг., кн. 2, с. 620), в 1820—1830-х гг. печатался в «Московском телеграфе» и «Дамском журнале». «Классик» по своим литературным симпатиям, Волков отмежевывался от сентименталистов и романтиков; в начале 1820-х гг. он был на стороне Каченовского в его споре с Вяземским, — что, впрочем, не мешало ему поддерживать добрые отношения и с Полевым, и с Шаликовым (Николай Алексеевич Полевой..., с. 269). В письмах Дмитриева неоднократно встречаются и даже раздраженные отзывы о Волкове (Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому, с. 28, 31; *Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 272; Остафьевский архив, т. 2. СПб., 1899, с. 157—158, 460, 467—468); при всем том с начала 1820-х гг. и до конца жизни Дмитриева их общение не прекращается; по словам М. А. Дмитриева, Волков и Н. Д. Иванчин-Писарев «находили удовольствие» в обществе Дмитриева и «не скушали проводить с ним вечера» (Дмитриев М., с. 150). Волков напечатал послание «К И. И. Дмитриеву» (Моск. телеграф, 1829, ч. 26, с. 128—129), стихи «На кончину И. И. Дмитриева» и мемуарную статью «О последних днях жизни И. И. Дмитриева» (Моск. наблюдатель, 1837, июль, кн. 2, с. 231—237). См. о нем также: *Данилов В. В.* С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов..., с. 511.

29. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

30. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ Письмо от 19 мая 1827 г. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900, л. 132).

² «Ливрезоны Вольтера» — *Oeuvres complètes de Voltaire, en un volume. Paris, de l'impr de J. Didot aîné, 1825—1832.* Собрание сочинений Вольтера выпускалось в 96 книжечках (*livraisons*), форматом in 8°, в 4-х частях и насчитывало 5551 стр. (*Quénard J. M. La France littéraire, t. 10. Paris, 1839, p. 382*). Первые книжечки купил для Дмитриева в Германии Д. Н. Блудов в 1825 г.; новые тетради он отправил 23 ноября 1826 г. (Рус. архив, 1866, стб. 1656, 1657). Дмитриев был очень озабочен получением последующих книжек. 9 декабря он писал Франку: «Дмитрий Николаевич Блудов еще 23 ноября уведомлял меня, что он передал вам три ливрезоны Дидотова издания» Вольтера для пересылки ко мне. Но я еще по сие время не получил их. Желая же скорее полюбоваться моим приобретением, тем более, что у нас торговля французскими книгами почти остановилась, препровождаю к вам синенькую ассигнацию на заплату весовых денег, как за эту посылку, так и других книг, сколько пока станет» (л. 110). 4 февраля он просит Франка напомнить Блудову о следующих «ливрезо-нах» (л. 129). Блудов высылает их только 11 декабря (Рус. архив, 1866, стб. 1659); из пометы Франка явствует, что они ушли в Москву 13 декабря. 20 декабря Дмитриев благодарит за доставление посылки от Блудова (л. 131). Упоминания о неполученных тетрадях и сообщения о высылке следующих порций есть в письмах 1829 г. (л. 116, 117, 119; Рус. архив 1866, стб. 1662; письмо Блудова от 31 января 1829 г.); только 29 января 1833 г. Блудов сообщает, что «бесконечное микроскопическое издание Вольтера окончено» (Рус. архив, 1866, стб. 1687).

³ 10 декабря 1828 г. Дмитриев подавал просьбу о представлении своего племянника, М. А. Дмитриева, советника Московской уголовной палаты, на вакансию председателя (письмо к О. Е. Франку от 10 декабря 1828 г., л. 112).

31. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Иронический каламбур: «вестовщик» — сплетник, переносчик вестей (ср., например, переводной очерк Н. Д. Иванчина-Писарева «Вестовщики» в «Вестнике Европы» 1814, № 14, с. 122—123); Дмитриев называет так «Вестник Европы» (ср. «сухощавый „голец Европы“» — в письме к А. И. Тургеневу от 21 ноября 1818 г. — *Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 237).

32. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ «Барон» — вероятно, А. А. Дельвиг, в конце января приехавший в Москву и нанесший визит Дмитриеву и В. Л. Пушкину (Пушкин, т. 14, с. 4; ср. также стихотворную записку В. Л. Пушкина П. И. Шаликову с приглашением на «литературный ужин» с участием «барона» (*Пушкин В. Л. Соч.* СПб., 1895, с. 119)).

33. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

34. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Письмо связано с неудачной попыткой Измайлова издавать журнал «Современник»: председатель Главного управления цензуры и министр народного просвещения К. А. Ливен отказал в разрешении, находя, что издание журнала несовместно с цензурской службой Измайлова. 10 сентября 1829 г. Измайлов ответил Ливену письмом, где отказывался от своего предпрятия, указывая, однако, на свои литературные заслуги и бедственное положение, которые давали ему право и основание возбуждать дело о разрешении (*Современник*, 1925, № 1, с. 298—303; *Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов...*, с. 523—524).

35. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Датируется по содержанию. Письма от Вяземского и Карамзинных Дмитриев получил почти одновременно в апреле 1829 г.

¹ Письмо написано в понедельник.

² Кузнецов Александр Иванович — московский книгопродавец, издатель «Христианского месадислова» (1821), вызвавшего цензурные затруднения; переиздание книги не состоялось из-за длительной болезни и смерти издателя; возможно, об этой последней болезни Кузнецова и пишет Дмитриев. О разорившейся семье Кузнецова Дмитриев хлопотал еще накануне своей кончины; после нее хлопоты продолжали Вяземский, Н. Д. Иванчин-Писарев и А. Я. Булгаков (*Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева*. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины. — ИОРЯС, 1901, т. 6, № 4, с. 28; Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, с. 80 и сл.; 141—142, 145; Рус. архив, 1868, с. 652; 1879, № 6, с. 257; Дмитриев М., с. 153). В сентябре 1827 г. Дмитриев вел с Кузнецовым переговоры об издании альманаха В. В. Измайлова: см. письмо его к Измайлову от 27 сентября 1827 г. (Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922, с. 68—69). Пользуемся случаем исправить ошибку комментария к этому письму (М. П. Беляева): в нем идет речь не о «Литературном музее на 1827 год», уже вышедшем в свет, а о задуманном Измайловым альманахе на 1828 г., для которого он уже собирал материалы (см., например, письмо к нему Ф. Глинки от 25 апреля и 21 июля 1827 г. — Моск. обозрение, 1877, № 16, с. 420—421); альманах этот не появился. На этот раз обращение к Кузнецову, по-видимому, было связано с намерением Измайлова издавать журнал (см. след. письмо).

³ Письмо Вяземского — от 7 апреля 1829 г. (из села Мещерского Саратовской губ.), где он рассказывает о своей работе над переводом «Адольфа» Б. Константа и сообщает о литературных и политических новостях (в том числе о смерти Грибоедова); в этом письме он передает привет и Измайлову (Рус. архив, 1868, стб. 602—607). Письмо от Карамзиных — от начала апреля (отрывок — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 432). См. ответное письмо Дмитриева Вяземскому от 1 мая 1829 г. (Из Остафьевского архива князей Вяземских. М., 1907, с. 10—13).

⁴ Фельц — *Féletz Ch. M. de. Mélanges de philosophie, d'histoire et de littérature*, 6 vol. Paris, 1828—1830.

36. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Соседка — возможно, Гурьева, о которой Дмитриев упоминал в письме к Вяземскому в 1821 г. (Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому, с. 30).

37. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

38. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Николай Дмитриевич — Иванчин-Писарев (1790—1849), поэт, историк-дилетант, любитель искусств, близкий к кругам московских сентименталистов (Измайлов, Шаликов, В. Л. Пушкин). Дмитриев познакомился с ним в 1818 г. и рекомендовал его стихи в «Сын отечества» (письмо А. И. Тургеневу от 23 декабря 1818 г. — *Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 240; в тот же день он сделал запись в альбоме Иванчина-Писарева — Старина и новизна, кн. 10. М., 1905, с. 478—480). Иванчин-Писарев посвятил Дмитриеву несколько стихотворений («К портрету И. И. Дмитриева». — *Сын отечества*, 1819, № 51, с. 224; «К Волге. По случаю отъезда И. И. Дмитриева из Москвы». — Там же, 1819, № 42, с. 87; «Для сельского памятника. На случай посещения И. И. Дмитриева». — *Памятник отечественных муз на 1827 г.* СПб., 1827, с. 153 и др.); в свою очередь Дмитриев адресовал ему стихи «В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой» (1836) (см. *Москвитянин*, 1844, ч. 1, № 2, с. 356). С 1819 г. начинается их переписка, продолжавшаяся до самой смерти Дмитриева; отрывки из писем Дмитриева (о смерти Карамзина, Веневитинова и В. В. Измайлова) Иванчин-Писарев опубликовал (*Москвитянин*, 1844, кн. 7, с. 49—50; ср.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 8. СПб., 1894, с. 11—12). Иванчин-Писарев

был постоянным посетителем Дмитриева, слушателем его записок и литературным поверенным; к собственным стихам Иванчина-Писарева Дмитриев, впрочем, относился не без иронии. Ему принадлежит также мемуарное свидетельство о Дмитриеве. См.: Дмитриев М., с. 132—133, 150; Остафьевский архив, т. 1, с. 559—560; *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 161; Москвитянин, 1849, № 4, с. 88; Старина и новизна, кн. 10, М., 1905, с. 486; *Грот К. Я.* К биографии И. И. Дмитриева, с. 21—33; Моск. обозрение, 1877, № 16, с. 421. С В. В. Измайловым Иванчин-Писарев был, видимо, связан еще ранее: в 1814 г. он печатался в «Вестнике Европы». На смерть Измайлова он откликнулся обширной некрологической статьей (Лит. газ., 1830, 22 ноября, т. 2, № 66, с. 242—244; Отечественная галерея, с прибавлением некоторых других сочинений Николая Иванчина-Писарева, ч. 1. М., 1832, с. 166—176).

39. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ «Р. И.» удовлетворительной расшифровке не поддается; может быть, «Русский инвалид» или «Русская история», например, С. Н. Глинки.

40. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

41. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Василий Львович — Пушкин.

42. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

43. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

¹ Дмитриев благодарит Гнедича за посланный ему перевод «Илиады» Гомера (Ч. 1—2. СПб., 1829).

44. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

¹ Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832.

45. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 565. Датируется 1833 г. по времени выхода в свет 1-й части альманаха «Новоселье», о которой идет речь в тексте. 12 марта приходилось на воскресенье в 1833 г.

¹ Альманах «Новоселье» (ч. 1), вышедший в свет 19 февраля 1833 г. (*Синяевский Н., Дяловский М.* Пушкин в печати, 1814—1837. М., 1938, с. 103), был прочитан Дмитриевым сразу по выходе, после чего он получил от А. Ф. Смирдина через П. А. Вяземского экземпляр в подарок (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 305). Название «Пустомелье», конечно, дано самим Дмитриевым; в читательских и литературных кругах альманах пользовался успехом. Аналогичный отзыв о прозе альманаха см. в письме к Вяземскому 1833 г. (Старина и новизна, кн. 2. М., 1893, с. 171—172).

² «Незнакомка», «Большой выход у Сатаны» — повесть и фельетон О. И. Сенковского, подписанные его псевдонимом «Барон Брамбеус». «Бригадир» — рассказ В. Ф. Одуевского (подписанный «ь.ь.й»). Отношение Дмитриева к Сенковскому и его прозе в дальнейшем становится резко отрицательным (см. письма к П. П. Свиньину от 11 февраля 1834 (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 307) и П. А. Вяземскому от 5 января, 19 января и 5 мая 1834 г. (Старина и новизна, кн. 2, с. 176—179 и др.)). Похвалы «Воспоминаниям» Н. И. Греча носят отчасти полемический характер: Дмитриев противопоставляет их сочинениям Полевого, писанным якобы «языком лабазов». Далее в тексте намек на критику Полевым «чопорного», «аристократического» слога (ср. письма Дмитриева П. П. Свиньину от 11 февраля и 20 мая 1834 г. (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 308; Рус. старина, 1902, № 10, с. 86) и Вяземскому от 4 октября 1835 г. (Старина и новизна, кн. 2, с. 181—182)).

³ Александр Николаевич — лицо неустановленное.

⁴ Сонцев (Сонцов, Солнцев) Матвей Михайлович (1779—1847) — муж сестры В. Л. Пушкина Елизаветы Львовны, знакомый Дмитриева, близкий к московским литературным кругам.

46. Автограф — ИРЛИ, 28034/СС1680. Датируется по содержанию: Жуковский встретился с Дмитриевым в Петербурге в августе 1835 г. Этой встрече предшествовала переписка. 29 мая 1835 г. Жуковский писал Дмитриеву: «Слухи о вашем прибытии в Петербург не умолкают; я им верю, потому что мне всем сердцем хочется им верить. Для меня было бы истинным счастьем вас увидеть после такого долгого разлуки. Если вы будете, то прошу вас немедленно меня уведомить о вашем прибытии: вероятно, я буду в Петергофе» (*Жуковский В. А. Соч. Изд. 7-е, т. 6. СПб., 1878, с. 436*). Отвечая Жуковскому 9 июня, Дмитриев сообщал, что не переменяет намерения побывать в Петербурге, «только попозднее прежнего срока» (*Дмитриев. Соч., т. 2, с. 318*). Дмитриев приехал в Петербург в середине августа и пробыл до 7 сентября (*Сев. пчела, 1835, 12 сент., № 204, с. 814; Дмитриев. Соч., т. 2, с. 319*). Записка написана сразу по прибытии; в дневнике Жуковского отмечена встреча 22 августа: «... К Дмитриеву, с которым снова ко мне, потом к Чернецову и в Академию художеств. Сцена с гравером Ухтомским и с лонлаеком» и 31 августа («я ездил в город и провел вечер у Дмитриева с Вяземским») (*ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 37, л. 6; указано М. И. Гиллельсоном*).

¹ Наталия Яковлевна — Плюскова (ок. 1780—1845), фрейлина имп. Марии Федоровны, старинная приятельница Дмитриева. См. о ней: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, по указ.; Державин, т. 2, с. 249, 503, 727.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

ААН	— Ленинградское отделение Архива АН СССР
Архив МИД	— Архив Министерства иностранных дел СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЛГИА	— Ленинградский государственный исторический архив
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив

Печатные источники

- Волков — Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953.
- Державин — *Державин Г. Р.* Соч. С объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1—9. СПб., 1864—1883.
- Дмитриев. Соч. — *Дмитриев И. И.* Сочинения. Ред. и примеч. А. А. Флоридова. Т. 2. СПб., 1895.
- Дмитриев. Взгляд. — *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. — Там же.
- Дмитриев М. — *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.
- Записки АН — Записки 2 отделения имп. Академии наук, 1862, т. 1, прил. 1.
- Записки ОРЯС — Записки Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЛН — Литературное наследство.
- Материалы — Материалы для истории имп. Академии наук, Т. 1—10. СПб., 1885—1900.
- Пекарский — *Пекарский П. П.* История имп. Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873.
- ПСВС — *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 1—10. Изд. 2-е. М., 1787.
- ПСС — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 1—10. М.—Л., 1950—1959.
- Пушкин — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 1—16. М.—Л., 1937—1949.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аблесимов А. О. 189
 Август Октавиан, имп. 142, 163
 Августин 241
 Адодуров В. Е. 286, 288, 319, 335, 370
 Аксаков С. Т. 454, 455
 Александр Павлович, имп. 326, 328, 329, 354, 376, 426, 428, 441, 445, 447, 450—451
 Алексеев М. П. 4, 240, 241
 Алексей Анофриевич, дирижер 72
 Алексей Михайлович, царь 206
 Анакреон 373, 390
 Андреевский И. 391, 393
 Анна Иоанновна, имп. 45, 48, 63, 64, 220, 260
 Анна Леопольдовна, правительница 49, 64
 Анненская А. В. 241
 Антон Антонович, герцог Брауншвейг-Люнебургский 49
 Антоний Сергеев, священник 257
 Амвросий, архиепископ новгородский 62
 Ансильон Ф. 424, 442, 449
 Апраксин М. Ф. 126, 209
 Аракчеев А. А. 451
 Арайя Фр. 187, 194
 Аргамакова Ф. И. см. Фонвизина Ф. И.
 Арауманова М. А. 255
 Арина Афанасьевна, московская знаковая Муравьевых 352
 Аристо Л. 366
 Аристотель 327
 Архаров Н. П. обер-полицеймейстер 148, 155, 194, 215
 Афонин М. И. 297, 314, 318, 325, 326, 328, 338, 372
 Афросимов, генерал 259
 Багратион П. И. 412, 415
 Баженов В. И. 166, 168, 177, 219, 220, 222, 240
 Базанов В. Г. 451
 Базилович, актер 125, 207, 208
 Байрон Дж. Г. 427—428, 451
 Бакунин П. В. 10, 268, 328, 330—342, 346, 347, 361, 366, 367
 Балиор И.-Хр. 86, 93, 101, 116, 198
 Балк Э. М. 282, 370
 Бантыш-Каменский Н. Н. 241
 Баранов, капитан 170
 Баратынский Е. А. 452
 Барков И. С. 86, 191, 192
 Барон Мишель 209
 Барсков Я. Л. 408
 Барсов А. А. 261, 294, 316, 365
 Барсов А. С. 192
 Барсуков Н. П. 451, 456
 Бартеlemi Ж.-Ж. 388, 389, 392
 Бартенев П. И. 196
 Барбо де ла Брюер Ж. 227, 230, 238, 241
 Барышников И. И. 268, 366
 Бастидон Е. Я. 370, 390, 392
 Бастидон К. Я. 312, 373
 Бастидон М. Д. 282, 370
 Батюшков К. Н. 12, 39, 354, 361, 374, 402, 422, 440, 443, 447—449
 Батюшков Л. А. 322—325, 344, 351, 374, 375
 Батюшков М., майор 338, 376
 Бауер Ф. В. 296, 297
 Бахерахт Гаврила, купец 221
 Бахметьев И. И., обер-полицеймейстер 148, 215
 Бахнер Т. А. 215
 Безбородко А. А. 257, 386, 387
 Бейль П. («Бель») 428, 452
 Бекетов И. П. 438
 Бекетов Н. А. 99—101, 197, 198, 445
 Бекетов П. П. 396, 397
 Беллинский В. Г. 3, 17, 22, 23, 26
 Беллизар Ф.-М. 451
 Белосельский-Белозерский А. М. 254, 396, 397
 Бельмонти Дж., содержатель театра

- 122, 123, 126, 129, 132, 138, 139,
144, 145, 148, 162, 176, 185, 207,
209, 211, 213, 215, 219
- Беляев М. П. 456
- Беляев, писарь 195
- Берков П. Н. 7, 8, 182, 187, 197, 198,
199, 204, 206, 212, 363, 366
- Бестужев А. А. 425, 443, 450—451
- Бестужев-Рюмин А. А. 200
- Бестужев-Рюмин А. П. 211
- Бецкий И. И. 109, 111, 112, 201, 203,
208, 276, 369
- Бибиков А. И. 10, 107, 200
- Бибиков В. И. 202, 204
- Билиштейн К.-Л. 203
- Бирон Э.-И. 17, 48, 63
- Блудов Д. Н. 418, 432, 438, 440, 442,
446, 451, 454, 455
- Блудова А. А. 418, 446
- Бобров С. С. 6, 400—404
- Богданович Иван, капрал 255
- Богданович И. Ф. 242, 258
- Бомарше П.-О. Карон де 213
- Бонеки Дж. 90, 91, 194
- Борис Годунов, царь 214
- Бортнянский Д. С. 361
- Бозций 270, 273, 367
- Браудо А. И. 255
- Браун И.-А. 66
- Брылкин И. О. 141, 213
- Брюс Я. А. 311, 373
- Брянчанинов А. М. 278, 369
- Буало-Депрео Н. 19, 107, 164, 219,
295, 300, 309, 330, 334, 335, 339,
359, 446
- Булгаков А. Я. 439, 442, 456
- Булгаков К. Я. 439
- Булгаков Я. И. 248, 256
- Булгаковы 188
- Бурдалу Луи 216
- Буренин 319
- Бурсье Л. Ф. 65
- Бутурлин А. И. 104—107, 121, 123,
159, 185, 186, 199, 200, 206
- Бутурлина В. А. 199
- Бутурлина Е. П., см. Сумарокова
Е. П.
- Бычков А. Ф. 195, 220
- Бюаш Ж.-Н. 225, 226, 237, 238, 241
- Валентини 302**
- Ванька, слуга М. Муравьева 262, 263
- Васильев А. И. 297, 308, 335, 372
- Васильчиков А. А. 190, 223
- Ватле К. А. 299, 300, 372
- Вацуро В. Э. 416
- Вейдемер И. А. 278, 280, 369
- Вейсе Х.-Ф. 256
- Вельяминов 336
- Венгеров С. А. 387
- Веневитинов Д. В. 456
- Вергилий 163, 175, 208, 279, 287
- Вердеревский И. И. 294, 365
- Вердеревский Н. А. 302, 365
- Веровкин М. И. 9, 190, 316, 358, 370
- Верто д'Обеф Р. О. 251, 258
- Вигель Ф. Ф. 449
- Виктор III, папа римский 246
- Виланд Х. М. 359, 360
- Вилламов Г. И. 439
- Вилле И. Г. 300, 372
- Вингейм Х.-Н. 52, 65
- Вист А. Ф. 373
- Витгенштейн П. Х. 399
- Витинский П. 50—51, 64
- Витинский С. 62, 64
- Вишневский, брат Ф. Я. Олсуфьева
342
- Владимиров М. М. 398
- Вовилье Ж. 226—231, 237—239, 241
- Воейков А. Ф. 425, 443, 446, 452
- Воейков Михаил 89, 193
- Воейков, знакомый М. Н. Муравьева
317
- Волков А. А. 268, 347, 366, 431, 441,
454
- Волков А. С. 454
- Волков Д. В. 148, 155—158, 162,
215—217, 303, 326, 373
- Волков Ф. Г. 7, 8, 90, 96, 121, 194,
196, 209
- Волков, чтец в Комиссии по сочи-
нению нового уложения 107
- Волконский М. Н. 148, 151, 152, 155,
156, 162, 200, 206, 215, 217, 218, 220
- Волынский А. П. 6, 48, 63
- Вольтер Ф.-М. 24, 30, 96, 108, 122—
124, 128, 133, 139, 154, 196, 208,
210, 212, 213, 216, 251, 258, 274,
300, 359, 376, 428, 431, 452, 455
- Вольф Х. 324
- Воронов, московский домохозяин
(купец?) 325, 341
- Воронцов А. Р. 386, 387
- Воронцов М. И. 55, 57, 65, 228, 230,
233, 234, 239, 241
- Воронцов Р. И. 207
- Вортман Х.-А., гравер 191
- Всеволодский-Гернгросс В. Н. 188,
213
- Всеволожская Е. Н. 445
- Всеволожский А. В. 439
- Всеволожский В. А. 445
- Вульф А. Ф. 333, 352, 354, 361, 370,
373, 376, 377
- Вульф И. П. 333, 353, 354, 367, 377
- Вульфь 367
- Вырубов П. И. 124, 208
- Вяземская В. Ф. 439

- Вяземский А. А. 146, 164, 219, 222, 286, 336, 356, 366, 372, 387
 Вяземский В. А. 344, 363
 Вяземский П. А. 12, 182, 214, 214, 221, 222, 344, 362, 402, 430—431, 433, 439, 441—446, 448—449, 451—458
 Гавриил Шапошников (Петров), митрополит 111, 200, 203, 216, 288, 371
 Гамалея С. И. 406, 409
 Ганнибал А. П. 368, 371
 Ганнибал И. А. 265, 288, 335, 356, 365
 Ганнибал О. А. 293, 371
 Ганнибал П. А. 293, 371
 Ганнибал Х. М. 273, 368
 Гараска, возница М. Н. Муравьева 317
 Гаррик Д. 209
 Гартунг И. К. 263
 Гебгард, кельнский архиепископ 242
 Гевара Антонио де 371
 Генрих V, император Священной Римской империи 246
 Георгий Дашков, епископ 63
 Герерия де ла, испанский посол в России 248, 256
 Гериссан Ж.-Т. 226—231, 237—239, 241
 Герцен А. И. 3
 Геспер С. 330, 359
 Гете И. В. 39, 359, 362
 Гетц И. Н. 373
 Гизелевский, секретарь С. Г. Зорича 331, 375
 Гиллельсон М. И. 443, 451, 458
 Гильфердинг П. 207
 Гильфердинг Фр. 86, 192
 Гиппиус Г. Ф. 424, 425, 450
 Глазунов, домовладелец 424
 Глинка А. П. 437, 439
 Глинка С. Н. 210, 211, 221, 222, 439, 454, 457
 Глинка Ф. Н. 13, 419—421, 437, 443, 447, 448, 456
 Гнедич Н. И. 12, 403, 419, 423, 427, 429, 436, 439, 443, 447—449, 451, 453, 457
 Голенищев-Кутузов Смоленский М. И. 413, 415, 419, 446
 Голенищев-Кутузов П. И. 440
 Голиков И. И. 218
 Голицын Алексей, князь 127
 Голицын Д. А. 236, 337, 240
 Голицын Д. М. 225, 226, 239, 241
 Голицын П. А. 266, 296, 297, 299, 335, 366
 Голицына В. П. 126, 127, 134, 136, 138, 209
 Голицына Н. П. 439
 Головин А. П. 204
 Головин М. Е. 274, 320, 368
 Головкин М. Г. 193
 Головцын Е. А. 274, 367
 Головцын И. А. 274, 367
 Головцына В. Е. 274
 Головцына П. Г. 270, 272, 273, 367
 Голохвастов А. И. 286, 370
 Голубев И. Ф. 257
 Гольдони К. 364
 Гомер 123, 175, 212, 429, 448, 457
 Гонзаго Винченцо, герцог 213
 Гораций Флакк 24, 107, 142, 260, 289, 364, 397, 398, 446
 Горбунов И. Ф. 188, 189, 207
 Гордон П. 364
 Горохов К. И. 266, 284, 315, 345, 366
 Горчаков Д. П. 411—415
 Готтшед И.-Хр. 192, 201
 Грейг С. К. 290, 371
 Греч Н. И. 437, 457
 Грибоедов А. С. 456
 Григорий VII, папа римский 246
 Григорьев, корреспондент М. Н. Муравьева 346
 Гримм Ф.-М. 24, 211
 Гросс Г. 54, 56, 65
 Гросс Хр. 62
 Гроссман Л. П. 12
 Грот К. Я. 449, 456, 457
 Грот Я. К. 187, 189, 197, 204, 367, 398
 Гроты Мельхиор 219
 Груммерт К. 414
 Гуковский Г. А. 7, 26, 201, 363
 Гурьев А. В. 297, 333, 335, 340, 372
 Гурьев Д. А., гр. 450
 Гурьева 456
 Густав-Адольф, шведский король 243
 Гюнтер И. X. 260, 364
 Давид, библ. царь 248—250
 Давыдов Д. В. 439
 Данилов В. В. 454—455
 Даннперштерн О. Г., фон 371
 Дашков Д. В. 430, 437—448, 440
 Дашков П. Я. 221
 Дашкова Е. Р. 201, 215, 258, 387, 395
 Дезед Н., композитор 371
 Декарт Р. 324
 Деларю М. Д. 439
 Делиль Ж., поэт 391, 393
 Делиль Ж.-Н. 51, 52, 54—56, 62, 64, 66, 225, 226, 238, 241
 Делиль Мария 56, 57
 Дельвиг А. А. 455
 Дементьев П. 238

- Демидов Г. П. 321, 374
 Демидов П. А. 32, 165, 167, 169, 175, 177—179, 220, 222, 374
 Демидов С. П. 321, 374
 Державин Г. Р. 4, 14, 28, 213, 257, 355, 370, 376, 388, 390—392, 395—399, 402, 445—446, 458
 Державина Д. А. см. Дьякова
 Дегуш Ф.-Н. 190
 Дефо Д. 39
 Дидо Ж. 455
 Дидро Д. 208, 211
 Дилья 379
 Дмитрий Ростовский 257
 Дмитрий Самозванец 108, 128, 137, 140, 141, 145, 162, 175, 214, 397
 Динерштейн Е. А. 256
 Дмитриевский И. А. 10, 91, 124, 139, 152, 154, 156, 166, 194, 208, 209, 213, 216, 260, 261, 280, 315, 349, 361, 377
 Дмитриев А. И. 416, 417, 439, 445
 Дмитриев И. И. 4, 10, 12—14, 28, 222, 365, 396, 398, 415, 416, 458
 Дмитриев М. А. 441, 446, 449, 454—455, 457
 Дмитриев С. И. 439
 Дмитриева М. А. 417, 439, 446
 Довилье, учитель 315
 Докучаев, петербургский купец 266, 288, 366
 Долгоруков А., кн. 200
 Долгоруков И. М. 454
 Долгорукий П. В. 209
 Долгорукий, кн. 154, 217
 Домашнев С. Г. 179—181, 223, 254, 256, 371, 386, 387
 Дора К. Ж. 272, 275, 359, 368, 369
 Достоевский Ф. М. 3
 Дризен Н. В. 198, 206
 Дружериуков Гаврила 213
 Дружинин Н. М. 354
 Дубровин Н. Ф. 451
 Дунин И., полковник 319, 374
 Дьяков А. А. 288, 348, 349, 371
 Дьякова А. М. 371
 Дьякова Д. А. 371, 390, 392
 Дьякова Е. А. 328, 371
 Дьякова М. А. 328, 348, 361, 371, 390, 393
 Дюбуле 232—234
 Дюмениль Мари 209
 Дюпати Ш. 26
 Евгений Болховитинов, митрополит 404
 Евгений IV, папа римский 246
 Еврешинов А. М. 196
 Еврешинов М. М. 196
 Еврешинов Я. М. 195
 Еврипид 162, 175
 Екатерина II, имп. 6, 8, 14, 19, 29—33, 36—39, 74, 94—98, 101—102, 104, 110, 114, 117, 121, 126, 130, 133, 134, 138, 142, 146, 148, 150, 152, 154—156, 158, 160, 162, 165, 168—172, 182, 185, 186, 189, 192, 196, 198, 200—208, 210—212, 215, 217, 219, 220, 221—223, 240—242, 254, 266, 269, 283, 286, 289, 295, 297, 302, 322, 367, 373, 387, 389, 391, 392, 411, 438, 445
 Елагин И. П. 10, 69, 93, 94, 99, 101, 110—114, 118, 122, 137, 145, 170, 187, 198, 202—205, 207, 216, 218, 267, 396
 Елизавета Петровна, имп. 49, 50, 54—57, 62, 83, 92, 100, 128, 133, 140, 174, 187, 188, 190, 196, 198, 219
 Ельчанинов Б. Е. 196
 Ермолаевы, офицеры гвардии 336
 Ермолов, офицер Преображенского полка 285
 Еропкин А. М. 126, 209
 Ефимовский, гр. 193
 Ефремов Иван, слуга 181
 Ефремов П. А. 256, 364
 Жанлис («Жанли») С. Ф. 428, 443, 453
 Жеребцов Н. Г. 164, 186, 219
 Жеребцова Е. Н. 219
 Жинкин Н. П. 408
 Жихарев П. С. 449
 Жихарев С. П. 422, 440—441, 449, 453
 Жихарева Ф. Д. 422, 449
 Жуков Алексей 106, 200
 Жуковский В. А. 12, 437, 439—441, 443—444, 446, 448—449, 458
 Забелин И. Е. 215
 Заворотков, сержант Измайловского полка 268, 345, 366
 Загоскин М. Н. 436
 Западон В. А. 355, 363, 386
 Заборомырский С. В. 180, 223
 Злобин К. В. 396—398
 Зорич С. Г. 11, 269, 270, 274, 285, 288, 297, 302, 303, 311, 314—316, 318, 325—328, 330, 332, 335, 336, 338, 340, 356, 358, 367, 372—375
 Иван IV Грозный, царь 206
 Иванов П. 446, 447
 Иванова Елизавета, актриса 125—127, 130—132, 176, 209, 210, 222
 Иванчин-Писарев Н. Д. 434, 441, 454—457
 Иванчина-Писарева 456

- Ижорина С. П. 372
 Изъединов А. А. 261, 364
 Измайлов В. В. 12, 418, 419, 423, 424, 426, 428—435, 440, 441, 444, 446, 447, 450, 452—457
 Измайлов М. М. 166, 168, 220
 Измайлов М. П. 273
 Иннокентий Нечаев, архиепископ псковский 106, 200, 216
 Иоаким, патриарх московский 249—250, 257
 Иов, пророк 59, 66
 Иона, пророк 248, 250
 Иоанн Алексеевич, царь 218
 Иоанн Златоуст 216
 Иосиф I, император Священной Римской империи 245
 Ишутин Д. К. 189
- Казанова Дж. 189
 Калайдович К. Ф. 214
 Калиграф И. И. 207
 Каликст II, папа римский 246
 Калло А.-М. 214
 Кампистрон Ж.-Г. 213
 Камынин Д. В. 284, 370
 Кантемир А. Д. 24, 49—51, 62—64, 183, 192, 249, 251, 257, 365
 Кантемир М. Д. 50, 51, 64
 Капнист А. А. 371, 390, 392
 Капнист В. В. 3, 12—14, 357, 358, 388—393, 446
 Каподистрия И. 425
 Каразин В. Н. 439
 Карабанов Ф. Л. 285, 370, 372
 Карамзин Н. М. 4, 10, 12, 24—26, 28, 35, 37, 184, 258, 425—428, 438, 439—443, 445, 449—453, 456, 458
 Карамзина Е. А. 430
 Карамзины 433, 438, 453, 455—456
 Караулов И. С. 337, 343, 375
 Караулова А. Л. 337, 344, 375
 Карл V, император Священной Римской империи 244, 245
 Карл VI, император Священной Римской империи 245
 Карл VII, император Священной Римской империи 245
 Карл-Христиан-Иосиф, герцог курляндский 190
 Каржавин В. Н. 224—241
 Каржавин Е. Н. 225, 226, 228, 231, 238, 239, 241
 Каржавин М. В. 240
 Каржавин Ф. В. 224—241
 Каржавина А. И. 224, 225, 237, 238, 240
 Карин Ф. Г. 414
 Карманов Д. И. 308, 373
 Катон 47
- Кацпржак Е. И. 408
 Каченовский М. Т. 440, 453—454
 Квашнина-Самарина А. П. 389, 392
 Кемберленд Р. 275, 369
 Кешпен П. И. 427
 Кингстон, герцогиня 272, 292, 368
 Киреевский А. И. 260, 363
 Кирилл Флоринский, архимандрит 50, 65
 Кирилл Флоринский, перомонах при Парижской миссии 240
 Киллиан Лука, гравер 214
 Киселев Н. П. 408
 Киселев С. Д. 339
 Клейст Г. 364
 Клерон Ипполита 209
 Кличка Ф. Н. 384
 Ключарев, регистратор 220
 Княжнин Я. Б. 10, 11, 28, 202, 204, 276, 346—348, 358, 361, 362, 369
 Князев А. Т. 261, 350, 351, 365
 Ковалевский Е. 446
 Ҷоган Ю. Я. 239
 Козельский Ф. Я. 365
 Козельский Я. П. 301, 371
 Козицкая А. Г. 150, 155, 216
 Козицкий Г. В. 6, 36, 38, 110, 113, 121, 123—125, 130, 132, 133, 137, 142, 146, 147, 150, 151, 153, 155, 156, 158, 160, 161, 163, 167, 168, 197, 198, 201, 206—212, 215, 217, 218, 220
 Козлова Е. В. 240
 Козловский Ф. А. 208, 233, 234, 241
 Козловский, кн. 270, 285, 294, 367
 Козлятев Ф. И. 440—441
 Козмин Николай, копист 180, 181
 Козьмин С. М. 36, 99, 102, 103, 116, 117, 152, 165, 169, 197, 198, 205, 214, 220
 Козодавлев О. П. 252, 258, 274, 368, 369
 Колардо Ш. П. 275, 369
 Колокольцев Ф. М. 266, 270—273, 290, 298, 301, 304, 307, 317, 318, 340, 346, 366, 367
 Колокольцева Е. Ф. 366
 Колокольцева М. И. 270, 367
 Колтеллини М. 323, 374
 Кондоиди П. Э. 81, 82, 190
 Конев П. С. 281, 288
 Кононович С. С. 403
 Констан Б. 442, 456
 Коплан Б. И. 239
 Коплан-Шахматова С. А. 239
 Корнель П. 212, 275, 359
 Корсаков А. И. 368
 Косман А. 199
 Костливцев П. А. 342, 346, 376
 Костомаров Н. И. 398

Костров Е. И. 359, 389, 403
Котельников С. К. 191
Кочубей С. В. 221
Кошелев, прапорщик 321, 342
Красильников С. 278, 281, 283, 307,
313, 319, 369
Красовский А. И. 449
Крафт В. Л. 294, 371
Крафт И. В. 371
Крашенинников С. П. 190
Кревиер Ж.-Б.-Л. 62, 67
Кречетников М. Н. 285, 356, 370
Кривцов Н. И. 439, 442
Кронек И. Ф. 279, 359, 369
Кроок Ф. 233, 234, 241
Крузиус Х. 66
Крылов И. А. 415, 425
Кряжимская И. А. 440
Кузнецов А. И. 433, 456
Кузьмин С. М. см. Козьмин С. М.
Кукушкина Е. Д. 257
Кулакова Л. И. 355, 357, 363
Купреянова Е. Н. 28
Куракин А. Б. 44, 47, 48, 55, 57,
62, 63
Куракина Е. А., племянница Панина
126, 138, 209
Куробцев, петербургский купец 233,
234, 241

Лабрюйер Ж. де 108
Лаваль А. Г., см. Козицкая А. Г.
Лазарчук Р. М. 4, 184
Лафонтен Ж. де 108, 440
Лажечников И. И. 63
Ламольер де 453
Ламот Валлен де см. Мота де, ба-
ронесса
Лас-Каз Э. де, гр. 442
Левашев Н. А. 338
Левина Н. М. 338
Лежень, поэт 359
Лекен А.-Л. 124, 209
Леонар Н.-Ж. 330, 333, 336, 359, 375
Леонтьев Н. В. 264, 265, 266, 293,
340, 342, 345, 347, 365, 366, 377
Леонтьев, капитан-поручик 339
Лепаж, знакомый Ф. В. Каржавина
229, 231
Лепехин И. И. 272, 274, 368
Леруа П.-Л. 65, 66
Летурнер П. 368
Лефевр, аббат 193
Лефорт 190
Ливен К. А. 455
Лихонин П. С. 413, 415
Лобанов-Ростовский А. И. 266, 345,
365
Лобанова-Ростовская Е. А. см. Ку-
ракина Е. А.

Локателли Дж. Б. 72, 73, 122, 188,
207
Ломоносов М. В. 3, 4, 10, 15—18, 24,
28, 29, 31, 36, 62, 65—67, 76, 77,
84, 87, 88, 109, 147, 183, 191, 192,
204, 203, 208, 212, 215, 219, 260,
364, 368, 375
Лонгинов М. Н. 204
Лопухина М. П. 287, 390
Лосенков А. П. 240, 365
Лотман Ю. М. 402
Лукач Марк Анней 128, 210
Лукин В. И. 196, 213
Лукин, капитан 170
Лукомский В. К. 258
Лунин М. С. 355
Лунин С. М. 354, 361
Львов А. Л. 290, 371
Львов В. Л. 295, 298, 372
Львов Н. А. 9, 10, 12, 14, 268, 277,
328, 333, 338, 340, 341, 349, 357,
361, 362, 375—377, 388—393
Львов П. Н. 349, 377
Львов С. Л. 395
Львова А. А. 333, 375
Львова М. А. см. Дьякова М. А.
Львовы, князья 336
Любимов Е., полковник 319, 374
Людовик XIV, король 108

Мабдис, переводчик 200
Маддокс М. Е. 189, 207, 219
Майков В. И. 135, 212, 259, 261, 270,
346, 347, 351, 354, 356, 363, 365, 367,
372
Майков Л. Н. 62, 63, 66, 67, 182,
195, 209, 354
Макаров М. Н. 449
Макарова, подполковница 193
Макогоненко Г. П. 28, 438
Макферсон Дж. 359, 368, 400, 401,
403, 404
Малеян А. И. 63
Малиновский А. Ф. 199
Мансфельд, графиня де 242
Мантуров П. А. 321, 327, 329, 374
Маршалль П. С. 305, 359, 373
Маржере Жак 145, 214
Мария Гавриловна (Марья), побоч-
ная дочь М. А. Муравьева-стар-
шего 321, 327, 336, 337, 374
Мария Федоровна, имп. 452, 458
Марков В. Д. 189
Маркушевич А. И. 239
Мармонтель Ж. Ф. 20, 22, 27, 271,
276, 277, 282, 300, 302, 331, 333,
340, 364, 368, 369, 374, 376
Мартин V, папа римский 246
Маргынов И. Ф. 256, 257, 410
Матвеев А. С. 411, 414

- Матвей («Матнас») имп. 23, 244
 Матфей, евангелист 217
 Матюшкина А. А. 361
 Машинский С. И. 454
 Медвин Т. 451
 Медокс см. Маддокс
 Мейстер Я. Г. 424, 442, 450
 Меллссино И. И. 149, 150, 154—158,
 191, 215, 217, 260, 262, 363, 364,
 378—387
 Меллссино П. В. 215
 Меллссино П. И. 99, 101, 198, 215
 Мельгунов А. П. 199, 221
 Мерлин Д. А. 293, 348, 372
 Мерсье Л.-С. 26
 Метастазιο П.-А. 108, 200, 362
 Мецкерский, кн. 288
 Мизере, автор дневника 192
 Миллер Г.-Ф. 51, 52, 55, 57, 58, 62,
 65, 66, 88, 103, 108, 119, 120, 145,
 192, 193, 198, 199, 214, 260, 276, 364
 Миллер К. В. 265, 365, 367, 370
 Миллер, вышневолоцкий трактир-
 щик 262, 270, 365
 Милорадович М. А. 399, 413, 421, 448
 Миних Б.-Хр. 95, 196
 Митрофан, архиепископ тверской 62
 Михаил Федорович, царь 120, 121,
 206, 249, 250
 Михайловский-Данилевский А. И.
 439
 Могилянский, служащий при Мос-
 ковском университете 383
 Модель И.-Г. 87, 192
 Модзалевский Б. Л. 182, 408, 451
 Модзалевский Л. Б. 182
 Молинос Мигель 228, 230, 241
 Мольво Ш.-Л. 453
 Мольер Ж.-Б. 19, 107, 122, 124, 189,
 190, 209, 364, 370
 Монвель Буте де Ж. М. 371
 Монтегье Ш. 24, 282, 313, 359, 370
 Мординов М. И. 333, 335
 Мординов Н. С. 403
 Мординов С. Н. 210
 Мордовченко Н. И. 440
 Мориц К. Ф. 26
 Морозов А. А. 203
 Мота де, баронесса 215
 Мотонис Н. Н. 111, 121, 123, 134,
 137, 142, 153, 201, 206, 211
 Муравьев А. А. 371
 Муравьев А. З. 355
 Муравьев А. М. 327, 334, 355, 374
 Муравьев А. Ф. 377
 Муравьев З. М. 278, 297, 298, 302,
 313, 315—318, 320, 322, 323, 327,
 329, 337, 338, 341, 355, 369, 376
 Муравьев И. М. старший, квартир-
 мейстер 260, 264, 265, 267, 270, 271,
 273, 275, 277, 278, 282, 283, 286, 288—
 291, 295, 296, 298, 299, 301, 304,
 312, 315, 316, 318—320, 323, 325,
 329, 343, 344, 348
 Муравьев И. М. младший 264, 266,
 269, 278, 283, 297, 298, 311, 315, 344
 Муравьев М. А. старший 264, 266,
 296, 321, 363
 Муравьев М. А. младший 259, 261,
 264, 279, 363
 Муравьев М. Н. 9, 11, 12, 20, 21, 28,
 32—34, 36, 37, 259—377
 Муравьев Н. А. 259—377
 Муравьев Н. Е. 366, 371
 Муравьев Н. М. 354, 355
 Муравьев Н. Н. 286, 371
 Муравьев Н. Ф. 284, 296, 298, 319,
 325, 331—333, 334, 337, 348, 350, 370
 Муравьев П. С. 259, 352, 363
 Муравьев С. С. 285, 313, 316, 319,
 370, 374
 Муравьев-Апостол И. И. 355
 Муравьев-Апостол М. И. 355
 Муравьев-Апостол С. И. 355
 Муравьева А. А. 268—270, 286, 311,
 312, 316, 317, 319, 326, 328, 329,
 331—333, 335, 343, 366
 Муравьева А. П. 313, 374
 Муравьева А. Ф. 367
 Муравьева В. Н. 286, 371
 Муравьева Л. Ф. 271, 333, 350, 353,
 354, 368, 377
 Муравьева Н. М. 376
 Муравьева Н. Ф. 328, 339, 348, 377
 Муравьева Ф. Н. 259—377
 Муратова К. Д. 437—438
 Мусин-Пушкин А. И. 208
 Мюрвиль 368
 Мячков Д. Д. 303, 373
 Наполеон I Бонапарт 14, 411, 412,
 414, 442, 446, 448, 450
 Нарезный В. Т. 396—398
 Нартов А. К. 55, 57, 65
 Нарышкин С. К. 69, 187
 Невзоров М. И. 402, 404
 Невская Н. И. 65
 Ней М. 414, 415
 Нейгоф И.-Фр. 207
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 12, 14,
 394—395
 Неплюев Н. И. 296—298
 Нерон, император 127, 210
 Неручев М. Я. 299, 348, 372
 Николай V, папа римский 246
 Николай Васильевич, родственник
 Дмитриевых 416, 445
 Николев Н. П. 12, 14, 216, 358, 410,
 411—415
 Новиков И. Н. 411

- Новиков Н. И. 4, 7, 8, 10, 12, 28, 40, 186, 196, 202, 213, 218, 219, 256, 268, 270, 274, 296, 297, 300, 308, 310, 311, 317, 322, 327, 333, 334, 338, 355, 357, 365, 367, 372, 384, 405, 408—409, 415
- Новикова А. И. 339
- Новикова В. Н. 406, 408—409
- Норов А. С. 424, 438
- Носов И. 364
- Овидий** 45, 46, 163, 218
- Одоевский В. Ф. 429, 452, 457
- Ожогин А. Г. 207
- Озеров Григорий**, подканцелярист 220
- Озеров С. Н. 439
- Озюбишин В. П. 316, 374
- Оксеншерн А.**, государственный канцлер 243
- Окулов М. Г. 215
- Оленин А. Н. 430, 453
- Олин В. Н. 423, 449
- Олсуфьев А. В. 113, 196, 204
- Олсуфьев П. М. 222
- Олсуфьев Ф. Я.** 264—266, 304, 333, 335, 342, 347, 365, 372, 377
- Олсуфьева А. Я. 301, 372
- Омир см. Гомер
- Опочинин Ф. К. 255
- Орезон д' 231, 232
- Орлов А. Г. 83, 216, 254
- Орлов В. Г. 113, 114, 204
- Орлов В. Н. 452
- Орлов Г. Г. 36, 94, 95, 115, 118, 119, 151, 152, 196, 197, 202, 204, 205, 208, 216, 274, 368
- Орлов Ф. Г. 253
- Орлова, кн. 296, 277
- Оссиан см. Макферсон Дж.
- Остервальд Дитрих** (Тимофей Иванович) 99, 101, 198
- Остерман И. 257
- Отрепьев Григорий** см. Димитрий Самозванец
- Павел I Петрович**, имп. 15, 117, 202, 205, 213, 216, 253, 257, 283, 297, 370, 373, 395, 438, 445
- Павлушка, крепостной Муравьевых 264, 265, 270, 272—275, 278, 281, 283
- Паиззелло Дж. 361, 374
- Панни Н. И. 10, 141, 146, 210, 213, 214, 242, 244, 246, 253—255, 257, 268, 367, 375
- Панин П. И. 22, 26, 33, 126, 209, 253, 257
- Панченко А. М. 63
- Панчулдзев С. А. 187, 193, 195
- Паскалий («Паскаль») II, папа римский 246
- Пезибль, французский композитор 377
- Пекарский П. П. 62—67, 238
- Перголезе Дж. Б. 377
- Перетц А. И. 402, 404
- Перикл 139
- Пестель Б. В. 214
- Пестов, тверской знакомый Муравьевых 338, 340, 376
- Петр I, имп. 27, 38, 95, 132, 133, 143, 159, 198, 203, 206, 209, 210, 218, 249, 250, 257, 294, 411
- Петр II, имп. 187, 198, 203, 240, 372
- Петр Алексиев, иерей 373
- Петр Смелич, епископ 62
- Петров А. А. 25
- Петров В. П. 9, 123, 208, 219, 265, 280, 286, 290, 294, 337, 350, 357, 365, 376
- Петров П. Н. 201
- Пизарро Ф. 23, 340
- Пизон Гай 210
- Пиль Е. А. 439
- Пиндар 317, 318, 320; 359, 398
- Писарев А. А. 428, 430, 439, 452, 454
- Плавильщиков П. А. 221
- Платон Левшин, митрополит 153, 216
- Платон Малиновский, архимандрит 63
- Платон, епископ тверской 217
- Плетнев П. А. 453
- Плутарх 275
- Плюскова Н. Я. 437, 458
- Победоносцев К. П. 200
- Погодин М. И. 199, 219, 221—222, 456
- Подшивалов В. С. 440
- Позднеев О. А. 415
- Поздняков Т., купец 370
- Полевой Н. А. 221, 443—444, 452—454, 457
- Полевой П. Н. 221
- Полетика П. И. 439
- Полибий 374
- Полторацкая А. А. 282, 295
- Полторацкий М. Ф. 74, 189, 271, 333, 335, 337, 351, 367
- Полторацкий С. Д. 453
- Полторацкие 356
- Померанцев В. П. 207
- Понятовский С. см. Станислав-Август
- Поп А. 269
- Попов В. С. 339
- Попов Г. И. 218
- Попов Л. И., копиист 161, 218
- Попов М. И. 266, 285, 315, 366, 376
- Попов Н. И. 85, 86, 191
- Попов П. Ф., купец 281

- Поповский Н. Н. 84, 191, 365
 Порошин С. А. 202, 210, 216
 Порри, артист 352, 377
 Потемкин Г. А. 6, 36, 171—175, 177, 181, 222, 303, 356, 372, 395
 Потемкин П. С. 151, 152, 214, 216
 Прадт Д. Д. 428, 442, 452
 Прево А. Ф. 196
 Приклонская П. И. см. Сумарокова П. И.
 Приклонский М. В. 384
 Принц, часовой мастер 299
 Прозоровский А. А. 269
 Прокопович-Антонский А. А. 404, 413
 Прокопович-Антонский М. А. 402, 404
 Протасов Я. Я. 88, 193
 Пучков И. Т. 319, 339, 374
 Пучков, петербургский купец 233, 234, 241
 Пушкин А. М. 215
 Пушкин А. С. 3, 17—19, 29, 182, 368, 371, 402, 438—439, 443—445, 450—451, 453
 Пушкин В. Л. 435, 439—441, 448, 455—457
 Пушкин М. А. 149, 150, 154, 215, 216
 Пушкин С. А. 149, 150, 216
 Пушников Н. О. 213
 Радищев А. Н. 3, 4, 28, 355, 402
 Радищев Н. И. 368
 Разумовский А. Г. 84, 91, 97, 131, 134, 174, 178, 191, 193, 194, 195, 221, 222
 Разумовский К. Г. 51—57, 64, 68, 187, 190, 222, 223, 365
 Рамбург 77
 Рамлер К. В. 320, 359, 374
 Расин Ж. 108, 124, 134, 154, 212, 213, 284, 339, 376
 Раухах Г. 111, 203
 Резанов В. И. 197
 Реньяр Ж. Ф. 328, 361, 375
 Репнин Н. В. 263, 268, 290, 329, 342, 356, 365, 366, 375, 377
 Репнина Н. А. 290, 371
 Решетников А. 397
 Рихман Г. В. 65
 Ричардсон С. 24, 39
 Ровинский П. А. 201
 Рожешников П. Р. 364
 Розанов Ф. Ф. 402, 404
 Розуа Б. Ф. де 327, 328, 359, 374
 Роллен Ш. 55, 57, 60—61, 65, 67
 Ротари П. 201
 Рубан В. Г. 269, 316, 317, 358, 367
 Рубенс П. 139, 213, 358
 Рудакова А. А. 346, 347, 375
 Рудакова Н. И. 375
 Рудольф II, имп. 242
 Румовский С. Я. 294, 371, 372
 Румянцев Н. П. 443
 Руссо Ж. Ж. 24, 39, 251, 258, 269, 275, 361, 376, 431, 441
 Рылеев К. Ф. 425, 443, 450—451
 Рылеев Н. И. 387
 Рябов М. П. 409
 Рябов, майор 322, 323
 Саккини А. 361, 375
 Салинка В. А. 453
 Салтыков А. М. 109, 202
 Салтыков И. П. 126, 127, 134, 136, 138, 210
 Салтыков П. С. 19, 30, 32, 38, 106, 107, 122, 124—129, 131, 132, 134—140, 144, 148, 185, 207, 208, 210, 211, 212, 215
 Салтыков С. В. 231, 232, 240, 241
 Салтыкова В. П. см. Голицына В. П.
 Салтыкова Е. П. 210
 Салтыкова М. В. 209
 Сальванди Н. де 459
 Самойлов А. Б. 274, 368
 Самойлов Н. Б. 296, 297, 298
 Сарданапал, царь 313
 Светушкин, чиновник 293
 Свешников, книгопродавец 427
 Свинын П. П. 441, 444, 452—453, 457
 Свистунов П. С. 189
 Свифт Дж. 238
 Северин Д. П. 440, 448
 Седен М. Ж. 370
 Селивановский С. И. 6, 400—403
 Семенов, студент Московского университета 253
 Семенников В. П. 182, 183, 195, 197, 204, 205, 223
 Сенковский О. И. («Барон Брамбеус») 437, 443, 444, 457
 Сербинович К. С. 451
 Сериньи Шарль 70, 187
 Сиверс К. Е. 72, 74, 75, 88—92, 96, 97, 100, 101, 103, 116, 119, 186, 188, 189, 192—194, 196
 Сиверс Я. Е. 281, 285, 286, 310, 311, 314, 317, 356, 370, 372
 Сигизмунд I, император Священной Римской империи 246
 Сидоров Петр, наборщик 115, 204
 Симеон Полоцкий 248—250, 256, 257
 Симонов, чиновник 75, 76, 189
 Синьковский Д. Н. 382, 387
 Сивянский Н. 457
 Скаврнская М. Е. см. Шувалова М. Е.
 Скаррон П. 287
 Сколари И. 142, 189, 207, 213

- Славин Р. А. 199
Сляднев, канцелярист 195
Смирдин А. Ф. 457
Смирнова, родственница Дмитриева 445
Снегирев В. Л. 222
Созонов Л. С. 296—298, 372
Соймонов М. Ф. 268, 274, 309, 321, 335, 336, 340, 366, 367, 374
Соймонов Н. А. 322
Соймонов П. А. 335, 375
Соковнин Алексей Петрович 159, 185, 217
Соковнин Алексей Прокофьевич 159, 218
Сократ 313
Соловьев С. М. 63, 197, 203
Сонцов М. М. 437, 458
Сонцова Е. Л. 458
Солтыков С. В. см. Салтыков С. В.
Сорен Ж.-Б. 213
Софокл 139, 162, 175, 213
Сохацкий П. А. 382, 387, 402, 404
Сперанский М. М. 425, 439
Срезневский В. И. 387
Станислав-Август Понятовский, король польский 98, 197
Стейпбок Е. А. см. Дьякова Е. А.
Стенник Ю. В. 209
Степанов В. П. 6, 201, 256
Степанов Н. Л. 12, 183, 184
Степанюк Е. С. 395
Стерн Л. 26, 35, 39
Стоюнин В. Я. 257
Страленберг Ф. 227, 230, 241
Страхов П. И. 222
Стрекалов С. Ф. 217
Строганов А. С. 361
Строганов Г. А. 446
Ступин А. В. 401, 403
Ступины 400, 403
Сукин Ф. И. 149, 154, 216
Сумароков А. П. 4—7, 12, 15, 16—21, 24, 28—34, 36—39, 59, 62, 67, 68—223, 276, 282, 295, 304, 308, 310, 334, 335, 337, 357, 363, 368, 369, 371, 373, 396
Сумароков В. П. 104, 105, 193, 199
Сумароков П. А. 9, 222
Сумароков П. Б. 218
Сумароков П. П. 94, 104, 115, 159, 164
Сумароков П. С. 81, 108, 190, 201
Сумарокова А. А. 222
Сумарокова Александра П. 199
Сумарокова Анна П. 199
Сумарокова В. П. 222
Сумарокова Е. А. 116, 118, 132, 164, 198, 204
Сумарокова Е. Г. 9, 223
Сумарокова Е. П. 199
Сумарокова М. В. 106, 159, 217
Сумарокова М. И. см. Юпкина М. И.
Сумарокова М. П. 106, 199
Сумарокова Н. А. 9
Сумарокова П. А. 198, 204
Сумарокова П. И. 104—107, 121, 159, 199, 200, 206, 223
Сумарокова П. П. 159, 199, 218
Сумарокова Ф. П. 199
Сунгуров, чиновник 91
Супшкова М. В. 277, 340, 369
Талызин И. Л. 147, 214
Тальман П. 63
Танеев С. В. 192
Таранов А. С. 415
Тассо Т. 357, 418
Татьяна Петровна, родственница Муравьевых 261—263, 265, 267, 269, 271, 272, 275, 279, 280, 284, 289, 292, 294, 295, 297—302, 304, 329, 333, 335, 340, 364
Тауберт И.-К. 66, 67, 87, 88, 192
Твердышев, приказчик 294, 326
Тейльс И. А. 310, 373
Тешлов Г. Н. 55, 57, 62, 65, 191, 364
Титов В. П. 257
Титов Н. С. 122, 125, 207
Тихонравов Н. С. 256
Толстикова А. П. 408
Толстой В. И. 124, 127, 128, 131, 134, 138, 208
Толстой Л. Н. 3
Томашевский Б. В. 450
Тонкова Р. М. 192, 207
Тончи С. 449
Тордо, танцовщица 87, 192
Торин, чиновник 236, 237
Тормасов А., переводчик 200
Торсон (Торсен) Николай, лекарь 179, 180
Торсон, сержант 180
Третьяковская М. Ф. 55, 57
Третьяковский В. К. 4, 6, 17, 18, 23, 135, 187, 212, 219, 340, 364, 375, 388
Третьяковский Л. В. 55, 57, 61
Тропольская Т. М. 209
Трубецкой В. Н. 336, 375
Трубецкой П. Н. 336, 371
Тумборов, московский купец 241
Тур де ла 309, 330, 334, 335
Тургенев Александр И. 12, 425, 439—442, 446, 448—449, 451, 453, 455, 456
Тургенев Андрей И. 440
Тургенев И. П. 278, 280, 297, 369, 440—441
Тургенев И. С. 3

- Тутолмин Т. И. 395
 Тынянов Ю. Н. 4, 24—26, 184
- Уваров А. С. 217
 Ульяна, служанка 285
 Урбан V, папа римский 246
 Урусов П. В. 176, 177, 179, 215, 219, 222
 Урусова А. В. 366
 Урусова В. С. 372
 Урусова Е. С. 273, 308, 358, 368, 373
 Ухтомский, гравер 458
 Уц И. П. 312, 318, 320, 359, 373
 Ушаков А. А. 318, 374
 Ушаков С. Ф. 222
 Ушаков, офицер 359
- Фальконе Э.-М. 112, 203, 214
 Федор Алексеевич, царь 218
 Федор Антипыч, родственник Дмитриева 416, 445
 Фельц Ш. М. Ж. 433, 456
 Феодосий, архиепископ санкт-петербургский 62
 Феодосий Печерский 364
 Феодосья, мученица 364
 Феодосья Алексеевна, родственница Муравьевых 260, 261, 363
 Феофан Прокопович 63, 183, 249, 251, 365
 Феофил Кролик, архимандрит 249, 251, 257
 Феофилакт Лопатинский 63
 Фердинанд II, император Священной Римской империи 242, 255
 Фердинанд III, император Священной Римской империи 243, 244
 Фердинанд IV, имп. 245
 Фермор В. В. 96, 193, 196
 Филдинг Г. 39
 Филипп Эгалите, герцог Орлеанский 391, 393
 Фишер И.-Э. 66
 Флоров-Багреев А. Н. 272, 273, 275, 277, 278, 281, 283, 290
 Флорова-Багреева Т. М. 266, 272, 273, 338, 366
 Фолар Ж. Ш. де 320, 374
 Фонвизин Д. И. 3, 6, 10—12, 22, 26, 28, 33, 35—37, 145, 184, 196, 214, 253, 358, 361, 372, 383—385
 Фонвизин П. И. 253, 255, 378—387
 Фонвизина Ф. И. 9
 Фрамери Н. 375
 Франк К. Е. 442
 Франк О.-Е. 424, 425, 427, 431, 439, 442, 443, 450, 451, 455
 Франклин Б. 216
 Франциск I, имп. 245
 Фридрих II Великий 162, 210
- Фридрих III, император Священной Римской империи 246
 Фридрих V Пфальцский, курфюрст 242
 Фулон, знакомый Ф. В. Каржавина 229, 230
 Фусе Ж. 427, 442, 450
- Ханьков В. В. 269, 282, 285, 292, 304, 308, 312, 315, 316, 340, 345, 349, 358—361, 362, 363, 366
 Хвостов А. С. 277, 358, 372, 394, 395
 Хвостов Д. И. 12, 14, 357, 358, 410, 414, 415, 440, 443, 446
 Хемницер И. И. 9, 269, 317, 320, 323, 343, 349, 357, 358, 363, 367
 Херасков М. М. 4, 7, 9, 10, 18, 28, 135, 212, 270, 272, 277, 296—298, 303, 308, 310, 311, 323, 329, 330, 331, 336, 357, 359, 362, 367, 369, 371, 372, 375, 378, 379, 382, 440—441
 Херасков П. М. 273, 368
 Хераскова Е. В. 297, 372, 441
 Хмельницкий Б. 447
 Хованский, кн. 190
 Хорват, полковник 336
 Хотинский Н. К. 229, 231, 235, 236, 237, 241
 Хотяинцев С. А. 264, 266, 310, 314, 350, 365
 Храповицкая М. В. см. Сушкова М. В.
 Храповицкий А. В. 297, 315, 358, 372
 Храповицкий М. В. 364
 Хрущев Н. И. 405—409
 Хрущев П. В. 407, 409
 Хрущева А. И. 409
- Цейтлин А. Г. 450
 Целларий К. 304, 373
 Циклер И. Е. см. Цыклер И. Е.
 Цицерон 374
 Цыганов, крепостной 221
 Цыклер И. Е., полковник 218
 Цявловский М. А. 457
- Чаадаев В. И. 279, 284, 301, 370
 Чаадаев И. П. 314, 333, 370
 Чаадаев И. И. 279, 284, 301, 370
 Чаадаев Ф. П. 372
 Чаадаевы 339, 352
 Чайнова О. Э. 189, 207
 Чеботарев Х. А. 382, 387
 Чемесов Е. П. 201, 365
 Чемоданов, сержант Измайловского полка 336
 Черевин П. И. 345, 347, 376
 Черкасов П. И. 219
 Черкасова Е. Н. см. Жеребцова Е. Н.

- Чернецов Г. Г. 458
 Черникова П. П. 370
 Чернышев И. Г. 77—79, 190, 210, 290
 Чернышев П. Г. 226, 228, 229, 231, 232, 241
 Чернышевский Н. Г. 19, 20
 Чертков А. Д. 354
 Чехов А. П. 3
 Чинти Дж. 207, 209
 Чичерин Н. И. 126, 170, 209, 220
 Чонжин Т. И. 270, 284, 367
 Чудт Т.-Г. 86, 192
 Чулицкий В. М. 438, 440, 458
 Чулков В. И. 77, 81, 83, 101, 190, 198
 Чулков М. Д. 110, 202
 Чулков Н. П. 450
- Шагаров И. П.** 298, 372
Шаликов П. И. 440—441, 453—456
Шапш д'Отрош Ж., аббат 208
Шарапов В. 226, 229, 231, 233, 234, 241
Шварц Н. И. 406, 409
Шевырев С. П. 191, 444
Шекспир В. 133
Шемякин Иван, слуга 180
Шепырев Е. Я. 199
Шепырев Петр, помещик 105, 199
Шетарди Ж.-И.-Т. 49, 50, 62, 64
Шильдер Н. К. 255, 445
Шипов М. И. 266, 292, 366
Ширяев А. С. 430
Шитик, знакомый М. Н. Муравьева 350, 351
Шипкин Александр 195
Шипкин А. Г. 195
Шипкин Я. В. 195
Шипкин, воевода в Ржеве 350
Шипкин, президент Штатс-конторы 93
Шипков А. С. 414, 421, 425, 430, 439, 448, 450, 452, 454
Школярый (Школарий) см. Сколари И.
Штелин Я. Я. 62, 66, 87, 88, 192, 248, 256, 257, 364
Штрубе де Пирмон Ф.-Г. 53, 65, 66
Штриттер К. 364
- Штриттер Н. С.** 364
Шубянский, городничий в Красном Холме 342
Шувалов А. И. 134, 211
Шувалов А. П. 127, 134, 138, 210, 211
Шувалов И. И. 6, 10, 24, 29, 33, 36, 70—84, 86—92, 99—101, 103, 117, 174, 187, 188, 190—197, 211, 212, 216, 276, 297, 311, 369, 380, 383, 387
Шувалов П. И. 134, 195, 211
Шувалова М. Е. 134, 211
Шумахер И.-Д. 6, 44—47, 53, 62, 63., 65, 66, 69, 187
Шумский Я. Д. 125, 126, 209
- Шербатов М. М.** 145, 206, 214, 268., 295, 356, 366
Шербачев Н. Л. 255
Щербина Н. Ф. 201
- Эйлер Л.** 283, 288, 300, 371, 372
Экк М. М. 214
Эликот, часовой мастер 178
Эмин Н. Ф. 12, 14, 394—395
Эмин Ф. А. 184, 395
- Ювенал** 19, 107
Юнг Э. 403
Юсупов Б. Н. 395
Юсупова, кн. 270
Юшков И. И. 89, 193, 194
Юшкова М. И. 193
- Ягужинский, гр.** 189
Языков Д. Д. 182
Яковлев М. П. 264, 365
Яковлева О. П. 278, 289, 290, 365.
Янсений Корнелий 228, 241
Янчук Н. А. 220
Яцимпрский Т. Ф. 217
- Fouché J.** 451
Laing M. 404
Mooser R. A. 189, 207
Pascal B. 432
Quérard J. M. 455
Smidt R. 427

СОДЕРЖАНИЕ

Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс.	
<i>Г. П. Макогоненко</i>	3
От редактора	42

ПИСЬМА

В. К. Тредиаковский. Публикация <i>А. Б. Шишкина</i>	44
А. П. Сумароков. Публикация <i>В. П. Степанова</i>	68
Ф. В. Каржавин. Публикация <i>С. Р. Долговой</i>	224
И. Ф. Богданович. Публикация <i>М. А. Арзумановой, И. Ф. Маргынова и Н. Д. Кочетковой</i>	242
М. Н. Муравьев. Публикация <i>Л. И. Кулаковой</i> и <i>В. А. Западова</i>	259
П. И. Фонвизин. Публикация <i>Н. Д. Кочетковой</i>	378
С. Г. Домашнев. Публикация <i>В. А. Западова</i>	386
Н. А. Львов. Публикация <i>Е. Н. Кононко</i>	388
Н. Ф. Эмин. Публикация <i>Е. С. Степанюк</i>	394
Г. Р. Державин. Публикация <i>М. А. Арзумановой</i>	396
С. С. Бобров. Публикация <i>И. Ф. Маргынова</i>	400
Н. И. Новиков. Публикация <i>Г. Н. Моисеевой</i>	405
Н. П. Николев. Публикация <i>И. Ф. Маргынова</i>	410
И. И. Дмитриев. Публикация <i>В. Э. Вацуро</i>	416
Список сокращений	459
Указатель имен	460

ПИСЬМА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
АН СССР*

Редактор издательства *Е. А. Смирнова*. Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*

Корректоры *А. А. Гинзбург, Н. И. Журавлева, Г. В. Семерикова и Т. Г. Эдельман*

ИБ № 8654

Сдано в набор 20.09.79. Подписано к печати 14.03.80. М-36575. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 29¹/₂ = 29,5
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 34,56. Тираж 16750. Изд. № 7223. Тип. зак. 734. Цена 2 р. 40 к.

* Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

«Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
[199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12